АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ
ГИПЕРСЕТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Любите погружаться в виртуальную реальность? А хотите… по-настоящему? Майор Бекасов, сотрудник специального отдела контрразведки ФСБ, поневоле втягивается в противостояние с теми, кто нашу реальность превращает в «увлекательную компьютерную игру», больше напоминающую жесткую контртеррористическую операцию. Причем в роли «террористов» оказываются сам Бекасов и его друг, талантливый изобретатель Рудницкий, слишком близко подошедшие к осознанию истинных целей влиятельных геймеров, рвущихся к абсолютной власти. Ведь в Гиперсети Мироздания социум Земли — всего лишь один из уровней, и далеко не высшей иерархии, а люди — программы, «тени» ее Создателя. Если они выходят из повиновения, проявляя свободу воли, естественный шаг вышестоящих контролирующих служб — корректировка или устранение… Дилогия «Гипересеть» («Криптозой») в одном томе.

- Василий Головачёв
  -
  - Савва и ангелы
    -
    - Глава 1. Интродукция
    - Глава 2. Охота за нефтяниками
    - Глава 3. Игры ангелов
    - Глава 4. Заботы людей
    - Глава 5. Две стратегии
    - Глава 6. Сюрприз
    - Глава 7. С небес на грешную землю
    - Глава 8. Продолжение банкета
    - Глава 9. Покой нам только снится
    - Глава 10. Золотое правило: молчи!
    - Глава 11. Сингапур навылет
    - Глава 12. Кофейный экстрим
    - Глава 13. Чем чёрт не шутит
    - Глава 14. Усиление ПСП
    - Глава 15. Ангелы-соперники
    - Глава 16. Урок выживания
    - Глава 17. Война с самим собой
    - Глава 18. Предел допустимой обороны
    - Глава 19. Алгоритмы смерти
    - Глава 20. Вихри враждебные веют над нами
    - Глава 21. Дуракам закон не писан

        - Глава 22. Снос СНОС
        - Глава 23. У человека жизнь одна
        - Глава 24. Тьмутаракань
        - Глава 25. Меж ангелом и зверем
        - Глава 26. Не убоюсь я зла
    - Криптозой
        - Интерлюдия
        - Глава 1. Встреча на мосту
        - Глава 2. Такие вот дела
        - Глава 3. Пришествие необъяснимого
        - Глава 4. Зимние мухи
        - Глава 5. ПСП
        - Глава 6. Прорыв за пределы
        - Глава 7. Выход в бездну
        - Глава 8. Куда это мы так спешим?
        - Глава 9. Через границу и обратно
        - Глава 10. Из огня да в полымя
        - Глава 11. Два директора
        - Глава 12. Эх, капитан!
        - Глава 13. Очередное освобождение лавра
        - Глава 14. Утрата невосполнима
        - Глава 15. Прорыв границы
        - Глава 16. Вид с высоты
        - Глава 17. Всевидящее око
        - Глава 18. Ангел спасения
        - Глава 19. Джокер-фантом
        - Глава 20. Трёхмерное время
        - Глава 21. Поиски наугад
        - Глава 22. Ограничение
        - Глава 23. Рай
        - Глава 24. Петров и компания
        - Глава 25. Рубеж
        - Глава 26. Абсолют-центр
        - Глава 27. Трагизм неразгаданной цели
        - Глава 28. Запрещённая реальность
        - Глава 29. Душа творца знает
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Василий Головачёв
ГИПЕРСЕТЬ

© Головачёв В. В., 2018
© Оформление ООО «Издательство „Э“», 2018

* * *

Савва и ангелы

И если у Вселенной благая цель, почему в ней кроется подобное безумие?

Тим Леббон. «Многоликий ужас»

Но в мире присутствовала и другая воля, которой я не видел, и исходила она не от людей.

В. Пелевин. «Любовь к трём цукербринам»

Но бог, когда он покровительствует королям, пользуется людьми для исполнения своих намерений.

А. Дюма. «Десять лет спустя»

Глава 1. Интродукция

Ицах отодвинулся назад и вниз, покрываясь туманной вуалью. Стало видно, что он располагается на колоссальной, прозрачно-голубой, вспыхивающей опаловыми искрами сфере. Примерно так бы выглядел земной остров посреди океана, будь сама Земля сплошной водяной каплей. Кое-где на дымчато-размытой поверхности сферы виднелись сложнейшие материальные образования, состоящие из пересечений разных геометрических форм, и громадные горные массивы неопределённых очертаний.

На горизонте сферы, называемой Метцах, появился серебристо-чёрный паучок, превратился в сверкающую драгоценными камнями многолучевую «морскую звезду».

Гость, наблюдавший трансформацию пейзажа, сосредоточился на «звезде» и оказался внутри неё. Это был замок Независимого Оператора метареальностей по имени Диаблинга, пригласившего в гости коллегу по иезоду контроля Гиперсети по имени Ювинга. Оба исполняли обязанности контролёров одного из уровней Гиперсети, хотя давно догадались, что являются «живыми» программами, подчинёнными замыслу Создателя, но приняли условия Игры и с удовольствием корректировали метажизнь реальностей нижних уровней, образующих систему инвариантов сущего. На их деятельность было наложено ограничение в виде префактического принципа обратной связи, что делало их зависимыми от воли Господина, называемого Выразителем Несогласия с Первозамыслом, но они были вполне самостоятельны в вопросах решения судеб нижних слоёв Гиперсети и довольствовались этим.

Разумеется, Ювингу ждали, иначе защитные системы замка Диаблинги не пропустили бы гостя, несмотря на его статус. Поэтому вышел он из «струны» виртуального движения непосредственно в главном гостевом зале замка, своеобразной гостиной, существующей одновременно в разных пространственных измерениях Метцаха. Эта гостиная служила также и модулем иезода, откуда оператор Диаблинга забавлялся тем, что «гонял» по границам метареальности ниже уровнем операторов этой реальности, заставляя их устранять возникающие спонтанно дисгармонии, бифуркации, неустойчивости и волеизъявления психики существ, обитающих в метареальности.

Гость с любопытством осмотрел гостиную, которая в настоящий момент представляла собой великолепный каньон, по дну которого извивалась голубая лента реки. Солнце стояло

достаточно высоко, и величественные слоистые стены каньона были видны на всю его глубину, до галечных речных берегов.

С одного из склонов каньона посыпался на дно поток камней, порождая дробное гулкое эхо.

Кто-то засмеялся.

Ювинга оглянулся.

На соседней скале стоял хозяин замка, похожий на ожившую металлическую статую, и смотрел на гостя. Оба они — с виду люди с текучей — в пределах формы человеческого тела — наружностью, были похожи друг на друга впечатляющей мускулатурой и классическими, геометрически правильными абрисами лиц, но если Диаблинга не имел волос на лобастой голове и предпочитал коричнево-чёрную гамму внешней одежды, по сути — лучистой энергетической субстанции, то на голове Ювинги красовалась замысловатая причёска из серебристых волос, и он больше тяготел к золотисто-оранжево-красной цветовой гамме.

— Земля? — повёл подбородком гость на склоны каньона.

— Шестая метареальность, — кивнул Диаблинга.

Разговаривали они мысленно, хотя генерируемые ими мыслеформы звучали в сфере мыслеобмена как произнесённые вслух.

Каньон исчез. Зал гостиной замкнулся гнутыми, ребристыми, ажурными стенами, купол потолка засветился опаловым свечением, посреди зала соткалась из воздуха необычной формы конструкция — кожистое яйцо, обвитое спиралями выпуклых геометрических узоров и лепестков с нишами. Это была проекция иезода контроля, хотя сам иезод находился в миллионах лиг отсюда, на поверхности мира Ювинги — Ицаха.

Вокруг яйца одно за другим выскочили из пятнистого, зелёного с чёрным, пола кресла, столик из прозрачного материала, напоминающего искрящийся хрусталь, на столик опустилось блюдо с напитками и фруктами, многие из которых напоминали земные.

— Присядем, — пригласил гостя хозяин.

Кресла скользнули к ним, бережно приняли седоков.

Ювинга налил себе в кристаллический бокал фантоника: сосуд наполнился фиолетовой искрящейся пеной. Диаблинга предпочёл тёмно-рубиновый слэш, вскипающий дымными фонтанчиками.

— Слушаю тебя, брат, — сказал гость, поднимая бокал. — Надеюсь, ты оторвал меня от важных дел не ради философской беседы о смысле жизни?

— Смысл жизни мне недоступен, — усмехнулся Диаблинга,

пригубливая свой напиток и цокая языком. — Превосходный вкус! Хотя и смысл смерти мне не понятен в абсолюте. Наш Создатель явно сам не знал, что такое смерть — наказание, возмездие или награда. Как ты думаешь, он карает нас или добивается справедливости? В то время как мы служим Его замыслу верой и правдой.

— Нас карают только те боги, которым мы поклоняемся.

— Но ведь кара и награда — не одно и то же?

— Всё в мире относительно, — пожал плечами Ювинга, — смерть в том числе. Но я просил бы перейти к делу, у меня действительно мало времени.

— У кого его много? Разве что у Вечности. Но ты прав, нет смысла философствовать накануне очередной бифуркации в Гиперсети. А она грядёт.

Ювинга тоже сделал глоток. Во рту зашипело, струя щекотливого сотрясения пронзила пищевод, разбрызгивая нашатырную свежесть со вкусом ягод таманика по всем сосудам. Захотелось бросить вызов кому-нибудь, и в особенности — Господину, опиравшемуся больше не на разум и знания, а на страсти и эмоции. Но Ювинга сдержал порыв, хотя подумал, что когда-нибудь он не устоит перед соблазном восстать.

— Есть предпосылки?

— Я их вижу.

— Уровень?

— Шестой, Метагалактика в периоде интенсивного аллогенеза, жёлтая звезда Солнце в периоде обслуживания социума на планете Земля. Ты давно туда не заглядывал?

— Два сезона точно.

— Обрати внимание. Социум кипит, войны сотрясают не только пространство, но и психику, коллективное бессознательное разрывается на фрагменты, что усугубляет процесс сильнейшей стагнации исторической памяти. Но меня больше интересует самое большое государство Земли — Россия.

— Чем же?

— Русский этнос больше всех настроен на создание сильных операторов, Персон Воли и Фигур Влияния, и есть признаки того, что такой оператор вот-вот появится.

— Почему это тебя взволновало?

— Не то чтобы уж, но игровая программа любого уровня не должна бунтовать, исполняя команды оператора высшего уровня, в данном случае — моего ставленника.

— Для тебя это проблема?

— Ты же знаешь моё отношение к проблемам.

— Если проблему можно разрешить, не стоит о ней

беспокоиться, так?

— Если она неразрешима, беспокоиться о ней бессмысленно. — Диаблинга сделал большой глоток, зажмурился, передёрнул плечами. — Пробивает насквозь, однако… Короче, я подумываю об активации СККО[1] и спуске программы в нижние уровни Сети.

— Разве ты её не запустил? — с недоверием поднял бровь Ювинга.

— Я запустил ПСП[2]. Но ты же знаешь, игровую зону Земли корректируют операторы пятого уровня, а у них возник спор. Один стоит за слабый императив, оставляющий шанс естественному развитию событий, второй за более жёсткий вариант.

— Насколько мне известно, ПСП на земном уровне уже работает. Медицина, культура, язык — упрощаются, ТВ, Интернет, гаджет-технологии — усложняются, что способствует контролю. Чего ты хочешь ещё?

— Ускорить процесс развития человечества. Лучшие умы, к счастью, не дотягивающие до уровня Фигур Влияния, уже создали своё игровое пространство — Интернет, слабенькое подобие наших игровых пространств, на очереди нанотехнологии, которые открывают возможность селективно воздействовать на определённые этнические группы, климатическое оружие, геофизическое воздействие, но этого мало, нужен толчок, который ускорил бы прогресс, — Диаблинга допил слэш, глаза его почернели, — а вместе с ним и завершил бы процесс глобального управления цивилизацией.

— Как ты собираешься это сделать?

— Скину оператору земного иезода корректирующую программу, начну с ликвидации зависимости человечества от природных ресурсов — нефти, газа, каменного угля. Пора переводить энергетику на уровень термояда. Жаль, что мы не можем вмешаться в жизнь нижних слоёв Сети персонально и вынуждены корректировать реальность с помощью подконтрольных систем — вещей, самих людей, технологий, социальных революций. А так было бы славно — спуститься вниз и навести порядок! Нет же, и над нами, как дамоклов меч, висит Искон!

— Протокол ограничений создан не нами.

— Абсолютно ненужная вещь!

— Иначе мы наломали бы дров, — покачал головой Ювинга.

— С благими намерениями? — надменно выпрямился Диаблинга.

— Ты забыл, чем устлана дорога в ад?

— Эта формулировка не для нас.

— Для всех живущих. Прими дружеский совет: проконсультируйся с тем, кто стоит над нами. Я чувствую дискомфорт в ситуации, но не понимаю, насколько велика угроза коррекции. Кто из операторов земной метареальности жаждет ускорить процесс? Самсунг или Амазон?

— Первый. — Диаблинга скривил губы. — Само Совершенство… как он себя величает. — Оператор Метцаха медленно выдохнул, глаза его начали светиться. — Впрочем, второй недалеко ушёл, называя себя Архангелом, целуй его душу!

Ювинга улыбнулся.

— Знали бы они, на каком уровне обитают Ангелы. У твоего Совершенства есть игровой оператор?

— Конечно, есть, полковник Петров, Главное управление МВД России. Самсунг трусоват, несмотря на жёсткую риторику, в земную зону не полезет, спустит матрицу ПСП. Уже спустил.

— Я плохо знаю особенности земной игровой зоны, однако… не торопишься ли ты?

— Возможно, я и в самом деле перегибаю палку, как выражаются русские на Земле, но уверен, что оценил ситуацию верно. Мне не нужна Фигура Влияния в России, способная изменить всю игровую конфигурацию их уровня.

— Насколько мне известно, гиперслой Земли был создан как испытательный полигон именно для исследования вариантов взаимодействия волевых операторов. Почему ты опасаешься появления ещё одного?

— Волевых операторов там достаточно: политиков, бандитов, террористов, убийц, — но все они легко поддаются контролю и манипулированию, а Персона Воли с экстравозможностями вряд ли потерпит контроль.

Ювинга допил тоник, не меняя выражения лица.

— Тебе говорили, что ты — копия Господина?

— В каком смысле? — Диаблинга пришёл в себя, хотя глаза оператора ещё продолжали шататься.

— Он тоже не терпит Персон Воли, не поддающихся контролю. Возможно, именно поэтому люди Земли называют его дьяволом.

Диаблинга пренебрежительно покачал пальцем.

— Оценки подпрограмм меня не волнуют. Хотя хочется услышать совет друга: какую дополнительную ПСП спустить в иезод земного контроля? Мягкую или жёсткую? Нейтрализовать угрозу волевой опухоли или посмотреть, что сделает Самсунг?

Ювинга положил в рот ломтик хамсы.

— Я не люблю давать советы, брат. У тех, кто им следует,

появляется возможность обвинить дающего в ошибке. Я уже дал совет — найди консультанта поопытней. Но на твоём месте я бы не торопился с коррекцией земной реальности. Во всяком случае — до появления Фигуры Влияния.

— Будет поздно.

— Не знаю. Дай свободу Самсунгу, он ответит за всё.

Диаблинга рывком поднялся — текучий жидкий металл внутри фигуры человека, исчез и появился через несколько мгновений, уже определённой формы, с лицом телесного цвета и проваливающимися «внутрь себя» глазами. Но стыла в них не обида или неприязненное высокомерие, а задумчивость.

— Благодарю за советы, брат.

Зал приёма гостей снова превратился в каньон, уходивший, казалось, в бесконечность. Над ним пролетела птица, почти не шевеля роскошными огромными крыльями. С небес донёсся орлиный клёкот.

Ювинга встал, дружески протянул руку коллеге, кинул взгляд на птицу и усилием мысли воспарил над скалами, вылетел за пределы гостиной. Ещё раз, более внимательно, оглядел фрактально-безукоризненную «медузу» владений Диаблинги. Однако на этот раз она показалась ему мрачновато-зловещей, источающей флюиды угрозы и недовольства. Впечатление было такое, будто в замок вселилась некая сущность, которой не нравилась нерешительность хозяина, ищущего оправдания своей активности в нижних слоях Гиперсети. И, возможно, это было следствие посещения Метцаха самим Господином, остро реагирующим на поведение созданных им подпрограмм — живых обитателей метареальностей.

Вокруг тела Ювинги соткалось полупрозрачное облако несущего модуля, замок Диаблинги отодвинулся, превратился в паучка на безмерной сфере Метцаха. Затем сфера иной реальности, в которой источником энергии являлся процесс инфляционного расширения времени, повернулась и прыгнула навстречу, всасывая в себя модуль с пассажиром, и Ювинга оказался над немыслимо сложным городом со множеством вычурных башен. Это было место обитания Ювинги, живущего в реальности гораздо более высокого порядка, нежели земная метареальность, хотя и его вселенная не была абсолютно независимой, представляя собой один из слоёв Гиперсети.

Сосредоточившись на цели перехода, он заставил модуль двигаться быстрее и в состоянии «луча света» пересёк Ицах, пока не вонзился в свой замок, не менее совершенный и красивый, чем «медуза» Диаблинги.

Зал для приёма гостей был наполнен полутьмой и

невидимым кипением тонких энергий, создающих впечатление таинственного многомерного бытия, доступного лишь существам с таким же многомерным восприятием. Под давлением мысли хозяина это невидимое нечто всколыхнулось и породило сияющую даль, почти мгновенно распавшуюся на удивительный мирный ландшафт: зелёные кущи, цветущие луга, величественные реки, цепи гор с белыми сверкающими вершинами, синее небо и две округлых глыбы в его глубине — спутники планеты, давшей материнскую — первородную матрицу для программирования Гиперсети.

Над зелёным ковром лесов возник невесомый золотистый мост, уходящий на горизонте в небесные пространства. По нему мчались странные экипажи наподобие того, что принёс Ювингу к дому, хотя пассажиров внутри полупрозрачных стремительных капсул видно не было.

Ювинга, склонив голову к плечу, полюбовался пейзажем, движением бровей убрал его, возвращая залу прежний вид, и подошёл к опрокинутой ажурной чаше, внутри которой тлел клочок тумана; это была проекция кокона иезода контроля, отличавшаяся от той, что стояла в гостиной Диаблинги, только формой. Оба могли оперировать программами подконтрольных уровней Сети, не перемещаясь в операционную зону самого иезода, называемую Всевидящим Оком.

«Откройся!» — мысленно приказал Ювинга.

Светящийся клуб тумана в коконе проекции вскипел, за несколько мгновений соткал из ничего трон контроля, и Ювинга занял его, привычно терпя прикосновения эффекторов, одевающих тело и голову в гиперслой игровой консоли. Ювинга почувствовал себя впаянным, как пчела в янтарь, в сферу непреодолимой силы, способной творить чудеса.

Кольцо тумана перед ним превратилось в разворачивающийся тоннель, в который он выпал вместе с троном управления, и спустя мгновение оператор вылетел из тоннеля в бесконечное пространство, пронизанное красивой светящейся вуалью. Это была сетчато-волокнистая структура Метавселенной, давшей приют цивилизации шестого уровня — человеческой, обитавшей на планете Земля.

Мысль Ювинги оживила Метавселенную, по сути представлявшую собой виртуальную игровую реальность Гиперсети. Спирали и волокна гигантской системы, состоящие из галактик и звёзд, поплыли навстречу. Одна из них заняла всю видимую полусферу перед глазами оператора, начала увеличиваться, распадаться на скопления галактик, пока не осталась одна галактика — Млечный Путь, названная так

людьми, обитателями планеты, двигающейся по орбите вокруг жёлтой Звезды — Солнца.

Вид галактики подействовал на Ювингу завораживающе. Большим эстетом он себя не считал, но потратил не одну минуту на чуть ли не мистически-восторженное созерцание многорукавной звёздной системы, подумав, что Создатель Гиперсети всё же обладал талантом художника, создав такие совершенные с эстетической точки зрения объекты.

Галактика помчалась навстречу, распадаясь на звёзды, пока перед взором оператора не возникла звезда, вокруг которой поплыли шарики планет и хвосты астероидов. Ювинга нашёл Землю, «прыгнул» к ней, привычно развернул планету в «бабочку», одно крыло которой представляло поверхность Земли со всеми материками и океанами, второе — развёртку внутреннего строения планеты.

Первое крыло ринулось навстречу, расползаясь пятнами зелени, морской сини и коричневых горных цепей.

Ювинга окинул взглядом застывшие в воздухе самолёты, остановившиеся потоки машин на дорогах и улицах городов, толпы пешеходов. Так выглядело игровое пространство метареальности, поддерживаемое базовой программой развития Гиперсети. Ювинга находился вне этого пространства и не зависел от него, поэтому мог свободно останавливать время Земли — всю программу — и вообще выключать терминал управления. Хотя жители Земли эти остановки не ощущали, подчиняясь законам метареальности. Лишь редкие личности с большим метафизическим потенциалом осознавали своё положение и могли вмешиваться в программу — те, кого Диаблинга называл Персонами Воли и Фигурами Влияния. Тогда возникали локальные трансфузии — разрывы реальности, которые надо было «сшивать», чтобы уровень Сети не разрушался полностью. И занимались этим Высшие Геймеры — одиннадцать сущностей в иезоде контроля, старшими среди которых были Диаблинга и Ювинга.

Поскольку он давно не интересовался программой шестого уровня, на изучение ситуации на Земле и, в частности, в России пришлось потратить какое-то время.

Ювинга пропустил через сознание поток информации, сосредоточился на выявленных фигурах роста, способных преодолеть программный барьер, задумчиво пролистал их персональные характеристики.

Таких людей было немного, всего пять, причём во властных структурах России они не засветились, все занимали довольно скромные служебные должности в производственных центрах и

узлах обслуживания программы. Но потенциал их был велик.

Ювинга пробежался по другим континентам Земли, отмечая «пси-опухоли» критических отклонений, и спустился в иезод пятого уровня, операторы которого непосредственно вели программу шестого слоя — вместе с Землёй.

В коконе управления иезода сидели три оператора.

Ювинга выбрал того, чьё имя звучало как Амазон — Арбитр-Мажор Зоны, хотя отзывался он и на короткое Архангел, несмотря на столь многозначительный псевдоним. Вряд ли Архангел понимал, что он тоже контролируется операторами выше уровнем, зато вполне мог вмешиваться в игровую программу, создающую Вселенную людей.

Внедрившись в его психику, Ювинга полистал «файлы» памяти оператора, занятые информацией о поддержке пассионарности России, поразмышлял над его планами и решил слегка подкорректировать их. Захотелось подтолкнуть несколько «пси-опухолей» русского этноса к самореализации, они вполне были готовы подняться выше своего уровня и стать Фигурами Влияния. Личностные параметры некоторых подпрограмм «светились» в диапазоне «божественных заповедей» и выглядели симпатично. Ювинга не прочь сам был бы иметь таких друзей.

Решено, подумал он, мимолётно представив озабоченную физиономию Диаблинги и улыбнувшись, посмотрим, что получится…

Глава 2. Охота за нефтяниками

Артём Клементьевич Голубенский любил отдыхать в компании с приятелями, среди которых были как работники Администрации президента, так и высокопоставленные чиновники, губернаторы и мэры многих городов России. В том числе — мэр Норильска, сорокачетырёхлетний Борис Ханюкович, с которым Голубенского связывали общие интересы, а именно — разработка нефтяных месторождений на Крайнем Севере.

Голубенский, владелец компании «Севернефть», вкладывал в это дело немалые деньги. Ханюкович помогал ему чем мог. Особенно — в сфере строительства «вспомогательных объектов дохода», то есть разрешал заниматься ещё и игорным бизнесом. Голубенский же поддерживал мэра во всех общественных начинаниях и помог Борису Дмитриевичу выиграть выборы.

Конечно, Голубенский предпочитал отдыхать за границей, имея коттеджи и фазенды в разных уголках мира, а также яхты и самолёты. Но и в родном Норильске он чувствовал себя комфортно, ибо отдых его был недоступен рядовым гражданам города. Во всяком случае, летняя резиденция Артёма Клементьевича «Крутая балка», расположенная всего в пятнадцати километрах от Норильска, на берегу небольшой речушки, впадающей в озеро Пясино, мало чем отличалась от президентской дачи «Бочаров ручей». Она имела всё, что нужно было человеку для VIP-отдыха, в том числе великолепный бассейн-пруд с подогреваемой водой, тренажёрный зал, комнаты отдыха, зал для приёма гостей, бильярдную, преферансную и множество подсобных помещений.

Тринадцатого июля, в пятницу (это число берём за точку отсчета), Голубенский отправился в свою резиденцию раньше обычного — сразу после обеда.

Во-первых, у него была запланирована там встреча с губернатором края и с важным китайским чиновником, который уже уговорил губернатора отдать в аренду часть норильской земли и теперь жаждал уговорить владельца «Севернефти» принять в альянс по разработке нового нефтяного пласта китайских бизнесменов.

Во-вторых, надо было отойти от вчерашнего отдыха в кругу друзей: Артём Клементьевич был приглашён на день рождения к известному бизнесмену и меценату Весельману, и торжество для него закончилось в пять часов утра. Со всеми вытекающими. Пришлось даже прибегать к услугам личного доктора.

В-третьих, в резиденции Голубенского ждала одна молодая

особа, недавно выигравшая конкурс «Мисс Норильск». Естественно, это обстоятельство весьма подогревало интерес Голубенского к жизни вообще и к даче «Крутая балка» в частности.

В половине пятого Артём Клементьевич был уже в резиденции. Встретился с Ларисой — так звали «мисс Норильск», с удовольствием выпил вина и кофе. Дождался гостей и пригласил их в сауну. После чего настал черёд купания в бассейне.

Природа вокруг была потрясающе красива, светило солнце, температура воздуха поднялась до двадцати четырёх градусов по Цельсию, но воду в бассейне всё же пришлось подогревать. И никто не заметил, что к нему в густой траве тянутся зелёные проводки, исчезающие под плитами бортика. В самом бассейне эти проводки были оголены.

Особенно суетился вокруг хозяина дачи его телохранитель, бывший сотрудник спецназа МВД, капитан в отставке Вениамин Глыбов по кличке Глыба. Он несколько раз проверял температуру воды в бассейне и даже предупредил Артёма Клементьевича, что надо бы подождать, пока она согреется. Но Голубенский, уже хвативший коньячку, предупреждению не внял и полез в воду, демонстрируя неплохую фигуру: всё же он не зря занимался фитнесом и поигрывал в теннис.

Вслед за ним рискнул прыгнуть в бассейн и приезжий китайский чиновник по имени Лю Чжао. Алкоголь он не употреблял, но очень хотел показать свою готовность следовать за владельцем «Севернефти», куда бы тот ни направлялся.

Все гости с интересом смотрели на это шоу, не обращая внимания на Глыбу. Телохранитель же сделал кому-то какой-то знак и стал демонстративно раздеваться у бассейна, якобы собираясь последовать за хозяином.

Голубенский театрально взмахнул руками, нырнул, с шумом вынырнул, поплыл кролем. И в этот момент что-то произошло.

Ойкнул Лю Чжао, завертелся юлой на воде, пытаясь вытолкнуть застрявший в лёгких воздух.

Судорожно дёрнулся под водой Артём Клементьевич, сделал несколько странных движений и… стал погружаться в воду, безвольно обмякнув, раскинув руки и опустив голову.

— Что случилось? — удивлённо посмотрел на свиту обнажившийся до плавок мэр.

Глыба шагнул на бортик и по его ноге скользнула голубая электрическая змейка. Он заорал, подпрыгнул, упал на плитки, свалился с них на землю.

— Назад! — рявкнул губернатор, запоздало сообразив, что

происходит.

Гости шарахнулись прочь.

Электрические искры веером разлетелись по стенкам бассейна и погасли.

На дно его опустились два тела — Голубенского и Лю Чжао. Их убил мощный разряд электротока, прошедший через воду.

Спасти обоих не удалось.

* * *

Эти буровые вышки, выросшие на восточном берегу Обской губы, недалеко от посёлка Новый Порт, можно было по праву назвать вершиной инженерной мысли. Они были разработаны русскими инженерами, и в их конструкции учитывались новейшие достижения науки и техники. Выглядели они потрясающе — как скелеты механических динозавров или как десантные корабли пришельцев, замысливших покорение Сибири.

Запуск новой нефтедобывающей станции состоялся четырнадцатого июля. Естественно, на это мероприятие слетелись и съехались десятки должностных лиц, отвечающих за развитие нефтегазовой промышленности России, в том числе — первый вице-премьер, отвечающий за нацпроекты. Вместе с ним смотрел за фонтаном «чёрного золота» и владелец нефтяной компании «Ямалнефть» Вячеслав Феллер, которому принадлежала идея разработки нефтяных залежей на Ямале.

Пуск буровых прошёл гладко, без происшествий. Гости измазали ладони в нефти, выпили шампанского и разбрелись по вертолётам, которые унесли их к аэропортам близлежащих городов. На станции остались лишь сам владелец компании и руководство нефтедобывающего комплекса, плюс специалисты-нефтяники, продолжавшие наладку оборудования.

Ждали компаньона господина Феллера, немецкого бизнесмена Ганса Эшке, который хотел лично удостовериться в запуске одной из самых крупных в регионе нефтедобывающих скважин.

Вячеслав Феллер, в прошлом — комсомольский работник, не любил одиночества, и его везде сопровождала свита, состоящая из охранников и каких-то молодых людей. Поговаривали, что это «бойфренды» Феллера, однако точно никто ничего не знал, и слухи оставались слухами.

После плотного обеда владелец «Ямалнефти» решил прогуляться по живописным окрестностям месторождения, благо погода благоприятствовала замыслу, переоделся в технологичный

и удобный комбинезон «Нейчетур» немецкого производства для туристических походов по северным краям, подаренный ему компаньоном, и отправился к вышкам. Сопровождали его на этот раз только два телохранителя, с которыми он практически никогда не разговаривал.

Вышки не имели стандартных «гусаков» — специальных механизмов для откачки нефти. Их заменяли особой конструкции гидравлические насосы, также выглядевшие футуристическими «ракетами» необычной формы.

Полюбовавшись на одну такую «ракету», Феллер побрёл к следующей, и в этот момент насос величиной с гигантский экскаватор бесшумно провалился в возникшую внезапно дыру. Лишь потом из глубин земли донёсся рыдающий стон, грохот, гул и лязг. Раздались крики испуганных людей. Кто-то включил сирену, и её тоскливый вопль вспугнул тучу птиц на побережье.

Дыра стремительно расширилась, захватывая почти всё пространство с вышками. Одна за другой вышки и насосы исчезли в бездне, образовавшейся так быстро, будто под землёй произошёл ядерный взрыв. Хотя никакого взрыва не было, ни ядерного, ни обычного. Полость, в которую провалилась вся нефтедобывающая платформа, образовалась абсолютно неожиданно для людей.

Феллер не успел отскочить в сторону, в отличие от своих более реактивных телохранителей. Его увлекла за собой стальная громадина насоса.

Через минуту всё закончилось.

Люди перестали кричать.

Из пяти вышек уцелела лишь одна. На месте остальных зиял заполненный дымом и пылью провал, в котором ещё какое-то время что-то покряхтывало и гремело. Вскоре он заполнился поднявшейся снизу нефтью.

И стало совсем тихо.

* * *

К началу двадцать первого века Аляска, проданная американцам царём Александром II за гроши и воспетая ещё Джеком Лондоном, мало чем изменилась в демографическом, культурном и социальном отношении. Разве что претерпела изменения инфраструктура западной оконечности Американского материка: появились новые посёлки, дороги, прибавилось нефтяных вышек, протянулись новые нитки трубопроводов. Одна из таких трасс, видимая даже из космоса, пересекла всю Аляску

до Порт-Кларенса, а её северный зигзаг прошёл всего в полукилометре от береговой линии моря Бофорта и достиг небольшого посёлка Уэлт-Шит, где совсем недавно выросла ещё одна нефтяная вышка.

Конечно, прокладывались трубопроводы в зоне вечной мерзлоты с соблюдением специальных технологий, на сваях с Т-образными вершинами. Эти сваи должны были предупредить разрушение трубопровода в случае сезонного таяния и появления плывунов. Такие случаи уже имели место в Канаде, на Крайнем Севере Америки пока ничего подобного не происходило, и тем не менее из соображений экологической безопасности нефтепроводы строились именно по такой схеме.

Однако четырнадцатого июля весь километровый участок нефтепровода от вышки в Уэлт-Шите внезапно стал погружаться в почву, будто она по какой-то причине превратилась в болотную жижу, и рабочие, обслуживающие вышку, едва успели убраться от места необычного катаклизма.

Всё произошло так быстро, тихо и буднично, что никто ничего не понял.

Не было ни взрыва, ни землетрясения, ни извержения грязевого вулкана. Просто сваи одна за другой начали тонуть в земле, а заодно с ними утонул и нефтепровод вместе с вышкой.

Через час странный котлован заполнился дымящейся нефтью.

Посёлок Уэлт-Шит перестал существовать.

Глава 3. Игры ангелов

Игра становилась всё интересней, и Архангел увлёкся доработкой игровой зоны, с удовольствием отвечая на маневры коллеги, которого все геймеры называли Самсунгом или — Само Совершенство, хотя он и наломал дров во время недавних коррекций земной метареальности, допустив несколько войн, едва не опустивших подконтрольное человечество в яму всеобщего вымирания.

Конечно, игровую зону под названием «метавселенная земного континуума» создавал не Архангел и его коллеги, проводившие в этой зоне — гигантском аккаунте, объединявшем миллионы компьютеров по «облачным» технологиям, — больше времени, чем в родной реальности. Эта реальность, будучи слоем Гиперсети, о чём геймеры, в том числе Архангел и Самсунг, не имели понятия, была примерно такого же порядка, что и «метавселенная игровой зоны», но с более сложной композицией базовых элементарных частиц. Это был мир иной мерности, больше трёх, но меньше четырёх, что сказывалось и на физической структуре Мироздания.

Если Вселенную человечества породил так называемый Большой Взрыв, после чего спустя тринадцать миллиардов лет образовалась сетчато-волокнистая структура, базой которой послужили звёздные скопления — галактики, то мир Архангела был рождён Большим Выдохом Бога, в результате чего вакуум вспенился и образовал волокнистую материальную структуру — Великий Мох, основой которой стала невообразимо сложная «пена» из материальных волокон, в пустотах между которыми — сапиенсы назвали их войдами, как и люди в своей метавселенной, — загорелись светила — энергосгустки, в которых время трансформировалось в пространство. Соотечественники Архангела именовали их светозарами, в отличие от людей, называвших свои энергоисточники звёздами. Космос для сапиенсов не был непреодолимым препятствием, так как в любой район Великого Мха можно было добраться вдоль волокон, абсолютно не похожих на планеты Солнечной системы. В пустоты — войды просто не было нужды выходить, хотя попытки такие были, и транспорт для преодоления гигантских «пустотных» расстояний уже существовал.

Родным Кустом Мха для Архангела был Царцах, или Царское Село, размеры которого соответствовали размерам Солнечной системы, и он ещё в молодости пересёк его из конца в конец, а иногда забирался и гораздо дальше, к другим войдам с другими

светозарами. Но странником по Мху не стал, предпочитая иные развлечения и объекты для изучения. Формально Царцахом, а можно сказать, и всем слоем метареальности управлял Сенат, и Архангел предпочёл быть избранным в его члены со всеми вытекающими отсюда полномочиями и привилегиями.

Вряд ли люди Земли, как называли действующие персоны-подпрограммы игры сапиенсы-геймеры, существа трёхмерного восприятия реальности, смогли бы ориентироваться в мире Архангела, несмотря на то что Создатель Гиперсети во всех её игровых зонах варьировал именно земные условия существования. Создавал он Сеть по образу и подобию Фундаментальной или материнской реальности, но её характеристики были очень близки к земным, потому что Безусловно Первый Творец именно земную реальность — легендарный «Рай» — и принял за образец чистоты и непорочности. Это уже потом геймеры, искажавшие условия-программу Сети, довели её до состояния клоаки — чудовищной «раковой опухоли», где было возможно любое проявление несогласия с Первозамыслом, отрицание всех норм общественного поведения, всех базовых «божественных» заповедей, любое антиморальное поведение.

Естественно, и жизнь сапиенсов, соотечественников Архангела, отличалась от жизни людей — обитателей Земли, воплотив принципы, в большей степени способствующие научно-техническому прогрессу, нежели морально-этическому совершенствованию. Десятки и сотни миллионов сапиенсов давно обжили почти все Кусты Мха вокруг Царцаха и занимались в основном поисками зрелищ и удовольствий, привыкнув пользоваться автоматизированной сферой обслуживания, достигшей высочайшего уровня, и теми, кто эту сферу конструировал, создавал и продвигал.

Творческим поиском занимались считаные единицы из десяти миллиардов обитателей Царцаха и юзеров, забавлявшихся играми в виртуальных вселенных, одной из которых и была метареальность Земли, жители которой практически ничем не отличались от соотечественников Архангела, имевших разве что больше возможностей для изменения своих тел, что зачастую доходило до абсурда, когда очередной «модный бодизайнер» на ежегодном конкурсе всепланетной бодидури показывал коллекцию монстров, имеющих разное количество и разную форму конечностей, голов и наростов.

Утром восьмого маргуста периода Недвижности, — центральный светозар системы не заходил три дня, оставаясь в локусе выбора конфигурации планет (соотечественники

Архангела принимали это положение светила естественным результатом действия законов физики, хотя на самом деле поддерживалась реальность манипуляциями игроков высшего уровня по сравнению с их реальностью), — Архангел вошёл в иезод контроля игровых полей в добром расположении духа. Он решил все свои личные проблемы, распределил шестерых детей по пансионатам, сменил подругу, наметил приобретение нового коттеджа в окрестностях ближайшей планеты с великолепным видом на вулкан и желал одного — осчастливить кого-нибудь из симпатичных ему людей на планете Земля.

Его встретили тишина и полумрак.

Все геймеры были на месте, и все торчали в игровом сервере, играя роль «высших сил», изменяющих те или иные состояния земного социума и вселенского пространства в зависимости от настроения каждого геймера.

Коконы управления, внутри которых, как семечки в тыкве, располагались операторы, играли огнями, пульсировали и звенели. Игра шла по-крупному, решалась судьба сразу четырёх военных конфликтов на Земле: в Сирии, Ираке, на севере Африки и в Украине. Операторы с упоением «двигали фигурами» по «доске истории», соревнуясь друг с другом в создании или нейтрализации критических ситуаций. Им было интересно, чем закончится очередное противостояние «сил несогласия» и «добрых намерений», которое в истории человечества всегда вызревало кровавым, провоцируя вмешательство главных контролёров — Архангела и Самсунга.

Архангел занял своё место, прокачал через сознание поток информации о состоянии дел на планете, внимательно изучил ситуацию с гибелью нефтяников.

Ситуация не понравилась. Пришла мысль подкорректировать её в позитивную сторону, причём так, чтобы об этом не догадались ни коллеги-геймеры, ни Само Совершенство.

Архангел составил план воздействия на ситуацию, подыскал в России несколько ярких индивидуальностей разного плана, подстроил их окружение и ввёл префактическое условие развития благодатного тренда, потенций которого хватало для роста волевой фигуры с высокими экстрасенсорными параметрами.

«С вами ваши боги!» — мысленно, с иронической усмешкой, проговорил Архангел, активируя программу изменения метаматериальности командой «Ввод».

Глава 4. Заботы людей

Телефон разрядился на слове «дело».

Савва Бекасов лениво надавил на зелёную кнопочку, посмотрел на экранчик мобильного, где высветилась надпись: «Батарея разряжена», — и снова закрыл глаза.

Он лежал в шезлонге, в тени беседки. Было жарко. Слабый ветерок изредка приносил прохладу и запахи цветущих трав. Жужжали пчёлы. Лежать было приятно, и ни о чём не хотелось думать. Бекасов имел полное право ни о чём не думать, потому что находился в законном отпуске, на даче под Волоколамском, и загорал здесь уже четвёртые сутки в блаженном расслаблении.

— Кто звонил? — долетел до него тихий голос жены.

Лень было отвечать, но он всё же нашёл силы буркнуть:

— Старшина.

— Чего он хотел?

— Не знаю. — Савва и вправду не успел выяснить, чего хотел полковник, но догадывался, что речь идёт о задании.

— Есть дело… — сказал полковник Иван Поликарпович Старшинин по кличке Старшина, и означать это могло только одно: отпуск кончился.

— Лиля, дай свой мобильник, мой гавкнулся.

Через минуту жена в одном купальнике, — в отличие от мужа она лежала под стеной коттеджа и загорала, — принесла телефон. Бекасов потыкал пальцем в кнопочки, набрал номер полковника:

— Иван Поликарпович? Что случилось?

— Ты где? — спросил Старшинин.

— На Кипре, — хотел соврать Бекасов, но сказал правду: — На даче.

— Жду через два часа. Успеешь?

— Я в отпуске, — вяло возмутился Савва.

— Главный требует результата, понял?

— Понедельник — день тяжёлый, — сделал Бекасов ещё одну попытку возразить.

— Могу прислать вертолёт, — отрезал Старшинин.

— Не надо, — сказал Савва, прощаясь с отдыхом.

Старшинин выключил связь.

— Когда тебя ждать? — хмыкнула жена, отлично разбираясь в результатах подобных переговоров мужа с начальством.

Савва посмотрел на неё, загорелую, красивую, милую, желанную, и ему вообще расхотелось ехать в Управление.

— Не знаю, — честно признался он.

— Понятно.

— Зато мне дали два часа времени. Час на дорогу, час на…

— А успеешь? — лукаво прищурилась Лилия.

Бекасов выбрался из шезлонга и подхватил жену на руки…

В два часа с минутами он вошёл в кабинет полковника, расположенный на втором этаже Управления контрразведки ФСБ. Старшинин уже больше года руководил отделом специальных расследований, который занимался изучением эзотерического наследия России, её тайной истории, социопсихических тенденций и непознанных явлений природы. Бекасова, майора, следователя по особо важным делам, он перетащил к себе из военной контрразведки, и теперь они работали вместе. Полковник обещал повысить его в звании, но пока не преуспел в своих намерениях: штат не позволял. В отделе работали всего девять человек, в основном — бывшие гражданские специалисты в области психологии коллективов и нелинейного программирования, учёные-физики, астрономы и медики. Все они стали подполковниками, и Бекасову с его радиотехническим образованием, не имевшему научного звания доктора, повышение не светило. Впрочем, его это не расстраивало. Работа оказалась интересной, он был независим от руководства и мог получить допуск практически к любой закрытой теме или секретным документам.

— Садись, — поднял голову над столом Старшинин.

Худой, мосластый, длиннорукий, с ёжиком седых волос, он казался старше своего возраста, на самом же деле Иван Поликарпович был всего на семь лет старше тридцатичетырёхлетнего Бекасова. На собеседника полковник всегда смотрел строго и оценивающе, хотя юмор понимал и шутки ценил.

— Может быть, мне добавили звёздочку? — с надеждой спросил Савва.

— За что? — с интересом задал ответный вопрос Иван Поликарпович.

— За непричинение государству большого вреда.

— Твой ущерб ещё не подсчитан. Как только подсчитают — чего-нибудь дадут.

— Срок? — улыбнулся Савва.

— Чего это ты такой весёлый? — подозрительно хмыкнул Старшинин.

— Надеюсь, что это учебная тревога. Хочу полностью насладиться отпуском. Кстати, со своей женой. Помните анекдот? Крысы предупредили капитана, что у них учебная тревога, и попрыгали за борт.

— Ну, и? — подождал продолжения начальник отдела.

Бекасов засмеялся.

— В этом и заключается соль анекдота.

— Дурацкий анекдот. На вот, читай. — Старшинин подсунул майору стопку листов бумаги с текстом.

Савва пробежал их глазами, поцокал языком.

— Интересно…

— Что?

— Куча жмуриков, катастрофы, и все связаны с нефтью…

— Поручено разобраться со всей этой кучей жмуриков. Ты уже брался за такие дела, включайся в тему.

Савва покачал головой, ещё раз прочитал предложенный полковником пакет донесений, вспоминая почему-то события десятилетней давности, когда его, молодого лейтенанта спецназа МВД, пригласили поучаствовать в международном чемпионате подразделений специального назначения на приз короля Иордании.

Россию должны были представить сотрудники спецназа МВД Южного федерального округа, а Савва в то время служил в Нальчике и считался лучшим бойцом-рукопашником сил быстрого реагирования, три года подряд становясь чемпионом округа по боям без правил.

Чемпионат в Королевском центре подготовки сил специального назначения в Аммане (KASOTC) проводился уже не раз, и участие в нём было престижным, так как во всех смыслах, в том числе и в политическом, он показывал превосходство подготовки спецназа той или иной страны и его возможности. И ещё не было случая, чтобы российский спецназ проигрывал, хотя готовились к чемпионату серьёзно все участники.

Впрочем, несмотря на ожесточённое сопротивление китайских «шандоуджи» и бойцов иорданской королевской гвардии, и в этот раз русский спецназ был вне конкуренции (хвалёные американские рейнджеры оказались лишь на четвёртом месте), победив соперников почти по всем дисциплинам: в стрельбе, выносливости, скорости и слаженности действий, в бою в городских условиях и на местности, а также в рукопашных сражениях, в которых отличился и Савва. Он вышел победителем во всех схватках, после чего и был замечен командованием военной контрразведки, а через год переведен в Центральный федеральный округ.

— Ты меня не слушаешь? — донёсся голос Старшинина.

— Прошу прощения, товарищ полковник, — встрепенулся Савва. — Слушаю.

В материале, который ему передал начальник Управления,

речь шла о гибели трёх владельцев нефтяных компаний, активно включившихся в разведку и добычу нефти на Крайнем Севере России, и о странных катастрофах, в результате которых оказались разрушенными только что построенные нефтедобывающие комплексы в количестве четырёх штук. Мало того, в пакете были сведения и о гибели двух американских нефтяных магнатов, а также о необычных авариях на американо-канадских нефтяных скважинах и нефтепроводах. Плюс информация о катастрофе в Анголе, в провинции Мбанья, где начали добывать нефть, и о гибели начальника геологической разведочной партии Чукотского автономного округа, который занимался разведкой новых нефтяных месторождений.

«Артём Клементьевич Голубенский, — прочитал Савва, — президент компании „Севернефть“. Родился в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, окончил Московский физико-технический институт. Работал в банке МЕНАТЕП начальником инвестиционного отдела, потом директором по стратегическому планированию. Два года жил в Лондоне. Вернулся в две тысячи четырнадцатом году и стал первым вице-президентом компании „Севернефть“».

Бекасов поднял голову.

— Может быть, его свои убрали за какие-то прегрешения? Торганул нефтью за спинами компаньонов…

— Он сам себе хозяин, — сказал Старшинин. — Лети в Норильск. Там уже работает следственная бригада важняков МВД и генпрокуратуры, плюс наши ребята из бюро расследований. Всю информацию получишь от них. Но, судя по всему, это не стандартная разборка. Голубенского не за что было убирать. Как и его китайского гостя.

— И тем не менее кто-то подвёл к бассейну провода и включил ток лишь тогда, когда в бассейн прыгнул Голубенский.

— Это детали. Смотри глубже. Все перечисленные в материале случаи описывают некий криминал в нефтедобывающей сфере. Четыре чудовищных аварии с добывающими станциями, причём новейшими, безопасными на сто процентов. Пять жмуриков, и все — нефтяные магнаты, охраняемые, как золотой запас страны, активно вкладывающие деньги в разведку новых месторождений нефти и газа. О чём это говорит?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Из Норильска полетишь на Ямал, где до сих пор ищут тело Вячеслава Феллера. Там теперь нефтяное озеро на месте катаклизма. И обрати пристальное внимание на ещё одного нашего добытчика нефти, недавно рискнувшего заложить

скважину на Новой Земле.

— Там тоже нашли нефть?

— Нашли. И очень много. Финны спохватились, но уже было поздно.

— Понял. Когда лететь?

— Вчера. Размотаешь это дело — главный тебе звёздочку-то и добавит. Обещал.

— Дело не в звёздочке, — усмехнулся Савва. — Очень необычный вывод напрашивается.

— Не торопись с выводами. Поработай с материалом, а главное — с людьми. Возможно, мы ещё не всё знаем. Деньги, экипировку получишь, как обычно, в Снабе. Вопросы?

— Разрешите выполнять, товарищ полковник? — сделал официальное лицо Бекасов.

Старшинин поглядел на него снизу вверх, развёл руками:

— Извини, догуляешь отпуск сразу после возвращения. — Он подумал и добавил: — Если лето не кончится.

Бекетов пожал ему протянутую руку и вышел, уже размышляя над заданием. Ему и в самом деле было интересно, что случилось с нефтяными баронами.

* * *

Пятнадцатого июля он прилетел в Норильск в шесть часов утра по местному времени. Его встретил хмурый лейтенант из Чукотского управления ФСБ и доставил на дачу погибшего Голубенского, по пути рассказав о сложившейся ситуации. Из его слов выходило, что дело взял под контроль лично генеральный прокурор России и теперь всем здесь руководил его представитель, генерал юстиции, зам генпрокурора Геннадий Феоктистович Огурейщик.

— Ничего, прорвёмся, — сказал Бекасов, имея на руках карт-бланш на любые следственные мероприятия.

На территорию дачи его пропустили беспрепятственно.

Лето было в разгаре. Температура воздуха в Норильске дошла до отметки двадцать пять градусов. Савва снял куртку и прошёлся вокруг коттеджа налегке, ощущая желание полежать где-нибудь на ветерке. Но голос охранника привёл его к действительности.

— Здесь ходить не положено.

— Мне положено, — рассеянно сказал Бекасов, показывая удостоверение офицера ФСБ. — Покажите бассейн.

Охранник поколебался немного, но всё же повёл гостя за дом, к бассейну.

Савва осмотрел его со всех сторон, полюбовался на вытащенные из воды проводки, убившие Голубенского и китайца.

— Вы были свидетелем происшествия?

— Свои показания я уже дал, — буркнул охранник.

Бекасов с интересом посмотрел на его не отягощённое интеллектом лицо.

— Давайте договоримся. Либо вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, либо вас привезут ко мне в Управление, и вы всё равно отвечаете на вопросы. Что вам больше нравится?

Охранник набычился, отвёл глаза.

— Чего надо?

— Вы видели, как это произошло?

— Ну… издали… я охранял коттедж.

— Ничего подозрительного не заметили?

Охранник пожал плечами, сплюнул.

— Ничего не знаю. — Он вдруг оживился. — Глыба так смешно упал… и вообще суетился.

— Кто это — Глыба?

— Веня… Глыбов… телохран Артёма Клементьевича.

— Где он сейчас?

— Да кто ж его знает?

— Больше ничего странного не заметили?

Лицо парня стало совсем скучным, он посмотрел за спину Бекасова. Савва оглянулся. К ним подходил моложавый мужчина в тёмно-синем костюме, с галстуком. За ним шёл парень в джинсе и семенил милиционер с погонами подполковника, плотного телосложения, коренастый, лет сорока пяти, с квадратным, бледным, каким-то рыхлым лицом.

— Кто такой? — отрывисто спросил мужчина, окинув Бекасова неприязненным взглядом. Глаза у него были водянистые, навыкате. Это был заместитель генпрокурора Огурейщик.

— Майор Бекасов, — вежливо представился Савва. — Управление «А», отдел «спирит».

— Это дело находится в юрисдикции Генпрокуратуры. Ваше Управление должно согласовывать свои действия со мной.

Бекасов молча достал красно-чёрно-золотую «корочку» особых полномочий, на которой была выдавлена его фамилия.

Подняв брови, заместитель генпрокурора повертел в пальцах удостоверение, вернул владельцу.

— Не понимаю, чем заинтересовало это дело федералов вашего уровня.

— Хочу разобраться, — сказал Бекасов. — Разрешите действовать по своему плану?

Огурейщик насупился, пожевал губами.

— Только не мешайте.

— Постараюсь, — кротко пообещал Савва.

Зам генпрокурора величественно удалился. Сопровождавший его телохранитель прикрыл его своей спиной. Милицейский подполковник бросил на Бекасова странный оценивающий взгляд, поспешил за большим начальником.

— Ну так это… — переступил с ноги на ногу парень в чёрном комбинезоне. — Я больше не нужен?

— Где мне всё-таки можно найти этого вашего Глыбу?

— Спросите у ребят в доме, они должны знать.

— Благодарю. — Бекасов направился к коттеджу, бросил через плечо: — Свободен.

В коттедж его пропустили с небольшой заминкой, пришлось снова показывать удостоверение. Внизу, в холле с мраморными полами, тусовались какие-то личности в штатском, прошмыгивали молодые девушки, на которых никто не обращал внимания.

— Мне нужен Вениамин Глыбов, — обратился Савва к одному из парней в штатском.

Тот молча махнул рукой в сторону лестницы на второй этаж, по которой спускались в холл трое мужчин. Один из них выделялся мощной фигурой и особым выражением лица, которое можно было охарактеризовать словами: «ожидание приказа».

— Глыбов? — подошёл к нему Савва.

Парень покосился на него, и его взгляд Савве не понравился. В глазах телохранителя нефтебарона пряталось злое понимание ситуации.

— Ну?

Бекасов раскрыл и закрыл свои «корочки».

— Отойдём.

— Эй, вы кто? — хмуро поинтересовался мужчина, сопровождавший Глыбова.

— Управление «А» ФСБ, — ответил Бекасов. — Извините, я его не задержу.

— А допуск у вас есть?

— Кто бы меня сюда пропустил без допуска?

— Ладно, у вас пара минут. Мы едем в Норильск.

Савва отвёл телохранителя к диванчику, окружённому пальмами.

— Вы были свидетелем трагедии. Как это случилось?

— Я уже рассказывал следователю.

— Расскажите ещё раз и поподробней.

Глыба почесал мясистый загривок, начал вспоминать

подробности происшедших двое суток назад событий. Из его слов вырисовывалась картина покушения на Голубенского, предпринятая некими «конкурентами» и блестяще исполненная какими-то киллерами. У следствия даже имелись подозрения насчёт этих киллеров, так как в картотеке МВД нашлись случаи умервщления людей с помощью электричества.

— Как же вы не заметили провода? — спросил Бекасов. — Разве телохранители не обязаны принимать превентивные меры безопасности?

— Меня самого чуть не убило! — окрысился Глыба. — И я не обязан следить за бассейном. Другие есть.

— Кто?

— Тут за всем народ смотрит, специально обученный, вот с него и спрашивайте.

— А чего это вы так нервничаете? — поинтересовался Савва, снова отмечая неожиданно умный, понимающий взгляд телохранителя. — Я же вас не спрашиваю, почему вы остались живы, а ваш босс мёртв.

— Да пошёл ты! — грубо буркнул Глыба. — Не имеешь права меня допрашивать. Пожалуюсь прокурору, он тебя…

— Попробуй, — перебил его Савва. — Даже интересно, что получится. Могу сказать только одно: потребуется — тебя в Москву в наручниках доставят на допрос. Гуляй пока, супермен. Но если ты мне не всё рассказал — пеняй на себя.

— Эй, что вы там? — оглянулся на них второй мужчина, широкоротый, с тяжёлым подбородком. — Глыбов, ты скоро?

— А чего он? Офигел вообще! Начинает угро…

Бекасов не стал дожидаться окончания фразы, ловко выхватил у телохранителя из руки мобильник, мгновенно всунул в открытый рот, тут же вынул обратно, вернул телефон.

— Так что ты там хотел сказать, уважаемый? Повтори, не расслышал.

Глыбов закрыл рот, ошеломлённо посмотрел на сопровождающих. Те нахмурились, оценивающе оглядели Савву.

— Жонглёр, что ли? — неприязненно буркнул первый мужчина.

— Представьтесь, пожалуйста, — сказал Бекасов. — Буду знать, с кем имею дело.

Мужчины переглянулись.

Первый взял Глыбу под руку.

— Пошли, некогда нам.

Второй ещё раз смерил Савву нехорошим взглядом.

— Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

Бекасов, улыбнувшись, достал мобильник, работающий в данный момент как микромагнитофон, щёлкнул нужной кнопкой. Из динамика телефона раздался тихий голос:

— Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

— Чистейшей воды угроза, не так ли, господин местный начальник? А я при исполнении. Развивать мысль дальше? Кстати, мысль только тогда мысль, когда её головой думают. Это я насчёт вашего совета. Запись вашего приятного голоса я оставлю себе на память, хотя в любой момент она может оказаться у кого надо. Будете помогать? Или поговорим о всяких, кого вы тут видали?

Лицо мужчины налилось кровью. Он пожевал губами, подбирая выражение, но сдержался.

— Зря ты сюда приехал…

— Меня прислали. С кем имею честь приятно беседовать?

— Полковник Фофанов, начальник Управления ФСБ Норильска.

— Коллега, значит? — удивился Бекасов. — Что же вы такой неласковый? Я же у вас хлеб не отнимаю. Вы делаете своё дело, я своё.

— Я позвоню, чтобы тебя…

Савва сделал официальное лицо.

— Это пожалуйста, звоните. Только потом не удивляйтесь результату. Кстати, мне этот человек, — Савва кивнул на Глыбова, — ещё нужен, поэтому просьба оставить его здесь.

Брови Фофанова полезли на лоб.

— Ты с ума сошёл, майор? Да я… — начальник Норильского ФСБ осёкся.

— Это пока просьба, — сделал ударение на последнем слове Бекасов. — Но я могу добиться и письменного распоряжения Папы. Надо?

Мужчина сцепил челюсти. Было видно, что он еле сдерживается. Папой сотрудники ФСБ звали его директора.

— Нет.

— Отлично. Надеюсь, мы ещё встретимся.

Фофанов движением руки остановил сотрудника, собравшегося увести Глыбова.

— Оставь его… иди к машине. — Он посмотрел на Бекасова. — Майор, один вопрос: что ты хочешь здесь найти?

— Сам не знаю, — честно ответил Савва. — Но это не первое убийство нефтяного магната за последний месяц. Третье, понимаете? А если учесть американцев, ангольцев и других, то шестое. Кому они помешали?

На лицо начальника ФСБ легла задумчивость. Он отошёл, ничего не говоря. Что-то сказал Глыбову. Телохранитель Голубенского растерянно посмотрел на Бекасова.

— Побудьте здесь, — равнодушно сказал Савва. — Я пообщаюсь со следователями, и мы продолжим разговор.

Он оставил шокированного таким поворотом дела Глыбова за спиной, нашёл давешнего знакомца, заместителя генпрокурора, поговорил с ним. Выслушал пространные рассуждения следователя от прокуратуры, затем скупой рассказ следователя из МВД. Побродил по коттеджу. Посмотрел на тело Голубенского в роскошном гробу, возле которого стояли и сидели мужчины и женщины в чёрных платках. Гроб с телом китайца находился в другой комнате коттеджа, где тихо млели китайцы из диппредставительства. Они собрались в скором времени забрать своего соотечественника.

Бекетов вернулся к бассейну и осмотрел его со всех сторон, отмечая искусный выбор устроителей акта, нашедших единственно правильный путь подвода проводов от трансформаторной будки за двухметровым забором. Киллеры хорошо знали местность и территорию коттеджа и были уверены, что результатов их деятельности никто не заметит. Никто и в самом деле ничего не увидел: ни подозрительных людей, ни проложенных проводов. Мало того, киллеры точно знали, что хозяин дачи будет принимать гостей и что наверняка полезет в бассейн.

Савва покачал головой.

Жертв могло быть гораздо больше. Те, кто планировал убийство, вряд ли стали бы ждать, чтобы Голубенский остался в бассейне один, и включили бы ток, даже если бы туда попрыгали все гости.

И ещё одно соображение пришло на ум Савве: действовали свои. Только окружавшие Голубенского люди могли скрытно подвести к бассейну провода и подготовить «электрический стул» к безошибочному использованию по назначению.

Глава 5. Две стратегии

Разнообразие интересов выбранной Персоны Воли удивили Архангела, не ожидавшего такой креативности от подпрограммы, лишь внешне похожей на сапиенса, но не обладавшей такими возможностями, как соотечественники Архангела.

Персону звали Кешей — Иннокентием Рудницким, был он достаточно молод — ему пошёл тридцать первый год, окончил Московский научно-исследовательский ядерный университет и работал в национальном российском инновационном центре Сколково — руководил лабораторией перспективных радиотехнических систем. При этом он увлекался космологией и астрофизикой, создавая теорию фундаментального моделирования всего сущего, и участвовал в разработке онлайн-игры «Бич времён». Кроме того, Иннокентий читал лекции по теории запредельных ультравысокочастотных генераторов в самом Сколкове и занимался расчётами антивирусных программ для лаборатории Касперского.

Заинтересовал Архангела и друг Иннокентия Савва Бекасов, с которым будущий радиоинженер и айтишник учился в школе. Савва занимался воинскими искусствами с детства, развил недюжинные способности в экстрасенсорном восприятии, стал мастером единоборств и недавно начал работать в Управлении «А» Федеральной службы безопасности России, занимающемся изучением аномальных явлений природы в приложении к поддержанию безопасности страны.

Оба россиянина заслуживали того, чтобы внимательно присмотреться к их устремлениям и целям и в случае необходимости подключить к ним «ангела-хранителя» — программу якобы случайных совпадений при спасении жизни, тем более что Самсунг тоже обратил внимание на этих парней, но решил ограничить их свободу, скорректировав программу ПСП.

Втайне от него Архангел подсоединился к задатчику программ метареальности Земли и с интересом понаблюдал за действиями подопечных.

Кеша-Иннокентий завершал свою работу в области «теории всего» и явно выбивался из уровня, обладая исключительно высоким IQ. Савва Бекасов проявлял себя принципиально справедливой личностью и явно двигался к конфликту с командой ПСП, расследуя дело о гибели нефтяного магната Голубенского. Программу запустил Самсунг, считая себя истинным владыкой Игры в последней инстанции, рассчитывая подтолкнуть человечество к отказу от использования нефти и газа

и к выходу на другие технологии энергообеспечения. Но эта программа требовала физической ликвидации людей, что резко противоречило мировоззрению и характеру Архангела, поэтому он, запустив «телохранителя», решил всё-таки обсудить с коллегой возникшую этическую проблему и пригласил его к себе домой.

Встреча состоялась в гостиной Архангела, которую он превратил в берег озера с песчаным пляжем и живописными скалами, а потом, зная эстетические предпочтения гостя, сотворил ночь, море, туманные поля и три спутника планеты, пробившие в тумане призрачные тоннели.

Само Совершенство не оценил попытку хозяина создать приятный гостю интерьер для беседы, у него было плохое настроение. Он и от застолья отказался, сухо заметив, что не голоден и торопится. Кота хозяина, у которого то пропадала четвёртая нога, то появлялась, — утром Архангел наблюдал редкое явление — кот ходил на двух ногах! — Самсунг пнул ногой, отчего зверь с мявом исчез вообще; Архангел знал эту особенность характера коллеги и сделал вид, что ничего не заметил.

Разговаривали стоя.

Архангел был одет в домашний оранжевый пижамет с позументами и золотыми кистями, Само Совершенство — в чёрно-коричневый уник со множеством планок, нашивок, печатей и подвесок.

Гость не присел ни на минуту, хотя Архангел приготовил уютный уголок для отдыха — два удобных кресла с подстройкой геометрии под физические особенности тела гостя и его эмоции и столик с напитками.

— Вы нарушаете условия царскосельских договорённостей, — сказал Самсунг.

— Какие условия? — удивился Архангел.

Речь шла о передаче прав на участие в игре с земной метареальностью, происходящей в царскольсельском Зале Конфедерации сапиенсов, что осуществлялось с незапамятных времён, со времени Ухода Создателя метареальности. С тех пор участвовать в игре могли только заслуживавшие этого поощрения геймеры-сапиенсы.

— В области разграничения полномочий. За игровую зону мы отвечаем вместе, уважаемый коллега, но вы постоянно вмешиваетесь в мои поля ответственности, мешая мне проводить оптимальную внешнюю политику.

Архангел огорчился.

— По-моему, я действую строго в рамках моего права.

— Ваши права касаются моментов образования, культуры и медицины, где вы — царь и бог, как говорят наши подопечные. Но вы начинаете вмешиваться в науку и политику, что чревато непредсказуемыми последствиями.

Архангел огорчился ещё больше.

— Вы так расстроены… чем конкретно? Где я наступил вам на мозоль?

— Что?

— Извините, это идиома, которыми так богата социальная сфера наших подопечных. Где я вам помешал?

— Я начал развивать тренд перезагрузки земной метареальности на новые технологии, а вы задействовали программу контрразведки и мешаете мне осуществлять задуманное.

— Я и не собирался…

— Ваш посланник начинает проявлять волевые качества, успокойте его или отзовите. Я долго терпеть не буду.

— Но я действительно никого не посылал…

Самсунг высокомерно поднял голову.

— Я вас предупредил, коллега. Не мешайте мне! Мы вместе взяли под контроль главные тренды метареальности, и наша задача — не допустить её вырождения и распада.

— Однако ваши методы контроля неэтичны, коллега, — укоризненно заметил Архангел. — Силовые воздействия, как правило, должны обговариваться всеми геймерами.

— Ерунда, мы всего лишь участвуем в большой игре, — фыркнул Самсунг, — имеющей многовариантную программу. Каждый из нас вправе изменять эту программу и вести себя так, как считает нужным.

— Согласен, но при этом мы не должны изменять базовые параметры программы.

— Что вы имеете в виду?

— Вы слишком небрежны к ценностным ориентирам метареальности, к примеру, к праву людей, обитателей игровой зоны, на жизнь.

— Эти обитатели — всего лишь подпрограммы…

— В базовые параметры игры вписано условие максимального содействия развитию свободы личности и творческого потенциала людей.

— Вот я и пытаюсь увеличить этот творческий потенциал, а вы мне ставите палки в колёса.

— Не ставлю, но вынужден буду созвать Трибунал геймеров.

— Созывайте, мне есть что предъявить Трибуналу. Будьте осторожны, коллега, вмешательство в мои дела чревато

последствиями. Занимайтесь лучше своими делами, их у вас достаточно, и я вам не мешаю менять условия игры.

— Вы мне угрожаете, коллега? — недоверчиво поднял брови Архангел.

— Ну что вы, коллега, только предупреждаю. Всего хорошего. — Самсунг небрежно поклонился и вышел из гостиной походкой танцора.

Архангел покачал головой, глядя ему вслед, проговорил с задумчивым сожалением:

— Я знаю, что вы не идиот, коллега, который притворяется придурком, но должен признаться, притворяетесь вы талантливо.

Гостиная вернула прежний пейзаж солнечного дня на берегу озера.

Архангел прошёлся по крупному песку, сцепив руки за спиной, вошёл в беседку, посидел, зачарованно глядя на воду и танец шестикрылых эльфов над ней, потом движением бровей превратил беседку в кожистое яйцо — копию иезода контроля. Решение созрело окончательно. Коррекция игровой зоны, предложенная оператором, требовала введения сдерживающего фактора. Оставлять земную метареальность, метко прозванную геймерами «запрещённой», на произвол судьбы, а точнее — на произвол оператора, было неправильно. Он мог зайти слишком далеко в своих замыслах «ускорить прогресс» человечества.

До вечёрних звёзд Архангел работал с Большим Умным Облаком, как фамильярно называли операторы гигантскую, объединённую сетью мгновенной связи, систему счётных машин мира Архангела, способную поддерживать игровую метареальность, по сути — Подвселенную, где родилась разумная подсистема — человечество. Определил параметры команды ПСП, активированной коллегой, разработал программу её ограничения и запустил как вирус, с мимолётной усмешкой подумав, что в этом есть нечто символическое: вирус в метареальности Земли имел формат женщины. Только женщина имела шанс заинтересовать обоих протеже и заставить их сопротивляться давлению программы ПСП.

Поздним вечером Архангел договорился с друзьями посетить живой аттракцион перехода из тела в тело с трансформацией сознания и вызвал транспортный модуль; представление синайской трансцирковой группы должно было состояться в зале эйдомузыкальных представлений Сатори-холла в Зороастр-зале Царцаха. Однако уже в кабине модуля к нему пришло неуютное ощущение постороннего присутствия, чувство дежавю, будто он что-то упустил из виду, и Архангел заставил себя оглядеться.

Коттедж оператора представлял собой замкнутую биосистему

и одновременно сложный архитектурный ансамбль, повторяющий формы цветочных бутонов, и располагался он на Плато Небес, возвышающемся над бесконечной Равниной: вселенная Архангела, рождённая фантазией сапиенсов высшего уровня как игровая зона, представляла собой «сетчато-волокнистый пакет» дробных измерений и замыкалась сама на себя как не имеющий границ объект — Великие Мхи. Разумеется, ни обитатели мира сапиенсы, ни геймеры, ни операторы уровня Архангела и Самсунга не знали, что эта вселенная — лишь один из слоёв Гиперсети, составляющих «матрёшку» Мироздания, игровая метареальность разной сложности, от самой простой, двумерной, до фундаментальной, материнской. А поскольку Создатель Гиперсети не видел своего творения без конкуренции и конфликтов, то и в Царцахе шли войны — не за справедливое воздаяние или кусок хлеба, но за власть и право распоряжаться гигантскими ресурсами игры.

Впрочем, причина такого положения дел была недоступна ни Архангелу, ни Самсунгу, ни тем более рядовым сапиенсам. Они воспринимали свою реальность такой, какой она им казалась, существуя «вечно».

— Уточните адрес, — мягко попросил автопилот модуля.

Архангел ещё раз огляделся, возбуждая экстрасенсорику организма до состояния просветления.

Над Плато Небес царили тишина и покой, в отличие от нижней Равнины, накрытой плотным слоем аэротранспорта. Её населяли обычные сапиенсы, обыватели, юзеры, для которых игра являлась лишь развлечением, а не объектом контроля. Менять её условия они не могли, в отличие от бригады геймеров.

Юзеры делились на пять каст, соперничавших между собой в выращивании геймеров-управленцев. Честных и самоотверженных по природе сапиенсов оформляли в касту Искренних, умных — в касту Эрудированных, бесконфликтных и коммуникабельных — в сообщество Дружелюбных, это была самая массовая этническая группа, смелых и бескомпромиссных записывали в касту Бесстрашных, честолюбивых и пробивных — в касту Предпринимателей.

Касты не являлись закреплёнными пожизненно, родившиеся от носителей одной могли перейти в другую, если хватало сил, возможностей и желания. Но чтобы стать активным геймером, любому сапиенсу надо было сильно постараться. Замечали только успешных трудящихся, достигших определённых результатов, а тем более — дельцов, и за их жизнью постоянно следили Защитники Закона, имеющие свою Службу Защиты. Она же блюла и общественный порядок, и работу законов, принимаемых

Сенатом и Правительством, и охраняла обитателей Плато Небес. Над ним то и дело проносились в высоте сине-белые стрелы Защитников, пресекающие попытки молодёжи нижней Равнины похулиганить над Базой Свободной Жизни, как называли сапиенсы Плато.

Вот и сейчас над башнями и замками обитателей Плато медленно летел модуль СЗ, приближаясь к коттеджу Архангела, и это его почему-то беспокоило, так как в памяти вдруг всплыли слова коллеги: «Будьте осторожны… не мешайте мне». Если сам Архангел родился в семье Эрудированных сапиенсов и сравнительно легко дошёл до верхнего уровня касты, выдвинувшего его в геймеры, то Самсунг пробивался из самых низов — фракции Агрессивных Предпринимателей, и о его подъёме по служебным лестницам ходили легенды.

Модуль Службы Защиты, похожий на голову хищной птицы, сделав круг над коттеджем Архангела, начал снижаться.

— Хранитель, — вызвал Архангел своего личного Защитника. — Ситуация «оранжевая опасность»!

— Основание, экселенц? — отреагировал Умник, с которым Архангел всегда был на связи.

— Предвидение.

— Включаю систему.

Вокруг коттеджа бесшумно встала переливчатая прозрачная пелена энергобарьера, куполом накрыла верхний «бутон» коттеджа.

Архангел выбрался из модуля, ещё не решив, что будет делать дальше.

К нему подскакали защитные мобы, напоминающие гигантских кузнечиков. Хранитель продолжал разворачивать систему охраны хозяина, активируя разные уровни обеспечения безопасности. На памяти Архангела это случалось всего дважды, во время «нижних майдан-бунтов», когда власть в Царцахе пытались захватить последователи теории «цветных революций», и Правительству приходилось объявлять режим чрезвычайного положения. Кстати, именно «майданутые свободолюбы» пытались внести своё мировоззрение и в программу игровой метареальности, в результате чего начало двадцать первого века на Земле ознаменовалось десятком войн, а «чёрная дыра этики» человечества — Соединённые Штаты Америки — развернула почти зеркально отражённую смену власти в государствах метареальности Земли — Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и Украине — с помощью террора и ультрарадикальных «майданных революций». С этой инициацией беспредела Архангелу и Самсунгу, да и другим геймерам, ещё надо было работать и

работать, чтобы не допустить разрушения всей программы.

Модуль СЗ завис над куполом энергополя.

— Запроси гостей, — приказал Архангел. — Что им нужно?

— Запросил, ответа нет.

Модуль внезапно выстрелил: синяя молния разряда воткнулась в почти невидимый купол, растекаясь по нему сеточкой гаснущих микромолний.

«Кузнечики» личной охраны оператора подскочили в воздух, эмитируя защитный полевой кокон.

— Вызывай ББР!

— Вызвал, — отозвался компьютер.

Речь шла о бригаде быстрого реагирования Защитного департамента Сената.

Оружием владеть обитатели Плато не имели права, поэтому надо было ждать прибытия специальных сил.

Модуль СЗ выстрелил ещё раз.

Молния разряда смяла защитный купол над коттеджем, превращаясь в водопад крохотных радуг, каждая из которых свободно пробивала стены строений, беседки и стволы деревьев.

Надо было активировать бункер, пришла запоздалая здравая мысль.

Кто знал?! — возразил сам себе Архангел. Кому понадобился этот спектакль?!

Модуль спикировал на площадку, на которой стоял хозяин коттеджа, однако выстрелить не успел.

Из-за крон зелёных насаждений вокруг усадьбы вывернулась тройка таких же сине-белых машин, сверкнули огненные сполохи разрядов, и машина, ведомая неизвестными нападанцами, взорвалась, превращаясь в сгусток яркого белого пламени.

За мгновение до взрыва Архангелу показалось, что он слышит некий ехидный смешок. А потом снова вспомнились слова Самсунга: «Будьте осторожны, коллега…» Не означает ли это, что начинается новый передел активов на Плато Небес? Одновременно со сменой игровой парадигмы? На кого-то надо опереться, чтобы выжить. Но на кого? Не на касту же «майданутых». И не на чиновников Думы, заботящихся только о себе.

На кого?..

Глава 6. Сюрприз

До обеда Савва осматривал окрестности посёлка, прикидывал количество киллеров и возможности группы, которая прекрасно подготовила покушение на президента компании «Севернефть», составил план действий на следующий день.

Вернулся в коттедж, поискал Глыбу. Телохранителя нигде не было видно. Уехали и фээсбэшники. Куда подевался Вениамин Глыбов, никто сказать не мог.

— Да он же вроде шатался тут с Петровым, — вспомнил один из охранников коттеджа.

— Кто такой Петров?

— Начальник УВД Норильска.

Бекасов вспомнил подполковника милиции, семенящего за Огурейщиком, и его прицельный прищур глаз. В груди похолодело.

— Где они ходили?

— Сначала вокруг дома, потом зашли вроде в дом.

Бекасов прошёлся по первому этажу коттеджа, заглядывая в комнаты и туалеты, поднялся на второй этаж. В одной из спален послышалась возня. Бекасов деликатно постучал, подождал немного, потянул за ручку. Дверь отворилась.

Спальня была шикарной, как и всё в этом богатом «гнёздышке олигарха».

Двуспальная кровать, размером с футбольное поле, под красивым атласным одеялом. Трюмо в золотой раме. Бельевой шкафчик из вишнёвого дерева с резными углами. Ковёр во весь пол «под траву». Светильники в виде торчащих из стен фаллосов из молочного стекла. Окно чуть ли не во всю стену, с регулируемой затемнённостью, без штор.

Но не это привлекло внимание Саввы.

На кровати лежал Глыба, не раздетый, в ботинках. И, судя по неподвижному взгляду в потолок, он был мёртв.

Бекасов подошёл ближе.

В шее бывшего телохрана Голубенского торчала лопаточка для чистки ногтей, с перламутровой ручкой. Убить человека такой лопаточкой трудно, однако вошла она аккурат в сонную артерию, что говорило о большом опыте киллера, и Глыбов умер мгновенно.

Дверь сзади с грохотом распахнулась.

— Руки! — заорали в два голоса ворвавшиеся в спальню милиционеры. — За голову! К стене!

Бекасов оглянулся.

Его держали на прицеле автоматов именно милиционеры — сержант и лейтенант, а не спецназовцы. А в коридоре за дверью стоял начальник милиции Норильска, качаясь с носка на пятку, руки в карманах брюк, и смотрел, прищурясь, на майора, словно решал задачу: убить его сейчас или попозже.

Допрос вели трое, в той же спальне: следователь от милиции, какой-то мужчина в штатском и начальник УВД, то и дело говоривший с кем-то по мобильнику.

Бекасов спокойно ответил на все вопросы, вежливо попросил телефон — у него всё отобрали, — чтобы позвонить в Москву.

— Тебе он уже не понадобится, — буркнул мужчина в штатском, посмотрел на подполковника. — Отпечатки пальцев сняли?

— Умный, гад, — криво улыбнулся следователь, — успел стереть все отпечатки.

— Тогда вы ничего не докажете.

— Докажем, — с нажимом сказал начальник УВД.

Мужчина посмотрел на часы, направился к двери.

— Отпечатки должны быть. Разработайте мотивацию.

Дверь закрылась.

— Послушайте, — проникновенно сказал Бекасов, понимая, что его позиция слабеет. — Зачем вам это нужно? Я ведь выполняю задание вышестоящего начальства и до сегодняшнего дня не знал ни Голубенского, ни его телохранителя. Приедет следственная комиссия из центра и во всём разберётся.

— Что тебе рассказал Глыбов? — пропустил мимо ушей его тираду подполковник.

— Ничего существенного.

— Зачем ты его искал?

— Поговорить. Интересно всё же, почему так просто можно убить хорошо охраняемого человека. А Глыбов был ближе всех к покойнику. Может быть, он всё и устроил?

Следователь и начальник УВД переглянулись.

— Зачем ты убил Глыбова? — заученно повторил следователь.

Савва вздохнул.

— Не надоело задавать идиотские вопросы? Вы же знаете, что я не убивал его. Кстати, пошёл он погулять вместе с вами. — Савва глянул на подполковника. — Есть свидетели. Значит, его смерть была вам полезна? Почему? Что он знал такое, что никто больше знать не должен? Или я прав, и его убрали как исполнителя?

Начальник УВД пошёл к двери.

— Запиши в протокол, что он косвенно признался в

содеянном.

— Дерьмо! — сказал ему в спину Бекасов. — Я же всё равно докопаюсь до истины.

Подполковник оглянулся, пожевал губами, поманил из коридора вооружённых милиционеров.

— В машину его, повезём в Управление.

— Э-э, что тут у вас происходит? — В коридоре возник начальник Норильского отдела ФСБ. Его сопровождал тот же мужчина, что и раньше.

— Да вот, Арсений Саркисович, этот московский гусь убил Глыбова.

Все расступились.

Фофанов хмуро оглядел тело на кровати, повернулся к Бекасову.

— Ты что, майор, совсем офонарел? Зачем тебе это понадобилось?

— А вы и в самом деле идиот или прикидываетесь? — крутанул желваки на щеках Савва. — Глыбова и убили потому, что кто-то сильно не хочет, чтобы мы разобрались в происшествии. Требую освободить меня! Немедленно! Я приехал не убивать свидетелей, а выяснить причину убийства Голубенского. Задержание при отсутствии доказательств буду считать намеренным срывом выполнения данного мне приказа. Со всеми вытекающими.

Фофанов наклонил голову к плечу, подумал, переводя взгляд с Бекасова на труп и обратно, обронил следователю:

— Освободите его.

— Но он задержан в…

— Освободите! Он поедет со мной.

— Арсений Саркисович… — начал нервно подполковник.

— С вами я ещё разберусь, Семён Петрович. Не понимаю, какая муха вас укусила. Вам будет трудно доказать вину майора. А на разработку мотивации требуется время.

Начальник УВД нехотя кивнул милиционеру:

— Сними.

Лейтенант с автоматом под мышкой снял с Бекасова наручники.

— Ничего, это не надолго.

— Верейский!

— Прошу прощения, товарищ подполковник.

— Верните документы, — сказал Савва, растирая запястья рук, — и мобильник.

— Он записал на мобилу… — заикнулся следователь.

— Верните.

Бекасову вернули отобранные вещи.

Он оглядел лица всех присутствующих, качнул головой.

— Хреновый спектакль, господа защитники Отечества. Интересно, на кого он рассчитан? Я ведь обо всём доложу начальству.

— Доживи сначала до… — начал следователь.

— Заткнитесь! — сверкнул глазами начальник ФСБ. — Много говорите, мало делаете. Не надо было убивать Глыбу… так примитивно.

— Мы напишем, что он умер от электрошока.

— Пишите. — Фофанов махнул рукой. — Идёмте со мной, майор.

— Куда?

— В машину.

— Я должен выполнить задание… А вы должны содействовать мне в этом.

— Поговорим по дороге.

Сбитый с толку уверенностью главного эфэсбиста Норильска, Савва последовал за ним.

Суматоха в коттедже постепенно сошла на нет. То ли его обитатели и гости не знали о новом убийстве, то ли им было не до того.

Заместитель генпрокурора отбыл в неизвестном направлении. Он сделал своё дело, и теперь следствие развивалось по утверждённому сценарию. Этот сценарий Бекасову и изложил Фофанов в своём джипе.

— Чушь собачья! — фыркнул Савва, не зная, что делать дальше: сопротивляться, действовать вопреки советам или передать инициативу Старшинину. — Вы же знаете, что Голубенского убрал Глыбов. А его убили, чтобы держал язык за зубами.

— Это недоказуемо.

— Значит, вы тоже участвовали в разработке плана устранения Голубенского. Я не прав?

— Я всего лишь прикрываю операцию, — с мрачной полуулыбкой проговорил начальник ФСБ Норильска. — Работали другие люди.

— И вы так спокойно об этом говорите?! — поразился Савва. — Мне, представителю конторы из центра? За мной стоит сам Папа!

Это была неправда, директор ФСБ не курировал расследование лично и не следил за работой отдела «спирит». Но Фофанов не должен был знать о таких вещах.

— Ну и что? — сказал он. — За тобой всего лишь контора, за

мной — Земля.

— Какая земля? — не понял Бекетов.

— Планета такая. Единственная населённая планета во всей метареальности.

— Шутите?

— Какие уж тут шутки. Я сам об этом не знал… до убийства господина Голубенского.

Открылась дверца джипа, в салон заглянул мужчина, который допрашивал Бекасова вместе с начальником УВД и следователем.

— Помощь нужна?

— Беседую пока, — сказал Фофанов. — Может, попозже.

Мужчина остро глянул на Бекасова, закрыл дверцу.

— Начальник? — кивнул на дверцу Савва.

— Координатор, — ответил главный чекист Норильска. — Не пытайся угадывать, всё равно не поверишь, несмотря на весь свой опыт. Ты показался мне умным человеком, поэтому я и трачу на тебя время.

— А если бы я был идиотом?

— Идиоты в вашем отделе не работают. Хотя недалёких людей хватает. Но к делу. Тебя ведь послали не только в Норильск? — Фофанов сыграл бровью. — Наверно, ещё и на Ямал полетишь?

Бекасов внутренне поёжился.

Местное отделение ФСБ не должно было знать о его планах.

— Допустим.

— Полковник Старшинин тоже умный человек, хотя и он не догадывается о масштабе коррекции. Выводу он не поверит.

— Какой коррекции? — тупо спросил Савва.

Фофанов усмехнулся.

— Я реагировал точно так же. У меня всего несколько минут. Поэтому слушай и не перебивай. Поверишь — будем сотрудничать, не поверишь…

— Вы меня «замочите», как Глыбу.

Фофанов поморщился.

— Кретин Петров перестарался. Вот он как раз занимает должность не по праву, поэтому криминальная обстановка в городе плохая. Ничего, с ним мы разберёмся.

— Кто это — мы?

— Не спеши, обо всём по порядку. Ты, наверно, знаешь, что нефть в мире начинают качать всё больше и больше, несмотря на уже найденные нетрадиционные источники энергии. Для нефтебаронов это единственная возможность жить при коммунизме.

— Из-за этого вы их и убиваете?

— Не из-за этого. Мы пытаемся ограничить нефтебодычу и сориентировать людей на переход к иным видам энергии. Но они не внемлют. Так дальше продолжаться не может. Прогресс тормозится искусственно, с «нефтяной иглы» надо слезать, и мы этому способствуем.

— Кто мы?

— Служба коррекции планетарного масштаба, — серьёзно сказал Фофанов. — В России этим будем заниматься мы, получившие задание от оператора метареальности другого уровня, в других странах — другие люди. Опыта у нас мало, это правда, поэтому мы иногда ошибаемся. Но у нас нет выбора, как нет его у человечества. Понимаешь?

— Не понимаю, — пробормотал Савва. — Чтобы предупредить людей, можно найти другие методы воздействия.

— Мы пробовали, ничего не помогает. Ни нефтяные короли, ни правительства, сидящие на «нефтяной игле», не хотят менять подходы к Земле как к обыкновенному поставщику природных богатств. А это неправильно. Остановить их может только катастрофа. Поэтому нам приходится корректировать действия подпрограмм Земли…

— Кого?

— Людей, разумеется. Пора выходить в космос на других технологиях, иначе вы так и останетесь привязанными к поверхности планет.

— Значит, вы в таком случае пришельцы?

Фофанов криво усмехнулся.

— В какой-то мере пришельцы, хотя и не с других звёзд. Но об этом мы ещё поговорим… Если договоримся.

— Но вы убиваете людей…

— Это вынужденная мера. Люди вроде Голубенского — практически отморозки, им недоступна логика такого уровня. Конечно, мы пытаемся с ними беседовать, но…

— Понятно. На Ямале вы тоже поработали?

— На Ямале поработали другие носители ПСП.

— Чего?

— Ты задаёшь слишком много вопросов, майор. Давай прежде обсудим проблему. Будешь работать с нами? Нам такие люди нужны. Зомбирование идиотов, как правило, не даёт хорошего результата. Пример — Петров.

Бекасов поднял голову.

— Вы… зомбируете… помощников?

— Редко, но приходится. Соответствующие средства уже разработаны.

— Вы и меня запрограммируете?

— Не хотелось бы. Зомбированные люди рано впадают в маразм.

— Спасибо.

— Не за что.

— Зама генпрокурора вы тоже запрограммировали?

— Зачем? Он нам не нужен. Итак, ты с нами?

— Нет. — Савва шибко потёр темя. — Не знаю… надо подумать. Хотелось бы знать, кого вы представляете, кто за вами стоит, какова общая стратегия… э-э, коррекции… кстати, почему вы называете Землю метареальностью? Что это означает? Ну и так далее…

— Согласишься работать с нами — узнаешь всё. Подумай, я пока покурю. — Начальник ФСБ Норильска похлопал его по плечу, вылез из джипа.

А Савва вдруг представил, что по всей стране сейчас бродят носители программы ПСП, готовые убить любого человека, который не согласится с ними работать, и поёжился. Работать с неведомыми «ускорителями прогресса», рискуя каждый раз честью и жизнью, убивать ни в чём не повинных людей не хотелось. Даже во имя величайшего прогресса и выхода в космос! И всё же, и всё же… мысль ушла, но тут же вернулась.

И всё же нельзя так! Нельзя убивать людей за то, что они ничего не понимают и заботятся только о себе. Насильственная «коррекция» уже давно применяется на Земле — теми же американцами, и ведёт она только к разрушению и хаосу. Как говорится: пусть бог не вмешивается! Люди сами должны справиться со своей внутренней чёрнотой и недальновидностью. Пастухи им не нужны.

Савва посмотрел на свои кулаки.

Если он решит действовать по своим внутренним оценкам, по совести, чем закончится его встреча с «корректорами»? Его запрограммируют? Или сил хватит, чтобы отбиться?

Допустим, он справится с нападением. Что дальше? Поверит ли Старшинин в его доводы? Или всё закончится тем же — зомбированием, но уже с «летальным исходом»?

Голубенский — отморозок. Чёрт с ним! Но таких, как он, много. Всех «мочить»? Или попытаться найти тему для понимания? Не все же идиоты?

Господи, как поступить? По закону или по совести?

В стекло дверцы деликатно постучали.

Савва помедлил, набирая в грудь воздуха, открыл дверцу джипа, вылез.

На него смотрели пять пар глаз.

Напротив стояли Фофанов с сигаретой в руке и мужчина-

следователь, который допрашивал Бекасова в гостиной Голубенского и заглядывал в машину. Кроме того, слева и справа от джипа расположились трое крупногабаритных парней в строгих костюмах, с галстуками, олицетворяя собой охрану полковника. Руки они держали сложенными на животах, готовые взяться за оружие.

У Саввы засосало под ложечкой. Противник был серьёзный, и знание приёмов боя не гарантировало успеха, тем более что Фофанов оговорился насчёт применения гипнотической техники: «средств хватает». Начнут драться? Или сразу включат «глушак», отключающий мозги? С другой стороны — не становиться же и в самом деле на их сторону? Как потом глядеть в глаза Старшинину? Жене, друзьям? Вообще честным людям? Лучше умереть?

— Решили? — остро посмотрел на него следователь. У него было узкое бледное лицо с чёрными глазами, в которых дымились презрение и угроза.

— Нет, — коротко ответил Савва.

Мужчины переглянулись.

— Нет — это в смысле не решили?

— Нет — это значит нет.

Фофанов затянулся, выбросил окурок.

— Я почти не сомневался в ответе, майор. Вы смелый человек, но недалёкий, я ошибся с оценкой. Хотите, предскажу, чем закончится наша встреча?

— Он записывает, — предупредил следователь. — Не надо было отдавать мобилу.

— Пусть записывает, его мобила останется у нас. Так вот, майор, вариант номер один. Мы сварганим ситуацию, при которой вы убиваете Глыбова, а мои люди убивают вас — при попытке сопротивления, и я докладываю Папе об этом прискорбном инциденте. Вариант номер два: мы вас зомбируем, и вы какое-то время, может, год, может, чуть больше, работаете в нашей команде. После чего попадаете в автокатастрофу. Выбирайте, что для вас предпочтительней.

Савва покачал головой, исподволь готовясь к активации психики для внезапной атаки; при этом у него появлялся шанс остаться в живых, хоть и небольшой.

— А вы уверены, полковник, что я здесь один?

Фофанов прищурился, разглядывая обманчиво простодушное лицо Саввы, в то время как его спутник осматривал коттедж Голубенского, бродивших по его территории оперативников МВД и въезд на территорию с закрытыми воротами.

— Гонит пургу, — пробормотал он.

— Проверьте, — пожал плечами Савва.

Фофанов сделал знак каменнолицым парням.

Один из них сунул руку под борт пиджака, сделал шаг вперёд.

Савва призраком сорвался с места, понимая, что больше шансов отбиться у него не будет. Туго свистнул ветер в ушах. Время почти остановило свой бег: движения всех мужчин возле джипа стали неспешными, тягучими, как при замедленной съёмке.

Удар костяшками согнутых пальцев в сонную артерию, рука нырнула под пиджак парня, под его ладонь, ухватила рубчатую рукоять пистолета в плечевом захвате, выдернула. Ствол (обыкновенный «волк» российского производства, слава богу, не психотронный генератор) глянул на почти не двинувшегося с места полковника.

— Стоять! Всем!

Телохранитель Фофанова в этот момент схватился за горло, осел на плиты площадки.

Парни поодаль, сам полковник и следователь, в полной тишине проводили его глазами. Следователь перевёл взгляд на Савву, медленно понёс руку к пиджаку.

Савва качнул головой.

— Не стоит рисковать, любезный, у меня есть все основания пустить вам пулю в лоб. Поднимите руки. — Савва посмотрел на Фофанова. — Отошлите своих бодигардов, полковник, поговорим без свидетелей.

— Вы напрасно теряете время, — показал крупные желтоватые зубы начальник ФСБ Норильска; в глазах его не было страха, только незыблемая уверенность в своём превосходстве. — Других вариантов не будет. Либо вы с нами, либо труп. Уйти не удастся, за воротами мои люди, а вы один.

Словно в ответ на слова Фофанова за воротами послышался звук мотора подъехавшего автомобиля и резкий сигнал клаксона.

Мужчины застыли, переглядываясь.

— Кого там ещё… — начал следователь, не спеша выполнять приказание Саввы; в его глазах тоже не было страха.

Один из гулявших у ворот полицейских в штатском подошёл к калитке, открыл и отступил в сторону, оглянувшись на компанию у джипа; атаку Саввы он, похоже, не заметил.

— Товарищ полковник…

Его отодвинули в сторону двое вошедших с улицы парней в тёмно-серых костюмах. За ними на плиточную дорожку ступила молодая женщина в брючном костюме салатного цвета, и у Саввы перехватило дыхание: это была его жена Лилия! Правда, с другой

причёской и не блондинка, а брюнетка.

— Что здесь происходит? — осведомилась она с любезной полуулыбкой, упруго, размашистым шагом, подходя ближе.

Высокие каблуки и обтягивающие бёдра брюки подчёркивали достоинства фигуры женщины. В руке она держала айфон, мельком заглянув на его экранчик, через плечо был перекинут ремешок чёрной сумочки. Короткая причёска, яркие зеленоватые глаза, яркие губы…

Савва выдохнул. Это была не Лилия, но очень похожая на неё женщина. До замирания сердца!

— Кто вы? — нахмурил брови Фофанов.

Незнакомка бросила взгляд на ворочавшегося на земле охранника, достала из сумочки удостоверение с малиновой корочкой и золотым тиснением, небрежно раскрыла перед полковником.

— Помощник секретаря Совета безопасности Виктория Шахова. Вы полковник Фофанов Арсений Саркисович, а вы, — она посмотрела на следователя, — заместитель председателя Законодательного собрания Северного федерального округа Тогоев Убыр Сулейманович. Что здесь происходит, господа?

Савва сунул пистолет Фофанову.

— Благодарю за содействие, полковник. Было очень приятно с вами познакомиться. — Он глянул на помощника секретаря Совбеза. — Я майор Савва Бекасов, Управление «А» ФСБ, отдел «спирит».

— Я знаю, — кивнула Шахова невозмутимо.

— Мы тут… э-э… немного поспорили. Разрешите, я вам всё объясню лично?

— Вы в курсе происшедших здесь событий?

— Да.

— Садитесь в мою машину.

— Э-э… позвольте, — очнулся следователь, которого помощница секретаря Совбеза назвала Тогоевым. — Какое вы имеете право вмешиваться в…

— Имею, — с улыбкой перебила его Шахова. — Дело Голубенского заинтересовало моё непосредственное начальство, оно теперь, то есть дело, на контроле президента. Соответствующее решение принято. Майор Бекасов как раз исполняет это решение. Ещё вопросы?

— Мы полагаем, что он… — откашлявшись, начал Фофанов.

Шахова перевела взгляд на полковника, потом на встающего с плит тротуара парня, которого уронил Савва.

— Я разберусь. К вам у меня тоже есть вопросы, встретимся в вашей резиденции на Пятидесятилетии Октября, если не

ошибаюсь. А теперь прошу проинформировать меня по деталям инцидента. Покажите, где и как это случилось.

Тогоев кинул многозначительный взгляд на Фофанова.

— Хорошо, идёмте, — сказал начальник ФСБ Норильска, глянул на своих подчинённых. — Двое со мной.

— Мне не нужны ваши провожатые, — пренебрежительно сказала посланница секретаря Совбеза, подчеркнув интонацией слово «ваши». — Лёша, осмотритесь, остальные со мной.

Плечистый блондин с подбритыми висками поднёс к губам руку с часами, что-то тихо проговорил.

Савва хотел предложить женщине (ну, копия жены, ей-богу!) свои услуги, но она его опередила:

— Майор, в машину.

— Слушаюсь, — кивнул он, помедлив. Проводил взглядом зашагавших к коттеджу Фофанова, Шахову и её двух сопровождающих, встретил тёмный взгляд Тогоева, развёл руками:

— Все мы под богом ходим. Кстати, а разрешение на оружие у вас имеется, господин депутат? Вы так и норовите сунуть руку под пиджак. Или там вовсе не пистолет?

Губы Тогоева побелели. Но отвечать он не стал, смерил Савву нехорошим взглядом, круто развернулся и поспешил за компанией, скрывшейся в коттедже.

— Идёмте, товарищ майор, — вежливо пригласил Бекасова парень по имени Лёша.

— Лучше присмотри за этим, — кивнул на Тогоева Савва. — Не нравится он мне, да и вооружён не по чину. Я сам дойду до машины.

Лёша озабоченно оглянулся.

Глава 7. С небес на грешную землю

Расследование инцидента с нападением на усадьбу Архангела ничего не дало. Вывод, сделанный бригадой Следственного комитета Службы Защиты Царцаха, был лаконичен: агрессивно настроенные молодые обитатели Равнины из касты сервов-изгоев захватили модуль охраны правопорядка и, находясь под влиянием спайс-тумаников, решили похулиганить. После чего были уничтожены.

Архангелу вывод не понравился. Он был уверен, что ни о каком хулиганстве речь не шла, за ним устроили охоту, и причастен к нападению, как бы ни хотелось в это не верить, был коллега по иезоду контроля Само Совершенство.

На другой день после окончания расследования Архангел решил встретиться со своим приятелем-геймером по имени Делл, отвечающим за коррекцию природных ресурсов метареальности Земли. Обязанности геймеров были достаточно чётко распределены по физическим, природным, силовым и социальным полям контроля, и если Архангел оперировал сразу несколькими зонами влияния, то геймеры рангом ниже принимали участие в игре только в пределах доступных им уровней. Игровая метареальность была так сложна и многодиапазонна, что в развёртке новых узлов влияния и контроля над ними требовалось участие не одного-двух геймеров, а по крайней мере тысячи, отвечающих за разные аспекты человеческого бытия.

Делл — при рождении его назвали Кримлом (Кричащим Младенцем), но после совершеннолетия он взял имя Деловой Любитель (Архангел тоже не родился Амазоном, в инкубаторе ему дали имя Тисап (Тихий Сапиенс), и лишь достигнув возраста выбора профессии, он стал Амазоном — Арбитром-Мажором Зоны; Архангелом его звали друзья и приятели. Высокий, смуглолицый, предпочитавший носить свободного кроя хитоны, расшитые оранжем и перламутровыми перьями, Делл усадил гостя в уголке рума отдыха и окружил его гигантским лесом с деревьями невероятных размеров и форм. Архангел навещал приятеля не раз, поэтому тот знал эстетические пристрастия сенатора, создавая приятные для него ландшафты. То же самое касалось и чувственных удовольствий: стол выдал традиционный для гостя набор напитков, от изумрудного цвета шипучки тарх-ун до голубого слэш-травника; сам хозяин предпочитал тягучий янтарный мескалитэ.

Сделали по глотку, смакуя вкус напитков.

— Проблемы? — поинтересовался Делл.

— Увы, — признался Архангел со вздохом.

— Конфликт интересов?

— Вроде того.

— Само Совершенство не любит соперников.

— Я ему не мешаю.

Геймер усмехнулся, покачал пальцем.

— Мешаешь, друг мой, и ты это знаешь. Хочешь добавить новый конфликтный узел?

— Хочу избежать многочисленных жертв.

— Но ведь это игра, её обитатели — всего лишь подпрограммы…

— Обитатели метареальности — люди, имеющие те же характеристики, что и мы с тобой. Они ограничены матрицей, это правда, но они живые субъекты! К тому же они имеют большой творческий потенциал, поскольку создали своё игровое пространство — Интернет и играют с не меньшим азартом, чем мы. Нельзя относиться к ним как… — Архангел поискал формулировку, — к предметам обихода. Я не стремлюсь к активации конфликтного узла, но прошу всех играть по общим правилам. Я же не предлагаю подвесить над Землёй ещё один спутник? Или уничтожить какую-нибудь из планет, как это случилось во время предыдущей смены.

Архангел имел в виду развитие программы земной метареальности, претерпевшее не один апгрейд. В самом начале включения Земля не была круглой и вообще планетой в общепринятом смысле. Она была плоской и покоилась на спине гигантской черепахи, которая в свою очередь опиралась на трёх слонов. В процессе развития игрового поля родина человечества пережила несколько трансформаций, пока не стала одной из планет Солнечной системы, сначала одинокой, потом получила спутник — Луну. Да и сама Солнечная система изменялась не раз, то обрастая планетами, то теряя их, как Фаэтон и Немезиду, и галактики меняли очертания и количество звёзд, и структура пространства — вакуум.

— Всё равно ты рискуешь, — сказал Делл.

Архангел поморщился.

— Кто не рискует, тот не пьёт тарх-ун.

Делл весело рассмеялся.

— Я тоже люблю рисковать, но не настолько красив, чтобы мне это прощали. Хочешь совет?

— За этим и пришёл.

— Возьми отпуск, отдохни на Голубых Лагунах или на других долинных курортах, на Мимасе, к примеру, или на Флоре. —

Делл небрежно повёл рукой на гигантские стволы деревьев. — Это оттуда. Я был там, прекрасные места, почти не обжитые.

— Тогда кто-то другой полностью переделает матрицу.

— Тебя это беспокоит? Почему?

Архангел допил шипучку. Голова прояснилась.

— Может быть, я напрасно паникую… однако лучше перебдеть, чем недобдеть, как выражаются мои подопечные. Я предпринял кое-какие шаги…

— Зонд? — понимающе прищурился Делл.

Архангел кивнул. Речь шла о программе эмиссара, внедрённой в пси-сферу кого-то из людей.

— Посмотрим, что получится. В принципе, я и сам готов сыграть роль зонда, если конфликт выйдет за пределы правил.

— В таком случае ты нарушишь законодательную этическую базу Искона. Мы можем изменять ситуации на Земле и вообще в метавселенной, но только используя местные носители подпрограмм.

— Боюсь, этот запрет не остановит моего коллегу. А противопоставить его замыслу я могу только волю.

— Он не один, за его спиной стоит кто-то повыше и посильнее.

— Вот я и выясню — кто. — Архангел налил себе ещё тоника, протянул бокал приятелю, и они чокнулись.

Глава 8. Продолжение банкета

Звонок мобильного айкома разбудил его в семь утра.

Тянуться к тумбочке было лень, и Савва пробормотал сполусонья:

— Ответь!

Его новомодный гаджет связи, оформленный под браслет с часами, выполнявший и множество других функций — от показа времени до выхода в Сеть через вай-фай, послушно выдул из кругляша часов призрачный пузырь объёмного экрана с изображением абонента. Звонил Кеша Рудницкий, приятель, с которым Савва познакомился четыре года назад на презентации инновационных технологий в сфере связи, где Иннокентий демонстрировал новый отечественный айком, а Савва был делегирован на выставку гаджетов от своего ведомства. С тех пор они встречались довольно часто и дружили, несмотря на то что Кеша был на три года моложе Бекасова.

— Пора вставать, — заявил он жизнерадостно; вихрастый, в квадратных, на пол-лица, очках, он был похож на абитуриента математического вуза, хотя на самом деле пять лет назад окончил МИФИ, а точнее — НИЯУ, как теперь назывался институт, — научно-исследовательский ядерный университет, — и в настоящее время работал в Сколково — руководил лабораторией перспективных радиофизических исследований.

Кроме того, Кеша в качестве хобби создавал теорию «фундаментального моделирования всего сущего», будучи уверенным в том, что при достаточной вычислительной мощности современных компьютеров можно смоделировать не только любой физический процесс, но и Вселенную. При этом он утверждал, что человечество живёт именно в такой Метавселенной — «смоделированной» в каком-то «божеском» суперкомпьютере, и собирался в скором времени не только доказать правильность своих выводов, но и связаться с создателями «модели». Для этого он с помощью учёных московского курчатовского ядерного центра запустил на сколковском суперкомпьютере программу, которая воспроизводила поведение двадцати миллионов галактик, заключённых в куб со стороной в два миллиарда световых лет, от Большого взрыва по сегодняшний день. Проект назвали Миллениум Эо, он был одобрен экспертным советом инновационного центра и, по утверждению Кеши, способствовал воссозданию картины «младенческого» возраста Мироздания.

Вдобавок ко всему научные интересы Кеши не заканчивались

моделированием Мироздания, он конструировал какое-то устройство мгновенной связи — УМС, ласкательно — умсорик, и занимался теорией радужной гравитации, «вписывая» в неё теорию струн, теорию квантовой гравитации и общую теорию относительности, собираясь доказать существование некоего единого Замысла, который мог объединить все существующие физические теории в одну структуру.

— Сегодня воскресенье, — простонал Савва, которому пришлось лечь в третьем часу ночи после возвращения с Ямала.

— Я тебя ненадолго отвлеку, — не обратил внимания на тон приятеля Кеша. — Помнишь, я дал тебе перстень?

— Ну?

— Он с тобой?

Савва повернул голову, заметив, что жена начала ворочаться, с трудом вспомнил, о чём идёт речь.

Иннокентий давно собирался создать умсорик, опираясь на теорию упругой квантованной среды, и даже пытался доказать начальству перспективность разработки, но тему в план лаборатории не поставили, слишком много у неё оказалось недоброжелателей и скептиков, и Кеша занялся умсориком самостоятельно. Перстень, о котором он напомнил другу, являлся «индикатором вакуумных осцилляций», по-простому — маячком, отзывающимся на запуск УМСа световой вспышкой. Кеша дал его Савве месяц назад и вот решил проверить, не забыл ли майор о подарке.

— Я его не ношу на пальце… в столе лежит.

— Вытащи.

— Зачем?

— Я буду запускать умсорик. Заметишь вспышку — засеки точное время.

— А позже нельзя это сделать?

— Ты что, старик, это же эпохальное событие! Я шёл к нему десять лет! Оно ж на Нобелевку тянет!

— Выпей рассольчику, успокойся.

— Я не алкаш, — не обиделся Кеша. — Короче, вытаскивай маячок и жди. Я живу в Мытищах, ты в Видном, между нами около тридцати пяти километров, посмотрим, как быстро долетит сигнал.

Савва окончательно проснулся.

— Тут же другая аппаратура нужна. Даже если сигнал будет лететь со скоростью света, он домчится ко мне… — Савва прикинул цифры, — за одну десятитысячную долю секунды.

— Какая скорость света, о чём ты говоришь? — возмутился Кеша. — Нелинейная квантовая «расшнуровка» поляризует весь

вакуум мгновенно! Даже если ты будешь жить на Марсе!

— Не буду.

— …И вообще неважно, где ты будешь, — закончил Иннокентий, пропустив мимо ушей замечание Саввы. — Хоть на другом конце света. Так что давай, не ленись, вставай и готовься. Я включусь минут через пять.

Пришлось подниматься, искать перстень и настраивать в айкоме хронометр, точно показывающий текущее время.

— Кто звонил? — сонно спросила Лилия.

— Кеша, — ответил Савва, помяв лицо руками.

Квадратик чёрного стекла на массивном циркониевом перстне вспыхнул оранжевым светом в семь часов тринадцать минут двадцать шесть секунд. И тотчас же зазвонил мобильный:

— Ну, что, загорелось?!

Савва засмеялся.

— У кого-то в заднице загорелось.

— Я серьёзно! Получил сигнал? Индикатор сработал?

— Была вспышка ровно в семь часов тринадцать минут.

Изображение головы Кеши в трёхмерном яйце мобильного телефона издало тихий вопль:

— Ура! Я гений! На моих командирских те же цифры! А эти лузеры не хотели брать мою идею в разработку! Дуралеи! Пусть теперь кусают локти! Время одиночек прошло, — передразнил он кого-то, — всё решают творческие коллективы, одна голова — это плохо… Одна голова — моя — залог успеха!

— Вообще-то голова с туловищем лучше, — осторожно возразил Савва.

Кеша снова не обратил внимания на его реплику, потряс над головой кулаком.

— Мир скоро узнает обо мне! Люська обрыдается, когда узнает, только я не прощу!

Люськой звали подругу Кеши, которая ушла от него в начале августа, не выдержав его образа жизни: если в работе Рудницкий являл собой абсолютный порядок и точность, то в личной жизни это был человек хаоса, никогда не знавший утром, где его носки, а то и трусы.

— Приезжай ко мне, я тебе кое-что покажу, — закончил изобретатель умсорика. — Заодно отпразднуем победу, шампанского выпьем. Мне Женька Шилов позвонил из Штатов, он там живёт, я и ему дал приёмник, впихнул чип умсорика в ручку-фонарик, пишет по имейлу — сработал маячок.

Савва собирался отоспаться до обеда, потом съездить к маме в Подмосковье, но горячности Кеши уступил.

— Хорошо, гений-одиночка, буду часа через два.

— Чего он от тебя хочет? — тем же сонным голосом спросила жена.

— Хочет похвастаться умсориком, он его доделал.

— Чем? — проснулась Лилия окончательно.

— Кеша создал устройство мгновенной связи, назвал его УМСом, или умсориком. Он фанат своих разработок, а похвастаться некому. Придётся ехать.

— Кофе сварить?

— Спи, я сам.

Савва посмотрел на умиротворённое лицо жены, вспомнил последнюю встречу с Викторией Шаховой, помощницей секретаря Совбеза, безумно похожей на жену почти во всех деталях, кроме цвета волос.

Встреча состоялась в гостинице Норильска «Белый медведь», построенной недавно по отечественной технологии из вспененного базальта. До этого Савва дважды беседовал с Шаховой, и оба раза — в её машине, синем «Хундае», принадлежащем местному отделению МЧС. Обсуждали причину убийства Голубенского, организацию убийства и тех, кто за ним стоит.

Савва признался, что ему сделали предложение присоединиться к команде, «радеющей за светлое будущее человечества», которую возглавляли норильские силовики, и Шахова ответила, что проблема шире, чем кажется на первый взгляд. За Фофановым стоит более мощная структура, чем ФСБ, начавшая охотиться за нефтяниками, отчего цена на нефть резко пошла вверх. На вопрос Саввы: кому это выгодно? — помощница секретаря Совбеза ответила с понимающей улыбкой:

— В первую очередь — России, у нас теперь намечается профицит бюджета. Во вторую очередь — Китаю, в третью, как ни странно, Соединённым Штатам, у которых образовался большой запас нефти в подземных нефтехранилищах. Но вообще-то проблема не упирается в экономику и финансы. Кто-то действительно хочет изменить реальность, направить человечество в космос и развить иные технологии.

— Цель благородная, — скептически скривил губы Савва, — если бы не методы её достижения. Если руководит всем не секретная государственная служба и не американское ЦРУ, то кто?

— Выясним, — коротко ответила Шахова.

Каждый раз, когда она обозначала улыбку, сердце Саввы давало сбой, до того женщина походила на жену, и он даже спросил, не имеет ли она родственницу по фамилии Калашникова; такую фамилию носила до замужества Лилия.

Шахова ответила, что не имеет, и разговор на этом закончился, хотя у Саввы осталось странное ощущение, что она чего-то недоговаривает.

Спросил он «копию жены» и о том, почему она заявила Фофанову о поручении президента, якобы данном Савве, на что Шахова с той же улыбкой, от которой его продирал мороз по спине, ответила:

— Нужен был весомый довод, чтобы спасти вас от расправы, вот я его и нашла. Кстати, на эту тему мне хотелось бы с вами поговорить.

После этой встречи Фофанов и Тогоев исчезли с горизонта, прекратив вылазки на дачу Голубенского и преследование Саввы. Как оказалось впоследствии, начальник УФСБ Норильска внезапно слёг в больницу с синдромом раздвоения личности, а Тогоев улетел за границу, и след его потерялся.

В ресторане гостиницы Шахова конкретных бесед не начинала, пригласила майора к себе в номер и уже после этого завела серьёзный разговор. Первый вопрос Савву озадачил.

— Вы удовлетворены своим положением в конторе? — спросила женщина.

Савва удивился, но виду не подал.

— Этот разговор прошу начальству не передавать, — добавила она, показав красивые белые зубы.

— Я понял, — ответно улыбнулся он, с трудом отведя взгляд от полных, красивого рисунка, губ хозяйки номера. — В принципе, работа интересная…

— Да или нет?

— Да… — Он подумал, хмыкнул: — Приходится изучать естественные науки, массу материала, чтобы разбираться в поступающей информации. Я уже второй год работаю в «спирите», начинал с исследования НЛО и подводных аномальных явлений, теперь изучаю эзотерику, паранормальные процессы и пси-феномены. Почему это вас интересует? Я имею в виду — моё положение в конторе?

— Я вам говорила: проблема с ликвидацией нефтяников глубже, чем видится из начальственных кабинетов. Фофанов не успел сообщить, кто за ним стоит?

— Нет.

— Жаль, это надо знать непременно. Не хотите перейти в мою контору?

— Что? — растерялся Савва. — В вашу?!

— Совбез имеет собственную обслуживающую структуру и собственную охрану. Я аналитик, возглавляю отдел подготовки информационно-аналитических материалов о деятельности

федеральных органов власти, вы начнёте работать со мной.

— Охранником? — улыбнулся он.

Шахова бросила на него красноречивый, со смешинкой в глубине, взгляд.

— Поскольку вы не из тех, кто готов отдать жизнь за ночь с женщиной, как поётся в песне, то я предлагаю вам должность начальника внутренней службы безопасности.

Савва сел прямее, ему стало жарко. Решил пошутить:

— Это что-то новое — служба внутренней безопасности Совета безопасности. Крышующая крыша…

— Речь идёт о серьёзных проблемах.

— Почему вы думаете, что я не из… тех мужчин?

Шахова рассмеялась.

— Я знаю вас лучше, чем вы себя. Пришлось изучить ваше досье, прежде чем делать предложение.

— Понятно, — пробормотал он. — Неужели не нашли компромата?

— Если бы нашли, мы с вами не увиделись бы. Что скажете?

— Не знаю… неожиданное предложение, надо поразмыслить. Странно, что Совбезу требуется собственная служба безопасности.

— Мир меняется не в лучшую сторону. Приходится заниматься и охраной сотрудников.

— Не царское это дело. Для охраны существует множество разных специальных структур.

— Иногда очень серьёзные проблемы начинаются с простой болтовни на работе. Наша система защищает страну от дестабилизации наравне с вашей конторой. На моих глазах вирус глобального контроля над умами и психикой людей всё глубже проникает в нашу жизнь и плоть, а мы ничего не можем ему противопоставить. Люди по сути стали зомби чьей-то программы контроля, неужели вы откажетесь нейтрализовать этот вирус?

Савва задумался.

— Вместе с нами, — добавила Шахова.

Савва молчал, думал.

— Вместе со мной, — с преувеличенной кокетливостью улыбнулась помощница секретаря Совета безопасности.

Савва покачал головой, пытаясь отстроиться от колдовских чар «копии жены».

— Я подумаю. Не торопите меня. Хотя уверен, что меня не отпустят.

— Пусть вас не беспокоит эта проблема. Карташову не отказывает даже президент. — Она имела в виду секретаря Совбеза. — Чаю хотите?

Он хотел сказать «нет», но сказал «да». После чего они

посидели ещё четверть часа, обсуждая подробности инцидента с Голубенским, и разошлись.

На следующий день Шахова уехала, не попрощавшись, а Савва полетел на Ямал, чтобы разобраться с убийством владельца компании «Ямалнефть» Вячеслава Феллера, и только в воскресенье двадцать второго июля вернулся в Москву. Мысль о переходе в Совбез окончательно созрела ещё в аэропорту, но по телефону озвучивать её Старшинину не хотелось. Шаг был серьёзный, вёл к непредсказуемым последствиям и полковника наверняка должен был огорчить.

Савва умылся, стараясь не шуметь, сварил кофе, выпил чашку и спустился во двор дома, огороженный жильцами, чтобы на его территорию не заезжали машины с улицы. Ограда была закончена в прошлом году, и с тех пор проблем с парковкой у владельцев квартир не существовало.

* * *

Жил Кеша Рудницкий в десятом микрорайоне Мытищ, на улице Лётная. Его двухкомнатная квартира, принадлежащая ещё деду, располагалась на последнем этаже старой двадцатидвухэтажки, и с её балкона были видны трубы ТЭЦ-27 «Северная».

Савва, тепло одетый (конец июля в Москве выдался не по-летнему сырым и холодным), — оставил свой «Ягуар» во дворе дома, поднялся на двадцать второй этаж, позвонил в дверь.

— Входи, — разрешила дверь голосом хозяина, посмотрев на него глазком телекамеры.

Вопреки неказистому виду всего дома, возраст которого перевалил за три десятилетия, квартира Рудницкого представляла собой «умную жилплощадь», оборудованную по всем современным технологиям системами жизнеобеспечения. Кеша сам приложил руку к их установке, сменив интерьеры квартиры после смерти родителей, превратил спальню в рабочий кабинет, и теперь глаз гостя то и дело натыкался в прихожей и гостиной на углы подстраивающейся к эмоциям жильца мебели, на огни подсветки, на узор меняющего рисунок плит пола и на выбегающих из-под плинтусов, диванов, столов и шкафов металлических «насекомых» — роботов-уборщиков.

— Кеша, — окликнул физика Савва, не решаясь снять обувь. — Они не кусаются?

Стены прихожей посмотрели на него недовольно. Квартирная автоматика была настроена только на голос владельца и на

громкий голос гостя отреагировала как собака, готовая защитить хозяина.

— Проходи, я в кабинете, — ответил Рудницкий. — Тапочки тебе подадут.

Савва посмотрел на шестинога величиной с кулак, похожего на паука и черепашку одновременно. Он тоже жил в квартире с удобствами, но таких роботов не имел.

— Тапки.

Механизм затрясся, молнией метнулся к шкафчику с обувью, выхватил тапки и поставил перед гостем.

— Молодец!

Механизм снова затрясся и юркнул куда-то, как самый настоящий паук или таракан.

Савва снял куртку, нацепил тапки, прошлёпал в спальню, превращённую Кешей в нечто напоминающее телемастерскую и компьютерный терминал.

Хозяин, в красной майке с изображением телебашни и надписью МТС, в шортах и меховых тапках, взмахнул рукой.

В комнате зазвучал марш победителей:

— Та-а, да-да-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та, да-а-да-а-да-да-да-дам!

Хлопнула пробка, вылетая из бутылки шампанского.

Небритый по крайней мере трое суток Кеша налил вино в бокалы.

— За победу!

— Я за рулём.

— Ничего, у тебя ксива чекиста, не остановят.

Они чокнулись.

Кеша в три глотка осушил бокал. Савва сделал глоток, поискал глазами место, где можно было бы сесть, и Рудницкий смахнул рукой с диванчика груду дисков и прозрачных коробок.

— Садись!

— Ну и где твой умсорик?

— Любуйся! — Кеша театральным жестом показал на конструкцию на столе, напоминающую изваяние скульптора-модерниста. — Фрактальная композиция «заворот кишок», объёмная реализация взаимодействий квантонов пространства. Генератор — вот этот ёжик внутри — сферически поляризует вакуум, который, насколько тебе известно, не есть пустота, а упругая квантованная среда, заполненная безмассовыми частицами — квантонами.

— Опусти подробности, — попросил Савва, благожелательно глядя на взволнованного изобретателя. — Ты уверен, что твоя рация передаёт сигнал мгновенно?

— Не передаёт — поляризует вакуум.

— Не уточняй.

— Уверен! Но это пока только первая демонстрация генератора. Он создаёт сферическую волну, которая пронзила нас, город, всю Землю и, возможно, Солнечную систему. А нужна векторная поляризация, и я уже работаю над фокусирующей системой, которая создаст самоподдерживающийся солитон.

— Фанатик! Говорю же — не уточняй, в отличие от тебя я не кандидат наук, а простой выпускник радиотехнического вуза, нашедший себя в контрразведке. С твоим УМСом всё понятно… Если он работает.

— Не сомневайся! Маячок же сработал?

— Что ты собираешься делать дальше?

— Тестировать генератор.

— Как? Чтобы проверить его характеристики, нужно по крайней мере отправить маячок в космос, на Луну или подальше, на Марс.

— Согласен, нужны эксперименты. — Кеша налил себе ещё бокал шампанского, глаза его заблестели. — С Луной проще, Вовка Толпегов работает на космодроме Восточный, откуда сейчас наши начинают летать на Луну, я ему отдам маячок, он передаст кому-нибудь из космонавтов. А с Марсом сложнее. У тебя нет связей в Роскосмосе?

Савва покачал головой, забавляясь горячностью приятеля.

— Как мёд, так и ложкой. В Роскосмосе у меня никого, но у моего начальника Старшины дочка работает в центре подготовки космонавтов в Звёздном.

— Это здорово! — обрадовался Рудницкий. — Пусть поучаствует в процессе, родина его… и её не забудет. Но главное не в этом.

— Есть ещё и главное?

— Умсорик позволит доказать мою теорию.

— Каким образом?

— Ты же помнишь, с чего всё начиналось?

Савва сделал глоток шампанского; брют он не любил, как не любил всё кислое, но терпел.

— Ты в детстве начитался фантастики…

— Ерунда, хотя и сейчас почитываю, Головачёва уважаю, интересные идеи иногда предлагает, но идею о моделированных мирах подал ещё Платон, а философ Ник Бостром из Оксфорда лет пятнадцать назад заявил, что наши потомки смогут моделировать реальность. Вот я и зацепился, начал искать инфу, а теперь могу утверждать, что мы живём в смоделированной реальности.

— Докажи.

— Ты же не физик.

— Надеюсь, пойму, если обойдёшься без формул.

— Ну, хорошо, я начинал с расчётов сильного ядерного взаимодействия, ещё не забыл, что это такое?

— Одна из фундаментальных сил природы наряду с тремя другими — слабым ядерным взаимодействием, гравитацией и электромагнетизмом.

— Хорошая память, — похвалил Савву Кеша. — Так вот, сильное ядерное взаимодействие объединяет элементарные частицы — кварки и глюоны, и для моделирования процессов нужны супермощные компы. Таких на Земле пока мало. Но они появятся, и мы сможем смоделировать не только физические процессы, но и всю реальность.

Савва сморщился, поставил бокал на пол.

— Кислятина… это когда ещё будет.

— Мощность компов увеличивается вдвое за три года, так что ждать недолго. Но опять же не это главное. Я уверен, что наш мир также кем-то смоделирован.

— Интересно, как ты это заметил? — скептически хмыкнул Савва. — Если мир смоделирован, то и ты тоже?

— Хороший вопрос, — восхитился Кеша. — Креативно мыслишь, майор. Все мои оппоненты задавали мне этот вопрос. Но модель потому и модель, что работает до какого-то предела точности, допуская погрешность. Вот я и взялся искать ту погрешность, так сказать, дефект первого рода.

Савва дотянулся до вазы с печеньем, взял парочку, подумав, что за руль ему теперь садиться нельзя. Если только он не просидит у приятеля часа два.

— Нашёл?

— Элементарно, Ватсон! Следи за мыслью гения! Единственный способ моделирования чего угодно — использовать объёмную сетку, которая делит пространство на крошечные клетки. Чем меньше клетка, тем модель точнее отражает реальные характеристики объекта. Но если моделирование определённого объёма производится на сетке с конечным шагом, по законам квантовой механики…

Савва потерял нить размышлений Кеши.

— Короче.

— При достаточно большой энергии частиц на ускорителе можно увидеть структуру решётки. Понимаешь? То есть — искусственную базу модели, которая и есть искомый дефект!

— Сетка?

— Именно!

— Как же ты её увидел? В бинокль?

Кеша на шутку не отреагировал.

— Не я — учёные, работающие на БАКе[3]. Хотя они и не поняли, что обнаружили. Искали бозон Хиггса, описали эффекты, и я всё понял. Если бы сетки не было, частицы после взаимодействия с мишенью ускорителя равномерно распределились бы по всем направлениям, а они тяготеют к определённым осям! Понимаешь? Это означает, что наша Вселенная действительно построена по сетке! Она — сложнейшая модель в каком-то фундаментальном компьютере, и сейчас, возможно, кто-то из создателей модели слушает наш с тобой разговор.

— Бог, — пошутил Савва, настроенный несерьёзно. Хотя ему нет-нет да и вспоминался разговор с Фофановым.

— Бога нет, — отмахнулся Иннокентий. — Творцы Мироздания — есть. Мне тоже было бы интересно запустить множество вселенных, меняя в них различные параметры. Наши создатели занимаются тем же, но в других масштабах.

Савва сунул в рот печенюшку.

— При чём тут твой умсорик?

— При том, что устройство можно использовать для определения шага сетки. Оно поляризует вакуум одномоментно, и при достаточном количестве маячков можно будет рассчитать резонансы ячеек сетки.

— Сколько же надо маячков?

Кеша слегка опечалился.

— Хотя бы пару миллионов… в разных концах Галактики.

Савва присвистнул, хохотнул.

— Ну, это мы с тобой не поимеем и через тысячу лет.

— Да понимаю, хотя и на трёх-четырёх можно будет грубо оценить эффект. Зато УМС можно будет использовать для связи, сигнал не поглощается никаким материалом. Да и энергии надо — крохи. Может, хотя бы за это Нобелевку дадут? К кому обратиться, не посоветуешь?

Савва съел ещё одну печенюшку.

— К руководству МТС.

— Почему к ним?

— Потому что там работают креативные люди, они наверняка схватятся за реализацию мгновенной связи.

— А если предложить военным, в Минобороны? Поможешь?

— Предложить можно, только, боюсь, тебя заграбастают из Сколково в какую-нибудь секретную военную лабораторию и заставят пахать там до скончания века под подписку о невыезде и гарантиях сохранения гостайны.

— Да ладно, не те времена.

— Времена, может, и не те, сгустил я краски, однако с такими вещами не шутят. Ты же знаешь, нет такой идеи, какую нельзя было бы превратить в оружие.

— Значит, МТС?

— Это навскидку, надо подумать.

В прихожей вдруг раздался звонок.

Савва посмотрел на разрумянившееся лицо Кеши.

— Кого-нибудь ждёшь?

— Да нет, ни с кем не договаривался.

— Кто это может быть?

— Если бы свои позвонили, домовой уже сообщил бы — кто. Сейчас посмотрим.

Савва остановил приятеля.

— Сам открою, не спеши.

Он подошёл к двери, на панельке домофона загорелось изображение гостя. Сердце ёкнуло. На площадке перед дверью квартиры стояла Виктория Шахова, помощница секретаря Совбеза собственной персоной. На этот раз на ней был модный плащик серебристого цвета, играющий перламутром, почти не скрывающий фигуру, и великолепные ножки в туфлях на высоких каблучках. В руках она держала знакомую сумочку. Рядом больше никого не было, хотя как она прошла в подъезд, минуя охранника, было непонятно.

— Вика…

— Кто? — поинтересовался Кеша.

— Знакомая… в Норильске познакомились.

— Открывай.

Савва ткнул кнопочку замковой консоли, компьютер открыл дверь.

— Здравствуйте, — сказала гостья грудным контральто, окидывая Савву взглядом, глянула на выглядывающего из-за его плеча обалдевшего Кешу. — Господин Рудницкий?

— Он…

— Разрешите войти?

Савва молча отступил в сторону.

Шахова вошла в прихожую, по-хозяйски огляделась, задержала взгляд на Кеше, и тот инстинктивно подсмыкнул шорты.

— Проходите… э-э…

— Виктория. Ваш друг меня знает.

— Позвольте, я помогу… — Кеша отодвинул дверцу шкафа, достал вешалку.

Савва отобрал у него вешалку, принял плащик гостьи,

отметив краем глаза красоту платья под ним и достоинства фигуры — высокую грудь и тонкую талию.

— Проходите.

Гостья вошла в гостиную, внимательно посмотрела на стол, на котором сверкала пирамидка УМСа и шампанское.

— Празднуете?

— Д-да… нет, это устройство…

— Я знаю.

Кеша ошеломлённо оглянулся на не менее ошеломлённого Савву, тот пожал плечами.

— Нам всё объяснят, не так ли?

— Разумеется. Разрешите сесть?

Кеша опомнился, смахнул с дивана оставшиеся там журналы и диски, сделал широкий жест.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Шампанского?

— Мотив?

— Мы проэкспериментировали с… — Кеша встретил взгляд Саввы, замялся.

— Это перспективное устройство связи, — пришёл Савва ему на помощь. — Только что проверили. Выпьете с нами?

— Не откажусь.

Кеша сбегал на кухню за бокалом, Савва налил шампанского, передал бокал гостье. Она пригубила напиток, посмотрела на бутылку.

— Брют… чуть кислее, чем надо.

— Чего вы хотите от испанского «Де шарни»? — пожал плечами Савва.

— А я люблю кислое, — объявил Кеша, разглядывая гостью хмельными глазами.

— Каждому своё, — улыбнулась Шахова, не обращая внимания на взгляды конструктора.

Савва промолчал, ожидая, что будет дальше. Внезапное появление помощницы секретаря Совбеза не укладывалось ни в какие схемы, поэтому не стоило спрашивать, по какой причине Виктория Шахова решила посетить изобретателя умсорика.

Кеша боком обошёл его, рухнул на диван рядом с Саввой.

— Дай мне по морде!

— Зачем? — озадачился майор.

— Чтоб я проснулся.

— Вы же знаете, что не спите, — с лёгкой укоризной сказала Шахова. — У вас очень мощный интеллект, попробуйте угадать, где я работаю.

Кеша глянул на бокал в руке, встал, налил шампанского, выпил, снова рухнул на диван так, что застонали пружины.

— Вы мне льстите.

— Не имею привычки.

— Вы не пришелец. — Кеша хохотнул. — Пришельцы такими красивыми не бывают. А так как вы познакомились с Саввой в Норильске, куда он летал по делам службы, то вы тоже из какой-то спецконторы. Но не из ФСБ. Министерство обороны? — Кеша наморщил лоб. — Не похоже. Разве что Следственный комитет? В крайнем случае — Совбез.

Глаза Шаховой стали больше, в них отразилось если и не восхищение, то уважение. Она сделала глоток шампанского, закинула ногу на ногу; ноги у неё были длинные, чистых линий, от них невозможно было отвести глаз.

— Браво, Иннокентий Леонтьевич, быстро ориентируетесь, мы не ошиблись в ваших аналитических способностях. Поэтому сразу перейду к делу. Переходите к нам на работу. Ваш друг майор Бекасов тоже получил такое предложение и поможет вам сделать этот шаг. Не так ли, Савва Миронович?

Савва сделал крупный глоток, досчитал до пяти.

— Я ещё не решил…

— Ой ли? — покачала пальчиком Шахова. — А мне почему-то кажется, что решили.

— Вы о чём?! — очнулся Кеша, переводя взгляд с одного на другую. — О каком переходе речь?! Я же работаю в Сколково, начальник отдела…

— Мы знаем. У нас вы тоже будете заведовать отделом, только возможностей работать с потоками информации у вас будет больше, и заниматься конструированием устройств мгновенной связи вы сможете без оглядки на начальственный окрик. И проблемами космологии и моделирования.

Кеша осоловело почесал лоб, на сводя остановившегося взгляда с лица гостьи, пожевал губами.

— Я в шоке… простите. Куда вы меня приглашаете? В Следственный комитет?

— В Совет безопасности при президенте Российской Федерации.

Кеша засмеялся… и умолк.

— Шутите.

— Ничуть.

— Это правда, — кивнул Савва. — Мне тоже поступило предложение работать в Совбезе.

— Кем?

— Начальником их внутренней службы безопасности.

— А я…

— Будете работать начальником отдела стратегического

анализа. Сможете довести до конца вашу работу с моделированием вселенных.

— Откуда вы… знаете? О моделировании?

— Служба такая. — Шахова допила шампанское. — Процесс перехода не продлится больше двух-трёх дней, мы позаботимся об этом. Но решать надо поскорее, время не ждёт, у нас масса дел.

— Каких?

— Он расскажет, — кивнула на Савву гостья. — К тому же у вас в скором времени могут возникнуть проблемы с личной защитой, и только мы сможем вас оградить от них.

— Не понимаю…

Шахова встала.

— Нам очень нужен специалист вашего уровня. Как говорится — фигура влияния. У вас будет всё для работы и для реализации всех ваших идей. В бытовом плане вы не проиграете, наоборот, только выиграете. В случае нужды мы дадим вам охрану.

Кеша сделал пренебрежительный жест.

— Вот ещё!

— Вы согласны?

Кеша покосился на Савву.

— Нет… простите. Шило на мыло не меняют.

— Это правильно, — улыбнулась гостья. — Хотя мы предлагаем вам не шило и не мыло. Надеюсь, вы согласитесь. Жду вашего звонка, парни. Была рада знакомству.

Она пошла к двери.

Савва вскочил, подал ей плащ.

— Я думал, что вы обо мне забыли.

— Напрасно, я человек слова. Обсудите предложение, нам действительно нужны такие специалисты, как вы. К тому же есть другие аргументы перейти к нам, господа из той конторы, которая вышла на вас в лице Фофанова, не успокоятся. Вы докладывали Старшинину о встрече с полковником?

— Ещё нет.

— Не докладывайте, ему знать об этом не нужно. — Женщина посмотрела на Кешу, на лице которого было написано недоверие и жадное любопытство. — До свидания, Иннокентий Леонтьевич. Надеюсь, мы встретимся вскоре.

— Вас проводить? — сказал Савва.

— Не нужно, меня ждут. — Шахова вышла, не оглянувшись.

Савва закрыл за ней дверь, оглянулся на Кешу.

— С ума сойти! — криво улыбнулся приятель. — Какая же она красивая! Кстати, на твою жену похожа.

Копия! — хотел сказать Савва, но передумал.

— Пошли, обсудим.

Они вернулись в гостиную, налили в бокалы шампанского, Савва поднял свой.

— За успех безнадёжного дела?

Кеша воздел руки к потолку, выдул бокал, постоял с поднятыми руками, словно хотел обнять пустоту. Со вздохом опустил руки.

— Она безумно красивая! Но я к ним не пойду. У меня всё в шоколаде, работать никто не мешает, и подотчётен я только директору центра.

Савва рассмеялся, хотя в душу заполз червячок ревности. Помощница секретаря Совбеза действительно была очень красивой женщиной и безумно напоминала ему Лилию, поэтому обсуждать её облик не хотелось, и вообще заводить разговоры о сходстве не хотелось. Было в этом сходстве что-то неестественное, чему он никак не мог найти объяснение.

— Значит, откажешься?

— А ты?

Савва сел, глядя на пирамидку умсорика, ощущая лёгкую эйфорию.

— Наверно, пойду. Там другая перспектива… другие возможности.

Кеша вдруг опечалился.

— Хотя работать в Совбезе, наверно, престижно… С другой стороны, уходить из Сколково нет смысла, я там привык… и ребята хорошие.

— И компьютер мощный.

— Именно что.

Просто для тебя ещё не пришла пора перемен, подумал Савва, вспоминая походку Шаховой и сравнивая её с походкой Лилии. Обе женщины действительно были похожи, как родные сёстры-близняшки, но одна была пусть и постарше, но вызывающе женственна, чего нельзя было не заметить. Как там говорил поэт?

> …что есть красота?
> И почему её обожествляют люди?
> Сосуд она, в котором пустота?
> Или огонь, мерцающий в сосуде?[4]

Савва разлил по бокалам остатки шампанского.

— За огонь!

Кеша поднял свой бокал, хотя вряд ли понял, что имеет в виду приятель.

Глава 9. Покой нам только снится

Старшинин воспринял уход Бекасова из Управления болезненно. Изучив доклад о поездке майора в Норильск и на Ямал, он упрекнул его в отсутствии конкретного результата, хотя результат был: дело повесили на местное ФСБ и лично его руководителя Фофанова, — и долго уговаривал Савву остаться в отделе «спирит», приводя разные доводы «за». Обещал даже повысить в звании. Однако Савва, никогда не менявший своих решений, из-за чего жена прозвала его «упёртым бараном», уже увлёкся новой идеей и от предложений полковника отказался. Старшинин же применить административный ресурс и оставить Бекасова на службе не мог, так как получил приказ Папы не препятствовать майору в переходе на новое поприще. Очевидно, ему позвонили из аппарата Совбеза, а то и вызвали к секретарю Совета для объяснений ситуации.

Сдал дела Савва быстро, за один день.

Ещё один день ушёл на оформление на новое место работы. Нынешний документооборот с компьютерным сопровождением не занимал много времени. И уже в среду 25 июля Савва получил пропуск и с замиранием сердца переступил порог здания в Ипатьевском переулке, дом четыре, настроенный на долгие беседы с Викторией Шаховой, внезапно ворвавшейся в его жизнь и занимавшей в последние дни чуть ли не всю мысленную сферу.

Однако надежды его на быстрое вхождение в проблемы Совета и встречи с Викторией не оправдались. Помощница секретаря лишь отвела его к своему заму, и тот, показав новому главе службы безопасности его кабинет на первом этаже, предложил ознакомиться с обязанностями руководителя службы, а также с внутренними службами аппарата Совета и вопросами, которыми он занимался. После чего зам — молодой человек возраста Саввы по имени Павел — убыл в неизвестном направлении, предоставив новому сотруднику доступ к документам и файлам, не имевшим гриф «совершенно секретно».

Савва оглядел кабинет с видом на Кремль, безликий, вычищенный до блеска, без единой лишней детали, если не считать таковой портрет президента на стене, за креслом, и со вздохом сел за компьютер, огорчённый спартанской обыденностью трудоустройства.

До вечера он просматривал деловые файлы, изучал последние решения Совета, его структуру и принципы деятельности. Узнал много нового.

Структура аппарата Совбеза была утверждена ещё в тысяча

девятьсот девяносто втором году и дважды изменялась в начале века. По распоряжениям президента Совбез вошел в состав Администрации президента, оставаясь при этом самостоятельным подразделением и имея статус Главного управления президента России.

Штатная численность аппарата Совбеза на данный момент была порядка двухсот сорока человек, включая восемь заместителей и троих помощников секретаря, обслуживающий персонал и охрану. В его состав вошли восемь управлений: проблем государственной и общественной безопасности, проблем безопасности в социально-экономической сфере, военной безопасности, международной, безопасности в Северо-Кавказском регионе, военной инспекции.

Виктория Шахова работала в управлении государственной безопасности и при этом исполняла обязанности помощника секретаря, наравне с двумя другими, и начальника отдела подготовки информационно-аналитических материалов, контролируя деятельность федеральных органов власти. Полномочия у неё были такие большие, что даже директор ФСБ не имел права отказывать ей в предоставлении нужных материалов. Под её началом работали двадцать семь человек, и кроме того, ей обязаны были давать отчёты все губернаторы, начальник силовых служб, а также директора научно-исследовательских институтов и производств, в том числе — оборонных предприятий.

Узнал Савва и чем конкретно занимается Шахова.

В её ведении, кроме подготовки отчётов для секретаря и разного рода совещаний, были вопросы, связанные с международными связями Совбеза, хотя файлы об этом в компьютерах Совета раскрывались далеко не все. Савва ещё только готовился стать руководителем внутренней службы безопасности и не получил доступа к особо секретным делам.

Кеша звонил ему дважды, интересовался, как майор устроился и чем будет заниматься. На последний вопрос Савва ответил: важными государственными делами, — и Кешу этим ответом удовлетворил, так как лучший спец Сколково в области инновационных разработок больше подобных вопросов не задавал. В свою очередь на вопрос Бекасова: не заметил ли тот вокруг себя подозрительной возни? — Кеша пошутил: я же не владею нефтяной компанией. Кому я нужен? И Савва немного успокоился, хотя ещё свежи в памяти были слова Виктории: «на вас тоже обратят внимание». Уж слишком специфичные задачи решал Рудницкий, начиная с изобретения умсорика и заканчивая теорией глобального моделирования вселенных.

— Звони, если что заметишь, — попросил Савва.

— Непременно, — пообещал Кеша.

На следующий день после вступления в должность Савву представили коллективу непосредственных подчинённых, коих оказалось шестеро: пять парней и девушка.

Девушке — её звали Катя — исполнилось двадцать семь лет. Она была кадровым офицером ФСБ и носила звание капитана.

Двое парней — лейтенанты Дима и Рома — перешли в Совбез из Управления охраны президента и были самыми молодыми в подразделении. Андрей Петрович Меркурьев (которого все звали просто Петровичем) пришёл в службу из армейской разведки и был, как и Савва, майором. До перехода Бекасова в Совбез он и возглавлял подразделение, будучи по возрасту и опыту старшим всей группы. Тихон Вислый, похожий на Кешу Рудницкого очками, вихрами и поведением, являл собой службу аппаратного обеспечения и не расставался с планшетником, который носил в кармане пиджака, ни на минуту.

В обязанности подразделения входил комплекс мероприятий по обеспечению безопасности сотрудников Совбеза и охрана всех объектов, а также проводимых встреч, совещаний и поездок по стране и за рубеж. К охране привлекался контингент спецназа в количестве взвода — до двадцати пяти человек. Таким образом, подразделение являлось мозговым центром службы и разрабатывало специальные схемы обеспечения безопасности и операции прикрытия. Для этого кроме спецназа ему придавались и службы инженерно-технического сопровождения наряду с информационно-оперативной.

Поскольку Петрович уже давно работал в аппарате Совбеза, он и послужил проводником новому начальнику, обойдя с ним здание Совета и территорию вокруг, а также ввёл его в курс дела и предложил своё видение круга обязанностей главы службы, порекомендовал, на что стоило обратить внимание в первую очередь. По характеру Меркурьев был флегматиком, разговаривал медленно, веско, со своим длинным носом, бледным вытянутым лицом и унылым видом походил на бухгалтера после запоя, но ум имел быстрый и цепкий. Разговаривать с ним было интересно, так как майор знал службу изнутри и хорошо представлял её задачи. Да и послужить успел в разных горячих точках, на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Азии.

К вечеру вконец осоловевший от обилия информации Савва сел в свой видавший виды «Ягуар» синего цвета выпуска две тысячи шестнадцатого года и поехал домой, мечтая понежиться в ванной и насладиться обещанным женой тушёным гусём с капустой. Лилия, несмотря на «крутость» положения — она

отвечала за связи с инвесторами известной не только в Москве, но и по всему миру сети кофеен Double C, — прекрасно готовила и часто баловала мужа изысками кулинарного искусства.

Однако мечты Саввы нарушил звонок по мобильному. Он включил салонный блютус.

— Слушаю.

— Савва Миронович, есть возможность отличиться, — раздался в кабине голос Виктории Шаховой. — Как вы смотрите на вояж в Сингапур?

— В Сингапур? — невольно переспросил удивлённый майор.

— Да, в Сингапур. Вылет срочный, завтра днём, в четырнадцать сорок.

— Что-то случилось?

— Да или нет?

Савва сжал зубы. Виктория не любила пространных объяснений и всегда чётко формулировала вопрос, ожидая услышать такой же чёткий ответ.

— Да.

— Прекрасно, проводку вам сделают, виза не нужна, жду вас в Домодедово завтра в одиннадцать тридцать.

— Хорошо, буду. И всё-таки…

— В сингапурской гостинице Raffles убит китайский нефтяной магнат Ли Сяоши, так что для вас эта командировка будет продолжением расследования, которым вы занимались в Норильске и на Ямале. Всего хорошего.

Савва с сожалением подумал, что не успел спросить, кто летит в Сингапур кроме него, потом переключил внимание на возникшую проблему. Убийства нефтяников продолжались, и становилось понятно, что за Фофановым стоит некая глобальная сила, международная мафия, которая и в самом деле задалась целью ускорить движение цивилизации по пути научно-технического прогресса и заставить людей активнее искать альтернативные источники энергии.

Лилия была дома, хлопотала на кухне, оживлённая и радостная. Встретила мужа поцелуем (он снова заработал сердечный приступ, так как уже почти перестал понимать, кто из двух женщин, отличимых лишь цветом волос и причёской, есть его жена) и принялась ухаживать за ним, делясь впечатлениями от какой-то деловой встречи.

Обнимая вкусно пахнущую жену, он мимолётно подумал, что по сути обнимает и Викторию, но особой радости не испытал. Впечатление было такое, будто он собирался изменить Лилии.

Она его переживаний не заметила, продолжая рассказ.

Он поддакивал, умывался, переодевался, ел и продолжал

думать о предстоящем полёте в Сингапур, где не был ни разу, и о странных встречах в жизни, с одной стороны, повернувших жизненный путь в другую сторону, с другой — связавших его с теми же проблемами. Масштаб охоты на нефтяников начал выходить за рамки детективного сюжета, и на ум невольно приходили мрачные предсказания классиков, описавших будущие войны и гибель человечества от глобального загрязнения почвы и атмосферы. Так, может быть, прав Фофанов и те, кто стоит за ним? Человечество надо срочно снимать с «нефтяной иглы»? И тогда в этом свете деятельность «корректоров» есть благо?

— Ты меня не слушаешь, — обиделась Лилия.

Савва очнулся, поклялся жене в своей любви, что всегда действовало безотказно, и перестал искать смысл в происходящем. Главное было — стать полезным Виктории, тем более что она его, по сути, спасла в Норильске от участи зомбированного Фофановым холопа.

* * *

Вылетели из Домодедово точно по расписанию.

Вместе с Викторией и Саввой от Совбеза полетели ещё двое чиновников, второй зам секретаря Чёрников, мужчина видный, импозантный, с породистым лицом дипломата, и начальник отдела международных проблем Скарабеев, маленький, лысенький, толстенький. Однако оба они летели бизнес-классом, в то время как Виктория и Савва — эконом, и Савва с ними практически не общался.

Одета Виктория была в брючный костюм серого цвета, с жемчужным отливом, выгодно подчёркивающий её фигуру, и Савва мимолётно подумал, что даже вкусы обеих женщин-«близняшек» одинаковы: Лилия тоже предпочитала носить стильные брючные костюмы и неожиданные сочетания модных линий. И сумочки они выбирали одинаковые, формата клатч, внутри которых умещались только помада, пудра, ручка и мобильный телефон.

В салоне самолёта — это был «Суперджет-100» — Виктория села у окна, таким образом Савва оказался справа от неё, ближе к проходу. Не приставал с расспросами, терпеливо ждал, когда спутница заговорит о деле сама.

Она сделала несколько звонков, используя гарнитуру «фри»: клипса на мочке уха играла роль динамика и микрофона (усик от неё к губам был практически незаметен), — говорила мало, больше слушала, и майор деликатно отворачивался, как бы

подчёркивая, что не желает подслушивать чужие тайны. Достал журнал «Занимательная механика», начал просматривать.

Виктория закончила разговаривать, обратила внимание на журнал.

— Что пишут?

— О новых технологиях в искусстве, — ответил он. — Специалисты утверждают, что весь современный инструментарий искусства устарел. Во времена Вольтера человека можно было легко подчинить магией слов. Потом пришло кино, за ним Интернет, но жизнь уже не поддаётся достоверной симуляции такими методами. Должно появиться новое искусство, на стыке технологий программируемого сна, психотроники и гипноза.

— Интересно, — искренне оживилась женщина. — Что это за искусство?

— Художники будущего будут писать не картины и сценарии, а скрипты, по терминологии Кеши, человеческие жизни, которые можно будет купить, как книгу или диск с художественным фильмом. Этот фильм можно будет пережить во сне как полноценный трансперсональный опыт. Таким образом, грань между искусством и жизнью исчезнет полностью.

Виктория сморщилась.

— Значит, по-вашему, художник станет равным богу?

— В каком-то смысле, во всяком случае, творцом искусственной микровселенной точно. Хотя я не первый об этом заговорил.

— Кто был первым?

— В прошлом веке жил замечательный писатель Станислав Лем[5], который задумался над искусственно созданной интеллектуальной и чувственной сферой, а среди наших современников — писатель Пелевин. Не читали?

— Нет времени на чтение. Кстати, как поживает ваш друг Кеша?

— Вчера созванивались, у него всё в порядке. Занят своей теорией фундаментального моделирования. Уверяет, что наша родная Вселенная создана как сложная программа в каком-то запредельном компьютере.

— Да, это мощная идея, — задумчиво проговорила Виктория. — С большим транспарентным потенциалом.

— Ещё он доводит до ума свой умсорик. Убеждён, что за ним большое будущее.

— И тут он прав. Умсорик может стать идеальным средством связи для подводных лодок. Да и вообще в любой стихии. За него могут взяться всерьёз.

— Кто?

Виктория дёрнула плечиком.

— Та же команда, что завербовала Фофанова.

— Ей-то зачем? Она же занимается нефтяниками.

— Не только нефтяниками, она вообще хочет перезагрузить реальность, а это чревато колоссальными изменениями в политике, социуме, вообще в законодательной базе, и сопряжено с огромными жертвами.

Савва с любопытством посмотрел на профиль женщины, едва не проговорив: Лиль, прекрати шутить! Удержал торопливые пальцы, готовые погладить коленку спутницы, что непременно сделал бы, если бы летела с ним жена.

— Как можно перезагрузить реальность?

Виктория достала из сумочки зеркальце, глянула на себя, спрятала обратно.

— Можно, но это секретная информация. У вас пока нет к ней допуска.

— Кеша тоже говорил о перезапуске программы, это его слова. Он считает, что начался апгрейд нашей Вселенной.

— Я его очень хорошо понимаю.

Бортпроводницы перестали ходить по салону самолёта и проверять, пристегнулись ли пассажиры. Самолёт вырулил на полосу, взлетел.

— Вы так уверены в непогрешимости Кеши?

— Его мысли отражают состояние коллективного бессознательного всей реальности. Которая вполне может быть программой. Вы-то сами как относитесь к идее Рудницкого?

Бортпроводницы начали развозить напитки.

Виктория выбрала грейпфрутовый сок, Савва минералку.

— Кеша начинал с космологических феноменов, дал свою интерпретацию тёмной материи и тёмной энергии.

— Что это такое, с вашей точки зрения?

— Ну, тёмная материя — то, что заполняет космос и составляет большую часть его массы, а тёмная энергия — то, что заставляет Вселенную расширяться с ускорением.

— Это общепринятая точка зрения. Вы лично как считаете?

— Никак, — простодушно признался Савва. — Мои интересы так далеко в бесконечность не простираются, я человек материально привязанный и конкретный.

Виктория окинула его оценивающим взглядом.

— Хитрите, майор, вы работали в отделе «спирит», а там нужны специалисты с хорошо развитым воображением. Да и Рудницкий, как неординарный фантазёр, не стал бы дружить с приземлённым человеком.

— Спасибо.

— Не за что. Хорошо, у вас нет своего мнения о Вселенной, но ведь Кеше вы поверили?

— Иногда он заигрывается… в любом смысле этого слова. Долгое время он работал с некоммутативными теориями поля, в которых пространственно-временные координаты являются некоммутативными операторами. Если вам это что-нибудь говорит.

— Что такое некоммутативные операторы?

— Это такие действия, когда результат умножения икса на игрек не совпадает с результатом умножения игрека на икс. Понимаете? При этом нарушается лоренцева симметрия…

— Достаточно, я по образованию лирик, а не физик, в отличие от вас. И как же Иннокентий дошёл до своей теории моделирования?

— Оттолкнулся от квантовой и радужной теорий гравитации. В них на очень малых масштабах предполагается наличие квантов пространства с планковскими[6] размерами, в результате чего пространство представляет собой так называемую спиновую пену или набор N-бран. Кеша пошёл дальше, развил теорию квантонов Леонова… и открыл сетку с планковским шагом, по которой кто-то конструировал нашу Вселенную.

Виктория улыбнулась.

— Это ваши слова?

— Его.

— Исключительно мощный интеллект ваш Рудницкий. При полном отсутствии житейского опыта.

— Откуда вы его знаете?

— Работа такая.

— Почему его теория заинтересовала Совбез?

— Потому что у неё далеко идущие последствия. До их практического применения далеко, но уже сейчас кое-кому может не понравиться возня Кеши с теориями глобального контроля.

— Моделирования?

— Это и есть контроль.

— Кому? Это ведь… — Савва сделал жест, как бы выпуская воздушный шар, — всего лишь мысленный эксперимент.

— А если нет? Если кто-то и в самом деле контролирует наш континуум, всю нашу науку, физику, жизнь?

Савва с сомнением посмотрел на спутницу.

— Неужели подобные фантазии напрягают Совет безопасности?

Виктория рассмеялась.

— Эти фантазии напрягают меня. Но ваш скептицизм забавен. Вы свободно рассуждаете о космологических моделях

Вселенной и напрочь отметаете конспирологические. Почему? Не верите в пастухов-инопланетян?

— Не верю, — подтвердил он серьёзно. — Нет ни одного документального подтверждения, что они существуют.

— А НЛО?

— НЛО по большей части объясняются законными физическими явлениями либо шизоидным состоянием очевидцев их появления. По всем каналам ТВ одна говорильня, словно кто-то специально раздувает эту тему, чтобы люди не поверили в настоящий контакт, если он вдруг случится.

— Может, так оно и есть? А вся ТВ-истерия — всего лишь подтверждение начавшейся подготовки к скорому контакту?

Савва наморщил лоб.

— Вы меня… тестируете?

Виктория снова рассмеялась.

— Проверяю на креативность мышления. У вас хорошая реакция, но мыслите вы узко, надо раздвигать рамки обыденного и мыслить масштабней. Человечество упёрлось в тупик деградации, грядёт эпоха перемен, важно не затеряться.

— Для этого не надо верить всему, что говорят СМИ, скрывая истинное положение вещей.

— Тут я с вами соглашусь. Как сказал один светлый человек, писатель: «Чтобы понимать друг друга, много слов не надо. Много надо — чтобы не понимать»[7].

— А говорите, что не читаете книг.

— Я такого не говорила, хотя времени на чтение и в самом деле нет. Пожалуй, посплю, лететь долго, да и вам советую. В Сингапуре отдыхать не придётся. Кстати, вы там бывали?

— Нет.

— Я тоже. Вообще за границей не бывали?

— Почему? Неоднократно.

— Где?

— В Таиланде, в Индонезии, на Крите.

— Один или с компанией?

— С женой, — сказал Савва, внутренне пожалев, что признался в наличии жены. Хотя тут же пришла мысль, что Шахова скорее всё знает. Добавил: — И с компанией тоже. Правда, в последние два года я за границу не летал.

— Почему?

— Так получилось.

— Работа, подписка, — догадалась Виктория. — Я тоже была в Таиланде, с делегацией. Любовалась дворцом Ват Арун. Не видели?

— Видел, великолепный замок, кажется, периода Аютхаи,

если не ошибаюсь. Олицетворяет гору Меру, обиталище кхмерских богов. Он весь покрыт разноцветными плитками фарфора, такие строения там называют прангами.

— Да, мы весь день потратили на экскурсию. А ещё я была в храме Ват Ронг Кхун, он весь ослепительно-белый, с зеркальными вставками и мозаикой из стекла. Изумительно необычный по архитектуре, ажурный и колючий.

Савва промолчал. Храм Ват Ронг Кхун он не посещал.

— В Индонезии тоже полно храмов, индуистских и буддийских. Мне запомнился Прамбанан на Яве.

— Великолепный комплекс, — согласилась Виктория. — Раннее Средневековье, реставрирован в середине прошлого века. Между прочим, и у нас много интересных сооружений и мест, в Центральной России и на Дальнем Востоке, в Крыму. Девочкой меня возили на Украину, ещё до гражданской войны, в Клевань, показывали редкое по красоте место — «тоннель любви». Летом, в солнечную погоду, он так прекрасен, что можно часами бродить по рельсам — да, там рельсы проложены, — между зелёными стенами, увитыми плющом и лозой, и любоваться. Не слышали?

Савва покачал головой.

— Не слышал, теперь туда не съездишь.

— Ну почему? Было бы желание, всегда найдётся вариант.

Подошла бортпроводница.

— Что будете заказывать? — спросил Савва.

— Ничего, только сок. — Виктория некоторое время смотрела на облака под самолётом, закрыла глаза.

Разговор прекратился.

Савва заказал отварную курятину, чай, пообедал и, видя, что спутница уснула, тоже закрыл глаза, подумав, что и ему не мешало бы выспаться.

Снился ему тоннель, пробитый в толще зелёного леса, и гладкие рельсы, почему-то вызывающие отторжение и беспокойство…

* * *

Самолёт сел в сингапурском аэропорту Чэнги в семь часов утра по местному времени.

Ни Савва, ни Виктория не брали с собой больших баулов, довольствуясь дорожными сумками. Причём оба выбрали формат пиквадро, только Савва — чёрного цвета, а Виктория — красного. Когда он увидел в руках женщины сумку, то даже не стал шутить, хотя такое совпадение вкусов его слегка озадачило.

Однако мужчины-спутники запаслись фирменными чемоданами на колёсиках, словно собирались поселиться в Сингапуре надолго, пришлось ждать их в зале на выходе из третьего терминала аэропорта, представлявшего собой ультрасовременное сооружение, открытое в две тысячи восьмом году и отреставрированное с использованием нанотехнологий в две тысячи семнадцатом. К зелёным в полном смысле этого слова «живым» стенам добавили великолепные сады, а к первому в мире «Саду бабочек», в котором проживало более тысячи ярких красавиц, достроили «Сад роботов», населённый множеством смешных и необычных механических созданий. Этот сад Савва не видел, зато полюбовался на крышу главного зала, которая пропускала солнечный свет выборочно и дозированно, что сдерживало обычную для острова тропическую жару.

Чёрников и Скарабеев наконец выбрались из зоны прилёта, присоединились к ожидавшей их паре. Виктория связалась с кем-то по телефону, и вскоре они уселись в подъехавший к центральному пилону прибытия белый минивэн с затемнёнными стёклами. Это был автомобиль российского консульства.

Ехали минут сорок. От аэропорта до гостиницы Fragranse Hotel-Ruby, где остановилась делегация из России, было чуть больше двадцати километров.

Сингапур вблизи поражал воображение. Во-первых, шириной и качеством дорог и улиц, во-вторых, отсутствием пробок при полностью загруженных магистралях, в-третьих, соседством старых «колониальных» кварталов с суперсовременными зданиями, одно из которых — Icon Plaza, построенное в две тысячи шестнадцатом году, считалось самым высоким в мире[8].

Виктория, с интересом разглядывающая архитектурные шедевры Сингапура, задержала взгляд на знакомом стрельчатом силуэте в окружении красивых «стекляшек», и встретивший делегацию сотрудник консульства, одетый, несмотря на жару, в строгий белый костюм, пояснил, заметив движение Шаховой:

— Армянская церковь Грегора-Святителя, самая старая церковь Сингапура. Есть и православная русская, но севернее. Если захотите, можем предложить экскурсию.

— После всех деловых процедур, — коротко ответил Чёрников. Он был старшим в делегации и вёл себя соответственно. Савве он не понравился сразу, хотя чем именно, сказать было трудно. Скорее всего, оценку сделала экстрасенсорика организма, редко объявлявшая причину того или иного результата.

Двухзвёздочный отель Fragranse располагался на улице Changi Road, в десяти минутах езды от отеля Raffles, в свою

очередь расположенного в пяти минутах езды от центральной магистрали Сингапура — Orchard Road, почти в центре исторического и делового района города. Именно в Raffles и произошло таинственное убийство китайского бизнесмена, вложившего миллиардные инвестиции в добычу нефти по всему миру.

Несмотря на то что Fragranse считался одним из самых дешёвых отелей Сингапура, его две звезды не уступали по качеству обслуживания дорогим четырёхзвёздочным гостиницам Москвы. В этом Савва убедился тотчас же, заселившись в один из двухместных номеров (одноместных в отеле не было вовсе) на четвёртом этаже, рядом с таким же номером Виктории. Неизвестно почему (спросить он не рискнул), но она предпочла экономкласс, в отличие от Чёрникова и Скарабеева, расположившихся в люксовых апартаментах, словно они состязались друг с другом в важности персон.

На приведение себя в порядок потратили полчаса. Позавтракали все вместе в гостиничном ресторане: обычный шведский стол, но с большим разнообразием блюд. Спустились к парковке, и тот же водитель с тем же сопровождающим отвезли делегацию к отелю Raffles, известному тем, что в нём останавливались многие звёзды кино и мирового шоу-бизнеса.

Отель выглядел великолепно: эдакий многоэтажный морской лайнер с вычурными колоннами центрального входа и обилием лепных украшений по фасаду.

Ещё в самолёте Савва почитал предложенный Викторией справочник и знал, что Raffles имеет три ресторана, семь баров, три кафе, кондитерскую, бизнес-центр, семь конференц-залов, бассейн, сауну, Spa-центр и множество других уголков для досуга, развлечений и спортивных занятий.

Убийство Ли Сяоши произошло сутки назад, но его тело всё ещё оставалось в отеле, который продолжал работать, как обычно, несмотря на масштаб происшествия. Правда, охрана отеля была усилена, и у всех посетителей требовали предъявить документы на входе.

Русскую делегацию пропустили без проволочек.

Чёрников и Скарабеев сразу подошли к группе гостей из Китая в центре холла.

Виктория огляделась, сделала знак Савве; она так и осталась в своём красивом брючном костюме, взяв с собой лишь сумочку.

— Посидите здесь на диванчике. Я выясню кое-какие подробности и подойду.

Савва сел на диван справа от стойки администратора, принялся разглядывать холл и гулявших по нему людей. И почти

сразу уловил на себе чей-то внимательный взгляд. Насторожился, однако не подал виду. Взгляд был острым, оценивающим, быстрым и нёс холод недоброжелательства, хотя Савву в принципе здесь никто не знал и ждать не мог. Его пригласили в команду неожиданно и скорее всего спонтанно.

Он расслабился, прислушиваясь к многоязычному говору вокруг, настроил экстрасенсорику, принимая со всех сторон волны чужих настроений, переживаний и эмоций. Заметил протянувшийся к нему лучик внимания, боковым зрением ощупал соседние диванчики и кресла, уловил за колоннадой группу мужчин в чёрных костюмах; судя по лицам, это были немцы или англичане. И один из них смотрел на диван, где сидел Савва.

Вернулась Виктория.

— У нас через десять минут встреча с представителями Китая и Сингапура.

— За нами следят, — бесстрастно сказал Савва.

Виктория прикусила губу, но не оглянулась, как сделала бы на её месте любая женщина.

— Верю вашему профессионализму. Для этого я и пригласила вас с собой. Сможете определить, кто проявляет к нам интерес?

— Слева за колонной тусуется четвёрка клерков из похоронной команды.

Виктория бросила на мужчин косой взгляд.

— Канадцы, прилетели раньше нас. Тут вообще собралось около двух десятков силовиков из разных стран. Всех интересует очередное убийство нефтебарона. Проблема вышла за пределы одной страны.

И у всех свои версии развития событий.

— Фофанов утверждал…

— Я знаю, чем занимался Фофанов и что говорил.

— Не понимаю, зачем мы сюда прилетели, — признался Савва. — Криминальными разборками на таком уровне должен заниматься Следственный комитет плюс внешняя разведка.

— Они работают по другим каналам. Мы с вами не ради расследования убийства, нужна стратегическая оценка серии убийств, доклад пойдёт Карташову и президенту. Вы уверены, что нами интересуются именно канадцы?

Савва попытался выловить лучик внимания, но не смог, канадцы в строгих чёрных костюмах, и в самом деле превращавших их в похоронную команду, направились к главной мраморной лестнице холла.

— За мной наблюдали, я в таких вещах не ошибаюсь. Если из любопытства — больше никто не обратит на нас внимания, если не случайно…

— Надеюсь, что случайно, — улыбнулась Виктория. — Если вы рассчитывали спокойно отдохнуть в Мекке азиатского комфорта, то напрасно. Покой нам только снится. Идёмте, нас ждут местные службисты.

Подошли Скарабеев с Чёрниковым, обмениваясь репликами, и четвёрка представителей российских официальных властей направилась к лестнице вслед за канадцами.

Кто-то снова посмотрел Савве в спину. Оборачиваться он не стал, но подумал с весёлой злостью, что обязательно вычислит интересанта, кем бы он ни был.

Глава 10. Золотое правило: молчи!

Кеша не любил быструю езду, поэтому на работу выезжал рано, в половине восьмого, и в Сколково приезжал на своей «Рено Боксер» шоколадного цвета за двадцать минут до начала рабочего дня. Входя в лабораторию, он не включал кофе-автомат, как делали молодые сотрудницы и аспиранты, начинавшие рабочий день с кофепития, а сразу подсаживался к своему персональному монитору и уходил в миры, которые были недоступны большинству специалистов в областях IT и космологических теорий.

Однако в нынешний четверг обычную процедуру прервал звонок директора центра Валерия Аркадьевича Лосьева.

— Иннокентий, будьте добры зайти ко мне, — сказал он непривычно сухим тоном.

— Зачем? — заикнулся было Кеша, но Лосьев уже выключил интерком.

Кеша с сожалением окинул взглядом объёмный куб монитора с мигающими внутри звёздами, повесил на экран на всякий случай заставку с морским пейзажем, закодированную, чтобы никто не влез в базу данных завлаба, и направился из общего зала с рядами столов и компьютерных модулей в кабинет директора, размышляя, зачем он понадобился начальству.

Валерий Аркадьевич Лосьев был доктором физико-математических наук, окончил в тысяча девятьсот семьдесят девятом году Ленинградский электротехнический институт по специальности «инженер-электрофизик», начал работать в техцентре «Синтез» НИИЭФА, в две тысячи втором году защитил докторскую диссертацию и уже много лет работал в Национальной дирекции ITER, стал заместителем директора «Синтеза», профессором кафедры теории систем управления ядерными реакторами и в конце концов возглавил инновационный кластер «Прорыв» в Сколково, в который входила и лаборатория развития новейших средств связи, возглавляемая Кешей.

По натуре шестидесятипятилетний профессор был человеком исключительно вежливым, выдержанным и внимательным. Никто никогда не слышал от него грубого слова. На что он мог отважиться при встрече с нерадивым сотрудником, допустившим ошибку, так это лишь укоризненно пожурить. С Кешей он всегда был дружелюбен и уважителен, ценя в молодом завлабе мощный творческий ум и увлечённость идеями, которые генерировал радиофизик. Причину его недовольства объяснить было трудно.

Кеша добрался до кабинета директора на втором этаже комплекса, поприветствовал рыжеволосую секретаршу Антонину и, подчиняясь её жесту, открыл дверь в просторный «музей», как называли кабинет сотрудники центра, заставленный стеклянными шкафами с моделями всевозможных устройств, реакторов и машин, разработанных в Сколково.

— Слушаю вас, Валерий Аркадьевич.

Массивный, с мощными покатыми плечами и толстой шеей (в молодости Лосьев увлекался тяжёлой атлетикой), с голым бритым черепом, директор глянул на вошедшего из-под густых чёрных бровей, повёл рукой, приглашая к столу.

Кеша присел на краешек стула, являя собой пример кроткого студента, которого могли отчислить из института за неуспеваемость.

Лосьев выслушал торопливую скороговорку абонента, — он разговаривал с кем-то по скайпу, — брякнул массивной ладонью по клавиатуре, вперил немигающий взгляд в лицо завлаба.

— Иннокентий Леонтьевич, сколько вам лет?

— Тридцать… один, — растерялся Кеша, не ожидавший такого вопроса. — Скоро тридцать два будет.

— А ведёте вы себя как мальчишка.

— Извините, Валерий Аркадьевич, не понял…

— Мне доложили, что большую часть рабочего времени вы тратите на электронные игры.

— Неправда, Валерий Аркадьевич! — возмущённо выпрямился Кеша. — Я не играю на работе!

— Ну, занимаетесь теоретическими экзерсисами, не входящими в тематику работ лаборатории.

Кеша покраснел. В последнее время он действительно часто выводил на экран свой монументальный труд и мог часами зависать в пространстве личной концепции, которую назвал «теорией глобального моделирования вселенных». Очевидно, кому-то из сотрудников лаборатории такое увлечение начальника категорически не нравилось.

— Я… работаю… успеваю… план выполняется. Завтра я сдам отчёт о предварительных испытаниях умсорика… э-э, УМС.

— Разве испытания УМС запланированы?

— Я сделал это дома, в нерабочее время. Эффект поразительный, вы не представляете…

— Очень хорошо представляю. Вы человек умный, креативный, способный, увлекаетесь разными сложными идеями, но если будете и дальше разбрасываться, искать решения задач, не связанных с нашей тематикой…

— Вы меня уволите.

— Нет, просто вы не достигнете того положения, которого заслуживаете. Бросьте заниматься этой вашей парадигмой глобального моделирования, она мешает вам прогрессировать. Кстати, в двух словах, что это такое?

Кеша оживился.

— Вы знакомы с последними физическими теориями?

Лосьев пошевелил бровями, что выглядело довольно устрашающе.

— Какими именно?

— Петлевая квантовая теория гравитации, теория радужной гравитации, теория струн, М-бран… и так далее.

— Я не физик-теоретик, но многое изучал.

— Извините, я задал дурацкий вопрос. По стандартной космологической модели наша Вселенная родилась в результате Большого взрыва почти четырнадцать миллиардов лет назад, но это не так. Вернее, — поправился Кеша, — я думаю иначе.

— Голографический мираж?

— Что?

— Из последних новостей по этой теме мне близка идея Маркуса Чауна[9] о том, что мы живём в голограмме.

— Хорошая идея, — согласился Кеша снисходительно, — но я занимаюсь другой теорией, озвученной Ником Бостромом[10] ещё в две тысячи третьем году и дополненную Силасом Бином.

— Божественный компьютер? — не менее снисходительно улыбнулся Валерий Аркадьевич.

— Так его назвали журналисты, — хихикнул Кеша, воодушевлённый благожелательной реакцией шефа. — Ещё Станислав Лем в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году предположил, что человечество сможет построить в компе модель Вселенной, потом де Ситтер, Фридман и Бин, а за ними Давоуди и Сэвидж[11] заявили о возможном искусственном происхождении нашей Вселенной. А я доказал, что это истина!

— Так уж и истина. Докажите мне.

Кеша унял восторг, пригладил вихор на виске.

— В двух словах не получится.

— Вы постарайтесь.

— Началось всё с того, что в спектре космических лучей обнаружился обрыв… то есть высокоэнергетические частицы, взаимодействуя с фотонами фонового микроволнового излучения, на определённом этапе теряют энергии, будто исчезают за краем… чего-то.

— Не начинайте с азов.

— Прошу прощения, я не специально. Главным аргументом того же Бострома было расширение Вселенной, которое на всех

уровнях измерений считалось равномерным, несмотря на то что галактики «разбегаются» с возрастающими скоростями.

— Ещё короче, суть вашей идеи, без экскурсов в прошлое.

— По моей теории «квантовая пена» пространства с размерами квантов, равными планковской длине, и есть размерная сетка, по которой кто-то создавал нашу Вселенную. Доказательств предостаточно. Все «стрелы времени» подтверждают этот тезис: космологическая, термодинамическая, биологическая, электромагнитная и гравитационная, а также с безумной точностью оптимизированная скорость расширения домена, точность подгонки масс элементарных частиц и так далее, и так далее. Все эти факты говорят в пользу глобальной программы, по которой мы и живём.

— Где? — с любопытством спросил Лосьев.

— В компьютере, конечно.

— В каком?

— Вы же сами сказали, — расплылся в улыбке Кеша, — в божественном. Хотя есть мнение, что Создатель смоделировал наше Мироздание в своём сознании. Я лично придерживаюсь другого мнения: Творец и наша Вселенная находятся вне друг друга, то есть наш мир — иллюзия, виртуальная реальность в компьютере. Ведь мы тоже делаем попытки моделировать вселенные в компьютерах, когда играем в игры. Почему бы и богу не заняться тем же?

— Зачем?

— Да ради удовольствия хотя бы.

Лосьев покачал головой.

— Компьютерные игры и в самом деле иллюзорны.

— Потому что наше мышление есть всего лишь отражение процессов иного уровня, мы ещё не достигли того совершенства, чтобы строить сверхсложные метавселенные. Но когда-нибудь дойдём и до этого, если не уткнёмся в информационный предел.

— Какой предел?

— Предел Шеннона, диктующий скорость обработки информации. Хотя попытки изменить ситуацию делаются. Уже сейчас видно, что Интернет становится вчерашним днём, облачные технологии, которые только и смогут обойти Шеннона, убьют его. За ними будущее.

Директор снова покачал головой. Горячность Иннокентия его не только забавляла, но и, судя по мине на лице, огорчала.

— Давайте договоримся, Иннокентий Леонтьевич, теории теориями, а план и график работы прежде всего. Не возбуждайте сотрудников лаборатории своими головоломными играми, люди завистливы и ревнивы, а у вас под началом почти три десятка

человек.

— Я же успеваю сдавать…

— Тем более будут завидовать. К тому же ваша теория глобального моделирования небезопасна, у неё могут быть противники, которые отреагируют на ваши занятия негативно. Понимаете, о чём я говорю?

— Нет.

— Версия об искусственности нашей Вселенной давно муссируется в околонаучной литературе, так что вы не первый. Никто ещё не доказал, что наш мир — всего лишь модель в «господнем компьютере».

— Я доказал! Я даже вычислил тактовую частоту этого компа — два на десять в сорок пятой степени! Именно такая требуется для расчёта каждого шага модели. Если его выключить — для нас наступит самый настоящий конец света!

— Вот именно, молодой человек. Ваши расчёты могут повлиять не только на оппонентов теории, но и на самого создателя Мироздания, а как он отреагирует — одному богу известно. — Лосьев пожевал губами, оценивая собственный тавтологический неологизм, усмехнулся. — Да, таким вот образом. Вдруг вас заревнуют как слишком умную и самостоятельную подпрограмму в игровой программе?

Кеша недоверчиво посмотрел на тяжёлое лицо директора, протёр очки, водрузил на нос.

— Вы… меня разыгрываете? Или верите в истинность моей теории?

— В нашем информационном континууме ничто нельзя отвергать. Но сделайте так, как я прошу, удалите все ненужные файлы с рабочего стола.

— Хорошо.

— Агентство «Р-ТЕХНО» предложило нам поработать с ликвидацией компьютерных вирусов. Речь идёт о червяке Stuxnet-М. Вы в курсе, о чём идёт речь?

— Конечно, его прототип создали ещё десять лет назад, он сильно погулял по иранским компам, управляющим ультрацентрифугами по обогащению урана. Да и потом проявлялся в Бушере на атомной электростанции, а также в России и в Китае.

— Значит, понимаете сложность проблемы. Этот червь добрался до наших газопроводных систем и подбирается к самолётам, по сути, началась кибервойна.

— Я знаю.

— Вот и займётесь в ближайшее время, вместе с лабораторией Касперского. Времени на вашу теорию у вас не

будет. Кстати, интересно, с вашей точки зрения, если наша цивилизация является программой в «господнем компьютере», как в ней возникают вирусы? И что они собой представляют?

Кеша встрепенулся, собираясь поделиться с директором центра своими соображениями на этот счёт, но уловил в глазах Лосьева скептический огонёк и прикусил язык.

— Не думал.

— Идите, Иннокентий Леонтьевич, и будьте повнимательней к сотрудникам.

— Обязательно, Валерий Аркадьевич. — Кеша встал, поклонился и вышел из кабинета, унося застрявший в спине взгляд шефа, ставший рассеянно-задумчивым. Уже в коридоре он додумал мысль, которую собирался озвучить в ответ на вопрос Лосьева о носителях вирусов: вирусы в нашем мире вполне могут быть людьми.

До обеда он занимался чисткой компьютера от «лишних» файлов и переноской записей на диски и флэшки. Пообедал в компании с замом Игорем Семёновичем, вернулся в лабораторию и обнаружил, что все диски и флэшки, оставленные им в столе, исчезли.

Кеша застыл над открытым ящиком, не вполне осознавая, что произошло, начал судорожно рыться в остальных ящиках, на столе, на диванчике, где тоже лежали диски, однако записи отыскать не смог. Лишь одно обстоятельство уберегло его от сердечного приступа — наличие материалов в домашнем компьютере. Но и без того настроение упало до плинтуса, так как ни один из сотрудников на видел того, кто забрал диски. Впервые Кеша пожалел, что он не имеет отдельного кабинета, поскольку по модным нынче веяниям открытости контроля трудового коллектива все рабочие места помещений центра отделялись только невысокими стеночками и прозрачными панелями, да и то далеко не всегда. Лаборатория Кеши в этом смысле не представляла исключения, он видел всех, кто занимался делами, и сотрудники также видели своего начальника. И при этом никто из них не признался в содеянном и не следил за его столом.

О краже он всё-таки заявил секретарше директора, хотя понимал, что найти и вернуть диски не удастся. Тот, кто сделал это, подготовился хорошо, а главное — знал, что берёт. Другие материалы в Кешином столе оказались нетронутыми.

Снедаемый нетерпением, он погнал машину домой, не обращая внимания на следующий за ним серый «Лексус». Пришло ощущение тревоги, сопровождаемое странным чувством раздвоения личности, будто вместе с ним происходящее переживал ещё кто-то, сидящий в голове.

Добравшись до квартиры, Кеша ворвался в спальню-кабинет и застыл на пороге, глядя на раскиданные по всему полу, по кровати и тумбочкам, по столу коробочки из-под дисков и сами диски, безжалостно вывернутые из коробок, книги, папки и листы бумаги. Компьютер работал, хотя утром Кеша его не включал, куб экрана напоминал клуб тумана строгой геометрической формы с плавающими внутри электрическими змейками.

Во рту пересохло. Кеша метнулся к столу, активировал клавиатуру и через несколько секунд понял, что вся база данных, в том числе программные файлы на большом диске, стёрта! Компьютер превратился в «пустое железо», не способное выполнять функции вычислителя, собеседника и хранителя информации. Мало того, пропал и стоявший на столе прототип умсорика, который он оставил дома без всякой задней мысли, надеясь, что в квартиру никто не сможет залезть.

Кеша рухнул на диван, давя диски и флэшки.

Подхватился, снова начал искать свои наработки, пока не убедился, что его усилия напрасны. Похитители точно знали, над чем он работает, проверили аккаунты, обойдя все шифры и пароли, запустили в компьютер вирус, который стёр всю информацию, и убрались, захватив записи на дисках. А записи от руки Кеша не вёл давно, забыв, как это делается, ещё со школы.

Конечно, он помнил свои расчёты и умозаключения и мог их восстановить, но было до слёз жаль потраченного времени и сил, а полное восстановление текста теории по памяти вообще было невозможно.

— Убью! — пообещал он неизвестно кому, борясь с подступившими к глазам слезами. Справился, подумал трезво, что не сможет этого сделать. Воинствующим «ботаником», каким таких людей изображали юмористы: волосы всклокочены, очки на пол-лица, блуждающий взгляд, истерические губы, дай такому танк — проедет через детсад, давя детей и воспитателей, не заметив этого, — Кеша не был. Фанатиком дружбы с компьютером — был.

Надо позвонить Савве, подумал он отрешённо.

И тотчас же в ухе засвистел мелодию «Венского вальса» надик — крохотный динамик айкома.

Кеша выключил его мысленным усилием, сказал вслух:

— Алё?

— Рудницкий? — раздался незнакомый мужской голос, тягучий и неприятный.

— Да, — подтвердил он. — Кто это?

— Неважно, выслушайте. Вам скинут по имейлу материал, обдумайте предложение и ответьте.

— Какой материал? — не понял он. — Какое предложение?

— Работать с нами. Все ваши разработки у нас, в том числе и умсорик. Согласитесь работать — получите всё обратно.

— Да кто вы такие, чёрт побери?!

— Читайте, ждём ответа.

— У меня комп пустой…

— Файл перезагрузки сохранён, найдите и включайтесь.

— Но я хотел бы…

— Ждём. — Голос умолк. В ухе задребезжали металлические хлопья отбоя.

— Чёрт! — стукнул Кеша кулаком по колену.

Вскинулся, подсел к столу, прошёлся пальцами по клавиатуре, оживляя «Эльбрус». Спустя минуту нашёл файл перезагрузки, запустил. В глубине видеокуба всплыл чёрный свиток, развернулся в чёрный лист с белыми буквами текста.

Кеша, мимолётно подивившись способу подачи письма, прочитал текст, пошевеливая мышкой.

Ему предлагали рассчитать оптимальный вариант ликвидации нефтегазовой промышленности в масштабе всего мира! Начало было положено серией убийств крупных нефтяных магнатов и авариями на нефтедобывающих платформах, которые стали случаться всё чаще и чаще. Кеша должен был рассчитать новые аварии и гибель нефтяников, найти способы гарантированного пресечения нефтедобычи и перехода цивилизации на новые источники энергии. Ни больше ни меньше.

— Обалдеть! — проговорил он, вытаращив глаза. — Они что, с ума сошли?!

Чёрный лист с текстом предложения внезапно вспыхнул и сгорел за несколько мгновений. Вместо него экран выдал другой свиток, алого цвета, который развернулся в красный лист с белыми буквами следующего сообщения: «Время для размышления — три дня. Отказ от предложения будет означать отказ от сотрудничества со всеми вытекающими последствиями. Согласие даст возможность работать на более высоком уровне».

— Щас, разбежался, — выговорил ошеломлённый Кеша. — Кто вы такие, чтобы я с вами сотрудничал?

Словно услышав его ответ, алый лист в экране сгорел так же быстро, как и чёрный до этого. Вместо него появился чёрный паучок, увеличился, разворачиваясь в слово из трёх русских букв: ПСП. Кеша прочитал слово вслух, добавил:

— Ну и что это значит?

Слово съёжилось до размеров ногтя, исчезло.

Кеша подождал продолжения, но его не было. Тогда он клацнул клавишей, чтобы посмотреть обратный адрес абонента, и

увидел в мейл-папке то же слово ПСП, плюс код почтовой службы: @mail.com. Была ли это аббревиатура фамилии, имени и отчества адресата или название фирмы, Кеша не знал.

— Чёрт с вами! — сказал он, но уже спокойнее, так как вспомнил, что неведомый абонент обещал ему вернуть работу и опытный экземпляр умсорика. Может, и в самом деле стоит с ними по-хорошему? Чтобы отдали украденное? Подумаешь, он предложит им метод перехода на иные источники. Это же не криминал, наоборот — Нобелевкой пахнет.

Или тюремным сроком, язвительно отозвался «второй ум» Кеши, отвечающий за ориентацию в реальной жизни, звони Савве, надо посоветоваться.

И Кеша набрал номер Саввы.

Глава 11. Сингапур навылет

День прошёл в суете.

Встречались с представителями власти Сингапура, с полицейскими, расследующими убийство Ли Сяоши, с китайской делегацией и с американцами, имеющими к этому делу свой интерес. Как сказал Чёрников: что бы где ни происходило — ищи американский след. А Савва добавил про себя: какой бы криминал ни вскрылся — ищи руку Вашингтона. Можно было бы посмеяться над такими заявлениями, если бы они не отражали истины. Все, чего касались «длинные руки» спецслужб США, разрушалось, погибало, исчезало, превращалось в чёрный омут заговора против человечности и справедливости.

Освободились в половине девятого вечера. Савва давно хотел спать, так как в России на широте Москвы время приближалось к четырём часам ночи, но Виктория не выглядела уставшей, и он предложил ей ознакомительную экскурсию по Сингапуру, тем более что сотрудник российского консульства ждал их решения.

— Хорошо, покатаемся, — согласилась женщина. — Подождите меня пару минут.

Она отошла к стойке администрации отеля — за весь день так и не удалось из него выбраться, — поговорила с Чёрниковым и вернулась.

— Поехали, час в нашем распоряжении.

— За час мы ничего не увидим, — с сожалением сказал сотрудник консульства по имени Дмитрий. — Я месяц путешествовал по городу, прежде чем научился ориентироваться.

— Месяца у нас нет. В десять тридцать нас ждут в офисе китайской делегации. А в пять утра — обратный вылет.

Спустились в подземный паркинг отеля, заняли места в минивэне: Виктория села рядом с Бекасовым, что было приятно. Машина выехала на улицу напротив отеля.

— Что узнали? — спросил Дмитрий.

— Укол в шею отравленной иглой, — ответила Валерия. — Задержана бригада обслуживания. Никто не взял вину на себя, никто ничего подозрительного не помнит. Следов никаких.

— Странно.

— Ничего странного, этого стоило ожидать. Канадский нефтяной барон Дженкинс убит тем же способом. Один и тот же почерк. Охота на нефтяных бизнесменов началась серьёзная.

— Конкуренты?

— Не знаю. — Виктория проводила рассеянным взглядом вычурной формы небоскрёб. — Не видно системы. Конкуренты

убирали бы дельцов определённой компании, а фактически затронуты шесть разных компаний.

— Надо вычислить, кому это выгодно, — помимо воли проворчал Савва.

Дмитрий и Виктория посмотрели на него.

— Американцы уже обвинили во всём русских, — скривила губы помощница секретаря Совбеза. — С началом серии убийств начался беспрецедентный рост цен на нефть, а это и в самом деле выгодно для России.

— Хорошо продуманная тактика, — кивнул Дмитрий. — Вымазать в дерьме, пусть отмываются. Надо подключить все наши службы.

— Занимаются люди.

— А вы что делали?

— Договорились со всеми заинтересованными сторонами о совместном расследовании инцидента и координации противодействия нефтяному террору.

— Звучит как название блокбастера: «нефтяной террор».

— Дима, вы обещали показать город, вот и показывайте.

— Извините. — Дмитрий перестал отвлекаться.

В течение часа с четвертью они колесили по Сингапуру, уже не удивляясь отсутствию пробок. Машин в городе было несметное количество, но каким-то волшебным образом все они двигались со средней скоростью пятьдесят километров в час и в заторы не попадали.

Сингапур вечёрний поражал обилием световых реклам и красивым освещением фасадов зданий. Старые кварталы в колониальном стиле перемежались комплексами современных небоскрёбов, храмов и зелёных парков. Основные туристические достопримечательности города располагались в трёх районах: Раффлз-Квай, где стояла гостиница Raffles, Блаканг-Мати (остров Сантоса) и Джуронг. Дмитрий провёз гостей по всем трём районам, показывая лучшие, с его точки зрения, места.

Постояли у внушительного здания Импресс-Плейс-Билдинг, сооружённого в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году в викторианском стиле, нынче здесь располагались музей, художественные галереи и ресторан, проехали здание Парламента девятнадцатого века, англиканский собор Сент-Эндрю, институт Сент-Джозеф, вызвавший у Виктории восхищение красотой геометрических форм. Объехали по кругу Сьюприм-Корт и Сити-Холл, обогнули район небоскрёбов Сингапур-Лэнд-Тауэр, проехались по мостам Бенджамина Шварца и Норт-Бридж, вдоль побережья с лодочными районами Кларк-Квай, а также оценили красоту улицы небоскрёбов Орчад-роуд с

её дворцами Леранакан и Истана и храм Четтиар-Хинду.

Время поджимало, поэтому на знаменитый отель «Марина Бэй Сэндс» с его тремя башнями, накрытыми гондолой роскошного парка с бассейнами и кафе на высоте двухсот метров, полюбоваться не удалось.

В «Раффлз» вернулись за пять минут до встречи, о которой говорила Виктория, усталые, но довольные, так что Виктории пришлось подниматься на второй этаж отеля без захода в блок бытового обеспечения.

Савва хотел сесть на диван в холле, предварительно заскочив в туалет, но Виктория решила иначе.

— Идёмте с нами, не помешаете.

Поднялись в один из конференц-залов, освещённый спрятанными в стенах флуоресцентами.

Вопреки желанию Виктории Савву в зал не пропустили.

— Вы не заявлены, — сказал ему, заступив дорогу, на плохом английском один из рослых полицейских в мундирах песочного цвета.

Савва озадаченно глянул на прошедшую в зал Шахову. Она вернулась.

— В чём дело? Это сотрудник российского посольства.

— Он не заявлен в списке приглашённых, — упрямо сказал верзила-сержант.

— Я ему даже удостоверения не успел раскрыть, — сказал Савва. — Они что, всех гостей в лицо знают?

Подошёл Чёрников.

— Что случилось?

— Не пускают. — Виктория достала из сумочки своё удостоверение. — Я специальный помощник…

— Подожди, — остановил её Чёрников. — Нет смысла спорить. Присутствие Бекасова на встрече не обязательно, чего копья ломать.

— Я хотела…

— Пусть ждёт. — Чёрников прошёл в зал.

Виктория примирительно улыбнулась.

— Не обижайся, позже разберёмся, что происходит.

— Да без проблем. — Савва спрятал досаду в глубине души, смерил взглядом смуглое непроницаемое лицо представителя законопорядка, терпеливо дождался, когда все члены совещания пройдут в зал и дверь закроется, сказал по-английски, тихо и задумчиво: — На идиота ты не похож, парень, кто тебе приказал задержать лично меня?

Лицо сержанта стало лиловым, но сдерживаться он умел. Не отвечая Савве, глянул на дюжего напарника. Тот придвинул к

губам бусину микрофона на усике, проговорил на малайском языке. Савва понял лишь два слова: «русский» и «здесь».

Он поднял брови, осознав, что речь идёт о нём, огляделся.

Коридор отеля с дверями в конференц-залы почти опустел, последние гости разошлись, остались лишь полицейские и парочка мужчин в штатском, скорее всего олицетворявших службу охраны. Да у панорамного окна стоял спиной к залу араб в бурнусе.

Словно почуяв взгляд Бекасова, араб оглянулся, и Савва с удивлением узнал в нём майора Петрова, начальника УВД Норильска.

Впрочем, лицо у араба было посмуглее простоватого лица Петрова, да и не мог он находиться в Сингапуре ни под каким предлогом, и Савва подумал, что ошибся.

Двойник Петрова прищурился, кивнул ему как старому знакомому, подошёл, заговорил на хорошем английском:

— Господин Бекасов, вы так хорошо зарекомендовали себя в известных обстоятельствах, что мы решили продолжить беседу. Я уполномочен предложить…

— Кто — мы? — перебил его Савва.

Лже-Петров сбился, помолчал, буравя лицо Саввы блеклыми глазками.

— Предложение, озвученное вам господином Фофановым, остаётся в силе. Надеюсь, вы его помните.

— Фофанов сумасшедший!

— Он стал сумасшедшим после выселения, провалив дело. От таких работников мы избавляемся.

— Что значит — после выселения?

По толстым губам собеседника скользнула гаденькая улыбочка.

— Он был запрограммирован, программа удалена, носитель получил психическую травму.

Савва иронически дёрнул уголком губ.

— Я так и предполагал. Жёстко работаете. Где гарантии, что и мне после какой-нибудь неудачи не удалят память? Или что там вы удаляете?

— Если мы договоримся…

— Не договоримся, господин хороший. Нет вам веры. И я уже говорил, что такими методами заставить человечество «прогрессировать» не удастся. Как бы вы ни оправдывали свою деятельность, прежде всего вы — убийцы! А я с убийцами не работаю, даже с самыми благими намерениями.

Лицо «араба» потемнело.

— Вы отдаёте себе отчёт?

— Очень конкретно.

— Не боитесь, что вас постигнет та же участь? — «Араб» кивнул на дверь конференц-зала.

— Вы мне угрожаете?

— Предупреждаю.

Савва смирил свой гнев, усмехнулся почти философски.

— Все мы под богом ходим. Никто не застрахован от отравленной иглы. И вы тоже. — Последние слова он подчеркнул, изменив тон.

— Вы пожалеете.

— Вы пожалеете больше.

Двойник Петрова перевёл взгляд на полицейских, делавших вид, что их ничего не касается, кивнул и пошёл прочь по коридору.

— Вам придётся пройти с нами, — сказал первый страж порядка, попытавшись взять Савву под локоть.

Майор легко вывернул руку, сам особым приёмом захватил пальцы сержанта, вывернул, заставив его охнуть, позвал «араба»:

— Господин Петров!

Собеседник в бурнусе приостановился, будто наткнулся на невидимое препятствие, оглянулся.

— Я не знаю, кто вы, под чьей личиной действуете, — продолжил Савва, — но лучше прикажите своим солдатикам не связываться с русской делегацией. Будет больно, и в первую очередь вам лично. Мы здесь не одни.

Лже-Петров окинул взглядом коридор, глянул на присевшего сержанта, на его напарника, начавшего искать кобуру пистолета, повёл рукой и снова двинулся к главной лестнице отеля.

Савва отпустил сержанта, поднял палец, останавливая второго полицейского.

— Дипломатическая неприкосновенность, уважаемый! Вам нужен международный скандал? Не стоит продолжать, у вас будут большие неприятности. Выполняйте свои обязанности.

Полицейские переглянулись, отступили.

Никакой дипломатической неприкосновенности у Саввы не было, но стражи порядка не рискнули проверить его документы, тем более что он не был ни в чём виноват.

Спустившись в холл, Савва заказал кофе, незаметно осматриваясь и прикидывая, не собирается ли кто-нибудь исполнить угрозу двойника Петрова (если только это не был сам Петров), ничего подозрительного не заметил и сел в уголке дожидаться окончания встречи руководителей делегаций.

Виктория спустилась к нему через сорок минут, присела напротив.

— Всё нормально?

Он качнул головой.

— Не знаю, что и думать.

— То есть? — сузила глаза женщина.

— Ко мне подошёл араб, очень похожий на одного знакомого из Норильска. Я даже сначала принял его за переодетого агента.

— Подробней.

Савва поведал собеседнице историю о переговорах с «арабом Петровым».

Виктория погрустнела, поглядывая на спускающихся по лестнице в холл мужчин.

— Майор Петров… дьявольщина! Это явно ПСП.

— Что?

— Тебе грозит нешуточная опасность. Поговорим об этом без свидетелей. Есть не хочешь?

— Перекусил бы… а ещё лучше — выпил бы холодного кваску.

— С квасом здесь напряжно. Едем в свой отель, посидим в ресторане и будем собираться в обратную дорогу.

— А наши спутники?

— Они будут добираться в аэропорт самостоятельно.

Савва расплатился за кофе и поспешил вслед за Викторией.

Дмитрий терпеливо ждал их в машине.

Ехали в гостиницу молча. Виктория думала о чём-то, поглядывая в окно, и Савва решил её не отвлекать.

В холле гостиницы разделились: спутница поднялась к себе, обещав спуститься в ресторан через десять минут, Савва навестил свой номер, с удовольствием подставил голову под струю холодной воды.

Встретились ровно через десять минут у входа в ресторан, предложили Дмитрию поужинать, но он отказался, сказав, что будет ждать в машине.

Выбрали столик у стеклянной стены с видом на город.

Шёл двенадцатый час ночи, и посетителей в ресторане было немного, от силы два десятка человек, в основном гости Сингапура из Европы, судя по «демократической» одежде и говору. Все они вели себя тихо, за исключением компании в жёлтых шортах и синих рубашках и футболках, разговаривающих с громким хохотом на украинском языке.

В зале играла тихая музыка, причём «живая»: негр играл на саксофоне, ему аккомпанировал на пианино и одновременно на ударниках пожилой европеец с бледным лицом. Две пары — пожилые джентльмены и не менее страшные дамы — танцевали.

— Больше он ничего не сказал? — напомнила Виктория,

когда они заказали ужин: она выбрала морской салат с крабами, креветками, кальмарами и цукини, он — отварную осетрину с зелёной фасолью и соусом песто. От вина оба отказались, настроение было минорным.

— Ничего, — ответил Савва. — Что такое ПСП?

— Программа сужения параметра.

— Какого параметра?

— Нашу деятельность кто-то пытается ограничить. Предложение Фофанова, а теперь… — Виктория слабо улыбнулась, — «майора Петрова» по сути — ультиматум. Не согласишься работать с ними, команда ПСП начнёт тебя нейтрализовывать.

— Я уже отказался.

— Может быть, ты сделал ошибку.

Савва отложил вилку.

— По-твоему, я должен был заняться мочиловом нефтяников?

Виктория ответила не сразу. Его переход «на ты» дался легко и остался ею незамеченным.

— Ты мог бы выяснить, кто конкретно входит в команду, кроме Фофанова, Петрова и Тогоева, а главное — выйти на командира ПСП. В этом случае нам удалось бы снивелировать весь замысел. — Виктория занялась едой, добавила через минуту: — Хотя, честно говоря, я не уверена. ПСП — сволочная программа, самовосстанавливающаяся, её практически невозможно остановить или изменить.

Савва подождал продолжения.

— Я хочу знать обо всём этом подробнее. Что за программа, кто её запускает, кому выгодно убивать нефтяников, чья это разработка. Снова американцы? Или китайцы?

— Ни те ни другие.

— Кто тогда? На кого работает Петров? И Петров ли это был?

— В своё время узнаешь.

Савва сжал зубы. Ореол таинственности, окутывающий последние события, ширился и искрил, а он ровным счётом ничего в этом не понимал. Это бесило.

— Хорошо, подожду.

— Не обижайся, — уловила его чувства Виктория. — Я сама не всё знаю. Возьми под опеку Рудницкого, ему тоже грозит опасность, может быть, больше, чем тебе.

— Почему?

— Он влез в святая святых управления программой метареальности, раскрыл тайну её симуляции, добрался до конкретного исполнителя, готов доказать всему миру правильность своей идеи моделирования Вселенной… что

является прямой утечкой информации об истинном положении вещей из компьютера оператора. За него возьмутся всерьёз… Если уже не взялись.

— Позвоню в самолёте, спрошу, как дела.

Словно услышав обещание, в ухе зазвонил айком.

— Привет, Сав, — заговорил голос Кеши, — не спишь?

— Только что о тебе говорили, — признался майор, ткнув пальцем в ухо, одними губами проговорил: «Кеша»; Виктория кивнула. — Как дела?

— Голова пока цела, но, понимаешь, — Кеша замялся, — я бы не позвонил… да тут началась фигня.

— Слушаю.

Кеша рассказал о разговоре с директором центра, о краже рабочих материалов на работе и пропаже умсорика дома.

— Потом мне позвонили и предложили работать по спецпрограмме, обещали вернуть все доки.

— Кто?

— А фиг знает! Какой-то ПСП, адрес в компе остался. Я должен ответить по имейлу.

У Саввы невольно вырвался изумлённый возглас:

— ПСП?!

— Ну да, буквы русские, а почтовый интерфейс забугорный.

Савва посмотрел на замершую Викторию, досчитал до пяти.

— Когда нужно дать ответ?

— Дали двое суток.

— Ни с кем на эту тему не трепись! Я прилечу утром, подъеду, обсудим проблему. Что ещё?

— Понимаешь, они всё украли, комп зачистили…

— Не переживай, невосстановимых связей не бывает. Мы их найдём.

— Ты думаешь?

— Уверен! Жди. — Савва выключил айком, встретил взгляд Виктории. — На Кешу наехали, забрали все его выкладки, расчёты, тексты.

— Я поняла. ПСП?

— Он так сказал.

Виктория покачала головой.

— Ничего «черви» не боятся. Значит, кто-то разработал глобальную программу коррекции. Будем разбираться.

К столику подошёл не очень молодой мужчина с брюшком и седоватой порослью на щеках, одетый в жёлтые шорты и голубую футболку с портретом Бандеры. Не глядя на Савву, он протянул руку Виктории, проговорил на «великом укроп-наречии»:

— Пийдемо потанцуемо, гарна дивчина.

Виктория посмотрела на Савву.

— Не танцую.

— Та не кочевряжься, чай не прынцесса, я гопак заказав.

— Дядя, дивчина не танцует, — сказал Савва, сдерживаясь. — По-русски говорите?

Мужчина перекатил на него глаза-сливы.

— Шо казав?

— Не начинай, — тихо проговорила Виктория.

Подзаросший кавалер посмотрел на неё, снова протянул ручищу, норовя взять за плечо.

— Пийдемо станцуемо, слава Украине! Титьки хороши, мене глянулись.

Савва стремительно ухватил «щирого укра» за ухо и за шею, согнул, повёл в полуприседе в зал, ища глазами компанию «любителей титек», нашёл троих таких же «добрых хлопцев» в жевто-блакитном одеянии, подвёл к ним взвывшего приятеля, силой усадил на стул. Оглядел дивившуюся на него компанию.

— Сидеть тихо! Это вам не Львов и не Киев! Местной полиции до фонаря, что вы с незалежной Украины, посадят и с вашими бандеровскими рожами! Как поняли? Звать охрану?

— Отпусты! — прохрипел «танцор».

— Звать?

— Та мы що, завжды уважаемо, маемо на увази, — заговорил ражий «укр», на майке которого красовалась надпись: «УПА-УНСО». — Тыхенько поснидаемо.

Савва отпустил хрипевшего «танцора».

— От себя обещаю: начнёте качать права — поломаю руки-ноги! Вняли? Чтоб через три минуты духу вашего здесь не было!

Савва вернулся к столику, прислушиваясь к начавшейся за спиной перебранке «братьев-славян»: «Он мне ухо оторвал!» «Хорошо, что не яйца…» «Дал бы под дых!» «Щас пойду и по харе врежу!» «Сиди, на нас обслуга смотрит…»

— Легче стало? — поинтересовалась Виктория.

— Ненавижу, когда унижают, — пробормотал Савва. — Надо же, повезло, нарвались на хохлов-нациков в ресторане Сингапура! Я сначала подумал — не ПСП ли…

— Уровень другой, обыкновенное быдло.

— Извини.

— Заканчиваем, надо ещё успеть собраться.

Делегация украинских туристов убралась из ресторана через несколько минут.

Савва боялся, что они, затаив злобу на «москалей», полезут в драку за пределами ресторана, однако всё обошлось, потомки «героя Украины» Степана Бандеры, убийцы и предателя, не

рискнули связываться с русским майором, справедливо рассчитав свои силы и возможности.

Через полтора часа Савва и Виктория высадились в аэропорту Чэнги, попрощались с Дмитрием и пошли искать в ВИП-зале Чёрникова и Скарабеева.

В начале шестого утра по местному времени самолёт взлетел и взял курс на Москву.

Глава 12. Кофейный экстрим

Владельца сети кофеен Double C в Москве Виктора Грозмана, у которого Лилия работала специалистом по связям с инвесторами, можно было безошибочно назвать «кофейным экстремалом». Принцип «только кофе, и ничего, кроме кофе» Грозман исповедовал во всех своих заведениях, назло всему рынку, давно отстаивавшему точку зрения продавцов, что одним кофе сыт не будешь. И ему уже больше десяти лет удавалось соблюдать «чистоту жанра».

Виктор Грозман старался контролировать весь цикл движения кофе от поставщика в чашку: импортировать зелёное зерно, делать собственную обжарку и подавать кофе в своих «особых» заведениях типа «Коферум», «Кофесмысл» и «Брю-бар»[12]. Это позволяло повышать качество продукции и расширять ассортимент привозимого из всех взращивающих кофе стран: Кении, Эфиопии, Бразилии, Малайзии и других.

Лилия начинала свою карьеру в компании с внедрения брю-баров. Их отличие от большинства кофеен состояло в том, что кофе там варили не только с помощью эспрессо-машин, но и альтернативными способами, в том числе «медленными заварками», появившимися в начале двадцать первого века сначала в Америке, потом в Европе и добравшимися до России. Способы назывались по-разному: аэропресс, кемекс, сифон, пуровер, баттл, но суть оставалась та же — кофе заваривался в стеклянных сосудах, похожих на графин для декантации вина, либо в гейзерных кофеварках, что напоминало химические опыты в школе.

Правда, Грозман утверждал, что самым популярным напитком среди любителей кофе оставался капучино, однако это обстоятельство не помешало Лилии доказать правомерность изготовления авторских напитков, подчёркивающих состоятельность всей компании на российском рынке, и подняться до уровня эккаунт-директора Double C.

Утро в четверг двенадцатого августа началось для Лилии с посещения флагманской кофейни «Вигро» в Милютинском переулке. Раз в месяц бариста — профессиональные варщики кофе — собирались там на каппинг — тестирование молока. После ограничения импорта в результате западных антироссийских санкций финское молоко пришлось замещать отечественным, и прошло достаточно много времени, прежде чем нашёлся поставщик, качество молока которого устроило руководство компании. И клиентов, разумеется. Однако не всё с

этим было гладко, надо было постоянно снижать стоимость затрат, поиски поставщиков продолжались, и каппинг себя оправдывал.

Лилия, одевавшаяся безукоризненно, следовавшая всем правилам идеального образа (у вас пышный наряд? причёска должна быть гладкая, и наоборот), весело поздоровалась с собравшимися бариста, молодыми, модно одетыми (многие из них оканчивали институты, никак не связанные с кофе-бизнесом, половина — мужчины), толпившимися у стойки бара, и все начали рассаживаться за столики. Всего в нынешнюю пятницу собралось пятнадцать человек.

Лилия села тоже, рядом с заместителем директора компании Ванессой Римской. Ванесса была старше её на двадцать лет, однако, несмотря на возраст и «крокодилью» внешность, носила короткие юбки и обтягивающие платья, не стесняясь своих не по-женски мускулистых ног.

Перед всеми поставили высокие стаканы с молоком.

— Рязанская Чёрнава, — объявил менеджер по импортозамещению Феоктист Кошкин, тряхнув роскошной гривой чёрных волос.

Шутки и смех за столом стихли. Бариста дегустировали молоко.

— Органолептические показатели в зоне первого класса экологической чистоты, — добавил Кошкин.

— Вкусно, — сказала Лилия.

— Так себе, — поморщилась Римская. — Слишком жирное.

Послышались голоса остальных заварщиков:

— Неплохо…

— Мне кажется, или оно и в самом деле сеном пахнет?

— Действительно вкусное, с горячим хлебушком бы его…

— Надо проверить на кипячение…

— А жирность можно убавить.

— Можайское, — объявил Кошкин. — Третий комбинат.

Вслед за молоком из можайского животноводческого комплекса продегустировали семёновское из-под Ярославля, волоколамское, раздольное из-под Тулы и ещё четыре разных молочных напитка с минимальным процентом жирности, а также несколько порций сливок.

Обсудили достоинства каждого, выбрали производителей и поставщиков, поставили свои подписи под опросным листом и выпили по чашке кофе.

Лилия любила кофе с кислинкой, поэтому выбрала кенийский сорт. Ванесса же предпочитала горький и сильно обжаренный, при этом она курила, и сидеть рядом с ней в облаке

дыма было не очень приятно.

Кто-то из некурящей молодёжи заговорил о «культуре курения», возможно, и непреднамеренно; в кофейне в рабочее время никто не курил, все соблюдали запреты, объявленные думскими законами.

Римская привычно поморщилась, но сигарету потушила, не докурив.

— Нет никакой «культуры курения», — заявила она. — Это вам не литература. С меня пример не берите. Если мы начнём объявлять «культурой» все наши вредные привычки и предпочтения, то почему нельзя назвать «культурой» пьянство? Притоны с наркотой и бордели — «заведениями культуры лёгкого поведения»? Создать «культуру киллерства»?

Кошкин хихикнул.

— Я бы не прочь поработать в заведениях «культуры лёгкого поведения».

Ванесса сурово посмотрела на менеджера.

— Вы и так слишком раскованны, молодой человек. Хоть бы дреды срезали, противно смотреть! Дай вам волю, вы бы во все сферы жизни внедрили «культуру лёгкого поведения».

— Я пошутил, — запротестовал Кошкин. — Надо жить и общаться легко, без напряга, радостно, пить больше кофе. И всё будет хорошо.

Коллеги менеджера засмеялись. К его шуткам привыкли, как и к ворчанию Римской.

— Ты на машине? — спросила она у Лилии.

— Нет, сегодня оставила дома, разъезды, мне легче и быстрей добираться на метро.

— Садись, подвезу.

— Спасибо, я бы хотела пройтись пешочком.

— Есть о чём поговорить по дороге, поехали.

Заинтригованная Лилия попрощалась с коллегами, заняла переднее пассажирское сиденье в салоне роскошного белого «Порше Аллигатор» Римской.

Водила свой аппарат Ванесса по-мужски резко и уверенно, находя для обгона такие карманы в сплошных автомобильных рядах, на какие Лилия никогда бы не решилась.

— О чём вы хотели поговорить, Ванесса Григорьевна? — спросила она, напрягаясь при очередном притирочном обгоне.

— Не о чём, а о ком, о твоём муже.

— Да? — удивилась Лилия.

— Он у тебя красавец.

Лилия озадаченно нахмурила брови.

Красавцем Савва не был, в гламурно-куртуазном смысле

этого слова, но у него была отличная фигура, он был высок и строен, отлично сложён, а острый взгляд серых глаз и энергичная складка губ показывали, что этот человек с твёрдыми убеждениями и решительным характером привык и приказывать, и повиноваться приказам.

— В общем, он мне нравится, — попробовала пошутить Лилия.

— Не замечала его интереса к другим женщинам?

Лилия удивилась ещё больше.

— Что вы такое говорите, Ванесса Григорьевна? Мой Бекасов…

— Твой Бекасов часто встречается с женщинами.

— Во-первых, у него работа такая, контактная, он служит в ФСБ… служил, сейчас в Совете безопасности. Во-вторых, откуда вы знаете, что он встречается с женщинами?

— Его видели в компании молодой красавицы, кстати, весьма на тебя похожей.

— Так что же? Он рассказывал, что работает под началом заместителя секретаря Совета безопасности Виктории Шаховой, хотя и не говорил, что она похожа на меня.

— Вот видишь.

— Что?

— Он скрывает от тебя этот факт. На твоём месте я бы обратила на это внимание. Говорят, они встречались в Норильске.

— Ну и что?

— И после этой встречи он перешёл в Совбез, так?

— Совершенно верно… то есть вряд ли это связано…

— Ещё как связано! Он где сейчас?

— В Сингапуре, звонил недавно.

— С ней?

— Н-не знаю… — Лилия рассердилась. — Какая разница, с кем он там? Савва ещё ни разу не давал повода сомневаться в…

— Всё течёт, всё меняется, дорогуша, мужики часто уходят к более молодым и красивым.

Лилия хотела сказать, что она не считает себя ни старой, ни дурнушкой, но прикусила язык. Римская могла отнести это замечание на свой счёт.

— Савва не уйдёт.

— Я тоже так считала. — Ванесса лихо развернулась под Васильевским спуском, машина выехала на набережную вдоль стены Кремля. — Мой муж год назад ушёл к молодой модели, хотя утверждал, что любит и никогда не бросит.

Лилия снова промолчала. Трудно было представить, чтобы кто-то говорил Ванессе ласковые слова и целовал её в узкие

накрашенные губы, почти не скрывающие ряд желтоватых крупных зубов, при улыбке превращавших женщину в «крокодила».

— Когда он прилетает? — Ванесса достала сигарету, закурила.

— Завтра.

— На твоём месте я бы его встретила в аэропорту… и посмотрела, как он себя ведёт в компании спутницы.

— Зачем?

— Дорогуша, ты меня удивляешь. За мужиками глаз да глаз нужен, не то быстро рогатой козой станешь. Нет такого мужчины, который не смотрел бы налево.

Лилия улыбнулась.

— Бекасов не такой.

— Безгрешный, — сыронизировала Ванесса, выпуская клуб дыма; вела она одной рукой, держа сигарету в пальцах левой, с демонстративной небрежностью. ГИБДД давно ввела штрафы за курение в кабине автомобиля и использование мобильных телефонов, однако Римская игнорировала запреты.

Человек должен быть с грехом, вспомнила Лилия высказывание классика, иначе он не человек[13]. И всё же не хотелось верить, что все мужики сво…

— Могу поехать с тобой, — продолжила хозяйка джипа, не обращая внимания на молчание пассажирки. — Убедишься, что твой муженёк тебе верен.

— Благодарю, не надо, — отказалась Лилия.

— Как знаешь.

До офиса на Арбате ехали в молчании. Уже в коридоре главной конторы Double C Ванесса сказала:

— И всё-таки понаблюдай за мужем. Даже если он не гуляет, нельзя давать ему полную свободу. Мужа надо держать на коротком поводке.

— Я подумаю, — пообещала Лилия.

В своём скромном кабинетике, отгороженном от рабочих мест сотрудников компании матовыми стеклянными панелями, она привычно включила компьютер, проверила почту, начала звонить клиентам, писать письма, договариваться о встречах, и до обеда время пролетело незаметно. Однако при взгляде на Ванессу Римскую, обедавшую в то же время в компании с директором по маркетингу, в голове зашевелились не слишком позитивные мысли, вспомнились отлучки Саввы, разговоры по телефону, некие недомолвки: он перестал рассказывать о работе, — и настроение упало. Намёки «крокодильши» перестали казаться чушью, рождённой завистью, в душе проклюнулся росток

ревности. В спину подул холодный ветерок беспокойства. И хотя Лилия была далека от мысли нанять частного детектива для слежки за Саввой, ей и в самом деле захотелось издали посмотреть на его спутницу, убедиться в необоснованности своих страхов.

День закончился кое-как. Она едва не поругалась с заместителем директора, вспылив на его замечание «тщательней выбирать поставщиков», нагрубила Маше Савченко, фри-менеджеру компании, с которой сдружилась за последние полгода, и домой поехала в скверном настроении, то отказываясь от затеи встретить мужа в Домодедово, то, наоборот, решаясь на этот шаг.

За ночь подуспокоилась, однако приняла окончательное решение — ехать. Сварила кофе, мысленно прося прощения у мужа (Сав, я тебе верю, честное слово, просто посмотрю, да и тебе будет приятно…), рано утром села в маленький фиолетовый «Свифт» и поехала в аэропорт.

В половине седьмого утра поставила машину на платную стоянку, выяснила точное время прилёта самолёта из Сингапура, погуляла по залу, рассматривая роботов-уборщиков, ползающих между секциями регистрации пассажиров. В голове стоял дым, она почти возненавидела себя, но ничего не могла с собой поделать. Яд слов Ванессы проник в душу и мешал думать о посторонних вещах. Надо было идти до конца.

Объявили, что совершил посадку самолёт рейса RU 1100 из Сингапура.

Потянулись минуты ожидания, сопровождаемые переживаниями душевных мук.

Лилия встала слева от выхода, за толпой встречающих, спряталась за спину какого-то толстяка, державшего в руках табличку: «MNS. Effector. Java».

Первые пассажиры рейса начали выходить из раздвижной двери зала прилёта через тридцать пять минут. Савва вышел через сорок в компании женщины необыкновенной красоты, одетой в серый брючный костюм с жемчужным отливом, и двух мужчин с большими чемоданами.

Перехватило дыхание!

Женщина рядом с Саввой не была уж такой молодой, какой её обрисовала Римская, однако она была безусловно мила, а главное — до умопомрачения походила на саму Лилию, отличаясь от неё лишь причёской и цветом волос. Держалась незнакомка непринуждённо, на Савву почти не смотрела, разыскивая кого-то в толпе, и у Лилии отлегло от сердца: она боялась, что муж выйдет под руку с девицей и будет смотреть на

неё с обожанием.

Захотелось броситься к нему на шею, обнять, признаться в своих страхах, но вторая мысль отрезвила: подожди, что он подумает?! что скажет?! ты с ума сошла?! и что она ответит?!

Не буду показываться, решила Лилия. Провожу до машины и уеду. Потом когда-нибудь признаюсь, что совершила глупость.

Компания из трёх мужчин и женщины приостановилась у выхода, где их встретил темноволосый молодой человек, оказавшийся водителем микроавтобуса «Хаски». Савва по-прежнему вёл себя сдержанно, никаких особых эмоций и внимания к спутнице не выказывал, и Лилия вновь обругала себя за недоверие к мужу и предпринятые к «выявлению истины» шаги.

Спутница Саввы — это и была, наверно, его начальница Виктория Шахова — действительно походила на модель (значит, и я так выгляжу? — мелькнула кокетливая мыслишка), и ею вполне можно было увлечься.

Выходя из зала, Савва вдруг оглянулся, осматривая зал, будто почувствовал взгляд жены, и Лилия едва успела отвернуться, шмыгнув за шумную компанию молодёжи. Савва её не заметил.

Подождав, она вышла за прилетевшими из Сингапура, отыскала их, идущих к парковке, довела до микроавтобуса, в салон которого компания и уселась, погрузив чемоданы.

Лилия порадовалась, что поставила свою «наноигрушку» на другой линии стоянки, подождала, пока микроавтобус отъедет, и поспешила к машине.

Зазвонил телефон.

Лилия вздрогнула, инстинктивно почуяв, кто звонит.

Это и в самом деле был Савва:

— Привет, родная, не разбудил?

Слова застряли в горле.

— Н-нет… я… Еду…

— Понятно, я прилетел час назад, но боялся позвонить. Заеду в контору, потом домой, и к тебе, сходим в ресторанчик, расскажу свои похождения. У тебя всё в порядке?

— Да, всё хорошо, а у тебя?

— Долго летели, надоело, а так всё тип-топ. Знаешь, мне показалось, что я тебя видел в толпе встречающих. — Савва рассмеялся. — Наверно, соскучился сильно, пригрезилось.

— И я… соскучилась.

— А голос у тебя какой-то странный.

— Ты один? — вырвалось у неё помимо воли.

— Что значит — один? — не понял он. — Нас четверо, никого лишнего, или что ты имеешь в виду?

— Нет, ничего, мысли дурные лезут в голову.

— Не замечал за тобой дурных мыслей, ты у меня умненькая.

Лилия рассмеялась с необычным чувством облегчения, подумав, что если бы у мужа был роман с начальницей, такие слова жене при ней он бы не произносил.

— Чего смеёшься? — хмыкнул Савва.

— Вспомнила сочинение Ниночки Максимовой, дочери Даны. Помнишь Дану?

— Конечно.

— Ниночка написала в сочинении: «Она не слышала от него ни одного ласкового слова, кроме слова „дура“». Это я к твоей похвале про умненькую.

— Но я же не преувеличил? — начал оправдываться Савва. — Говорю, что думаю. Ты всё-таки странная сегодня.

— Ни капли я не странная, забот много. До встречи. — Она выключила телефон.

Дождалась, пока мимо проедет уборочный мини-трактор с вращающимися щётками, побежала к шеренге машин, среди которых стоял её «Свифт», не заметив, что из-за трактора вывернулся чёрный «Лексус», мчавшийся со скоростью не меньше ста километров в час, хотя ездить с такой скоростью по территории парковки было нельзя. Затормозить лихач не успел.

Удар был такой силы, что Лилия пролетела по воздуху несколько метров, врезалась в «Мерседес», выезжавший в проход, и безжалостная тьма сомкнулась над ней плотным смертным саваном.

Последней мыслью женщины было: это наказание за ревность…

Глава 13. Чем чёрт не шутит

К собственному удивлению, тема, поднятая неведомыми «прогрессорами человечества», Кешу заинтересовала. Он даже не ожидал, какой потенциал творческого вдохновения содержится в простых словах: «оптимальный вариант ликвидации нефтегазовой промышленности». И даже сомнительные методы «прогрессорства», связанные с убийством нефтяников и технических специалистов, не отбили у Кеши охоту поколдовать над вариантами задания, прикинуть пути достижения цели, способствующие решению главной задачи — выходу человечества во Вселенную.

В тот же вечер после разговора с Саввой Кеша начал размышлять над проблемой.

Поздним вечером ему скинули информацию по всем нефте- и газодобывающим компаниям мира: месторасположение комплексов добычи и управляющих центров, данные о численности и о руководящем составе каждой компании, а также об инвесторах и банках, содержащих активы владельцев компаний.

Ночью он прикинул примерный план всего процесса перестройки энергетики человечества на новые энергоисточники, порадовался масштабу своего воображения. План был, конечно, не расписан в деталях, этим Кеша собирался заняться в дальнейшем, но объём задачи уже становился понятен, и при её реализации (хватило бы сил и средств у заказчика) вполне можно было развернуть прогресс цивилизации в нужном направлении.

Не мешало Кеше даже ощущение внешнего наблюдения, начавшее его преследовать после того, как он подумал о главном труде своей жизни. Если он был прав (сомнения изредка возникали), то все попытки изменить отношение людей к природе и к самим себе были запрограммированы творцом земной реальности, и тогда «волевые решения» отдельных личностей, — самого Кеши, к примеру, — становились смешными.

«Наверху» (где именно — Кеша пока не сильно представлял) изменили программу — и появилась подпрограмма ПСП, которая нашла Кешу и предложила разработать план «прогрессорства» человечества. А так как Кеша тоже представлял некую подпрограмму (исходя из его выводов), то и его включили в общую программу изменения (апгрейд цивилизации, если выражаться на нынешнем сленге компьютерщиков) как необходимое условие для решения задачи. Как говорится, извини, парень, ничего личного, ты оказался в нужном месте и в нужное

время.

Разумеется, Кеша попытался по памяти восстановить ловко украденный неведомыми заказчиками текст своей «докторской диссертации», как он иногда называл теорию «вселенского моделирования», но для полного восстановления требовалось время, и он, убедившись, что помнит почти всё, оставил пока это занятие. Попытался представить, кем были заказчики. Возможностей для кражи у них хватило, они не оставили никаких следов взлома сервера, да и в лабораторию проникли так же незаметно, никого не насторожив. Поэтому сомневаться в их технической мощи не приходилось. Но и задание Кеше они выдали превосходящее по параметрам и последствиям всё, с чем он сталкивался до сих пор. Их осведомлённость поражала, хотя Кеша снова и снова возвращался к мысли, что кто-то из «ангелов на небесах», создавших земную реальность как поле для игры вселенского масштаба, наблюдал за ним и посмеивался над его попытками осмыслить ситуацию.

Тем не менее он остался при своём мнении.

Все расчёты подтверждали это мнение на всех уровнях.

Человечество появилось в трёхмерной «плоской» Вселенной, которая сама по себе была абсолютно маловероятной с точки зрения теории общей относительности. Любое самое крохотное отклонение от плоскостности в ранней Вселенной привело бы к настоящему моменту (через тринадцать с лишним миллиардов лет) к тому, что Вселенная стала бы либо открытой — с геометрией седловидной поверхности, либо замкнутой — с геометрией сферической поверхности. Но она осталась «плоской» в гигантских масштабах, что доказывало идеальную точность подгонки физических законов и геометрии в самом начале её рождения.

Этот факт Кеша считал первым в перечне доказательств искусственности земного мира, смоделированного по «божественным» лекалам.

Вторым по важности доказательством он считал существование квантов пространства с планковскими размерами и квантов времени. Они-то и формировали «сетку пикселей», создающую квантовую пену, ответственную за эффекты Вселенной во всех её проявлениях. Именно эта сетка, по мысли Кеши, и указывала напрямую на искусственность реальности, природы и человека, играющего роль игровой фигуры, которую можно легко было перезагрузить или заменить на другую в случае его гибели.

Кеша не просто верил в свою непогрешимость, будучи фанатиком идеи, обладающим мощным творческим потенциалом,

способным создавать новые школы и направления науки, он видел описываемый им мир и во снах часто совершал прогулки по «небесным сферам», хотя потом и не помнил ничего. В моменты озарений, которые специалисты называли эффектом приобретённого савантизма (Кеша не всегда был таким умным, в детстве он больше мечтал о работе таксистом и лишь в девятом классе гимназии, после сотрясения мозга, полученного при неудачном соскоке с трапеции, вдруг поумнел и заинтересовался радиофизикой), он мог за несколько секунд просчитать любую математическую задачу, что и позволило ему сначала поступить в институт, а потом и занять в двадцать шесть лет место начлаба в Сколково.

План, который он составил для решения проблемы «технологического прорыва», состоял из восьми пунктов.

Первый предусматривал создание всемирной системы аварий на нефтедобывающих комплексах и вброс в СМИ информации об увеличивающейся опасности добычи нефти и газа.

Второй этап, начинавшийся одновременно с первым (хотя именно с него начали заказчики), предполагал ликвидацию крупнейших нефтяных дельцов и добытчиков. К настоящему моменту было уничтожено шестеро магнатов: двое в России, двое в Великобритании, канадский и китайский. Шум поднялся изрядный, судя по реакции СМИ, но этого шума было мало. Чтобы мир прочувствовал масштаб перестройки, следовало ликвидировать по крайней мере в десять раз больше нефтебаронов и разработчиков новых месторождений, надо было продолжать эту «практику» психологического давления на общественность, хотя на душе Кеши и скребли кошки по поводу методов заказчика. Всё-таки он понимал, что ему предложили не участие в компьютерной игре, в которой мочили всяких монстров и теряли фигуры, а в реальной жизни, где кровь, образно говоря, лилась настоящая.

На третьем этапе развёртки «апгрейда» Кеша предусмотрел имплементацию бунтов парламентов в странах, зависящих от поставки нефти и газа. Эти акции, своеобразные «цветные революции», позволяли заострить внимание общественности на возникшей проблеме и заставить правительства и президентов терроризировать ООН, ОБСЕ и мировые службы безопасности требованиями «немедленной остановки нефтедобычи».

Затем следовал этап подготовки и проведения настоящих революций в нефтяных странах, начиная с Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, Ирана, России и заканчивая Соединёнными Штатами, Канадой и более мелкими странами, добывающими нефть.

Одновременно должен был быть запущен этап поиска альтернативных источников энергии, позволяющих отказаться от добычи нефти. В принципе этот этап начался давно, раньше других, так как об «экологически чистых» источниках мечтали ещё фантасты середины прошлого века, и к двадцатым годам двадцать первого столетия были проведены исследования почти по всему спектру перспектив, от солнечных батарей, термоядерных реакторов и до экзотических вакуумных насосов, позволяющих обходиться без строительства гигантских и громоздких реакторных комплексов. Но мировое нефтяное лобби перекрывало все попытки учёных и конструкторов доработать установки и перейти на новый уровень энергодобычи. Эти люди и без выхода в космос и покорения Вселенной жили в раю безудержного исполнения желаний и сложившийся порядок вещей, обеспечивающий им беспредельную власть на Земле, менять не хотели.

После выбора стратегии развития энергетической независимости (сам Кеша склонялся к экзотике и решил ознакомиться поближе с работами Владимира Леонова, который первым создал теоретическую базу квантования вакуума и теории единого поля) надо было запустить в соцсети идею использования дешёвых и безопасных Л-генераторов, а затем продемонстрировать опытную установку, способную стать прототипом вакуумных насосов, черпающих энергию напрямую из вакуума, то есть из «космической пустоты», из «ничего».

Следующим этапом сценария «апгрейда» Кеша мыслил развёртку строительства генераторов по всему миру, после которого наступал период утилизации нефтегазовых производств и создание космического флота, способного достичь звёзд за считаные дни и часы.

Финита! Все пляшут и поют! Кеше дают Нобелевскую премию за умсорик (тоже, между прочим, классное изобретение!), а потом ещё одну за теорию «вселенского симулирования», если только…

Если только те, кто контролирует земную реальность, не решат изменить матричную программу и не сотрут все благие намерения заказчика и Кеши… вместе с его жизнью!

Последняя мысль была неприятной, однако Кеша надеялся, что он избежит участи нейтрализованной игровой фигуры и докажет свою необходимость всем: заказчику, его патрону, «надвселенским игрокам» и… Люське, которая должна была пожалеть о своём уходе.

Утром он собирался заявиться к директору центра и попросить недельный отпуск. Захотелось проработать каждый пункт сценария подетально, опираясь на логику происходящих

событий и те возможности, которые заключала в себе сама идея «апгрейда цивилизации». К тому же где-то на глубоком дне самолюбия Кеши жила плутоватая мыслишка, что он не зря попался на глаза заказчику как креативно мыслящий человек. Кто-то был в курсе его увлечений, а главное — знал, что теория «вселенского моделирования» имеет под собой реальную почву.

Однако случилось непредвиденное: в половине восьмого утра, когда Кеша завтракал, позвонил Савва и сообщил, что его жену в аэропорту сбила машина и что похороны Лилии состоятся в понедельник.

Кеша не поверил ушам. В голову не могло уместиться, чтобы красавица-жена Бекасова внезапно умерла! Он даже собрался пошутить на эту тему, но Савва отключил телефон, и слова застряли у Кеши в горле. Он осознал, что такими вещами не шутят.

Сорвался с места, торопливо переоделся и ссыпался по лестнице вниз, не дожидаясь лифта, нырнул в кабину своего «Боксера». Уже выезжая со двора, перезвонил Савве:

— Ты дома?

— Ещё в аэропорту, — коротко ответил приятель.

— Я подъеду.

— Не стоит ехать в аэропорт, через полчаса тело Лилии увезут в морг. Если хочешь, подъезжай ко мне в обед.

— Я бы хотел помочь…

— Нет смысла, потом. — Савва снова отключился.

Кеша выдохнул сквозь стиснутые зубы, расслабился, вспоминая роскошную улыбку Лилии, то, как она разговаривает и смеётся. Потряс головой. Душа отказывалась верить, что её нет в живых. Этого не должно было случиться! Лилия не должна была погибнуть в расцвете красоты! Что-то крылось в этом происшествии подозрительное, словно вмешался чей-то подлый расчёт, и сильную фигуру — Савву — ограничили в соответствии с какой-то игровой программой. Либо захотели изменить состояние фигуры, предупредив, чтобы он не занимался опасной проблемой. В этом случае и ему угрожала нешуточная опасность, которая должна была заставить его отказаться от достижения цели. Но для кого он стал опасен сам? Над чем Савва работал в последнее время? Расследовал убийства российских нефтяников. Не означает ли этот факт, что Саввой начали заниматься те же люди, что вышли на самого Кешу? И не стоит ли образовавшуюся коллизию воспринимать в контексте общего процесса «апгрейда»?

То есть получается, что заказчики «перезагрузки технического прогресса человечества» увидели угрозу своим планам в деятельности Саввы? И они же пытаются заставить Кешу принять

участие в «апгрейде», не считаясь с его желаниями, приоритетами и волей? Но тогда он прав, и в его жизнь вмешалась самая настоящая вирусная программа, внедрённая в общую программу игры под названием «земная реальность». Отсюда и надо плясать, создавая аналог фэйрплэй, то есть антивирусной программы, способной справиться с заказчиками «апгрейда» и освободить исполнителя от создания «убойного плана перестройки». Правда, сам Кеша подозревал, что единолично с этой проблемой не справится, нужна была реальная материальная и физическая помощь, потому что «вирус» в понимании инженера и айтишника в приложении к земному социуму и земной природе должен был проявляться как живой эффектор — человек или же целая команда.

В голове всплыл электронный адрес письма: ПСП@gmail.com.

ПСП и есть эта команда? Что бы ни скрывалось за ником? Но кто поможет? Если и на Савву наехали по полной?

Память услужливо нарисовала образ недавней гостьи, Виктории Шаховой, помощницы секретаря Совбеза. Может быть, она знает больше, чем говорит? Иначе как объяснить её заинтересованность в контакте и предупреждение, в котором она выразила обеспокоенность увлечением Кеши теорией «вселенской симуляции»?

Кто-то посигналил сзади.

Кеша очнулся, выехал со двора, не обратив внимания, что за ним следует серый «Лексус NX».

Доехав до Сколково, он даже не стал заходить в лабораторный корпус, сразу поднялся в приёмную директора. Объяснил ему ситуацию, получил разрешение на недельный отпуск, с некоторым трудом написал от руки заявление, передал секретарше и отправился обратно в Москву.

Савва был дома, и не один. В гостиной стоя разговаривали двое мужчин и женщина. Савва находился на кухне и так же стоя беседовал с женщиной, в которой Кеша узнал свою гостью, Шахову. Он поздоровался, промямлил:

— Я могу чем-то помочь?

Начальница Саввы посмотрела на расстроенно-сочувствующее лицо Рудницкого.

— Хорошо, что вы приехали, Иннокентий Леонтьевич, побудете с Бекасовым, а я вас покидаю.

Она вышла.

Оба посмотрели ей вслед.

— С ума сойти! — пробормотал Кеша. — Не отличишь от Лили… — Он осекся.

Бледный Савва, выбритый до синего зеркального блеска, с

силой потёр гладкую скулу. С виду он был спокоен и сосредоточен, но в глубине глаз плавилась такая боль, что Кеша содрогнулся, встретив взгляд приятеля.

— Сочувствую…

— Давай без лишних слов.

— Как это произошло?

— Я не видел, мы выезжали с парковки в этот момент. То ли она хотела догнать машину и бежала, не видя куда, то ли водила «Лексуса» её не заметил… не берусь утверждать. Следствие покажет.

— Мне кажется, я знаю, в чём дело…

Савва поморщился, глаза его подозрительно заблестели, словно в них протаяли слёзы, но он справился с эмоциями.

— Кеша, пожалуйста, не… — Майор замолчал, обдумывая последние слова приятеля. — Что ты знаешь?

— Я размышлял над всем этим, — торопливо заговорил молодой человек. — Понимаешь, много несуразностей и подозрительных совпадений, особенно с общими встречами. — Он передал майору суть своих умозаключений, закончил: — Надо искать эту ПСП, то есть заказчиков. Я, конечно, прикинул для них стратегию взаимодействия по «апгрейду», но детально разрабатывать тему не стану.

Савва положил руку ему на плечо.

— Благодарю, дружище, но я сейчас ничего не соображаю, давай поговорим об этом позже. Не возражаешь?

Кеша жалостливо посмотрел на него, хотел сказать что-нибудь пафосно-дружелюбное, типа «я всегда с тобой, можешь на меня положиться», но Савва убрал руку и отошёл к группе людей в гостиной. Вряд ли он понял, что пытался ему доказать Кеша. Ему и в самом деле было не до обещаний в дружбе и помощи.

Похороны Лилии состоялись в понедельник шестнадцатого августа, на Бабушкинском кладбище Москвы, граничащем с парком Лосиный Остров и располагавшемся в Ярославском районе, недалеко от храма мучеников Адриана и Натальи. Здесь были похоронены родственники погибшей и её отец.

На церемонии присутствовало около трёх десятков людей, включая бывшего начальника Саввы полковника Старшинина и немногочисленную делегацию из Совбеза во главе с Шаховой, скрывшей волосы под чёрным платком, а также сослуживцев с прежнего места работы Саввы. Плюс его родители, ещё вполне крепкие и молодые, и родственники жены, мать Лилии, её подруги и Кеша.

Длинных речей не произносили. Женщины плакали. Мужчины хмуро рассматривали кладбище, могилу, гроб, изредка

переговариваясь.

Савва был бледен, под глазами залегли синие тени, да резче выступила волевая складка губ. Лишь в глазах майора горел тёмный огонь боли и тоски, которую не могли нейтрализовать ни сочувственные речи, ни слова поддержки, ни дружеские объятия.

Бросили по горсти земли на гроб в могиле, подождали окончания церемонии. Присутствующие на похоронах вели себя сдержанно, и Кеша, оглядев компанию, почему-то расправил плечи, будто ему уже пообещали помощь. Такова была энергетика собравшихся, в основном — близких Савве людей, объединявшая волевые и решительные натуры.

Начали разъезжаться.

Кеша сел в микроавтобус вместе с Саввой, его близкими и родственниками жены. Взгляд то и дело искал рядом с майором знакомую фигуру (Лилия и Виктория Шахова настолько были похожи, что душа не делила их на разных женщин), однако начальница Саввы села в другую машину, явно не желая возникновения каких-либо пересудов в свой адрес и адрес подчинённого. Мать Лилии и две её тётки заметили сходство и, возможно, обсудили меж собой этот необычный факт, но ничего, кроме печали, он ни у кого не вызывал.

Доехали до кафе «Стожары» недалеко от дома Саввы, где гости собрались на поминки. Речей не произносили и здесь, лишь директор компании Грозман, где работала Лилия, коротко рассказал, какой вклад в стратегию компании внесла жена Бекасова, каким она была прекрасным человеком, и больше об этом никто не говорил.

Кеша слушал, молчал, мучился, не зная, чем помочь приятелю, потом отвлёкся на мысли о заказчиках «апгрейда», снова сопоставив происходящее с замыслами неведомых «прогрессоров», не считавшихся ни с какими жертвами. Скорее всего, они и с Кешей могли поступить соответствующим образом, ограничив его свободу в случае невыполнения приказа «подстегнуть прогресс человечества», либо вообще убрать его с дороги как ненужную фигуру.

В пять часов пополудни начали разъезжаться.

Кеша снова оказался в компании Саввы, его родителей и родственников жены.

Водитель микроавтобуса отвёз всех сначала на квартиру Саввы, где все посидели до вечера, превратившись в одну семью, соединённую бедой, потом Савва отвёз маму Лилии и тёток в посёлок Видное, где они жили.

Отец и мать Саввы тоже не были коренными москвичами и проживали в Малоярославце, но до утра решили остаться с

сыном. Савва хотел оставить у себя и мать Лилии, но она была вне себя от горя и не захотела остаться. Да и не уместились бы все семеро в небольшой двухкомнатной квартирке Саввы.

Кеша всюду сопровождал приятеля.

— Тебе куда? — спросил Савва, когда машина остановилась во дворе дома.

— Вообще-то я совершенно свободен, — признался Кеша. — Взял отпуск на неделю, хотел поработать над «апгрейдом».

— Над чем?

— Не помнишь? Я же тебе рассказывал.

— Повтори, ничего не помню.

Кеша повторил.

— Что ты об этом думаешь?

— Чистой воды бред, — усмехнулся Савва. — За твои фантазии тебя в психушку могут упечь.

— Почему фантазии? — обиделся Кеша. — Всё же сходится, одно цепляется за другое, нас держат на крючке и свободно могут замочить.

— ПСП…

— Что?

— Нет, ничего. Не надо было ввязываться в эту историю с теорией.

— Я и не ввязывался, они сами на меня вышли. Что я мог им ответить?

— Отстаньте!

— Они обещали вернуть умсорик и все материалы.

— А если бы они предложили убить маму и только за это вернуть материалы, ты бы согласился?

Кеша ошеломлённо вытаращил глаза.

— Шутишь?!

Савва наконец окончательно расслабился, качнул головой.

— Извини, сам не знаю, что говорю. Поднимешься? Обмозгуем твои проблемы.

— Тебе, наверно, не до этого…

— Надо переключить внимание, идём. Посидим, чайку попьём. Потом я отвезу тебя домой и вернусь.

— Сам доберусь, не маленький.

Пожали руку уставшему водителю микроавтобуса, поднялись в квартиру Саввы, где ещё стоял запах ладана, а на столе у портрета Лилии в рамке с чёрной перевязью по углу плакала свеча.

Родители Саввы уже спали.

Приятели умылись, сели на кухне, Савва включил электрочайник.

Зазвонил айком Кеши.

Он тряхнул браслетом коммуникатора, включая режим объёмного сопровождения, но экранчик, засветившись, выдул из себя лишь пустой голографический пузырь: абонент не пожелал активировать скайпфон.

Кеша с недоумением глянул на светящуюся надпись под экранчиком: «Номер неизвестен».

— Слушаю, алё.

Савва встал, закрыл дверь на кухню, чтобы голос гостя не разбудил родителей.

— Вы сделали работу? — заговорил в клипсе телефона неприятно-скользкий мужской голос.

Кеша сглотнул, бледнея, пальцем ткнул в браслет.

Савва понимающе кивнул.

— Н-нет, — ответил Кеша.

— Напоминаем, осталось два дня…

— Отстаньте! — вдруг вспылил Кеша. — Я не буду заниматься разработкой ваших убойных планов!

Савва вскинул голову, протестующее махнул рукой, но Кеша уже заканчивал:

— Верните украденное, воры! Я в полицию заявлю!

Абонент выдержал паузу, голос его стал ледяным.

— Вы подумали о последствиях?

— Да! Мы вас найдём!

Савва одним движением снял с уха Кеши клипсу, нацепил на своё ухо, отобрал у него айком.

— Даём вам сутки на размышление, — сказал обладатель «скользкого» причмокивающего голоса. — Не одумаетесь — пожалеете!

— Эй, господин хороший, — проговорил Савва обманчиво дружелюбным тоном, — даю вам минуту на размышления: не трогайте Иннокентия, не играйте с огнём! Кстати, это не вы побаловались в аэропорту и убили мою жену?

Голос выдержал ещё одну паузу, стал брезгливым:

— Господин Бекасов? Вас пока просто предупредили — не вмешивайтесь.

Савва потемнел.

— Послушай, «шестёрка» ПСП! Видит бог, я не хотел вмешиваться, но теперь вмешаюсь обязательно! Мало того, обещаю вас из-под земли достать и обратно закопать! Как понял?

Динамик айкома хрюкнул и запиликал гудочками отбоя. Неизвестный абонент Кеши выключил связь.

Приятели посмотрели друг на друга.

— Дурак! — прошипел, оскалясь, Савва.

Кеша виновато поёжился.

— Я не хотел…

— Я о себе. Тебе не надо было впрямую отказываться от задания, я бы предпринял кое-какие шаги, попробовал бы выйти на заказчиков.

— Я не думал…

— Думать полезно всегда.

— Что будем делать?

Савва отдал Кеше айком.

— Ждать.

Глава 14. Усиление ПСП

Два дня после похорон Лилии Савва провёл как в тумане, ни о чём не думая, автоматически исполняя обязанности начальника службы внутренней безопасности, лаконично отвечая на вопросы сослуживцев и не поддерживая никаких бесед.

Виктория повела себя в высшей степени деликатно, понимая его состояние, зря не вызывала, распоряжениями не злоупотребляла и даже не показывалась лишний раз на глаза, зная, что похожа на погибшую, как сестра-близнец.

Особенно трудной оказалась ночь после похорон.

Такой смертной тоски он не переживал никогда! Не помогали ни попытки переключиться на проблемы, свалившиеся на Иннокентия, ни грубые методы расслабления наподобие стакана коньяку, ни медитации. Перед глазами всё время стояла Лилия, смеющаяся, протягивающая к нему руки, и это было совершенно невыносимо! Савва искусал подушку, прежде чем немного успокоился, и долго стоял под холодными струями душа, глотая слёзы и унимая в груди рыдание…

В четверг он забрал машину Лилии со стоянки в аэропорту Домодедово, отвёз родителей в Малоярославец, появился на работе, получил отпуск и поехал на кладбище. Просидел у могилы полдня. Вернулся домой, чувствуя себя снятым с креста, попил чаю и лёг на диван, не раздеваясь. Забылся на пару часов. Ночь просидел в кресле перед фотографией Лилии, утром следующего дня поехал в Совбез, обсудил с Петровичем текущие дела, забыв, что находится в отпуске, и снова поехал на кладбище.

Кто-то звонил ему, выражал сочувствие, он благодарил. К вечеру обнаружил, что небрит, тщательно побрился, словно собирался на приём к президенту, вспомнил о Кеше.

Завлаб обрадовался звонку:

— А я боялся тебя потревожить! Как ты?

— Нормально, — сухим голосом ответил Савва. — Выплываю. Сижу дома, перебираю Лилины вещи. Что у тебя? Звонили?

— Был звонок, адресат неизвестен, но никто ничего не спросил. Сижу дома, как и ты, восстанавливаю по памяти текст диссера, собираю второй экземпляр умсорика.

— Обедаешь дома?

— Только утром кофе пью, а так хожу в кафешку неподалёку, к Вовке Баранову в гости заходил.

— Слежки не заметил?

— Н-нет, а что, думаешь, будут следить?

— Ты их огорчил отказом, всё может случиться, подстрахуйся на всякий случай, а если заметишь подозрительную возню — звони мне.

— Лады, — пообещал Кеша.

Мысль заняться поисками заказчиков Рудницкого возникла сразу после разговора с ним, но осуществлять задуманное Савва начал только утром в субботу, двадцать первого августа. Инициировал расследование эпизод с инвалидом, произошедший в торговом центре «Ариэль» на Дмитровке, куда Савва заехал купить кое-каких продуктов; холодильник после похорон опустел напрочь, надо было хоть как-то утолять голод, а по ресторанам одному ходить не хотелось.

Первый этаж торгового центра занимали продовольственные ряды и стенды с напитками.

Савва покидал в тележку пакеты с зеленью и овощами, рис, муку, молоко, выбрал травяной чай с эхинацеей, кофе, взял зачем-то бутылку грузинского вина «Твиши» и закончил поход у ряда касс.

Народу утром в центре было немного, работали все кассы, но только две из них были заняты, отпускали покупателей. Остальные ждали, скучая.

Перед Саввой прошёл, прихрамывая, худенький светловолосый парнишка в сером плащике на клетчатую рубашку, с рюкзачком за плечами. Одна рука у него была прижата к боку, маленькая и сухая, второй он толкал перед собой тележку, на дне которой сиротливо лежал батон белого хлеба и пакет кефира. Парнишка встал перед Саввой, и тому пришлось переехать к соседней кассе, чтобы не терять время.

И в этот момент к кассе, куда толкнул тележку парнишка-инвалид, подошли двое мужчин специфической наружности, в кожаных чёрных куртках и выгоревших до голубизны джинсах. Один — жилистый мосластый брюнет, заросший чёрной щетиной, с шапкой курчавых волос, второй — толстомордый шатен, носивший рыжеватые усики, подстриженный особым образом: по вискам ползли дорожки выбритых волос, складываясь в узор, напоминавший иероглифы.

Брюнет сунулся к кассе перед парнишкой, хотя свободных касс хватало, оттолкнул тележку, процедив:

— Подождёшь.

Толстомордый хохотнул.

Тележка поехала в сторону, потянула парня, он споткнулся и упал.

Савва, оглянувшийся на шум, отставил свою тележку, помог парнишке подняться, увидел в голубых светлых глазах боль и

недоумение, подошёл к брюнету, сунувшему кассиру бутылку водки и банку с солёными огурцами.

— Эй, гражданин любезный, спешишь?

Кожанки оглянулись.

— Чево? — процедил брюнет сипло.

Савва сцепил зубы, изменил тон.

— Извинись!

В глазах небритого шевельнулись недобрые тени.

— Пошёл ты, чмо!

Дальнейшее произошло в течение секунды.

Савва вскипел: боль и тоска нашли отдушину.

Руки мгновенно согнули брюнета и воткнули головой в основание кассы с двумя рёбрами, так что лоб грубияна (от него невыносимо воняло луком) аккуратно пришёлся в одно из рёбер. Он акнул и остался на полу в приседе, потеряв сознание.

Спутник брюнета, проводив приятеля мутными глазами, сунул было руку в карман куртки, и Савва сжал ему руку с такой силой, что здоровяк ойкнул.

— Стой тихо, покалечу! Забирай своего фраера и чеши отсюда, пока я вас в полицию не сдал! Повторить?

Толстомордый изменился в лице, наклонился к брюнету, начал его поднимать со словами:

— Вставай, Шалва, пойдём, дорогой, нас не поняли…

— Я… Его… — вяло просипел брюнет.

— Потом сочтёмся, мужик заметный, пошли.

Оба двинулись мимо кассы, не глядя на подошедшего охранника в тёмно-фиолетовом костюме и работника центра в зелёной робе.

— Граждане, оплачивать товар будете? — запоздало окликнула их ошеломлённая кассирша.

Но мужики не обернулись, скрываясь за выходной дверью.

— Извините, — сказал Савва, приходя в себя. — Терпеть ненавижу наглецов! — Подошёл к парнишке. — Ты в порядке?

— Спасибо, — стеснительно ответил паренёк, — я бы их и так пропустил, зачем толкаться?

— Ничего, крепись, не все такие скоты безмозглые.

Савва расплатился в кассе, ловя на себе любопытные взгляды работников магазина, вышел из центра с пакетом в руке и наткнулся на двух полицейских, спешащих навстречу. Сзади и чуть сбоку шагали давешние кожаны, на ходу что-то втолковывая второму полицейскому, с погонами лейтенанта.

Савва внезапно узнал в первом майора Петрова, начальника УВД Норильска, хотя здесь он был в мундире с погонами подполковника.

Полицейские остановились. Савва тоже.

— Он? — спросил Петров брюзгливо, не поворачивая головы.

— Он! — в один голос отозвалась «сладкая» парочка.

— Гражданин, предъявите документы, — скучающим тоном произнёс подполковник.

Савва почуял дуновение холодного ветерка.

Майор Петров не должен был находиться в Москве, да ещё с подполковничьими погонами, он должен был находиться под следствием в Норильске, но к совпадениям подобного рода (Виктория тоже слишком разительно походила на Лилию, чтобы это воспринималось рядовым событием) Савва уже начинал привыкать, а в свете последних событий и вовсе догадался о причинах совпадений. Майор-подполковник Петров являл собой команду ПСП, хотя Фофанов и отзывался о нём некорректно.

— Какая встреча! — сказал Савва с наигранной радостью. — Майор Петров собственной персоной! Я гляжу, вас повысили в звании? Поздравляю.

— Документы, — тем же тоном произнёс подполковник, как две капли воды похожий на Петрова и на сингапурского «араба»: то же простоватое, рыхлое, широкое лицо, те же голубоватые глазки, та же презрительная складка губ. — Верейский!

Лейтенант картинно бросил руку на кобуру пистолета.

Савва оценивающе глянул на него, встретил ничего не выражающий взгляд и внутренне содрогнулся: так смотреть мог только наркоман либо запрограммированный человек. Не оставалось сомнений, что полицейские являлись не представителями сил правопорядка, а совсем иных сил, проявившихся ещё в Норильске. И всё же Савва сделал попытку разойтись мирным путём.

— А в чём дело, господин Петров? У вас есть ордер на арест? Или в нашем государстве человек уже не имеет права на свободное посещение торгового центра?

— Вы напали на граждан, — заявил лейтенант; зрачки его то сужались, то расширялись, и непонятно было, понимает он сам, что говорит, или нет, — спровоцировали драку.

— Эти граждане? — небрежно кивнул Савва на шатена и брюнета, у которого на лбу вспух красный рубец. — Так они сами повели себя некрасиво. Пойдёмте в центр, вам всё расскажут свидетели — кассирши и охранник.

— Документы! — Пальцы лейтенанта расстегнули пуговку кобуры.

Вокруг стали собираться зеваки, заинтересованные в происходящем. Надо было или подчиняться команде, или предпринимать нестандартное решение.

— Майор, майор, — укоризненно покачал головой Савва, — не зря Фофанов отзывался о вас с презрением. Неужели вы думаете, что я в нынешних обстоятельствах хожу один?

Петров мигнул, глянул налево, направо, и Савва добавил «туману», поднося ко рту браслет айкома с мигающей зелёной искоркой:

— Капитан, группу ко входу в торговый центр!

Лейтенант неуверенно посмотрел на подполковника.

«Петров», или кто он там был на самом деле, снова огляделся, заметил подходящих к толпе зевак молодых парней и, видимо, принял их за подчинённых Саввы.

— Возвращаемся.

— Но, товарищ полковник…

— Уходим, я сказал!

Полицейские развернулись, начали протискиваться сквозь разочарованную мирным исходом конфликта толпу к линейке машин у торгового центра.

— Я вас найду в скором времени, майор, — громко пообещал Савва в спину «Петрову».

Подполковника шатнуло, но оборачиваться и отвечать на вызов он не стал.

Полицейские сели в тёмно-серый «Лексус» и уехали.

Исчезли и дебоширы, странным образом отыскавшие на улице защитников, из чего Савва сделал вывод, что за ним следили, а парнишка-инвалид подвернулся брюнету случайно. Не будь его, кожаны нашли бы для провокации кого-нибудь другого.

Домой Савва ехал, недовольный своей расслабленностью. В покое его не оставили, следили, возможно, даже прослушивали телефон или установили видеожучки в квартире, и с этим надо было что-то делать. Давая советы Кеше, он сам вёл себя абсолютно безбашенно, непрофессионально, а в свете последних событий и вовсе преступно. Гибель Лилии требовала расследования и мести, да и угрозы в адрес Иннокентия тоже перешли все границы, и Савва дал себе зарок разобраться со всеми непонятками.

Никто за его «Ягуаром» не следил, хотя червячок сомнений оставил свой след в душе и уже не исчезал насовсем.

Наметив план действий, Савва позвонил в Управление внутренних дел Южного административного округа, сотрудники которого занимались расследованием инцидента в аэропорту Домодедово. Ему ответили, что новостей нет, водитель «Лексуса», сбившего Лилию, отпущен под подписку о невыезде и решается вопрос о лишении его водительских прав.

— Да какие права, какая подписка! — взорвался Савва,

представляя равнодушное лицо следователя, с трудом собрался. — Извините… с кем имею честь?

— Капитан Орлов.

— Капитан, человек не мог ехать по территории парковки со скоростью больше ста километров в час… Если он не идиот! Значит, скорость была набрана намеренно! Водитель знал, кого надо было сбить, и следил за жертвой!

— Гражданин Бекасов…

— Майор Бекасов! Служба внутренней безопасности Совбеза! Прошу учесть это обстоятельство!

Следователь сбавил тон.

— Я всё понимаю, товарищ майор, но у нас нет оснований задерживать водителя и помещать его в СИЗО. Эксперты разобрались с ДТП, всё произошло случайно.

— А я утверждаю — не случайно! — Савва стиснул зубы. — Кто водитель?

Следователь замялся.

— Зачем он вам?

— Фамилия, работа, адрес!

— Вообще-то я не имею права…

— Вы адрес Совбеза знаете?

— Ну-у… да…

— Как предпочитаете подъехать к нам — на своём транспорте или за вами прислать наряд?

Тон собеседника снова изменился.

— Ревва Елизар Степанович, тысяча девятьсот девяносто шестого года рождения, уроженец Ставрополя, водитель владельца торговой сети «Фабрика вкуса».

— Водитель кого?

— Бадри Бедросовича Акунина, владельца «Фабрики вкуса». Я бы не советовал вам с ним…

— Адрес!

— Улица Тополиная, дом три, квартира девять.

Савва вдруг вспомнил, что встретившая его у торгового центра «Ариэль» пара полицейских села в серый «Лексус».

— На какой машине он ездит?

— Кто, Акунин? У него много машин, «Мерседес», «Порше»…

— На какой машине ездит Ревва?

— «Лексус» NX, номер «три шестёрки», сто девяносто девятый регион.

Савва застыл на мгновение: помнилось, что и в номере «Лексуса», на котором уехали полицейские, мелькнули шестёрки. Совпадение или?..

— Благодарю, капитан, крайне обязан за сведения. — Савва

оборвал разговор, не слушая ответные слова следователя.

Голова прояснилась. В душе родилось желание изменить положение вещей и сорвать планы неведомых «прогрессоров», затеявших, по словам Кеши, грандиозную перестройку целеполагания человечества. Ликвидация нефтяников являлась лишь верхушкой айсберга, но у Саввы родилось подозрение, что перестройка социума «с благими намерениями» началась раньше — с разрушения Чехословакии, Югославии, Ливии, Ирака, Сирии и Украины. Замысел «перестройщиков», кем бы они ни были, был понятен — подчинить человечество одному «пастуху» и заставить его жить в рамках единой программы «усовершенствования социума» по командам извне!

Нужен помощник, трезво подумал Савва, в одиночку можно наломать дров. Но кто поможет? Кто поверит во вмешательство «потусторонних сил» в людские дела и согласится бескорыстно послужить делу восстановления справедливости? Старшинин, по старой дружбе? Или сначала обратиться к Шаховой?

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — отреагировал Савва.

— Это я, — сообщил Кешин голос, в котором звучала необычная неуверенность. — Сав, ты просил позвонить, если я увижу подозрительных людей.

— Ты где? — напрягся майор.

— Уже дома, ходил в аптеку в соседнем доме, купил анальгин, голова по вечерам начинает пухнуть и болеть. За мной в аптеку один бомж заглянул, я его потом ещё раз засёк, во дворе. Он высунулся из-за мусорных контейнеров, заметил мой взгляд и смылся.

— Опиши.

— Бомж как бомж: куртка синяя, грязная, штаны чёрные, грязные, кепка на голове, морда вспухшая.

— Никто не звонил?

— Нет.

— Никуда в ближайшее время не собираешься?

— Да вроде нет. В понедельник хотел поехать на работу, отвезти второй умсорик, я собрал недавно.

— Вот и ладно. Жди меня, скоро приеду.

— Х-хорошо, — с облегчением вздохнул Кеша.

На сборы ушло пять минут времени. Звонить Шаховой Савва пока не стал, решив, что лучше сначала посмотрит на ситуацию лично.

К дому Кеши на Лётной улице в Мытищах он подъехал к двенадцати часам дня. Не заезжая во двор, оставил машину на улице, прошёлся вдоль дома, изучая припаркованные

автомашины, пересёк двор и почти сразу обнаружил тёмно-серый «Лексус» с номером 666. Именно эта машина и сбила Лилию в аэропорту.

Из-за тонированных стёкол нельзя было разглядеть её пассажиров, но Савве показалось, что их там было трое.

Сердце заработало с ускорением. Словно само провидение подслушало намерения Саввы найти разработчиков замысла, исполнителями которого был некий молодой водила по фамилии Ревва и майор (подполковник) Петров со товарищи. Всё-таки надо было позвонить Старшине, мелькнула запоздалая правильная мысль и пропала. Настало время действовать.

— Ты где? — позвонил он Кеше.

— Дома, тебя жду, — ответил завлаб.

— Похоже, за тобой устроили слежку. Ты случайно не замечал машину — тёмно-серый «Лексус» со «зверским» номером «шестьсот шестьдесят шесть»?

— Не помню… кажется, не видел.

— Я жду во дворе, спускайся и иди направо, за угол дома, моя машина стоит на улице, увидишь. Не оглядывайся и меня глазами не ищи, я сам к тебе подойду.

— Лады.

Кеша вышел из подъезда через десять минут.

И тотчас же мотор «Лексуса» заворчал, машина медленно двинулась вдоль дома за Кешей. Савва последовал за ней, настраиваясь на «поток бессознания», гарантирующий мгновенную реакцию на любое активное действие противника.

Ждать развития событий долго не пришлось.

Кеша не успел завернуть за угол дома, как из приостановившейся машины выбрались… майор Петров (!) и его напарник — лейтенант, догнали творца «теории моделирования» и заставили его остановиться. Что они ему говорили, Савва не услышал, находясь в десятке шагов от угла дома, но Кеша вдруг отпрянул к решетчатой оградке, защищавшей небольшую клумбу с пожухшими цветами, и выставил руку к лейтенанту, направившему на него пистолет.

Туго свистнул ветер в ушах: Савва вошёл в темп.

Секунда — до «сладкой парочки», секунда — на перехват руки лейтенанта и отбор пистолета, секунда — на удар в челюсть, отбросивший полицейского на клумбу. Затихающее стаккато сердца. Ошеломлённый взгляд Петрова, на плечах которого оказались погоны полковника. Вопль лейтенанта, врезавшегося лицом в решётку ограды.

Савва взвесил в руке пистолет («гюрза-15», отечественный), показалось, что он легче обычного, направил ствол в пах

полковнику.

— Добрый день, господин Петров. Утром вы были подполковником, насколько мне помнится, а теперь — полковник. Удивительная карьера! Не поделитесь секретом, как можно повысить звание в течение трёх часов?

По широкому мясистому лицу полковника прошла тень.

— Гражданин Бекасов…

— Майор Бекасов, чёрт возьми! Запомните это на всю оставшуюся жизнь!

Лейтенант дёрнулся к нему, намереваясь ударить ногой, и Савва уложил его обратно на клумбу приёмом «плеть». Падение ознаменовалось новым приглушённым воплем.

Идущие по тротуару вдоль шеренги припаркованных машин жильцы дома стали останавливаться.

Савва боковым зрением отметил движение слева от себя: дверца «Лексуса» отворилась, из него вылез молодой человек с подбритыми висками, одетый в модную курточку цвета аквамарин, украшенную жёлтыми кистями, и поспешил к месту инцидента.

Савва взвесил в руке пистолет, снова удивляясь его воздушности. Впечатление было такое, будто оружие бутафорское, пластмассовое. Вспомнились неосторожные слова Фофанова о кодировании нужных организации людей. Может быть, это и есть программатор-зомбер, с помощью которого «прогрессоры» вербуют себе исполнителей?

Парень в курточке с приятным славянским лицом добежал до угла дома, сунул руку под отворот куртки.

«Петров» оценивающе глянул на него; в глазах полковника стыла угроза, но страха в них не было.

— Отдайте… э-э, пистолет, гражданин… э-э…

Савва отбил ещё один выпад лейтенанта, едва не сломав ему нос, навёл ствол «гюрзы» на застывшего парня.

— Интересно, если я выстрелю, он очнётся или, наоборот, глубже запрограммируется?

— Елик, в машину! — ровным голосом приказал «Петров».

— Семён Петрович…

— В машину!

Парень выдернул руку из-под куртки, отступил на шаг, нехорошо улыбнулся.

— Мы ещё встретимся…

— Обязательно! — подтвердил Савва. — Ревва Елизар Степанович, девяносто шестого года рождения, улица Тополиная, дом шесть, я вас навещу в скором времени.

Парня перекосило, он растерянно глянул на полковника, не

менявшего равнодушного выражения лица, попятился, торопливо побежал к «Лексусу».

— Вы усугубляете своё положение, гражданин Бекасов, — сказал «Петров». — Отдайте оружие!

— Майор Бекасов! — оскалился Савва. — Когда вы привыкнете к этой реальности? Или в вашу программу не заложили сведений о возможностях этого звания? Ещё раз увижу вас в пределах прямой видимости — будете объяснять свой карьерный рост в конторе федералов!

С улицы донёсся визг тормозов, гул двигателя машины, работавшего на форсаже.

В проход между шеренгами машин во дворе ворвался чёрный «Мерседес» с мигалкой на крыше.

«Петров» бросил на него вспыхнувший угрозой и ненавистью взгляд, метнулся к «Лексусу», крикнув:

— Лейтенант, в аппарат!

Второй полицейский бросился за ним, расталкивая прохожих.

Двигатель «Лексуса» взревел, полицейские вскочили в салон уже тронувшегося автомобиля, и он, зацепив стоявшие слева машины, устремился к выезду со двора, перемахнул через заросший травой пятачок земли, скрылся из виду.

Савва опустил пистолет.

«Мерседес» со скрежетом остановился поодаль. Из него выскочили молодой парень в чёрно-фиолетовой форме охранника и Виктория Шахова в привычном для себя брючном костюме.

— Ушли?

Савва кивнул на угол дома.

— Хорошая реакция. А вы как здесь оказались?

— Люди позвонили, — с улыбкой ответила Виктория тоном, каким герой фильма «Белое солнце пустыни» произносил свою знаменитую фразу «стреляли». — Что это у вас?

Савва посмотрел на «гюрзу» в своей руке, нашёл глазами Кешу, продолжавшего стоять в странном ступоре, подошёл, тронул его за плечо.

— Ты как?

Завлаб посмотрел на него чёрными бездонными глазами.

— В голове… кто-то… сидит…

— Дьявол! — Савва оглянулся на Викторию. — Неужели они успели?! — Обнял приятеля. — Держись, поедем в госпиталь, к медикам.

— Дай! — протянула руку Виктория.

Он непонимающе посмотрел на неё.

— Что?

— Пистолет!

— Это…

— Знаю.

Савва протянул пистолет Шаховой. Она быстро вынула из него обойму, в которой оказалось всего два патрона, а точнее — два цилиндра красного цвета, похожие на патроны для охотничьего ружья, вставила обойму обратно, что-то сдвинула на рукояти и… выстрелила Кеше в голову! Савва не успел даже шевельнуться.

Собравшиеся зеваки шарахнулись прочь, увидев пистолет.

Выстрел прозвучал как кошачье мяуканье.

Кеша вздрогнул, шире раскрывая глаза, и мягко опустился на асфальт.

— Ты!.. — начал Савва.

— Выбила вирус! Грузите его в машину.

Спутник Виктории подхватил Кешу под плечи, и Савва вынужден был присоединиться к нему, взял за ноги, вдвоём они впихнули потерявшего сознание радиоинженера в салон «Мерседеса» и влезли сами. Шахова села на переднее сиденье.

— Родик, в контору!

Водитель, молодой и симпатичный, тронул машину с места, оставляя собравшуюся толпу позади.

На стволе пистолета в руке Виктории часто замигала красная точка.

— Останови на мосту!

Водитель лихо прижался к правой стороне ограждения моста через канал, Виктория открыла окно и выбросила пистолет в воду.

Ещё не долетев до воды, пистолет превратился в клочок дыма и исчез.

— Круто! — поцокал языком Савва. — Надеюсь, Виктория Денисовна, вы объясните неофиту, что здесь происходит?

— Непременно, — кивнула женщина.

Глава 15. Ангелы-соперники

Попытка покушения не выходила из головы.

Следственная комиссия Службы защиты порядка изучила все обстоятельства происшествия в усадьбе Архангела, виновных не нашла и рекомендовала ему заказать личную охрану высокого уровня, способную упредить будущие атаки неизвестного криминального авторитета, кому Архангел «наступил на мозоль», образно говоря, своими необдуманными действиями или намерениями.

От охраны он отказался. Искать «авторитета» не стал, подозревая соседа по иезоду контроля земной реальности, но, поскольку доказательств у него не было, он решил их добыть, используя и свои связи, и положение сенатора, и влияние в сфере социального управления Царцаха, и умение бесследно обходить программы вирусной защиты.

Так как осуществлять задуманное из модуля иезода было рискованно, Самсунг почти постоянно находился рядом, Архангел с помощью приятеля-эксперта по взлому сетей бросил к себе из иезода в замок защищённую от всех способов прослушивания линию и начал изучать ситуацию в реальности Земли со всей возможной тщательностью.

Спустя два дня он смог оценить и представить всю картину вмешательства Самсунга в бытие подконтрольной игровой реальности, называемой землянами Вселенной.

Результаты превзошли самые мрачные ожидания.

Само Совершенство отверг почти все базовые принципы Творца игры и запустил в матричную программу вирусы изменений, суть которых сводилась к благому намерению поспособствовать прогрессу человечества, в то время как на самом деле гигантская сложная система цивилизации начала деградировать и неслась к саморазрушению семимильными шагами, как это случалось в земной реальности уже не один раз, во времена смены программ.

Примеров было столько, что Архангел пришёл в ужас, хотя сам до этого момента не раз вмешивался в земные дела и изменял вектор совершенства, не считаясь с сопротивлением других геймеров. Да, это была большая игра, и можно было не обращать внимания на потери фигур «на доске» игрового поля, однако замыслы Самсунга шли дальше и только ускоряли движение человечества к пропасти полного уничтожения культуры, несмотря на все его расчёты и прогнозы. Опирался он не на те Фигуры Влияния, которые способствовали бы

моральному и этическому прогрессу. К тому же он заслал в игровое поле особые антивирусные программы воздействия на социум, сами представлявшие по сути вирусы — ПСП и СНОС, которые считались неуязвимыми и могли нейтрализовать действия позитивных Фигур Влияния, стремившихся добиваться равновесия сил или, как они это позиционировали, — «восстанавливать справедливость».

Мысль ещё раз пообщаться с коллегой и попытаться отговорить его от кардинального вмешательства в игровой социум землян, мало чем отличавшихся от сапиенсов, пришла Архангелу после долгих размышлений и построений вариантов будущего для всей метавселенной людей, где они являлись единственными представителями разума. Всё-таки был шанс уберечь Самсунга от роли «божественной сущности», породившей этот мир и заставлявшей идти людей к «высшему духовному прозрению» через войны, агрессию, подлость, предательство, ложь, вседозволенность и беспредельный эгоизм.

Неожиданно Само Совершенство первый предложил Архангелу встретиться в его личной резиденции на вершине кристаллического массива Йодль к полузападу от Царцаха. В отличие от коллеги, Самсунг предпочитал жить не в гигантском мегаполисе, а подальше от него, в окраинных землях Гималайских Мхов — на самых высоких горных столбах Ближней Ветви, уходящих в бездны космического войда.

Архангел сначала хотел согласиться, потом сообразил, что его запросто могут запрограммировать втихую, так что он ничего не заметит, и тогда на мечтах сохранить божественные принципы Искона, вложенные в матрицу земной реальности, можно будет окончательно поставить крест.

— Согласен на встречу на нейтральной территории, — предложил он.

— Где? — не стал возражать Самсунг.

— Модуль отдыха иезода подойдёт?

— Мы не будем чувствовать себя там уютно.

Архангел понял недосказанное: всё, что происходило и говорилось в центре контроля, записывалось аппаратурой иезода «во имя безопасности геймеров и улучшения качества обслуживания». По Закону Потребности каждый сапиенс, каждый житель Царцаха мог без всяких ограничений выбирать место жительства и место работы сообразно потребности своего тела и разума, и если соглашался на некий контроль за своей деятельностью, то исключительно в меру благонадёжности существующей системы управления социумом. Архангел в этом отношении был законопослушным гражданином общества,

Самсунг — нет, так как он эти законы создавал в Сенате и утверждал, будучи Носителем Печати.

— Предлагаю Столбы Памира, — сказал Архангел.

Царцах представлял собой всего лишь один из кустов невообразимо сложного пересечения фрактальных форм материи, сплетающихся в сетчато-волокнистую структуру местного космоса, и земная реальность являлась в большой степени частью геометрического отражения этой структуры, хотя метавселенная людей и отличалась от Вселенной Архангела. Но создатель игровой реальности нередко использовал в программе существующие в действительности формы, и Столбам Памира недалеко от Царцаха соответствовали земные горы и хребты, такие как Памир или Гималаи. Даже названия сохранялись, так как говорили на Царцахе на самом древнем языке мироздания — русском.

— У вас там владение? — поинтересовался Самсунг.

Разговор шёл в формате видеоспейса, и собеседники видели друг друга так, словно находились рядом.

— Там есть павильон Меру, — ответил Архангел, — с видом на светозар. Прекрасное место для бесед, защищено от всех видов контроля.

Само Совершенство, — сегодня он был в лиловой хламиде с серебряными полумесяцами и звёздами, очевидно, присутствовал на заседании Бюро Приказов Сената, — посмотрел куда-то вбок, помолчал.

— Вы будете один, дружище?

— Разумеется, — подтвердил Архангел.

— Без охраны?

— Я не настолько велик, — с гордой простодушностью сказал Архангел, — чтобы нанимать телохранителей.

— Напрасно, — укоризненно покачал головой Самсунг. — На вас напали, это серьёзная причина, чтобы потребовать у Службы Защиты личную охрану.

— Обойдусь.

— Как знаете. Хорошо, встретимся там через два часа, если вас устроит.

— Вполне.

Самсунг кивнул, и его видеофантом растаял в воздухе.

Архангел покружил по комнатам своего замка, размышляя над словами коллеги, вышел на террасу, нависающую над садом. Созрело решение позвонить приятелю и предупредить о встрече с сенатором. Кто-то должен был знать, куда и зачем он направляется.

Приятель — Делл, тот самый эксперт-аналитик по взлому

компьютерных сетей, прибыл через полчаса и отреагировал на сообщение угрюмо:

— Я бы не стал связываться с твоим соперником.

— Почему? — осведомился Архангел.

— Потому что Самсунг готов к встрече лучше, чем ты. Если это он затеял перезагрузку в матрице земной реальности, то наверняка нашёл обоснование процессу и подготовил сторонников. У тебя есть сторонники?

— Ты.

— Я не защитник, не телохранитель и не работаю в правоохранительных структурах. К тому же считаю, что тебе нужен независимый специалист, не связанный со Службой Защиты.

— Почему?

— Самсунг стопроцентно имеет там своих ставленников.

Архангел задумался. Эта мысль к нему уже приходила, но он не знал, как её реализовать. Общество Царцаха держалось на иных принципах сосуществования, нежели те, что скрепляли людей в цивилизационную структуру в их метареальности. Дружба никогда не доходила до самопожертвования, а любовь — до великих трагедий. Сапиенсы жили как великие индивидуалисты, объединяясь в меру необходимости, превыше всего ставя личную свободу, и никто из них, за очень редким исключением, не способен был оценить чью-то независимость и жизнь выше своей.

— У меня нет фанатов, преданных мне до такой степени.

— Найди их в другом мире.

— Это где? — скептически скривил губы Архангел.

— Да хотя бы на Земле.

— Но это же… внутримашинная игра!

— Так что? Возьми психосоматическую структуру кого-нибудь из тех, кому ты благодетельствуешь, лучше всего — знатока воинских искусств, перенеси к нам, пусть попробует разобраться с нашими делами.

— Душу…

— Что?

— Психоматрицу люди называют душой.

Архангел внимательно посмотрел на мрачно улыбающегося Делла.

Приятелю пошёл тридцать третий год, выглядел он по-спортивному крепким и уверенным в себе, никогда не подводил и советы давал не для того, чтобы отвязаться от старого товарища. Но вот как далеко он способен пойти для реализации своей же идеи?

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Я ведь тоже геймер, ты знаешь, — пожал плечами высокий, плотно сбитый Деловой Любитель. — Уже давно существуют технологии переноса ПСС Фигур Влияния из игровой матрицы в нашу реальность.

— Только результаты плачевные, — хмыкнул Архангел. — Мало кто выдерживает наше иномерье с его океаном выборов.

Делл подставил руку либри, летающей вокруг собеседников на террасе, над садом Архангела, и шестикрылое птиценасекомое размером с палец разбилось о руку фонтаном сверкающих драгоценных камней, которые через пару мгновений соединились в прекрасное создание, спокойно улетающее прочь.

— Найди того, кто выдержит.

— Для этого нужен носитель, а я — по твоим же соображениям — принять его не могу.

— Я подойду?

Архангел пристально посмотрел на приятеля.

— Зачем тебе это?

— Хочу развеяться, — с ещё более мрачной улыбкой сказал Делл. — Надоел сплошной аудит, пора сделать что-то более позитивное.

— Ты поссорился с ВерЛюбой? — догадался Архангел.

— Она — права. Я превратился в перекати-поле, надо срочно менять психику.

— Это… опасно.

— Так что ж, нельзя стать Фигурой Влияния, валяясь на песочке.

— Я подумаю.

— Будь осторожен с сенатором, он способен на всё.

— Мы не враги.

— Но соперники. На ангела в человеческом понимании он не тянет, скорее на беса-искусителя.

— Я буду внимателен.

Через два часа капсула БД перенесла его на самую высокую гору Столбов Памира, возвышавшуюся на сто лиг в небо, на вершине которой красовался павильон Меру, напоминающий ажурный минарет невообразимо сложной формы.

В принципе каждое здание Царцаха представляло собой геометрический шедевр, соединяясь с другими безупречной формы виадуками и мостами, и все вместе они сплетались в сложнейший объёмный узор, вписанный в удивительную фрактальную геометрию природы мира. Не отставал в этом смысле от шедевров архитектуры и павильон Меру, сияющий перламутровыми гранями, ажурный, невесомый по ощущению,

буквально взлетающий в небеса, как острый наконечник копья.

Капсула-вимана системы быстрого движения, напоминающая прозрачное семечко вицы, нырнуло к основанию павильона, вонзилось в одну из свободных парковочных ячеек, и посадочная автоматика высадила Архангела в тоннель пронзающего лифта, за две минуты доставившего гостя сквозь сплетения конструкций на вершину пика, в уютный зал, формой копирующий внутренности спиралевидно-конусной ракушки.

Стены зала, рассчитанного на встречу всего двух-трёх посетителей, были прозрачными, и взору открывалась картина верхних пустот войда вплоть до огненного клубка светозара — области «горения» времени. Люди на Земле называли такие клубки звёздами и солнцами, хотя в их реальности в звёздах горел водород, превращаясь в гелий, а не время, превращавшееся в пространство и энергию.

Самсунг появился в зале спустя несколько мгновений после Архангела, будто ждал этого момента, а возможно, следил за прибытием коллеги, желая убедиться, что он прибыл один.

Кивнули друг другу, разглядывая костюмы.

Архангел надел серебристый уник со множеством зеркальных перьев, Самсунг — тёмно-бордовый хитон, скреплённый на плечах фибулами, по всему полю которого извивались светящиеся оранжевые драконы.

Конечно, внешний вид одежды был условен, так как форму костюмов можно было менять по своему усмотрению и вкусу, главным же было его встроенное в развёртку оборудование, позволявшее защититься от многих видов оружия.

Сели в кресла, подстроившиеся под особенности тел каждого. Фантом обслуживающей павильон сервисной автоматики почтительно выслушал мысленные заказы гостей, исчез и через минуту доставил поднос с напитками и закусками, повисший между собеседниками.

Архангел заказал шипучий искрящийся швепсин с небольшим содержанием сюрделика и шипсы, Самсунг — малинового цвета мескалитэ и шарики виччино с запахом мяты и вкусом чабра.

— Слушаю вас, — сказал Архангел, делая глоток, с удовольствием проводил скользнувшую по пищеводу струйку морозного сквознячка.

— Это я вас слушаю, дорогой мой, — отозвался Самсунг, также делая глоток.

— Вы всё же намереваетесь изменить базовые принципы игры, — с некоторым смущением и сожалением сказал Архангел.

— Я и не отрицаю, — спокойно согласился Само Совершенство с обезоруживающей улыбкой. — Что именно вас

беспокоит?

— Судьба многих фигур…

— Люди — всего лишь подпрограммы биосоциальной природы, дети глобальной игровой программы бытия. Иначе говоря, каждая фигура является макроквантовым кластером, подчиняющимся волновым законам и зависящим от вписанной в него функции.

— И всё же это практически живые существа, почти не уступающие нам в проявлении эмоций! Зачем вы уничтожаете их в таком количестве?

Самсунг остался с виду благожелательно-спокойным. Он и в самом деле, как предполагал Архангел, основательно подготовился к спору.

— У вас на Земле есть какие-то особые фигуры, которым вы споспешествуете?

— Есть, — признался Архангел. — Как и у любого геймера.

— Вы спускаетесь к ним? — Самсунг подмигнул. — Как добрый ангел?

Архангел сдержал резкое слово, понимая, на что намекает собеседник. Геймеры и в самом деле могли посещать игровое пространство, показываясь людям в виде существ иного мира, ангелов или бесов, либо вселялись в людей и чувствовали все их переживания. В молодости подобным «подсматриванием» увлекался и Архангел.

— Я просто отстаиваю законы своей зоны ответственности.

— Вот и отстаивайте. — Самсунг захрустел шариками виччино. — Россия, не так ли? Прикипели вы к этой программе. Не хотите поупражняться в другой зоне? В Китае, например?

— Нет.

— Как знаете, хотя я считаю, что надо расширять свой кругозор. Тем не менее что вам не нравится в моей идее?

— Вы не находите, что человечество получило хороший программный толчок и прекрасно прогрессирует без нашего вмешательства?

— Да что вы говорите?

— Я это вижу! Люди создали, кстати, не без нашей подсказки, устройства мониторинга организма, системы контроля транспортных средств, 3D-принтеры, биоэлектронные интерфейсы, «умные» вещи со встроенным вай-фаем, Интернет со множеством игровых полей, готовы к созданию интерфейса мозг-компьютер, мало чем отличающегося от наших, вплотную подошли к созданию антропоморфных роботов, термоядерной энергетики, космических лифтов…

— И при этом, — перебил коллегу Самсунг, — всё дальше

спускаются вниз по пути морального регресса!

— Но не все этносы! Российский способен предложить божественные законы всей земной реальности, послужить эталоном мировой совести! В отличие от тех этносов, которых поддерживают низовые геймеры. Китай — «мировая фабрика ширпотреба», Швейцария — «мировой сейф», Соединённые Штаты Америки — «мировой жандарм», вся Европа — «чёрно-голубой отстойник»… Не так? Ну, занимались бы ими! Так нет же, взялись за кардинальную перестройку, отрицая все этически выверенные принципы, всё прекрасное, созданное самими людьми! Зачем вам понадобилось убивать нефтяников, когда можно было добиться того же результата — перехода на иную энергетику — мирным путём? Зачем вы начали ликвидировать русских изобретателей и учёных, как раз и создающих новые технологии?

— Да затем, дорогой мой, — снисходительно сказал Самсунг, — чтобы подтолкнуть ваших игроков к более решительным действиям во имя мира и прогресса.

— Не верю! Вы боитесь, что они станут фигурами надуровневого влияния и заблокируют для вас доступ к их реальности.

— Ну, это вряд ли, — пренебрежительно отмахнулся Самсунг, — меня невозможно заблокировать. Хотя такие опасения существуют. Но давайте разберём происходящее в игровой зоне по порядку. Да, согласен с вами, что люди получили весомый творческий заряд и способны создавать новые технологии. Но при этом они сами уничтожают друг друга темпами, которые не предусмотрены игровой стратегией их развития. Примеры? Сколько угодно. С развитием Интернета начались процессы устрашающей индивидуализации личной жизни человека и персонализации окружающего пространства, что мешает объединению популяции в единую разумную систему и в конечном счёте может привести к коллапсу этики в масштабе всей реальности, а затем и к вымиранию игровой среды — человечества.

— Но мы сами создали людей такими, копируя себя!

— Верно, но разве это идеальное решение для игровых фигур, да и для нас с вами? Мы ещё не скатились в пропасть отрицания морали, однако близки к этому. Но идём дальше. Интернет и «умные вещи» несут в себе угрозу прайвеси — доступа к частной информации, что позволяет князьям мира сего, то бишь рядовым геймерам-сапиенсам, контролировать каждое физическое движение человека, а в скором времени — и душевное. Это правильно?

Архангел пожевал губами, размышляя.

— На Земле уже начались кибервойны, убивающие свободу выбора гораздо больше, чем тюрьмы, — продолжал Самсунг менторским тоном, — это правильно? Создаётся машинная психоструктура с негативным психологическим наполнением, вбирающим в себя человеческий эгоизм, самолюбие, гордыню, агрессию, пофигизм, стремление к наживе путём обмана, предательство, ненависть… продолжать?

Архангел молчал.

— Человечество превратилось в болото, в паразитирующую на теле Природы систему, и ведёт её к саморазрушению другая паразитирующая система — бездуховная власть, в которую входят не только криминальные структуры и чиновники, но и владельцы нефтяных компаний, которых вы защищаете.

— Я их не защищаю, — пробормотал Архангел. — Я защищаю право людей на собственное мнение и в конечном счёте на жизнь.

— Земную матрицу уже невозможно подкорректировать мирным путём, нужна смена парадигмы, перезагрузка, после чего мы получим совсем другую игру, которая будет отвечать базовым принципам Создателя.

Архангел покачал головой, ища контраргументы. Не нашёл. И всё же в идее Самсунга крылась какая-то странная ошибка, раздвоенность, желание судить, подгоняя человечество под единый стандарт подчинения, объединяя позитив и негатив, не желая считаться с чужим мнением. Но ответ требовал формулировки, а чётких возражений у Архангела не было.

— Вы заслали в Россию ПСП…

— Вы тоже внедрили свои программы, дорогой мой.

— Не трогайте Россию! Это моя епархия!

Самсунг с мрачным сожалением посмотрел на собеседника.

— Вы мелко мыслите, дружище, на кону не судьба России — судьба всей реальности.

— Нейтрализовав её духовный потенциал, вы как раз и получите Армагеддон.

— Что?

— Скорый конец света, — усмехнулся Архангел, — который не раз предсказывали земные философы и писатели.

— Пешки, — презрительно поморщился Самсунг, на мгновение скинув с себя маску мудрого и доброго бога. — Абсолютно мелкие фигуры, не играющие в истории никакой роли.

— Души, — тихо возразил Архангел, — мечтающие жить в мире. Давайте договоримся: вы не трогаете моих подопечных, я не трону ваших.

Самсунг сожалеюще покачал головой.

— Вы не понимаете, друг мой. Ваши Фигуры Влияния — Рудницкий и Бекасов — представляют собой опасную аномалию, фундаментальный дефект программы, ведущий к системному сбою. Их следует нейтрализовать.

— Но и ваши вирусные подпрограммы способны привести к системному сбою.

— Я их контролирую.

— Я тоже контролирую поведение своих персонажей.

— Ну, ладно, я всё сказал. — Само Совершенство допил мескалитэ, поставил стакан на поднос, шлёпнул ладонями по подлокотникам кресла. — У вас ещё остались вопросы, дружище?

— Нет, — сжал зубы Архангел.

— Тогда прощайте, мне надо идти. Вас подбросить до иезода?

— Сам доберусь, ещё посижу здесь, полюбуюсь на космос.

Самсунг встал, поклонился и исчез: впечатление было, что он провалился сквозь пол. Архангел остался один. Кипящий огненный сгусток светила смотрел на него с небес внимательно и сочувственно, будто глаз Творца, понимающего всю глубину проблемы. Но дать дельный совет он не мог.

Глава 16. Урок выживания

Последствия контакта с «майором-полковником» Петровым были ожидаемы, хотя Савва, честно говоря, надеялся на менее суровые меры, принятые к нему начальством, и на помощь Виктории, единственно знающей, что происходит.

В среду двадцать пятого августа его вызвал «на ковёр» секретарь Совета безопасности Карташов Аристарх Викентьевич.

Савва ожидал увидеть в кабинете Викторию, но она отсутствовала, а звонить ей было уже поздно.

Карташов до своего перехода в Совбез более тридцати лет проработал в органах федеральной безопасности и слыл фигурой с безупречным послужным списком. Невысокий, субтильного сложения, с бледноватым лицом и залысинами, одевался он по классической моде работников сферы культуры и походил на рафинированного интеллигента-переводчика МИДа, а не на главу организации, вырабатывающей стратегию безопасности для всей страны.

— Садитесь, Савва Миронович, — сказал он тихим голосом.

Савва присел на краешек стула перед монументальным столом из красного дерева.

— Я получил письмо из администрации Следственного комитета, — продолжал Карташов, глядя на листок бумаги, лежащий на столе. — Вы обвиняетесь в превышении служебных полномочий и неуважении к старшему по званию, а именно — генералу Мисько.

Савва сел ровнее, не скрывая удивления.

— Простите, к какому генералу? Я не встречался ни с одним генералом!

— Он утверждает обратное, есть свидетели. Вы помешали ему и лейтенанту Верейскому задержать подозреваемого в хакерской атаке на сервер Министерства внутренних дел.

— Может быть, вы имеете в виду полковника Петрова? С ним я действительно встречался, с генералом — нет.

— В письме чёрным по белому написано…

— Аристарх Викентьевич, уверяю вас, я встречался только с полковником Петровым… Если только он Петров. Виктория Шахова может подтвердить, она в курсе случившегося.

— Мне некогда вникать в подобные разборки, майор. Бумага получена, за подписью начальника Главного управления процессуального контроля, мы должны отреагировать. Занимается инцидентом мой заместитель Скарабеев. А пока будет идти следствие, вы отстранены от исполнения обязанностей.

— Отстранён?! — ошеломлённо замер Савва.

— Наши ряды должны быть кристально чисты, майор, сами понимаете, президент не потерпит беспорядка и нечистоплотности. Я просмотрел ваше досье, вы и в Норильске отличились?

— На меня пытались повесить дело об убийстве…

— Странно, что Шахова предложила вам работать в нашей конторе, я ещё выясню, чем она руководствовалась.

Савва понял, что сопротивляться бесполезно. Каким-то образом хозяева «Петрова» (Мисько? Уже генерал?!) вышли на руководство СК и внушили ему «правду» о строптивом майоре Бекасове. Против такого «лома» не существовало приёма, и даже Виктория скорее всего была бессильна что-либо изменить.

Савва встал.

— Разрешите встретиться с Шаховой?

— Она в командировке, будет завтра. Сдавайте дела.

— Слушаюсь! — Савва чётко повернулся и вышел, унося в спине изучающий взгляд секретаря.

В коридоре его встретил Меркурьев — «Петрович». На лице майора была написана виноватая растерянность.

— Савва Миронович…

— Идёмте, — сказал Савва, пожав ему руку, — примете дела. Хотя и сдавать-то особо нечего.

— Что произошло?

— Меня подозревают в провоцировании конфликта с генералом, к которому я не имею никакого отношения.

Брови Петровича поползли вверх.

— Вы — и провокация конфликта?

— Таково обвинение.

— Что собираетесь делать?

— Добиваться справедливости, — усмехнулся Савва. — Вы не знаете, куда уехала Шахова?

— Мне она не докладывается, но по слухам — на Ямал.

— Она же там была.

Петрович флегматично пожал плечами.

— Там кого-то снова убили.

Савва сел за стол, не сводя глаз с майора.

— Мне никто об этом не говорил.

— Вы были заняты, — сказал Петрович, дипломатично намекая на похороны жены.

Мысли побежали торопливо, обгоняя друг друга, пересекаясь и превращаясь в вопросы, на которые у него не было ответов. Система «перезагрузки», о деятельности которой неосторожно объявил Фофанов, уверенный в том, что Бекетов будет

сотрудничать с ней, продолжала работать. Команда ПСП начала настоящую охоту на свидетелей, кто ею руководит в Москве? Неужели Петров? Каким образом он оказался в столице, возглавляя Управление МВД в Норильске? И до каких пределов она дойдёт, получив отказ Кеши работать на неё? Наконец, как от неё избавиться? Петрова явно кто-то страхует и поддерживает, за несколько суток превращая его из майора в генерала. Кому это по силам? Генералами в одночасье майоров не делают. Кто мог повысить Петрова в звании за столь короткое время, да ещё изменив его фамилию? Министр? Начальник СК? С кого начать поиск?

— Что-то не так? — осведомился Петрович, глядя на застывшее лицо Бекасова.

Савва очнулся.

— Есть над чем задуматься.

Пришла мысль заняться Кешей, парень остался один, без поддержки, и промедление с его защитой могло закончиться трагически. Савва заторопился.

— Садитесь на моё место, оно теперь в вашем распоряжении. Вот план мероприятий…

Сдача дел не затянулась надолго. Через полчаса, обговорив с Петровичем все насущные проблемы, снедаемый нетерпением Савва выбрался из здания администрации Совбеза и позвонил приятелю:

— Привет, изобретатель, как дела? Почему не звонишь?

— Да я никуда пока и не выходил, — признался Иннокентий; пузырь айкома показал его заросшую рыжеватой щетиной физиономию; он пил чай. — Завтра собирался в Сколково, есть идея покопаться с железом, может, эти сволочи не всё стёрли.

— Никто не звонил?

— Только что перед тобой был звонок, но без идентификации номера. Наверно, ошиблись.

Сжалось сердце.

И без того было понятно, что Кешу не оставят в покое, и пустые звонки лишь подтверждали известную оперативную истину: за инженером следили и хотели убедиться, что он сидит дома.

— Никому не открывай, на звонки не отвечай, я приеду через час.

— Хорошо. — Кеша выключил линию, но тут же включил снова: — У меня хлеба нет, заедешь в булочную? И кефира ещё… и колбаски.

— Как мёд, так и ложкой, — буркнул Савва, у которого испортилось настроение. — Заеду.

Через час он, держа в руке пакет с покупками, вышел из машины во дворе дома Кеши, прежде оглядев окрестности и не обнаружив подозрительного движения. Тем не менее на душе было тревожно, экстрасенсорика организма ловила какие-то негативные энергоинформационные потоки и советовала не расслабляться.

Его ждали в подъезде, двое, делая вид, будто рабочие возятся с лифтом.

Подниматься по лестнице аж на двадцать второй этаж не хотелось. Савва сделал вид, что поверил «в рабочих», сказал с сожалением:

— Сломался? Не скоро почините?

— Через час, — пообещал один из «рабочих», в новеньком синем комбинезоне без каких-либо пятен, низкорослый, с ёжиком густых волос на круглой голове.

Его напарник, жилистый, высокий, чёрнявый, похожий на лейтенанта Верейского, с которым везде появлялся «Петров», лишь покосился на него, продолжая постукивать молотком по внутренней стенке кабины лифта.

Савва театрально вздохнул, медля начать подъём, размышляя, показалось ему, что чёрнявый «рабочий» похож на лейтенанта, или нет. Однако сходство настораживало, да и каждый раз, когда это происходило, случались неприятные вещи.

— Долго ждать, — сокрушённо покачал он головой. — Придётся идти.

Его проводили взглядами, и Савва начал подниматься, прислушиваясь к звукам, долетавшим на лестничный пролёт сверху.

Звуки, издаваемые инструментом «рабочих», стихли, как только он поднялся на третий этаж. Затем обострившийся слух Саввы уловил тихие потрескивания: «рабочие» начали подниматься вслед за ним.

Так больше жить нельзя, мелькнула мысль. Нужен свободный опер, способный прикрыть спину. Надо звонить Старшине, отпросить у него телохрана.

На восьмом этаже, прямо перед его лицом, открылась дверь квартиры, на площадку вышел благообразный седой старичок в коричневом плащике, попрощался с такой же седенькой старушкой, нажал кнопку вызова лифта.

— Не работает, — сочувственно проговорил Савва.

— Ох ты батюшки-светы, — всплеснула руками старушка, округляя глаза. — Второй раз чинят нынче. Дойдёшь, старый?

— А то, — бодро ответил старичок, направляясь к лестнице. — Я ещё и обратно влезу.

Савва начал было подниматься, но мысль, пришедшая в голову, показалась стоящей. Он вернулся к не успевшей закрыть дверь старушке.

— Прошу прощения, сударыня, водички не дадите холодненькой? Притомился что-то, а взбираться аж на двадцатый этаж.

— Заходи, мил-человек, — легко согласилась женщина, блеснув ясными прозрачными глазами.

Савва вошёл, тихо закрывая дверь за собой.

Процедура с водой заняла несколько секунд.

Он сделал несколько глотков, поблагодарил хозяйку, выглянул в дверной глазок, вышел, вбирая звуки дома не только ушами, но всем телом. Судя по тихим скрипам и шорохам, долетавшим сверху, лифтовые «рабочие» прошли мимо и поднимались дальше, упустив его из виду. Можно было спокойно уйти, не вступая с ними в контакт, но судьба Иннокентия висела на волоске, один раз команде ПСП не удалось его запрограммировать, вторая попытка могла закончиться успешно, и Савва перестал думать о себе.

На душу снизошла боевая тишина, заостряя все чувства. Сердце снова заработало в режиме экстраотдачи, мышцы расслабились на мгновение и затрепетали слаженным «оркестром», готовые к движению. Савва досчитал до трёх, вошёл в резонанс темпа и помчался на цыпочках по лестнице как по ровной дорожке, плавно, быстро и бесшумно.

«Рабочих» он догнал на двенадцатом этаже.

Они его не ждали, осторожно ступая с пистолетами в руках (оставив ящики с инструментом внизу), вглядываясь в верхние ступеньки пролёта и не оборачиваясь назад. Судя по их реакции и ошеломлению, с каким оба встретили атаку клиента, профессионалами эти парни не были.

Идущего сзади Савва в прыжке рванул за руку назад и сбросил вниз, на площадку десятого этажа.

Второй «рабочий» оглянулся, не спеша поворачивать ствол пистолета к противнику, и Савва сначала нанёс ему удар снизу вверх, в локоть левой руки, а затем, продолжая движение, закрутил тело парня спиралью, отнял пистолет (та же «гюрза») и впечатал лицом в батарею под окном.

Пискнув, низкорослый блондин потерял сознание.

Не теряя ни секунды, Савва прыгнул к ворочавшемуся ниже брюнету, добил ударом ребра ладони по затылку, укладывая у стены. Отобрал пистолет, такой же, как у его напарника, но тяжёлый, «настоящий», в то время как первый вызывал удивление малым весом. Выщелкнул обоймы у обоих, убедился в том, что

первая «гюрза» заряжена красными «ружейными» патронами в количестве двух штук, сунул к себе под ремень, а вторую разрядил, возвращая владельцу и выкидывая обойму в раскрытое окно. Побежал дальше, не выходя из темпа.

На шестнадцатом этаже его догнал лифт. Интуиция подсказала, что на помощь «рабочим» подоспели другие члены команды, которых он не заметил во дворе. Надо было реагировать в соответствии с изменением обстановки, и Савва отреагировал.

Лифт остановился, выпуская двух мужчин в обычной гражданской одежде: куртки, штаны, туфли. В руках — пистолеты, только уже не «гюрза», а «страйк». Скорее всего они хотели догнать клиента и превратить в решето (или зомби-коллегу, мелькнула мысль), но не учли его опыта. Они тоже не глянули на нижний марш лестницы, посчитав, что противник находится выше, и, вытянув руки с оружием, двинулись вверх один за другим.

Савва, прятавшийся на лестничной площадке этажом ниже, метнулся к ним неслышным призраком, одним рывком за ногу уронил на ступеньки ближайшего парня, с чёлочкой, и схватился с его напарником, ища возможность не дать ему выстрелить. Зажал руку с пистолетом, выворачивая, но круглолицый амбал оказался сильным борцом, ударил Савву локтем в скулу, начал клонить к его животу ствол пистолета. Пришлось выдержать ещё один удар — по уху, чтобы вытащить «гюрзу» из-под ремня и разрядить в голову здоровяка.

Тот вздрогнул, слабея, выпустил из руки пистолет, с металлическим лязгом упавший на ступеньки, отступил назад. Глаза парня стали пустыми, он покачнулся и упал навзничь безвольной куклой, теряя сознание.

Его напарник в это время пришёл в себя, цапнул с лестницы свой пистолет, поднял голову, и Савва, понимая, что не успевает обезоружить противника, выстрелил из «гюрзы» второй раз.

Произошло то же самое, что и с круглолицым: парень вздрогнул, шире открывая глаза, выронил «страйк», осел на ступеньки и застыл.

Савва вынырнул из потока боевого движения, вслушиваясь в шуршащую тишину многоквартирного дома. Никто не бежал по лестницам вниз, никто не воспользовался лифтом, схватка между шестнадцатым и семнадцатым этажами не произвела много шума.

Он повернулся к первому противнику, отобрал пистолет, сунул под ремень; мелькнула мысль, что оружие пригодится. Пошлёпал молодого человека ладонью по щеке.

Парень мутно посмотрел на него.

— Кто вас послал?! — выдохнул Савва ему в ухо.

Парень зашевелился, пытаясь отодвинуться.

— Кто вас послал?!

— Кто… вы?

— Вы кто?!

— Арцимович… лейтенант… СОБР «Ермак»…

— Какого дьявола вы преследуете меня?! Что вы здесь делаете?!

Парень попытался встать, увидел лежащего без движения напарника, шире открыл глаза.

— Рожин?! Коля?!

— Лежать! — Савва придавил парня ногой в грудь. — Отвечай!

— Нам приказали…

— Кто?!

— Майор Петров…

Савва присвистнул.

— Петров?! Майор?! Опять двадцать пять! Он же генералом стал!

— Не знаю генерала…

Савва понял, что разряд «Гюрзы» выбил из психики лейтенанта вживлённую зомби-программу, и он перестал соображать, что происходит.

— Возвращайтесь в расположение части! Вас только что «перезаписали».

— Что?!

— Если через минуту вас застанут здесь мои люди — порежут на ленты! Понял?!

— Я… не могу…

Времени на уговоры и объяснения не оставалось совсем, и Савва решил проблему ударом лейтенанта по голове, отключая на несколько минут. Метнулся наверх, считая пролёты, и преодолел оставшиеся до двадцать второго этажи за несколько секунд.

Как он и рассчитывал, нежданные гости стерегли и квартиру Кеши. Очевидно, его появление сбило планы расправиться с творцом «теории глобального моделирования», и команда ПСП не успела претворить их в действие. Последняя пара бойцов СОБРа «Ермак» расположилась на лестничной площадке, контролируя лестницу и лифт. Не хватало только «Петрова», даже если он уже стал «генералом Мисько», хотя у Саввы и мелькнула мысль, что «Петров» мог в этот момент быть уже в квартире Рудницкого.

Рвать жилы и прыгать по лестнице вверх горным козлом, с риском нарваться на пулю, не хотелось, хотя Савва был готов даже на это, надеясь на возбуждённые экстрасенсорикой скорость движений и реакцию, однако ему в какой-то степени повезло.

На двадцать втором этаже открылась дверь квартиры, соседней с Кешиной, и на площадку вышли какие-то люди.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Савва молнией перелетел лестничный пролёт с двадцать первого на двадцать второй этаж, заорал:

— Полиция! Бросить оружие! Всем лечь на пол! Открываем огонь на поражение! Иванов — атакуй сверху! Сидоров — засаду вперёд!

Как ни были подготовлены «ермаковцы» к бою, такого поворота событий не ожидали. Да и заметавшиеся в панике по площадке жильцы помешали им ответить атаке Саввы (приняв его крик за истину — что их ждала засада) адекватно.

Всего на площадке оказались пять человек: двое парней из спецподразделения СОБР, с пистолетами в руках, пожилой мужчина в очках, средних лет женщина и молодая девчонка лет четырнадцати. После криков Саввы и его вихревого появления у жильцов началась паника, дошедшая у женщины до истерики: она закричала. Мужчина уронил очки, начал поднимать, мешая остальным, девчонка тоже закричала, отступая к двери и натыкаясь на парня в джинсовой куртке.

Савва ускорился до предела, до ломоты в костях, выбирая правильную «траекторию» боестолкновения, обходя фигуры жильцов, и время послушно замедлило свой бег.

Движения бойцов «Ермака» стали тягучими, плавными, как будто происходили в воде, и каждое из них можно было легко упредить и предотвратить.

Бить обоих пришлось в полную силу. Соборовцы проходили спецподготовку и были хорошо натренированы терпеть боль и ранения.

Первого Савва закрутил вокруг себя и сбросил с лестницы, не заботясь о финале полёта. Тридцатилетний боец с лицом английского актёра Тимоти Дальтона неудачно вписался в стену головой и выбыл из схватки.

Второй начал стрелять, к счастью, не задев никого из жильцов, и Савва сломал ему руку, а потом нос ударом головой о колено. Выдохнул:

— Бегите домой, быстро! Вызывайте полицию!

Испуганные женщины и подслеповато щурившийся мужчина скрылись в своей квартире.

Савва дёрнул дверь Кешиной квартиры за ручку. Дверь не поддалась. Позвонил — раз, другой, третий. Постучал кулаком:

— Кеша!

— Да открываю, — донёсся глухой голос приятеля.

Дверь открылась… и у Саввы перехватило дыхание, будто он

упал в безвоздушное пространство. Последнее, что он увидел, было лицо Кеши — сонное, странно неподвижное, с чёрными глазами, и за ним — лицо другого человека. Это был «майор Петров».

Глава 17. Война с самим собой

Восстановление текста «теории вселенского моделирования» продвигалось медленно, несмотря на прекрасно сохранившиеся в памяти постулаты и выводы. Это бесило, и Кеша время от времени переключался на «свободное фантазирование» о жизни «высших сфер», обитатели которых создали земную Вселенную и превратили её в игровую зону невероятной сложности. Отталкивался он от существующего порядка вещей, в котором всё больше проявлялись технологии обслуживания непрерывно увеличивающегося населения Земли. Если уже сейчас начали появляться цифровые ассистенты и даже личные агенты руководителей компаний, принимающие вид любого живого существа, в том числе — человека, а также копии вымышленных персонажей компьютерных игр, аватары-помощники и сервисные роботы, то в «высших сферах» этот аспект бытия должен был существовать в намного более значимом масштабе. Земные писатели не зря создавали варианты общества будущего, запрограммированного на отражение реальных процессов в социуме «высших сфер», и появлявшиеся у людей «светлые мысли», открытия, изобретения и всплески озарений представляли собой всего лишь отражение «настоящей» жизни в «божественных чертогах». В то время как земная псевдореальность являлась только виртуальной копией надреальности.

Доказательством его теории, по убеждениям Кеши, были и человеческие эмоции, коренящиеся в программно-биологических императивах, вшитых в гены людей создателями Вселенной. Спектр эмоций был слишком узок, конечен, дискретен и математически просчитываем, в то время как в «настоящей» жизни в «высших сферах» их обитатели должны были континуально, без чётких границ, сочетать в себе черты «ангела и зверя», в отличие от людей, резко обозначавших границы своих психосфер: добрый был добрым, злой — злым, и лишь небольшая часть земного населения, не больше одного процента, по подсчётам Кеши, соединяла в себе прямо противоположные черты либо варьировала характеры в зависимости от того, каких переживаний в душе было больше, позитивных или негативных.

Конечно, человек представлял собой исключительно сложный ДНК-«софт», воспроизводимый на немыслимо тонком уровне, однако Кеша считал, что это обстоятельство не мешает ему, человеку, быть подпрограммой в более сложной программе Вселенной.

Шаг за шагом анализируя известные научные данные, расширяя формулировки и соединяя процессы структурирования материи, обнаружив размеры моделирующей сетки, по которой творец земной Вселенной разработал сложнейший игровой континуум, Иннокентий пришёл к окончательному выводу об искусственности этой Вселенной и всех её слагающих, в том числе — рода Хомо сапиенса. Он даже вычислил количество галактик, населяющих космос, — четыреста пятьдесят миллиардов, ни больше ни меньше, что опять же, по его мнению, подтверждало искусственность модели, а все разговоры учёных о бесконечности Большой Вселенной, «кипящей» пузырьками появляющихся и схлопывающихся «малых метавселенных» типа земной, являлись всего лишь «спекуляциями творчески перегруженных мозгов», как он выражался.

Кто-то звонил ему дважды. Экран айкома выдавал «абонент неизвестен», — и Кеша в конце концов решил не отвечать на такие звонки, точнее, не включать телефон, увидев, что звонит неизвестный. Обрадовался, когда позвонил Савва, попросил его купить хлеб и кефир.

Бекасов приехал очень быстро, буквально через двадцать минут после звонка, но Кеша не обратил на это внимания, голова была занята другими мыслями, и только когда открыл дверь — понял, что сделал глупость.

В прихожую ворвались двое мужчин, один из которых показался знакомым, затолкали инженера в гостиную, обследовали комнаты и заставили хозяина отвечать на вопросы.

— Тебе давали время на размышления, — сказал первый гость, мясистолицый, с брезгливой складкой губ. — Время прошло. Задание выполнено?

— Я не хочу с вами разговаривать! — дёрнулся взъерошенный Кеша в руках второго гостя, худого, мосластого, с мощным подбородком. — Требую адвоката!

— Значит, не выполнено, — заключил мордоворот равнодушно. — Кому ещё, кроме Бекасова, ты рассказал о задании?

Никому, хотел признаться Кеша, но вместо этого соврал:

— Всем… в лаборатории… и директору тоже.

Гости переглянулись.

— Надо было мочить, — буркнул мосластый гость, уши которого казались приклеенными к вискам.

— Вселяй.

— Это уже второй раз, не шизанулся бы.

— Чёрт с ним!

Мужчина с необычными ушами направил на Кешу пистолет.

— Соглашайся, идиот! В психушку захотел?

Кеша попытался вырваться.

— Вас всё равно поймают…

Мосластый выстрелил.

Яркий всполох — внутри головы, в то время как из дула пистолета ни пуля не вылетела, ни язычок огня — прочистил голову радиоинженера, выбивая из неё все мысли и желания, и он провалился в темноту и тишину, оседая на пол.

Сколько времени длилось беспамятство, вспомнить потом не удалось. Кеше показалось — целую вечность! Потом он услышал голоса, в глазах замелькали световые пятна, он понял, что лежит на полу лицом вниз, подогнув руки, услышал приказ:

— Вставай!

Тело выгнулось само, будто в него воткнули иглу.

Кеша зашевелился, тараща глаза, спеша выполнить приказ, будто от этого зависела его жизнь, поднялся.

— Активация! — проговорил мосластый железным голосом.

В голове возникло странное движение — словно там вырос муравейник, занимая весь объём головы, и во все стороны побежали муравьи, щекоча кровеносные сосуды и нервные окончания. Разбежались по углам, покусали череп изнутри, спрятались. И Кеша осознал себя сервом низшей касты, живой программой, подчинявшейся неведомым операторам.

Всё стало на свои места.

Его запрограммировали. В голове распустился «бутон» информации, позволявшей обходиться без глупых вопросов типа: кто вы? что вы со мной сделали? Всё было понятно. Люди рядом представляли собой более сложную программу сужения параметра, их надо было слушаться беспрекословно и выполнять все распоряжения. Остальное было неважно, в том числе — будущее самого Кеши. Его жизнь ему отныне не принадлежала.

— Всё понял? — развернул его к себе старший группы.

— Так точно! — по-военному вытянулся он.

— Что успел сделать?

— Общий план. — Кеша с готовностью шагнул в спальню. — Сейчас покажу.

— Не надо, подготовь базовую стратегию перезагрузки, операционку доработают верификаторы. Ты и в самом деле донёс начальству о контактах с нами?

Кеша скривил губы.

— Об этом знают только двое — Бекасов и Шахова.

Мосластый посмотрел на мордастого; Кеша наконец вспомнил его псевдо — «майор Петров».

— Совбез.

— Она всё больше нам мешает.

— Ликвиднуть — и дело с концом.

— Возьмём Бекасова — зачистим весь вирусный софт.

— Бекасов сейчас приедет, — сказал Кеша, в голове которого поднялся странный «ветер»: воля сопротивлялась давлению внедрённой программы и искала пути освобождения. Впечатление было такое, словно по дороге фашисты вели колонну советских пленных, приближавшуюся к лесу, и пленные начали переглядываться, перешёптываться, считать конвоиров и готовиться к побегу.

— Пусть позвонит, — сказал мосластый, осматривая пистолет и вкладывая в рукоять обойму с двумя красными «ружейными» патронами.

— Он уже подъехал, — буркнул «майор Петров»; программу ПСП подкорректировали, и теперь он был «генералом Мисько». — Ждём.

Ждали несколько минут, прислушиваясь к докладам наблюдателей и оперативников команды зачистки, в которую превратили группу подмосковного СОБРа.

Из-за входной двери послышался шум, женские крики, звуки борьбы, удары, стук, грохот.

Гости и Кеша подступили ближе к двери.

— Классный опер, курва! — выдохнул мосластый, он же — капитан Чмыхало. — Всю группу положил!

В дверь позвонили, раз другой, третий, стукнули кулаком.

— Кеша! — послышался голос Саввы.

«Петров»-Мисько посмотрел на инженера.

— Да открываю, — ворчливо проговорил Кеша, безуспешно пытаясь сбежать «из колонны пленных красноармейцев».

Дверь открылась.

Капитан Чмыхало за спиной Кеши поднял над его плечом ствол программатора и нажал на курок.

Глава 18. Предел допустимой обороны

Темнота распалась на пляшущие светлые клочья, похожие на стаю бабочек, он очнулся. Однако многолетние тренировки психосферы оставили в подсознании такой след, что он даже в таком бедственном положении смог удержать суплес организма в неподвижности и не выдать себя ни одним движением. Хотя сидящий в голове холодный булыжник чужой воли настоятельно рекомендовал вскочить, доложить о готовности следовать приказам и выполнять их с надлежащим рвением.

«Вставай!» — скомандовал булыжник, превращаясь в «татаро-монгола» в халате, малахае и с кнутом в руке.

«Подожди, — попросил Савва смиренно, — я чуть-чуть полежу, приду в себя и встану».

«Пастух» вырос в размерах, заполняя собой всё пространство головы.

«Вставай!»

Свист кнута, удар, боль в спине и в груди!

«Подожди, я не готов! — зарычал Савва внутрь себя. — Имей сострадание!»

Ещё один удар! Боль сошла лавиной со свода черепа на шею и на всё тело.

Захотелось «взвиться на дыбы», как конь, и оглушить «татаро-монгола» ударом копыта.

«Вставай!»

«Бандера недорезанный!» Савва собрал в кулак силы и волю, налетел на чудовищный фантом, представлявший собой программу подчинения, пытавшуюся фрустрировать сознание и нейтрализовать волевую броню майора, схватился за конец кнута, дёрнул к себе, не обращая внимания на задымившиеся ладони: по ощущениям, кнут был раскалён до температуры горения человеческой плоти.

«Пастух» нырнул вперёд, не успев выпустить кнут, и Савва от души врезал ему в заросший рыжей щетиной подбородок, отбрасывая на десяток метров от себя.

Однако, ещё не долетев до земли, противник превратился в странного двухголового зверя с шестью лапами, который гибко развернулся и прыгнул к Савве, раскрывая две пасти, полные кинжаловидных зубов, и лапы с острыми когтями.

Савва заработал кнутом, не подпуская зверя к себе.

В реальной жизни, возможно, схватка на этом и прекратилась бы, но противник был не физически реализованным существом, а программой, введённой в мозг как вирус, и этот вирус имел

множество адаптационных механизмов, способных видоизменяться и завершать начатое дело — зомбирование человека. А противопоставить ей Савва мог только собственную волю и остаток психических сил, тающих с каждым мгновением. Конечно, он понимал, что ему есть что терять. В случае поражения он мог превратиться в зомби-слугу, послушно исполняющего чужие приказы. Поэтому он, оставаясь лежать без движения, не сдался натиску вселённого гостя и продолжал бой, не обращая внимания на боль, укусы и удары, воспринимаемые им как реальные затрещины, оставляющие на теле кровоточащие раны.

Зверь разделился на две копии, которые в свою очередь произвели по несколько клонов, пока не образовалась целая «стая», насевшая на человека со всех сторон.

С некоторым усилием Савва вырастил себе ещё две руки, потом по примеру противника начал делиться, пока сам не превратился в «стаю», начавшую теснить вражеский отряд.

Тогда зверь, озадаченный яростным сопротивлением человека, изменил тактику: начал нападать на копии Саввы с двух-трёх сторон и, поймав их в объятия, всаживать в тела соратников острые когти. Копии Саввы при этом прекращали бой, покрывались пеной и превращались в зверей, как это делали персонажи фильма «Матрица» (это работала фантазия Саввы, реализующая картины внутренней памяти). Он почувствовал, что теряет силы и перестаёт воспринимать зверей как врагов. Вирус проник в подсознание и начал менять внутренние моральные ориентиры, подчиняя мозговой «интерфейс» Саввы и перенастраивая его на свои целеустановки.

«Беги!» — пискнула испуганная мысль.

Он послушался.

Вокруг замелькали какие-то глыбы, скалы, острые углы, стены и столбы, проявился лабиринт, по которому он помчался, как во время тренировки на полигоне. Сзади завыли по-волчьи, когтистые лапы полоснули по спине, в ноги вцепились острые клыки. Он отбился от них, интуитивно определил путь спасения и взлетел на высокую скалу, нависавшую над пропастью с мерцающими где-то в невероятной глубине звёздами.

Звери на скалу не полезли, собрались под ней в бурлящую когтями, клыками и мерцающими глазами массу.

Наступило зыбкое перемирие, которое вряд ли могло длиться долго. Он отбился на несколько мгновений, однако справиться со вселённой в психику заразой не мог. Сил сопротивляться вирусу до победного конца не было.

— Что-то он слишком долго не приходит в себя, — раздался

«за пределами пропасти» чей-то голос.

Савва и звериная масса под скалой посмотрели друг на друга. Пришла мысль подыграть противнику и сделать вид, что он сдаётся.

Савва спрятал своё «я» поглубже, спрыгнул со скалы на зверей и… поднял голову, мгновенно оценивая обстановку, сделал вид, что с трудом соображает, встал на колени под взглядами присутствующих, поднялся.

— Звыняйтэ, хлопцы, этот гад, — он с кривой улыбкой стукнул себя по лбу согнутым пальцем, — здоров как бык! Еле с ним справился.

— Поздравляю, — сказал Кеша незнакомым — сухим и ломким голосом; глаза его были заполнены зрачками и казались чёрными провалами. — Готов служить благому делу?

— Так точно.

— Отлично, нам предстоит ликвидировать Шахову.

— Без проблем.

Гости обменялись взглядами.

— Тест, — проговорил мосластый мужик с прижатыми к вискам ушами.

— Думаешь? — шевельнул бровью его широколицый напарник; это был «Петров».

— Токщ ёномайл, — проговорил ушастый на неизвестном языке. — То но ми йо?

Всплывшие в голове буквы-символы, похожие на китайские иероглифы, засветились угольками.

Безумным усилием воли Савва остановил время, схватил внутри себя зверя и впился ему в горло зубами.

Брызнувшая «кровь» — пузырящаяся, пронизанная алыми искрами, омыла горящие иероглифы, превратила их в буквы русского языка: «Контроль связи. Как понял?»

— Понял хорошо, — осклабился Савва, облившись потом; приступ слабости означал, что запас душевных и физических сил кончился, и вести себя как зомбированный серв становилось совсем невмоготу.

— Ну-ну, — хмыкнул капитан Чмыхало, косо глянув на спутника. — Это радует. Разверни сингл задания, будешь работать со своим приятелем, я проконтролирую. Первая цель — твоя начальница, Шахова.

— Понял уже.

— Сутки на разработку императива.

— Слушаюсь. Нужен сторонний специалист.

— Хватит и этого гения. — Капитан похлопал по плечу Кешу, стоявшего рядом с непривычной неподвижностью; раньше он,

отличаясь подвижностью, не мог постоять спокойно на одном месте и секунды.

Новый приступ слабости едва не свалил Савву с ног. Он пошатнулся, мелко перебрал ногами, пятясь, нашёл задом диван, сел.

— Что это с ним? — нахмурился «Петров».

— Ломка, — хохотнул Чмыхало. — У этого бугая сильная воля, начал бороться и положил все силы, по себе знаю.

— Кофе хочешь? — поинтересовался Кеша.

— Давай, — сглотнул Савва, борясь с головокружением, пытаясь мысленно уверить зверей внутри себя, что он свой.

Звери, открывая зубастые пасти — файлы зомбирующей программы, сожрали уже практически все копии Саввы (его антивирусные волевые команды) и намеревались завершить атаку, уничтожая остатки самостоятельности. Надо было что-то предпринимать, а в голове пульсировал только один-единственный вариант решения проблемы — выпрыгнуть из окна Кешиной квартиры и разбиться насмерть.

— Зови Верейского, — приказал «Петров».

Мосластый Чмыхало взялся за смартфон.

— Не отвечает…

— Губин?

Трёхсекундная пауза.

— Да что за хрень?! Куда они подевались?!

— Иди, проверь.

Чмыхало громыхнул дверью, исчез.

Савва откинулся на спинку дивана, прислушиваясь к суете внутри головы: звери доели последнего соратника, обступили со всех сторон, протягивая к съёжившемуся хозяину когтистые лапы.

— На, глотни, — возник перед ним Кеша, подавая чашку, над которой вился парок с запахом кофе.

Полуослепший Савва с трудом сконцентрировался на чашке, сделал глоток, второй, и его вырвало.

— Блин! — отпрянул Кеша, стряхивая с рубашки и штанов брызги. — Что за фигня?

— Неполное сенсорное погружение, — сказал «Петров» с сомнением в голосе. — Похоже, он ещё не с нами.

— Повторите ввод.

— Он шизанётся.

— Выдержит, мужик сильный.

«Петров» достал пистолет, проверил обойму, вставил её обратно в рукоять «гюрзы».

Савва понял, что шансов остаться человеком у него нет.

— А-а-а! — закричал он, вскакивая, на несколько мгновений

освобождаясь от «звериных объятий», оттолкнул Кешу, схватился с «Петровым», не давая ему возможности выстрелить.

Сознание помутнело, удаляясь в пустоту, за пределы понимания ситуации, но подсознание продолжало отчаянную борьбу за свободу, сопротивляясь двойному давлению — изнутри и снаружи, натренированное брать на себя ответственность за поступки Саввы в самые напряжённые моменты жизни.

И всё-таки он скорее всего проиграл бы этот бой, так как на помощь «Петрову» пришёл и Кеша, потерявший способность действовать самостоятельно, подчинившийся вселённой в него программе. Но в действие внезапно вмешалась посторонняя сила, о которой Савва даже не вспомнил.

Дверь в квартиру с треском распахнулась, едва не слетев с петель, в гостиную ворвались какие-то люди, вооружённые пистолетами. Первый выстрелил в «Петрова», попадая ему в затылок, второй оторвал от Саввы Кешу и швырнул на стол с такой силой, что стол рассыпался на части!

Савва, сознание которого плыло и мигало, то проваливаясь в слой дыма, то выныривая оттуда, сжал руками голову: звери внутри набросились на него все разом, собираясь разорвать в клочья!

Кто-то ещё появился в гостиной Кеши, раздался тихий женский голос, в котором проскальзывали звонкие металлические ноты:

— Лёша, коммандер!

— Вот. — Первый стрелок подал незнакомке выпавший из руки «Петрова» пистолет.

Она с лязгом выщелкнула из рукояти обойму, вынула патрон, вставила другой, закрыла, — всё это Савва видел как во сне, вспышечно, порциями, кадр за кадром, — направила ствол на Савву, и он ухнул в абсолютную темноту, словно и в самом деле получил пулю между глаз.

В себя он приходил медленно, такими же вспышечными просветлениями.

Первый этап — всплывание сквозь толщу темноты в более светлый слой наверху.

Второй — полёт сквозь бурную струю воздушных пузырей, давление на уши, на грудь, на глаза, желание всплыть и глотнуть свежего воздуха.

Третий этап — взрыв лопающихся воздушных пузырей перед лицом, наполненных светом и треском.

И, наконец, выход на уровень поверхности океана, полного тысячами живых бликов, плеска волн, сотрясений, пересечений и вибраций. Из ушей словно вылили воду.

— …в одну машину не уместятся, — донёсся мужской голос.

— Найдите вторую, заберите всех, отвезите в Баковку, — прозвучал женский голос. — Оставьте в лесу.

Хлопнула дверь.

— А с этой сволочью что? — спросил ещё один мужской голос.

— Он скоро переформатируется.

— Может, утопить?

— Нет смысла, оставим его здесь.

— С Рудницким?

— Рудницкий нам ещё нужен, как-никак — имаго Фигуры Влияния. Шанс переправить его на Царцах ещё есть.

— Слишком много мусора в его процессоре.

— В голове, ты хочешь сказать?

— Пусть в голове. Их эволюция подошла к пределу, игра скоро закончится.

— Не нам решать.

Савва открыл глаза.

Он лежал на диване, на боку, не чувствуя ни рук, ни ног. Голову продувал освежающий сквознячок облегчения, унося горьковатые остатки «дыма». Звери с клыками и когтями исчезли, оставив в сознании «грязные следы лап».

По гостиной Кеши деловито передвигались молодые парни, исчезая в спальне и появляясь вновь.

На полу неподвижно, лицом вниз, лежал «Петров» с дырой в затылке, выплеснувшей на паркет почерневший сгусток крови.

Кеша тоже лежал на полу, точнее, на обломках стола, лицом кверху, и смотрел в потолок остановившимися глазами.

— Кеша… — прошептал Савва, пытаясь встать.

— Кажется, очнулся.

Рядом с диваном сгустилась лёгкая тень, Савва перевёл глаза и узнал Викторию Шахову, с любопытством его разглядывающую; в руках помощница секретаря Совбеза держала чашку с кофе. Она сделала глоток, наклонилась над Саввой.

— Как голова?

— Дымится… что… с Кешей?

— С ним всё в порядке, не переживай. — Голос женщины был так похож на грудной голос жены, что сердце дало сбой: ещё свеж в памяти был облик жены, её улыбка, губы. То, как она щурилась и улыбалась. И хотя Виктория сменила причёску и перестала ярко красить губы, она всё равно слишком сильно напоминала Лилию.

— Меня зомбанули.

— Мы нейтрализовали вирус. Как ты себя чувствуешь?

Он прислушался к своим ощущениям.

— Как после пьянки и драки…

Виктория улыбнулась, допила кофе.

— Шутишь — значит, всё нормально. Встать сможешь?

Савва зашевелился, как раздавленный таракан, ощущая, как в онемевшие руки и ноги серией мелких иголок возвращается жизнь. Ощупал голову, ожидая обнаружить синяки и дырки, но голова была цела, звери зомби-программы покусали её изнутри, а не снаружи.

Помощники Виктории — он узнал обоих — унесли «Петрова», вернулись, захлопотали над Кешей, приводя его в чувство.

— Что с ним? — спросил Савва, растирая запястья рук.

Виктория принесла ему горячего чаю.

— Пей, полегчает. Его запрограммировали глубоко, самостоятельно он бы не освободился.

— А меня?

— Тебя хотели превратить в серва, это у нас низшая каста служителей. Геймер просчитался с уровнем воздействия, ты мог бы сам сбросить вирус.

— Я пытался… сил не хватило.

— Потренируешься — станешь полностью независимой фигурой. Мне надо было заняться тобой раньше.

— Ты же должна быть на Ямале, — вспомнил он.

— Для всех я на Ямале, но это деза, отвлекающий маневр. Никуда я не улетала.

Савва сел прямее, отпил сразу полчашки чаю, пахнущего мятой.

— Кто ты всё-таки?

— Сейчас не время объясняться, надо уходить.

— Никуда не пойду, пока не расскажешь всё.

— Чёрт! — раздался хриплый голос очнувшегося хозяина квартиры. — Полегче, я вам не подушка для иголок!

Оба перевели взгляды на него.

— Кеша прав? — сказал Савва. — Ты… оттуда? — Он поднял глаза к потолку.

— Прав, — усмехнулась женщина, — оттуда. Хотя не я выбирала роль и облик реализации.

— Рассказывай!

— Под холодный душ его, — приказала Виктория. — Быстрей очухается.

Кешу увели в ванную, послышался плеск воды, перемежаемый приглушёнными воплями инженера.

— Значит, тебя послали специально…

— Своевременный вывод, — фыркнула Виктория.

Савва не обратил внимания на её тон.

— А я ломал голову, откуда ты знаешь о Кеше и над чем он работает. Там всё известно? — Новый кивок на потолок.

— В мою задачу изначально входила защита Рудницкого, самостоятельно добравшегося до главной разгадки земной метареальности: почему физические законы вашей Вселенной так точно взаимозацепляемы. Это возможно лишь в одном случае…

— Если Вселенная создана Богом!

— Либо смоделирована в некоем суперкомпьютере, способном оперировать колоссальным количеством параметров. У нас такие машины называются БСМ — Большими Счётными Машинами, или Умниками. Ты попал в поле зрения моих провайдеров случайно, после того как начал заниматься делом нефтяников. К тому же оказалось, что ты друг Рудницкого.

— Пешка, — с преувеличенной небрежностью сказал Савва. — Случайный попутчик.

— Ну, не пешка, — покачала пальчиком Виктория, — но и не главная фигура. Впрочем, в настоящий момент ты своим поведением резко изменил условия игры, и на тебя спустили ПСП.

— Программу… э-э…

— Сужения определённого параметра поведения, в данном случае — проявления независимости. К сожалению, если ПСП не добивается результата, вместо неё запускают СНОС.

— Это аббревиатура, насколько я понимаю? Подожди, угадаю слова: система нейтрализации опасной сущности.

— Что ж, довольно близко по смыслу: самонастраивающаяся операционная система по нейтрализации вирусов.

— Но ведь вы же укокошили командира ПСП.

— ПСП — безотзывная оферта, она перезапускается столько раз, сколько необходимо для достижения цели. В случае если носитель оператора гибнет — программа его восстанавливает. Точно так же работает СНОС. А есть ещё Пёс.

— Кто?!

— Не кто, а что: процесс корректировки программы, не допускающий никаких компромиссов, по сути — настоящая зондеркоманда. Если уж она вцепится — рано или поздно уничтожит любую фигуру. Впрочем, и ПСП не подарок.

— Петров…

— Петров — всего лишь реализация психосоматической структуры с определёнными полномочиями. Его уже наверняка перезаписывают.

Савва поморщился, глядя в чашку, сделал глоток.

— Голова плохо соображает… спать хочу… давай по порядку. Итак, первый вопрос тот же — кто ты?

Виктория усмехнулась.

— Ангел-хранитель.

— Я серьёзно.

— Я и в самом деле программа ангела-хранителя, запущенная в вашу реальность оператором по имени Амазон. Друзья называют его Архангелом. Но об этом мы поговорим в машине, сюда скоро заявятся новые носители ПСП.

Словно в подтверждение опасений Виктории пистолет-программатор, лежавший на полу, вспух белым дымком и растаял.

Савва посмотрел на то место, где он лежал, перевёл взгляд на собеседницу, скривил губы.

— Мистика…

— Для вас — железная реальность.

— Почему зомбирование так примитивно? Пистолет, патроны, чипы… где волшебство? Если нами управляет этот ваш Архангел, почему он не сотрёт мешающую фигуру нажатием клавиши «энтер»? Вместо того чтобы идти кружным путём?

— Во-первых, Архангел не один, в игре участвуют миллионы рядовых сапиенсов, и не он один запускает в земную Вселенную ПСП, СНОС и прочие вирусы.

— Разве не он запрограммировал нацистский переворот в Украине? Убийство ни в чём не повинных людей в Одессе? Майдан в Киеве? Войну в Сирии? Безумство ИГИЛ?

— Рядовых игроков очень много, хотя их возможности ограниченны, вот они и запускают вирусы типа одесского расстрела.

— Великая Отечественная война?

— Все конфликты на Земле организуют наши геймеры, находя исполнителей среди людей.

— Украина…

— Чехословакия, Югославия, Ирак, Сирия — все войны, инциденты, похищения людей, убийства свидетелей и так далее.

— А случаи откровенной шизы?

— Что ты имеешь в виду?

— Кто-то из наших чиновников организовал строительство моста через Волгу под Нижним Новгородом из женских бюстгальтеров.

Виктория улыбнулась.

— Из-за большого количества игроков ваш мир представляет собой мир противоречий, деградирующий не в последнюю очередь из-за идиотских решений власть имущих. Не все наши геймеры — интеллектуалы, много идиотов. К счастью, они не делают погоду. Но есть оператор уровнем намного выше —

Самсунг.

— Как? — удивился Савва. — Самсунг? У нас это название компьютерной фирмы… да и Амазон тоже…

— Это аббревиатура длинного имени — Самый Совершенный Ум На Ганглии — САМСУНГ.

— Бред! Извините… что такое Ганглий?

— Сросток Великих Мхов, где инициирована цивилизация сапиенсов.

— Великих Мхов…

— Позже ты узнаешь всё. У нас всё демократично, имена можно менять и сокращать.

— Тогда что такое Амазон?

— Арбитр-Мажор Зоны.

Савва покачал головой.

— М-да, звучит как кликуха бандита в тюрьме… Всё равно не понимаю, почему ваши операторы не могут напрямую стереть фигуру игры. Клацнул клавишей — и привет тёте. В крайнем случае — спуститься к нам в виде ангелов и сделать то же самое.

— Ангелы на Земле бывали не раз, их даже описывали — Леонов в «Пирамиде», Орлов — в «Альтисте Данилове», не читал?

— «Альтиста» читал.

— Но не все ангелы одинаковы, да и логика жизни у нас разная. Изменить Искон или базовые установки игры можно только опосредованно, введя новые фигуры, иначе игра выйдет из-под контроля. В ваших компьютерных играх то же самое, правила меняются не произвольно, а в соответствии с разработанными вариантами. Таков был замысел создателя игры.

— Бога?

— Это он для вас бог, нам он известен под именем Империл.

— Сокращение?

— Конечно, длинное имя — Император Иллюзий.

Савва засмеялся.

— Я так и думал, опять же — скромненько, даже обыденно, можно сказать. Непонятно только, почему ваш Империл создал нас такими… — Савва поискал слово, — несовершенными. Неужели по образу и подобию?

— Он создавал игровое поле с большим числом заданных параметров, но появившиеся в метареальности живые существа не являются программами в полном смысле этого слова. Вы, люди, обладаете некоторой свободой воли, хотя и далеко не всегда пользуетесь ею. С другой стороны, ты прав, Император предусмотрел появление разума и запрограммировал форму носителя, используя облик сапиенсов. Наши… гм, ангелы похожи на людей.

Из ванной донёсся взрыв негодующих воплей Кеши:

— Только не холодная! Хватит! Прекратите!

Дверь открылась, вышел светлоголовый молодой человек по имени Лёша.

— Всё в порядке, ожил ваш приятель.

— Уходим, — направилась к двери Виктория. — Выводите его.

Из ванной выбрался дрожащий Кеша с мокрыми волосами, вытираясь на ходу полотенцем. Его подталкивал в спину второй спутник Виктории, брюнет; это был водитель её служебного «Мерседеса».

— Дайте мне собраться, — возмущённо объявил Кеша, лязгая зубами от холода. — И вообще я никуда не хочу ехать!

— А жить хочешь? — мягко спросил его конвоир.

Это подействовало. Кеша глянул на пол, где недавно лежал «Петров» (кровь на полу уже исчезла), передёрнул плечами и поспешил в спальню. Вернулся через минуту переодетый, с белой сумкой в руке.

— Я готов. Куда поедем?

Савва посмотрел на Викторию, приостановившуюся на пороге.

— Может, ко мне?

— Твоя квартира под наблюдением, как и Кешина. Для вас приготовлено жильё за МКАД. Пока мой шеф не предпримет определённые шаги для нейтрализации ПСП, жить будете там.

— Он здесь, твой шеф?

— Он там. — Виктория ткнула пальцем в потолок. — Программу воздействия можно изменить только оттуда.

— Что же, мы так и будем прятаться, пока он не побеспокоится о нас?

— Идёмте. — Виктория вышла. За ней бесшумно исчезли её спутники.

Савва и Кеша переглянулись.

— Терпеть ненавижу давление! — пробормотал завлаб.

— Они хотят нам добра.

— Навязанное добро — это зло!

— Скажи спасибо, что тебя не превратили в зомбированного халдея товарища Петрова.

— Я их не просил вмешиваться.

Савва молча подтолкнул приятеля к двери.

Глава 19. Алгоритмы смерти

Озонированный душ освежил, глоток виччино освободил голову от накопленных за день пси-шлаков. Захотелось развлечься с женщинами, о которых он последние несколько дней не думал вообще. Много времени и энергии отнимали заседания Сената Царцаха, направленные на преодоление духовного кризиса верховных каст, но ещё больше времени и энергии отнимала возня с игровой матрицей, переставшей подчиняться коррекции, требующей вводить в игру всё новые персонажи и воевать с волеизъявлением других геймеров, и более всего — Архангела.

Это обстоятельство выводило из себя, коллега не хотел слушаться голоса разума, опираясь на расхожие штампы этических установок, жалея игровые фигуры с фанатическим упорством. Предупреждения он не понял, и настала пора переходить к активной фазе вразумления, то есть к физическому ограничению.

О том, что он сам действует вопреки базовым принципам игры, Самсунг не задумывался. Он считал себя чуть ли не «Абсолютным Духом», полностью усвоившим важнейшие уроки жизни предыдущих сотворений и вносившим в земную метареальность важнейшие и тончайшие штрихи в вечном стремлении сделать новый космос более совершенным. А для этой цели не следовало создавать человечеству режим наибольшего благоприятствования, способный сделать людей счастливыми и процветающими. Сила, которую олицетворял Само Совершенство, называя её «божьей волей», по его мнению, не заводила созданный разум в тупик, но заставляла человека идти вперёд сквозь сонм ошибок и войн с самим собой, не считаясь с потерями, помогала эволюционировать, совершенствоваться, надеяться на «свет в конце тоннеля», порождая у носителя разума прекрасный стимул познавать мир. Это Самсунг создал на Земле предпосылки для Первой и Второй мировых войн, принёсших много пользы человечеству, и это он же внедрил в игровую ткань земной метареальности программы разрушения и смерти вроде спецслужб США, создающих для благой цели — чтобы человечество совершенствовалось — отряды украинских нацистов, ИГИЛ, фанатиков-смертников и мусульман-радикалистов.

Последние новости из России, по-прежнему не подчинявшейся общим игровым императивам, насаждаемым на Земле программами Соединённых Штатов Америки и Евросоюза,

окончательно испортили настроение и заставили Самсунга ещё в Сенате принять решение усилить апгрейд ситуации как в игровой зоне, так и в реальном мире Царцаха. Действия Архангела требовали немедленного реагирования, иначе все благие намерения Самсунга шли насмарку.

На третий день после встречи с коллегой в павильоне Меру Самсунг встретился в своём имении за Граничными Мхами Царцаха с главой Службы Защиты по имени Великий Слуга Народа, или Веснар. Выбирая себе второе, *характеризующее,* имя, Веснар, он же урождённый ирвеец-марух Шпанаже — Шалун Падкий На Женщин (первое имя выбирали родители либо воспитатели родового инкубатора в соответствии с генетическими предрасположенностями), считал, что он имеет право не только на ношение фамильных отличий (он гордо носил на груди Чёрно-Красный Крест, передающийся по наследству, который его прапрадед получил за выигранное в земной игровой реальности сражение: крестоносцы победили сельджуков близ Гераклеи), но и на безусловное почитание масс обывателей.

Веснар прибыл минута в минуту, однако, как всегда, шумно и торжественно: его виману сопровождали три флайта с подразделением спецназа Службы и веер важных лиц, призванных подчеркнуть значение свершаемых им действий.

Был Веснар высок, атлетичен (спортивные фигуры были нынче в моде), красив и подчёркнуто небрежен. Впрочем, при встрече с владельцем одного из самых роскошных имений Царцаха выражение небрежности сошло с гладкого чела адмирала. Он был с ним на короткой ноге и к тому же понимал, какой высокий пост в Сенате занимает Само Совершенство.

Двое самых близких сановников попытались увязаться за Веснаром, но он оставил их в общей зале на первом этаже коттеджа.

Уселись в гостевом руме для особо приближённых лиц, на самом верху молельного минарета; башню возвёл ещё дед Самсунга, служитель суннитошиитской веры, и хотя в крови Самсунга текла по большей части кровь ирвейская, башню он, переселившись на окраину Царцаха, переделывать не стал, только изменил назначение. Рум после переделки представлял собой конус с прозрачными стенами и с минимумом деталей.

Сели в глубокие кресла с изменяющейся геометрией, не обращая внимания на толчею микрофантомов вокруг. Благодаря эффектам иной мерности пространства Царцаха, отличной от трёх, в воздухе то и дело проявлялись эльфы и либри — предметы в виде сочетаний геометрических фигур и существа, живущие только в определённых резонансах измерений.

Многие сапиенсы специально заводили вирт-животных, но Самсунг не любил ни кошек, ни собак, ни прочих кусак, и в его доме жили только эльфы и безобидные резонансы вроде орбов.

Многолапые мобы подали собеседникам виччино, мескалитэ и хрусты.

— Прекрасный вид, — кивнул на панораму Граничных Мхов гость, даже не глянув на более впечатляющий масштабный космический видеофеномен: небо над башней, полное мерцающих прожилок Великого Мха в сиянии светозара, имело гораздо более величественный вид.

— Друг мой, — сказал Самсунг, подавляя вздох, — как вам живётся в нашем изменчивом мире?

— Прекрасно, — ответил гость с лучезарной улыбкой. — Преступность за два последних периода снизилась на две десятых процента, а в низовых кастах и того больше. Недавно взяли бунтаря-оппозиционера Подвального, грозится раскрыть интимные тайны Лорда Сената.

— Это недопустимо, — улыбнулся Самсунг.

— И я так думаю.

— Как идёт расследование нападения на сенатора Амазона?

— Расследование закончено, — ещё более радостно сообщил Веснар. — Точнее, благополучно зашло в тупик. По данным Следственного Комитета, нападение совершили боевики непризнанного халифата Кари из касты радикалов-Бесстрашных. Но модуль с нападающими был сбит, и все участники акции погибли. Ни опознать, ни прочитать их мыслесферы мы не смогли.

— Отличная версия!

— Да, мы старались.

— Мне снова понадобится ваша помощь, милейший Веснар.

— Весь к вашим услугам.

— Мой друг Амазон не внял советам не мешать нашему делу совершенствования человечества, и его надо… ограничить.

Лицо гостя не дрогнуло.

— Нет ничего легче, Совершенство. Моя особая группа может повторить акцию в любой момент.

— Это надо сделать незаметно. Амазон должен… э-э, исчезнуть.

— Исчезнуть?

— Физически, без надежды на возвращение. Надо будет распустить слухи, что он устал и собирается посвятить себя размышлениям о смысле жизни, где-нибудь за пределами обитаемой зоны, может быть, даже за Мёртвыми Столбами.

— О!

— Вам это не под силу?

На гладкое лицо Великого Слуги Народа сошла задумчивость. Он поиграл со стайкой либри, порхающей над его ладонью, загнал их в невидимость, заметил оценивающий взгляд хозяина и встрепенулся.

— Я всё понял, сенатор. Но тщательная проработка операции потребует времени…

— Два дня.

— О!

— И чтобы ни одна живая душа не узнала об этом! Вашу спецгруппу потом придётся… э-э, переформатировать.

— Без проблем, но… Нужны средства…

— Получите.

— И вознаграждение, я полагаю.

— Как всегда.

— В таком случае я в скором времени доложу вам о выполнении задания. Как вы думаете, место в Сенате не будет слишком большим подарком для меня?

— Вопрос трудный, но решаемый, — сказал Самсунг, подумав, что, будучи начальником Службы Защиты Порядка, Веснар принесёт больше пользы Ордену Чёрно-Красного Креста, который он возглавлял.

— Выпьем же за успех акции! — поднял свой бокал Веснар.

Самсунг поднял свой. Его вдруг одолели сомнения, что он сделал правильный выбор в отношении исполнителя операции.

* * *

В тот же день Само Совершенство погрузился в игровую зону и ознакомился с происходящими в России событиями лично, заселившись в одну из фигур команды ПСП. В отличие от Архангела, протянувшего отдельную линию связи от иезода контроля к дому (разумеется, Самсунг узнал об этом), он не счёл нужным скрывать свои намерения и планы, считая свои действия непогрешимыми ни с точки зрения логики, ни с точки зрения этики.

Беспомощность команды ПСП огорчила и озадачила. Он не ожидал такой прыти от фигуры, которую надо было ограничить самым простым способом — лишив её жизни. Но после того как вскрылись дополнительные обстоятельства ситуации, стало понятно, что кто-то запустил в метареальность программу защиты Фигур Влияния. А поскольку сделать это мог только геймер с большими связями и возможностями, не осталось сомнений, что

им являлся Амазон.

Вернувшись из «короткой игровой командировки», Самсунг проанализировал неудачи команды ПСП и пришёл к выводу, что её возможности исчерпаны. Главный носитель замысла, бывший майор Петров, был не в состоянии реализовать программу ограничения игровых фигур в полной мере.

Во-первых, фигуры оказались слишком независимыми и свободолюбивыми, особенно майор Бекасов, справившийся с зомбирующим импульсом «глушака». Во-вторых, майору помогала программа ангела-хранителя, реализованная как сотрудник Совета безопасности России, то есть исполнитель с большими полномочиями, Виктория Шахова. И её надо было нейтрализовать в первую очередь. Существующая ПСП не могла добиться желаемого результата, не обладая такими же полномочиями. А корректировать её или создавать новую программу не хотелось. Проще было запустить в игру другую программу, покруче и поумней, то есть СНОС. Оставалось только выбрать носителей и подобрать соответствующие случаю системы обеспечения. Силовая структура МВД в принципе могла бы добиться цели, но она была уже скомпрометирована действиями Петрова, поэтому следовало найти специалистов из существующих на игровом поле фигур, имеющих свои допуски и возможности.

Размышлял над этим Самсунг недолго, в России хватало спецслужб, неподконтрольных обществу, и он выбрал самую закрытую из них — контрразведку Генштаба Министерства обороны. Свой поиск он зашифровал под грифом «алгоритмы смерти», полагаясь на антивирусную защиту Умника, обслуживающего иезод контроля. Само Совершенство был уверен, что никто не посмеет взломать его сервер и узнать, что он задумал.

Глава 20. Вихри враждебные веют над нами

Сенатор очень удивился бы, узнай он, что и его коллега в тот же самый момент решает те же проблемы, только в прямо противоположном направлении.

После встречи в павильоне Меру Архангел снял с себя служебные обязанности чрезвайзера в Департаменте Связи правительства Царцаха и вплотную занялся назревшей проблемой, грозившей вылиться в конфликт между ним и Сенатом, хотя он сам был сенатором; у Самсунга было больше полномочий.

Сначала он по совету Делла заказал себе телохранителя, но не по официальным каналам, а из частных охранных структур.

Затем укрепил защиту усадьбы, окружив её кольцом скрытых видеокамер, звуковых сигнализаторов и лазерных пушек. Оборудовал специальный бункер для аппаратуры мониторинга, откуда телохранитель по имени Айбиэм мог видеть и оценивать угрозу проникновения на территорию коттеджа и хранить оружие.

После этого Архангел побаловал постоянно меняющего форму и количество лап кота такими же призрачными мышарами, основательно уселся в своём рабочем модуле и, не появляясь в иезоде контроля, начал готовить хакерскую атаку на серверы Самсунга, использующего возможности Умника, который поддерживал колоссальной сложности программу игры под названием Земная Метареальность.

Атака удалась на славу.

Умник заподозрил несанкционированное проникновение к файлам программы, но сделать ничего не смог, Архангел умел обходить все существующие антивирусные файерволы.

Стали понятны планы Самсунга и его мотивы, главным из которых было желание сравниться по интеллектуальному уровню с создателем игры Империлом. И его можно было понять. Мышление и интеллект для сапиенсов представляли единую, тщательно выстроенную и сбалансированную систему генерации новых информационных структур и принятия решений в виде последовательных реализаций нейрофизических программ — геномов, ответственных за физиологические особенности индивида. И Архангел был с этим положением абсолютно согласен. Но Само Совершенство хотел большего — превзойти Империла и добиться вершин власти, не считаясь ни с чьим мнением, а это могло изменить порядок вещей не только в матрице игры, но и в самой физической реальности Царцаха.

Допустить подобного развития событий Архангел не мог и не хотел.

Для обсуждения полученной информации он пригласил к себе приятелей — Беспута и Делла, знавших о распре сенатора с коллегой Самсунгом. Озадаченные осложнённой процедурой пропуска на территорию усадьбы Архангела, они устроились в креслах на веранде, защищённой от всех видов слежки, и выслушали сообщение хозяина усадьбы молча.

Смуглолицый Бесстрашный Путешественник покачал головой, не спеша выражать своё мнение. Блондин Делл, сотворивший себе модную причёску «шлем полумесяца», начал сосать через соломинку янтарный слэш.

— Чего молчите? — не выдержал молчания друзей Архангел.

— Ты хорошо всё обдумал? — спросил путешественник.

— Не понял.

— Ты, по сути, начал войну с большим общественным деятелем, наделённым значительными полномочиями. Даже Лорд Сената его побаивается. Что, если он ответит?

— Я укрепил оборону усадьбы…

— Не будешь же ты вечно сидеть под защитным колпаком? Когда-нибудь он подловит тебя на выходе и нанесёт удар.

— Он уже пробовал.

— Это была акция устрашения, не более того. Он был уверен, что ты одумаешься и перестанешь ставить ему палки в колёса.

Архангел посмотрел на эксперта.

— Ты тоже так думаешь?

Делл пожал плечами, забавляясь тем, что загонял в стакан с напитком вспархивающих над ним эльфов.

— Я тебя уже предупреждал. Или отступись, или иди до конца.

— Но ты со мной?

— Мне скучно, если честно…

— Да или нет?

— Если ты помнишь, я предлагал тебе выход.

— Что за выход? — заинтересовался Беспут.

— Вытащить к нам Персону Воли из игровой зоны. Там появился весьма мощный персонаж — Савва Бекасов, он профи воинских искусств, обладает хорошим уровнем ментального расширения и является сотрудником местных спецслужб, что означает — он умеет защищаться. У нас таких спецов днём с огнём не сыщешь.

— Но он же… только игровая фигура…

— Я предложил Архи себя в качестве носителя.

— Ты? — удивился путешественник.

— Что, не подхожу?

— Да нет… я просто не предполагал… хотя для войны с Самсунгом нужен…

— Ну-ну?

— Целый прайд профи, подразделение спецназа.

— Я служил в отрядах наёмных рейнджеров на границе, могу подключить кое-кого из той команды.

— Это другое дело. — Беспут ловко поймал либри, превращая полуптицу-полунасекомое в облачко искр. — Я тоже могу порекомендовать кое-кого из знакомых, да и сам присоединюсь, у меня седьмой дан-бланш по дюрсо.

— Не знал, — признался Делл с уважением. — Ты занимался единоборствами?

— С младых ногтей. Я уроженец дебрянских болот, вотчины третьего сословия, и чтобы выжить, надо было уметь драться. Двенадцать лет меня учили побеждать в экстремальных условиях, пока я не получил начальное образование и не выбрался из болот.

— Понятно.

Приятели одновременно посмотрели на Архангела. Он улыбнулся.

— Я принимаю вашу помощь. Для воплощения моей идеи нужны три вещи: схрон с выходом на сеть иезода, где можно будет отсидеться в случае непредвиденных осложнений, независимая транспортная линия и оружие. Есть предложения?

— Тьмутаракань, — со смешком сказал Беспут.

— Ты серьёзно, дружище? — засомневался Делл.

Речь шла о Мертвых Столбах, за которыми и пряталась Тьмутаракань — самый дальний пограничный форпост Царцаха, куда посылали преимущественно отбывших наказание преступников — следить за мифическими эскадронами османских орков, монстров, некогда нападавших на владения сапиенсов в приграничной зоне Царцаха. Название заставы — Тьмутаракань — было столь харизматичным, что нашло отражение даже в игровой программе — как название города-крепости на Таманском полуострове.

— Почему бы и нет? — сказал Архангел, оценив идею. — Мы сможем выяснить, кто там сейчас дежурит?

— Без проблем, — сказал Делл.

— А если попытаться завербовать пограничников Тьмутаракани?

— Почему бы и нет? — повторил вопрос хозяина эксперт. — Предложим хороший куш, вряд ли они откажутся. Пограничники вообще мало получают, а уж ссыльные в такую даль и подавно.

— Вы можете этим заняться?

Гости переглянулись.

— У меня есть друг в Службе снабжения Сената, — сказал Делл.

— Он может проговориться.

— Она.

— Тем более.

— Она лучше меня… и вы её знаете. Программу ангела-хранителя, запущенную в Россию, я предложил тебе слепить с неё.

— ВерЛюба?

— Точно.

Архангел задумчиво прошёлся по рифлёным плитам пола веранды.

Облик хранителя, предназначенного обеспечить безопасность ведущих игровых фигур — Рудницкого и Бекасова, — он и в самом деле смоделировал по образу и подобию подруги Делла, лишь слегка изменив внешность. Правда, получилась накладка, так как оказалось, что новая фигура как две капли воды похожа на жену Бекасова Лилию, которая, в свою очередь, была скопирована с целой генетической линии, к которой принадлежала и ВерЛюба. Но менять что-либо в игровой зоне было уже поздно. Вернее, можно было бы вместо Виктории Шаховой послать на Землю, в Россию, другого ангела-хранителя, но тогда пришлось бы заменить весь кластер программы, касающийся защиты Персон Воли, что тотчас же стало бы известно Самсунгу.

— Вы уверены… в её верности?

— Абсолютно.

— Ничего абсолютного в мире не существует, — философски заметил Беспут.

— Хорошо, я вам доверяю, поговорите с ней. Нам нужна проверенная и слаженная команда, чтобы исправить положение в Творении Империла. Разум земной реальности гаснет, и если мы не вмешаемся, игра зайдёт в тупик, и Вселенная людей, кстати, очень элегантная и красивая, будет свёрнута.

— Я бы там с удовольствием пожил бы, — смеясь, сказал Делл, наливая второй стакан слэша. — У меня на большом материке хороший персонаж — советник президента России.

— Да? — с любопытством посмотрел на приятеля путешественник. — Я не знал. Мой персонаж живёт в Азии. Вообще люди получились более эмоциональными, чем мы, вам не кажется?

— Они такими и создавались, — сказал Архангел. — Потому игра так и увлекает рядовых геймеров — вариативностью

ситуаций и непредсказуемостью характеров.

— Не всем нравится, что происходит с людьми, — покачал головой Беспут. — Я бы не хотел иметь ничего общего с цивилизацией, превозносящей уродство как великое искусство.

— Далеко не все люди постулируют этот принцип, — возразил Делл, — только представители определённых этносов. Мои любимые персонажи борются с проявлениями этнического превосходства на всех уровнях.

— Это какие же?

— Мы создали в России организацию «Стопкрим».

— А, да, наслышан. Можно к вам присоединиться?

— Без проблем.

— Что ж, уважаемые геймеры, — сказал Архангел, подводя итоги совещания, — начинаем настоящую войну?

— Если только Самсунг не начнёт её раньше, — рассмеялся Беспут.

* * *

Слова путешественника оказались пророческими.

Уже к концу дня Управляющий имением доложил хозяину о слежке за домом, которую удалось вычислить благодаря заранее принятым мерам. Слежка велась на двух уровнях: первый — со спутниковых трансляторов Всемирной паутины, с применением анализаторов сети контроля за населением Царцаха, второй — с помощью «призраков» — микроразведчиков, применяемых Службой Защиты и пограничниками. «Призраки» представляли собой фантом-модули размером с песчинку и большую часть времени проводили в граничной полосе пространства с количеством измерений, равным трём целым и четырнадцати сотым. Примерно в этом метрическом диапазоне жили эльфы и плазмоиды-орбы, то появляясь ниоткуда, то исчезая в никуда. В своё время умельцы даже изобрели игру — ловлю эльфов в тёмной комнате, которой увлекались миллионы сапиенсов. Но спецслужбы Царцаха ради благих намерений «достижения порядка и соблюдения законов общежития» пошли дальше и разработали разведчиков, наблюдавших не только за преступниками в местах заключения, но и за оппозиционными нынешней власти структурами.

Архангел почувствовал неладное, однако не счёл нужным поднимать тревогу. Показалось, что он ещё успеет довести до конца начатую кампанию и создать команду, которая остановит Самсунга. Или хотя бы заставит его не доводить до полного

разрушения игровую метареальность.

На следующее утро, двадцать второго маргуста, он решил встретиться с Деллом и его подругой в Сенате, чтобы реализовать идею использования снабженцев Сената для «обеспечения строительства узла связи в складках Мёртвых Столбов», как они официально назвали свою инициативу. На самом деле средства для строительства «узла связи» должны были пойти на создание на заставе Тьмутаракани необходимой независимой линии связи с иезодом контроля.

— Я хочу посоветовать вам, — сказал Айбиэм, — совершить отвлекающий маневр.

— Слушаю, — благожелательно посмотрел на телохранителя Архангел; молодой человек ему нравился.

Айбиэм объяснил, чего он хочет, и Архангел согласился с его предложением. Маневр состоял в том, чтобы в модуль быстрого движения сел не сам владелец поместья, а его видеофантом, в то время как Архангел, не видимый со стороны, должен был лететь в другом летательном аппарате, спрятанном в подземном паркинге коттеджа.

Так и сделали.

Сотворить видеофантом было делом пустяковым.

Наблюдающие за усадьбой системы увидели то, что и должны были увидеть: из коттеджа вышли двое — хозяин и телохранитель, сели в «каплю» модуля-трансформера, и аппарат взлетел. А через мгновение его догнал другой такой же модуль, бликующий особым покрытием, непроницаемым даже для эльфов и орбов.

Поднялись на разрешённый для этого класса воздушных линий уровень, до высоты в двадцать лиг. Пересекли пять ярусов общественных видов транспорта, преимущественно экономкласса, пассажиры которых никуда особенно не спешили. Население Царцаха достигло десяти миллиардов сапиенсов, и транспортные потоки начинали уходить в космос всё выше и выше. Хотя таких пробок, какие создали люди в своей земной реальности, подумал Архангел мимолётно, на Царцахе не существовало. Всей гигантской системой воздушных и космических сообщений управлял один Умник, и в этой сфере общественной жизни давно был наведён порядок.

Спустя несколько мгновений к двум скоростным аппаратам присоединились ещё два, вызванные телохранителем заранее. Все четыре модуля одновременно поменяли номера и цепочкой тающих призраков (это напоминало трассу орбов-макроплазмоидов) набрали разрешённую инспекцией движения скорость. Теперь определить, в какой из машин находится

важный пассажир, не смог бы ни один сторонний наблюдатель. А сбить все четыре модуля не решился бы ни один сапиенс, дороживший своей жизнью. По свидетельству Айбиэма, изучавшего криминальные сводки транспортных происшествий, точно так же двигались кортежи криминальных авторитетов, спешащих на разборки.

В таком порядке долетели до комплекса башен Правительства, в одной из которых — в форме ажурного трезубца — располагалась Администрация Сената.

Два модуля сопровождения отвернули, растворяясь в потоках машин нижнего воздушного яруса, а оба модуля, принадлежащие Архангелу, нырнули к основанию башни и, ведомые автоматами-пайлотами, безошибочно воткнулись в свободные ячейки-ниши подземной стоянки.

— Перехитрили? — глянул на спутника Архангел.

Айбиэм, поддерживающий связь с охранными системами своего частного охранного предприятия, отрицательно качнул головой.

— Нас вели.

Настроение испортилось.

— Уровень?

— Спутниковая мониторинговая сеть. Стоило бы её отключить.

Архангел успокоился.

— Ну, «божье око» отключить невозможно. Во всяком случае, у меня нет такого доступа. За нами никто не гнался?

— Похоже, никто.

— Точно? Мне показалось…

— Не беспокойтесь, я контролирую ситуацию.

Поднялись на сорок второй этаж башни, встретились с экспертом и его подругой ВерЛюбой, действительно похожей на земную женщину по имени Виктория Шахова. Обсудили с чиновниками Департамента снабжения все вопросы по строительству «узла связи», посетили кафе Сената. Айбиэм всё время был рядом, и Архангел подумал, что присутствие профессионала охраны его не только успокаивает, но и весьма эффективно с точки зрения безопасности.

Обратно летели в том же порядке, надеясь запутать наблюдателей. И снова ничего сверхъестественного не произошло. Если кто и следовал за четырьмя модулями с одинаковыми номерами (такое мог позволить себе далеко не каждый сапиенс), анализатор Айбиэма этого не заметил. Вполне возможно, слежку за передвижениями Архангела установили не с целью подготовки нападения, а для того, чтобы он поразмыслил

над последствиями своей конфронтации с Самсунгом.

Прошло два дня.

Намеченные планы выполнялись быстро.

На заставу Тьмутаракань (даже на модулях быстрого движения путь туда занимал полдня) были доставлены сборные конструкции «узла связи», представлявшие собой рабочее гнездо иезода с дополнительным контуром защиты от хакерских атак и от несанкционированного подключения систем подслушивания.

Архангел несколько раз покидал своё имение по разным причинам, используя оправдавший себя приём с модулями, и в конце концов забыл о своих страхах, не обнаружив признаков готовящейся на него охоты. Хотелось верить, что Само Совершенство отказался от своих планов ограничить деятельность коллеги на физическом уровне, увлёкшись игровой ситуацией. А там действительно происходили удивительные вещи, не запрограммированные геймерами. Персонажи не хотели подчиняться стратегии игры, разработанной «вверху», и вынашивали свои планы нейтрализации «вирусов», которыми для них являлись команды ПСП и СНОС.

Архангел с нарастающим интересом следил за начавшейся борьбой Фигур Влияния с «пришельцами», созданными Самсунгом и его кликой геймеров, и почти не вмешивался в жизнь героев, ожидая, чем закончится столкновение файерволов с «живыми людьми».

Мирная идиллия длилась три дня. Отсутствие активных действий со стороны коллеги-соперника сыграло с Архангелом злую шутку. По натуре незлобивый, компромиссный и отходчивый, он поверил в отсутствие недобрых намерений у Самсунга и перестал заботиться о собственной безопасности, посчитав, что коллега поразмыслил над его словами, счёл их разумными и отказался от перезагрузки игровой реальности. К тому же присутствие Айбиэма, абсолютно не мешавшего ему осуществлять задуманное, укрепившего оборонные эшелоны поместья и ставшего Архангелу кем-то вроде сводного брата, позволяло не думать об опасности. Да и друзья не исчезали надолго, появляясь в нужный момент и помогая решать возникающие проблемы. И тем не менее спустя три дня после встречи с Самсунгом произошло то, о чём предупреждал Беспут: коллега не забыл о своих угрозах в адрес Архангела и нанёс удар, когда тот меньше всего ждал нападения, и в месте, которое считалось недоступным для любых атак, то есть в имении Архангела.

Использованы были все самые современные технологии Царцаха, граничащие с категорией воздействия на мир, которую

люди земной реальности называли магией.

В отличие от созданного фантазией Империла мира Земли, прочно стоящего «на ногах» трёх пространственных измерений, мир Царцаха мерцал — осциллировал в пределах от трёх и одной десятой до трёх и восьми десятых, то есть располагался в вероятностном нецелочисленном диапазоне, что накладывало отпечаток на все нюансы его жизни. Материальная основа мира — молекулярно-атомарные конгломераты (земная аналогия — песок, гравий, почва, земля, горные породы) — осциллировали с меньшей амплитудой, в пределах одной сотой вокруг резонанса 3,14. Живые существа, в зависимости от сложности, мерцали в пределах от трёх до трёх и тридцати трёх сотых измерений. Чем проще было живое существо, тем с большей амплитудой оно «колебалось», то есть занимало позиции в спектре мерности, то проявляясь в визуальном диапазоне сапиенсов (их глаза не были универсальным инструментом для восприятия всего спектра), то исчезая. Поэтому с момента рождения они жили в «мигающем и мерцающем» континууме, принимая его за данность.

Точно так же относился к реальности и Архангел, не выходя за рамки привычных эффектов мерцания. За свою недальновидность он и поплатился, не просчитав исчезающе малую, но — возможную вероятность использования противником граничных эффектов, а то и вовсе не обсуждавшихся в практическом плане прикладными специалистами.

Во-первых, ему следовало перезагрузить обслуживающую поместье «облачную» автоматику — вместе с Умником и мобами.

Во-вторых, надо было обратить внимание на пронизывающую весь объём поместья «нежить» — эльфов, орбов и нечистиков-домовых. О том, что их можно приспособить в качестве следящих систем и даже как оружие, Архангел сообразил только после развёрнутой против него хорошо просчитанной операции.

Началось всё абсолютно обыденно, заурядно, как бы незаметно и неторопливо, без каких-либо видимых эскалаций суеты. Аппаратура Айбиэма отметила небольшой рост количества орбов, но ни один из этих плазмоидов, являвших собой, по сути, голографические миражи, возникающие при переходе предметами резонансов мерности, а не живые существа, не проявлял особой активности, и Айбиэм тревоги не поднял. Струи орбов таким образом, похожие на стайки исчезающих и вспархивающих мотыльков, потянулись к работающим энергоустройствам и сторожевым системам, понемногу скапливаясь в местах энергополевых пульсаций.

Затем возбудились садовые мобы — так называемые механосервы, фрактальные роботы, представлявшие собой

многозвенные кластеры миниатюрных триподов, способные трансформироваться в зависимости от геометрии обслуживаемой территории, но чаще всего принимающие форму змей или плоских медуз; последние геометрические изыски были характерны для мобов, ухаживающих за бассейном и садом кронлилий, растущих на вязкой почве. На них никто не обращал внимания, так как возня мобов в саду и по периферии поместья давно стала привычной как часть пейзажа. Уже потом, анализируя случившееся, Архангел понял, что именно эти узкоспециализированные и вполне самостоятельные машины, современная «механонежить», были дистанционно перепрограммированы и начали скапливаться в наиболее важных для оперативной защиты местах территории усадьбы.

Это тихое, сонное, незаметное движение длилось не один час.

Мобы-змеи проникли в подземные хранилища поместья, под фундаменты всех строений и энергоузлов. Мобы-медузы заняли позиции со стороны балочных креплений и поддерживающих коттедж конструкций. Орбы (это были «не настоящие» природные плазмоиды, а умфобы — управляемые фантомы) скопились во всех помещениях главного замка Архангела, облепив его кабинет, где он в основном проводил время, почти не вылезая из гнезда иезода, и каналы энергоподводов.

К счастью, два обстоятельства не дали мобилизованной на ликвидацию объекта системе завершить начатое со стопроцентным успехом.

Сначала к хозяину поместья прилетел путешественник, заставивший Архангела отвлечься от квеста по земной метареальности: они поднялись в рум на самый верх башни для гостей, — а затем Айбиэм, общавшийся с компьютерной сторожевой системой усадьбы, объявил «оранжевый» уровень опасности, усмотрев в шевелении «нежити» в доме угрозу взлома информационных линий. На самом деле угроза на порядок превосходила объявленную степень, но и этого хватило, чтобы хозяин и его гость на несколько мгновений опередили атаку.

Архангел не стал выяснять причину тревоги (к тому же он постоянно держал связь с Управляющим усадьбы), а сразу потребовал готовить к отлёту модуль.

Бесстрашный Путешественник, обладавший неплохой реакцией, вызвал свой личный флайт, на котором прибыл к сенатору.

Все эти действия произошли почти одновременно.

Айбиэм стартовал прямо из подземного паркинга замка на личной вимане Архангела и завис у верхнего балкона башни на высоте девяносто малых саженей, сигнализируя хозяину, чтобы

тот прыгал к нему в кабину с балкона.

Флайт Беспута подлетел к тому же балкону мгновением позже.

И тотчас же весь стрельчато-ажурный замок сенатора со всеми его башенками и зубчатыми крепостцами объяла пелена прозрачного пламени, пожирая его стены снизу доверху со сказочной быстротой.

— Прыгаем! — крикнул путешественник, без раздумий ныряя с балкона на «каплю» флайта.

Архангел схватил кота, прилипшего к нему от страха, прыгнул вслед за приятелем, и телохранитель, открывший колпак кабины, подхватил сенатора, подставив руки и не давая возможности свалиться вниз.

Оба модуля задвинули колпаки, изменили форму и рванули ввысь, набирая сверхзвуковую скорость.

Выстрелившее с башни пламя их не догнало.

— Ко мне? — предложил путешественник, используя ментосвязь.

— Белые Дома, — отрезал Архангел, имея в виду комплекс зданий Правительства.

Решение было правильным. Если за домом следили, то могли направить на перехват машин погоню, чтобы те не успели скрыться, поэтому неожиданный маневр беглецов сорвал планы команды «ограничителей». Оба аппарата долетели до Белых Домов беспрепятственно.

* * *

Через полчаса к сверкающему алмазной пылью комплексу башен Правительства прибыл Делл, и члены группы Архангела собрались в одном из аут-залов совещаний башни Империя, защищённом от любых видов контроля.

— Надо срочно обратиться в Службу Защиты, — заикнулся Делл.

Все посмотрели на него как на сморозившего глупость.

— Во-первых, подразделение МЧС уже там, — сказал Айбиэм, — я узнавал. Во-вторых, у нас небольшая фора во времени, и надо ею воспользоваться. Обращение к правозащитникам только нивелирует наше преимущество. К тому же могу предположить, что к нападению причастна именно Служба.

— Согласен, — кивнул возбуждённый Беспут. — Заинтересованные в ликвидации сенатора персоны ещё не

уверены, что он успел скрыться, поэтому предлагаю немедленно покинуть Царцах и забраться в дебри Великих Мхов подальше от ищеек.

— Тьмутаракань? — в сомнении приподняла брови ВерЛюба. — Это же очень далеко.

— Вот и хорошо, что далеко, чем дальше, тем лучше. Никто там искать нас не станет. А мы тем временем разработаем план действий и начнём его реализовывать.

— Я не смогу полететь с вами, — сморщилась женщина. — Мне ещё как минимум период надо выполнять обязанности куратора продовольственной доставки.

— Ты и не полетишь, — сказал Делл.

— Полетит, — уверенно проговорил путешественник.

— Ты понимаешь, что говоришь? Её же снимут с обеспечения…

— Предлагаю нашему дорогому сенатору изменить внешность, взять облик ВерЛюбы. Тогда можно будет не опасаться, что его засекут следящие системы комплекса.

— Молодец! — оценил его идею Делл. — Я было понял тебя превратно. Однако действовать надо быстро, у нас нет ни минуты свободной.

— Симер вылепит ему лицо за пару минут.

Речь шла о симуляторе моды, используемом для коррекции лиц и фигур не только женщинами, но и мужчинами.

— У нас нет симера, — развёл руками путешественник.

— Их в башне «Эволюция» невероятное количество, — поспешила сообщить ВерЛюба. — На женской консоли личной гигиены башни у меня есть хороший мастер, могу попросить у него персональный симер.

Делл повернулся к сенатору, с задумчивым видом поглаживающему кота на коленях, у которого снова начали исчезать лапы: чувствуя опасность, кот обычно менял вибрации тела и жил сразу в нескольких измерениях, меняя форму и количество лап.

— Вы не возражаете?

Архангел очнулся.

— Буду благодарен.

— Тогда мы исчезаем на несколько минут.

Пара скрылась за дверью зала.

— Объявлен режим ЧП, — сообщил Айбиэм. — Вас ищут по всему центру. От усадьбы осталась воронка глубиной в сорок малых саженей.

— Что они применили? — хмыкнул путешественник.

— Систему молекулярного распада.

— Это хорошо. — Путешественник уловил вопросительный взгляд сенатора и пояснил: — Молекулярник не оставляет следов, поэтому тебя будут считать мёртвым.

— Если только сверху не засекли наше бегство, — бесстрастно проговорил телохранитель.

Делл и его подруга скоро вернулись в компании моба, тащившего на своей чашевидной спине несколько разноцветных коробок.

Собрали симулятор, обвесили голову Архангела датчиками, и уже через минуту аппарат создал из его лица видеофантом, который как две капли воды походил на облик ВерЛюбы.

— Транспорт готов, — доложил Айбиэм.

— Летим все? — спросил Беспут.

— Я присоединюсь к вам позже, — пообещал Делл. — Соберу информацию о ходе расследования нападения на имение и проконтролирую доставку нужного оборудования на заставу.

— Главное, чтобы никто не рыпнулся за нами в погоню.

— Я не допущу. Уже сегодня ко мне присоединятся мои друзья из былых команд, скучно им, хотят погонять кровь по жилам, так что я буду не один.

— Идёмте, миледи, — галантно поклонился путешественник Архангелу. — Я за вами. Только оставьте кота.

Фраза не развеселила, но подействовала позитивно.

— Держите, — протянул сенатор кота телохранителю. — Отвечаете головой.

Делл и настоящая ВерЛюба остались в зале совещаний, остальные направились к лифтовым линиям, ничем не выделяясь среди посетителей башни администрации Правительства.

Никто не обратил на них особого внимания, да и советчик телохранителя не отметил специальных мер слежки, не считая видеокамер поддержания порядка, просматривающих коридоры башни.

Спустились в подземный транспортный эллинг, расселись по машинам, выходные люки стояночных ячеек растаяли, и аппараты взмыли в воздух. Царцах провалился вниз, превращаясь в выпукло-кристаллический, фрактальный, сияющий узор на дне Долины Жизни, среди жильных сплетений Великого Мха.

Архангел вздохнул с облегчением, выключил симер, обретая обычный свой вид, и подумал, что жизнь его отныне не стоит ни травинки и зависит не только от помощи друзей, но и от игровых персонажей в компьютерной программе, называющих себя людьми. Он не успел отвести от них удар, не успел скрытно подготовить к грядущим потрясениям. Но ведь, как говорил известный мудрец Царцаха: благослови утерянные возможности,

ибо ты приобрёл большие возможности. Может быть, он прав?

Глава 21. Дуракам закон не писан

Старенький двухэтажный коттеджик, неизвестно кому принадлежащий (Виктория не стала раскрывать имя владельца), располагался на берегу Живописной бухты на северо-западе Москвы, в двух километрах от кольцевой автодороги. Ехали, петляя по улочкам Мякинино, пока не упёрлись в тупик Первой Мякининской улицы, затем через решетчатые ворота попали на узкую асфальтовую ленту, которая привела к коттеджу, и Савва, автоматически запоминавший путь от Новорижского шоссе, подумал, что место для «конспиративной лёжки» выбрано с умом. Достаточно было четырёх-пяти телекамер, чтобы заметить непрошеного гостя и предупредить хозяев о слежке либо о нападении.

Машина с сопровождающими Виктории сразу уехала, и гости — Савва и Кеша, осмотрев не особо роскошный дом (на виллу он никак не тянул), устроились в гостиной на первом этаже, соединённой с баром.

Шахова, извинившись, отлучилась на несколько минут. Савва сел на диван, обтянутый материалом, похожим на крокодилью кожу. Кеша, обладавший природным оптимизмом, быстро восстанавливающий настроение, сразу открыл дверцу барного буфета и ознакомился с его содержимым.

— Шампусика хочешь?

— Нет, — отказался Савва.

— Пиво, правда, тёплое, чешское, какое-то вино, коньяк.

— Ничего не трогай, сядь.

— Да мы по глоточку…

— Сядь! Ты не у себя дома.

Кеша сел в кресло с обиженным видом, но не удержался, когда вернулась Виктория, и спросил:

— Коньячком не угостите? Не мешало бы сбросить стресс.

— Берите, — разрешила начальница Саввы, посмотрела на него. — Будешь?

— Нет. Хочу понять, что происходит. Ты не всё мне рассказала.

— Кое-что ты уже знаешь, по сути — главное.

— Хочу знать все подробности.

— Хорошо, спрашивай, что тебе непонятно.

— Откуда ты?

— Я уже говорила.

— Ангелы. — Он изобразил скептическую ухмылку.

— Не ангелы, сапиенсы, почти такие же носители разума, как

и вы. Разве что менее стеснённые в материальном плане, более свободные в социальном общежитии и почти не зависимые друг от друга. Семейной жизни, какая является основой вашего социума, у нас нет как института. Проблем добычи пищи тоже нет. Сапиенсы большие индивидуалисты, редко живут вместе, несмотря на половые различия и тягу к противоположному полу.

— Чем же занимаются эти ваши… сапиенсы?

— Играют, — с улыбкой ответила Виктория. — В вашей реальности социум другой, но таким создал игру Император Иллюзий, и после него ни один оператор не менял базовые установки. — Виктория помолчала. — Кроме Самого Совершенства.

— Конкурента твоего хозяина?

— Архангел не хозяин мне, но оператор. Ему не нравится, что Само Совершенство решился на жёсткую корректировку Искона программы. У вас с некоторых пор началась та же ремиссия половых отношений, что едва не привела к гибели Царцах.

— Ты имеешь в виду вал голубизны?

Виктория улыбнулась.

— Плюс содомия, плюс любовь с животными, плюс любовь с самим собой под секс-программы Интернета.

— У вас такого нет?

— У нас как раз это и процветает пышным цветом, причём без каких-то ограничений. В вашей реальности этого не было до тех пор, пока в игру не ввязались кримгеймеры, которым поспособствовал не кто иной, как…

— Само Совершенство.

— Именно. Кому-то это может показаться детскими шалостями людей с больной или изменённой психикой, но проблема глубже и серьёзнее. Само Совершенство начал внедрять в программу социальные вирусы-фламмеры, способствующие «росту свободы самовыражения», как он утверждает, а на самом деле способствует росту крайнего национализма и психофашизма. Яркий пример — ИГИЛ, Украина, Евросоюз, обе Кореи. У вас насаждают «новый мировой порядок», который, по сути, является всемирным тоталитарным режимом вседозволенности и беспредела. С помощью Самсунга взращена психораковая опухоль США, начат процесс энергоотъёма у зомбированных на девяносто процентов масс населения Земли. Для этого создана программа надмирового правительства — «Комитет трёхсот», для этого началась охота на нефтяников — под лозунгом «технологического обновления цивилизации».

— Я же говорил? — воскликнул Кеша, падая рядом с Саввой и едва не выплёскивая из рюмки содержимое. — Этого следовало

ожидать! Мы всего лишь игровые фигуры в созданной кем-то компьютерной игре. Знаете, к какому я пришёл выводу?

Савва и Виктория с одинаковым любопытством посмотрели на создателя теории моделирования. Кеша сделал глоток, глаза его заблестели.

— Человечество в моей парадигме — разумная система с кодом самоликвидации. Код — отношение людей к природе. Как только мы переступим грань её терпимости, код сработает.

— А разве ещё не переступили? — спросил Савва.

— Ещё нет, но можем в любую минуту, особенно если запустим климатические войны. Разработки, кстати, уже ведутся.

Савва встретил весёлый взгляд женщины, с трудом отвлёкся от её схожести с женой, мучившей его всё время.

— Это тоже дело рук вашего… Самсунга?

— Он не один контролирует игру, геймеров много, но глобальные задачи решает он. И Архангел.

— Дьявол и ангел.

— Что-то вроде того, хотя оба руководствуются благими намерениями.

— То есть имеют право решать — жить нам или нет. Так?

— В принципе поражение того или иного вида разума внутри игровой метареальности действительно может быть спровоцировано операторами. Но до этого ещё не доходило, насколько мне известно. До появления Самсунга никто не спускал в игру убийственные корректировки. Как правило, именно внутрисистемные разборки приводят подчас к гибели разума и кардинальным изменениям игры. Мало того, что ваша Вселенная развивалась от простого к сложному — через плоскую Землю на спине черепахи и трёх китах до сетчато-ячеистой структуры с триллионами звёзд, так и разум на Земле менялся не однажды.

— Атланты?

— Носителями разума становились дельфины, динозавры, лемуры, гекатонхейры, титаны — гиганты Му, гондванцы и чёрт знает кто ещё. Они же после разрыва программы игры становились предками всех ваших животных.

— Почему же от них не осталось следов?

— От нас тоже ничего не останется, — хихикнул Кеша.

— Устами младенца, — посмотрела на него Виктория. — Следы остались, но вы их не видите или ищете не там. Предлагаю не отвлекаться на философские экскурсы в человеческую историю, переписанную не одну сотню раз. Что вас интересует конкретно?

— Что дальше? — спросил Кеша, наслаждаясь коньяком. — Мне скоро надо выходить на работу.

— Боюсь, ничего не получится.

— То есть как? Меня же уволят!

— Пока мы не отобьём вирусную атаку и не изменим программу, возвращаться домой и на работу нельзя.

Кеша скептически скривил губы.

— Это как же мы её изменим, если нами управляют ваши операторы?

— Есть одна возможность — переселиться.

Кеша осклабился.

— Наши фантасты уже писали об этом, и фильмы сняли.

— Некоторые наши геймеры иногда допускают утечки информации, которые улавливают ваши фантасты. Но суть от этого не меняется, переселение возможно.

— На физическом плане? — с недоверием поинтересовался Савва.

— Переносится психосоматическая система персонажа, вы называете её душой. Находится подходящий носитель, причём желательно доброволец, и вас переносят.

— Круто! — восхитился Иннокентий. — Я бы согласился. А ты?

— А куда девается это? — Савва ткнул себя пальцем в грудь. — Тело?

— Остаётся ждать хозяина — душу. Если только… — Виктория прикусила губку. — Если только персонаж не погибает. Как правило, переходы случались именно в результате…

— Смерти!

— Поэтому вам надо беречься. Если команда ПСП восстанавливается при потере носителей, то вас никто не станет восстанавливать.

— Спасибо за предупреждение.

— Не за что. — Виктория глянула на браслет айкома. — Я уеду по делам часа на два, нужно получить кое-какие инструкции, а вы располагайтесь поудобнее и отдыхайте. Лёша останется с вами.

— Твой секретарь?

— И агент защиты.

— Тоже ангел?

Виктория встала, направилась к двери.

— Не ёрничай, он из той же команды: программа хранителя базируется на многих исполнителях.

— Посиди здесь, — сказал Савва захмелевшему Кеше, — я провожу.

Вышли из коттеджа на покрытую асфальтом площадку, где стоял «Мерседес» Шаховой. Она отвела в сторонку светловолосого

молодого человека, дала ему какие-то наставления и села в машину.

— Прошу никуда не отлучаться.

Савва посмотрел на мрачноватый слой облаков, затянувших небосвод.

— Дождь пойдёт. Ты уверена, что это надёжное убежище?

— Другого нет. Если не звонить и не вылезать в Интернет, вас никто не обнаружит. До вечера.

«Мерседес» уехал.

Секретарь Виктории проводил его глазами, повернулся к Бекасову.

— Вам что-нибудь нужно, Савва Миронович?

— Ничего, — буркнул Савва, у которого защемило под ложечкой; интуиция подсказывала, что мирная жизнь заканчивается. — Оружие здесь есть?

Блондин с понимающим прищуром посмотрел на него.

— Найдём. Но, я думаю, оно не понадобится.

— Хотелось бы верить.

Лёша повернулся, ушёл в дом.

Савва прошёлся по дорожке вокруг коттеджа, почти скрытого лесными зарослями, — росли здесь преимущественно сосны, ели, берёзы и ольха, — заметил на деревьях телекамеры, и на душе отлегло. Виктория не привезла бы их в неохраняемый схрон, на территории которого мог обнаружить гостей случайный прохожий. Коттедж был не новый, но удобно расположенный и явно предназначался для отсидки каких-то беглецов. Хотя, с другой стороны, если она говорила правду о мире Царцаха, творцы земной метареальности и её поводыри должны были знать все детали и нюансы игры, так как сами создавали игровую программу, и в этом случае спрятаться от преследователей-вирусов где-то в глухих дебрях планеты и даже в пещерах было невозможно принципиально.

Посмотрим, подумал он с угрюмым вызовом непонятно кому, добраться бы до вас!

Кеша смотрел телевизор, пил коньяк и заедал его орешками.

Савва посмотрел на ополовиненную бутылку, отобрал рюмку, поставил бутылку в бар.

— Ты чего?! — возопил завлаб, роняя орешки. — Нам же разрешили!

— Нужно знать меру, парниша, ты не дома.

— Ну и чёрт с тобой! — разозлился Кеша, попробовал собрать с пола орешки, не смог и нетвёрдым шагом направился к лестнице на второй этаж. — Пойду подрыхаю.

Савва проводил его глазами, сел на диван, пощёлкал

кнопками пульта, меняя программы телевизора, наткнулся на передачу «Территория заблуждений», которую вёл известный журналист и писатель Игорь Прокопенко, и на этом остановился. Иногда ведущий и в самом деле выбирал интересные темы. Сегодня он говорил о гиперборейских корнях русского народа и о северных находках, подтверждающих эту гипотезу, сделанных после того, как Русский Север начали обживать пограничники и военные Арктической группировки войск, строящие военно-морские и авиабазы.

Захотелось пить. Савва направился на кухню, но по пути заглянул в холодильник, обнаружил батарею бутылок пива и ягодный морс и после недолгих колебаний открыл пакет с морсом. Все эти запасы предназначались для тех, кто в коттедже обитал, а так как в настоящий момент хозяева отсутствовали, можно было пренебречь правилами хорошего тона.

Просидев у телевизора почти час, Савва решил размяться и начал второй обход территории, прикидывая возможности отбить вероятную атаку команды ПСП. Почему-то в голову стучались именно эти мысли, возбуждённые тишиной и покоем здешнего уголка природы.

У бассейна ему встретился секретарь Виктории, разглядывающий аккуратно подстриженные шпалеры кустарника, окружавшие приличного размера водную акваторию.

— Красиво, — кивнул на цветущие кусты Савва.

— Нефункционально, — неодобрительно отозвался Лёша.

Савва озадаченно посмотрел на гладкое лицо парня, которого явно занимали другие мысли.

— Что вы имеете в виду?

— Кустарник надо было отодвинуть от бортиков, чтобы уместились лежаки, а так не позагораешь.

— Ах вон вы о чём. Я только сейчас оценил.

— Ужинать в котором часу будете?

— Вы и за это отвечаете?

Лицо блондина не дрогнуло.

— За всё.

— Часов в семь, наверно. Дождёмся Викторию… Денисовну… и сядем. Скучновато здесь. Интересно, чем занимались хозяева?

— Отдыхали.

— Как?

— Здесь рыбалка хорошая, до берега всего сто метров.

— Вы их знали?

И этот вопрос не изменил спокойствия Лёши, отчего Савва сделал вывод, что секретарь Виктории в данный момент не является свободным человеком, а подчиняется программе ангела-

хранителя.

— Настоящие хозяева давно умерли, коттедж является запасным аккаунтом для важных персон.

— Вы знаете такие вещи? — Вопрос вырвался сам собой, и Савва тут же пожалел об этом, но собеседник не выказал своего удивления или раздражения.

— Я знаю только то, что записано в памяти моего личного драйв-пакета. По сути, я всего лишь один из алгоритмов программы защиты Фигур Влияния.

Савва вздохнул свободнее.

— Но ты живой человек? Я хочу сказать — рождённый на Земле?

— Естественно, у меня есть отец и мать, я заканчивал юрфак и работал в российском посольстве в Иране. Потом меня заметили в Совете безопасности и предложили перейти к ним.

— Кто заметил? Шахова?

— Нет, полковник Скарабеев.

Савва вспомнил лысого помощника секретаря Совбеза, с которым он летал в Сингапур.

— Скарабеев — тоже… гм, алгоритм?

— У него другая программа, он аналитик.

Савва с улыбкой покачал головой.

— Кто бы мог подумать… мне начинает казаться, что вся наша властная верхушка — резиденты ваших геймеров и операторов, как их — Архангела и Самсунга.

По губам Лёши скользнула понимающая усмешка.

— Не вся. Фигур Влияния вашего с Иннокентием Рудницким уровня очень мало, они на отдельном счету.

— Не понимаю, почему я попал в эту категорию, я же обычный служака, майор, академиев не кончал, особым даром не отмечен.

Лёша не ответил, и Савва сменил тему.

— Как вы думаете, до каких пределов могут дойти боевики ПСП? Будут охотиться за нами, пока не замочат?

— ПСП — превентивная мера с низким уровнем реализации, скорее всего она уже свёрнута. Есть более эффективные программы.

— СНОС?

Лёша посмотрел майору в глаза, и он понял его взгляд как ответный вопрос: вы же всё знаете, зачем спрашиваете?

— Я потому и интересуюсь, есть ли у нас возможность отбиться и перейти в наступление, а для этого кулаков мало, нужно оружие.

— В подвале спецкомната, пойдёмте покажу.

— Отличная мысль, я только гляну, чем занимается наш радиогений, и спущусь.

Савва быстро поднялся на второй этаж коттеджа, но ни в одной из трёх спален Кешу не обнаружил. Завлаб отыскался в комнате, оборудованной под кабинет. Здесь стояли шкафы с книгами, стеклянные боксы с какими-то призами и этажерки для дисков, а также компьютер, вполне современный «Асус», хотя и с плоским экраном. Кеша сидел за монитором и азартно отражал танковую атаку противника.

Савва побелел от ярости, подскочил к столу, нашёл узел питания и рывком вытащил вилку из розетки.

Экран монитора погас. Индикатор включения на корпусе процессора под столом замигал и тоже нехотя погас.

— Ты чего?! — возмутился Кеша, подскакивая на стуле.

— В Интернет выходил?!

— Я играл, осталось пройти два уровня…

— Выходил?!

Кеша отвёл хмельные глаза, нехотя признался:

— Ну, выходил… на минутку… письма свои почитал.

— Дуракам закон не писан?! Нас же предупреждали, что в Сеть выходить нельзя, могут засечь. Жить надоело?!

— Почему сразу — жить? Никто нас не найдёт… для этого надо специально ждать в Сети…

— Вот нас и ждут! Да ты ещё не просто так шастал по ресурсам, так в свой комп на работе залез!

— В домашний…

— Тем более! — Савва не сдержался, дал приятелю подзатыльник. — Давно письма читал?

— Да я сразу, как поднялся… час назад, наверно.

— Чёрт! Иди вниз, будем совещаться. Отсюда уходить надо.

Савва сбежал вниз, увидел в коридорчике подвала открытую железную дверь, вошёл.

Помещение представляло собой нечто вроде оружейной комнаты в полиции. На стенах висели стенды с оружием разного вида, в специальных контейнерах хранились боеприпасы. Здесь были и пистолеты разных марок, в том числе знаменитый отечественный «волк» с лазерным прицелом, и пистолеты-пулемёты, и автоматы, среди них новейший «АК-15», и снайперские винтовки «винторез», «осирис» и «орсис Т-5000», и даже гранатомёты. Не хватало только переносных зенитно-ракетных комплексов и огнемётов.

— Ну как, подойдёт? — оглянулся Лёша.

— Как в американских боевиках, — пробормотал Савва.

— Справедливое замечание, все подобные оружейные

запасники вашей реальности, в том числе — в продукции киноиндустрии, скопированы одной стандартной программой.

— Нам надо уходить.

Глаза блондина сузились.

— Что случилось?

— Мой дружок выходил в Интернет.

Пауза.

— Когда?

— С час назад.

Лёша не стал ни ругаться, ни журить нарушившего запрет гостя, ни напоминать о просьбе Виктории, он просто повернулся к одному из стендов и снял пистолет-пулемёт «кедр».

— Выбирайте себе.

Савва оглядел стенды, выбрал десантный «АК-15» с откидывающимся прикладом и последней модели «зубр» с обоймой на шестнадцать патронов.

— У вас связи с Викторией нет?

— Я уже послал сигнал тревоги.

Савва с удивлением посмотрел на парня, не сделавшего ни одного движения, потом подумал о спецустройстве связи, которым, наверно, пользовались «ангелы», и одобрительно кивнул.

— Правильно, нас уже наверняка ищут.

— Идёмте. Оружие Рудницкому возьмёте?

Представить Кешу с настоящим автоматом в руках было трудно, комбатантом он не был, однако Савва на всякий случай захватил «волк» и две обоймы к нему.

Поднялись наверх.

Кеша сидел в гостиной с независимым видом и снова пил коньяк.

Савва молча отобрал у него бутылку, сунул пистолет.

— Стрелять умеешь?

Глаза изобретателя расширились.

— Пистоль?! Настоящий?!

— Не игрушечный. Возможен форс-мажор со стрельбой. — Савва хотел добавить: «Из-за тебя», но передумал. — Он заряжен. Снимаешь предохранитель — вот защёлка, передёргиваешь затвор и стреляешь.

Кеша взвесил в руке пистолет, вскинул ствол, наводя его на Савву, сказал: кх!

— Дурак! — отвёл ствол Савва. — Это тебе не компьютерная пукалка, он убивает.

Лёша, наблюдавший за сценой, молча вышел из гостиной. Савва последовал за ним. Внимательно оглядели территорию

усадьбы.

Накрапывал мелкий дождик, но всё было тихо, и даже птички не перестали посвистывать в кронах деревьев.

— Может, пронесёт? — сказал Савва.

— Не пронесёт, — качнул головой секретарь Виктории. — К нам едут с двух сторон.

Откуда ты знаешь? — хотел спросить Савва, потом подумал о современных системах наблюдения.

— Вы установили телекамеры на подъездах?

— Дрон.

Савва невольно поднял голову, словно собирался разглядеть в хмуром небе беспилотник.

— Надо было сказать об этом раньше. Уйти успеем? Водой? На лодке?

— Залив просматривается, к тому же с того берега сюда идёт катер. Будем ждать.

— Чего?

— Не чего, а кого: Викторию, она близко.

— Катер военный?

— БЛ-860, командирский, со вспененным бортом.

— Гражданские лица на таких не ходят.

— Я тоже так думаю.

— Много пассажиров?

— Кокпит закрыт, не видно, но уверен — не меньше пяти-шести человек. Скоро узнаем поточней.

Сказано это было просто и спокойно, но Савва поразился не этому спокойствию, а обстоятельству, его порождавшему: помощник Виктории был человеком, рождённым на Земле, но в то же время являлся частицей программы «ангела-хранителя» и не думал ни о чём, кроме выполнения возложенных на него обязанностей.

— Давай передислоцируемся… Если у нас есть минут десять.

Лёша посмотрел на него с непониманием, и Савва пояснил:

— Спрячемся на соседней даче, увидим, кто подъедет и что станет делать, ударим в тыл, если придётся.

Раздумья Лёши длились недолго.

— Надо дождаться шефа.

— Будет поздно. Да и непонятно, что сделает твой шеф в этой ситуации. У него же нет взвода спецназа?

— Нас четверо… я имею в виду — вместе с ней.

Решение созрело окончательно.

— С нами будут вести переговоры?

— Вряд ли.

— В таком случае мы имеем право защищать свою жизнь

любыми средствами, нет?

Лёша по-прежнему смотрел непонимающе, и Савва добавил с мрачной ухмылкой, сжав его локоть:

— Устроим им маленький сюрпризик. Нас не будут жалеть? Ну и мы никого не станем. Оставайся здесь, прикрой нашего гения, а я таки устроюсь на территории соседней дачи, за забором. — Савва указал на видневшийся слева за дощатым забором коттедж в глубине леса, ближе к заливу.

— Я не получал распоряжений на этот счёт.

— Друг мой, спасибо за заботу, конечно, и немалый риск, но позволь уж мне самому решать, что делать. Нужна связь. У тебя айком?

Лёша показал браслет.

— Гарнитура «инфинити».

— Прекрасно, дай номер, я позвоню.

Лёша продиктовал номер.

— Вы хорошо стреляете?

— А что?

— Возьмите снайперку-бесшумку, раз собираетесь стрелять издали.

— Правильно, ещё нож и бинокль. Вперёд!

Они снова спустились в подвал, Савва надел на себя найденный в отдельной коробке разгрузочный жилет, посовал по кармашкам обоймы для пистолета и снайперского комплекса «Орсис», воткнул в ножны «дракон» — спецнож для десантных подразделений, сложил в «нагорбник», как называли воинский рюкзак бойцы, бинокль, две светобарические гранаты, пару обычных «лимонок» и в темпе марш-броска поднялся в гостиную, где Иннокентий упражнялся в выхватывании пистолета из-под ремня брюк, представляя себя не то ковбоем, не то героем компьютерной стрелялки.

— Слушайся Лёшу! — приказал ему Савва. — Речь идёт не о теории моделирования вселенной, а о твоей жизни.

— А ты куда? — вытаращил глаза Кеша на амуницию приятеля. — Мне такой дадите? Это броник?

— Нет, разгрузка. — Савва метнулся к выходу в сопровождении Лёши. — Отвечаешь за него!

— Само собой, сделаю всё, что смогу.

— Сколько у меня времени?

— Минуты три-четыре.

— Успею.

Савва рванул через парковую зону усадьбы к шеренге елей у забора, перекинул оружие на ту сторону, перемахнул через забор, как заправский гимнаст, присел, разглядывая территорию

соседней дачи, мало чем отличающейся от той, где остались Рудницкий и Лёша. Никакого движения вокруг коттеджа и в саду вокруг него не было видно, дача, очевидно, пустовала, и Савва порадовался этому обстоятельству. Рисковать жизнью живущих здесь людей не хотелось.

Он двинулся вдоль забора, выбирая позицию так, чтобы был виден вход в покинутый дом и въездные ворота. Нашёл густо заросший елями и соснами уголок и щель между досками, через которую хорошо просматривалась территория усадьбы, устроился под невысокой, молодой, разлапистой елью, направляя дуло винтовки на крыльцо дома.

Глава 22. Снос СНОС

Однако события начали развиваться не так, как он рассчитывал.

Сначала позвонил Лёша и сообщил, что гости уже здесь.

— Я никого не вижу, — отозвался Савва, добавил: — И не слышу.

— С катера высадились человек десять в камуфляже, но половина остались на берегу. Не меньше десятка десантировались с двух джипов в центре посёлка и пропали из поля зрения.

— Пропали?

— Пошёл дождь, оптика дрона не берёт движение с высоты в сто метров, да и деревья мешают.

— Итого против нас человек пятнадцать, десантное отделение. СОБР? Полицейский ОМОН?

— Не знаю, но, судя по движению, это профи.

— Хреново, вдвоём не отбиться. Шахова далеко?

— Четверть часа назад связь с ней прекратилась.

— Может, всё-таки начнём переговоры?

— Уверен, что это бесполезное занятие, но я попробую.

Прошла минута.

Вокруг по-прежнему царила шелестящая тишина, дождь не унимался, мелкий, представляющий собой водяную пыль, и видимость снизилась до двух десятков метров. Савва порадовался, что залёг под елью, которая не только скрыла его от посторонних взглядов хозяев дачи, если они вознамерились бы пройти по территории владения, но и защитила от небесной воды.

В какой-то момент стало казаться, что он не один.

Савва активировал слух максимально и стал слышать не только ушами, но и спиной, затылком, всем телом.

Недалеко, буквально в двух метрах, послышался шорох. Кто-то двигался по траве с профессиональной осторожностью и умением перемещаться почти неслышно, невидимый и опасный, как спрятавшаяся в траве змея.

Савва по миллиметру повернул голову налево, скосил глаза, увидел сгусток тьмы между забором и еловой крепью.

Человек в маскировочном комбинезоне двигался вдоль забора к нему, в полуприседе, замирая возле щелей между досками, искал щель пошире, как и Савва несколько минут назад.

Ждать, пока чужак наткнётся на него и поднимет тревогу, значило провалить дело, и Савва, включая темп, начал «змеиное

движение», переходя на «бессозналку», увеличивающую точность активных действий.

Пальцы нащупали шишку.

Ящерицей он отодвинулся от забора на метр, оставив винтовку, бросил шишку на три метра левее.

Человек в комбинезоне замер, повернув голову к тому месту, где упала шишка.

Савва взвился в воздух мангустом и упал на незнакомца сверху, как коршун на добычу.

Противник оказался плотно сбитым крепышом, голову которого, обритую наголо, прикрывала лишь тонкая пятнистая кепка с длинным козырьком. Это помогло довершить задуманное. Никакой приём не остановил бы вскрик застигнутого врасплох человека, поэтому Савва и не стал демонстрировать свой рукопашный боевой арсенал или искать нужную артерию на шее крепыша. Он просто врезал ему рукоятью пистолета по голове, точно по затылку, надёжно отключая парня в камуфляже.

Обыскал, снял с него ремень, стянул им руки за спиной, в рот сунул кепку, оглядел найденные трофеи.

Спецназовец не имел ни одного удостоверения, зато был вооружён снайперской винтовкой «орсис», такой же, какая была у Саввы, пистолетом («макаров-МД»), ножом и дымовыми гранатами. Кроме того, в ухе у него пряталась капля приёмника рации, а под челюстью — капля микрофона. Это была современнейшая рация «Клещ», которая поступила на вооружение спецподразделений ФСБ и разведки ГРУ, что подтверждало оценку Лёши: «мочить» источники утечки информации в лице Бекасова и Рудницкого послали какую-то крутую контору.

Савва снял гарнитуру рации, нацепил себе, чтобы слышать, что будут говорить бойцы прибывшей спецкоманды. Зажал пальцами нос пленнику и отпустил, когда тот дёрнулся и начал шевелиться. Сдавил горло железными пальцами.

— Тихо! Не дёргайся! Пикнешь — задушу! Понял?

Пленник послушно замер, что лишний раз доказывало его профессионализм.

— Понял, спрашиваю?! Кивни!

Бритоголовый судорожно кивнул.

— Кто ты?! Что за подразделение?!

Савва ослабил хватку горла.

— П-по… шёл… ты! — просипел пленник.

Савва сдавил горло сильнее.

— Плохо понял?! Я знаю, что ты вселённый в человека вирус, мне нужно знать, кто носитель. Повторяю вопрос: что за команда?!

— Тебя… всё равно… ликвиднут…

— Это мы ещё посмотрим! Не ответишь — убивать не буду, но покалечу до конца жизни!

— Плевать…

Савва сдавил горло здоровяка так, что тот забился в руках, как раненый кабан, не в силах вздохнуть.

— Говори!

— По… шёл… на…

Савва понял, что ничего от пленника не добьётся. Ликвидация Фигур Влияния, какими стали Савва и Кеша, по словам Виктории, была организована спецназом именно под влиянием программы СНОС, для которой судьба носителей не имела никакого значения. Савва мог не только покалечить любого бойца группы, но и убить, но это не остановило бы развёртку самой программы. Интересно, пришла вдруг неожиданная мысль, что с ними делают, с «всадниками», так сказать, когда они терпят неудачу? Стирают, как ненужный файл, спам?

— Тебя же сотрут, дурак, за провал! Сколько вас?! Говори!

— Хватит… чтобы всех вас… положить…

Пленник внезапно начал яростно сопротивляться, вывернулся из рук, обладая недюжинной силой, открыл рот, собираясь крикнуть, и Савва опустил ему на темя рукоять пистолета.

Спецназовец обмяк.

Савва замер, готовый отреагировать адекватно в случае необходимости, но кругом было тихо. Никто из команды, окружавшей коттедж с беглецами, не услышал возни за забором соседней дачи.

В ухо просочился бестелесный голос командира группы:

— Перекличка.

— Второй — на месте, — доложил кто-то.

За ним послышались голоса остальных членов группы:

— Третий — на месте.

— Четвёртый…

— Пятый…

— Девятый, оглох?

Савва с опозданием понял, что девятым был снайпер, которого он захватил. К счастью, командир отряда не ударился в панику.

— На месте, — просипел Савва, надеясь, что изменение тембра голоса сочтут за попытку ответить тихо.

Так и случилось.

Закончив перекличку и подождав пару секунд, командир подразделения прошипел:

— Пошли!

Савва метнулся к своему лежбищу под елью, вжался в траву, направил ствол винтовки в щель меж досками, отмечая движение группы.

Слева и справа от него послышались тихие шорохи и хруст, прямо напротив, слева от дома, через забор перепрыгнули две плохо различимые фигуры, скрылись в траве и за кустами сирени. Ещё одна пятнисто-зелёная тень объявилась справа от дома, шмыгнула к его стене, под окно.

Савва заметил не больше пяти бойцов отряда, остальные, очевидно, вышли к дому с другой стороны. Мелькнула мысль убрать в первую очередь командира, чтобы группа перестала получать наводку, но его ещё надо было обнаружить, и мысль спряталась в уголке сознания.

Внезапно послышался чей-то громкий голос, сопровождаемый жестяным эхом; говорили в мегафон:

— Командиру спецназа, проникшего на территорию частного владения! Вы обнаружены! Немедленно покиньте территорию! В противном случае открываем огонь на поражение! Выходите на переговоры! Даю десять секунд на размышления! Отсчёт пошёл!

— Сука! — прилетел в наушник рации чей-то сдавленный голос. — Первый?!

— Заткнись, шестой! — прошипел командир группы. — Продолжаем операцию!

— Нас перебьют, как курей…

— Их всего трое-четверо. Седьмой, девятый — дымовары в окна! Второй, третий — броском к двери! Остальные — огонь по окнам по команде!

Савва наконец вычислил командира отряда, находившегося справа от него, у бассейна, его выдало движение руки, указывающей кому-то направление атаки.

— Отсчёт закончился! — взревел мегафон. — Открываем огонь!

— Вперёд! — приподнялся верзила-командир.

Савва плавно потянул за спусковую скобу «Орсиса», и винтовка тихо кашлянула пулей калибра восемь и шесть десятых миллиметра.

Голова командира нырнула за кусты, раздался плеск: тело убитого свалилось в бассейн.

Чуть правее над кустами встала ещё одна фигура, поднимая руку с дымовой гранатой, винтовка кашлянула ещё раз, и фигура с криком исчезла. Над кустами смородины вырос фонтанчик дыма, начал пухнуть, превращаясь в облачко: граната сработала, не успев долететь до цели.

— Мать твою! — изумлённо ахнул кто-то.

Савва нашёл ещё одну голову, выстрелил.

Но это не остановило остальных бойцов группы, получивших приказ идти в атаку. С двух сторон к дому метнулись три зелёно-серые фигуры, и тотчас же сверху, из окна второго этажа, заработал автомат, вычерчивая пулями смертельную синусоиду по траве и кустам.

Кто-то закричал.

Захлопали ответные выстрелы. Бухнул взрыв, разнося входную дверь коттеджа в щепки. В дымный проём прыгнули двое, стрельба началась внутри дома. Там тоже раздались крики.

Савва перестал искать оптическим прицелом нападавших, оставил винтовку и махнул через забор, расширяя сознание до состояния пустоты. Куст рябины осыпал его водяными брызгами, по лицу хлестнула ветка сосны. Но Савва этого не почувствовал, за него сейчас «думал и переживал» второй «я» организма, отвечающий за рефлексное выполнение боевых навыков, и отвлекать его возникающими и тающими мыслями и «лишними» эмоциями было нельзя.

Тень слева: прыжок, рывок за руку на себя, удар в горло…

Ещё один призрак слева, чёрные провалы глаз на белом лице, изумлённый взгляд, в руках «калаш» последнего выпуска: удар по стволу автомата, удар по локтю, удар в челюсть, добивающее ребро ладони по шее сверху вниз…

Выстрел, крик, взрыв недалеко, засвистели осколки, один царапнул щёку.

Савва нырнул вниз, перекатываясь через голову, выстрелил из пистолета, не вставая, трижды.

Крик в ухе:

— Первый, нас кто-то мочит сзади!

— Первый убит, — отозвался свистящий бас. — Бум-бум во все окна!

Уходите! — взмолился в душе Савва, имея в виду Иннокентия и Лёшу.

Справа вырос у окна, замахиваясь, верзила в камуфляже.

Савва выстрелил дважды — в руку с гранатой, потом в плечо здоровяка, укладывая его на землю.

Шею охватил озноб, и он, спасаясь от пуль, снова вынужден был нырнуть вниз, под защиту самодельной скульптуры, изображавшей медведя, перекатился дальше, подхватывая тело бойца с гранатой и прикрываясь им, как щитом. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки (осознание этого факта отстало от самого факта всего на доли секунды), тяжело шлёпнулась в спину верзилы.

Савва понял, что это стреляет очнувшийся снайпер, с

которым он боролся ещё до атаки отряда. Рука сама вывернула ствол пистолета в нужную сторону, палец мягко вдавил курок. Все оставшиеся в обойме пули «зубра» прошили забор ровной линией, будто вычерченной рукой опытного геометра. Сознание в этом процессе не участвовало, тело действовало, подчиняясь интуитивно-рефлекторной части психики, и поэтому не ошибалось даже на миллиметр.

Снайпер больше не подавал признаков жизни.

Савва перезарядил пистолет, отбросил тело убитого спецназовца, прислушиваясь к взрывам и стрельбе в доме с другой стороны, определил вектор своего движения и прыгнул в проём взорванной двери, всё ещё дымящейся, воняющей порохом и жжёным деревом. По его расчётам, от ворвавшейся команды осталась примерно половина, и все они продолжали атаку, несмотря на гибель командира, что говорило, во-первых, о прекрасной оперативной выучке группы, и во-вторых, о запрограммированности бойцов на ликвидацию объекта любой ценой.

Граната, попавшая через окно в гостиную коттеджа, учинила внутри полнейший разгром, а вторая, дымовая, породила слоистое белое облако, скрывшее интерьер. Обострённое чутьё Саввы не обнаружило своих (Лёша и его подопечный, очевидно, скрывались на втором этаже), и он снова дал свободу «бессозналке», хорошо ориентируясь в помещениях дома и обнаруживая противника раньше, чем его замечали киллеры.

Одного «проинтуичил» в коридорчике до гостиной, уложил двумя выстрелами.

Второй, крадущийся вдоль бытового блока с ванной и туалетом, открыл огонь из автомата, и Савва решил поединок в свою пользу броском свето-шумовой гранаты.

Граната лопнула с громовым раскатом (у Саввы едва не лопнули барабанные перепонки, он находился слишком близко от места взрыва), в коридорчике расцвёл ярчайший огненный пузырь, громила в камуфляже с неслышным криком подскочил к потолку, зажимая глаза, и Савва снял его одним выстрелом. Рванул к лестнице, ведущей из гостиной на второй этаж коттеджа.

Интуиция не подвела и на этот раз.

Уже будучи на втором этаже, он змеиным извивом тела скатился в угол лестничной площадки, пропуская очередь слева от себя, буквально в паре сантиметров от затылка, но спрятаться было негде, перила лестницы послужить защитой от пуль не могли, мысль прыгнуть вниз пришла слишком поздно, вторая подняла его с пола: ни одна пуля не убивает человека

мгновенно! — он метнулся в коридорчик, собираясь выпустить в невидимого до сих пор стрелка всю обойму… и едва успел остановить палец на курке.

В глубине коридорчика прогремела короткая очередь, и стрелок выпал из двери первой спальни.

— Не стреляйте! — крикнул Лёша, выходя из двери второй спальни, наискосок от первой.

Савва метнулся к нему.

— Где Кеша?!

— Здесь я, — объявился радиогений, разгорячённый боем и своим участием в нём; он был весь облеплен птичьим пухом, лиловый от волнения, но ни капли не испуганный. — Я в кого-то попал, там, в саду.

— Уходим!

— Сколько их всего? — кивнул Лёша на лестницу.

Савва понял.

— Я успокоил девятерых, это десятый.

— Двоих уложил я, значит, осталось всего двое-трое.

— Надо срочно уходить! Соседи, наверно, уже вызвали полицию. Лучше всего к воде, вдоль берега.

— Нас не пропустят те, с катера.

— Посмотрим. Я начну атаку, прорываясь через центральный вход, вызову огонь на себя, а вы прыгайте со второго этажа, из спальни, на клумбу.

— Я лучше с тобой! — храбро объявил Кеша.

— Пойдёшь с Лёшей! — отрезал Савва.

— А если я ногу сломаю?

— Не сломаешь, да и думать сломанная нога не мешает. — Савва глянул на секретаря Виктории. — Связи с шефом нет?

— К сожалению.

— Работаем!

— Подождите. — Лёша передал майору свой пистолет-пулемёт. — С этим будет проще пробиваться.

— У меня есть гранаты. С чем останешься?

Лёшка, как фокусник, извлёк из воздуха пистолет.

Савва вскинул вверх кулак и тенью прыгнул в пролёт лестницы, растворяясь в пустоте.

Его встретила автоматная очередь.

Однако организм продолжал слушаться подсознания и реагировал на изменение обстановки выше всяческих похвал. На первый этаж полетела граната.

Взрыв потряс лестницу и стены дома.

Инстинкт заставил Савву упасть на ступеньки лестницы и съехать вниз на пузе. Падая, он дал очередь из «кедра», ловя

ожившую струю мрака в проёме двери на кухню. Затем, не обращая внимания на боль под лопаткой (один из осколков гранаты всё же проткнул рюкзак и безрукавку), прыгнул сквозь дым в коридор и дал ещё одну очередь — в туалетную комнату, вскочил на ноги.

Но и противник обладал неплохим боевым опытом, просчитав его дальнейшие действия, поэтому отвечать майору не стал, а дождавшись, когда тот шмыгнёт в небольшой холл коттеджа, к выходной двери, вырос за спиной Саввы смертельно опасным привидением, поднимая ствол автомата.

Савва его почуял, но опередить не успевал, хотя и начал нужное движение, подсказанное «бессозналкой».

Послышался выстрел — одиночный! — а не очередь, как он ожидал. За ним сдавленный вопль.

Падая и одновременно переворачиваясь на спину и поднимая «кедр», Савва увидел в глубине гостиной ещё одно «привидение», спустя доли секунды превратившееся в женскую фигуру, держащую обеими руками пистолет. Это была Виктория.

Верзила, подстерегавший Савву, упал на пол коридора с кровавой дырой в затылке. Выстрелить из автомата он так и не успел.

— Ты! — выдохнул Савва, подхватываясь на ноги разгибом вперёд.

— Где остальные?! — Виктория оказалась рядом, ноздри её раздувались, пунцовые губы отвердели, в глазах тлели гнев и угроза. Подойдя ближе, она дотронулась пальцами до щеки Саввы. — У тебя кровь… где Лёша?

— В саду!

Виктория сделала ещё полшага, и они застыли, глядя друг другу в глаза. Сердце дало сбой. Показалось, что перед ним Лилия! Живая! Руки потянулись к женщине.

— Ты…

Виктория качнула головой, сказала быстро и тихо:

— Очнись!

Савва вздрогнул, слепо глядя на неё, лицо майора исказилось, но Виктория не дала ему времени на взрыв эмоций, положила руку на плечо, проговорила тем же тоном, но мягче:

— Всё потом! Надо выжить!

Савва вздрогнул ещё раз и безмолвно кинулся из дома наружу, возвращаясь в боевой режим.

Алексея и Кешу он обнаружил за правым углом коттеджа. Оба уже выпрыгнули из окна второго этажа и, перемазанные зеленью и влажной землёй, торопливо обходили дымивший изнутри дом; кое-где в окнах первого этажа виднелись языки пламени. Но ни

тушить начавшийся пожар, ни вызывать пожарных времени не было, это понимали все.

Откуда-то бесшумно вынырнул второй спутник Виктории, брюнет с короткой стрижкой, одетый в тёмно-синий костюм и белую рубашку с галстуком. Впечатление было такое, будто молодой человек просто вышел покурить с какого-то официального совещания. Лишь пистолет-пулемёт в его руке несколько снижал эффект появления вежливого чиновника.

— Чисто, — доложил он коротко.

— А мы ещё одного уложили! — радостно похвастался запыхавшийся Иннокентий.

— Однако ты крут, майор, — покачала головой женщина, держа пистолет с профессиональной небрежностью.

— Кто это был?

— Контрразведка Генштаба Минобороны.

Савва ошеломлённо посмотрел на Викторию.

Бойцы этой службы призваны были обеспечивать безопасность центральных органов командования вооружёнными силами России, имели право как на сотрудничество с гражданскими лицами, так и на проведение контртеррористических мероприятий, захват иностранных разведчиков и персон, «преследующих цель нанесения ущерба Российской Федерации».

— С какого бодуна за нами выслали контрразведчиков?!

— Вас взяли в разработку как особо опасных террористов, подлежащих уничтожению в случае сопротивления. Что означает — спущенная сверху, из иезода контроля игры, программа разработана с ювелирной точностью. Как свидетели вы никому не нужны.

— Значит, это не ПСП?

— СНОС.

— И вы эту СНОС, — брюнет усмехнулся, — снесли.

Савва пришёл в себя.

— Ещё не всю, там катер!

— Он нам не нужен, в сотне метров отсюда нас ждёт джип, — сказала Виктория.

— Джип легче отследить и перехватить. — Савва повернулся к Лёше. — Дрон ещё висит над нами?

— Нет, упал.

— Жаль, осмотрели бы акваторию залива и причал с катером. Но всё равно уходить лучше по заливу.

Виктория оглядела лица ждущих приказа помощников.

— Он прав, к берегу!

— Идём первыми, — кивнул на парней Савва. — Пусть

снимут рации с убитых, будем держать связь. Вы с Кешей пойдёте за нами.

— Хорошо, — не стала спорить Виктория.

Через минуту небольшой отряд покинул территорию разгромленного коттеджа, начинавшего полыхать вовсю. Перелезли через забор соседней дачи, помогая друг другу, затем ещё два, ближе к заливу, по счастью, не встретив жителей близлежащих дач, выбежали на улочку, идущую вдоль берега, встретили двух пожилых жителей посёлка, но останавливаться не стали. Нашли ещё одну улочку, совсем узкую, между заборами, спускавшуюся к воде, и разделились.

— Ждите здесь, — шепнул Савва Виктории, испытывая непреодолимое желание поцеловать женщину в ухо. — Мы позовём, когда будет можно присоединиться. Лишь бы рулевой не увёл катер, не дождавшись своих.

Катер оказался на месте, необычных очертаний (скворечник на надувной лодке, пришло сравнение), с не сильно зализанной рубкой, сделанной из пластика и стекла. Он был принайтован к бетонному столбику у деревянного причала и охранялся бойцом в пятнистом комбинезоне стандартного образца, вооружённым автоматом. Боец — высокий, баскетбольного роста, но худой и нескладный с виду, нервно мерил шагами настил причала и посматривал в сторону ближайших дач. Время от времени он вызывал по рации командира группы:

— Первый, Первый, я Берег, почему молчите? Отвечайте!

— Я его сниму! — прошептал Савва, снимая с плеча ремень винтовки.

— А если он не один? — возразил Лёша. — Предлагаю зайти к воде слева, там будки какие-то стоят, поднырнуть, влезть на катер с другой стороны и успокоить рулевого, если он в рубке.

— Я пойду, — предложил брюнет; его звали Валера.

— Иди, — согласился Лёша.

Валера быстро снял костюм, аккуратно сложил его на камни, оставаясь в одних плавках, загорелый, мускулистый, быстрый, и исчез за двумя невысокими строениями на берегу, принадлежащими кому-то из владельцев дач. Как и где он нырнул, Савва не увидел и не услышал. Но ожидание длилось недолго, не больше четырёх минут.

Охраняющий катер «баскетболист», так и не получив ответа от командира, решил уже проверить, почему все молчат, шагнул с причала на берег, и в этот момент на катере что-то стукнуло, он качнулся, затем раздался хлопок, и стекло рубки со стороны причала с треском вылетело.

Спецназовец мгновенно развернулся к катеру, поднимая

ствол автомата, и Савва аккуратно всадил ему пулю в спину, целя так, чтобы не попасть в сердце. Пуля «орсиса» швырнула парня на настил. Выстрелить он не успел. На кокпите катера возник Валера, махнул рукой.

— Вика, бегом на берег! — связался с Шаховой Савва.

Появилась спешащая Виктория в сопровождении возбуждённого до крайности Кеши.

Валера уже оделся к этому моменту и оттащил в сторону раненого контрразведчика, ногой сбросив в воду его автомат, затем отцепил петлю швартова. Лёша стал к штурвалу.

Катер заворчал моторами, отходя от причала, развернулся.

— Куда? — спросил Лёша.

— Там, на той стороне залива, санитарная зона Рублёвского водохранилища, — авторитетно сказал Кеша, притиснутый к дверце рубки. — Слева от Рыбнадзора есть плавучее кафе.

— Откуда ты знаешь? — удивился Савва.

— Был с друзьями недавно, день рождения справляли. Это же бывший Большой Рублёвский карьер на самом деле, заливом его не так давно назвали.

Савва посмотрел на Викторию.

— Что ещё ты там знаешь? — спросила она.

— Левее, ближе к Новой Риге, есть Сохо Кантри Клаб.

— Ещё?

— Рядом с ним Хелипорт Москва.

Глаза Виктории остановились, взгляд ушёл в себя, губы зашевелились, будто она с кем-то неслышно разговаривала по мобильному телефону.

— Хелипорт… хорошая мысль… там должны быть вертолёты, геликоптеры и мотодельтапланы… В качестве точки высадки подойдёт. Лёша, налево через залив, к шоссе.

Секретарь молча шевельнул штурвалом, направляя катер к видневшейся в километре полосе берега с кучей разнообразных мачт и строений.

Дождь прекратился, но тучи по-прежнему закрывали небосвод, не давая солнцу осветить красоты пейзажа.

— У меня патроны кончились, — сказал слегка успокоившийся Кеша.

— Они тебе больше не понадобятся, — отозвался Савва. — Что дальше, ангелы-хранители? Есть шанс уйти?

Никто ему не ответил.

Он повернул голову к Виктории, стоявшей в тесной рубке с безучастным видом.

— С кем ты консультировалась?

— Что?

— Ты говорила, что тебе нужно проконсультироваться.

Виктория очнулась, провела рукой по лицу, поискала что-то глазами.

— Здесь есть на что можно присесть вдвоём?

— Там типа лавки на корме, за рубкой, — сказал Валера, — перед моторами.

— Идём, — потянула женщина Савву за рукав.

Он послушно последовал за ней. Выбрались из рубки, поёжились под ветром от движения катера, сели на пластиковую серую скамейку перед двумя ревущими моторами.

— С тобой хотят поговорить.

— Кто?

— Тот, кто послал к вам меня.

Савва с недоверием заглянул в глаза Шаховой.

— У тебя с ним есть связь?

Виктория не отвела взгляд.

— Односторонняя: когда ему нужно, он появляется.

— Ладно, звони ему, я готов.

По губам Виктории пробежала улыбка.

— Звони… телефонной связи с Царцахом не существует. Можно, я тебя… обниму?

Скулы свело. Савва облизнул губы, не понимая.

— Зачем?

— Не бойся, не укушу. Или я тебе неприятна?

— Ты же знаешь…

— Обними.

Виктория подсела ближе, прижалась к нему, положила руки ему на голову, прошептала:

— Он сейчас перейдёт…

Тишина упала на голову, за ней темнота. Однако никаких неприятных ощущений он не испытал, разве что в какой-то момент зрение восстановилось, и Савва почувствовал, что под черепом кто-то есть чужой, призрачно-объёмный, дышащий, живой.

— Кто… здесь?! — проговорил он вслух.

«Прошу прощения, дружище, — ответили ему. — Я мог бы обойтись и без посредника, но стрессы переживать нам ни к чему. Меня зовут Амазон. Для друзей я Архангел».

— Оператор…

«Говори мысленно, я слышу».

«Вы знаете, что происходит…»

«Знаю, к вам запущен вирус СНОС».

«Мы его, кажется…»

«Носитель нейтрализован, но программа перезапущена, и в

скором времени команда ликвидаторов обретёт вторую жизнь».

«Значит, всё напрасно, выхода нет?»

«Есть, но он требует нестандартных решений и смелости».

«Я не трус…»

«Знаю, поэтому и хочу предложить один вариант. Я перенесу тебя к нам, в наш мир, где ты, обладая нужными навыками и опытом, сможешь нейтрализовать главного заказчика перестройки вашей метареальности. Самсунга».

«Как же вы меня перенесёте? Я же… — Савва поискал нужные слова, — информационная тень, подпрограмма…»

«Ты обладаешь душой, мы называем эту категорию живого ПСС — психосоматической структурой, она легко угнездится в голове здешнего носителя».

«Это будете вы?»

«Нет, у меня есть доброволец, мой друг, его имя — Делл. Он согласится взять тебя, — собеседник хмыкнул, — на постой, в качестве квартиранта. Среди населения Царцаха трудно найти хороших комбатантов, а уж профессиональных мастеров воинских искусств можно пересчитать по пальцам. Однако все эти мастера не входят в круг моих друзей. Решай, времени у нас очень мало».

Савва растерялся. Виктория предупреждала его о варианте перехода в мир Царцаха, но одно дело обсуждать процесс теоретически, другое — решать проблему в практическом ключе.

«Вы… преувеличиваете… мои возможности».

«Я знаю тебя лучше, чем ты сам», — мягко рассмеялся собеседник.

«Дайте пару минут подумать…»

«У нас нет пары минут».

Савва не обратил внимания на эту оговорку, подумав, что Архангел просто торопит его как колеблющегося человека.

«Я пойду к вам… один?»

«Иннокентий Рудницкий уже согласился».

«Вот жук! А мне — ни слова! Но возникнет проблема… наши тела… Ведь если мозги сбегут, образно говоря, тела останутся без хозяев? Кто за ними будет ухаживать?»

«Проблема легко разрешима, не беспокойся, к вам спустится команда обслуживания ВИП».

«Хорошо, последний вопрос: Виктория… э-э, Шахова, останется здесь, в Москве, или вернётся назад, домой?»

«Она лишь реализованная физически — на вашем уровне — программа защиты Фигур Влияния».

«Значит, она погибнет?»

«Не понимаю твоей тревоги».

«Для меня она… живой человек!»

Собеседник сделал паузу.

«Мы подумаем над перезаписью программы хранителя. Ты согласен?»

Савва невидящим взором окинул хмурое небо, акваторию залива, приближающийся берег, катер, фигуру Виктории рядом.

«Не хочу больше… терять…»

«Это можно понимать как согласие?»

«Да…»

«В таком случае добро пожаловать в мою Вселенную!»

И мир вокруг сжался в точку, словно изображение на экране телевизора.

Глава 23. У человека жизнь одна

Голова Саввы с закрытыми глазами лежала у неё на коленях, и Виктория, неожиданно для себя, по-матерински погладила его по волосам. Чего греха таить, он ей нравился, однако она ничего не могла ему предложить, кроме дружбы, а этого ему было недостаточно. Он по-прежнему любил жену, жаждал встречи с ней и на похожую на неё женщину обращал внимание лишь из-за её сходства с погибшей.

Губы сами собой сложились в грустную улыбку, беззвучно произнося:

— Бедный майор… лучше бы ты был нормальным челом, а не Персоной Воли. Жизнь у человека одна…

Щёлкнула дверь рубки, на палубу вышел Валера, кинул взгляд на Савву.

— Говорят?

— Наверно.

— Мне его жаль.

— Мне тоже. Таких людей мало.

— Мне нравится быть челом. Остаться, что ли?

— Мир людей слишком жесток, беспощаден и капризен.

— Мы сами сделали его таким.

— Не мы с тобой, а наши создатели, но в принципе ты прав.

— В эфире буча: стрельбу в Мякинино слышали многие, поднят по тревоге полицейский ОМОН Северо-Запада плюс пожарные команды. Боюсь, мы не успеем уйти далеко.

— Я вызвала спас-монаду, нужно только добраться до вертолётной площадки.

Оба посмотрели на берег с лесом антенн, до которого оставалось не больше полукилометра. И в этот момент сквозь гул двигателей катера раздался нарастающий лопочущий грохот, и на катер из туч выпал вертолёт с четырьмя подвесками неуправляемых ракет — по две по бокам фюзеляжа; это был военно-транспортный «Ми-171Ш». Он пролетел над катером на высоте сотни метров, развернулся по дуге, поднялся повыше и понёсся навстречу катеру, словно дракон в атаку.

— Кажется, наше пребывание в мире людей не будет долгим, — хладнокровно сказал Валера, — СНОС перезагрузили.

Виктория сняла с колен голову Бекасова.

— ПЗРК есть?

— Нет, да и поздно.

— Тогда возвращаемся. Все!

— А подзащитные?

— Они уже там, оба.

— Но их тела…

— Потеря носителя — ещё не смерть! Уходи!

Валера бросил на палубу пистолет, расправил плечи.

— У людей есть выражение — стоять насмерть. Нам предлагают сделать то же самое.

— Только не стоять, а лежать насмерть.

Валера улыбнулся… и опустился на палубу катера у ног Виктории.

— Лёша! — крикнула она.

Катер замедлил ход. Секретарь выглянул из рубки.

— Уходи!

Молодой человек послушно напрягся и упал лицом вниз, не закрыв дверцу.

Виктория глянула на лежащих помощников, на неподвижного Савву, проговорила задумчиво:

— Мы встретимся, майор, но захочешь ли ты видеться со мной?

Она вздрогнула, шире открывая глаза, и опустилась рядом с Валерой, смотрящим в небо невидящими глазами.

С двух круглых подвесок по бокам вертолёта сорвались огненно-дымные стрелы, понеслись к остановившемуся в сотне метров от берега катеру, и в небо взвились пламенные смерчи взрывов, разнося его в клочья.

Глава 24. Тьмутаракань

Переселение в другое человеческое тело, возможно, является одним из самых древних человеческих суеверий, глубоко вошедших в легенды, мифы, фольклор и мечты многих народов мира. В каждой стране есть истории о духах, ангелах и драконах, способных по собственной воле входить в человека и выходить из него.

Савва где-то читал, что очевидцы таких явлений умели входить в трансовое состояние, при котором сознание покидает тело и может свободно путешествовать в пространстве и даже видеть собственное тело со стороны, после чего и начинались описываемые ими внетелесные переживания. Самые драматичные из них были связаны с околосмертными впечатлениями тех, кто был объявлен мёртвым, но таинственным образом вернулся «с того света». Савва слышал об этом, но сам не переживал ничего подобного. И вот ему предоставили шанс «посмотреть на тот свет чужими глазами» и оценить его реальность.

Сначала он упал в бездну мрака!

Падение было недолгим, мрак по сторонам превратился в мчащиеся навстречу световые полосы, и спустя несколько мгновений этот немыслимо быстрый огненный тоннель вынес его внутрь мерцающего светового пузыря, напоминающего пещеру, заполненную светящимся туманом.

Тени заплясали вокруг, похожие на более тёмные дымные струи. На тело и голову обрушился целый каскад странных звуков и ощущений. Казалось, в каждый нерв, в каждую клеточку тела вонзились тонюсенькие иголочки, порождая волны сотрясений мышц всего тела, заставляя его шевелиться в поисках более комфортного состояния.

Мысли растеклись по всему объёму пещеры, потом собрались в один узел, и на Савву обрушился водопад знаний, которых он никогда не получал в жизни.

Чувства смешались.

Голову объяло нежгучее пламя, по спине, по груди, ногам, побежали струи мурашек.

Туман в пещере распался на клочья и пропал. Вокруг проступили ячеистые, светящиеся изнутри, янтарные стены помещения в форме купола.

Савва лежал, одетый в необычный перистый халат, на мягком лежаке, поднятом под углом в сорок пять градусов.

Напротив лежака на мозаичном полу стояли двое мужчин и молча разглядывали лежащего, с любопытством и

настороженностью. Один был одет в странный комбинезон, отсвечивающий жемчугом, вздувающийся пузырями на предплечьях и на бёдрах, словно под материалом скрывались гипертрофированно накачанные мышцы. Второй носил нечто вроде римской тоги золотистого цвета, разрисованной ползущими по материалу светящимися спиралями и символами. У обоих были бледные, почти белые вытянутые лица с большими, широко расставленными глазами, у первого — фиолетовыми, у второго — янтарными, прямые носы, узкие подбородки и широкие скулы. Причёска первого напоминала рыцарский шлем со множеством выступов, у второго волосы поднимались серебристо сверкающим высоким ёжиком.

Несомненно, это были люди, но с массой мелких отличий и деталей, не сразу бросавшихся в глаза.

Водопад информации в голове Саввы осел пеной струек понимания. Он осознал себя сапиенсом по имени Делл, хотя и не потерял свою личностную идентичность как майор Савва Бекасов.

— Архангел… — выговорил он непослушными губами, глядя на серебристоголового.

Губы, глаза, лицо мужчины текуче изменились, изобразив целый букет оттенков чувств, главными из которых были участие и приветливость.

— Узнал.

— А меня помнишь? — так же многодиапазонно и текуче улыбнулся его сосед.

— Эппл… Беспут.

Мужчины засмеялись.

— Ну, а себя ты кем ощущаешь?

Савва прислушался к бегающим по телу токам, к пульсации крови-энергии в голове. Осторожно сел на лежаке, внезапно превратившемся в кресло.

— Я… Савва… Бекасов…

Шевелившийся под черепом «крот» второго «я» — Делла попытался стиснуть «я» Саввы невидимыми лапами, они схватились как борцы на татами, пытаясь подмять друг друга, но Савва оказался сильнее, «загнал „крота“ в угол», погрозил пальцем: не шуми! ничего дурного я не сделаю!

Стоящие напротив поняли причину его короткого молчания.

— Савва? Или Делл?

— Савва, — проворчал он.

Шлемоволосый посмотрел на спутника.

— Кажется, ты в нём не ошибся.

— Прими совет, дружище, — сказал серебристоголовый. — Побыстрее разберись с генетической информацией Делла, чтобы

не получить шок и не реагировать на наш мир как на причуды больного воображения. Мир Царцаха пространственно богаче и намного шире любых человеческих фантазий.

— Разберусь, — пообещал Савва, начиная осваивать чужое тело: подвигал руками, ногами, напряг мышцы, — тело понравилось, достаточно мускулистое, подвижное, сильное, хотя и с некоторыми странностями (иногда казалось, что у него не две руки, а две с половиной), — встал. — Где я?

— Тьмутаракань, — сыграл гамму улыбок Беспут, получивший это имя-прозвище ещё в молодости как сокращение двух слов: Бесстрашный Путешественник (память Делла сама выдала эту информацию, подчиняясь воле «наездника»).

Вспомнил Савва, мгновением позже, и значение слова Тьмутаракань. Вообще хозяева этого мира разговаривали на русском языке, но с необычным акцентом, образовывающим ореол «дополнительных» звуков и интонаций.

— Пограничная застава Царцаха, — добавил путешественник. — Пришлось бежать подальше от ищеек Следственного Комитета Службы Защиты.

Савва осторожно прошёлся по рифлёно-мозаичному полу, ощущая подошвами босых ног (пять пальцев, ногти, сорок третий размер, ничего лишнего) тёплую шелковистость материала. Поискал глазами тапочки, машинально, не думая о последствиях, и на ногах тотчас же сформировались из воздуха сандалеты, похожие на арабскую обувь с загнутыми носами.

Память Делла услужливо подсказала название обуви — домоступы и смысл процесса, сводящийся к слову «мысследел».

— Ох ты! — пробормотал он.

— Привыкай, — сказал Архангел, по непрерывно текучему лицу которого промелькнул каскад намёков на улыбку. — Наш мир имеет нецелочисленное количество измерений, больше трёх, но меньше четырёх, возможны необычные для вашего чувственного опыта и зрения эффекты.

— Я уже понял.

Привлекло сияние ячеистых стен помещения.

— Золото? — кивнул Савва на выпуклые края геометрически правильных шестиугольников.

— Янтарин, — качнул головой Беспут-Эппл. — В отличие от ваших ценностных ориентиров, у нас золото не в чести. Лёгкие металлы гораздо дороже — бериллий, алюминий, титан, хотя они имеют немного другие названия. Причём в чистом виде они не используются, можно изготовить любую вещь из керамитов.

— Нанотехнологии…

— Мимания.

— Как?

— Микроманипуляции. Другое название этих технологий — БОГ.

Савва кивнул. Аббревиатура БОГ означала — «без ограничений».

Из ячейки стены напротив Саввы высунулся на мгновение перламутровый шарик на тонком усике, похожий на человеческий глаз, спрятался в ячейку обратно.

Савва с любопытством оглядел ячейку, мигнувшую оранжевым лучиком. «Глаз» являлся одним из датчиков полностью автоматизированной системы обслуживания помещений и строений заставы вообще, но к ним надо ещё было привыкать. Психика гостя адаптировалась под непрерывное шевеление и мерцание интерьера медленно, то и дело напоминая гостю, что он — существо из другой реальности, причём — игровой.

— Есть хочешь? — спросил Архангел, наблюдая за ним.

Савва прислушался к телу хозяина-носителя.

— Пить…

— Я подготовлю рум отдыха, — сказал Беспут, делая шаг к стене и растворяясь в ней без следа.

Савва посмотрел на стену, размывшуюся на секунду в дымно-шерстистую пелену и тут же восстановившую рисунок ячей.

— Волшебство…

— Трансформ.

Архангел протянул руку к стене, вынул из неё прозрачный стакан с какой-то жидкостью, протянул Савве.

— Слэш, успокаивает.

Савва напился, бросил стакан в стену, и тот исчез.

— Где мы?

— Это операционный бокс, мы поместили тебя сюда на всякий случай, во избежание негативных последствий переселения. Не у всех переселенцев реакция на этот процесс спокойная.

— Были прецеденты?

— Не со мной, но были.

— Значит, я могу выйти отсюда?

— Ты не в изоляторе, придётся выходить в любом случае.

— Тогда вперёд.

— Уник.

— Что?

— На тебе сейчас автэк, иными словами — больничный халат с кучей датчиков состояния, надо переодеться.

— Как?

— Посоветуйся с Деллом.

Савва покопался в чужой памяти, постепенно обретая свободу действий. Хозяин не мешал, излучая дружеские чувства. Савва успокоил разбежавшиеся мысли, замер под оценивающим взглядом Архангела, провёл рукой по халату на груди, и автэк упал к его ногам грудой перьев, меняя цвет и форму, пенясь, как шапка мыльной пены в ванне.

Из-под кресла метнулось серебристое щупальце, ухватило «шапку пены» и убрало под кресло. Оно же вынесло объёмный пузырь ртути — по первому впечатлению, протянуло Савве. Руководствуясь подсказками Делла, он не слишком ловко начал навешивать на себя «ртуть», и бликующий жидким металлом свёрток сам собой развернулся по его фигуре ажурно-блестящим комбинезоном, плотно обтянувшим торс и плечи и свободно обнявшим ноги странными ребристыми «штанами».

Стена бокса выдавилась светящимся всплеском, вылепила из себя фигуру человека, превратившуюся в Беспута. Увидев «жидкометаллическую скульптуру» Саввы, он выдал каскад тающих полуулыбок, весело воздел руки к потолку.

— Мы прогрессируем?

Савва смутился, «вспомнил» особенности надетого костюма, небрежно похлопал себя по плечам, по животу, и уник, будучи универсальным трансформером, выдал одну из модных комбинаций одежды для мужского населения Царцаха — деловой слип, представляющий собой, на взгляд гостя, генеральский мундир с эполетами пополам с чешуйчатой кожей змеи и элементами циркового трико.

— Так лучше?

— О! — в один голос проговорили сапиенсы.

— Показывайте заставу.

Архангел сделал приглашающий жест, и в ячеистой стене бокса протаял фигурный проём выхода.

Савва смело шагнул в проём, углубился в коридор с «дышащими» стенами, который вывел всех троих в зал, уже знакомый Деллу как рум управления пограничной заставой, но совершенно не знакомый гостю.

Правда, особого впечатления на Савву ни зал, ни весь комплекс строений заставы не произвели. Во-первых, он понимал функциональное назначение форта, хотя пограничные заставы России, с которыми он был знаком, значительно отличались от царцахских. Во-вторых, память Делла успела провзаимодействовать с сознанием «наездника», и он знал, с чем имеет дело.

Весь комплекс состоял из шести строений разной формы,

объединённых в пятиконечную звезду с центральным «штабом» и обнесённых мощной стеной с бойницами, напоминающей кремлёвскую.

Пять островерхих башен высились по углам пятиугольника. Шестая башня, высотой с десятиэтажный жилой дом где-нибудь на окраине Москвы, представляла собой красивый сросток кристаллов, который венчала «корона» верхнего сторожевого поста, оборудованного аппаратурой контроля за прилегающей к заставе территорией.

Из пяти краевых башен три являлись, по сути, ангарами для роботехники, летающей и бегающей, в одном из двух оставшихся располагалась энергостанция, в последней — бытовые комнаты и столовая.

Центральная башня вмещала комплекс Умника, зал управления, линию доставки, оружейную палату и спальни для пограничников.

Обслуживали весь комплекс заставы всего пять сапиенсов, из которых только командир отряда был из касты второго уровня — эрудированных, остальные пограничники — здесь их называли совершенно по-русски — крепостными, входили в низшую касту сервов.

Савва с интересом осмотрел все помещения форта, хотел было ознакомиться с оружейной палатой, но туда его не пустили.

— Нужен приказ о допуске, — заупрямился командир заставы по имени Стас; впоследствии оказалось, что это имя представляет собой аббревиатуру из двух слов: Старый Служака.

— Позже, — пообещал Архангел, не отходивший от Саввы-Делла ни на шаг. Было видно, что он присматривается к его поведению и анализирует соответствие своих впечатлений от действий Саввы на Земле.

Однако больше всего Савву поразила «горная» местность вокруг Тьмутаракани.

Ландшафт напомнил ему внутренности пористой губки, сплетённой из жил, кристаллов и морских полипов, образующих слоистые стенки ячеек-пор. Застава располагалась в одной из таких ячеек с довольно ровным дном площадью около двух квадратных километров, и к ней можно было приблизиться только сверху, из «космоса», сквозь дыру в сплошных зарослях Великого Мха.

Солнца с поверхности заставы — сапиенсы назвали его светозаром — практически никогда не было видно, и этот край, удалённый от Царцаха на пять тысяч лиг, или на двадцать пять тысяч километров, Савва невольно сравнил с российским Заполярьем, где по полгода не бывает видно солнца.

Удивляло, что суточные колебания света в этом мире не отличались от земных, хотя сапиенсы жили не на поверхности вращавшейся вокруг своей оси планеты, как Земля. Местное светило в центре гигантской пустоты, почти сравнимой по размерам с межгалактическим войдом земной Вселенной, не являлось звездой в полном смысле этого слова, а представляло собой очаг «горения времени», процесс которого шёл с периодическим затуханием. Поэтому здесь не существовало времён года, зато существовали времена суток, состоящих из минут и секунд, равных земным, а также утро, день, вечер и ночь. Не было только природных явлений, таких как приливы и отливы в водоёмах Земли, ураганы, тайфуны и грозы. Их заменяли орканы — воздуходувы, то есть потоки воздуха, выдуваемые из пор между жилами Великого Мха, землетрясения (точнее — мохотрясения), порождаемые оседанием жил и стеблей в глубинах Великого Мха, и электрические бури.

Два дня Савва потратил на изучение окружающего заставу ландшафта и даже прогулялся в сопровождении старожилов-пограничников по лабиринтам ближайших к Тьмутаракани Мёртвых Столбов. Именно оттуда, из пещер и проходов между «жилистыми» скалами, вылезали орды орков, намеревающихся напасть на Царцах и захватить как можно больше пленных, в основном — женщин, и тогда пограничники активировали весь свой боевой арсенал, отражали нападение и ждали, когда из метрополии прибудет помощь.

На третий день возбуждение переселенца немного спало, он освоился со своим положением и потребовал от хозяев объяснить ему цель переселения.

Собрались в центральном посту форта, кольцевой экран которого жил своей жизнью, показывая проходы в лабиринтах Мхов и опасные пещеры. За самыми обыкновенными пультами (такие существовали в центрах управления производствами и на Земле) сидели двое крепостных, одетых в зелёные с синим уники — чисто киборги, как называл их про себя Савва. Командир пограничников Стас в это время совершал облёт близлежащих Столбов, следуя много сот лет назад написанным инструкциям. Застава давно перестала играть роль передового защитного форта, однако её обитатели исправно несли свою службу, забытые теми, кто обязан был контролировать границы мира.

Савва оглядел собравшихся заговорщиков. Всего присутствовало пять сапиенсов, не считая Делла, носителя Саввы: Айбиэм (Айсберг Был Его Матерью) — телохранитель Архангела-Амазона, он сам, Беспут, деловар Сената по имени Вистрон и бывший сослуживец Делла, боевой мастер Коттин, массивный,

чёрнолицый, обладавший впечатляющей мускулатурой и сверкающими льдом глазами. Савва уже знал, что мускулатуру в мире Царцаха можно было вырастить за пару сеансов биотрансляции, но, по отзывам самого Делла, Коттин всерьёз занимался спортом и поддерживал физическую форму без анаболиков.

— Где Кеша? — вспомнил Савва о своём приятеле; он задавал этот вопрос сразу после переселения, ему ответили, что Рудницкого благополучно пересадили в псисферу одного из соратников Архангела — учёного, и Савва успокоился, в суете и заботах забыв о Кеше.

По чрезвычайно подвижному лицу Архангела пробежала тень.

— Он пока не адаптировался.

— Не понял? — удивился Савва. — Что это значит?

— Он… нервничает.

— Требует относиться к нему как к гению, — добавил Эппл-Беспут с осуждением и одновременно с сожалением.

Савва помрачнел, отмахнулся от очереди орбов, к которым уже начал привыкать как к детали пейзажа.

— С ним это бывает. Я поговорю с Рудницким.

— Было бы здорово, если бы ты его успокоил, мы не хотим ограничивать его свободу.

— Где он?

— В Подцахье, в доме носителя. Мы можем доставить его сюда.

— Не нужно, это приведёт его в ярость, а когда Иннокентий возбуждён, разумные доводы на него не действуют.

Присутствующие обменялись говорящими взглядами.

Поначалу Савва думал, что родичи Архангела общаются между собой мысленно, однако ошибся, мыслесвязь в мире Царцаха по каким-то чисто физическим причинам была невозможна, они говорили так же, как говорят люди, хотя зачастую лица сапиенсов отражали их мысли так эмоционально, что слова не требовались.

— Ещё вопрос: эта программа… ангела-хранителя… Виктория Шахова… осталась в Москве?

Новый обмен взглядами, отражавший череду эмоциональных откликов, главными из которых были смущение и сожаление.

— Я не стал сообщать сразу… — огорчённо и с большой долей вины сказал Архангел. — Программа свёрнута.

— Прекрасно, она сделала своё дело. Значит, Виктория вернулась?

— Можно сказать и так. Файл программы хранится у меня на хроностопе.

— Где?

— Вы называете такие носители информации флешками.

— Его… файл… можно восстановить? Вернуть физический облик?

Архангел озадаченно посмотрел на Беспута.

— Без проблем, — пожал плечами путешественник, — но зачем тебе это?

Савва сдержал резкий ответ. Тоска по Лилии вспыхнула вдруг с такой силой, что он едва не застонал.

— Мне… не хотелось бы… объяснять.

— Виктория — материальная копия твоей подруги.

— Что?!

— Ты этого не знал? — удивился Беспут. — Я имел в виду, что Архи скопировал физический облик защитной программы с облика ВерЛюбы, подруги Делла. Мог бы заглянуть в его память.

Ошеломлённый известием Савва пожевал губами, не сразу приходя в себя.

— Я не хотел копаться в личном…

«Благодарю», — пробился в сознание бестелесный голос Делла.

— Ты её увидишь, — добавил Беспут. — Она член нашей команды и скоро присоединится к нам.

— Не надо! — вырвалось у Саввы. Он поймал взгляд серебристоголового, выражавший колебания и сомнения, понял, о чём думает главный инициатор его появления в мире Царцаха, постарался вернуть себе уверенный вид. — Извините, я просто взволнован. Виктория похожа на мою жену, Лилию…

— Это была моя задумка, — огорчённо признался Архангел, — не совсем правильная, как оказалось, прости меня. Вернуть твою жену в полном физическом варианте я не смогу, носитель будет похож, но не идентичен, особенно — в области психики и памяти.

— Не надо… никого… возвращать. Я бы хотел встретиться… с Шаховой.

— Мне кажется, это можно устроить, — сказал путешественник. — Мы можем переселить её к ВерЛюбе, если она, конечно, позволит. Делл, как ты думаешь?

Савва дал волю носителю.

— Не знаю, — ответил Делл, — возникнет непредсказуемая ситуация.

Савва его понял. Сапиенс подумал о возможности конфликта между ним и гостем, поскольку обоим нравилась одна и та же женщина. И ещё неизвестно, как бы себя повела ВерЛюба, кому отдала бы предпочтение.

— Вопрос закрыт, — сжал зубы Савва. — Что ещё вы хотели мне сказать?

На лицах присутствующих снова отразилась гамма чувств, переживаемых ими на уровнях глубинной психики.

— Вас стёрли, — виновато произнёс негроид Коттин.

— В каком смысле? — не понял Савва.

— В прямом, — сказал Беспут.

— Команда Виктории успела переправить вас к нам, но не смогла уберечь ваши носители. Отряд СНОС уничтожил катер вместе с вашими телами.

Савва сглотнул, посмотрел на Архангела, но в глазах сапиенса не было улыбки, только сожаление, печаль и сочувствие.

— Вот, значит, как…

— Мы не успели усилить программу защиты, прости.

— Значит, я не смогу вернуться?

— Почему? Сможешь… в другое тело.

Савва бледно усмехнулся.

— Очень оптимистично. Кеша знает, что потерял… носителя?

— Ещё нет.

— Вас ожидает ураган чувств.

— Мы понимаем. Но, может быть, он не захочет возвращаться?

— И жить всё время в чужом теле?

— Можно предложить ему биос.

— Что?

— Искусственное тело, ни в чём не уступающее живорождённому. Да и тебе тоже.

— Спасибо, я подумаю. Но вернёмся в тему. Ради чего вы меня выдернули из моей реальности?

— Кое-что тебе уже сообщила Виктория, — сказал Архангел. — Ваша земная жизнь представляет собой сложную программу, которую мы можем корректировать. Но в последнее время этот процесс из-за вмешательства оператора Самсунга…

— Самого Совершенства, — криво усмехнулся Савва.

— Так он себя величает, — ответно усмехнулся Архангел. — Да и родовое имя тоже претендует на генетическую особенность линии. Самсунг — это аббревиатура…

— Самый Совершенный Ум…

Архангел сокрушённо поиграл лицом.

— Извини, иногда я забываю, что Делл уже сообщил тебе детали нашего мироустройства. Итак, обещаю не отвлекаться. Да, мы можем корректировать земную…

— Минуту! — поднял палец Савва; его вдруг обдало жаром от пришедшей на ум мысли. — Если вы можете корректировать

события в нашей реальности… нельзя ли вернуться во времени назад и не допустить гибели мой жены?

По лицам присутствующих пробежали резонансы чувственных переживаний.

Беспут покачал головой.

— Время — заданный параметр для вашей метавселенной, его нельзя отмотать назад и поменять базовые условия программы, иначе начнутся сбои и разрывы игрового объёма. К тому же любое вмешательство в базовые принципы игры пресекается Умником.

Савва кивнул.

Умником сапиенсы называли БСМ — Большую Счётную Машину, а по сути — глобальную компьютерную сеть Царцаха, которая и поддерживала игру.

— Значит, Лилию мы не спасём.

Архангел красноречиво развёл руками.

— Может быть, для людей мы и ангелы… равно как и бесы… но не боги, свободно меняющие физические и этические законы.

— Зачем я вам нужен?

— Самсунг решил не только откорректировать движение вашей цивилизации к совершенству, но изменить те самые базовые установки, на основе которых творец игры…

— Империл?

— Император Иллюзий… да… на основе которых Империл создал игровой объём, то есть вашу метареальность, что и доказал ваш гениальный приятель. Надо остановить Самсунга. Или в крайнем случае ограничить. Иначе ваш разум ждёт чёрная дыра деградации и всеобщего уничтожения.

— Остановить… ну, разумеется, это единственное решение. Почему же вы сами не можете остановить его?

Лицо Архангела стало удручённо-сконфуженным.

— Если быть предельно откровенным, население Царцаха потеряло двигающую вперёд пассионарность. Мы живём по инерции. Никто не хочет исследовать Вселенную. Во главу угла поставлены принципы получения удовольствий, что отразилось и на вашей реальности: «бери от жизни всё!» — и развлечений. Но это отдельная тема для беседы. Мы хотим просить тебя помочь ограничить Самсунга… вашими, человеческими, методами.

— Почему именно меня?

— Потому что ты профессионал-воин, у нас таких мало, а те, кто ещё остался, не сочувствуют нам.

Савва помолчал, краем глаза ловя прогуливающегося по залу кота, у которого менялось количество ног и форма тела. Известие о собственной гибели (потеря тела по сути и означала гибель

личности) его не особенно расстроило. Он был готов к такому повороту событий, хотя и не стремился умереть «смертью храбрых». И даже невозможность вернуться в родное тело и в родную среду не привела к шоку и не обескуражила. Это можно было пережить. Но вот жить как раз и не хотелось после гибели жены, и не было видно ни одной женщины, которая бы её заменила.

— Ты один? — посмотрел он на собеседника.

— Что? — не понял Архангел.

— У тебя есть любимая женщина?

Сапиенсы обменялись озадаченными взглядами.

— Мы не живём с женщинами ради потомства…

— Я не об этом. У тебя есть любимая женщина?

По лицу Архангела метнулись вибрации разнообразных эмоциональных состояний от смущения и недоумения до упрёка и укоризны.

— В общем-то… нет.

— Я так и думал. Нет смысла продолжать выяснение ваших жизненных принципов, вы не знаете, что такое — смерть любимого человека.

— Ты… отказываешься?

Савва мрачно усмехнулся, убеждаясь в правильности своей оценки «неполноценности ангелов». Они жили и относились к близким иначе.

— Пока думаю. У этого вашего соперника есть команда соратников? Телохранители? Связи в спецслужбах?

— Есть, — подтвердил Беспут.

— Как вы собирались добиваться цели? Самсунга нужно либо уговорить, либо изолировать, либо вообще убить.

— Уговорить не удастся, — сказал Архангел. — Я пытался.

— Изолировать, наверно, тоже не получится, — добавил Коттин.

— Убить?

— Это совершенно крайняя мера… — начал Вистрон.

— Но вы хотите остаться живыми? Или будете прятаться на заставе всю оставшуюся жизнь?

Компания «поговорила» между собой вибрацией лиц.

— Понимаешь, никто из нас не пойдёт на…

— На мокрое дело.

— Н-ну да… Во-вторых, Самсунга прикрывает Служба Защиты с огромным ресурсом. У нас такого нет. Нейтрализовать же всю Службу…

— Нереально! — закончил Беспут.

— Прекрасно! Вы затеваете заведомо безнадёжное дело и

верите в успех?

— Мы надеемся на тебя, — с неожиданной робостью проговорил Беспут. — Ведь ты поможешь?

И Савва не смог найти возражений в ответ на эти слова, полные ожиданий, надежды и веры.

Глава 25. Меж ангелом и зверем

К удивлению Саввы, Кеша отнёсся к новости о потере тела равнодушно.

— Да и чёрт с ним, — отмахнулся он, точнее, его здешний носитель по имени Лучмал; полным именем — Лучший Малыш — его называли редко. — Я пока никуда не собираюсь, мне и здесь нравится. Эти сапиенсы ничего мужики, но мне в подмётки не годятся.

— Ты об этом поменьше болтай, — посоветовал Савва. — Это я спокойно выдерживаю твои выбрыки, а здешние мужики могут и по сопатке врезать… за барские замашки и гениальность. А то и в хроностоп засунут.

— Пусть попробуют! — фыркнул Кеша-Лучмал, похожий на располневшего штангиста-тяжеловеса. — Теперь я в этом теле хозяин.

Действительно, Рудницкий заселился в новое тело уверенно и без каких-либо переживаний, быстро «скачал» из памяти носителя жизненно важную информацию, дважды прогулялся по Царцаху и на третий день пребывания в новой роли подсел к терминалу персональной МСМ — Малой Счётной Машины, как здесь называли компьютеры. Необъятная информационная ёмкость МСМ звала его на подвиги, и он увлёкся тем же, что делал дома, в Москве: «завис» в местном «Интернете», который сапиенсы называли Универсумом.

Савва тоже совершил пару экскурсий по Царцаху, пользуясь подсказками Делла. Впечатлений было много. Архитектурой Вечного Города, как уважительно называли Царцах сами жители, можно было любоваться долго, настолько гармонично вписали архитекторы строения в ландшафты Великих Мхов. Многие замки и башни казались узнаваемыми, так как были воплощены в игровом объёме; к примеру, испанский католический храм Саграда Фамилия, от которого многие сапиенсы приходили в восторг, но были и такие, от которых возникали мрачные ассоциации с земными легендами о Преисподней и дьявольском торжестве абсурдизма. После встреч с ними хотелось искупаться в кристально чистой воде, чтобы смыть с себя и с души тяжёлую плёнку уродливости и гадливости.

Всё это время Савва изучал особенности поведения жителей Царцаха и раздумывал над планом операции по «ограничению» соперника Архангела. Беспут предложил использовать интерес Самсунга к спорту: сенатор регулярно навещал Дворец Спорта, играл в платен — теннис на воде, — но от идеи отказались.

Дворец охранялся, как Башни Правительства, ни один вооружённый сапиенс не имел ни малейшего шанса пройти на его территорию, а если бы и прошёл каким-то чудом, его остановила бы личная охрана Самсунга.

Опыт участия Саввы в боевых операциях на Земле оказался бесполезен в мире Царцаха и не мог послужить базой для разработки операции, настолько жизнь сапиенсов отличалась от жизни «игрушечных персонажей» — людей. Савва вертел известные ему разработки и так и эдак, досконально изучил поведение Самсунга в Сенате и на отдыхе, но пока не смог найти способ его устранения, который не повлёк бы за собой гибель группы и друзей Архангела. Допустить подобный исход замысла Савва не имел права.

На всякий случай, вернувшись из последней прогулки по Вечному Городу, он ещё раз взвесил возможности заговорщиков и осмотрел оружейную комнату пограничников; командир заставы всё-таки уступил просьбе Архангела, начиная соображать, что не сможет остаться в стороне и погибнет так же, как сенатор и его друзья, в случае провала операции.

Оружие, полагавшееся пограничникам для защиты от нападений орков, восхитило и ужаснуло.

Самое простое метало взрывпакеты и стреляло кристаллами горных пород, напоминая пистолеты, автоматы и гранатомёты. Разработано оно было тысячи лет назад, но продолжало служить по назначению до сих пор, не меняя своих летальных свойств и предназначения.

Более совершенные образцы оружия стреляли сгустками плазмы и лазерными лучами, способными поразить цель на больших расстояниях. Савва назвал их бластерами и был удивлён, когда оказалось, что сапиенсы тоже называли лучемёты и лазерные излучатели бластерами.

Однако в оружейной палате заставы хранились и вовсе экзотические, на взгляд Саввы, средства для уничтожения живой силы противника, кем бы он ни был.

Жарин — метатель сгустков пламени, напоминающий земной огнемёт. Горел при этом не бензин или горючая смесь вроде напалма, в сгустке распадалась молекулярная взвесь, выделявшая огромное количество теплоты.

Схлоп — излучатель кольцеобразных полевых вихрей, охватывающих цель и сжимающихся в точку вместе с ней.

Кипятар — излучатель тепловых полей, мгновенно нагревающих жидкости, в том числе кровь, до точки кипения.

Морозан — излучатель поглощающих энергию пузырей, за доли секунды превращавших пропитанные водой тела в ледяные

глыбы.

Искримин — излучатель полей, мгновенно уменьшающих мерность пространства до трёх и меньше; при выстреле любой объёмный предмет изменял форму и превращался в «пакет» тончайших плоских «блинов».

Искримакс — излучатель полей, увеличивающих мерность пространства до четырёх и больше; форма объектов при этом изменялась кардинально — до сложнейших геометрических композиций, осыпающихся кристаллической пылью в течение двух-трёх мгновений.

Фонтанер — излучатель поля, превращающего объект в фонтан брызг.

И, наконец, призрон, оружие, сбрасывающее объект в «перпендикулярные» времена; подвергшийся удару призрона объект просто пропадал из поля зрения, «свернув за угол» времени, и без помощи извне уже не мог вернуться в нормальное пространство.

Каждый вид оружия имел своё научное обоснование, но Савва не вникал в подробности физических принципов, позволяющих бластерам уничтожать материальные объекты. Ему достаточно было знать, что происходит с этими объектами после выстрела.

Да, оружие сапиенсов впечатляло, но ни один его вид не гарантировал стопроцентное уничтожение Самсунга. Во-первых, потому что современные защитные системы легко вычисляли человека с оружием и не подпускали его к охраняемой персоне. Во-вторых, подловить сенатора в укромном месте не представлялось возможным. По данным Саввы, он не путешествовал по Великим Мхам и не прятался по подвалам, образно говоря, посещая лишь Башню Сената или иезод контроля. Остальное время Само Совершенство проводил в своём родовом имении за чертой Царцаха, защищённом от любого нападения вплоть до ядерного удара.

На следующее утро после возвращения в Тьмутаракань заставу посетила ВерЛюба, подруга Делла.

Этого визита Савва ждал и боялся, зная, что женщина послужила прообразом для создания программ Лилии и Виктории. Действительность превзошла самые мрачные его опасения. ВерЛюба была копией Лилии, и даже причёску носила почти такую же — пушистую «корону», из-под которой на плечи падала волна волос золотистого цвета.

Дыхание перехватило, ноги стали ватными, но помог Делл.

«Обними», посоветовал он, не вполне понимая причину вспыхнувшей в душе «квартиранта» бури чувств.

Савва не послушался, унимая сердце (не своё, носителя,

подчинявшееся в настоящий момент его психике), совладал с собой, протянул женщине руку.

— Савва…

Женщина, предупреждённая о госте, засевшем в голове друга, делившем с ним одно тело на двоих, засмеялась и, не обратив внимания на протянутую руку (приветствовали друг друга сапиенсы иначе, прижимая ладонь к груди), обняла Савву (Делла) и легонько дёрнула его за волосы.

— Я всё знаю. Не переживай. Как тебе у нас?

Савва едва не ляпнул: как в тюрьме! — но вовремя прикусил язык.

— Жить можно.

ВерЛюба засмеялась снова (вызвав у него очередное сердечное цунами), отогнала стайку либри.

— Это следует понимать как похвалу или как осуждение?

Примерно так же вела бы себя и Лилия, простая и лёгкая в общении, поэтому Савве было трудно сосредоточиться на теме предстоящего разговора, но в конце концов он справился с волнением, хотя и ценой острого внутреннего приступа тоски и боли.

Зато эта встреча помогла ему найти решение проблемы.

Когда ВерЛюба улетела обратно в Царцах, Савва попросил Архангела встретиться и поделился с ним своей идеей.

Прошлись по территории заставы, выбрались за оборонительную стену к устью одной из пещер, нырявших в заросли Мёртвых Столбов. Один из крепостных, облачённый в защитный костюм футуристического вида, увязался было за ними, но Архангел жестом отослал его обратно.

— Слушаю тебя.

— Замочить Самсунга на физическом плане не удастся, — начал Савва-Делл.

— Замочить? — удивился сенатор.

— Это наш российский криминальный жаргон, — извиняющимся тоном пояснил Савва. — Означает — убить. После того, что я узнал о работе ваших спецслужб, особенно — Службы Защиты, я сделал вывод о бесполезности прямых попыток нападения на всех должностных лиц не ниже заседателей Парламента, чиновников Правительства и сенаторов. Служба, по сути, только о них и печётся, не особенно заботясь о судьбе рядовых жителей Царцаха.

— В зависимости от принадлежности к той или иной касте.

— Я это и имел в виду. Значит, нужно действовать иначе.

— Ты нашёл решение?

— Вирус.

— Что? Извини, я тебя не всегда понимаю…

— Вселение. Насколько я понял, возможности ваших психотронных средств позволяют вам носить в головах чужие психики. Вот как меня носит Делл.

— В основном это делается для лечения больных… и для успокоения преступников.

— Неважно, технически это сделать нетрудно. Почему бы нам не вселить в мозги Самсунга нашу программу? Или своего агента? Чью-то личность?

Архангел «поиграл» лицом.

— Идея перспективная. Но для её осуществления необходимо приблизиться к Самсунгу с гипнором, охрана этого не допустит.

— А если роль гипнора сыграет сильный человек? Типа нашего гипнотизёра? Разве у вас нет Персон Воли такого уровня?

Архангел проводил глазами тускло мерцающую гроздь эльфов, растворившуюся в колючих зарослях можжевника.

— Такие Персоны на отдельном счету…

— Тем не менее они у вас имеются. Нужна одна такая Персона, способная перехватить сознание вашего соперника. Найдёте?

В сознание Саввы «постучался» Делл:

«Есть такая Персона».

«Кто?» — мысленно отозвался Савва.

«ВерЛюба. По родовой линии она принадлежит касте Искренних, Прозревающих Истину, и способна подчинить волю рядового сапиенса».

«Тебя она тоже загипнотизировала?» — пошутил Савва.

«Нет, я просто влюбился, — смущённо признался Делл. — От неё невозможно не потерять голову».

«Это правда, — вздохнул Савва. — Но согласится ли она? Риск большой».

«Поговорим. Она любит рисковать, иначе не присоединилась бы к нашей компании».

«Тогда проблема решена».

Савва посмотрел на задумчивого Архангела.

— В принципе найти сильного пси-оператора несложно, — проговорил серебристоголовый собеседник.

— Не надо никого искать, такой оператор есть.

Архангел споткнулся. Взгляд его выразил недоверие и озабоченность.

— Ты… настолько освоился… что можешь дать рекомендации нам, живущим здесь?

— Не я один — вместе с Деллом.

«Дышащее» лицо Архангела затвердело.

— ВерЛюба?

— Вы читаете мои… наши мысли.

— Почему она?

— Во все времена самым простым способом вербовки агента спецслужб была помощь женщины. На этом прокалывались все наши и забугорные разведчики, эмиссары, чиновники и большие политические деятели.

— Это на Земле, в игровой метареальности…

— Насколько мне удалось проанализировать ваше «ангельское» бытие, ваши мужики западают на красоток не хуже наших. Это раз. ВерЛюба — идеально красивая и весьма сексапильная женщина, это два. И третье: Самсунг, по моим данным, любит приударить за слабым полом. Вам понятна моя мысль?

— Ты хочешь… соблазнить Само Совершенство… использовав ВерЛюбу?

Савва поморщился.

— Слово «использовать» здесь неуместно, ВерЛюба — живая душа, а не стебель Великого Мха и не безмозглый бот. Мы поговорим с ней, и если она согласится, попытаемся зайти к твоему коллеге с другой стороны.

— Хорошо, допустим, она согласится встретиться с ним… в приватной обстановке. Что дальше? Вдруг она не справится со своей ролью передатчика, и он вычислит её? А если и подчинится внушению, почему вы уверены, что Самсунг не подстрахуется каким-нибудь образом?

— Вы меня невнимательно слушали, сенатор. Необходимо не просто загипнотизировать Само Совершенство, но вселить в него программу подчинения, а лучше — ПСП верного человека.

— О!

— Вы поняли?

— Я… да… ты меня ошеломил! — Архангел потёр лоб длинными гибкими пальцами. — Я о таком выходе не думал. У тебя есть кандидатура?

— Пока нет, давайте искать вместе. Окружение Самсунга не должно заметить изменений в его поведении, но поводырь в конце концов должен будет добиться главного — нейтрализовать негативное влияние апгрейда земного социума.

— Идея мощная. — Архангел не сразу пришёл в себя. — Не могу представить, кто возьмётся за столь сложную работу — жить в чужом сознании и управлять им?

На Савву вдруг снизошло озарение.

— Погодите-ка… я тут подумал… почему бы и нет? Малый он динамичный, умный…

— Кто?

— Кеша!

— Кто? — не сдержал удивления Архангел.

— Рудницкий. Парень мечтает о великом подвиге, о возвращении домой не помышляет, потерю тела пережил спокойно, живёт в чужом теле как в своём собственном… он согласится, уверяю вас.

Архангел прошёлся по жилистому ковру траволесья, не замечая вьющихся вокруг орбов.

— Надо обсудить эту идею со всеми.

— Разумеется, решение должно быть общим. Предлагаю сначала поговорить с ВерЛюбой, а уж потом с Кешей. Я сам с ним поговорю. Будем плясать от результатов переговоров с ними. Может, они заартачатся.

— Хорошо, — сказал Архангел, с новым интересом посмотрев на своего давнего приятеля, в котором расположился переселенец с Земли.

* * *

ВерЛюба согласилась.

Кеша тоже не стал возражать против участия в «пси-войне», как он выразился, восприняв идею Саввы с энтузиазмом. Он же предложил, когда речь зашла о способах связи заговорщиков, использовать свою земную разработку.

— Нам нужна связь, которую невозможно было бы прослушать, — сказал Савва на общем собрании «революционеров». — Могут возникнуть ситуации, когда от звонка будет зависеть жизнь наших соратников.

Кеша, присутствующий на собрании в Тьмутаракани — в теле толстяка Лучмала, — по-детски поднял руку.

— Умсорик.

Все посмотрели на него недоумевающе, только Савва понял, о чём идёт речь.

— Твой умсорик — земное изделие, сюда ты его не переправишь.

— Его и здесь можно сварганить из подсобных материалов, зная принцип.

— Вы о чём? — вежливо спросил белокурый Вистрон.

— Я изобрёл устройство мгновенной связи — УМС, или умсорик, — небрежно ответил Кеша-Лучмал. — Так как физические принципы, вмороженные программой игры в нашу реальность, универсальны и для вашего континуума, подобное же

устройство можно сделать и здесь. Тогда у нас не будет проблем с криптозащитой переговорных линий.

— Подтверждаю, — кивнул Архангел. — Рудницкий совершил настоящий прорыв в технике связи, который скажется и на создании технологий мгновенного перемещения в пространстве.

— В игре? — скептически хмыкнул Беспут.

— В нашей реальности.

— Ты силён! — восхитился путешественник, показав Кеше-Лучмалу растопыренные буквой «V» пальцы.

— Вы ещё не представляете — насколько! — самодовольно ответил творец умсорика.

— Сколько на это потребуется времени? — спросил Вистрон.

Лучмал, сознанием которого управлял Иннокентий, благожелательно посмотрел на него.

— У меня хорошая материальная база. — Палец толстяка ткнулся в собственный лоб. — У него, я имею в виду. Вы правильно сделали, что пересадили меня к спецу в области разработки микроделиков. Лучмал заправляет конструкторским бюро при технокомплексе «Устрембуд», где можно изготовить любой гаджет. Думаю, дня за три мы справимся.

— Мы уже отстаём от графика, — сказал Коттин.

— Ничего, мне тоже надо доработать план операции, — сказал Савва, — и подготовить плацдарм для нападения на Самсунга. Задача сложная, вы знаете, недочётов быть не должно.

На том и порешили.

Кеша не ошибся в своих расчётах. Технологии сапиенсов, близкие к категории «БОГ» — «без ограничений», намного опережали человеческие, что позволило создать умсорик буквально за считаные дни. Можно было бы довести чипы до состояния имплантатов, вшитых под кожу, однако на это потребовалось бы ещё несколько дней, и умсорики для всех членов команды встроили в обычную гарнитуру существующих гаджетов связи, практически незаметных на теле сапиенса на фоне модных макияжей, причёсок, подвесок на ушах и прочих украшений, носимых всеми сапиенсами без исключения.

Проверили работоспособность умсориков в условиях, «приближенных к боевым», сначала в окрестности Тьмутаракани, потом в Царцахе. Связь работала безупречно, Савва, находясь на заставе, прекрасно слышал голос Кеши, общавшегося с ним из дома Лучмала, расположенного на окраине метрополии.

Собрали совещание, ещё раз обсудили все детали предстоящей операции и приступили к её выполнению.

Для контроля потренировались в переселении Кеши из «пси-

квартиры» Лучмала в ВерЛюбу и обратно. Получилось не сразу. Без «костылей», то есть без специального аппарата — гипнора сделать это было затруднительно, никто из сапиенсов никогда подобными вещами не занимался, да и ВерЛюба волновалась, чего нельзя было сказать о Кеше. Он воспринимал происходящее как интересную игру и не думал ни о последствиях своих занятий, ни о результатах замысла, ни о чьей-либо безопасности.

Савва же волновался не меньше сапиенсов, хотя и по другой причине. В отличие от Иннокентия он понимал, что в случае неудачи все заговорщики скорее всего будут схвачены, а уж им с Кешей и вовсе ничего хорошего не светило, да и возвращаться в родную земную стихию было нельзя. Там их никто не ждал. Для всех родственников и спецслужб они погибли. И хотя Архангел обещал найти им носителей — тела людей в Москве или в любом другом уголке России и мира, оба от этого отказались. Савва после гибели жены потерял смысл жизни, Кеша был уверен, что и «этажом выше» — в мире сапиенсов, создавших земную реальность и вообще Вселенную как гигантское поле для увлекательной игры, он достигнет высокого положения и сам сможет творить «ещё более интересные модели Мироздания».

ВерЛюба вернулась в Царцах вместе с Саввой-Деллом. Об их участии в заговоре никто не догадывался, и это вселяло уверенность в души остальных заговорщиков, ещё не представлявших в полном объёме, с чем предстоит столкнуться главным исполнителям замысла.

Зная каждый шаг Самсунга — его жизнь проанализировали досконально, — начали со слежки, пользуясь всеми современными методами наблюдения, доступными лишь немногим сапиенсам. Привлекли операторов глобальной спутниковой системы навигации, дружески относящихся к окружению Архангела, сотрудников Следственного Комитета Службы Защиты, рядовых сервов Департамента Наведения Порядка и служителей социальных сетей. Технику наблюдения тоже подыскали подходящую: дальновизоры, видящие сквозь стены, встроенные в обычные предметы и объекты микроанализаторы (на Земле их назвали бы наноробами), и замаскированные под эльфов, либри и орбов квантовые фантомы, способные передавать видеоинформацию, а при попытке их захвата — рассыпающиеся на сгустки «тонких» вибраций-полей.

ВерЛюба, впервые в жизни применившая эротик-дух — женщины Царцаха пользовались этим наркособлазнителем почти поголовно, — показалась Самсунгу на глаза во Дворце Спорта.

Она прошлась вдоль бассейна, где сенатор собирался показать себя во всём блеске спортивной формы во время игры в

платен, одетая в почти невидимый стринг-бикини, покачивая бёдрами, ни на кого не обращая внимания, заставляя мужчин — свиту Самсунга — оглядываться вслед, и получила поощрение в виде его заинтересованного взгляда.

Подвешенные в зале ещё утром орбы-наблюдатели передали короткий обмен фразами Самсунга и его телохранителя по имени Бесил (удалось выяснить, что длинное имя мускулистого качка было Безусловно Сильный).

— Кто это? — небрежно спросил Самсунг.

— Узнаю, — пообещал Бесил.

Он действительно развил бурную деятельность по установлению личности ВерЛюбы, послал изображение красотки в Департамент Идентификации Службы Защиты и выяснил, что заинтересовавшая хозяина женщина работает в Правительстве, о чём Бесил и сообщил сенатору после игры.

В принципе этого было достаточно для того, чтобы метросамец, каким был главный оператор иезода, начал искать способ установления контакта с ВерЛюбой, её эротик-дух, усиливающий эффект природной привлекательности, сработал великолепно. Однако времени у заговорщиков было мало, и ВерЛюба «случайно» встретилась с Самсунгом в Сенате, одетая строго, в деловой уник, идеально подчёркивающий достоинства фигуры и все соблазнительные выпуклости тела.

На сей раз сенатор не устоял. Он остановился на пороге зала заседаний, проводил ВерЛюбу вспыхнувшими пламенем вожделения глазами и неожиданно для сопровождавших его коллег направился вслед за женщиной. Догнал в фойе, проговорил с показным безразличием:

— Сердечной радости, мадам. Вас зовут ВерЛюба, если не ошибаюсь? Я видел вас вчера в бассейне. Вы любите платен?

— Я просто люблю плавать, господин Само Совершенство, — улыбнулась ВерЛюба.

— Вы знаете моё имя? — фальшиво удивился Самсунг. — Мы встречались?

— Нет, не встречались, но кто же не знает самого влиятельного сенатора, претендующего на пост Лорда Сената?

— Благодарю за комплимент.

— О, что вы, это всего лишь констатация факта.

Костюм ВерЛюбы сыграл гамму выбора внимания — его ткань обладала голографической глубиной и на миг стала прозрачнее, — и у Самсунга перехватило дыхание. Глаза его заблестели.

— Могу я предложить вам встретиться?

— Зачем?

— Для приватной беседы. Мне нужна… я ищу… э-э, помощницу… для деликатных поручений. Хотелось бы поговорить с вами об этом.

— Мой потолок — деловое сотрудничество четвёртого уровня, и я его уже достигла. — ВерЛюба сделала вид, что собирается идти по своим делам.

Самсунг заторопился, жестом удаляя телохранителя.

— Если вы будете работать со мной, достигнете высших руководящих должностей. Уровень шесть вас устроит?

ВерЛюба приостановилась, наморщила лоб.

— Вы меня соблазняете…

— Да! — пылко согласился сенатор. — Вы согласны?

— Я подумаю.

— До вечера, прошу вас. Давайте встретимся и обговорим условия.

«Соглашайся!» — сказал Савва, слышащий разговор от слова до слова.

— Хорошо. Где?

— У меня в имении.

— Нет!

— Это самое безопасное и комфортное место во всём Царцахе.

— Я сказала — нет!

— Называйте место.

ВерЛюба сделала вид, что размышляет.

— Меня пригласили на экскурсию в Тьмутаракань, если хотите, присоединяйтесь.

— Куда?! — невольно удивился Самсунг.

— Давно мечтала погулять по экзотическим уголкам Великих Мхов, за Мёртвыми Столбами. А Тьмутаракань — это пограничный форт за Столбами. — ВерЛюба насмешливо прищурилась. — Или вы боитесь орков?

— Не боюсь, но… — сенатор не сразу нашёл достойный ответ. — Так далеко… и небезопасно… вы рисковая особа.

— Какая есть. Всего хорошего, добрый господин. — ВерЛюба направилась через фойе к стойкам обслуживания башни.

Самсунг молча смотрел ей вслед, ловя расширенными ноздрями волшебный запах тела женщины. Глаза его выдавали раздрай желаний и осторожности, присущий касте, но догонять собеседницу он не стал.

— Не прошло, — прокомментировал Савва финал переговоров.

— Ещё как прошло! — возразила ВерЛюба, уверенная в своей неотразимости.

Она оказалась права.

Самсунг позвонил ей через три часа; всё это время его помощники и агенты по особым поручениям изучали материалы о Тьмутаракани и данные Погранслужбы о заставе, а Служба Защиты послала туда группу для обследования местности и территории самого форта на предмет безопасности его посещения.

— Готов провести с вами экскурсию по Тьмутаракани, — сообщил сенатор ВерЛюбе, объявившись перед ней видеофантомом связи. — Моя вимана к вашим услугам.

— Я лечу не одна, а с компанией.

— Кто же составляет вашу компанию, миледи?

— Моя подружка Исэф и её бойфренд Беспут.

— Кто?

— Бесстрашный Путешественник, — заставила себя засмеяться ВерЛюба. — Он бывал даже за Тридевять Страшных Земель, облетел все знаменитые пропасти мира и видел настоящих Оборотней.

— Оборотни — миф.

— Но он их видел!

Самсунг не смог удержаться от снисходительной улыбки.

— Вы разочаруетесь.

— А вдруг мы их встретим?!

— Завидую вашему оптимизму. Предлагаю добираться до Тьмутаракани одним транспортом. Моя вимана вместит и ваших спутников.

— Хорошо, я согласна. Я живу на Второй Горной магистрали…

— Я знаю, — перебил женщину сенатор. — Ждите меня через час.

— Договорились.

Видеопризрак Самсунга исчез.

В гостевом руме, где в этот момент находилась ВерЛюба, появился Делл-Савва, остановился перед подругой. Она подняла голову.

— Он будет через час.

— Мы слышали. Не страшно?

Женщина зябко поёжилась, потом под взглядом друга сжала кулачки, выпрямилась.

— Страшно! Но я пойду до конца!

— Тогда начинаем процедуру переселения. Кеша рвётся в бой.

ВерЛюба смущённо улыбнулась.

— Если честно, я его побаиваюсь. Он какой-то… странный…

хотя и в самом деле гений.

Савва вдруг почувствовал себя неуютно. У него и раньше роились в душе предчувствия, основанные на непредсказуемости поведения Кеши, но высказывать свои подозрения вслух было уже поздно. Как только что заявила ВерЛюба (господи, до чего же она похожа на Лилию!), следовало идти до конца.

— Минуту… Есть идея.

Женщина, направившаяся к двери рума, остановилась.

— Делл?

— Савва.

— Извини, я ещё не научилась различать, когда говорит Делл, когда ты.

— Мы хорошо притёрлись друг к другу, — пошутил Савва, не сразу оценив двусмысленность сказанного, но ВерЛюба этого не поняла.

— Слушаю.

— Я пойду с вами.

— Но я уже сказала сенатору, что нас будет трое, ты четвёртый.

— Я пойду в тебе.

ВерЛюба приподняла безупречной геометрии «крылья» бровей.

— Но… со мной… будет Иннокентий.

— Я переселюсь первым… и спрячусь где-нибудь в укромном уголке психики.

— Зачем?

— Для страховки. Уж очень сложное дело предстоит. К резким изменениям ситуации вы не готовы, а я специально обучен.

— Ну… не знаю… надо предупредить Архи…

— Главное, чтобы согласилась ты. Тогда я смогу проконтролировать ход операции и вмешаться, если что-то пойдёт не так.

— Делл?

— Он согласен, — сказал Савва, выслушав «шёпот» Делла.

— Что ж, давай попробуем. Самой интересно, смогу ли носить сразу двух мужчин? Только… не подсматривай. — ВерЛюба улыбнулась, погрозила собеседнику пальчиком. — У меня есть женские тайны.

— Клянусь! — прижал руку к груди Делл-Савва.

Перешли из гостевого рума в спальные апартаменты ВерЛюбы, представлявшие нечто пушисто-перьевое, белоснежно-зеркальное, объёмно-геометрическое, изменяющее форму от каждого движения хозяйки. Не меняла своей привычной

геометрии только довольно большая кровать, опиравшаяся на невидимые ножки.

— Отвернись, я переоденусь.

Делл послушно отвернулся.

Савва же вызвал Архангела.

Сенатор выслушал его предложение молча, только спросил:

— Ты уверен, что это необходимо?

— На сто процентов, — заверил его Савва.

— Занимайся.

Савва связался с Коттином.

— Дружище, ты слышал, о чём мы договорились с Архи?

— Да, — коротко ответил бывший соратник Делла.

— Никто не должен знать о моём переходе.

— И Рудницкий?

— В особенности Кеша! В принципе всё просчитано, неожиданностей быть не должно, у Кеши мощный ум, он сможет управлять Самсунгом… но… лучше подстраховаться.

— Вам виднее, — согласились остальные участники заговора, постоянно поддерживающие связь меж собой с помощью умсориков.

— Можешь смотреть, — послышался голос ВерЛюбы.

Савва-Делл оглянулся… и обомлел.

За свои тридцать с лишним лет он повидал немало красавиц, прогуливающихся по пляжам Европы и мира, выступающих в телевизионных шоу и на подиумах различных конкурсов, но такую красивую женщину, одетую в нечто немыслимо прекрасное, перистое, полупрозрачное, «ангельское», видел впервые. Если не считать жены, мало в чём уступавшей прототипу.

«Очнись!» — ревниво заметил Делл.

Савва пришёл в себя, мимолётно вспомнив слово «очнись», сказанное ему на Земле Викторией Шаховой.

«Вот кто — Само Совершенство! А не этот напыщенный болван Самсунг!»

«Согласен».

— Сядем, — предложила ВерЛюба Деллу-Савве, оценив его взгляд.

У кровати выросли из ниоткуда такие же воздушно-ажурные кресла, удобные, «живые», подстраивающиеся под тела седоков и под их желания. Мягко приняли пару.

— Боюсь… — прошептала женщина.

Он взял её за руку, вспоминая, как реагировала на этот жест Лилия. Сердце Делла, отзываясь на чувства Саввы, сплясало самбу.

— Всё будет хорошо, милая! Мы же тренировались. Вдохни

глубже.

ВерЛюба набрала в грудь воздуха.

— Поехали!

Савва сжал своё «я» в бесплотное веретено и прыгнул в голову женщины, как в воду.

Короткая темнота, вспышка призрачного света, множественные сотрясения скользящих по «телу» вихрей, столкновения с упругими и — живыми! — сгустками, протягивающими к нему тоненькие пальчики! Разбрызгивание собственного сознания по миллионам виртуальных бесплотных ячеек… и вылет в свет внешний, тёплый, с ощущением биения жизни в теле… в теле женщины!

— Ой! — вздрогнула ВерЛюба.

«Всё в порядке, Верная, — поспешил он успокоить носительницу, — я уже здесь!»

Делл, сидящий напротив, сонно моргнул, провёл ладонью по лицу, словно стирая следы пребывания Саввы…

— Забавно…

— Что?! — встревожилась ВерЛюба.

— Такое впечатление, будто я сплю…

— Веди себя как раньше. Скоро придёт Самсунг.

— Я понимаю… надо привыкнуть… — Делл выудил из воздуха стакан с тоником. — Как ты там устроился?

Вопрос предназначался Савве, и он ответил:

— Если бы ты знал, насколько женщины отличаются от мужчин!

ВерЛюба, произнёсшая эти слова, принадлежащие переселенцу, засмеялась, и Делл заметил эту перемену.

— Ты… изменилась.

— Сильно?

— Н-нет, пожалуй… просто я… слишком хорошо тебя знаю. Кем ты сама себя ощущаешь?

«Разведчиком, — подсказал Савва, — собравшимся в рейд в тыл врага».

ВерЛюба послушно повторила фразу.

— Что такое тыл? — не понял Делл.

— Чужие мозги, — заговорил теперь уже Савва. — Поторопитесь, друзья мои, у нас осталось очень мало времени. Ведите Кешу… э-э, Лучмала.

Толстяк-учёный появился в спальне через минуту в сопровождении Беспута и Вистрона. Печать характера Кеши уже лежала на облике Лучмала, и вёл он себя со всеми соответственно — бесшабашно, пренебрежительно, важно, как и подобает гению и будущему сенатору Царцаха. Забавно было наблюдать за ним «с

другой стороны», глазами ВерЛюбы, и если бы не это обстоятельство, Савва непременно осадил бы приятеля.

— Все в сборе? — оглядел компанию Лучмал. — Чего носы повесили?

— Тебе выдали интенсионал по Самсунгу, — сказал Делл, имитируя речь Саввы, как его учили. — Изучил?

— Не боись, майор, — отмахнулся Кеша-Лучмал, — никто не отличит настоящего Самсунга от запрограммированного мной.

Савва с облегчением перевёл дух; были опасения, что бывший завлаб Сколково заметит подмену.

— Занимай пересадочную станцию.

Эти слова тоже подсказал Савва, и хотя Делл произнёс их не слишком уверенно, Кеша не обратил внимания на его тон, по-прежнему считая Делла носителем Саввы.

— Мне сесть?

— Садись напротив, — показала ВерЛюба. — И у меня просьба: не копайся в моей памяти, пожалуйста.

— Щекотки боишься? — фыркнул Лучмал-Кеша, колыхнув складками жирного лица.

— Кеша! — строго сказал Делл.

— Молчу, молчу, обещаю.

— Начали отсчёт, — сказал Коттин. — Пять… четыре… три…

На счёте «ноль» Лучмал вытаращил глаза, откидываясь на спинку кресла, и тотчас же вздрогнула ВерЛюба.

«Спокойно, миледи, это я! — радостно сообщил объявившийся в её голове Кеша. — Беру вас под контроль».

«Не надо! — испугалась женщина. — Самсунг может почувствовать чужого!»

«Должен же я осмотреться? — безапелляционно изрёк переселенец. — Надо выработать общую стратегию поведения, подготовиться, выяснить, правильно ли мы выбрали носителя».

По многочисленным «пещеркам» и «комнатам» памяти ВерЛюбы поползли невидимые щупальца: Кеша начал обследовать своё новое «жилище».

Савва едва не выбрался «из норы», чтобы дать приятелю подзатыльник. Но его опередила ВерЛюба, начавшая сопротивляться засевшей занозой в голове чужой воле. Кеша почувствовал это, сдал назад.

«Всё, всё, я только одним глазком… — Он хихикнул. — До чего же у вас, женщин, много тараканов в голове!»

«Своих считай!»

«Посчитал уже, успокойся».

Делл, наблюдавший за подругой, с тревогой заглянул ей в глаза.

— Ты в порядке? Он… пересел?

— Д-да… нормально… мы устраиваемся.

— Самсунг будет через несколько минут.

— Я готова, уходи. — ВерЛюба замерла и добавила, чуть изменив голос: — Я тоже готов.

Делл понял, что это сказал Кеша.

— Сиди тихо! — наставил на голову женщины палец Делл; Савва мысленно поаплодировал ему: точно так же поступил бы и он. — Самсунг ничего не должен учуять до того момента, когда мы решим напасть!

— Ладно, ладно, я понял, буду кроток и нем. — Кеша и в самом деле успокоился, сворачиваясь бестелесным клубком.

ВерЛюба встала, опираясь на руку друга.

— Так и полетишь в этом пеньюаре? — поинтересовался он.

— Хочу произвести на него впечатление.

— Да-а! — выговорил вдруг Лучмал, разглядывая женщину выпученными глазами Иванушки-дурачка, впервые увидевшего жар-птицу.

ВерЛюба и Делл переглянулись и засмеялись.

И только Савве было не до смеха. ВерЛюба и Лилия слились для него в одно целое, и от этого ощущения, ощущения боли и горечи потери, хотелось кричать.

Глава 26. Не убоюсь я зла

Он никогда не мечтал познакомиться с женщиной таким образом — поселившись внутри её «я», в сознании, в памяти, чтобы читать самые сокровенные мечты и переживать то, что переживает она.

Конечно, Савва старался не заглядывать в тайники души ВерЛюбы, дабы не пожалеть потом о сделанных открытиях, но всё же кое-что ему стало известно о жизни женщин Царцаха вообще и подруги Делла в частности. А вот Кеша не удержался от любопытства и побродил по «закрытой территории» с удовольствием, хотя делиться своими открытиями с хозяйкой «территории» не стал. Савва боялся, что завлаб отыщет его схрон в глубинах подсознательных реакций женщины, где он «вырыл себя окоп», но в это время началась финальная стадия операции, Кеша отвлёкся, и муки Саввы закончились.

Появился Самсунг в великолепном клатч-костюме, имитирующем не то королевские наряды расцвета индейских империй на Земле, не то рыцарские доспехи. Увидев хозяйку усадьбы, он застыл на несколько мгновений, очарованный не столько её нарядом, сколько тем, что этот наряд скрывал, сделал несколько комплиментов и больше от ВерЛюбы не отходил.

Его помощники тем временем осмотрели замок женщины, познакомились с её друзьями — Беспутом и Исэф (остальные заговорщики успели покинуть территорию усадьбы и ждали сообщений в своих машинах, готовые в случае необходимости лететь в Тьмутаракань) и, успокоенные, доложили боссу об отсутствии опасности.

ВерЛюба ещё раз переоделась, теперь уже в уник для отдыха на природе, напомнивший Савве костюм для игры в гольф, только менее открытый.

Расположились в большом модуле быстрого движения, который Самсунг называл виманой. Машина внутри имела прекрасный салон для путешествующих, со всеми мыслимыми удобствами, напоминая бизнесджеты, используемые земными миллиардерами. В ней нашлись места и для гостей Самсунга, и для обслуживающих виману мобов, и для охраны в количестве трёх могучих сервов во главе с утёсоподобным Бесилом.

Самсунг выглядел весёлым и беспечным, предложил спутникам напитки и фрукты, сам выпил бокал шипучего иллюбря и заставил выпить ВерЛюбу. Впрочем, она особо не сопротивлялась, уверенная, что в присутствии друзей сенатор не станет накачивать её наркоботами. Шипучка по вкусу напоминала

шампанское, Савве она понравилась. Точнее, напиток понравился ВерЛюбе, а Савва просто «скачал» эти ощущения как информационное сообщение.

До Тьмутаракани летели пять часов, проведя время в интеллигентных беседах о мироустройстве, о новейших достижениях науки и культуры, о возрождении института семейных кластеров и о многом другом, что интересовало белокурую Исэф и её друга-путешественника.

Самсунг, возбуждённый близостью ВерЛюбы и напитками, завёл разговор о нелёгком труде сенатора, потом о своём замысле по перезагрузке игры, и Савва узнал много нового о земном бытии, спроектированном «ангелами» и управляемом «с небес» миллионами геймеров, главным из которых был Само Совершенство; о влиянии на игру Архангела он не обмолвился ни словом.

Идеи Самсунга понравились не всем.

Беспут оказался дотошным слушателем и оппонентом сенатора, за что Савва был ему благодарен, так как эти споры позволяли не только сократить время полёта, но и выявили такие черты характера Самсунга, как самоуверенность, жёсткое неприятие мнений оппонентов и равнодушие к их доводам. Рассказав о встрече с Оборотнями, — было видно, что путешественник верит в них и говорит правду, — Беспут принялся перечислять несомненные негативные стороны процесса корректировки земной программы, отражавшейся на жизни рядовых жителей планеты, осудил геймеров, поддерживающих режимы насильственной «демократизации» в США, Европе и на Ближнем Востоке, и задал Самсунгу неожиданный вопрос:

— Вы же корректируете весь социум, сенатор, почему же не гасите очевидные конфликтные, разрушающие цивилизацию программы?

— Это не так просто сделать, — снисходительно улыбнулся Самсунг, не сводящий масленых глаз с ВерЛюбы. — Вот вы, друг мой, за какую социальную группу на Земле отвечаете?

— Ни за какую, — признался Беспут. — Я люблю приключения… и не вмешиваюсь в политику.

— А если бы вели какой-нибудь этнос, пусть даже самый маленький, эскимосов, к примеру, поняли бы, какой это нелёгкий труд. Мне же приходится корректировать большинство психосоциальных явлений земного разума, поэтому я и хочу перезагрузить всю программу, направить человечество на путь истинный.

«Уничтожая любого, кто имеет другое мнение и противится тебе, — добавил про себя Савва, — либо целые народы!»

К счастью, Беспут не стал углубляться в тему и предъявлять собеседнику другие аргументы, хотя и попытался доказать Самсунгу пагубность идеи грести всех под одну гребёнку.

Кеша сидел в пси-соматике ВерЛюбы тихо как мышь. Нельзя было понять, о чём он думает. Савва забеспокоился, как бы завлаб не выкинул какой-нибудь фокус, но всё обошлось. До Тьмутаракани долетели без приключений.

На заставе гостей приняли посланцы Самсунга в количестве восьми служителей Защиты, призванных обеспечить безопасность важной персоны, и лично командир Стас.

Самсунг осмотрел форт, предоставил ВерЛюбе лучшее помещение для отдыха, принадлежащее Стасу (Старый Служака, разумеется, не возражал), и, всё ещё находясь под парами иллюбря, предложил объекту своих вожделений лёгкую прогулку по окрестностям заставы. ВерЛюба согласилась, так как это соответствовало интересам заговорщиков, в то время как Беспут и его подруга решили до ужина побыть с пограничниками.

ВерЛюба сделала вид, что ей интересны пейзажи окраин Великих Мхов, действительно великолепные, и о своих страхах перед орками и Оборотнями она не вспоминала.

Самсунг послал вперёд группу охранников, но ВерЛюба резонно заметила, что такая многочисленная свита снижает эффект романтического созерцания природы, и сенатор отменил приказ, взяв с собой лишь угрюмо-безразличного ко всему на свете Бесила.

Углубились в лабиринты ущелий меж сростками жил и кристаллов Мертвых Столбов.

Самсунг ораторствовал, по-мальчишески живо порхая по утёсам и скалам, ВерЛюба восхищалась и ахала, волнуясь всё больше. К счастью, её волнение можно было списать на счёт таинственных пещер, откуда могли вылезти орки, и сенатор не придал этому значения.

Бродили по весьма живописным долинам среди геометрически совершенных громад Мёртвых Столбов больше двух часов. Наконец ВерЛюба собралась с духом и заявила, что она устала.

— Отдохнём, — загорелся Самсунг, жестом отдавая телохранителю приказ ставить палатку. — Прошу вас, миледи.

Следовавший в отдалении за гуляющими моб за считаные секунды развернул комфортный куполовидный рум, накрыл столик, открыл бутылку с изумрудно-пенящимся мескалитэ.

Самсунг, окончательно потерявший голову, отослал телохранителя, помог ВерЛюбе расположиться на белом пенодиване, вздрагивая от каждого прикосновения к ней, сел

напротив, передал женщине бокал и поднял свой.

— За прекрасный миг!

«Прыгай!» — вызвала Кешу женщина.

Прятавшийся «на дне» души ВерЛюбы Иннокентий превратился в струю дыма и вонзился в голову сенатора, как выпущенная из лука стрела.

Самсунг вздрогнул, широко раскрывая глаза, выронил бокал с шипучкой.

— О!

Савва «расправил плечи», затаив дыхание следя за реакцией мощнейшего пси-оператора Царцаха, каким был Само Совершенство. Оставалось только гадать, чем закончится схватка намерений-воль Кеши и сенатора, и ждать результата, надеясь на победу Рудницкого.

По бледному лицу Самсунга пробежала судорога, стирая рябь прежних эмоций. Его сознание боролось с пришельцем, нанёсшим визит внезапно, без объявления войны, и это обстоятельство, скорее всего, оказалось главным: Кеша победил!

Лицо оператора отвердело, провибрировало мимической гаммой, присущей Иннокентию, в которой смешались заносчивость, превосходство, высокомерие, пренебрежение и торжество. В глазах проявился острый угрожающий блеск.

— Кеша? — неуверенно спросила ВерЛюба.

— Кеша, Кеша, — искривил губы Самсунг, поводя плечами и разглядывая свои руки и фигуру. — Иннокентий Леонтьевич. А ничего квартирка, если честно, удобная, я даже не ожидал.

— Ты… Его…

— Скрутил, болезного, слаб оказался, посадил в камеру, чтоб не мешал. Жлоб ещё тот, я вам скажу! Но сколько же у него возможностей, бог ты мой!

ВерЛюба облегчённо перевела дух.

Савва, наоборот, насторожился. Последняя фраза Кеши-Самсунга прозвучала слишком восторженно, словно перед ним вдруг открылась огромная сокровищница, которой он теперь владел.

— Будь осторожен, — сказала ВерЛюба. — Бесил не должен почувствовать разницу в поведении хозяина. Да и остальные знакомые сенатора тоже.

— Бесил всего лишь тупой халдей без мозгов, так что не стоит беспокоиться. А вот ты? — Кеша-Самсунг поднялся с дивана, обошёл ВерЛюбу, смотревшую на него непонимающе, изобразил беглый «пакет» полуулыбок. — Ты мне, пожалуй что, и не нужна больше. Как и твои дружки-заговорщики.

— Ты… о чём?

— Вы слишком много знаете и можете кому-нибудь сболтнуть о подмене. А мне хочется пожить в этом теле подольше.

— Ты… шутишь?

Кеша-Самсунг рассмеялся, и от этого смеха у Саввы побежали мурашки по спине. Он понял, что ошибся в приятеле. Кеша жаждал власти, и он её получил! А все, кто ему помог переселиться в классного носителя, теперь становились лишними свидетелями.

— Бесил! — повернулся к двери хозяин палатки.

Телохранитель возник на пороге, как привидение.

— Кто знает о нашем вояже?

— Никто, мой господин, — ответил телохранитель бесстрастно.

— Отлично. Убей её!

Бесил вынул из-под складок и карманов делового уника нечто, напоминающее друзу светящихся кристаллов на рукояти, направил на замершую ВерЛюбу. Это был призрон, генератор «искривления» времени.

Савва вспыхнул, собираясь в луч бесплотного света и выпрыгивая из головы ВерЛюбы, но опоздал. Бесил выстрелил!

Результат выстрела стал понятен после того, как Савва ворвался в «бункер» управления сознанием гиганта и после короткой схватки — выглядело это как поединок борцов — бросил хозяина «бункера» через себя и свернул ему шею. Овладел сознанием Бесила, ощущая массу и силу мышц его мощного тела.

ВерЛюбы не было! Она исчезла вместе с частью дивана! Разряд призрона вынес женщину в «перпендикулярное» время, и осталась ли она жива, было неизвестно.

— Молоток! — удовлетворённо произнёс Самсунг-Кеша. — Вернёмся на заставу, отправишь вслед за ней всю их компашку.

Савва поднял ствол призрона.

Самсунг вытаращил глаза.

— Ты чего, болван?!

Предателя надо было убить! Савва нашёл пальцем выступ, играющий роль курка. Затем в голову пришла ещё одна мысль, и Савва, отпустив тело Бесила, прыгнул в голову Самсунга.

Кеша понял, с кем имеет дело, мгновенно и начал сопротивляться вторжению так, словно всю жизнь занимался боевыми искусствами. Савве пришлось схлестнуться с ним на полном энерговыдохе, напрягаться до изнеможения, до потери сознания, чувства времени и смысла борьбы. Воспитанный компьютерными «стрелялками», Иннокентий дрался как бешеный, сотворив несколько безумно сложных и хитрых комбинаций, превращаясь в монстров, киборгов и трансформеров, которым не

хватало только оружия. Но Савва был опытнее и сильнее своего приятеля, возжелавшего иной — «ангельско-божественной» власти.

Получив удар, рассыпавший тело очередного «трансформера» на дымящиеся обломки, Кеша свернулся ежом, выставляя навстречу «кулаку» Саввы иголки.

«Всё, всё, сдаюсь! Я больше не буду!»

Савва накинул на него «железную» сеть воли, «присел на корточки» над недавним противником, пытаясь «отдышаться». Но ему помешали это сделать.

«Закончили?» — послышался в темноте «бункера сознания» Самсунга вежливый голос.

Савва вскинулся, вспоминая о присутствии хозяина; голос мог принадлежать только Самсунгу, пришедшему в себя, пока переселенцы сражались друг с другом, а сил сопротивляться ему не было никаких!

Но это был не Самсунг.

«Не бросайтесь на меня, — продолжал обладатель звучного, с бархатным тембром, голоса. — Вы нейтрализовали программу категории Само Совершенство. Давайте поговорим».

Савва оглядел палатку глазами Самсунга, обнаружил лежащего на полу ничком Бесила, рухнул на второй, уцелевший, диван.

«Кто ты?!»

«Меня зовут Ювинга. Я оператор иезода контроля Гиперсети. Эта реальность — метаконтинуум пятого уровня по отношению к нашему, ваша земная — шестой».

«Вот чёрт! — возбудился вдруг Кеша. — Я догадывался, что и сапиенсами кто-то управляет!»

«Операторы четвёртого слоя Гиперсети. Действительность намного сложнее, чем вы думаете. Все метаконтинуумы образуют Гиперсеть, властители которой и в самом деле предельно близки к категории Творец Сущего. Но даже я не знаю всего!»

«Колоссально! А можно к вам?!»

Савва очнулся, придавил «змею» Кешиного сознания «ногой».

«Лежи! Рассказывайте всё».

«Собственно, я за этим и спустился к вам. Вы оба хорошо зарекомендовали себя в своей реальности как Персоны Воли и Фигуры Влияния и даже на уровне Царцаха не затерялись и не растерялись. Я хотел бы предложить вам более сложную концепцию самореализации».

«Я — за!» — взбрыкнул Кеша.

«Подождите, — не обратил на него внимания Савва. — Речь не о нас, на Земле творится беспредел! Человечество тупеет и

воюет, по сути — цивилизация разрушается на глазах, и в этом виноват этот чёртов тип — Самсунг!»

«Действия Самсунга и его коллег — лишь отражение помыслов высших геймеров».

«Тогда их тоже следует ограничить!»

«Участвуя в одной игре операторами, игроки по большому счёту не догадываются, что являются персонажами в другой, более сложной и серьёзной. До вашего появления уже были прецеденты осознавания персонажами своей судьбы, но вы первые полезли в иерархию более высокого порядка, чем обозначили границы дозволенного для всех операторов Гиперсети. Теперь вы тоже можете поучаствовать в процессе».

«Как?»

«Мы изменим кое-какие веточки программы, если вы согласны».

«Допустим, я соглашусь помочь вам…»

«Прежде всего не мне, а себе самому».

«Хорошо, я понял… но если вы спустились с таких вершин… и являетесь оператором Гиперсети… вы сможете откорректировать программу земного уровня?»

«В каком объёме?»

«Я хочу… спасти жену! Она похожа на эту местную женщину…»

«Я в курсе. Но это невозможно».

«Почему? Даже вам?!»

«Венчурные корректировки ведут к бифуркационным разрывам ткани программы на любом уровне, что может привести к общему разрушению Гиперсети. Искон запрещает подобные риски».

«Искон?»

«Свод законов Гиперсети».

Савва погас.

«Тогда мне всё равно».

«А мне нет! — заявил Кеша. — Вали отсюда, романтик хренов, не мешай переговорам! Ваша Гиперсеть бесконечна?»

«Конечна, но базируется она на Материнской Реальности, где и родился Творец Гиперсети, а уж она в свою очередь опирается на нечто абсолютное и непостижимое. Мы ещё поговорим об этом. Кстати, потенциал такой игровой фигуры, как человек, очень высок, поэтому вам и удалось перейти на уровень выше. Хотя это не предел».

«Это меня и беспокоит, — с тоской проговорил Савва. — Не ожидал, что и вы бываете бессильными».

«Я действительно не могу переписать программу вашего

уровня, несмотря на все свои возможности, — мягко сказал невидимый Ювинга. — Но я могу дать вам шанс самим сделать это».

Савва замер. Смысл сказанного не сразу дошёл до него.

«Вы… дадите мне шанс… спасти Лилию?!»

«Кто про что, а вшивый про баню!» — фыркнул Кеша.

«Не так, как вы рассчитываете и представляете, но по сути верно. Ваш земной носитель уничтожен физически, и вы станете другим человеком, я даже могу назвать его — Кирилл Тихомиров. Он полковник финразведки».

«Да хоть сам генерал! Вы… дадите мне его тело? В качестве носителя?»

«Нет, выход будет более сложным».

«Если шанс есть… вы даёте гарантии?»

«Всё будет зависеть от вас самих. А что касается гарантий… вы считаете меня человеком? Я обещаю только то, что могу дать».

«Хорошо, я согласен. Забирайте меня отсюда».

«А меня?!» — вскричал Кеша.

«Вам тоже найдётся носитель», — пообещал Ювинга.

«Ещё вопрос: эта женщина… ВерЛюба…»

«Снова он о бабах!» — хихикнул Кеша.

Савва сдавил его так, что «я» Кеши пискнуло, не имея возможности «дышать».

«Ещё раз пошутишь — убью!» — пообещал Савва.

«ВерЛюба не более чем подпрограмма, как и Виктория Шахова», — сказал Ювинга.

«Для меня она — живой человек!»

«Хорошо, я позабочусь о ней. У вас всё?»

«Мы уйдём, а Самсунг останется? И будет продолжать свою беспощадную политику? Сталкивать людей между собой?»

«Он не ангел, но его деятельность в каком-то смысле полезна».

«Пока она не начнёт угрожать высшим операторам? Так?»

«В общем, вы недалеки от истины».

«Тогда поищите для роли оператора Царцаха другую персону».

Савва одним мощным всплеском воли развеял сознание Самсунга, ждущего, когда его освободят, в дымные струи.

Вскрикнул Кеша:

«Ты с ума сошёл?!»

«Да», — расслабился Савва, ощущая полную потерю сил.

Ювинга бархатно рассмеялся.

«Восхищаюсь вашим упрямством, майор, хотя и не одобряю столь жёстких мер. Вам понравится ваш новый носитель —

полковник Тихомиров».

Савва представил, как на стоянке аэровокзала он успевает выдернуть Лилию из-под колёс «Лексуса», и улыбнулся…

Май 2015

Криптозой

Он на земле был только странник,
Людьми и небом был гоним.

М. Ю. Лермонтов. «Ангел смерти»

Интерлюдия

Выстрел был не слышен.

Пуля попала в левое переднее колесо джипа, он резко вильнул, выехал на полосу встречного движения и врезался в несущийся на большой скорости пустой самосвал. Скрежет тормозов, визг покрышек, удар!

Джип развернуло и снесло ещё дальше, на крайнюю полосу шоссе. Под вой клаксонов и скрип тормозов в него врезались ещё несколько машин. Самосвал тем временем продолжал двигаться боком и налетел на трейлер, а тот, в свою очередь, отвернул вправо и сбил бензовоз.

Еще удар! Взрыв!

Клочья и струи горящего бензина разлетелись по шоссе в радиусе пятидесяти метров. Одна из струй окатила тормозивший пикапчик на базе «Москвича», за рулём которого сидела женщина. Пикап налетел на автобус, перевернулся и взорвался. Женщина-водитель не успела выбраться из кабины, а её пассажира, открывшего дверцу, выбросило на асфальтовую ленту. Превратившись в живой факел, он поднялся, прошёл, шатаясь, с десяток метров, упал. Пламя погасло. К мужчине подбежали люди, перевернули на спину, срывая дымящиеся остатки одежды, но он был уже мёртв…

Оператор в коконе эйдоконтроля покачал головой и остановил движение. Картина трагедии на шоссе Нижний Новгород — Москва застыла. Оператор ещё раз покачал головой. Расчёт узла коррекции был настолько безупречен, что совпали даже мелкие детали плана оперативного вмешательства с его реализацией. Объект был ликвидирован так виртуозно, что никто не смог бы усмотреть в трагедии злой умысел. Вернее, направленный процесс. И все же было безмерно жаль объект, достигший определённого уровня и ставший в этой реальности фигурой духовного влияния.

— В чём дело? — послышался голос второго оператора. Всего под куполом иезода контроля находилось одиннадцать человек. Точнее, существ, похожих на людей, но обладавших иным набором органов чувств и возможностей.

— Я изменю программу, — сказал первый оператор по имени Ювинга, остановивший движение бытия в объеме сети контроля.

Соседний кокон эйдоконтроля раскрылся, из него выглянул оператор-2, изумлённо глядя на кокон первого оператора. Его звали Диаблинга. Раскрылись и остальные коконы, похожие на огромные кожистые яйца с рисунком вен. Первый оператор

выбрался из своего «делателя реальности» и прошёлся по упругому живому светящемуся полу иезода, поглядывая на прозрачные стены купола, за которыми горели костры миров. Вызвал обслугу иезода и вынул из воздуха бокал с мерцающим внутри зеленоватым текучим пламенем. Медленно выцедил.

— Ты с ума сошёл! — проговорил оператор-2, подходя к нему и проделывая ту же процедуру. Только пламя в его бокале было сиреневого цвета. — Зачем тебе это понадобилось?

— Надоело, — скривил губы Ювинга. — Надоело скрупулезно исполнять спущенные сверху непреложные Законы и Ограничения. Этот парень, которого мы ограничили, достоин того, чтобы жить. Он — шестой из серии отклонений, которую я называю «отступлением к совершенству». Шестой, понимаешь?! Может быть, дать ему шанс? Пусть попробует изменить мир.

— Он не может изменить свой мир произвольно! Для этого ему нужна обратная связь.

— Я дам ему канал, пусть попытается понять, кто он на самом деле.

— Каким образом?

— Через меня. Я спущусь туда, в его реальность.

— Ты с ума сошёл! — повторил Диаблинга, оглядываясь на коллег, собравшихся вокруг возникшего стола с напитками. — Спустившись туда, ты станешь обыкновенным фантомом с ограниченными возможностями и небольшим количеством жизней. К тому же назад ты можешь и не вернуться. Он, — оператор-2 поднял глаза к потолку, — не одобрит твоего своеволия.

— Я приму меры, — усмехнулся Ювинга. — Меня будет очень сложно вычислить в той реальности.

— Всё равно это опасно, — проворчал Диаблинга. — Я бы на твоём месте не рисковал. Какого дьявола! Чего тебе не хватает?

Оператор-1 ответил не сразу:

— Не знаю… может быть, острых ощущений?

— Ты и так можешь внедрить свою психоматрицу в любого человека той реальности, чтобы получить острые ощущения.

— Иллюзия жизни неравноценна жизни.

— Но ведь это МЫ живём в полном смысле этого слова! А наш подопечный игровой объем — лишь майя! Сон! Иллюзия!

— Не совсем. Любой из них может достичь нашего уровня и выйти из игрового объёма в нашу реальность. Мы тоже — из своего в высшие планы. Да и кто знает, что реально в этой жизни, а что нет.

— Ты пробовал? Я имею в виду — переход вверх?

— Нет.

— А один из моих приятелей пытался.

— Ну и что?

— Его стёрли!

— Кто лежит, тот не падает. — Ювинга похлопал собеседника по плечу, залез в свой кокон. — В случае чего ты ни при чём. Я сам выбрал свою судьбу.

Кокон закрылся.

Операторы иезода заторопились по своим местам, перебрасываясь шутками, обещая друг другу «до предела осложнить жизнь». Лишь одиннадцатый оператор не шутил сам и не отвечал на обращения. Он слышал разговор первого и второго операторов и взвешивал своё решение. Закрывшись в своём коконе и воспарив над контролируемым слоем метареальности, он преодолел запрет на контакт, играющий роль системы ограничения доступа к Гиперсети, и вызвал оператора вышестоящего уровня.

Их контакт длился несколько секунд, после чего одиннадцатый оператор «спустился» к себе и забыл о том, что произошло.

Первый оператор в этот миг закончил процесс внедрения своей психоматрицы в сознание выбранного индивидуума в реальности, называемой Землёй, и вышел в игровое пространство…

За мгновение до выстрела за спиной снайпера, удобно расположившегося на крыше неработающего поста ДПС, возникла призрачная фигура, сотканная из тумана. Снайпер потянул за курок винтовки, ствол которой следил за движением джипа, что-то мелькнуло у него перед окуляром, словно солнечный зайчик ударил по глазам… и пуля попала не в скат, а в ступицу колеса. Джип дернулся, однако не свернул влево, как было рассчитано, и миновал точку коррекции. Стрелять по нему ещё раз с этой позиции было уже нецелесообразно.

Снайпер выругался, опустил винтовку и оглянулся. Но сзади уже никого не было. Лишь в воздухе таяло редкое облачко то ли дыма, то ли тумана. Заговорила рация:

— Сотый, Сотый, в чём дело?! Почему не стрелял?!

Снайпер открыл рот, чтобы ответить, и замер, услышав ещё один голос — внутри головы, бесплотный и бесстрастный:

«Спокойно, капитан! Не торопись объяснять необъяснимые вещи. Говорить и думать будем теперь вместе, беру управление на себя».

— Кто… ты?! — прошептал снайпер.

«Не вслух, капитан, учись отвечать мысленно.

Я твой бог защиты. И не только твой. У нас с тобой

ответственная миссия — выжить самим и спасти одного парня. Приготовился? Начинаем…»

— Сотый, что ты сказал?! — донесла рация свирепый шёпот руководителя операции.

— Я… промахнулся, — окрепшим голосом ответил снайпер.

Рация принесла порцию мата и умолкла.

Сухие твёрдые губы снайпера изогнулись, обозначая улыбку, жёлтые глаза на мгновение вспыхнули, когда он поднял голову к небу и подмигнул неизвестно кому.

Внезапно на шоссе что-то изменилось.

Самосвал, несшийся по левой полосе с большой скоростью, вильнул вправо, и снайпер не услышал, а всей обострившейся сферой восприятия почувствовал выстрел.

Очевидно, пуля попала в правое заднее колесо самосвала, пробив оба его ската. Он резко отвернул, наталкиваясь на пикап «Москвич» с женщиной за рулём, попытавшийся объехать его ещё правей, и на этот пикап налетел бензовоз, также тщетно старавшийся затормозить и не попасть в аварию.

Рёв сигналов, скрип тормозов, грохот множественных столкновений!

Пикап перевернулся. На него рухнул бензовоз. Раздался взрыв! Струи и клочья горящего бензина разлетелись в радиусе полусотни метров от места трагедии. Пикап вспыхнул. Женщина-водитель не успела выбраться из кабины, и хотя её пассажиру удалось это сделать, спастись ему было не суждено. Облитый горящим бензином, он прошёл, шатаясь, несколько метров и упал. Пламя на нём погасло. Но когда к нему подбежали люди, он был уже мёртв.

А вот женщина-водитель не пострадала! Ей удалось накинуть на себя куртку и выскочить из кабины, когда вокруг уже бушевало пламя. Лишь загорелась куртка, которую она поспешила отбросить прочь, рванувшись к мужчине.

Снайпер — в миру капитан группы особых операций Московского СОБРа Игорь Утолин, — открыв рот, смотрел на горящие машины, и вместе с ним, но с иными чувствами, смотрел на узел коррекции тот, кто понимал, что произошло на самом деле.

Программа ограничения или попросту — ликвидации Фигуры Влияния в этом мире была продублирована! Психоматрица оператора, внедрённая в сознание и подсознание снайпера, не могла помочь тому, кто был обречён более мощной программой коррекции данной реальности. И оператор понял, что назад ему дороги нет!

«Кажется, мы с тобой крепко влипли, капитан, — проговорил

внутри головы Утолина голос его „бога защиты“. — Придётся выкручиваться».

Капитан не ответил. У него было точно такое же мнение.

Глава 1. Встреча на мосту

Каньон был поистине великолепен! Солнце стояло высоко, и он был виден весь, на всю глубину, как на ладони, и дух захватывало от его величественных слоистых стен, колоссальных плитчатых останцов, живописных скал и вьющейся по его дну реки с прозрачной водой и галечными берегами.

Наблюдатель, стоящий на самой высокой горе над каньоном, шевельнул пальцем, и каньон стал удаляться, терять чёткие очертания, расплываться под сгущающейся дымкой атмосферы, стал одним из коричнево-зелёных пятен на пузатом боку Земли. Наблюдатель повис над планетой между тонкой вязью облаков и чёрной бездной неба, полюбовался фрактальными очертаниями материков и океанов, затем устремился ввысь. Через несколько мгновений он расположился над плоскостью эклиптики Солнечной системы на расстоянии ста миллионов километров от центральной звезды и некоторое время разглядывал шары планет, пояс астероидов — неплохую выдумку разработчиков метареальности — между четвёртой и пятой планетами, ещё один пояс — кометно-астероидный, на краю системы, за орбитой последней планеты — Плутона. После чего устремился дальше по «этажам» Вселенной, обозревая Галактику, давшую жизнь Солнечной системе и Земле, скопление галактик, струи скоплений галактик, образующие сетчато-ячеистую структуру местной Вселенной, и наконец «корону» из чёрных дыр, ограничивающую сферу жизни.

Дольше всего Наблюдатель рассматривал великолепную четырёхветвистую спираль Галактики с еёсияющим ядром — балджем, в центре которого находилась довольно массивная чёрная дыра, — так она была красива! В некотором роде Наблюдатель был эстетом, не чуждым эмоций. Закончив своё путешествие по мирам «слоёного пирога»… реальностей, он вышел из местной метареальности и оказался в Сфере Сущностного Сосредоточения, которую на человеческом языке можно было бы отразить термином «командный пункт» или Центр Управления Всем Сущим.

Описать Сферу тем же человеческим языком невозможно, так как сознание людей отражало бы её по-разному, в силу опыта, знаний, фантазии и ощущений. Она имела большее количество измерений и являлась одновременно и конкретным объектом, и пространственным континуумом неизмеримой сложности, и Вселенной со своими законами и константами.

Наблюдатель, порождение этих законов, мог принимать

любой облик в любой реальности из подвластных ему миров, но чаще всего при прямых контактах с такими же, как он, существами равных уровней «слоёного пирога реальностей», представал перед ними в образе человека. Таким был Творец Гиперсети, Отец Второго Замысла, такими были и его дети — контролёры иезодов, осмысливающие Творение Отца и создающие собственные вселенные. Наблюдателя при этом можно было назвать Выразителем Несогласия, а того, кто ждал его в Сфере Сосредоточения, — Ангелом Воплощения.

Они встретились в центре «зала», церемонно поприветствовали друг друга и, не сговариваясь, создали вокруг пейзаж для беседы: огненная река, по одну её сторону — зелёные кущи, леса и цветущие луга, глубокое голубое небо, золотое ласковое солнце, по другую — хаос каменных россыпей, жуткие скалы, дымящиеся пропасти, тусклые кровавые всполохи и ручьи малиновой вязкой лавы, стекающей по склонам вулканов, а также мост, соединивший оба берега огненной реки.

— Ты расстроен, — констатировал Ангел, одетый в ослепительно белые одежды; лик его был задумчив и кроток, хотя в глазах отражались колоссальный ум, понимание и воля.

— Будешь тут спокоен… — вздохнул Выразитель Несогласия, щеголявший в сложном текучем костюме цвета утренней зари: платиновые и золотистые струи, нежно-оранжевые переливы, розовые звёзды и голубые перья.

— Снова бунт в резервации? — догадался Ангел. — Какой же уровень взбунтовался на этот раз?

Он имел в виду то обстоятельство, что миры, созданные его собеседником, время от времени начинали жить непредсказуемо, переставали подчиняться программам контроля и достигали высот самореализации, позволяющих им не подчиняться законам их метареальности. И тогда Выразителю Несогласия приходилось усмирять непокорных, свёртывать программы развития и сбрасывать возникшие очаги своеволия в хаос очищения.

— Да вот появился ещё один претендент на роль Демиурга, — проворчал Выразитель с лёгкой усмешкой. — Решил, что ему всё дозволено, что он самостоятелен и самодостаточен.

— Какой уровень затронут на этот раз?

Он имел в виду, что Вселенная Выразителя была нелинейной, многоуровневой, и каждый уровень был для их обитателей абсолютно реальным.

— Шестой.

— Кто носитель?

— Человек, претендующий на роль Фигуры Влияния.

— Случайно не из твоего клона?

Имелось в виду то обстоятельство — и Ангел знал это, — что одна из рас-программ шестого уровня (планета Земля) была создана по образу и подобию Выразителя.

— К сожалению, нет. — Выразитель добродушно рассмеялся. — С этим вопросом я ошибся, мой клон, к великому сожалению, себя не оправдал и деградирует. Но всё равно я добьюсь своего.

Ангел кивнул. Он знал, что его собеседник мечтает об Абсолютной Свободе самовыражения, отставляя Познание Первозамысла на второй план. Выразитель Несогласия давно и безуспешно пытался изменить Базовые Принципы, чтобы стать Корректором Первозамысла, однако ему мешал Закон, «вмороженный» в Первотворение Создателем, Закон, опирающийся на этику высшего порядка. Но такая этика не устраивала идущего вслед за Творцом.

Выразитель, прищурясь, посмотрел на Ангела:

— У тебя таких проблем нет?

Ангел улыбнулся:

— Нет.

— К сожалению, у нас разные подходы к Предначертанности и Предназначению.

— А ты сделай как я: дай им полную свободу.

— Чтобы они потом объявили всеобщее равенство, добрались до меня и ограничили? Нет уж, я сделаю иначе: сотворю программу, равную по значению Первозамыслу. Она преодолеет барьеры Отца, и тогда Первым стану я!

Ангел с сомнением покачал головой:

— Едва ли это возможно. Барьер Первозакона для нас непреодолим. Для тебя — в особенности.

— Почему только для меня?

— Ты ведь отрицаешь такие категории этики, как Святость и Праведность, Совесть и Великодушие, а Первозакон базируется именно на них.

— Глупости! — с досадой махнул рукой Выразитель. — Нет таких преград, которые нельзя было бы преодолеть!

От взмаха его руки огненная река под мостом запылала ярче.

Ангел внимательно посмотрел на затвердевшее тёмное лицо собеседника. Выразитель Несогласия не был адептом Хаоса и Тьмы, отрицающим направленную организацию форм материи, но создаваемые им структуры являлись отражениями таких категорий метаэтики, как Безмерное Тщеславие, Презрение, Агрессивная Вседозволенность, Ложь и Предательство. Подобные структуры отражали темные стороны созидания и уводили в

сторону от осмысления Первозамысла всех, кто пытался понять и описать Абсолют и Сущность Творца.

— Ты рискуешь стать Проклятым, — тихо сказал Ангел.

— Ерунда! — отмахнулся Выразитель, вызывая огненную бурю в реке и чёрные смерчи по ту сторону моста, где зеленели луга и леса. — Я достаточно силен, чтобы идти своим путём.

Движением бровей Ангел рассеял смерчи, вздохнул:

— Удачи я тебе желать не буду. Но ты делаешь ошибку.

Выразитель беспечно рассмеялся:

— Хочешь, поспорим? Я выйду за границу отведённых мне пространств и добьюсь своего!

Ангел покачал головой и исчез.

Вместе с ним исчез мост, соединяющий мир огня и смерти с чистым сияющим миром, называемым людьми по-разному: Рай, Ирий, Славь. Миром, где царило Согласие. Выразитель остался висеть в воздухе над рекой, задумчиво разглядывая её и зелёное раздолье по ту сторону реки. Вытянул вперёд руку, сводя пальцы особым образом. С торца ладони вырвалась ветвистая чёрная молния, ударила в холм на берегу, поросший высокими странными растениями, похожими на хвощи или на папоротник. Растения потеряли цвет, съёжились, почернели, оплыли. Холм растрескался и осел, начал расплываться дымящейся зеленовато-серой лужей. В то же мгновение рука Выразителя раскалилась докрасна, поросла чешуей и превратилась в длинный корявый вырост с чёрными когтями.

Выразитель озадаченно оглядел свою руку, погладил её другой рукой, возвращая прежнюю форму и цвет. Холм в мире Слави перестал корчиться и плыть, засиял, окутался ослепительной золотистой короной и восстановил очертания. Только растения на нём возникли другие, похожие на березы с золотыми листьями, как символы чистоты и светлых надежд.

Выразитель взбил ладонью гриву чёрных волос на голове, плюнул в реку, что вызвало в ней образование чёрного провала, и нырнул в этот провал, как в омут.

* * *

Вынырнул он у стен гигантского мрачного замка, расположенного на вершине горы причудливой формы. Гора была окружена хаосом таких же необычных гор, скал и хребтов, заполняющих всё видимое — на миллиарды и миллиарды километров! — пространство. Небо над этой горной страной представляло собой пелену буро-фиолетового тумана с неяркими

светлыми прожилками, напоминающими рисунок вен на человеческой коже. Изредка из этой пелены высовывались расплывчатые тёмные фигуры жутких очертаний и прятались обратно. Ни звёзд, ни солнца этот бесконечный, сложный, многомерный мир не имел.

Замок, как бы проросший из недр горы, поражал мрачной готической красотой и сам представлял собой сложнейшее многомерное образование. Слово «замок» не отражало его сущностной оценки и всех заложенных в нем потенций, функций, структур и алгоритмов, но все же больше всего для его оценки, описания и восприятия на человеческом языке подходило понятие «замок». Это была обитель Выразителя, созданный им узел пространств и времен, своеобразный Центр Управления, из которого он наблюдал за всеми своими творениями и корректировал их жизнедеятельность.

Его встретили Исполнители Желаний Господина, предугадывающие каждое его движение и даже тень мысли. Таким был создан обслуживающий персонал Замка, представляющий собой одну коллективную интеллектуально-динамическую систему, не имеющую инстинкта самосохранения. Точнее, подчиненную Господину до степени полной несамостоятельности и гиперпослушания. Система была так отлажена и совершенна, что Выразитель её не замечал и не выражал никаких эмоций, получая то, что было необходимо ему в данный момент. Однако его настроение было минорным, и хозяин нашел-таки причину, чтобы придраться к обслуживанию и заменить одну из систем «живой автоматики», позволившую напомнить Хозяину о его планах.

Вспомнив спор с Ангелом Воплощения, он некоторое время бродил по комнатам-пространствам Замка, размышляя о способах реализации собственного Замысла, затем с удобствами расположился в иезоде коррекции реальности и снова вышел в уровень над Метавселенной, которую создал сам.

В этом тяжёлом материальном мире с закрытой памятью были созданы такие условия жизни, которые позволяли лишь отдельным населявшим его сущностям пройти «ады» социума и стать личностями планетарного и космического масштаба. Беда крылась в том, что эти сущности, преодолевая уровни совершенствования, не хотели подчиняться Господину и не терпели жесткого контроля. Таких приходилось ограничивать. Тем же, кто осознавал принципы Творения своего мира и подчинялся программе Господина, разрешалось создавать свои вселенные, и они становились операторами уровня, корректорами реальностей с заданными параметрами и известной степенью

самостоятельности.

Выразитель внимательно оглядел свои владения — от макрообъектов гигантских масштабов до элементарных частиц — и вызвал иезод контроля данной Метавселенной, корректирующий «нижние этажи» реальности.

Уровень операторов, участвующих в «игре виртуальностей», был очень высок. Они давно догадались, что являются «живыми» программами, подчинёнными замыслу Господина, но приняли условия игры и с удовольствием играли реальностями нижних уровней, образующими Гиперсеть инвариантов сущего — Миров, в каждом из которых работала своя команда операторов. На их деятельность, как и на деятельность самого Господина, было наложено ограничение в виде префактического модуля обратной связи, о чём догадывались далеко не все операторы, а лишь наиболее сильные и «продвинутые», так называемые Фигуры Влияния или Персоны Воли. Но именно они и являлись фактором беспокойства Выразителя, отказываясь от слепого подчинения базовым программам, имеющим статус Законов и Принципов. За время существования Гиперсети Выразителю пришлось сменить не одну команду операторов (он «сбрасывал» их в нижние слои-проекции игры), пока не выросла система контроля критических отклонений. Но и она не являлась абсолютным гарантом власти Выразителя над созданной им же Гиперсетью миров. Время от времени проявлялась очередная супериндивидуальность, Персона Воли, и надо было изменять константы реальности, чтобы возникшее «отклонение к совершенству» не распространилось на всю Гиперсеть.

Сойдя на нижний уровень Сети в форме «духа», Выразитель остался сущностью, представ перед операторами иезода этого уровня в виде существа из плоти и крови, хотя мог бы воплотиться в любого из них. Но ему важен был разговор, чтобы оценить настроение подчинённой команды, поэтому прямое считывание информации не требовалось.

Операторов этого уровня (их можно было условно квалифицировать как операторов уровня-2, в то время как сам Выразитель был оператором уровня-1[14]) насчитывалось пять. Все они, являясь индивидуальными исполнителями и творцами реальности уровня-3, были связаны системой контроля в единое целое, хотя обладали свободой самовыражения в пределах своего уровня.

Появившись в сфере иезода контроля уровня-2, напоминающего Центр Управления, владыкой которого был сам Выразитель, но с меньшим количеством степеней свободы (измерений), Создатель Гиперсети оглядел замерших от

неожиданности операторов и усмехнулся, забавляясь их испугом и растерянностью. Прямыми контактами он их не баловал, предпочитая внедрение в психику нужного оператора.

— Приветствую вас, мои тени, — сказал он. — Кажется, меня здесь не ждали?

Операторы — с виду люди с текучей наружностью (в пределах формы человеческого тела) — переглянулись. Они сидели за Оком Контроля, которое можно было с долей истины назвать объёмным дисплеем, и забавлялись тем, что «гоняли» по границам игровой программы операторов уровня-3, заставляя их устранять возникающие «спонтанно» дисгармонии, неустойчивости и бифуркации. Нередко в результате таких забав эти неустойчивости не компенсировались, биоценозные системы метареальностей разрушались и становились строительным «мусором», из которого операторы уровня-2 создавали фундаменты новых антихаотических систем.

— Великий Искуситель! — пробормотал один из операторов, предпочитающий жёлто-оранжевую цветовую гамму одежды[15].

Выразитель Несогласия покачал пальцем.

— Но-но, уважаемая тень, не слышу в голосе должного почтения. Тем более что термин «искуситель» отражает лишь небольшую часть моих задач. Итак, господа, по моим сведениям, у вас возникла проблема под названием «отклонение от нормы». Координаты?

— Вы же знаете… — заикнулся оператор в жёлто-оранжевом.

— Если я спрашиваю, надо отвечать!

— Уровень-6, — тихо сказал второй оператор, одежда которого дымилась всеми оттенками коричневого цвета.

На самом деле он произнёс мысленную фразу, имеющую не один смысл, но перевести её на человеческий язык можно было и как «уровень-6».

— Метагалактика в эпохе интенсивного аллогенеза, — добавил «серо-чёрный» оператор. — Жёлтая звезда в периоде обслуживания социума. Планета Земля. Территория с сильнейшей стагнацией памяти поколений — Россия, настроенная на принципиальное появление сильных операторов.

— Кто разрешил?

Операторы иезода-2 снова переглянулись.

— Вы, экселенц, — почтительно склонил голову «жёлто-оранжевый» оператор.

Выразитель сдержал крепкое словцо (мысль), помолчал, прощупывая психосферы собеседников. Аура «жёлто-оранжевого» ему не понравилась, оператор явно жаждал самостоятельности и умел скрывать свои мысли. Им стоило заняться в

индивидуальном порядке. Но позже.

— Что произошло на уровне-6?

— Возник устойчивый энергоинформационный объём, не подчиняющийся внешнему контролю.

— Носитель?

— Человек, один из духовных наставников России программы «волхв».

— Разве вы не в состоянии его ограничить?

— Чтобы ограничить влияние растущей депрессии, мы заблокировали границы и спустили Пса[16] на нижние уровни, однако носителю отклонения помог оператор уровня-6. Внедрился в психику кого-то из своих теней — людей и исчез.

— Имя?

— Вишьяпарика Ювинга. Сам он называл себя Демиургом.

Выразитель поднял брови, глаза его мрачно вспыхнули.

— Он не лишен юмора. Но что я слышу? Взбунтовался оператор нижнего уровня! Тень моей тени! Подпрограмма в глобальной программе игры! И вы не смогли с ней справиться?!

Операторы иезода-2 отвели глаза.

— Мы его найдём, — пообещал «серо-чёрный» оператор. — От наших Псов ещё никто не уходил, тем более на нижних уровнях.

— Немедленно измените сценарий игры и ликвидируйте!.. — Выразитель умолк, ловя возникшую идею. — Впрочем, постойте, это мы всегда успеем… Что, если этот новый носитель сможет стать зондом?..

— Кем? — с удивлением спросил «жёлто-оранжевый».

Выразитель очнулся.

— Пусть все идет своим чередом. Я не верю, что индивидуальность масштаба уровня-6 сможет достичь самореализации вашего уровня, но кто знает? Вдруг этот носитель преодолеет потенциальный барьер между сферами Универсума и откроет путь к Абсолюту? Может быть, он недаром назвал себя Демиургом?

Операторы молча смотрели на своего Господина, тщательно скрывая свои мысли.

Выразитель улыбнулся, оглядел их лица с мерцающим огнем скрытого сомнения и ожидания невозможного в глазах, помахал рукой:

— До новых встреч, тени.

— Что прикажете нам делать, Создатель? — подобострастно спросил «коричневый» оператор.

— Все, что считаете необходимым в нынешнем положении.

С этими словами Выразитель исчез и вышел уже в своем

Замке. Выразитель не верил, что нарушитель спокойствия, житель планеты Земля, действительно представляющий, по сути, подпрограмму в программе реализации этой реальности, сможет стать энергоинформационным зондом и проникнуть в Сферу Базового Задатчика, принадлежащего Творцу. Зато и жалеть, в случае гибели зонда, будет некого: подпрограммы для того и были созданы, чтобы ими управлять, заменять их и нейтрализовать. В конце концов можно было заменить даже всю эту программу, которую люди Земли считали Вселенной. А выигрыш стоил свеч.

Власть!

Небывалая, необъятная, невероятная, бесконечная и вечная Власть!..

Глава 2. Такие вот дела

Бабушка умерла на сто четвёртом году жизни, ночью, во сне. Господь забрал её тихо-тихо, бережно и нежно, словно задул свечу — и всё. И одной доброй душой на свете стало меньше.

Казалось, она будет жить всегда, никому не мешающая и вечно всем необходимая. В последние годы она сильно сдала, мало двигалась, похудела, буквально высохла, плакала, встречая внуков, плакала, провожая их, но в глазах горел всё тот же огонёк заботливости и доброты, а губы виновато улыбались, будто она стеснялась своей беспомощности и ещё более того, что живёт так долго.

И вот её не стало, и в её старом доме, да и в той части Пскова, где знали Ульяну Георгиевну, поселилась печаль.

Жила бабушка Ульяна в древнем квартале Запсковья, недалеко от церкви Козьмы и Демьяна с Примостья, в собственном бревенчатом доме, построенном ещё в середине девятнадцатого века прапрадедом Ильей. Теперь этот дом осиротел и как-то сразу постарел, осел и потемнел, будто из него вынули душу. Впрочем, так оно и было. Дом знал, что никто не заменит хозяйку, кто бы здесь ни поселился.

На похороны Кирилл приехал последним из всех родственников, сестёр и братьев. Работал он начальником отдела оперативного реагирования ФСФР — Федеральной службы финансовой разведки при Министерстве финансов — и с трудом добился разрешения на выезд из столицы в Псков на два дня.

Кириллу Ивановичу Тихомирову пошёл сорок первый год. Родился он в июне тысяча девятьсот шестьдесят четвёртого года в Пскове, там же закончил школу и политехнический институт. Затем пятнадцать лет проработал в Службе внешней разведки (сфера деятельности — анализ финансовых потоков европейских стран) и уволился из СВР после расформирования отдела. Затем был востребован Службой финансовой разведки России и, проработав там два года, возглавил отдел оперативного реагирования.

Из всей обширной семьи Тихомировых Кирилла отличали целеустремлённость, самостоятельность и вера в себя. Он был открыт всему новому, изобретателен, склонен к анализу, любил всё классифицировать и раскладывать по полочкам, что не раз помогало ему в жизни. Вместе с тем он обладал великолепной реакцией, отказывался от второстепенных вещей ради достижения поставленной цели и умел обходиться минимумом необходимого, что не раз выручало его в экстремальных

ситуациях.

Родившись ребёнком хилым и болезненным, Кирилл начал в шесть лет заниматься физкультурой, увлекся самбо, потом другими видами боевых искусств и в двадцать восемь лет стал чемпионом Европы по дзюдо в среднем весе. Ещё через десять лет он получил титул «сокола соколов» по русбою, хотя мало кто знал об этом: посвящение в «соколы» не афишировалось адептами русбоя. Да и работал Кирилл тогда в сверхсекретной конторе, закрытой не только для журналистов и широкой общественности, но и для большинства властных структур.

Выглядел он моложе своих лет. Метр восемьдесят четыре. Развернутые плечи, приятная осанка, темные волосы, короткие, но пышные. Продолговатое лицо, прямой нос, подбородок с ямочкой и спокойные внимательные серые глаза, иногда вспыхивающие ледяным блеском предостережения. Что бывало редко. Весь облик Тихомирова создавал удивительное впечатление надежности, спокойствия и непробиваемой уверенности в себе. Что вполне соответствовало истине. Единственное, чего Кириллу не хватало в жизни, по его собственному мнению, — это умения быстро завязывать теплые, дружеские отношения, а по оценке начальства — интереса к политической жизни. Хотя сам Кирилл недостатком это не считал.

Похороны бабушки Ули состоялись во вторник третьего марта на старом кладбище в Запсковье. О месте похорон договаривались родичи Кирилла в его отсутствие, ждали только его, и как только он загнал машину во двор дома, похоронная процессия двинулась в путь. Решено было пронести гроб с телом Ульяны Георгиевны по улице, где её все знали, потом погрузить в автобус и уж затем ехать на кладбище.

Шел двенадцатый час дня, везде ещё лежал снег, мороз держался на уровне десяти градусов — весна и не думала возвращаться на Псковщину, — однако люди терпеливо шагали за гробом и молчали, вздыхая. Оркестра не было. Бабушка Уля не терпела шума и громких проводов.

У автобуса толпа начала расходиться, остались только те, кто должен был ехать на погост, всего шестнадцать человек, считая и Кирилла. Машин на всех не хватило. Пришлось возвращаться к дому бабушки, где её соседки начали уборку и подготовку к поминкам. В машину Кирилла сели трое: сестра Люда, тётка Валя и бабушка Степанида. Остальные разместились в автобусе — отец и мама Кирилла, двоюродные сёстры и братья, дядька Довмонт и две тётки — и в машине Михаила, старшего брата Кирилла.

До кладбища доехали не быстро: гололед и снег не

способствовали передвижению процессии; подождали, пока сторож откроет замок, заехали на пятачок за воротами, откуда гроб снова на руках отнесли в маленькую церковь при кладбище. Отпели Ульяну Георгиевну скоро, тихо и до обидного буднично. Тётки и сестра всплакнули, а Кирилл чувствовал себя неуверенно и не знал, куда девать руки со свечой, с которой горячий воск все время капал на пальцы.

Могилу бабе Уле вырыли рядом с могилой её мужа, погибшего в пожаре на льняной фабрике, где он до восьмидесяти семи лет работал в охране. Там же находились могилы её отца и матери и других родственников. Однако у свежевырытой могилы процессию неожиданно остановили два дюжих молодца в ватниках с лопатами. Один из них держал в руке мобильный телефон.

— Поворачивайте, — грубо сказал один из них, обросший рыжей щетиной. — Эта дырка занята.

Люди, провожавшие Ульяну Георгиевну в последний путь, онемели от неожиданности.

— Но мы же заплатили! — наивно воскликнула Антонина Петровна, мать Кирилла и она же — дочь бабушки Ули. — Это место бабушки! Тут весь наш род лежит…

— Ничего вашей бабке не сделается, если она полежит в другом месте. Здесь хоронить запрещено.

— У нас есть разрешение…

— Несите к забору, — махнул рукой второй могильщик, с мобильным телефоном, закуривая. — Дырка уже выкопана. Да побыстрей, нам некогда, клиенты косяком пошли.

— Но так нельзя! — растерянно проговорил Иван Васильевич, отец Кирилла, переглядываясь с мужчинами. — Мы заплатили, договорились, ваш начальник обещал…

— Сказано — несите к забору, значит, несите! Нечего лясы точить. А то сами закапывать свою бабку будете. Там вон ещё покойника привезли, более сговорчивого.

— Что будем делать? — обратился расстроенный Иван Васильевич к остальным.

— Может быть, им на лапу дать? — вполголоса предложил брат Кирилла. — Скинемся по полтиннику…

— Я уже давал, — признался Иван Васильевич.

— Значит, мало давал, это же мафия, их тут много.

— Сколько надо? — подошел к молодцам Иван Васильевич.

— Ты столько за сто лет не заработаешь, батя, — ухмыльнулся могильщик с рыжей щетиной. — Это место у березки забронировал один очень важный начальник, так что несите свою старуху дальше.

Кирилл поймал полный недоумения и боли взгляд мамы и шагнул вперёд.

— Кто из вашего начальства сейчас на месте?

Могильщики посмотрели друг на друга, одновременно пожали плечами.

— Мы тут начальники. Да и зачем он тебе? Все равно придётся хоронить в другом месте.

— Проводите меня к вашему боссу.

— Да пошёл ты… — Парень с сигаретой не договорил.

Кирилл подошёл к нему вплотную, вонзил заледеневший взгляд в мутные глаза мордоворота и тихо произнёс:

— Веди!

Могильщик вздрогнул, выронил сигарету, бросил на напарника тупой взгляд и зашагал к двум низким строениям у ворот кладбища, в одном из которых находилась мастерская по изготовлению надгробий и памятников, а во втором обитали сами могильщики.

— Эй, Дёма, ты куда? — забеспокоился рыжебородый.

— Жди здесь, — сказал ему Кирилл не допускающим возражений тоном.

Молодец с мобильником привёл Тихомирова к домику мастерской, распахнул дверь, свернул налево, открыл ещё одну дверь, толстую, обитую утеплителем, и Кирилл оказался в небольшом, но уютном и хорошо обставленном кабинетике. Здесь стояли шведский холодильник «Вагриус», плазменный телевизор «Армада», мини-бар «Дрофа», стол из вишневого дерева и четыре низких кожаных кресла. За столом сидел средних лет лысый господин в чёрном костюме и читал газету. Он с удивлением оглядел нежданных гостей.

— В чем дело, Дёма?

Голос у господина был густой и булькающий, как у протодьякона, будто он говорил животом.

— Да вот, хотят с вами поговорить, — упавшим голосом произнёс молодец с мобильником и попятился к двери.

— Иди.

Могильщик вышел.

— Слушаю вас, — пробулькал лысый, кивая на кресла. — Присаживайтесь. Чем могу?

— Спасибо, я постою, — отказался Кирилл. Покачал головой, оглядывая интерьер кабинета начальника похоронной команды. — Хорошо живете, господин старшой. Неплохо, видать, зарабатывает ваш синдикат.

Блеклые глаза лысого метнули молнии, губы сжались.

— С чем пожаловали, господин… э-э?

— Полковник Тихомиров. — Кирилл издали показал своё удостоверение малинового цвета с золотым двуглавым орлом.

— Какие проблемы, полковник? — поджался лысый.

— Это не у меня проблемы, а у вас, — усмехнулся Кирилл. — Ваши мальчики перепродали участок, принадлежащий уважаемому человеку.

— Не может быть! — покачал головой директор кладбища, не особенно удивившись. — У нас с этим строго.

— Пойдёмте, покажу.

Лысый посмотрел на дверь.

— Дёма!

В кабинете появился квадратнолицый могильщик, успевший сунуть в рот ещё одну сигарету.

— О каком участке речь? Этот гражданин утверждает, что вы… э-э… поменяли участок.

— Так вы же сами велели, Клавдий Хазиахметович. Участок номер сто сорок три, там новая планировка, две могилы убираются, а на их место…

— Чей это участок?

Могильщик покосился на Кирилла.

— Вот его родственницы.

— Это моя бабушка, — сказал Кирилл. — Необходимые документы получены, за работу уплачено, а нам говорят — место занято! Это как понимать?

Лысый перевёл взгляд на могильщика:

— Участок оставить! Помогите людям похоронить старушку.

— Но там же…

— Я сказал — оставить! Потом поговорим.

Квадратнолицый пожал плечами, повернулся и потопал из кабинета босса, бурча что-то под нос. Лысый начальник кладбища развёл руками, приятно улыбнулся:

— Ошибочка вышла, товарищ полковник. Запамятовал, как вас…

— Тихомиров.

— А что у вас за служба, если не секрет?

— ФСФР.

— Я так соображаю, Федеральная служба финансовой разведки?

— Правильно соображаете, — кивнул Кирилл, удивляясь в душе осведомлённости начальника провинциального кладбища. — Значит, мы можем продолжать похороны?

— Несомненно. У нас иногда случаются накладки, вы уж не обижайтесь.

Кирилл поклонился и вышел, унося в памяти цепкий и

далеко не ласковый взгляд лысого босса.

Его встретили вопросительными взглядами изрядно продрогшие на морозе родичи.

— Всё в порядке, — коротко доложил Кирилл. — Можем хоронить, где наметили.

— Спасибо, сынок, — просияла мать.

Все засуетились, взялись за гроб. Женщины заплакали. Кирилл тоже с трудом удержался от слез, вспоминая ласковые бабкины руки и добрую улыбку.

Молодцы, которые вели себя до этого по-хамски пренебрежительно, молча занялись своим делом. Вскоре гроб с телом бабушки Ули был опущен в могилу, закидан землей, сверху насыпали аккуратный продолговатый холмик и воткнули в него деревянный крестик с именем умершей. По весне отец и дядьки пообещали поставить крест побольше с портретом бабушки и покрасить оградку. Церемония похорон закончилась.

Могильщики, получив от Тихомирова-старшего по сотне «за услуги», проводили родственников «клиента» равнодушными взглядами и, вскинув лопаты на плечи, побрели туда, где их ждал ещё один «клиент». Кирилл подумал, что не мешало бы выяснить, по какой причине местная похоронная мафия решила перенести место захоронения, но связываться с этими людьми не хотелось. Наверняка всё уперлось бы в «ошибку» персонала.

С кладбища возвращались в молчании.

За стол сели в пять часов пополудни, когда уже начало смеркаться.

— Как тебе удалось убедить тех бандитов? — подсел к Кириллу брат Михаил. — Я уж думал — придётся отступить. Не драться же с ними на кладбище.

— Попросил по-хорошему, они прониклись, — ответил Кирилл.

Михаил недоверчиво покачал головой:

— Что-то я не припомню случая, чтобы кладбищенская мафия откликалась на добрые слова. Такие структуры признают только силу или деньги.

— Ты не рад, что все закончилось мирно? — прищурился Кирилл.

— Почему? Рад, конечно. Просто подумал, что надо было идти всем мужикам, для представительства.

— Такие конфликты лучше всего решать тихо, без угроз и силового давления. Махать кулаками попусту не стоит.

— А ты мог бы их побить, если бы понадобилось?

Кирилл улыбнулся:

— Мог бы.

— Они же вон какие здоровые! Хотя ты ведь до сих пор занимаешься рукопашкой?

— Это образ жизни.

— Понимаю. Хотя отношусь к этому по-другому. Как говорится, водка — сила, спорт — могила. А приходится применять навыки в твоей работе? Кстати, чем ты занимаешься на своей службе? Чудно, ей-богу, — финансовая разведка. Звучит как подглядывание за чужими деньгами.

— Навыки применять не приходилось, а занимаюсь я довольно нудным делом — охраняю финансовых инспекторов. Бывают случаи, когда на них оказывается давление, им угрожают, суют взятки, требуют не совать нос куда не надо и даже захватывают в заложники. Тогда поднимают по тревоге мой отдел, и мы разряжаем ситуацию. А вообще наша служба сугубо гражданская, мирная, призванная отслеживать финансовые потоки всех уровней. По сути это компьютерный финансово-аналитический центр при Минфине.

— Значит, иногда тебе всё-таки приходится воевать?

— Ну, смотря что понимать под этим термином. Во всяком случае, оружие и боевые навыки мы применяем редко.

— Но всё же применяете?

Кирилл не успел ответить. К нему подсела мама, и разговор свернул в другое русло. Вспоминали бабушку, её мужа и родителей, согласились, что бабы Ули будет всем не хватать, поговорили о житейских проблемах. Дед Степан предложил продать бабкин дом, но с ним не согласились, так как дом оставался особым местом, хранилищем памяти поколений, хранилищем традиций, где всегда собирались родичи Тихомировых и Пантюшиных, чтобы не только пообщаться и вспомнить прошлое, но и подпитаться положительной энергетикой этого места. Решено было, что в дом переедет тётка Валентина, которая жила в двухкомнатной квартире в центре Пскова вместе с семьей младших Пантюшиных.

Засиделись до позднего вечера. Потом мужчины вышли покурить, пока женщины прибирали в доме. Кирилл не курил, но постоял вместе со всеми, не принимая участия в разговоре. На него снова напала тоска, хотя он и понимал, что бабушка не могла жить вечно. Да и умерла светло, умиротворённо.

Отец и дядьки поговорили ещё о том о сём и стали расходиться. Вскоре в опустевшем доме остался один Кирилл, собиравшийся переночевать здесь, а утром отправиться в Москву. Побродив по комнатам со скрипучими половицами, он расположился в бывшей спальне отца, за печкой, поворочался некоторое время, прислушиваясь к тишине дома, потом понял,

что не уснет, и встал. Выбрал на полке томик из собрания сочинений Некрасова, зажёг торшер, расположился в кресле в горнице, где он всегда любил сидеть, когда приезжал сюда, и начал листать книгу, вспоминая, как держал её в руках много-много лет назад, когда ещё учился в школе. Наткнулся на знакомое стихотворение, медленно прочитал вслух:

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!

И в это время послышался стук в дверь.

Кирилл удивлённо глянул на часы: третий час ночи. Подумал: кто бы это мог быть? Может, вернулся отец, чтобы сыну не было одиноко?

Но это был не отец.

Прислушиваясь к своим ощущениям и не чувствуя холодка тревоги, Кирилл вышел в сени, включил свет и распахнул дверь. На него исподлобья, оценивающе смотрела высокая молодая женщина в собольей шубке с непокрытой головой. На улице шёл легкий снежок, и волосы ночной гостьи искрились от снежинок, словно посыпанные жемчугом. Она была не то чтобы красива, но миловидна, с крупными, красивого рисунка губами и слегка раскосыми зеленовато-серыми глазами. И эту женщину Кирилл знал. Её звали Лилией Калашниковой. Больше десяти лет назад она была его женой.

— Здравствуй, — сказала она низким, слегка хрипловатым голосом, от которого он когда-то сходил с ума. — Я опоздала? Бабу Улю уже похоронили?

Кирилл кивнул, сглатывая слюну, как завороженный разглядывая бывшую жену.

— Как жаль! — огорчилась Лилия, сморщив нос. — Я поздно узнала, а так хотелось успеть.

Кирилл промолчал, подумав, что её присутствие не принесло бы радости никому из его родных и близких. Никто из них не знал причины её ухода от него, все осуждали жену и не жаждали с ней встреч. Все, кроме него самого.

Лилия усмехнулась:

— Ты не впустишь меня?

Кирилл очнулся, безмолвно отступил в сторону. Потом выглянул на улицу, ища глазами машину или какой-нибудь другой транспорт, на котором прибыла Лилия, ничего и никого не увидел и закрыл дверь.

В горнице сильно пахло смолой, на полу ещё лежали еловые ветки. Гостья сбросила шубку и осталась в серебристо-белой пушистой водолазке, обтягивающей высокую грудь, и бежевого цвета, с чёрными кистями, юбке. Кирилл предложил ей тёплые тапочки, которые баба Уля держала специально для гостей, и Лилия сбросила кремовые сапожки почти без следов снега. По-видимому, её высадили у дома Тихомировых и машина сразу уехала. Хотя Кирилл и не слышал мотора.

— Чай, кофе? Могу сделать глинтвейн.

— Я не замерзла. Но от глинтвейна, пожалуй, не откажусь.

Кирилл отмерил в необходимых пропорциях ингредиенты для напитка: красное сухое вино бордо, сахар, корица, гвоздика и две дольки апельсина и лимона, подогрел вино, смешал всё и подал гостье в фарфоровой чашке — бокалов у бабы Ули не водилось издавна.

Лилия взяла чашку обеими руками, отхлебнула, поискала глазами, где бы сесть, и Кирилл усадил её в своё кресло. Когда-то и ей нравилось сидеть в нём, забравшись с ногами, в те времена, когда они вместе приезжали погостить на родину Тихомировых.

Словно подслушав его мысли, она поджала ноги и с удовольствием расположилась в кресле, сразу придав уют и законченность интерьеру комнаты.

— Ты один? — Лиля подняла взгляд на хозяина, севшего на стул у круглого столика, стоявшего по центру горницы.

Кроме стола, кресла, трёх стульев и кровати, здесь ещё стояли этажерка с книгами, платяной шкаф, подставка с телевизором «Енисей» — подарком Кирилла, и прялка, чей возраст не уступал бабушкиному. На стене висели оленьи рога и старые фотографии в рамочках — своеобразная история рода. Кроме рогов и фотографий, на другой стене, между окнами, висел репродуктор времён Отечественной войны, а в углу красовалась старинная икона в серебряном окладе — божья матерь с младенцем на руках.

— Один, — с запозданием ответил он, понимая, о чем идет речь.

Лилия оценила его заторможенность, улыбнулась с какой-то странной грустью.

— Не ожидал?

— Нет, — честно признался Кирилл.

— Почему не женился?

— Не нашел пары.

— Может быть, плохо искал?

— Ты же знаешь, что это бесполезно. Женщина, необходимая как воздух, встречается на пути только раз. Мне не повезло, что

это была ты.

Лилия с любопытством посмотрела на собеседника.

— Раньше ты говорил другое.

— То было давно. Я был молод и влюблен.

— А сейчас разлюбил?

Кирилл промолчал, ловя себя на мысли, что не знает ответа на этот вопрос. Но представить, что Лилия снова с ним, было трудно.

Подождав ответа, гостья сделала вид, что ничего особенного не заметила. Взгляд её упал на затрепанный томик Некрасова на столе. Она взяла его в руки, перелистнула и прочитала со значением:

За личным счастьем не гонись
И богу уступай, не споря…

— Говорят, ты работаешь в другом месте. Это правда?

— Правда.

— Почему ты решил уйти из своей сверхсекретной конторы?

— Расформировали одну из служб, счёл за благо уйти в отставку.

— Но ведь и новая служба — тоже разведка?

Кирилл внимательно посмотрел на женщину. Она не спрашивала, она знала о месте его новой работы, хотя выяснить это было довольно сложно, не имея доступа к кадровой службе ФСФР.

— Ты неплохо информирована для обыкновенного бухгалтера.

Лилия засмеялась.

— А может быть, я уже главный бухгалтер.

Заметив, как неприязненно сжались губы Тихомирова, она перестала смеяться, добавила виноватым тоном:

— Извини, шутить в такой день грешно. Жаль, что ушла баба Уля. Я её тоже любила. Кристальной души был человек.

Помолчали.

Потом Лилия допила глинтвейн, поставила чашку на стол, остро пригляделась к лицу Кирилла.

— А ведь ты, похоже, не простил… ведь так?

Кирилл стиснул зубы, чтобы не наговорить лишнего. Прошлое всколыхнулось в душе с такой силой, что заныло сердце.

Лилия понимающе качнула головой, усмехнулась сквозь все ту же странную грусть и боль.

— Похоже, шансов у меня нет.

— У нас разные жизни, — с трудом разлепил губы Кирилл.

— Наверное. Ты не хочешь спросить, как я живу?

Он посмотрел ей в глаза, но прямого взгляда не выдержал, отвернулся. Сказал глухо, понимая, что выглядит неуверенно:

— Нет!

В своих мечтах он не раз проигрывал ситуацию возвращения жены, но там все было так романтично и празднично, можно сказать, торжественно, что едва ли могло реализоваться в жизни. И он не был уверен, что простил жене её увлечение. Он тогда уехал в Германию и год не возвращался, выполняя задание, требующее полной самоотдачи. Но она этого не поняла и демонстративно подала на развод…

— Что ж, значит, не судьба, — сказала она с грустной улыбкой, превращаясь в прежнюю Лилию, властную и своенравную. — По правде говоря, я тоже редко вспоминала тебя, такого прямого и твердого. Мой второй муж ни разу не дал мне повода сомневаться в нем.

— А я давал?

— Во всяком случае, ты никогда не делился со мной своими заботами, никогда не спрашивал меня, чем я занята… — Она прервала себя. — Впрочем, зачем я тебе об этом говорю?

Кирилл отвернулся, помолчал.

— Кто твой муж?

— Он недавно погиб… при странных обстоятельствах. Авария на шоссе, взорвался бензовоз… я чудом осталась жива… Сообщаю не для того, чтобы ты сочувствовал.

— Прости…

— Кстати, я до сих пор не уверена, что была тогда виновата перед тобой. Если бы ты захотел, ты бы меня понял.

Она потянулась, вылезла из кресла, так что в разрезе юбки мелькнуло красивое бедро; фигура у неё была все такой же прекрасной, вызывающе женственной и влекущей.

— Прощай, полковник.

Он тоже поднялся.

— Куда же ты на ночь глядя? Оставайся, места хватит.

Она покачала головой.

— Меня ждут. К тому же у меня неприятности, не хочу, чтобы они отразились на твоей праведной жизни. Если бы ты этого действительно хотел, я бы осталась. Спасибо за глинтвейн.

— Но сейчас не ходит никакой транспорт. Подбросить тебя?

— Не беспокойся, я доберусь. Прощай, Кирилл Иванович. Давно хотела встретиться с тобой, посмотреть, каким ты стал. Жаль, что нас свёл этот прискорбный случай. Но ты не изменился.

Кирилл нахмурился.

— Это плохо?

Она погрустнела.

— Не знаю… Для тебя, наверное, хорошо.

Лилия взяла шубку и зашагала к двери, ступая широко и решительно. На пороге оглянулась:

— Один вопрос, если можно. Если мне вдруг понадобится твоя помощь, ты не откажешь?

Он озадаченно пожевал губами, не зная, что стоит за словами Лилии.

Она усмехнулась и вышла.

Постояв несколько секунд в ступоре, Кирилл опомнился, выбежал в сени, потом на улицу.

Шел снег. В полусотне метров мелькнула в свете фонаря светлая фигурка.

— Я помогу! — крикнул он.

— …сибо, — донеслось из снежной круговерти.

Фигурка исчезла.

Вот и всё, проговорил кто-то внутри Кирилла трезвым голосом. Вы больше не встретитесь. А её просьба о помощи — только тест на вежливость. Ты обладаешь многими достоинствами и умениями, полковник, кроме одного: умения прощать. Может быть, поэтому счастье так и не поселилось в твоём доме?.. Кстати, что она там говорила о неприятностях? Муж погиб… неприятности… Может быть, ей тоже угрожает опасность?..

Захотелось броситься вслед за ней, остановить, ударить, убить и воскресить снова, заплакать и засмеяться и с ненавистью признаться, что он до сих пор любит её…

Кирилл провел ладонью по лицу, стирая капельки воды от растаявших снежинок, покачал головой и вернулся в дом. Зря не спросил, где она работает, пришла вторая трезвая мысль. Придется искать по старым каналам.

До утра он так и не уснул, а утром пришёл отец, помог очистить двор от снега и выкатить машину сына за ворота. Напившись чаю и поговорив с Иваном Васильевичем о предстоящих заботах по уходу за могилой бабушки, Кирилл обнял его и поехал в центр Пскова, на улицу Толстого, где жила мама. Попрощался и с ней. Но о том, что приезжала Лилия, он не сказал ни отцу, ни матери.

Через полчаса Кирилл был на шоссе Москва — Санкт-Петербург. Ещё через несколько минут он заметил, что его «двадцатку» сопровождает чёрная «Волга».

Глава 3. Пришествие необъяснимого

Все звали его Лавриком, хотя шёл ему уже тридцать восьмой год и по паспорту он был Лаврентием Павловичем Киндиновым. Слежку за собой он заметил случайно, когда по привычке зашёл поужинать в китайский ресторанчик «Дружба» рядом со станцией метро «Новослободская»; очень уж там был хорош «шведский стол», которым можно пользоваться хоть целый день — благо количество подходов не ограничивалось.

Съев салат из медуз и утиные яйца в желе, Лаврентий обратил внимание на взгляд человека в сером свитере и вспомнил, что он его уже видел. Этот парень встретился ему ещё днём, когда Лаврентий ездил на своем новеньком «Фольксвагене-Бора» для получения визы: в отпуске он хотел побывать в Австралии. Затем молодой человек в куртке и лыжной шапочке провожал Лаврика по дороге из офиса к автостоянке. И вот теперь он сидел в ресторане за три столика от него и делал вид, что ужинает.

Лаврик не обратил бы на него внимания, если бы не этот острый изучающий взгляд, таящий скрытую угрозу и пренебрежение. Будто обладатель свитера, куртки и вязаной шапочки знал за Лавриком некие прегрешения, рисующие его в негативном свете.

Впрочем, прегрешения у Лаврика были.

Во-первых, он был любопытен и в свободные от работы минуты нередко залезал в чужие сети, взламывал серверы и секретные файлы с весьма серьёзной защитой, хотя хакером не был. Точнее, был им несколько лет назад, до того как его пригласили работать программистом в Центробанк, а оттуда — в службу финансовой разведки. В настоящее время Лаврентий Киндинов работал главным специалистом центра компьютерных технологий ФСФР и сам вынужден был сражаться с хакерами, которые норовили взломать защиту центра.

Вообще же парень в свитере олицетворял собой последнее звено в цепи странных происшествий, в течение последних трёх месяцев преследовавших Лаврентия. А началось всё с визита сурового с виду мужика лет тридцати пяти, который, как оказалось, знал о Лаврике всё и который предложил ему решить интересную проблему. За очень большие деньги.

И Лаврентий не удержался от соблазна, хотя речь шла о создании универсального алгоритма, позволявшего взламывать любую защитную систему, какой бы принцип она ни использовала.

Подогревало интерес Лаврика и то обстоятельство, что современные компьютеры недавно получили способы защиты не только от онлайновых грабителей, но и от так называемых «зомби-атак», когда ложные пакеты идут с различных неповторяющихся ай-пи-адресов, принадлежащих несуществующим компьютерам — «зомби». Вдобавок к этому учёные предложили новинку — фотонный способ защиты от вторжений, использующий на страже информации фотоны-близнецы, реагирующие на внешнее влияние одновременно и одинаково, даже если они разнесены на немалые расстояния; этот способ позволял отслеживать и ловить злоумышленника очень быстро — в течение нескольких минут. В своё время Лаврентий пытался разработать соответствующую технологию обхода такой защиты, но забросил, так как появились новые интересы, связанные теперь уже с защитой сетей, а не с нападением на них. Теперь же, получив от визитера заказ, он взялся за его реализацию с интересом и энтузиазмом, не заботясь о последствиях. По его убеждению, проблемами последствий и безопасности сетей и вообще информационных разработок должны были заниматься компании, заинтересованные в сохранении тайн.

Лаврентий Киндинов с рождения был склонен к анализу, пытался всё объяснить с точки зрения логики, имел высокие интеллектуальные показатели и целеустремлённо добивался поставленной цели, что помогло ему поступить в институт, закончить его и стать классным специалистом, знающим принципы работы современных компьютеров, в том числе квантовых.

Вместе с тем для него характерны были резкие перепады настроения, стремление отодвинуть на потом решение важных общественных вопросов, отсутствие интереса к людям и материальной сфере, зацикленность на своих рабочих проблемах и пренебрежение к проблемам житейским. Вероятно, именно эти черты характера и отпугивали женщин, с которыми он завязывал отношения, поэтому попытавшись дважды начать семейную жизнь, он в конце концов отказался от дальнейших экспериментов и жил один, целиком отдаваясь работе.

Зарабатывал он неплохо и мог позволить себе жить на широкую ногу, тем более что в наследство от деда ему досталась хорошая четырёхкомнатная квартира в районе Суворовской площади, недалеко от сада ЦДРА. Однако в силу тех же личностных приоритетов Лаврентий тратить деньги не любил, в том числе на одежду и рестораны (ресторан «Дружба» не в счёт, это был обыкновенный пункт питания, достаточно дешёвый и

расположенный близко к дому), и позволил себе потратиться лишь на приобретение компьютера и машины. Виртуальное пространство компьютера стало его второй вселенной, более необходимой, чем реальная, а машина стала средством доставки тела в нужную точку городского пространства, более удобным, чем все остальные транспортные средства. Хотя ездил Лаврентий в основном на работу да иногда к родителям и друзьям, точнее — приятелям, таким же фанатам компьютерных развлечений. Друзей у Лаврика не было со школьных времён.

Если бы он обращал на себя хоть чуточку внимания, от женщин отбоя бы не было, так как природа наградила его почти всем: ростом (метр девяносто), широкими плечами, осанкой, красивыми пышными волосами, волной падающими на шею, хорошо вылепленным лицом с прямым носом и карими глазами.

Бриться он не любил и периодически зарастал до протодьяконовского облика, что при минимальном уходе даже шло ему. Беда была в том, что Лаврик забывал даже о минимальном уходе за собой и брился, а заодно мылся и приводил в порядок одежду не чаще одного раза в месяц.

Лицо его слегка портили губы, слишком большие и безвольные (в школе его дразнили губошлепом), но подбородок — крутой и сильный — скрашивал общее впечатление, и если красавцем Лаврика назвать было трудно, то уверенным в себе экземпляром мужика — можно. Знали обратное только женщины, с которыми он встречался по необходимости. Что, впрочем, его абсолютно не трогало. Лаврентий Павлович Киндинов был вполне самодостаточен и упрям в своих заблуждениях.

Появление парня в шапочке, олицетворявшего некую структуру, о которой Лаврентий имел самое смутное представление, переполнило наконец и его чашу терпения. Надо было что-то делать, с кем-то советоваться, а он не знал — с кем, ибо понимал, что довериться приятелям не может. Тем более что в жизни началось необъяснимое.

За три месяца, прошедшие с момента получения задания от визитёра, представившегося капитаном Утолиным, Лаврик добился многого, постепенно подбираясь к решению задачи, но как только у него начало что-то получаться, тут же пошла полоса необычных происшествий, тянувшаяся до сих пор.

Сначала он потерял свой паспорт. Во всяком случае, его не удалось найти нигде, хотя Лаврентий не поленился перерыть всю квартиру, гараж и машину, а также опросил всех знакомых, у кого он мог случайно оставить удостоверение личности. Паспорт канул в неизвестность. И тут же через два дня после этого открытия к Лаврентию нагрянула милиция с проверкой

паспортного режима. Лаврик был вполне законопослушным гражданином и не знал, правомочна ли такая проверка, но честно доложил о потере паспорта. За что и пострадал. Двое суток его продержали в КПЗ районного отдела внутренних дел «для выяснения личности», потом заставили заплатить штраф и отпустили.

На работе ему долго пришлось объяснять своё отсутствие, и хотя ему поверили — главный специалист по компьютерам не пил, в дурных компаниях замечен не был, — но стали поглядывать косо. Служба всё же была серьёзная и не прощала своим работникам ошибок и обмана.

Через три дня после получения нового паспорта произошла очередная неприятность. У Лаврика вскрыли гараж и хотя машину не угнали, но вытащили из неё ноутбук, с которым он не расставался даже в дороге, и комплект зимней резины. Пропажу комплекта Лаврентий пережил спокойно, а вот потеря ноутбука подействовала на него угнетающе. Тем более что в нем хранился оперативный файл по разработке программы «универсального взлома сейфов», которую сам Лаврик называл Программой ПН — Преодоления Невозможного.

На этом, однако, неприятности не кончились.

В январе «Фольксваген» Лаврентия подрезала тёмно-синяя иномарка — «БМВ» последней модели, он резко свернул вправо и аккуратно въехал в снегоуборщик, покалечив машину по полной программе. Травм удалось избежать по причине малой скорости движения. Чиниться же после этого пришлось около месяца, но главная неприятность крылась в другом: у Лаврика отняли водительские права. На полгода. Хотя в принципе виноват в автоаварии он не был.

Права он по совету приятелей выкупил через две недели за изрядную сумму и ездил теперь осторожно, контролируя все догоняющие машины.

А в феврале воры залезли в квартиру и вынесли всю видеотехнику, не тронув почему-то компьютер, за что Лаврентий был им очень благодарен. Правда, пропали все трёхдюймовки, денситины и сидюки, но сам комп не пострадал, а дискет хотя и жалко было, однако ничего серьезного Лаврентий на них не держал. Как и в памяти своего классного «Мака». Единственное, что позволили себе оставить взломщики квартиры, проверив память «Мака», это заставку, возникающую при загрузке операционных систем в виде рисунка, чье название обычно пишут хулиганы на стенах подъездов и на заборах.

О том, что воры оставили ещё и «троянского коня»[17], Лаврентий выяснил чуть позже, когда понял, что кто-то считывает

его программы во время работы «Мака».

Он запустил антивирус, просмотрел реестр, инишные файлы, директорию автозапуска, заодно глянул и на список процессов в поисках «странного» и проверил описания троянов. Когда таким образом удалось вычислить нахала, Лаврик послал ему пожелание обозначиться и получил в ответ ехидную улыбку и имя хакера: Гуру. Кто скрывался под этим именем, выяснить не удалось.

И наконец на него наехали настоящие бандиты, встретив Киндинова в подъезде его собственного дома поздно вечером, когда он возвращался от знакомой, которая терпела его редкие появления.

Бандитов было двое, в масках, они отобрали у Лаврентия кошелек, часы, интерактивные очки для объёмных видеоигр, а главное — дискету с фрагментом решаемой задачи ПН. Затем бандиты избили Лаврентия до беспамятства и исчезли.

На крики не вышел ни один жилец дома, и Лаврентия обнаружила старушка, выгуливавшая дворнягу-мопса размером со спичечный коробок. Найти грабителей не удалось. Лаврик не смог внятно описать их облик и одежду. Зато у начальства на работе появился ещё один повод для недовольства и негативной оценки сотрудника. Проявил к нему сочувствие лишь один человек — Кирилл Тихомиров, начальник группы оперативного реагирования, занимающийся охраной фининспекторов и розыскной службой. До этого момента он казался Лаврику человеком в футляре, уравновешенным во всех отношениях, подчеркнуто вежливым и спокойным.

Понятное дело, Лаврентий не стал посвящать его во все детали своей побочной работы, несмотря на живое человеческое участие с его стороны, однако общаться с ним стал больше и даже как-то пригласил в кафе — на двадцать третье февраля, чтобы отметить мужской праздник не в одиночестве. Теперь же, сидя в ресторане и посматривая на парня в свитере (шапочку и куртку тот, естественно, снял, словно обычный посетитель), Лаврентий пожалел, что не рассказал Тихомирову всё, что с ним приключилось в последнее время. Это был, наверное, единственный человек, который мог бы ему помочь.

Допив кофе, не чувствуя его вкуса, Лаврентий встал из-за стола, и тотчас же поднялся парень в свитере, быстро направился к выходу из ресторана. На объект своего внимания он не смотрел, но обольщаться не стоило: Лаврентий никак не мог миновать входной двери и собственной машины. Потоптавшись в нерешительности в вестибюле, он выглянул на улицу, увидел за трамвайными путями знакомую фигуру в куртке и шапочке,

терпеливо топтавшую кашу из грязи и снега, и повернул обратно. В вестибюле он достал мобильный телефон и позвонил Тихомирову, молясь в душе, чтобы полковник ответил.

Ему повезло. Начальник группы оперативников оказался дома. Выслушав сбивчивую речь Киндинова, он сказал всего одно слово: «жди», и появился в ресторане буквально через двадцать минут, оправдывая свою должность, хотя жил на окраине столицы, в Крылатском.

— Он там… — дернулся было Лаврентий к выходу, но Кирилл взял его под руку, подтолкнул в зал.

— Я обратил внимание. Пойдём посидим. Я только что приехал домой и не успел поужинать.

Они уселись в уголке зала, почти никогда не заполнявшегося до отказа, Кирилл сделал заказ и сказал, когда официантка в красном кимоно удалилась:

— Рассказывай.

Лаврентий, не бривший уже больше двух недель, поскреб бородку, усы, в нерешительности пригладил волосы, поймал насмешливо-уверенный взгляд Тихомирова и криво улыбнулся:

— Не знаю, с чего начать…

— С самого начала, — усмехнулся в ответ Кирилл, отмечая боковым зрением появление в зале парня в шапочке. Тот пошарил глазами по столикам, обнаружил Киндинова и скрылся.

— Ты не поверишь, — пробормотал Лаврик.

— Это зависит от того, что и как ты расскажешь.

— Но это может быть опасно! К тому же я занимаюсь этой работой… — Лаврентий прикусил язык, все ещё не решаясь признаваться в незаконности своей «исследовательской деятельности». Когда его пригласили в Федеральную службу финансовой разведки, он дал подписку не только о неразглашении тайны, но и о запрете на самостоятельное решение задач частного характера. Одним словом, ему разрешалось, если чесались руки, лишь играть и разрабатывать игровые мультимедийные программы.

Тихомиров понимающе кивнул, принимаясь за еду. Он заказал рыбу в кляре, два чисто китайских салата из огурцов, жареных водорослей и лапши, а также соевый суп с пирожками.

— Если боишься, лучше не начинай. Я поем и поеду.

Лаврентий вспотел, отпил минералки, глубоко вздохнул.

— Дальше будет ещё хуже… а посоветоваться не с кем. Я, конечно, псих, что взялся за это дело, но более интересной работы я ещё не встречал. К тому же мне выдали полный пакет существующих кряков[18], некоторые из них я никогда не применял и даже не знал об их существовании, а также

уникальную аноним-аксеску[19]. Я хоть и примат[20], но такой ещё не встречал!

— Кто тебе все это выдал?

— Он назвался Игорем Утолиным и предъявил удостоверение капитана какой-то спецслужбы.

— Какой?

— Я не понял. Там ещё было напечатано: «Подразделение спецопераций».

Тихомиров хмыкнул:

— Зачем капитану спецназа понадобилось искать компьютерщика на стороне? У них своих хватает.

— Он заплатил… — Лаврик осёкся, виновато посмотрел на оставшегося спокойным собеседника, торопливо добавил: — Но я не из-за денег взялся. Честное слово, интересная проблема. За такую вообще можно взяться без вознаграждения, потому что если удастся её реализовать — Нобелевка обеспечена!

— Понятно. Теперь давай обо всем по порядку.

Лаврик покосился на входную дверь ресторана, ещё раз глубоко вздохнул и, словно ныряя в омут с головой, начал рассказ.

Когда он закончил, Тихомиров допивал чай. С виду он был невозмутим и рассеян, но Лаврентий чувствовал, что собеседник заинтригован и обеспокоен. Ожидать, что он похвалит компьютерщика за успехи, не приходилось. Лаврик опустил голову, понимая, что влип в глупую, а главное — в опасную историю.

— Это похоже на процесс, — проговорил наконец Кирилл.

— Какой процесс? — не понял Лаврентий.

— Тебе это как системщику-программисту ничего не напоминает?

Лаврентий задумался.

— Ну, если отвлечься от реалий… и применить блат-язык… это похоже на роутерное блокирование вируса в режиме чекиста[21].

— Я не силен в вашей зубодробительной терминологии, но смысл понял. На тебя оказывается направленное воздействие. Процесс давления. Хотя я не понимаю, почему он такой беззубый.

— Ничего себе — беззубый! — скривил губы Лаврик. — Паспорт украли, ноутбук, избили…

— Чтобы предупредить человека, в наше время достаточно одного телефонного звонка. Тебе звонили?

— Н-нет…

— Странно. Если твоя работа кому-то активно не нравится, он мог просто позвонить твоему начальству и намекнуть о твоих

незаконных расчетах. В крайнем случае тебя можно остановить и по-другому.

— Это как?

— Ликвидировать, к примеру. Тем более что сделать это не так уж и сложно. Вместо этого за тобой пускают топтунов и давят на психику как любители.

Лаврентий изумлённо посмотрел на невозмутимое лицо полковника.

— За что меня ликвидировать?! Я ведь даже не вирус создаю, а «универсальную отмычку», ПН…

— Что за ПН?

— Это я так назвал программу, ну или, если хочешь, алгоритм — Преодоление Невозможного. Сокращённо ПН.

Кирилл усмехнулся:

— Может быть, твоим недругам и не нравится, что ты приближаешься к цели.

— Кому?

— Скажем, конкурентам твоего заказчика. Кстати, он часто с тобой встречается?

— Только звонит. Но половину суммы уже отдал.

— Ты можешь ему позвонить?

— Нет, он не дал номера телефона, хотя мобильник у него есть, сам видел.

— Жаль. Вызвали бы этого капитана и побеседовали бы, зачем ему понадобилась «универсальная отмычка». В своё время я знавал одного человека по фамилии Утолин, но того звали Константин, и капитаном спецназа он не был. И все же я чего-то не понимаю…

Лаврик промолчал. Он переволновался, устал и хотел только одного: попасть к себе домой, в своё уютное гнездышко с компьютером и уйти в другие миры, где ему лично никакая опасность не грозила.

— Ладно, пошли. — Тихомиров встал.

— А как же… этот? — кивнул на выход Лаврик.

— Во-первых, вряд ли тебе грозит по-настоящему серьёзная опасность, во всяком случае, в данный момент. Это не слежка, а демонстрация слежки, направленная на деморализацию объекта. Причём достаточно действенная. — Кирилл дернул уголком губ, намечая улыбку. — Если бы тебя хотели убрать, они сделали бы это без труда. Боец из тебя никакой. Во-вторых, этих филеров мы сделаем.

— Как?

— Положись на меня. Садись в свою тачку и поезжай домой, не слишком быстро, но и не медленно. И не останавливайся, что

бы ни произошло.

— Понял. А ты?

— Я поеду следом.

Лаврентий вышел из ресторана первым, залез в кабину «Фольксвагена», стараясь не смотреть по сторонам, и выехал из ряда иномарок на стоянке.

Парень в вязаной шапочке, сторожевший выход, тотчас же нырнул в тёмно-серый, затрапезного вида «Донинвест» с подмосковным номером, и тот двинулся за машиной Киндинова.

Кирилл сел в свою серую «двадцатку» с форсированным японским мотором, мельком отметил движение тех, кто следил за ним — вполне профессионально, не так, как это делали филеры, идущие за Лавриком, и поехал за обеими машинами.

Слежку за собой он заметил ещё в Пскове, но не придал ей особого значения. Его довели до Москвы и скрылись. Но потом та же самая чёрная «Волга» повела его утром от дома до офиса, и Кирилл понял, что за него взялись всерьёз. Не понимал он только причины этого внимания, так как вины за собой никакой не знал и, чем мог заинтересовать какую-то спецслужбу, не догадывался. Но и реагировать пока не спешил, ожидая развития событий.

«Фольксваген» Лаврика свернул с Сущевской улицы на Селезнёвскую, выехал на Суворовскую площадь. Серый «Донинвест» не отставал, двигаясь в тридцати-сорока метрах от «Фольксвагена» Киндинова. Лаврентий обогнул площадь, свернул на улицу Советской Армии, и в это время «двадцатка» Тихомирова круто подрезала «Донинвест», заставив его водителя резко свернуть вправо, в результате чего он врезался в одну из патрульных машин третьего батальона ГИБДД, располагавшегося в тупичке справа от улицы Советской Армии.

«Донинвест» попытался было сдать назад и объехать милицейский «Форд», но тут же раздались свистки, и выскочившие инспектора остановили нахала. Что было дальше, Кириллу узнать не довелось. Он догнал «Фольксваген» Лаврика, заехал за ним во дворик дома в Октябрьском переулке и поставил «двадцатку» впереди машины Лаврентия. Вышел, включил сигналку, глядя на арку, в которой показалась чёрная «Волга». Его преследователи не отстали.

— Я видел, — сказал возбужденный Лаврик, кивая назад. — Лихо ты их!.. Что теперь?

— Теперь я провожу тебя домой, и ты покажешь мне свою работу.

Киндинов пощипал бородку, поднял взгляд.

— Хорошо, я тебе доверяю. Только не пугайся. И никому не рассказывай.

— Само собой, — легко согласился Кирилл.

Они поднялись на пятый этаж старой девятиэтажки и вошли в квартиру Лаврика.

Глава 4. Зимние мухи

Кирилл впервые попал в квартиру компьютерщика, с которым был знаком без малого два года, поэтому некоторое время потратил на осмотр интерьера всех четырёх комнат, после чего пришёл к выводу, что холостяк холостяку рознь, однако в общем они схожи: отсутствием тепла и уюта в своих жилищах. Хотя сам он, по собственному мнению, какой-то уют всё-таки поддерживал.

Однако больше всего поразила гостя не старинная мебель советской эпохи, выточенная, судя по её массивности, из цельных брёвен, а обыкновенные мухи, летающие из комнаты в комнату, как самолёты-разведчики. Мало того, Кириллу показалось, что бороздят они воздушное пространство квартиры не по воле инстинкта, а целенаправленно, следуя за гостем и хозяином, и Тихомиров не преминул поделиться предположением с Лаврентием.

— Чепуха! — отмахнулся тот рассеянно, включая свою гордость — компьютер фирмы «Макинтош» пятого поколения. — Мухи, слава богу, не комары, они не кусаются, летают тихо и мне не мешают.

— Они у тебя всегда зимой живут?

— Нет, эти появились недавно, в конце прошлого года. Да чем они тебя так расстроили? Я же говорю: хорошо, что не комары. Кстати, я тут позавчера прочитал в Инете, что у комаров есть зубы. Кто-то насчитал у них во рту двадцать два микроскопических зуба. Представляешь?

Кирилл не представлял. Зато подумал, что мухи в доме Киндинова появились зимой неспроста. Захотелось поймать одну и посмотреть на сошедшее с ума насекомое.

— Ещё я там вычитал, — продолжал Лаврентий, — что в Италии ежегодно проводятся чемпионаты по убийству комаров. Охотники должны за пять минут голыми руками прихлопнуть на собственном теле как можно больше этих кровопийц. Победителю вручают отлитую из золота фигурку комара и медаль. Как тебе это нравится?

— Шиза! — убеждённо проговорил Кирилл.

— Согласен. Хотя интересно.

Лаврентий вложил в дисковод радужно блеснувший компакт.

— Сейчас раскрою секретку. Для предосторожности я все свои файлы зашифровал.

— Не боишься, что кто-нибудь вскроет?

— Мои хрен кто вскроет! — ухмыльнулся компьютерщик. — Я сам бывший хакер и сделал защиту от кряков собственноручно.

Хочешь посмотреть новую гаму? Потрясающе натуральная секс-программа!

— Предпочитаю секс в материальном виде. Виртуальным пусть занимаются мальчики с бо-бо в головке.

На экране монитора вспыхнула надпись: «Совершенно секретно. Продукт не лицензирован. Разработчик: Киндинов Л. П. Тема: ПН. Введите пароль».

Лаврентий пробежался пальцами по клавиатуре.

Надпись погасла. Вместо нее на фоне ало светящейся решётки появилась другая надпись: «Доступ ООО. Введите код активации. У вас пять секунд. Четыре. Три…»

Лаврентий снова заработал на клавиатуре, вводя одиннадцатизначный шифр.

Надпись на фоне решётки почернела и осыпалась кучкой пепла, из которой вырос белый росток, раскрылся бутоном сложного цвета. Лаврик покосился на Кирилла, стоявшего за спиной и разглядывавшего экран, порозовел под его взглядом. Дизайн заставок разрабатывал он сам.

— Теперь приготовься увидеть то, чего нигде не увидишь. — В голосе Киндинова прозвучала гордость. — Это введение в структуру ПН, по сути — семантико-этический тест, который воздействует не только на алгоритмы компьютерных программ любой сложности, но и на сшиваемость физических законов.

— То есть?

— Сейчас убедишься.

Экран вспыхнул, по нему во все стороны разлетелись струи радужного огня, в центре протаяла чёрная дыра, на фоне которой возник алый символ сложной формы, напоминающий паука и человеческий череп одновременно, и в то же мгновение стены рабочего кабинета Лаврика дернулись, вспучились, стали зыбкими, потекли, заволновались, как пелена тумана. Волна искривления пробежала по полу, по всем предметам интерьера, сошлась в центре потолка с чмокающим звуком.

Кирилл почувствовал, что его ноги стали проваливаться в пол, выдернул туфлю, вторую, озадаченно посмотрел на компьютерщика. Тот торжествующе улыбнулся и ткнул пальцем в клавиатуру.

Значок в форме человеческого черепа и паука налился багровым свечением и погас.

Стены, потолок и пол перестала корчить чудовищная сила, они обрели плотность и цвет. Кирилл перестал утопать в паркете, с изумлением глянул на довольно глубокие отпечатки подошв. Отпечатки засветились бледным светом и заплыли.

— Ну? — поинтересовался Лаврентий, улыбаясь. — Что

скажешь?

— Потрясающе! — честно признался Кирилл. — Впечатление было такое, что это происходит на самом деле.

— Это и происходило на самом деле, — снисходительно пожал плечами компьютерщик. — Если бы я вывел формулу на экран, мы вообще оказались бы внутри светящейся жуткой пещеры, как семечки в яблоке.

— Ты… серьёзно?!

— Абсолютно. Я создал алгоритм с геометрически прогрессивным приближением к отсечке всех возможных запретов и ограничений доступа, что, очевидно, каким-то образом влияет на основы материи. Программа сама ищет выход в виртуальную среду, используя метод многократного интегрирования условий и встраивая элементы защиты в себя. Правда, не доходя до финала, она почему-то самопроизвольно свертывается, будто натыкается на какое-то препятствие. Но я уже могу свободно входить в такие суперсети, как сеть ЦРУ или нашей ФСБ.

Кирилл посмотрел на хозяина прищурясь, и тот торопливо поднял вверх ладони, мотнул головой:

— Честное слово, я ничего оттуда не скачивал, только смотрел, ради любопытства. Представляешь, что будет, когда я завершу работу? А я обязательно её закончу!

Кирилл покачал головой, обвёл глазами стены комнаты.

— Что это было? Только без фантазий.

Лаврик обиделся.

— Я ничего не придумываю. Каждый раз, когда я запускаю программу, начинается эта свистопляска с пространством. Я не знаю, что происходит, сам испугался до потери пульса, когда это случилось в первый раз, поэтому и тебя предупредил. Я всегда думал, что существует естественный, заданный самой природой уровень нашего проникновения в её тайны. Может быть, я этот уровень преодолел? — Лаврентий бледно улыбнулся. — Неожиданно для себя самого.

И не только для себя, подумал Кирилл, вспомнив о слежке, но вслух говорить об этом не стал. Проводил глазами одну из наиболее наглых мух, норовившую чуть ли не проскочить в рот.

— С некоторых пор меня не покидает мысль, — продолжал компьютерщик, — что я открыл формулу какого-то фундаментального оперирования на уровне законов физического мира, а не на уровне компьютерных виртуальных миров. Или же…

— Что?

Лаврентий поскрёб бородку.

— Или наша реальность на самом деле является

виртуальностью более высокого порядка.

Кирилл хмыкнул, посмотрел на часы.

— Похоже, ты веришь в эти сказки про белого бычка, как и те, кто их сочиняет. О том, что ты подошёл к финалу, твой заказчик знает?

— Ещё нет, я ему ничего не говорил.

— Плохо. Тебе теперь потребуется охрана, а я её обеспечить не могу.

— Почему ты думаешь, что он обеспечит?

— Он заинтересован в решении задачи, к тому же ты сам говорил, он служит в спецназе. У него больше возможностей, чем у меня. Кстати, когда ты намереваешься закончить все расчёты?

Лаврентий пошевелил губами, словно считал дни.

— По крайней мере недели через две, если не буду отвлекаться.

— Побыстрей заканчивай и отдавай. Хотя я бы посоветовал тебе уже сейчас отказаться от этого дела и вернуть заказчику аванс.

— Да ты чё? — возмутился Киндинов. — Да я больше никогда в жизни не получу более интересного задания!

— Выбирай сам, что тебе важней: проблема или жизнь.

— Конечно, про… что? — Лаврик с недоверием посмотрел на гостя. — При чём тут жизнь?

— А ты думаешь, они оставят тебя в покое? Те, кто за тобой следит? Неужели не понял, что тебя пасут? Пытаются остановить? Хотя и не самым эффективным способом, надо признать. Если то, что ты разрабатываешь, действительно является, как ты говоришь, формулой фундаментального оперирования, тебя просто ликвидируют.

— Ерунда! — неуверенно проговорил Лаврентий. — Почему же меня сразу не… гм… ликвидировали?

— Потому что не были уверены, что ты близок к решению проблемы. — Кирилл бросил взгляд на дверь. — Всё, мне пора. Думай, хакер, только недолго. Боюсь, ты влип в очень некрасивую историю, почти безвыходную.

— Ты так считаешь? — помрачнел Киндинов. — Может, все обойдётся? — Он умоляюще прижал ладонь к груди. — Ты не представляешь, насколько мне интересно знать, что получится!

— Представляю. Но тебя уже били. Каковы будут дальнейшие шаги твоих недоброжелателей, представить нетрудно. Ладно, утром на работе обсудим эту проблему. Никому не…

Раздался звонок в дверь.

Кирилл внимательно посмотрел на Лаврентия.

— Ты кого-нибудь ждёшь?

— Так поздно — никого.

— Поинтересуйся, кто.

Кирилл встал за дверь, кивнул.

— Кто там? — спросил Киндинов, заглянув в дверной глазок и никого не увидев.

— Сынок, это Марья Ильинична, соседка, — раздался за дверью женский голос. — У меня электронагреватель сломался, не пособишь починить? А то-от холодно в доме-то.

Лаврентий глянул на Кирилла, прошептал:

— Вроде её голос, соседки…

— Открывай — и в сторону.

Компьютерщик отодвинул задвижку, сбросил цепочку и открыл дверь. Но отступить назад не успел. Его мгновенно сбили с ног, и в прихожую ворвались один за другим трое парней. Один был в серой куртке и вязаной лыжной шапочке, двое других в камуфляже, с пистолетами в руках. Кирилл понял, что попал в незавидное положение: ребята явно были из спецназа. Но так как обстановка требовала немедленных действий, все свои сомнения и вопросы он оставил на потом и начал быстрый гимнастический «танец» в режиме, в котором давно не работал.

Последнего парня в пятнистом комбинезоне он вывел из строя самым простым способом: схватил за руку и по дуге влепил головой в стену. Второй обернулся, получил ослепляющий тычок в нос и удар в переносицу торцом ладони. Третий, в шапочке, оказавшийся тем самым филером, что преследовал Киндинова, отпрыгнул в глубь прихожей и направил на Кирилла пистолет. В ответ в его сторону вытянулись сразу два ствола: у Тихомирова были теперь оба отобранных у гостей пистолета — отечественные бесшумные «зубры» калибра девять миллиметров с магазинами на шестнадцать патронов. Такое оружие, насколько знал Кирилл, использовали только спецподразделения ФСБ.

— Ты кто такой? — шёпотом спросил парень в шапочке.

Кирилл едва заметно усмехнулся, закрыл ногой дверь.

— Сначала на этот вопрос ответишь ты. Медленно опусти пистолет и брось его мне.

Парень оценивающе посмотрел на противника. Он был не робкого десятка, угрозы не испугался и явно кого-то ждал.

Кирилл навёл один пистолет на колено гостя, второй направил парню в лоб. Хладнокровно сказал:

— У меня шансов вдвое больше. На счёт «три» — стреляю. Сначала в ногу. Раз…

Парень бросил свой пистолет на пол, но так, чтобы его можно было легко подхватить. Кирилл оценил его профессионализм, повел пистолетом.

— Два шага назад!

Парень помедлил, но приказ выполнил.

Зашевелился Лаврентий, сел, помотал головой с очумелым видом. На скуле у него вспух кровоподтёк.

— Что это было?

— Явление спецназа народу, — невозмутимо сказал Кирилл. — Встать сможешь?

— Кажется, смогу. Хорошо, что они били меня по морде, а не по ногам, иначе не смог бы.

Лаврентий с трудом поднялся, увидел два тела в пятнистых комбинезонах, глаза его раскрылись шире.

— Елы-палы! Кто это?!

— Гости.

— Ты их…

— Только попросил вести себя потише. Подойди к своему обидчику, возьми у него удостоверение. Узнаешь?

Лаврик оглядел парня в куртке и шапочке, хмыкнул:

— Это же он за мной следил!

— Вы делаете ошибку, — ровным голосом сказал парень. — Мы действительно из спецназа и проводим операцию.

Кирилл подождал, пока Лаврентий возьмёт документ у парня, раскрыл малинового цвета книжечку с тиснёным золотым орлом и надписью: «Федеральная служба безопасности». Фотография в книжечке соответствовала оригиналу, а под ней стояли фамилия её обладателя и звание: Абрамян Эдуард Нусиевич, старший лейтенант. На правой стороне корочки было напечатано: «ФСБ. Отдел по борьбе с компьютерным терроризмом».

Кирилл поднял взгляд на парня.

— С каких это пор оперативной разработкой подозреваемых в хакерстве занимаются федералы? Да ещё сотрудники аналитического отдела?

Глаза Абрамяна Эдуарда Нусиевича сверкнули.

— Для обычного гражданина вы слишком хорошо информированы. Параллельная структура?

— Можно сказать и так. Финансовая разведка.

Брови старшего лейтенанта полезли вверх.

— С каких это пор хакерами стала заниматься финразведка?

— В данный момент я выполняю роль охранника. Мы работаем вместе. Итак, что всё это означает? Что инкриминируется хозяину этой квартиры?

— Не знаю. Мне приказано доставить гражданина Киндинова в управление. Остальное не моя забота.

— А вот он утверждает, что ваша команда наблюдает за ним уже давно и очень нагло. Чего вы добиваетесь?

В глазах сотрудника ФСБ мигнули колючие огоньки. Он помолчал, к чему-то прислушиваясь, потом коротко сказал: «Вариант ноль-ноль семь», — и Кирилл запоздало сообразил, что у парня имеется рация. Надо было действовать немедленно.

— В комнату! — выдохнул он, толкая Лаврентия в плечо. — Сиди и не высовывайся!

Парень в шапочке метнулся было к пистолету, но наткнулся на колено Тихомирова и отлетел назад. Кирилл перехватил его особым образом, удерживая за горло сгибом локтя, развернул лицом к двери и направил на нее ствол «зубра».

В то же мгновение дверь распахнулась от сильного толчка, едва не слетев с петель, и в прихожую ворвались четверо спецназовцев в камуфляже, но уже не с пистолетами, а с автоматами «никонов» десантного образца.

— Стоять! — четко скомандовал Кирилл.

Четвёрка послушно замерла, мгновенно просчитав варианты дальнейших событий. По их реакции можно было с уверенностью судить, что это далеко не профессионалы класса антитеррористических подразделений, хотя вооружены они были круто.

— Я полковник Тихомиров, — продолжал Кирилл внушающим уважение тоном. — Начальник отдела оперативного реагирования ФР. Попрошу освободить помещение во избежание неприятностей. Кто среди вас старший?

— Я, — раздался чей-то глуховатый, брюзгливый голос, и в квартиру вошёл плотного телосложения коренастый мужчина лет сорока пяти, в камуфляж-костюме, но со знаками различия — двумя большими звездами. — Подполковник Петров, особые операции. Предъявите документы.

Кирилл достал удостоверение, подержал перед глазами старлея и спрятал.

— Подтверди.

— Точно… полковник, — просипел Абрамян. — Служба финразведки.

— Какого хрена вам здесь нужно, полковник? — с пренебрежительным удивлением поинтересовался Петров. — Как вы здесь оказались?

— Стреляли… — усмехнулся Кирилл. — Советую сменить команду, коллега. Грубо работаете, по-любительски. Если не будете махать пушками, я отпущу вашего старлея, и мы спокойно во всём разберемся. Идёт?

Квадратное красноватое лицо чекиста с набрякшими веками и мешками под глазами сделалось деревянным.

— Торг здесь неуместен, полковник. Отпустите… э-э… моего

сотрудника и верните оружие. Иначе обещаю вам очень существенное понижение в звании.

— Ну, это вряд ли, — качнул головой Кирилл. — Я тоже на службе, и у меня своё начальство. Разговор в таком тоне вообще бесперспективен. Я просто вызову свою спецгруппу, и вам придётся иметь дело с профессионалами. С другой стороны, как говорится: пуркуа бы не па? В качестве жеста доброй воли я освобождаю вашего сотрудника.

Кирилл отпустил старшего лейтенанта, вернул ему пистолеты подчинённых, приходящих в себя. Тотчас же четвёрка спецназовцев с автоматами бросилась к нему, двое схватили за руки, третий упер в живот ствол автомата. Кирилл хладнокровно посмотрел на командира группы захвата, не делая попыток освободиться, хотя мог сделать это без труда.

— Может быть, все-таки поговорим, как умные люди? А то ведь ситуация может измениться.

Один из парней больно сжал Кириллу шею, но подполковник Петров кисло бросил:

— Отпустите его.

И Тихомиров оказался на свободе.

— Идите, полковник, — продолжал командир группы. — Мы вас не задерживаем.

В прихожую выглянул растерянный Лаврентий.

— А что будет с ним? — кивнул на него Кирилл.

— Это не ваша забота.

— Ошибаетесь, это моя забота. Он является ценным сотрудником нашей службы и нуждается в защите. Я должен доложить начальству о его задержании.

— Это пожалуйста, — легко согласился подполковник. — Тем не менее прошу покинуть помещение… во избежание, так сказать. Ничего мы вашему сотруднику не сделаем, допросим и… отпустим.

Кирилл внимательно заглянул в не обременённые мыслью глаза собеседника. Последнее слово тот произнес с заминкой, что означало — отпускать Киндинова подполковник не собирался. В связи с чем возникал вопрос: зачем ему понадобился допрос объекта захвата, если в задачу спецназа входит лишь задержание и препровождение его в управление? Однако вслух своих сомнений Кирилл высказывать не стал. Он решил за пределами квартиры Киндинова доложить директору ФСФР о нападении на Лаврика и вызвать своих ребят из группы быстрого реагирования. На всякий случай.

— Можно тебя на пару слов? — сказал Лаврентий.

Кирилл посмотрел на Петрова. Тот недовольно скривил губы.

— Валяйте, только быстро.

Кирилл подошёл к Лаврику, и компьютерщик, обняв его, незаметно сунул ему в руку дискету. Торопливо прошептал:

— Спрячь… и не уходи… они меня убьют!

— Не убьют, — громко сказал Кирилл, глянув на командира группы, направившегося в кабинет Киндинова. — Я доложу генералу об этом инциденте. Все будет хорошо.

Похлопав Лаврика по плечу, он вышел, делая вид, что не замечает двух оперативников Петрова, двинувшихся следом за ним.

На лестничной площадке дежурил ещё один пятнистый комбинезон, на первом этаже у лифта — второй, в подъезде — третий. Впечатление складывалось такое, будто спецназ брал особо опасного вооружённого террориста или целую группу, а не специалиста по компьютерным технологиям, далекого от применения боевых искусств и оружия.

Кирилл едва не зазевался, сбегая по лестнице к выходной двери подъезда. Двое мордоворотов в камуфляже, очевидно, получили приказ задержать свидетеля захвата, коим стал Тихомиров, чтобы получить время на проведение мероприятий с объектом, а так как проще всего было вывести человека из строя ударом по голове, это и собирались сделать подчиненные подполковника.

Один из них ткнул прикладом автомата в затылок Тихомирову, но не попал: Кирилл в последнее мгновение чуть отклонился, и удар пришёлся в шею, довольно чувствительный, так что голова отозвалась звоном и тело на доли секунды отказалось повиноваться. Затем в подъезде мелькнула какая-то тень, раздался глухой удар, и парень в камуфляже осел на ступеньки лестницы. Второй поднял было ствол автомата, не сообразив, что происходит, крутанулся и тоже упал.

Кирилл мягко прыгнул назад, к лифту, перехватил третьего спецназовца, ударил дважды — по руке и в шею. Парень экнул, потерял сознание, мешком свалился на пол.

Тень, обезвредившая трёх рослых оперативников в течение одной секунды, сформировалась в человека. Кирилл увидел мужчину с костистым сухим лицом и узкими твёрдыми губами, говорившими о недюжинной воле этого человека. Глаза его сияли жёлтым огнем и оценивающе оглядели Тихомирова.

— Кто вы? — сухо спросил Кирилл, готовый к темпу.

— Игорь Утолин, — отозвался незнакомец.

Глава 5. ПСП

Это был тот, кто заказал Киндинову создать универсальную «программу-отмычку» для получения доступа к любой компьютерной сети. Однако выяснять, зачем он появился в столь поздний час у дома Лаврентия, а главное — почему помог Кириллу освободиться от конвоиров, было некогда. Подозрения Тихомирова имели под собой реальную почву, и спецкоманда ФСБ могла иметь задание допросить компьютерщика и ликвидировать. Надо было спасать Лаврика, ни сном ни духом не представлявшего, во что он оказался замешан.

Впрочем, не представлял этого и сам Кирилл, хотя демонстрация включения фрагмента разработанного Лаврентием файла произвела на него неизгладимое впечатление. Здесь пахло чем-то весьма далёким от повседневного человеческого опыта, от рутинности представлений о мире, от научных объяснений происходящего. Здесь пахло мистикой и колдовством или по крайней мере нейролингвистическим программированием, то есть психофизическим воздействием на мозг человека. Или на весь мир, как мимолётно подумал Кирилл, обговаривая план действий с неожиданно появившимся союзником.

На попытку выяснить у него, почему он вмешался в события, Утолин коротко ответил: «Потом». Он был собран, спокоен и действовал как профессионал, что вызывало уважение. Во всяком случае, на то, чтобы связать всех четверых потерявших сознание спецназовцев их же ремнями, ему понадобилось всего полминуты.

Решено было идти по отдельности. Кирилл должен был подняться на пятый этаж по лестнице, Утолин — лифтом. В лицо его оперативники Петрова не знали, и его появление должно было внести элемент неожиданности в ситуацию.

Так все и произошло.

Утолин вышел из лифта на лестничной площадке пятого этажа, направился к двери одной из квартир, поигрывая якобы ключами от двери, увидел двух амбалов в пятнистом и приостановился с удивлением в глазах.

— Вы к кому, ребята?

— Проходи, проходи, — опомнился один из них, показывая на дверь квартиры. — Закройся и не высовывайся.

— А что вы здесь делаете? — продолжал удивляться «жилец».

— Давай топай, — шагнул к нему спецназовец.

В то же мгновение рука Утолина метнулась к лицу парня, раздался треск, и оперативник без звука рухнул навзничь с переломанным носом.

Второй сторож с изумлением проследил за падением напарника, что говорило о его слабой подготовке, рванул с плеча автомат и отлетел к стене от удара Кирилла, бесшумно подкравшегося сзади. Сполз на пол, царапая стену стволом «никонова».

Оба нападавших замерли, прислушиваясь к звукам, доносившимся из квартир на площадку, и услышали приглушённый крик боли. Не сговариваясь, метнулись к двери, ворвались в квартиру Лаврика.

В прихожей томился оперативник в комбинезоне, покуривая в рукав. Он оглянулся и «улетел» в беспамятство от удара в переносицу; похоже было, Утолин владел этим ударом в совершенстве. Кирилл предпочитал «мягкий» стиль и прежде всего искал болевые точки на теле противника, при попадании в которые люди испытывали шок и теряли сознание. Правда, зачастую приходилось применять и технику «дроворубов», то есть бить противника в полную силу, если он был экипирован в спецкостюм и если нельзя было вывести его из строя другим способом.

Второго спецназовца, выглянувшего из кухни на шум, Кирилл ткнул пальцем в лоб, и этого оказалось достаточно, чтобы парень осоловел и обмяк, сведя глаза к носу. Третьего же пришлось брать на приём, на что понадобилось около двух секунд и три удара: по рукам, по ушам и в кадык.

Четвёртого боевика из команды подполковника Утолин вырубил броском стеклянного графина, метнув его с четырёх метров с такой силой, что графин разлетелся на мелкие прозрачные брызги. Оставался ещё парень в шапочке, старший лейтенант Абрамян, но он пытал хозяина квартиры и отреагировать на атаку не успел. Капитан выстрелил в него, попал в плечо, и старлей отлетел к стене, взвизгнув от боли.

Больше в квартире Лаврентия спецназовцев не оказалось, не считая командира группы, с изумлением взиравшего на ворвавшихся гостей и даже не пытавшегося сопротивляться. По-видимому, он и мысли не допускал, что кто-то осмелится напасть на его подразделение.

Лаврик был прикован наручниками к батарее водяного отопления, голый по пояс, таким образом, что почти висел лицом вниз, а под ним горела свеча, чуть не касаясь груди язычком пламени. Кроме того, из тела компьютерщика торчали две булавки, а на шее багровела ссадина: его душили ремнем.

Кирилл бросил издали первое, что попалось под руку, — коробочку с дискетой, сбивая свечу. Подскочил к Лаврику, обессилевшему от борьбы с болью; во рту компьютерщика

обнаружился носовой платок в качестве кляпа.

— Держись, бедняга! — поднял он голову Лаврика. — У кого ключ?

— Кто вы такие?! — опомнился подполковник Петров, хватаясь за оружие. — Мельничук, ко мне!

Раздался тихий щелчок. Во лбу подполковника появилась дыра, тут же заполнившаяся кровью. Взгляд его остановился. Подполковник опустился на колени и упал лицом вниз.

Кирилл метнул на Утолина недобрый взгляд.

— Это ещё зачем? Ситуация того не требовала! Он же из конторы.

— Он не из конторы, — равнодушно ответил капитан. — Это работает ПСП-программа.

— Что ещё за ПСП такой?

— Вот он знает, — кивнул Утолин на Лаврика и направил пистолет на вжавшегося в стену раненого старлея. — Ключ!

Тот торопливо, кривясь от боли, достал левой рукой ключ от наручников, бросил Утолину. Капитан отомкнул замки на запястьях Киндинова, Кирилл помог ему, вынул кляп, и они усадили Лаврентия в кресло. Компьютерщик находился в полуобморочном состоянии и не реагировал на ухаживания, лишь изредка вздрагивал и постанывал.

Кирилл сбегал на кухню, принёс воду в кружке, побрызгал на лицо компьютерщика, вытер кровь на губах и с тела, где остался след от булавок. Глаза Лаврика раскрылись шире, в них протаял ужас, и он закричал бы, если бы Кирилл не зажал ему рот ладонью.

— Тихо! Все в порядке, ты среди своих.

Лаврик замер, замычал, взгляд его прояснился, стал осмысленным.

— Это… ты?! Вернулся?!

— Не шуми, все позади. Чего они от тебя добивались?

— Спрашивали… где сидюки… кто давал задание… кто приходил…

— Пора убираться отсюда, — озабоченно сказал Утолин, глянув на выписывающую петли муху. — Потом побеседуем. Нам повезло, что они послали ПСП, а не СНОС или вообще Пса.

— Чего? — не понял Кирилл.

— ПСП — это программа постепенного сжатия параметра, — пробормотал Лаврентий.

— Совершенно верно, — кивнул Утолин. — А СНОС — самонастраивающаяся операционная система по нейтрализации вирусов.

— При чём тут программы и системы? Федералы послали

группу живых людей, а не какие-то там программы…

— Это не федералы, — нетерпеливо перебил Тихомирова капитан. — Но все объяснения потом, давайте покинем это помеченное место, пока сюда не заявился Пёс. — Он усмехнулся, оценив красноречивый взгляд полковника. — Ну или, скажем так, команда профессионалов.

Кирилл кивнул, соглашаясь. Наклонился к приходящему в себя Лаврику:

— Идти сможешь?

— Куда?

— В твоей квартире оставаться небезопасно. Поедем к… — Кирилл перехватил взгляд старлея и поправился: — Поедем на работу, там нас никто не потревожит.

Лаврентий с трудом встал, охнул, хватаясь за поясницу:

— Вот сволочи, почки отбили, наверно…

— Почки выше. Одевайся, забирай ценные вещи и документы и быстро вниз. А я пока позвоню в милицию.

Утолин с любопытством посмотрел на Кирилла.

— Мысль неплохая. Пересечение программ иногда дает поразительные результаты. Звоните и догоняйте меня, я пойду первым.

Он выскользнул за дверь.

Кирилл набрал «02», сообщил о нападении вооружённых людей на квартиру номер двадцать один в доме номер одиннадцать в переулке Октябрьский, не слушая ответа, бросил трубку.

— Ты готов?

Над ухом зажужжала муха. Кирилл машинально поймал её и раздавил.

— Иду, — отозвался Лаврик, появляясь из рабочего кабинета с кейсом в руке и спортивной сумкой в другой. — Может, я успею принять душ?

Кирилл молча подтолкнул его к двери, оглянулся на пороге на старшего лейтенанта, щупавшего волосы за левым ухом; по-видимому, там у него был спрятан наушник рации.

— Может быть, вы и те, за кого себя выдаёте, но сдается мне, у вас будут проблемы, когда здесь появится настоящий ОМОН. И ещё ты хорошо отделался, говнюк, раз остался жив, но если встретишься мне ещё раз!..

Кирилл метнул в парня ледяной взгляд и выскочил из квартиры Киндинова.

Никто не помешал им спуститься во двор и расположиться в машинах. Кирилл усадил Лаврика к себе, а Утолин нырнул в кабину чёрной «Волги» с номером «100», стоящей у другого

подъезда. Здесь же стояла и машина спецназа ФСБ — тёмно-синий микроавтобус с флажком под ветровым стеклом. Её охранял пятнистый комбинезон, сидя с задумчивым видом прямо на заснеженном асфальте спиной к колесу. Второй оперативник лежал за машиной у бордюра, так что виднелись только его ботинки. Видимо, Утолин сначала успокоил сторожей группы вместе с водителем, а потом вмешался в события в подъезде и помог Кириллу освободиться.

Спрашивать, живы ли федералы, Кирилл не стал, помня слова капитана о «команде ПСП». Вопросов к Утолину накопилось достаточно, но задавать их было некогда. В ночной тишине уже был слышен далекий вой сирен: к дому мчались машины ОМОНа, вызванного Кириллом.

Он выехал со двора, отметив движение «Волги» капитана, и только потом вспомнил, что именно эта чёрная «Волга» сопровождала его от Пскова до Москвы после похорон бабушки. Кирилл беззвучно выругался, вдруг соображая, что оказался замешан в какую-то игру, о которой не имел ни малейшего понятия. Ещё раз выругался. Подумал с угрюмой угрозой, направленной неизвестно в чей адрес: ладно, разберёмся!..

Проскочили центр, Мневники, у выезда на Рублевку притормозили у машины ГИБДД, однако Утолин, не вылезая из «Волги», махнул своим удостоверением, кивнул на «двадцатку» Тихомирова: «Этот со мной», — и молодые инспектора дружно взяли под козырёк.

Вскоре Кирилл свернул на вьющуюся вдоль зоны спорткомплекса улицу Крылатские Холмы и подъехал к своему дому, возвышавшемуся над районом велотрасс. Загнал машину в металлический гараж.

Утолин свою «Волгу» оставил во дворе, за трансформаторной будкой. Шёл уже второй час ночи, и ни на улицах, ни во дворе не было видно ни одной живой души. Кирилл повёл своих спутников к себе домой, раздумывая, не позвонить ли директору и не вызвать ли дежурную группу. Однако решил не паниковать и сначала выслушать капитана, а уж потом действовать.

Двухкомнатная квартира Тихомирова стандартной планировки располагалась на седьмом этаже шестнадцатиэтажки. Её лоджия выходила на велотрек и зелёную зону канала, так что вид сверху открывался великолепный, радующий глаз даже зимой.

Расположились в гостиной хозяина. Кирилл приготовил чай, принёс лимон и конфеты, и все трое молча выдули по кружке «настоящего тайландского», думая каждый о своём. Лаврентий осоловел, ушел мыслями в себя, с трудом сдерживая зевоту, и

лишь изредка морщился от боли, щупая синяки и ссадины, и вздыхал.

Кирилл поставил кружку, прямо посмотрел на рассеянно-задумчивое лицо Утолина.

— Теперь выкладывайте всё, что знаете. Что происходит? Почему государственные силовые органы так негативно реагируют на деятельность Лаврика… э-э… Лаврентия Павловича?

— Я уже говорил, что это не госорганы, а скороспелка ПСП.

— Всё равно. Объясните, что всё это значит: захват, допрос, пытки?.. И почему вы следили за мной? Ведь это вы сопровождали меня из Пскова в Москву?

— Я, — кивнул капитан, ни капли не смущаясь. — Видите ли, один человек попросил меня обеспечить вашу безопасность, и я согласился.

— Кто этот человек?

— Ваша жена.

Кирилл вздрогнул, с изумлением посмотрел в глаза Утолина, в которых на миг всплыли насмешка и сочувствие.

— Лиля?! Почему же она… — Кирилл прикусил губу, вспоминая визит бывшей жены в дом бабы Ули. — Значит, это вы привезли её в Псков?

Утолин пожал плечами:

— Это не имеет значения. Что ещё вы хотели узнать?

Кирилл очнулся:

— Всё!

— К сожалению, на это у меня нет времени. Да вы и не поверите, если я выложу всё, что знаю сам. В глобальном философском смысле происходит обычная коррекция реальности, затрагивающая многие сферы бытия и судьбы людей, в том числе вашу. Вы должны знать одно: все ваши действия, частично или полностью, могут как совпадать с какими-то планами операторов более высокого уровня или… м-м… скажем, Высших Сил, так и не совпадать. Что на деле и происходит.

— Не понимаю. Поконкретней, пожалуйста. Зачем вам понадобилась программа «универсальной сетевой отмычки»?

— Я любопытен, — ухмыльнулся Утолин.

Кирилл нахмурился.

— Боюсь, наше сотрудничество закончится, не начавшись. Я не люблю решать ребусы там, где можно получить прямой ответ.

— Хорошо. — Утолин посмотрел на часы, потом на Лаврентия. — Появление так называемых «федералов» в его квартире — всего лишь следствие того, что он вплотную подобрался к решению проблемы, которая может привести к

полной свёртке игрового объема. Программа ПСП — предварительная, она готовит почву к полной нейтрализации объекта, за ней последуют другие программы, более серьёзные, вплоть до появления СНОС или программного Пса. Поэтому нам надо как можно быстрее закончить расчеты и убраться отсюда подобру-поздорову.

— Думаю, здесь мы в безопасности, — кивнул на стены комнаты Кирилл. — Если только за нами не шли по следу.

— Я имел в виду вообще этот мир.

Кирилл с сомнением поднял бровь.

— Вы говорите загадками, капитан. Кто вы на самом деле? И откуда знаете мою бывшую жену?

— Скажем так: я оператор более высокого уровня, чем ваш друг, — кивком головы капитан показал на полусонного Лаврентия. — Он тоже оператор, но виртуальности низкого класса, создаваемой игровыми программами и сетями типа Интернет. Понимаете?

— Нет.

— Поймёте позже. Базовой программой данной реальности предусмотрено принципиальное появление сильных операторов или, как принято говорить, Персон Воли. Таковым был муж вашей бывшей жены, политический лидер и одновременно один из восстановителей духовного потенциала России Георгий Корнюшин. Его ограничили…

— То есть убили! Я знаю. Кто?

— Сработала программа коррекции, созданная моими коллегами. Кстати, я как снайпер был одним из исполнителей этой программы, хотя и самоустранился от исполнения. Но программа всё же сработала и продолжает развиваться, теперь уже как система зачистки. Понимаете? Ваша бывшая жена в опасности, она попала в сферу зачистки. В эту же сферу попадёте и вы, если будете продолжать контактировать с вашей женой или с Лаврентием Киндиновым. Впрочем, я вполне допускаю, что вы уже в прицеле.

Кирилл задумался. Кивнул на Лаврика:

— А он?

— Он — другое дело. Поскольку я не мог спасти Фигуру Влияния с помощью другой такой же — все они в этой реальности отслеживаются, а их деятельность корректируется, ограничивается, то выбрал просто классного специалиста, энтузиаста и человека, не имеющего особых моральных ограничений. Я не ошибся, но все специалисты этого уровня всё равно контролируются, и рано или поздно информация о деятельности Киндинова всплыла бы на поверхность. Что,

собственно, и произошло. По сути, он стал вирусом в программе более высокого уровня, вот за ним и пустили нейтрализаторов вируса. Нам действительно повезло, что это ПСП, а не СНОС.

Кирилл покачал головой.

— Абракадабра!.. Простите, это нервное. Но зачем вам понадобилось давать такое задание — разработать вирус?

— Не вирус — алгоритм вторжения в любые сверхзащищённые сети.

— Зачем?

Утолин с усмешкой посмотрел на Тихомирова.

— Чтобы вернуться домой. В свой мир.

— Куда?!

— Вряд ли я смогу это объяснить в трёх словах.

— А вы попробуйте. Какой мир вы имеете в виду? Другая страна, планета, звезда? Галактика?

Утолин перестал улыбаться.

— Вы не представляете, насколько действительное положение вещей сложнее ваших представлений о нём.

— По-моему, я вполне адекватно сужу о действительности… в соответствии с получаемой информацией…

— Все люди судят о реальности субъективно, но их так много, что мир становится статистически устойчивым. Если я скажу, что Вселенная была именно такой, какой её представляло большинство, вы поверите?

— Что имеется в виду?

— Когда-то вся человеческая Вселенная представляла собой плоскую Землю, опиравшуюся на трёх китов, стоявших, в свою очередь, на спине громадной черепахи. И так далее. Такой была Программа развития игры под названием Метавселенная. По мере изменения представлений о мире, инициируемых Фигурами Влияния…

— Птолемей, Коперник? Джордано Бруно?

— Браво, полковник! Вы быстро схватываете. Так вот по мере накопления изменений в представлениях людей менялись и форма, и содержание Программы, то есть метаистория Вселенной. Я же наблюдал за этим процессом со стороны.

— Из четвёртого измерения, — скептически хмыкнул Кирилл.

— Примерно так, хотя на самом деле мой мир имеет не четыре измерения, а три с хвостиком, он «плотнее» вашего, и время в нем двумерно. Но это к слову. А теперь позвольте мне отправиться по своим делам. Уверяю вас, мы скоро встретимся.

Кирилл очнулся, посмотрел на разомлевшего и уснувшего Лаврика.

— Да, попал парень в переплёт! Любопытство всегда было

наказуемо, а тем более такого масштаба. Неужели нельзя уладить возникшую проблему мирным путем? Ведь он почти абсолютно беспомощен.

— Едва ли, — покачал головой Утолин, направляясь к двери, но на полпути вернулся, потряс Лаврика за плечо. — Проснись, коллега.

Лаврентий с трудом разлепил веки, замычал.

— Один вопрос: сколько тебе понадобится времени для доводки ПН?

— Не знаю… — вяло пробубнил компьютерщик.

— Это очень важно. Нас не оставят в покое, пока не догонят и не ограничат. Чем быстрее ты справишься с программой, тем больше у тебя шансов сохранить жизнь.

— Ты невероятно добр, господин дьявол, — пробормотал Кирилл. — Сначала соблазняешь человека всяческими способами, убеждая начать работу и не говоря, что она смертельно опасна, а потом выясняется, что жизнь клиенту вовсе не гарантируется.

— Я в таком же положении, — остался невозмутимым Утолин. — Прошу прощения за доставленные неудобства.

— Хороши неудобства! — фыркнул Кирилл. — Либо пуля в спину, либо подстроенная автокатастрофа!

— Будем держаться вместе — выживем. Итак, Лаврик, подумал? Когда ждать окончательного результата?

— Недели две… — пробормотал Киндинов, закрывая глаза. — Если мне будет предоставлена аппаратура и время…

— Компьютер я тебе обеспечу, место тоже. Возьми отпуск на работе, придётся посидеть в подполье.

— Мне не дадут.

Утолин посмотрел на Кирилла.

— Поможете ему?

— Не вижу надобности, — сухо отрезал Тихомиров. — Он выходит из ваших… потусторонних игр. Если хочет сохранить шкуру.

— Уже поздно, к сожалению, — скривил губы капитан. — ПСП его не отпустит, а тем более Пёс. От того, как скоро он закончит расчёты, зависит не только его и моя жизнь, но и ваша тоже. — Утолин помолчал. — И жизнь вашей жены. До встречи.

Он исчез. Тихо хлопнула входная дверь.

— Чтоб ты сто лет жил! — пробормотал Кирилл, сдерживая более крепкое выражение, и добавил: — И двести раком ползал!

Лаврентий засмеялся, но тут же умолк, зашипев от боли в разбитых губах.

— Вот сволочи! Смеяться не могу… губы в лепёшку… На чём вы остановились?

— Ложись спать, я постелю тебе на диване. Надеюсь, ПСП не знает, где мы находимся. Утром поедем на работу и будем думать, как выйти из положения с минимальными потерями.

— Меня уволят…

— Это было бы только справедливо, — отрезал Кирилл. — Влез в дерьмо — сам и вылезай.

— Ты мне… не поможешь?

Кирилл посмотрел на Лаврика, имевшего жалкий вид, и подумал, что за последние сутки уже второй человек просит его о помощи. Первой была Лилия. Интересно, где она сейчас? И с кем?..

— Помогу, — со вздохом ответил он, вдруг ощутив навалившуюся усталость.

Через несколько минут оба спали.

А из кармана куртки Лаврентия выползла муха и начала облёт квартиры.

Глава 6. Прорыв за пределы

Муху Кирилл обнаружил, готовя на кухне завтрак: яичница из шести яиц — на двоих, бутерброды и кофе. Муха ползала по потолку и наблюдала за действиями хозяина, спокойно занимаясь чисткой крыльев. Кирилл удивился, заметив насекомое: мух у него отродясь зимой не водилось. Потом вспомнились жужжащие создания, барражирующие пространство квартиры Киндинова, и Кирилл насторожился. Смешно было представить мух в роли подглядывающих и подслушивающих устройств, но земные инженеры уже вплотную подобрались к нанотехнологиям, и исключать возможность использования насекомых в целях разведки было нельзя.

Кирилл изловчился, поймал муху, внимательно рассмотрел непрошеную гостью, ничего похожего на микроаппаратуру не обнаружил и шмякнул жирную тварь об пол.

Лаврик утром выглядел не лучше, чем ночью. Пришлось дать ему глоток коньяка и запудрить синяки на лице, чтобы не так бросались в глаза.

Разговаривали мало. Оба понимали, что разговор с начальством предстоит нелёгкий, правдивое изложение событий исключалось, а придумывать правдоподобную историю не хотелось. В таком двойственном расположении духа Кирилл и поехал на работу к девяти часам утра с приунывшим Лавриком на заднем сиденье, на лице которого была написана покорность судьбе. С синяками и запёкшимися губами он был похож на бомжа, подравшегося с приятелями, а не на интеллигента, специалиста по информационным технологиям.

Директор ФСФР генерал Солтанов Михаил Трофимович принял их в десять часов утра, сразу после короткого селекторного совещания. Кивнул на стулья у стола для деловых встреч, упиравшегося в стол хозяина кабинета, образуя букву «Т». Кирилл и Лаврик сели.

— Слушаю вас. — Солтанов бросил на Киндинова вопросительно-неодобрительный взгляд. — Что это с вами, Лаврентий Павлович? В хоккей играли?

Киндинов беспомощно посмотрел на Кирилла.

— Результат защиты чести и достоинства, — сказал Тихомиров. — Лаврентий Павлович попал в неприятную компанию, где он не пользуется таким же авторитетом, как на работе, и вынужден был доказывать своё право на свободу. В связи с чем, по моему глубокому убеждению, ему требуется отпуск.

Директор иронически приподнял бровь.

— А при чём тут вы, Кирилл Иванович? С каких это пор вы стали переводчиком и адвокатом Лаврентия Павловича? Почему вы беспокоитесь за него? И почему он сам молчит? Язык проглотил?

— Я… виноват… — забормотал Лаврентий.

— Ему грозит опасность, — перебил компьютерщика Кирилл. — Лаврик… э-э… Лаврентий Павлович остро нуждается в отдыхе и опеке. Я считаю его ценнейшим работником, которому нет равных в альтернативных службах.

— Мы знаем, что ему нет равных. И тем не менее вы что-то скрываете, Кирилл Иванович. Скажите прямо, в чем дело?

Кирилл выдержал подозрительный взгляд Солтанова, поглядел на потеющего и сопящего Лаврика.

— На него оказывается давление, Михаил Трофимович.

— Кем, по какой причине?

— Дайте мне пару дней, я разберусь и доложу. Но всё-таки разрешите ему уйти в отпуск.

— Он не за границу часом скрыться решил? — позволил себе пошутить директор. — Может, возьмем с него подписку о невыезде?

Кирилл вежливо улыбнулся.

— Мои парни присмотрят за ним.

— Хорошо, пусть отдыхает. Недели хватит? Сам понимаешь, работы много, а заменить его некем.

— Дней десять.

— Хорошо, даю десять дней. Ну, а сам-то что молчишь? — обратился Солтанов к Лаврентию.

— Извините, Михаил Трофимович, — бледно улыбнулся Лаврик. — Я думаю…

— Если бы ты думал, — осуждающе покачал головой директор, — с синяками на лице не ходил бы. Все, идите. Скажете Долгову, что я разрешил взять отпуск за свой счёт. Но только с завтрашнего дня.

Визитеры поднялись, дружно сказали «спасибо!» и вышли. Особенно был доволен Кирилл тем, что не пришлось докладывать директору о происшедших событиях, а главное — о «подпольной» деятельности Лаврика и о её результатах.

— Иди в отдел, — произнёс он. — Заканчивай и сдавай служебные дела, объясни Долгову, что у тебя плохо со здоровьем, жди меня. И дай ключи от квартиры.

— Зачем?

— Посмотрю, что там творится после вчерашнего, не оставили ли твои друзья сюрпризов. Уж больно тихо все, словно

ничего не случилось. А ведь я милицию туда вызвал.

Лаврентий протянул полковнику ключи от квартиры. В коридоре управления они расстались. Компьютерщик повернул налево, где располагался аналитический центр, Тихомиров — направо и вниз, на первый этаж, к отделу хозяйственного обеспечения, среди помещений которого находился и отдел оперативного реагирования.

До обеда Кирилл решал рутинные задачи службы, анализируя одновременно всё, что произошло вчерашним вечером и ночью. Выводов не делал — не хватало информации, хотя в душе осознавал, что если признать некоторые события происшедшими наяву, то концепцию отношения к жизни надо менять. А поведение вполне физически ощутимых предметов во время включения компьютера в доме Киндинова и вовсе наводило ужас и оставляло в душе зябкое ощущение распахивающейся под ногами бездны. От всего этого попахивало мистикой и чертовщиной, хотелось объяснить всё сном или временным помутнением рассудка, но Кирилл верил своим ощущениям, галлюцинациями не страдал и, не найдя рациональных объяснений случившегося, оставил их времени.

В два часа дня он взял с собой двух оперативников группы риска и поехал с ними на квартиру Киндинова.

К его удивлению, она оказалась заперта. Ни у двери, ни в самой квартире никого не оказалось. В комнатах царил изрядный кавардак, вещи Лаврика валялись по всем углам, но впечатление было такое, будто всё это проделал полтергейст, а не живые люди. На полу не обнаружилось ни одного следа, ни пылинки, ни грязных разводов от растаявшего снега, ни даже следов крови! В то время как Тихомиров сам был свидетелем убийства подполковника Петрова и ранения старшего лейтенанта Абрамяна из команды «федералов» и видел множество грязных отпечатков рифленых подошв на паркете.

— Чертовщина! — пробормотал он в ответ на взгляды молодых парней.

— Да уж, повеселились хозяева! — поддакнул Жора Кучков, бывший VIP-охранник: до службы в ФСФР он работал в Управлении охраны правительства.

Кирилл не стал пояснять, что имел в виду другое, обошел все четыре комнаты Лаврика, постоял в задумчивости у разбитого вдребезги процессора (Лаврик будет сильно огорчён, однако) и только тут определил, что его смущало всё это время: мухи! Точнее, их полное отсутствие! Когда они спешно покидали квартиру вслед за капитаном Утолиным, по всем комнатам бомбовозами летали мухи. Теперь их не было видно ни одной.

Еще раз обойдя комнаты и не обнаружив надоедливых насекомых, Кирилл махнул рукой, направляя сопровождающих его оперативников к двери, и вышел сам. Аккуратно запер дверь. И подумал, что Лаврику возвращаться сюда не стоит. Его квартира стала мёртвой, кто бы что под этим ни подразумевал.

Кирилл вернулся на работу, снова занялся делами. В его отсутствие ничего особенного не произошло.

Лаврик никуда не выходил, кроме столовой, принадлежащей управлению, и полковник отозвал приставленнного к компьютерщику охранника. В шесть часов вечера Киндинов сам зашёл к нему в кабинет, хмурый и озабоченный. На оценивающий взгляд Тихомирова он криво улыбнулся:

— Зря я, наверное, влез в это болото. Долгов сказал, что уволит, если я буду продолжать в том же духе.

— Что он имел в виду?

— Не знаю.

— Сам виноват, — отрезал Кирилл. — Интерес, даже сугубо научный, вполне может быть преступным. Только маньяк не думает о последствиях своих «научных интересов». Ты маньяк?

Лаврентий озадаченно почесал щетину на щеках.

— По-моему, нет…

— А по-моему, да! Умный человек сначала бы прикинул степень опасности предлагаемой работы, а уж потом брался бы за неё.

— Что же мне теперь, бросить доводку ПН?

— Возможно, это был бы лучший выход из положения.

— Но капитан говорил, что это не поможет, нас всё равно ограничат, как он выразился.

— То-то и оно. Придётся идти до конца… с перспективой этого самого конца не дождаться.

— Я думал…

— Да брось ты — думал, — усмехнулся Кирилл. — Есть такая поговорка: англичанин мыслит сидя, француз стоя, американец прохаживаясь, а русский думает потом. Это про тебя. Ты готов?

Лаврентий встрепенулся, похлопал себя по карманам.

— Да, я сдал дела и забрал свои блины. Надо бы заскочить домой, переодеться…

— Я у тебя был, собрал кое-какие вещи, одежду, вон сумка стоит. Но тебе там появляться не стоит.

— Почему? Там… они… да?

— Никого в квартире нет, даже следов не осталось. И милиция молчит, будто воды в рот набрала, хотя подразделение ОМОНа по моему вызову выезжало, я проверил.

— Странно…

— Если не сказать больше. Поэтому поедем сначала ко мне и будем ждать звонка капитана…

В кабинете раздался пиликающий сигнал мобильного телефона. Лаврентий вздрогнул. Кирилл с запозданием вытащил из кармана трубку и включил.

— Кирилл Иванович? — раздался в трубке женский голос.

— Да, — ответил он, узнав голос Лилии; сердце дало секундный сбой.

— Я жду вас у «Макдоналдса». Чёрная «Волга», номер У-100-НА.

В трубке раздался гудок отбоя.

Кирилл посмотрел на компьютерщика.

— Кто это? — спросил тот без особого любопытства.

— Ангел-спаситель, — пробормотал Тихомиров, — или наоборот… — Он спохватился. — Это моя жена… бывшая. Поехали, она ждёт нас.

Слежки не было. Во всяком случае, Кирилл её не заметил, хотя опытом обнаружения наблюдателей обладал немалым. То ли таинственная ПСП потеряла след объекта, то ли обладала большими возможностями. Проверившись несколько раз, Кирилл подогнал машину к «Макдоналдсу» и увидел в ряду машин чёрную «Волгу» с номером 100.

— Посиди, я сейчас.

Он вылез, направился к «Волге». Распахнулась задняя дверца. Он сел.

За рулем находился не Утолин, как ожидал Кирилл, а незнакомый молодой человек, похожий на тяжелоатлета. А на заднем сиденье вполоборота к дверце сидела Лилия.

— Не удивляйся, — сказала она деловым тоном. — Это машина из гаража управделами президента. Водитель — Коля, он же и охранник.

— Ты, оказывается, большая шишка, — пошутил он.

— Зам. главного бухгалтера контрольно-ревизионного управления. Лаврик с тобой?

— Ждёт в машине.

— Езжайте за нами, я провожу вас до своей квартиры, где стоит достаточно мощный компьютер.

— Ты работаешь с Утолиным?

— Нет, он спас меня… дважды… и я просто помогаю ему.

— Значит, это он привозил тебя в Псков? — догадался Кирилл. — То-то «Волга» показалась мне знакомой.

— С точностью до наоборот. Капитан просто сопровождал меня, хотя и по моей просьбе. Но обо всём этом мы поговорим потом. Поехали.

Кирилл молча вылез из кабины «Волги», сел в свою машину. «Волга» выехала на Котельническую набережную, увеличила скорость. Пришлось догонять её, игнорируя правила уличного движения.

Через полчаса остановились на улице Плеханова с двумя рядами коттеджей самого разного калибра. Когда-то этот район Москвы назывался Поселком художников, а дома его представляли собой дачи, сдаваемые в аренду членам Союза российских художников. Теперь почти все дачи были выкуплены у Союза частными организациями и лицами и перестроены в коттеджи, радующие глаз современным дизайном.

Двухэтажный коттедж за светло-коричневым забором, возле которого остановилась «Волга», был не самым броским и богатым, но выглядел весьма оригинально. Более всего он напоминал миниатюрную копию средневекового собора.

Лилия вышла из машины, махнула рукой.

— Пошли, — сказал Кирилл, вылезая.

Щёлкнул замок деревянной двери, включаемый дистанционно. Кирилл увидел зрачок миниатюрной телекамеры, встроенной в домофон, покачал головой: коттедж охранялся серьёзно. Что, впрочем, не являлось чем-то исключительным в эпоху разгула воровства и рэкета.

Аккуратная дорожка, вымощенная плиткой, крылечко из плиточного камня, две башенки, стены, стилизованные под грубо обработанные каменные блоки, узкие и длинные окна — стеклопакеты, естественно, высокий фронтон, пилястры, каменные столбы по фасаду — не то колонны, не то декоративное украшение. Ещё дверь — с виду тоже деревянная, но тяжёлая, основательная, открывается бесшумно и мягко, снабжённая специальным рычагом.

Лилия оглянулась, пропуская мужчин.

— Вы первые, кто переступил порог этого дома. Я имею в виду моих знакомых. Георгий не принимал гостей.

Кирилл понял, что она говорит о погибшем муже. Слово «знакомых» отозвалось в его душе слабым протестом, но по сути Лилия была права: в настоящее время он был только её знакомым. Захотелось спросить: а Утолин тоже не переступал порог этого дома? — но Кирилл передумал.

— Твой муж, судя по всему, не был стеснен в средствах. Кем он работал? Коммерсантом?

— Советником президента, — ответила Лилия.

Кирилл присвистнул, проходя в прихожую, больше напоминающую холл гостиницы. Стал осматриваться.

Мраморные ступени, керамический плиточный пол тёплого

бежевого оттенка из травертина — мелкозернистого известняка, камин, круглый стеклянный столик с висящими низко длинными светильниками в форме ракет с рядами иллюминаторов. Ещё один стол, тоже стеклянный, но побольше и повыше, прямоугольной формы, с хитрой подсветкой снизу, отчего казалось, что светится сама толстая — в два с половиной сантиметра — стеклянная столешница. Красивые колонны из ракушечника, стены со множеством ниш тоже декорированы каменными плитами, в нишах — фигурки странных зверей и птиц, коллекция хрустальной посуды, миниатюрные книги.

Сняли обувь, надели предложенные хозяйкой тапочки, хотя пол в прихожей подогревался и по нему можно было ходить даже босиком. Прошлись по комнате и за стеклянной стеной обнаружили бассейн с подсвеченной снизу голубой водой.

Никого в доме не оказалось, не считая хозяйки, и Кирилл вполголоса спросил:

— Охрана внизу?

— Ты догадлив, — усмехнулась женщина, наблюдая за ним. — В подвале комната с мониторами, во дворе две собаки. Ну, как вам этот приют?

— Классно! — отозвался Лаврентий за двоих, прищёлкнув языком. — Хотел бы я пожить в таком коттеджике. А где машина?

Лилия поняла.

— На втором этаже. У Георгия там кабинет. Пойдёмте, покажу.

По винтовой лестнице они поднялись на второй этаж «собора», где располагались две спальни и рабочий кабинет хозяина. Лаврентий сразу подошёл к столу и стал осматривать компьютер с плоским плазменным дисплеем и клавиатурой в форме гигантской бабочки. Потрогал мышь, пробормотал:

— Ничего себе, клава… как в ЦУПе… Где вы достали такую машину?

— Не удивляйся, — похлопал его по плечу Кирилл. — У хозяина были связи.

— Это же суперпрофессиональная аппаратура! Я нечто подобное видел только в Госбанке, где работал до нашей конторы. Даже у нас такой нет!

— Ну и прекрасно. Садись и работай.

Лаврентий как заворожённый присел на корточки перед панелью процессора, стоящего на полке специального компьютерного стола, поднял голову на Лилию.

— Можно?

— Конечно, — сказала она. — Включайте. Муж говорил, что его трафик не прослушивается. А я пока приготовлю ужин. Кофе

принести?

Лаврик не ответил. Он был уже вне сферы досягаемости звуковых раздражителей, общаясь с компьютером на уровне подсознания как с живым существом.

Кирилл и Лилия переглянулись.

— Пойдём пить кофе, — сказал Тихомиров с усмешкой. — Он фанат, компьютер для него нечто вроде дополнительного органа к телу, без которого он не может существовать. Пусть поразвлекается, через час мы его оторвём от машины и покормим.

— Да, фанатизм — страшная вещь, — задумчиво проговорила Лилия. — Если бы фанатики ещё думали о последствиях своих увлечений…

— Ты хочешь невозможного. У большинства фанатиков только одна извилина, и та переходит в прямую кишку. Лаврик хоть умнее.

— Что ещё хуже. Именно умники изобрели атомные бомбы, напалм и пси-оружие, виртуальные миры и нанотехнологии, грозящие в скором времени уничтожить человечество.

— Ты в этом разбираешься?

— А ты думал, бухгалтеры умеют только сводить дебет с кредитом? Я читаю литературу, интересуюсь наукой. К тому же у меня были хорошие учителя и собеседники.

— Муж?

— Не только. В последнее время я многое узнала от капитана Утолина.

— Ты его хорошо знаешь?

— Достаточно, чтобы доверять. Его концепция устройства Вселенной настолько необычна, что я до сих пор нахожусь под впечатлением. Пошли вниз.

Они спустились в холл-прихожую, Лилия открыла стеклянную матовую дверь, ведущую в кухню, и Кирилл стал разглядывать интерьер пищеблока с множеством встроенных в стены шкафчиков, стойкой бара, с современной плитой, какими-то сверкающими полировкой и никелем агрегатами, телевизором под потолком и холодильником с тремя дверцами. Один из агрегатов оказался кофеваркой. Лилия сварила кофе — себе «эспрессо», гостю «капуччино», включила тихую музыку, и они сели в низкие кресла у камина, где стоял ещё один столик — деревянный, похожий на большой круглый поднос.

— Так что ты говорила о нанотехнологиях? — поинтересовался Кирилл, стараясь в открытую не пялиться на голые колени женщины. Отхлебнул кофе. Сахар клала сама Лилия, и его было ровно столько, сколько нужно.

— Только то, что они опасны, — с гримаской ответила

Лилия. — Хотя до встречи с капитаном я об этом никогда не думала. Он привёл какой-то жуткий пример, к чему может привести сбой в технологиях, и я ужаснулась.

— Какой пример?

— По идее, нанороботы, введённые в организм человека, смогут очищать его от микробов или зарождающихся раковых клеток, а кровеносные сосуды — от холестерина. Но что, если произойдёт сбой в их программе и они начнут уничтожать полезные вещества и здоровые ткани? Представляешь? Ведь бороться с ними невероятно трудно.

— Да, действительно впечатляет, — согласился Кирилл.

— Мало того, становится возможным создание селективно разрушительных роботов, воздействующих на определённые этнические группы и даже географические районы.

— Неужели такое возможно? — удивился Кирилл.

— Более чем. Игорь сказал, что он был против запуска этой подпрограммы, так как она ведёт к свертке всего игрового объема, но оператор более высокого ранга разрешил её включение.

— Что ещё за подпрограмма? Что он имел в виду?

— Ты разве с Игорем не говорил на эту тему?

Кирилл вспомнил, какую ересь нес Утолин об устройстве Вселенной, улыбнулся.

— Он утверждал, что Земля когда-то была плоской.

Лилия осталась серьёзной.

— Так оно и было. Смысловые поля древних людей и современников если и не противоположны, то весьма несхожи. Со временем меняются понятия, термины, языки, мораль, психика, темы общения, взгляды, сумасшедшие идеи овладевают массами — и в результате меняется наша Вселенная! Раньше Земля действительно была плоской и стояла на трёх китах.

Кирилл скептически хмыкнул.

— Твой Утолин сказку сочинил, а ты поверила.

— Во-первых, он не мой, во-вторых, это не сказка. Просто ты — человек этой реальности, поэтому тебе трудно принять на веру концепции иного устройства Мироздания.

— А ты, значит, эту концепцию приняла.

— Не смейся. Игорь привел кое-какие интересные факты, и я поверила, хотя принадлежу к той же реальности, что и ты.

Зазвонил телефон.

Лилия встала, взяла трубку, выслушала, молча положила обратно.

— Вот что, Кир… — Она запнулась, изогнув бровь: когда-то она называла его именно так.

Он улыбнулся.

— Продолжай, мне нравится, когда меня так называют.

— Женщина?

— Может быть.

— Ты не женился из-за меня?

— Давай о другом.

— Хорошо. — Глаза Лилии вспыхнули, но она тут же справилась с собой. — Я должна на час уйти, потом поговорим обо всем. Кофе ещё хочешь?

— Прежде вопрос: ты давно знаешь капитана?

— Это любопытство или?..

— Или, — засмеялся Кирилл. — Ревность. Шутка. Ты давно его знаешь?

Лилия нахмурилась, взгляд её потух.

— Он… нашёл меня после гибели мужа. И спас от смерти.

— Расскажешь?

— Как-нибудь в другой раз. Все, мне надо идти. Располагайся как дома. — Лилия потянулась, и сердце Кирилла дало сбой, так она была соблазнительно хороша. — Никуда не уходи, это важно.

Она вышла.

Кирилл проводил её взглядом и подумал, что его сердце — линия, уходящая в прошлое, на том конце которой осталась жена. Но, может быть, всё ещё можно вернуть? Иначе чем объяснить, почему она краснеет под его взглядом как девочка? Может, не все ещё потеряно?

Вспомнился известный романс:

> Но и она печальна тоже,
> Меня позвавшая любовь.
> А под её атласной кожей
> Течет отравленная кровь…

Под его кожей тоже течёт отравленная кровь, отравленная прежде всего его фантазиями и её ревностью. Хотя Лиля никогда не отрицала, что ушла от него из ревности. По любви ли?..

Что-то вдруг изменилось в комнате.

Кирилл насторожился.

Вздрогнул пол. Конвульсивно изогнулись стены холла. На мгновение все три лампочки люстры расплылись в язычки светящегося тумана. Со второго этажа донёсся звук лопнувшей струны и приглушённый возглас Лаврика. Кирилл вскочил, бросился из гостиной к лестнице, уже понимая, что компьютерщик запустил свою программу ПН и получил результат, удививший его самого.

Глава 7. Выход в бездну

Ступеньки лестницы под ногами шатались и корчились как живые, стены гнулись, потолок дымился и стекал вниз струйками дыма, однако Кирилл всё же добрался до кабинета хозяина коттеджа и толкнул дверь от себя… с удивлением глянув на вмятину в белом прямоугольнике. Повернул ручку, легко выломав ее, ударил ногой по филенке двери и уже почти спокойно воспринял происшедшую с дверью метаморфозу.

Нога вошла в плиту со звуком вытаскиваемой из бутылки пробки, по двери пробежала двойная волна сотрясения, и она рухнула на пол грудой белых перьев, фестонов и пузырей. Кирилл отбросил дверную ручку, ворвался в комнату и едва успел ухватиться за вздрагивающий под рукой косяк двери.

Пол в комнате отсутствовал!

Лаврик сидел в кресле, которое опиралось на удивительный, уходящий в чёрную шевелящуюся бездну ажурный корень, по мере углубления в бездну наливающийся багровым, малиновым и коричневым свечением. Точно на таком же «корне» стояли стол с компьютером, стойка процессора, книжный шкаф и диван.

Стены комнаты также уходили вниз, будто первого этажа в доме не существовало, и заканчивались лохматыми сосульками, которые постепенно утрачивали плотность и превращались в тающие струи сизого дыма.

Изменилась и форма стола с компьютером. Стол теперь напоминал гриб с перепончатой шляпкой, а монитор врос в него огромным живым глазом на стебельке, и в его зрачке на фоне вспыхивающих паутинок и каких-то расползающихся знаков медленно вращался багровый значок в форме паука и человеческого черепа.

Лаврик сидел, вцепившись руками в край стола, и дивился на экран, изредка тыкая пальцем в клавиатуру, напоминающую теперь панцирь черепахи. При каждом его движении экран вспыхивал, передёргивался, и вместе с ним вздрагивало всё помещение, превратившееся в жуткую бесконечную шахту.

— Выключи! — рявкнул Кирилл.

Компьютерщик оглянулся. Его лицо пошло красными пятнами возбуждения, и на нём был написан восторг пополам с изумлением.

— Иваныч, получилось! — ликующе воскликнул он. — Она работает!

— Выключи немедленно!

— Подожди, посмотрим, что будет дальше. Она продолжает

работать сама и достраивает себя асимптотически.

— Кто она?

— Программа ПН. Самое интересное, что мы подключились к какой-то чужой сети и качаем оттуда информацию. Похоже, этот алгоритм теперь командует не только информационными потоками, но и законами их передачи.

— Посмотри лучше, на чем ты сидишь!

Лаврентий оторвался от экрана монитора, глянул под ноги, и глаза его расширились.

— Черт побери!

— Вот именно! Выключай, пока в эту дыру не провалился весь дом!

— Да погоди ты, не провалится. Это всего лишь видимость дыры…

Лаврик встал, опираясь ногами на невидимый квадрат пола, но вдруг неловко взмахнул руками и провалился. Вскрикнул, хватаясь за подлокотник кресла. С трудом удержался в воздухе, повиснув на одной руке. Пальцы его побелели, но сил удержать тело на весу не хватало, и рука постепенно сползала, чтобы сорваться с ручки и…

Кирилл прыгнул.

Одной рукой он вцепился в дырчато-ажурный, полый с виду «корень» кресла, а второй ухватил Киндинова за воротник рубашки. Ударился телом о «корень». Сжал зубы от боли в локте и в ладони, в которую врезался край дыры «корня», едва не выпустил ещё раз вскрикнувшего в испуге компьютерщика. Рубашка Лаврика затрещала.

— Хватайся!

Лаврентий нащупал руками и ногами отверстия в «корне», приник к нему всем телом.

— Честное слово, я не думал, что это взаправду!

— Легко жить не думая, — хладнокровно отозвался Кирилл, глядя в бездну, в невероятной глубине которой зажглись искорки света, складываясь в удивительной красоты сетчатую вуаль. — Вылезай потихоньку наверх, в кресло, я подстрахую.

Лаврик вдруг засмеялся.

— Ты чего? — встревожился Кирилл.

— Видел бы нас директор…

Кирилл невольно улыбнулся.

— Да уж, инфаркт генералу был бы обеспечен. Кстати, если сейчас вернется Лиля и начнёт нас искать… Сможешь подняться в кресло самостоятельно?

— Обижаешь, полковник, — храбро отозвался Киндинов. — Я хоть и не гимнаст, но раз пять подтянуться на турнике смогу. —

Глаза его загорелись. — А что, если нам спуститься пониже и посмотреть, что там, внизу?

Кирилл, начавший было подниматься вверх, остановился.

— У тебя что, крыша поехала?!

— Очень давно, — пошутил Лаврик, — ещё когда я учился.

— Это заметно.

— Нет, но интересно же… Когда я сидел в кресле, внизу была просто темнота, а теперь я вижу звезды…

Кирилл пригляделся к мерцающей в чёрной бездне вуали.

— Я вижу только светящуюся паутину.

— Спустись ко мне. Не бойся, раз не свалились сразу, то уже не упадём.

Кирилл усмехнулся в ответ на слова «не бойся», помедлил и сполз ниже, цепляясь за отверстия в «корне» кресла. Рядом свисали в бездну такие же ажурные, мерцающие перламутром «корни» стола, книжного шкафа, двух стульев и процессора. Чем меньше был предмет, тем тоньше и короче у него был «корень». Но главное — все они не падали вниз, хотя, казалось, просто висели в бездне, ни на что не опираясь.

Лаврик оказался прав.

Несмотря на то что Кирилл опустился ниже того места, где висел раньше, всего на метр-полтора, волокна вуали в глубинах пропасти засветились ярче и распались на мириады мерцающих звёздочек. Больше всего эта картина напоминала сетчато-волокнистую структуру Вселенной, какой её изображали в учебниках по астрономии.

— Что это?! — пробормотал Кирилл.

Лаврик вместо ответа проворно спустился ещё ниже и уже оттуда, помолчав, уверенно проговорил:

— Это разрыв реальности… Моя ПН реализовалась практически, каким-то образом воздействовав на физику нашей Вселенной. Капитан не блефовал, он точно из параллельного измерения.

— Он говорил о каких-то уровнях…

— Какая разница! Он не врал. Спустись ко мне, отсюда галактики и звезды видны ещё лучше.

Кирилл сполз к Лаврентию, отмечая явное укрупнение звёзд, галактических вихрей и скоплений. Впечатление было такое, будто он приблизился к звёздным волокнам не на два метра, а по крайней мере на тысячи световых лет.

— Я сплю! — зачарованно проговорил Кирилл.

— Есть мнение, что жизнь вообще всего лишь сон, снящийся богу. Но так как я точно знаю, что не сплю, то и ты бодрствуешь.

— Но это же чушь!

— Один писатель[22] говорил, что девяносто процентов чего бы то ни было в мире — полная чушь. Я с ним солидарен.

Кирилл насытился висением над пропастью и созерцанием Вселенной под ногами, сказал не допускающим возражений тоном:

— Все, хватит любоваться чужими снами! Поднимайся и выключай машину!

Лаврик хотел возразить, но посмотрел на лицо Тихомирова и без лишних слов начал карабкаться по дырчатой оболочке «корня» к креслу. За ним вылез Кирилл, вцепился в подлокотник, молясь в душе, чтобы кресло не опрокинулось. Однако оно стояло прочно, как приклеенное, по сути, опираясь лишь на «корень», и подчинялось, очевидно, тем законам, которые поддерживала запущенная Лаврентием программа Преодоления Невозможного.

— Выключай машину на хрен!

Лаврентий несколько раз «кликнул» мышкой, сворачивая программу, и тотчас же «корни» начали втягиваться в кресло, стол и шкаф, бездна подернулась дымкой, проявился узор паркета, уплотняясь до консистенции настоящих древесных планок, перепончатый «гриб» с «живым глазом» на нём превратился в стол и монитор. Последний раз вздрогнули стены, и всё успокоилось.

Кирилл оглянулся на дверь. Она была на месте, только цвет её изменился, стал сиреневым, с перламутровым отливом.

— Ну? — повернулся к нему с осоловело-гордым видом Лаврентий.

— Да! — с чувством ответил Кирилл, добавив про себя подходящее к месту ругательство. — Никогда бы не поверил, если бы кто рассказал!

Послышались быстрые легкие шаги. В дверном проёме появилась запыхавшаяся Лилия, с любопытством окинула комнату взглядом.

— Во что это вы выкрасили дверь? Что здесь происходит? Когда я подъезжала к дому, мне показалось, что он гораздо выше, чем был до этого.

Кирилл и Лаврентий переглянулись.

— Если бы я знал, что происходит, — сказал Кирилл, — мне бы цены не было.

Лилия улыбнулась, потрогала пальцем пластину двери.

— Это шутка или?..

— Или, — кивнул Кирилл. — Наш герой, похоже, достиг цели, хотя результат превосходит все ожидания. Вместо того чтобы взламывать защиту компьютерных сетей, он взламывает нашу реальность.

— Ну почему, не только, — возразил, оживляясь, Лаврик. — Перед твоим приходом я свободно гулял по Инету и заглядывал на сайты ФБР и ЦРУ. А вот к своим спецслужбам добраться труднее, они работают автономно, без выхода во «всемирную паутину», и доступ к ним возможен только через электропитающие фидеры. Хотите, попробуем?

— Зачем? — Кирилл недовольно посмотрел на компьютерщика.

— Ради любопытства.

— Любопытство не порок, как говорится, но большое свинство. Не стоит рисковать только ради демонстрации своих возможностей, как это делают твои бывшие коллеги-хакеры. К тому же сети наших спецслужб имеют фотонную защиту. Если тебя вычислят — костей не соберёшь.

— Как хочешь, я просто так предложил. — Лаврентий вытащил дискету, повертел её в пальцах, любовно погладил и спрятал в карман. — Это ещё не окончательный продукт, но нечто стоящее. Капитан будет доволен. Сейчас сделаю несколько копий на всякий случай и займусь доводкой программы.

— Ты же говорил, что потребуется не менее двух недель.

— Удивительно, но факт: эта штука сама себя творит! Я только ускорил процесс, обходя ненужные этапы. Ты ни разу не играл в «Годсим»[23]? Это примерно то же самое, но уровнем выше. И вообще моя ПН ведёт себя как живой объект. Ты же видел.

— Вы закончили? — рассердилась Лилия. — Сейчас же рассказывайте, что здесь произошло! Почему дверь покрашена в этот жуткий мертвячий цвет? Где картины, которые висели на стене?

Только теперь Кирилл обратил внимание на пустые стены кабинета, где недавно висели две картины в модных багетах и под стеклом.

— Вот хренотень! — почесал в затылке Лаврик. — Неужели они упали вниз?

— Куда вниз? На полу их нет.

Кирилл подошёл к женщине, сначала проверив прочность пола.

— Пошли, расскажу. — Оглянулся на Лаврентия. — Делай копии, но программу больше не включай.

— Хорошо, — безропотно согласился компьютерщик. Возбуждение схлынуло, и он теперь выглядел уставшим и разбитым.

Кирилл с хозяйкой спустились в холл-гостиную дома, уселись в кресла. Лилия достала пачку «Парламента», закурила.

— Будешь?

— Я не курю.

— Начинай рассказывать. Учти, я в курсе того задания, что Игорь дал твоему другу, так что можешь не упрощать.

— Ты с ним давно на «ты»?

Женщина спокойно выдержала его внимательный взгляд.

— Не имеет значения. Но он знает такие вещи, что волосы дыбом. К тому же на самом деле он — двойная личность.

— Двуличный, ты хочешь сказать?

— Не в том смысле, что ты имеешь в виду. До начала операции Игорь действительно был снайпером, капитаном подмосковного СОБРа. Потом в него вселился…

— Бес!

Лилия осталась такой же невозмутимой, как и прежде.

— Можно сказать и так. В Игоря вселился оператор более высокого уровня, чем твой Лаврик, и теперь они — сборная личность с достаточно высокими интеллектуальным потенциалом и возможностями.

— Откуда он к нам свалился? И зачем?

— Откуда — я сама толком не поняла, но до этого он был, как я уже говорила, оператором сферы контроля за нашей реальностью. Ему не понравилось, что его самого кто-то жестко контролирует, вот он и взбунтовался.

— Я бы тоже взбунтовался, коли б узнал, что меня кто-то контролирует.

— Игорь, то есть оператор, был против того, чтобы в нашей метареальности пользователи компьютерных сетей, по сути — все желающие, становились операторами реальностей низших уровней.

— Виртуальных?

— Да, так говорят сейчас все юзеры.

— Ну, и почему он был против?

— Потому что всеобщая мания создания виртуальностей превращает не подготовленных духовно людей в псевдороботов, не отличающих реальности от виртуальностей и творящих полный произвол в созданных ими мирах. Что ведёт к размыванию этических базовых норм и программ и к невозможности дальнейшего усложнения уровневой иерархии.

— Не понимаю.

— Тебе надо поговорить с Игорем, он всё объяснит. Я же сама плаваю в этих вещах. Если бы ты пользовался компьютерными игрушками типа «блэк-энд-вайт», ты бы понял.

— Никогда не увлекался. Я вообще считаю, что фанаты компьютерных стрелялок — потерянные для социума и личной

жизни люди. Причём часто опасные для окружающих, в силу того что они не всегда могут отличить реальную жизнь от своих виртуальных конструкций. Ведь там их герои имеют не одну жизнь, а несколько и могут часто «подзаряжаться», чего нет в реальной жизни. К тому же большинство игр чрезвычайно агрессивно.

— Согласна. Как шутит Игорь: трудно жить без пистолета. Но что у вас всё-таки случилось?

Кирилл коротко рассказал собеседнице о прорыве реальности, случившемся в результате работы Лаврика над формулой ПН. Добавил:

— Похоже, он почти добился цели. Формула Преодоления Невозможного так мощна сама по себе, что помогает создателю себя же реализовать. Удивительно, что это сделал наш Лаврик. Он, конечно, отличный специалист, но без тормозов, без сдерживающих центров. Не знаю, чем руководствовался твой Игорь, выбирая именно его для расчёта алгоритма.

Лилия оценила подчеркнутое Кириллом слово «твой», покачала головой:

— Ты всё время хочешь меня задеть.

— Нет-нет, — поспешно поднял ладони вверх Кирилл.

— Так вот, я хочу сказать, что не стоит искать того, чего нет. Он мой спаситель, я обязана ему жизнью, вот и всё. Что касается его выбора, то он не ошибся. Нужен был человек из «тени», фанат с классной базой, математик и программист, причем не лидер в этических и духовных исканиях и областях.

— Я помню, — кивнул Кирилл, ежась от насмешливого взгляда Лилии и одновременно радуясь, что она подчеркнула свои отношения с капитаном. — Игорь говорил, что лидеры отслеживаются, а их деятельность корректируется.

Лицо женщины стало печальным. По-видимому, она вспомнила о гибели мужа. Но тут же постаралась успокоиться.

— Вы, наверное, проголодались. Есть хочешь? Пойду приготовлю ужин.

— Помочь?

Лилия с любопытством посмотрела на него.

— Это что-то новенькое в твоем отношении к быту. Раньше ты категорически отказывался от дел на кухне.

— Всё течёт, всё меняется, — изрек Кирилл, внутренне ежась от справедливого упрека, стоявшего за её словами. Во времена семейной жизни он действительно считал приготовление пищи и уборку делом женщины.

— Кажется, вы поумнели, полковник, — задумчиво оглядела его Лилия, вставая с кресла. — Странно все же, что такой видный

мужчина до сих пор не женился.

— Ничего странного, — пробормотал он, отводя глаза. — Кто-то сказал, что женитьба действует на человека так же губительно, как и сигареты, но стоит много дороже. Вот я и следую совету. Разве что не курю.

Лилия засмеялась, выходя на кухню.

Кириллу отчаянно захотелось броситься за ней, схватить в охапку, закружить и зацеловать, но он пересилил желание и только прерывисто вздохнул, подумав, что прошлого не вернёшь.

В гостиную спустился Лаврик, сияющий как новая монета.

— Прошу любить и жаловать — чем я вам не Годнет[24]? — заявил он, держа двумя пальцами дискету. — Вот то, за что вполне можно получить Нобелевскую премию!

— Или петлю на шею, — остудил его восторги Кирилл, которому вдруг стало зябко: ни с того ни с сего пришло ощущение беды. — Копии сделал?

— Аж пять штук.

— Дай одну мне.

— Тебе-то зачем? Что ты будешь с ней делать?

— На всякий пожарный.

Лаврик протянул дискету Тихомирову. Кирилл прислушался к своим ощущениям и прижал палец к губам.

— Тише!

Лаврик перестал улыбаться, побледнел.

— Ты чего?!

— Пока ничего… — Кирилл встал, поманил компьютерщика за собой, направляясь на кухню. — Держись рядом.

— Мне столько помощников не надо, — засмеялась Лилия, увидев их на кухне. — Или так сильно желудок свело?

— Отсюда запасной выход есть? — быстро спросил Кирилл.

— Из кухни? — удивилась Лилия.

— Нет, вообще из коттеджа.

— Что случилось?

— У меня дурное предчувствие. Интуиция советует убраться из твоего дома куда-нибудь подальше, а она меня ещё не подводила.

— Выход, к сожалению, один… Хотя постойте… Можно спуститься в подвал, оттуда в гараж и через пост охраны…

— Идёмте! Лучше перестраховаться, чем снова отбиваться от неведомо на кого работающей спецкоманды.

В спешке они набросили на себя верхнюю одежду, надели ботинки и сапоги, погасили свет в прихожей и на кухне, спустились в подвал, где их встретил удивленный охранник.

— Паша, выпусти нас через хозяйственный вход во двор, —

сказала Лилия. — И будь осторожен, к нам могут заявиться непрошеные гости.

— Уже заявились, — буркнул Кирилл, кивнув на монитор.

На центральном экранчике, показывающем участок улицы перед воротами, появился знакомый тёмно-синий микроавтобус, из которого начали выскакивать пятнистые фигуры.

— Быстро за мной! — сказал Кирилл. — Попытаемся уйти через двор.

— Дворик у нас маленький… с летним бассейном…

— Не имеет значения. Надо было раньше подумать об отступлении.

— Паша, спускай собак, — приказала Лилия, направляясь к лестнице.

— И тяни время, — добавил Кирилл, — не пускай никого, пока они не полезут внаглую.

Троица поспешно выскользнула во двор, небольшой, но уютный, окружённый высоким деревянным забором, выкрашенным в светло-коричневый цвет. В углу двора стояла беседка с камином и хозяйством для приготовления барбекю. Кирилл сразу направился в этот угол, махнув рукой спутникам, чтобы не отставали.

С другой стороны дома раздались сильные удары в калитку, рычание и лай собак, мужские голоса.

Не обращая внимания на этот шум, Кирилл быстро подтащил железную шашлычницу к камину, подтолкнул к ней Лаврентия.

— Лезь наверх!

— Я же не скалолаз… — попытался пошутить Киндинов.

— Давайте я первой пойду, — предложила Лилия.

Кирилл протянул ей руку, помог встать на перила беседки и подсадил. Женщина осторожно подтянулась за фронтон, на мужчин посыпался снег. Ещё одно движение, и она оказалась на крыше беседки, встала на колени, заглянула за конек забора в соседний двор.

— Никого…

— Прыгай в снег.

— Я могу помочь Лаврику.

— Прыгай, мы сами.

Лилия перевалилась через край забора, повисла на руках и спрыгнула вниз. Через секунду раздался тихий стук в доски забора.

Кирилл толкнул в плечо компьютерщика.

— Твоя очередь.

Лаврентий, чертыхаясь шёпотом, полез на беседку. Это у него получалось хуже, чем у Лилии, но в конце концов он выбрался на

крышу строения и с шумом сорвался на территорию соседнего коттеджа.

В ту же секунду распахнулась задняя дверь коттеджа и во двор ворвались люди в пятнистых комбинезонах.

Глава 8. Куда это мы так спешим?

Вспыхнули фонари, освещая стоявшего у беседки Кирилла.

— Не двигаться! — раздался чей-то глуховатый голос.

Заскрипел снег. К Тихомирову метнулись две фигуры, схватили за руки. Сопротивляться было бессмысленно, и Кирилл лишь взмолился в душе, чтобы Лилия и Лаврик догадались не ждать его, а продолжали бежать. Однако мечте сбыться было не суждено.

— Он был не один, товарищ полковник, — раздался ещё один знакомый голос. — Здесь следы троих. Они, наверное, хотели уйти дворами.

— Проверить! — приказал обладатель скрипуче-глуховатого голоса и подошёл к задержанному. — И куда это мы так спешим, любезный?

Кирилл не поверил глазам. Перед ним стоял убитый сутки назад подполковник Петров собственной персоной. А командовал подразделением спецназа не кто иной, как старший лейтенант Абрамян.

— Вот так сюрприз, — усмехнулся Кирилл, не зная, радоваться ему этому обстоятельству или нет. — Вы, оказывается, живы.

— А почему я должен быть мертв? — добродушно осведомился подполковник.

— Не далее как вчера вечером своим широким лбом вы поймали пулю. Неужели он у вас бронированный?

— Это вам, наверное, приснился страшный сон. Дайте-ка ему, ребятки, как следует, чтобы не грубил.

Кириллу двинули под ребра один, два, три раза, накинули на голову какой-то платок, продолжая избивать. Зрение резко упало, но через несколько мгновений восстановилось: заработал «третий глаз». Кирилл увернулся от ботинка, летящего в промежность, выскользнул из рук державших его молодцов, оставив у них свою куртку, и вошёл в темп.

Двух избивавших его громил он безжалостно столкнул лбами, так что хрустнули их шейные позвонки. Третьему сломал руку (парень работал прикладом автомата), четвёртого швырнул в стену камина, так что посыпались кирпичи. Оставались ещё двое спецназовцев у выхода из коттеджа и подполковник, замерший в ступоре, которые не представляли особой опасности, и Кирилл вполне мог бы уйти. Но за забором закричала Лилия, охнул Лаврентий, затем раздался голос старлея:

— Они у нас, товарищ полковник.

Кирилл метнулся было к забору, но перед ним в снег легла очередь из «никонова», и он остановился.

— Хороший ты боец, полковник, — сказал Петров, проявив признаки жизни. — Мне бы парочку таких в команду. — Он повысил голос: — Давайте их сюда, лейтенант.

На крыше беседки появилась тень, вторая, ещё раз вскрикнула Лилия: её вытягивали наверх. Затем женщину столкнули вниз, и она упала в сугроб. Туда же кулем свалился Лаврентий.

— Ведите их в дом, — приказал Петров, поворачиваясь к Тихомирову спиной.

— Эй, коллега! — бросил ему вслед Кирилл. — Ты уже один раз ошибся, так не ошибись во второй. Я не знаю, какой ад воскресил тебя, но ещё раз этого не допущу.

Кто-то сильно ударил Кирилла по затылку, и на какое-то время он перестал видеть и слышать. Когда очнулся, обнаружил, что лежит на теплом плиточном полу в углу гостиной со связанными сзади руками. Стараясь не шевелиться, прислушался и приоткрыл глаза.

По холлу ходили и перебрасывались репликами рослые парни в камуфляже. Рядом лежало ещё одно тело — Лаврентия. Компьютерщик не двигался — очевидно, был без сознания. Лилии и подполковника Петрова нигде не было видно.

— Что он там с ней возится? — сказал кто-то из оперативников, опорожнив бутылку пива. — Пойти помочь, что ли?

— Да уж, ты бы помог, — заржал второй с такой же бутылкой в руке: подчинённые Петрова добрались до холодильника хозяина. — С такой бабой и я бы не прочь покувыркаться.

— Командир с ней не справится. Он без пяти минут импотент.

— Откуда ты знаешь?

— Эдик говорил. Он с ним в сауну ходил…

Голоса отдалились.

Кирилл начал шевелить пальцами рук, пробуя прочность верёвки и узлы. Верёвкой, стягивающей запястья, оказался поясок от халата Лилии, и освободиться от него было не так уж и сложно. Надо было только выбрать удобный момент и начать нейтрализацию команды ПСП по самой жёсткой программе, не жалея молодых полных жизни парней. Душа противилась этому варианту, но, судя по всему, оперативники ПСП каким-то образом оживали или имели какие-то секреты, позволяющие им восстанавливаться, поэтому их можно было бить в полную силу.

— Тащите наверх полковника, — донёсся голос со второго

этажа.

Затопали ботинки, к Кириллу подошли двое, пнули в бок.

— Вставай, полковник, пришла твоя очередь.

Грубые руки дернули за шею, вцепились под мышки, поставили Кирилла на ноги. Он обвис на них, чувствуя пульсирующую боль в затылке, глухо замычал, делая вид, что совершенно беспомощен. Его ударили ещё раз, плеснули в лицо водой и потащили по лестнице вверх.

Подполковник Петров допрашивал пленников в кабинете хозяина. Кирилл мгновенно осмотрелся, Лилии не обнаружил и сжал зубы, молясь в душе, чтобы с ней не произошло ничего дурного.

Его бросили на стул. Он с трудом поднял голову. В затылке торчал раскалённый гвоздь, тело саднило и болело, но кости были целы, а мышцы быстро восстанавливали подвижность и силу.

В кабинете, в котором всего час назад происходили удивительные явления «прорыва реальности», кроме подполковника, находились ещё два пятнистых амбала и старший лейтенант Абрамян. Судя по его поведению, абсолютно здоровый, не раненный в плечо, хотя Кирилл находился в здравом уме и помнил, как старлей получил пулю от Утолина и отлетел к стене.

— Ну что, коллега, — обратился к нему Петров отеческим тоном, — будем говорить, как вы оказались в этой компании и что знаете, или нет?

— Где Лилия? — слабым голосом проговорил Кирилл, начиная освобождать руки. — Ничего говорить не буду, пока не скажешь, что ты с ней сделал… коллега.

— Ещё как скажешь! — ухмыльнулся старлей, поигрывая кожаным ремешком.

— С ней всё в порядке, — отмахнулся подполковник. — Эдик немного перестарался, она в обмороке. Только и делов. Ну, давай делись своими познаниями. Чего там достиг наш клиент Лаврентий Киндинов, какую вирусяку сотворил на погибель компьютерных программ?

— Об этом вы его спросите.

— И спросим, — кивнул Петров. — Только тебе от этого легче не станет. Мы знаем, что он закончил разработку «сетевой отмычки» и проверил её в деле. Кто об этом знает ещё, кроме вас и хозяйки?

— Куча народу, — усмехнулся Кирилл, чувствуя, как поддается его усилиям поясок. — Директор конторы, его заместитель, начальник отдела, охрана, кое-кто в министерстве и так далее.

— Ну, насчёт начальника отдела ты врёшь, — погрозил пальцем Петров. — Он ничего не слышал. Директора мы ещё допросим. А кто в министерстве?

Не подскажешь фамилии? Или запамятовал?

— Запамятовал, — подтвердил Кирилл.

— Я так и знал. Лейтенант, пни его побольнее, чтобы вспомнил.

Абрамян с готовностью подошёл к пленнику, накинул ему на шею ремешок и рывком дернул на себя. Однако ремешок вдруг оказался в руках пленника, а старлей охнул и упал на колени перед стулом, затем завалился на бок. В то же мгновение Кирилл сорвал с него автомат и дал очередь в стену, останавливая рванувшихся к нему амбалов.

— Стоять! Руки за голову! К стене!

Оба парня замерли, глядя на зрачок автомата, и хотя могли бы в принципе ответить тем же — автоматы они держали под рукой, делать этого не стали, ещё раз подтверждая мнение Кирилла о плохой подготовке команды.

Тихомиров приблизился к оперативникам Петрова, развернул их лицом к стене, отобрал оружие, прислушиваясь к шуму в коттедже. Кто-то бежал по лестнице, бухая ботинками, потом по коридору, дверь в кабинет распахнулась, появился ещё один детина с автоматом.

Кирилл цапнул его за ствол, рванул на себя и точным тычком в горло послал в нокаут. Однако, пока он возился с оперативником, подполковник Петров опомнился и выхватил своё штатное оружие — бесшумный «зубр».

— Не двигаться! Брось автомат! Руки!

Кирилл замер, одну руку поднял вверх, второй положил автомат на пол. Оглянулся.

Оскалив зубы, подполковник смотрел на него, решая — стрелять или погодить, и взгляд противника, видимо, подсказал ему, что лучше перестраховаться. Он выстрелил.

Но за долю секунды до выстрела произошли два события. Первое: Кирилл в темпе метнулся в сторону, так что пуля «зубра» угодила в стеклянный шкафчик. Второе: в кабинете появился ещё один спецназовец в камуфляже, метнул в подполковника нож и попал точно в лоб.

Петров от удара качнулся назад, глаза его сошлись к переносице, он побелел и грохнулся спиной на ещё один стеклянный шкафчик — для дискет.

Звон бьющегося стекла, грохот, стук, тишина.

Кирилл опустил руки, узнав в спецназовце капитана Утолина.

— Чёрт, как вы не вовремя!..

— Я не чёрт, — качнул головой капитан, почему-то реагируя на это слово и как бы оправдываясь. — Их ещё трое, надо нейтрализовать всех и уходить. Коттедж, к сожалению, засвечен.

Кирилл посмотрел на подполковника, убитого во второй раз. Утолин перехватил его взгляд, скривил губы.

— Я же говорил — это программа ПСП, она может запускаться многократно. Вполне вероятно, этот полковник встретится нам ещё не раз.

«Шиза!» — хотел сказать Кирилл, но передумал. Вторая мысль была умней: что-то здесь не так! Но что именно, в голову не приходило. Над этим надо было размышлять в более спокойной обстановке.

Утолин шагнул к зашевелившемуся старлею.

— Кто у тебя внизу? Вызывай по одному.

Абрамян поднял на него затуманенные глаза.

— Пошел ты!..

Удар, хруст, вскрик!

Старлей отлетел назад, сбивая спиной кресло, и остался лежать на полу с перебитым носом и остекленевшими глазами.

— Не тормози, — проговорил Утолин, глядя на него холодными глазами, — сникерсни.

Он повернулся к другому спецназовцу.

Кирилл дернулся было к капитану, чтобы остановить расправу, но вспомнил о Лилии и метнулся к двери.

— Не трогай их, надо спасать Лилю и Лаврика!

— Возьми пистолет.

— Мне он ни к чему.

— Зато они церемониться не станут. Ты думаешь, это все шутки? Игрушки? Цель ПСП — нейтрализация мешающего фактора. Все мы являемся этим самым фактором…

Кирилл, не слушая, приоткрыл дверь, никого не увидел и тенью проскользнул по коридорчику к спальне, из которой доносился какой-то скрип и шорох. Толкнул дверь от себя, ворвался в спальню.

Лилия была здесь. Она лежала, связанная, на кровати, а здоровенный спецназовец пытался её целовать, лапал за грудь. Автомат свой он прислонил к стене и отреагировать на появление Тихомирова не успел.

Полный холодного гнева, Кирилл прыгнул к нему, нанося удар ногой в голову. Верзила перелетел через кровать, ударился всем телом в стену, однако тут же подхватился, очумело потряс головой, и его пришлось бить в полную силу, «на слом», как принято говорить в спецназе, ещё раз. Только после этого он затих.

Кирилл развязал Лилию, смотревшую на него, закусив губу, огромными полными слёз глазами, бережно поддержал под руку.

— Идти сможешь?

Женщина на мгновение прижалась к нему, зажмурив глаза, рыдание сотрясло её тело, однако она тут же взяла себя в руки и отодвинулась.

— Я в порядке. Как тебе удалось освободиться?

Сквозь дверь в комнату донёсся шум с первого этажа: звон бьющегося стекла, грохот, частые хлопки, крики, удары. Затем всё стихло.

— Дьявол! Он тебе весь дом разнесет!

Кирилл выглянул в коридор, метнулся к лестнице, прислушиваясь к наступившей тишине и гадая, что произошло. Однако его помощь не потребовалась.

— Спускайтесь, — донёсся из холла негромкий голос Утолина. — Здесь чисто.

— Кир! — вдруг вскрикнула Лилия.

Кирилл мгновенно бросился на пол, перекатился через голову, и очередь из «никонова» прошла над ним. Это очнулся один из амбалов в кабинете, высунулся в дверь и открыл огонь. Будь он поопытней, для Кирилла всё закончилось бы печально, однако боевыми искусствами оперативник Петрова не владел, да и не пришел ещё в себя окончательно, поэтому Кириллу удалось в подкате выбить у него автомат и завершить атаку двумя «бухами», сломавшими верзиле ребро и челюсть. На сей раз жалости к нему Кирилл не испытывал никакой, понимая, что он, в отличие от команды ПСП — если верить Утолину, — живёт только раз.

На верхней площадке винтовой лестницы показался капитан с пистолетом в руке, быстро глянул на лежащее тело, кивнул, расслабляясь.

— Порядок. Эти мослы понимают только язык силы. Лиля, собирай вещи, уходим.

Лилия посмотрела на Кирилла, на Утолина.

— Где Лаврик?

— Здесь я, — раздался сквозь кряхтенье голос компьютерщика, взбиравшегося по лестнице на второй этаж. — Живой, хотя и не здоровый.

— Я позвоню своим, — сказал Кирилл. — Группа поддержки будет здесь через минут сорок.

— Не стоит, — качнул головой Утолин. — Придётся им все объяснять, а объяснить ты ничего как раз не сможешь. Надо уходить.

— Куда?

— Я знаю одно место, где мы сможем отсидеться какое-то

время, пока Лаврик не закончит работу.

— Я почти закончил, — пропыхтел бледный, с кругами под глазами и новым синяком на темени Лаврентий.

С улицы донёсся скрип тормозов.

Мужчины переглянулись, затем Утолин выключил свет в коридоре, метнулся в спальню, выглянул в окно через щель в гардинах и выругался.

— Похоже, мы опоздали…

— Что там? — присоединился к нему Кирилл.

— Это уже команда посерьезней.

— СНОС, что ли?

— Хвалю, быстро привыкаешь к нашей терминологии. Увы, полковник, это действительно нейтрализаторы.

В свете фонаря на улице виднелись подъехавшие машины — два синих минивэна с чёрными стеклами, сигаровидные, приплюснутые, мощные. Из них вышли шесть человек в белых полушубках со стоячими воротниками и, не торопясь, двинулись к коттеджу. В их неторопливости крылась такая уверенность и целеустремленность, что у Кирилла засосало под ложечкой.

— Что будем делать? Если рванём через двор…

— Не успеем, они наверняка перекрыли все пути отхода. Эта программа самонастраивающаяся и независимая, её очень трудно локализовать и задавить, особенно изнутри игрового объема.

— Как это?

— Так как ты в компьютерные стрелялки не играешь, то объяснить я тебе не смогу. Просто прими к сведению, что у нас мало шансов. Это профессионалы, причём весьма круто вооружённые и легко восстанавливающиеся. Вот если бы я сидел в коконе иезода и имел доступ к манипуляционному полю…

— На каждого профессионала можно найти профессионала покруче. Я могу связаться со своей старой конторой, они пришлют свою команду…

— Поздно. Хотя… давай звони. Кто знает, сколько времени мы продержимся.

Утолин выскользнул в коридор, где томились снедаемые тревогой и неизвестностью Лилия и Лаврик.

— Сколько тебе понадобится времени для развертки ПН?

— Минуты две, — пожал плечами Киндинов. — Максимум три.

— Включай! Я их задержу.

Лаврентий растерянно посмотрел на Кирилла, набиравшего номер по мобильнику.

— Не теряй времени, — кивнул тот и посмотрел на Лилию. — Помоги ему.

Бывшая жена без слов дернула компьютерщика за рукав и направилась к двери кабинета.

На том конце линии сняли трубку.

— Привет, Владилен, — сказал Кирилл. — Узнаешь?

— Привет, — ответил начальник оперативной части СВР полковник Владилен Артурович Семёнов, с которым Кирилл провел в Германии не один год. — Иваныч, ты? Какими судьбами?

— Извини, что разбудил. Есть проблемы, Владилен. Мне срочно нужна обойма наших спецребят.

— Что случилось?

— Некогда объяснять. Запоминай адрес: улица Плеханова, дом одиннадцать. Я внутри, с друзьями. А нас заблокировала непонятная команда. Вооружённая.

— Ты что, Иваныч, с мафией воюешь, что ли? Или сам на неё работаешь?

— Владилен, дело серьёзное.

— Понял, жди.

В трубке затукали молоточки отбоя.

Утолин посмотрел на Кирилла.

— Вызвал?

— Они будут здесь минут через двадцать, не раньше.

— Опоздают. Но делать нечего, надо ждать. А пока давай-ка озадачим гостей, пугнём их по полной программе.

Утолин поднял автомат с пола, проверил магазин, вытащил второй из-под туши спецназовца.

— Я встречу их с фасада, ты со двора. Стреляй во всё, что движется и даже если не движется. Важен шум, а не результат стрельбы. Надеюсь, пару минут мы выиграем, заставим их уважать противника.

Кирилл кивнул, и они ссыпались по лестнице вниз, выключая по пути освещение холла и помещения с бассейном. Затем открыли огонь с двух сторон: Утолин — по фигурам гостей и их машинам на улице, Кирилл — по пристройкам во дворе и по забору.

Стрельба длилась не больше полуминуты — кончились патроны. Кирилл метнулся назад, взлетел по лестнице на второй этаж и почувствовал, как пол под ногами мягко закачался и поплыл: Лаврик запустил свою программу Преодоления Невозможного, и она послушно «взломала» порог бытия, открывая брешь в иную реальность.

Утолин появился в коридорчике мгновением позже. У него в руке была спортивная сумка.

— Быстрее, чего остановился!

— Что ты задумал?

— Единственная возможность спастись — уйти в буферную зону. Там СНОС найдёт нас не сразу.

— Что ещё за буферная зона?

— Стык программ разных уровней. Зону никто не контролирует, и она живет сама по себе, изменяясь в соответствии с граничными условиями той или иной интенсивности. Потом объясню подробнее.

Утолин толкнул дверь в кабинет, и та осыпалась перьями пуха и клочьями тумана, исчезла. Кирилл ожидал увидеть глубокий провал со звёздами в глубине, однако на этот раз картина оказалась иной.

Стены и потолок комнаты отсутствовали. Их место занимали заросли светящихся стеклянных шипов, образуя колючую полусферу. Паркет пола потерял рисунок и цвет, напоминая снежную корку, но пол ещё выполнял свои функции и держал на себе мебель кабинета.

Стол, на котором стоял монитор, опять приобрёл форму перепончатого гриба, а дисплей превратился в гигантский глаз на гофрированном выросте. В бездонном зрачке этого жуткого глаза медленно вращался багровый иероглиф в форме черепа и паука.

Лаврик сидел перед монитором, подавшись вперёд, и работал обеими руками на клавиатуре, не глядя на нее.

Лилия, вцепившись в спинку его кресла, тоже смотрела на экран, и лицо её выражало удивление и ужас.

Дом содрогнулся. С первого этажа в кабинет прилетело эхо удара.

— Они взорвали входную калитку! — бросил Утолин. — Все за мной!

— Куда? — не поняла оглянувшаяся Лилия.

— Лаврик, у тебя есть ещё дискета с формулой?

— Две, — кивнул Киндинов.

— У меня тоже, — добавил Кирилл.

— Прекрасно, тогда не все ещё потеряно.

Утолин достал из спортивной сумки пупырчатое зелёное яйцо с двумя скобами и кольцом, жестом велел Лаврентию освободить кресло, приладил яйцо — это была граната! — под процессором, протянул от него проволоку к двери.

— Все, уходим!

— Зачем ты?.. — начал компьютерщик, не понимая манипуляций капитана, потом догадался: — Хочешь взорвать?!

— У нас нет другого выхода. — Утолин посмотрел на Лилию. — Извини, машину мы потеряем.

— Ничего, — отмахнулась женщина, глянув на Кирилла со

странной усмешкой. — Теряют больше иногда…

— В таком случае берите друг друга за руки, чтобы не потеряться, и аллюр три креста!

— Ты хочешь… пролезть через эти колючки?! — с недоумением посмотрел на капитана Лаврик.

Вместо ответа тот схватил его за рукав, Кирилл и Лилия взялись за руки, уцепились за Лаврика, и Утолин смело полез прямо в заросли стеклянного «саксаула».

Кирилл ожидал услышать хруст и стеклянный треск, но колючки свободно пропустили сквозь себя людей и сомкнулись за их спинами, отрезая интерьер кабинета. Призрачное ледяное сияние заполнило объём пространства вокруг беглецов, и наступила полная тишина. Затем что-то глухо ухнуло — это, наверное, сработала оставленная капитаном граната, — и бесконечные стеклянные заросли исчезли.

Глава 9. Через границу и обратно

Они стояли посреди пыльной мостовой, покрытой брусчаткой, в окружении старых двух-, трёх- и четырёхэтажных домов странного облика — с окнами из цветных стекол и гнутыми стенами.

Солнце висело почти в зените, и в городе этом царила душная жара. А беглецы были одеты в зимние куртки и шубы. Но они были так ошеломлены перемещением из зимней Москвы в летний город эпохи средневековья, судя по готическим формам зданий, что не сразу оценили смену времен года.

Пешеходы в городе почти отсутствовали, и все они торопливо шли мимо, одетые в синие, фиолетовые и коричневые плащи с капюшонами, скрывающими лица. Нельзя даже было с уверенностью определить, кто из них мужчина, а кто женщина.

В конце улицы показались всадники на гигантских верблюдах, проскакали мимо, не обратив на четвёрку беглецов никакого внимания. А затем показался позванивающий колокольчиком трамвай, и Кирилл не поверил глазам, заметив, что рельсы впереди старенького переднего вагона появляются буквально из воздуха, а позади последнего вагона исчезают!

— С ума сойти! — пробормотал обалдевший от увиденного Лаврик. — Это куда же мы попали?!

— Рельсы! — прошептала Лилия. — Ты видишь?

— Вижу, — отозвался Кирилл, расстегивая куртку, а за ней ворот рубашки. — Капитан, где мы?

— Поздравляю всех с прибытием в никуда, — рассеянно проговорил Утолин. — Когда-то я, как и вы, не верил в существование этой псевдореальности, потом нашёл способ заглянуть в неё. После чего мне и предложили стать оператором… чтобы я не смог подняться на уровень Фигуры Влияния.

— Ты не ответил, что это такое.

— Четвёртое измерение, — со смешком произнес Лаврентий.

— Это потенциальный барьер, граница между реальностью и метареальностью, обозначающими разные уровни единого Принципа. Если быть точным, то это действительно своеобразная буферная зона между пограничными состояниями разномасштабных программ.

Кирилл и Лилия проводили взглядами группу гигантов в фиолетовых плащах, рост которых достигал не менее двух с половиной метров. За ними прошествовали две уродливые фигуры, похожие на не до конца очеловеченных моржей, от

которых расползалось облако зловония.

— Ничего себе красавцы!.. — пробормотал Лаврик. — Может быть, смоемся отсюда, пока не поздно? Жарко, как в пекле!

Они отступили в тень ближайшего здания, поглядывая на задумавшегося капитана, одетого в камуфляжный комбинезон спецназа и, похоже, не обращавшего на жару никакого внимания.

— Что дальше? — задал Кирилл вопрос, интересующий и остальных. — Как мы вернёмся обратно?

— Тем же путём, — очнулся от раздумий Утолин. — У меня с собой ноутбук. Лавр включит свою ПН, и мы выйдем в вашу метареальность. Беда только в том, что нас там могут ждать исполнители СНОС.

— Посидим здесь часок и выйдем. Как раз ребята из оперкоманды подоспеют.

— Я не помню, как соотносятся времена буфера и вашей реальности. Помнится, что время здесь идет медленнее.

— Значит, побудем тут часа два или три… Если не изжаримся на солнцепеке.

— Что ж, не остается ничего другого. Пойдёмте поищем бар или кабачок, не мешало бы горло промочить после всех баталий.

— А чем расплачиваться будем?

— Натурой, — ухмыльнулся Утолин, поворачиваясь лицом к перекрестку, который только что миновало суперсовременное авто с затемнёнными стеклами. — Не отставайте.

Дошли до перекрестка, осмотрелись и повернули направо, туда, где громыхал трамвай с исчезающими за ним рельсами.

Эта улица разительно отличалась от той, на которую вышли беглецы. Она была гораздо современней, судя по архитектуре зданий, и покрытие её проезжей части напоминало асфальт, хотя и необычного сиренево-синеватого цвета. Прохожих и здесь было немного, однако все они одевались иначе — в майки, шорты и сандалии, а на головах носили шляпы с огромными полями, накрывающими даже плечи. На четвёрку пришельцев они тоже не обращали внимания, привыкнув, очевидно, к появлению гостей самого странного вида.

Однако и на этой улице не оказалось ни одного магазина или кафе, словно жители ими никогда не пользовались. Изнывая от жары, земляне поплелись дальше, до следующего перекрестка, где стоял вполне современный светофор.

Машин стало больше — самого разного типа: от грохочущих и дымящих колымаг времён самобеглых колясок до зализанных торпед современного дизайна, двигающихся практически бесшумно.

Ещё раз свернули и оказались на улице с чудовищно

изуродованными строениями. Вблизи от перекрестка они ещё были вполне нормальными домами в пять, шесть и семь этажей, а по мере удаления от светофора стали раздуваться, искривляться, превращаться в карикатуры на здания, будто их корежила и ломала какая-то чудовищная сила. А затем улица внезапно оборвалась.

Молча смотрели гости с обрыва на разверзающуюся под ногами бездну, в которой ворочался сизо-зелёный дым, содрогающийся от беззвучных взрывов внутри.

— Уж не атомная ли бомба здесь взорвалась? — вполголоса заметила Лилия.

— Нет, не атомная, — сказал Утолин. — Это эффект несовмещения масштабов разных программ. Иногда программы конфликтуют друг с другом, в результате чего и возникают такие провалы в игровых многомерных объемах.

— Значит, мы таки действительно находимся в четвёртом измерении? — пробормотал взопревший Лаврентий.

— Количество измерений здесь не равно четырём, — возразил Утолин. — Оно где-то между тремя и четырьмя, поэтому наши органы чувств и воспринимают этот мир несколько искаженно, адаптируясь к здешним законам. А вообще многомерные инварианты реальности невозможно описать языком трёх измерений. Пойдёмте обратно, нам в другую сторону.

Они повернули, направляясь к центру этого странного города, сняли верхнюю одежду, уже не присматриваясь к попадавшимся навстречу прохожим.

Вскоре городской ландшафт снова изменился. Здания стали походить на многоэтажные китайские пагоды, улицы сузились, прохожие сменили майки и шорты на свободные белые рубахи и холщовые штаны, забегали быстрее. На одной из таких улиц, заполненной торопливой толпой, обнаружились первые магазинчики, кабачки и таверны, и беглецы свернули к одной из них, с вывеской на корявом русском языке: «У Бальшога Имама». И чуть ниже: «Дабро пожаловат».

— Заходите и завтракайте, — сказал Утолин. — Никуда не отлучайтесь, пока я не приду.

— Ты куда? — спросила Лилия.

— Поищу кое-какое снаряжение и вернусь.

— Один?

— Всем нам лучше не светиться, боюсь, нас и так засекли слепыши.

— Кто? — спросил Кирилл.

— Местные пограничники. Здесь нет властей в обычном

понимании этого слова, нет силовых структур, но программа контроля работает и отмечает усиление или ослабление пси-резонансов. Так что долго нам здесь толкаться ни к чему.

Капитан огляделся и широким шагом направился вдоль улицы к нависающему над очередным перекрестком зданию в форме перевернутой пирамиды. На здании светилась красными буквами надпись: «Банк ЭСМО».

— Он так и не сказал, чем мы будем расплачиваться, — осуждающе проворчал Кирилл.

— Узнаем, — пожала плечами Лилия и первой шагнула к двери таверны.

Мужчины переглянулись.

— Чёрт знает, что творится! — с досадой сказал Кирилл, догоняя женщину. — Иногда мне начинает казаться, что я или сплю, или сошёл с ума!

— Привыкай, — сочувственно проговорила Лилия. — Мир действительно гораздо более сложная система, чем мы себе представляли.

— К этому невозможно привыкнуть! Что я на работе скажу? Где был? В параллельном пространстве?! Да попробуй я сказать правду, директор тут же пошлёт меня к психиатру!

— Относись к этому философски. Ведь он — человек обстоятельств, связанный по рукам и ногам условностями и запретами игры под названием «жизнь».

— А я?

— Ты должен быть выше этого. Если хочешь…

— Чего?

— Стать Персоной Воли.

— А если не хочу?

— Тогда я разочаруюсь в тебе окончательно.

Лилия толкнула дверь из двух створок, какие любят показывать в салунах американских вестернов, и они вошли в полутемное помещение таверны «У Бальшога Имама».

Кирилл посмотрел на Лаврика. Тот развел руками и шагнул вслед за Лилией.

Интерьер таверны мало чем отличался от интерьеров подобных заведений Востока и Запада на Земле.

Деревянные высокие столы в одном углу, низкие столики со стульями — в другом. Стойка бара. Галерея бутылок. Пивной агрегат. Аппарат для приготовления кофе. Какая-то конструкция из разнокалиберных цилиндров и колец. И хозяин за стойкой, наверное, сам Бальшой Имам, судя по габаритам.

Народу в заведении практически не было, не считая небритого аборигена за одним деревянным столом в грязном

балахоне мышастого цвета, низко надвинутой шляпе и ботинках «а-ля диверсант» со множеством заклепок и крючков. Абориген был похож на российского бомжа переходного периода от социализма и капитализму, он неторопливо цедил из огромной кружки пенящийся янтарный напиток и курил вонючую самокрутку.

Лаврентий облизнул пересохшие губы.

— Я бы тоже с удовольствием выпил пивка…

Лилия решительно подошла к стойке, разглядывая мрачного великана в тельняшке, с повязкой на глазу и в платке поверх круглой головы. Великан, сложив на груди огромные волосатые руки, смотрел на неё и молчал. Больше всего он напоминал персонаж из мультфильма «Остров сокровищ», но высказывать эту мысль вслух было бы по крайней мере неосторожно.

— Мы бы хотели позавтракать, — заявила Лилия. — Что вы можете предложить?

— Яичницу с беконом, — без всякого акцента пробурчал верзила в тельняшке. — Салат по-хаевски, бобы в перечном соусе. Чай.

— Прекрасно. — Лилия оглянулась на спутников. — Что будете заказывать?

— Все, — сказал проголодавшийся Лаврик.

Кирилл тоже чувствовал слабые напоминания желудка о себе, поэтому скромничать не стал:

— Яичницу, бобы, чай.

— А мне кофе, — добавил Лаврентий.

— Автомат не работает, — буркнул одноглазый «пират». — Что будете пить? Текилу, ром, коньяк, водку, вино? Есть очень хорошее бургундское.

— Ничего, — за всех ответил Кирилл.

— Но пивка-то можно, — заикнулся Лаврентий.

— Хорошо, и пиво. Ему.

— И мне, — добавила Лилия. — Если оно холодное.

— Тогда мне минералки, — заключил Кирилл.

— Устраивайтесь, принесу, — не двинулся с места хозяин таверны, глянув на «бомжа» за столом.

Гости переглянулись, сели за более или менее чистый столик у окна, а когда посмотрели на стойку, то вместо верзилы-«пирата» увидели такого же роста женщину с седыми волосами, наливающую пиво. Когда и куда девался сам хозяин за то время, пока гости садились за стол, было непонятно.

Женщина принесла холодное пиво.

Лаврик сразу припал к кружке, отхлебнул, затем отпил полкружки и цокнул языком.

— Не «Клинское бриллиантовое», но тоже ничего. Что за марка? — обратился он к хозяйке, ловко расставляющей тарелки.

— Местное, — буркнула она. — Корнеевское.

Лилия тоже отхлебнула пива, пробуя на язык, и, как Лаврик, отпила полкружки.

— Действительно неплохое. А ты почему не пьешь?

— Не люблю, — сказал Кирилл, ощущая спиной ток холодного воздуха. — Предпочитаю соки или минералку.

— Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрёт, — объявил разомлевший Лаврик. — Ух, здорово! Холодненькое…

Кирилл оглянулся и наткнулся на острый взгляд «бомжа» в другом углу заведения. Мужчина сразу отвернулся, затем бросил что-то на стол и вышел на улицу.

Хозяйка принесла яичницу, салат и бобы. Гости принялись за еду, отмечая, что приготовлено все достаточно вкусно. В таверну заглянул какой-то молодой человек, увидел завтракающих гостей и тут же сгинул. Кирилл почувствовал смутную тревогу.

— Заканчивайте, — сказал он тихо. — Здесь оставаться больше нельзя, я чую запах опасности.

— Надо сначала расплатиться, — так же тихо ответила Лилия, — чтобы не поднимать скандала. У меня есть пара сотен… Этого хватит?

— Откуда ты знаешь, какая валюта здесь в ходу? — резонно заметил Лаврик. — Капитан говорил, что у них принято рассчитываться натурой.

Кирилл встал, подошёл к столу, за которым пил пиво мужчина в наряде бомжа, и обнаружил рядом с пустой кружкой обыкновенную зажигалку. Рядом вдруг вырос внушительный бюст хозяйки заведения, она покосилась на Тихомирова, смахнула зажигалку в карман фартука, подхватила пустую кружку и удалилась.

— Это была зажигалка, — вернувшись, ответил Кирилл на вопросительные взгляды спутников. — Видимо, здесь действительно принято расплачиваться вещами. Сейчас проверим.

Он щёлкнул пальцами, подзывая хозяев.

Появился «пират» за стойкой, сложил руки на груди. Его жена или хозяйка подошла к столу, вытирая руки фартуком.

— Что мы вам должны? — вежливо поинтересовался Кирилл.

— Как обычно, — буркнула женщина.

Кирилл достал сторублевую купюру.

— Этого достаточно?

Седовласая с брезгливым видом повертела в пальцах купюру, вернула владельцу.

— Вряд ли за эту бумажку можно что-либо приобрести, хотя она и красивая. Мы не привередливые, но работа стоит большего. Давайте какой-нибудь сложделик.

— Что? — не понял Кирилл.

Женщина смерила его недовольным взглядом.

— Первый раз в наших краях?

— Извините, впервые.

— Понятно. — Хозяйка усмехнулась более добродушно. — Ничего, привыкнете. Все привыкают. Ну, давайте ваш сложделик.

— Что это такое?

— Ну, что-нибудь сделанное там, откуда вы родом.

— Сложделик — это, наверное, сложное изделие, — предположил Лаврентий. — Изготовленное по определённой технологии.

— Правильно говоришь, — с уважением посмотрела на него хозяйка. — Ты умный.

— О да, он очень умный, — пробормотал Кирилл, размышляя, что дать владелице таверны, потом снял с руки свои часы. — Это подойдёт?

Женщина взяла часы — Тихомиров носил «Командирские», — поднесла к глазам, приложила к уху, ещё раз осмотрела и спрятала в карман.

— Хороший сложделик, настоящий материаллик. Заходите к нам ещё, будем рады.

Гости двинулись к выходу и у двери столкнулись с мужчиной в мятом костюме, как две капли воды похожим на «бомжа», который недавно пил здесь пиво. Он посторонился, пропуская их, и Кириллу показалось, что глаза у незнакомца отсутствуют. Он даже оглянулся, но увидел только низко надвинутую шляпу, загораживающую пол-лица.

На улице пришлось остановиться.

Их ждали.

У тротуара стоял раздолбанного вида автомобиль с огромными фарами, с обтекателями колёс и кучей деталей вроде молдингов, надкрылков, ручек, антенн и стабилизаторов, а выход из таверны загораживали четверо угрюмого вида здоровяков в тёмно-серых плащах со стоячими воротниками, в такого же цвета шляпах и в чёрных очках. Они стояли неподвижно и молча, сунув руки в карманы плащей, и Кирилл невольно усмехнулся, так они были похожи на опереточных гангстеров времён сухого закона в США.

Лилия оглянулась на мужчин с тревогой в глазах.

Кирилл отстранил её, шагнул вперёд.

— В чём дело, господа?

Незнакомцы продолжали молчать, разглядывая посетителей таверны, и не шелохнулись, будто были роботами, а не живыми людьми.

Лаврентий потянул Кирилла за рукав.

— Посмотри…

Кирилл оглянулся.

Вывеска таверны над дверью теперь выглядела иначе — как металлическая доска, и надпись на ней на русском языке была высечена без всякого акцента: «У Большого Ивана».

Однако разбираться с этими превращениями было некогда, ситуация требовала решения, а воевать с командой «гангстеров» не хотелось.

— Пожалуй, нам пора идти в… — Кирилл не договорил.

Дверца автомобиля открылась, и на тротуар неторопливо вылез ещё один серый плащ, низкорослый, кряжистый, без шляпы и очков. И Кирилл не особенно удивился, узнав в предводителе «гангстеров» подполковника Петрова.

— Мы с вами где-то определённо встречались, — заметил подполковник не без юмора. — Ба, знакомые все лица! Полковник Тихомиров и компания, если не ошибаюсь.

— У вас прекрасная память, — с иронией ответил Кирилл. — Мы встречались дважды, если не ошибаюсь.

— Да? — натурально удивился Петров. — Кажется, вспомнил. Вы всегда так торопитесь, что никак не удается побеседовать с вами по-дружески.

— За чем же дело стало? Зайдём в таверну, закажем пиво и поговорим.

— Уж лучше поговорим у нас, если не возражаете.

— А если возражаю?

Подполковник философски пожал плечами.

— Так ведь вас никто не спрашивает, коллега. Я понимаю, что вы попали в эту историю случайно, однако это не освобождает вас от ответственности. Пойдёте с нами добровольно или как?

— А вы не боитесь? — негромко сказал Кирилл, увидев за спинами «гангстеров» знакомый пятнистый комбинезон Утолина. — Ведь вас убили уже дважды! Сколько жизней осталось в запасе? Одна, две? Или уже… ничего?

В глазах Петрова загорелись злые огоньки. Он открыл рот, чтобы дать какую-то команду, и в ту же секунду Утолин метров с двадцати метнул в него какой-то сверкнувший предмет. Петров сделал шаг вперёд и упал лицом вниз. В затылке у него торчала металлическая загогулина в форме крыльев бабочки.

Вслед за подполковником начали падать и его подчинённые:

Утолин бросал свои странные сюрикэны со скоростью автоматной очереди. Последнего «гангстера», успевшего достать оружие, сбил на тротуар Кирилл, подключившийся к атаке капитана в нужный момент.

Водитель автомобиля, на котором прибыла команда Петрова, не стал ждать развития событий, рванул машину с места, сбил какого-то пешехода, оказавшегося тем самым «бомжом» из таверны, и скрылся.

— Позавтракали? — обыденным тоном спросил Утолин, подходя к спутникам и пряча свои метательные звезды в карман комбинезона.

— Ну ты даёшь! — опомнился Лаврентий, переводя дикий взгляд с лица капитана на тела «гангстеров» и обратно.

— Может, не стоило так… жестоко? — поморщилась побледневшая Лилия.

— Программа ПСП запускается многократно, — сказал Утолин равнодушным тоном. — Сколько её ни нейтрализуй, она восстанавливается и продолжает выполнять свои функции. Хорошо, что это не программный Пёс. Хотя она мне тоже порядком надоела.

— Кто такой Пёс? — заинтересовался Лаврик.

— Не кто, а что. Программный Пёс — это целенаправленный процесс корректировки программы. Он может принимать облик любого существа, предмета, объекта либо чисто физического закона.

— Похоже на магию, — фыркнул Лаврентий.

— По возможностям это и есть магическое оперирование, если использовать современную терминологию. Хотя всё можно объяснить и с точки зрения науки, физики «волевого воздействия». Идёмте отсюда. Не стоит связываться с местной погранслужбой, пусть она и виртуальная.

Они быстро направились по улице прочь от таверны «У Большого Ивана», провожаемые взглядами вышедших из таверны «пирата» и его жены. К удивлению землян, толпа любопытных у места короткой стычки не образовалась. Прохожие торопливо шли мимо и старались не глядеть на лежащие на тротуаре тела.

Пройдя два квартала, маленький отряд достиг окраины города и расположился в тени полуразрушенной стены из железобетонных плит с торчащей из них ржавой арматурой.

— Пора возвращаться, — сказал Кирилл, чувствуя нарастающее беспокойство. — Если уж ваша недоделанная ПСП настигла нас здесь, то СНОС или охотничий Пёс найдут точно.

Лилия держалась рядом с ним, и это обстоятельство грело Кириллу душу.

— Рановато, — вздохнул Утолин, бросив взгляд на часы. — Боюсь, вернувшись обратно, мы как раз на СНОС и нарвёмся.

— Но здесь у нас шансов отбиться от профессиональной команды ноль целых хрен десятых! Было бы хоть оружие…

— Кое-чем я разжился. — Утолин рассеянно похлопал себя по карманам, сунул руку за пазуху и достал нечто похожее на шприц с рукоятью. — Это стоппер, иногда его называют антиагрессантом. Останавливает любую белковую подпрограмму… э-э… живое существо. Возьми, пригодится. Только он не заряжен.

Кирилл повертел в руках ртутно отблескивающую безделушку с прозрачным «дулом».

— Гипноизлучатель, что ли?

— Нечто в этом роде. Блокиратор подпрограмм.

Кирилл покачал головой и вернул стоппер капитану.

— На что он мне незаряженный? Мне бы что-нибудь попривычней.

Утолин не выразил никаких эмоций, спрятал оружие, достал несколько метательных пластин в форме крыльев бабочки.

— Обращаться умеешь? Это умболики. Пробивают любой металл, даже танковую броню. Бросать надо кистевым вывертом, а чтобы попасть в цель, надо держать точку удара глазами. Умболик сам подкорректирует полёт.

Кирилл хмыкнул, скептически взвешивая в руке холодные и тяжелые, словно из свинца, серебристые «крылья бабочки».

— Они что же, самонаводящиеся?

— Наводятся лучом зрения, ну или, если хочешь, твоей волей. Бери, у меня ещё есть.

Утолин достал из сумки плоский кейс ноутбука, протянул Лаврентию.

— Заводи машину и запускай программу. Попробуем вернуться. Здесь действительно становится слишком жарко.

Лаврик с готовностью открыл компакт-компьютер, устроил его у себя на коленях и включил.

Глава 10. Из огня да в полымя

Выход из буферного мира в мир Земли оказался не менее фантасмагоричным, чем прямой процесс.

Лаврик раскрыл файл программы ПН, и вокруг землян сформировался самый настоящий ледяной купол, мгновенно снизивший температуру воздуха, достигавшую даже в тени не менее тридцати градусов. Впрочем, слово «ледяной» не вполне отражало суть явления. Просто по радиусу в пять метров вокруг людей начал образовываться белёсый рисунок, напоминающий морозный узор на стекле, и уплотнялся он до тех пор, пока не достиг толщины ледяного пласта.

Под куполом стало темно, однако не надолго. Морозные узоры засветились изнутри лунным свечением, и лица людей потеряли краски, стали мертвецки бледными.

— Готово, — оглянулся Лаврик на Утолина. — ПН работает.

— Пока переход не адаптирован, придётся действовать тем же способом, — отозвался капитан, доставая гранату. — У нас остались ещё две копии ПН, этого достаточно. Отойдите на всякий случай.

— Жалко гробить такую машинку… — пробормотал Лаврик, с сожалением расставаясь с ноутбуком. — Дорогая…

Кирилл взял под руку Лилию, дернул компьютерщика за рукав, и они отошли к «ледяной» стене купола. Утолин присел перед ноутбуком на корточки.

Внезапно со звонким грохотом противоположная стена купола раскололась, и в образовавшееся звездообразное отверстие выглянули чьи-то бешеные, янтарно светящиеся глаза с узким вертикальным зрачком.

— Бегите! — крикнул Утолин, стреляя в отверстие из пистолета.

Кирилл понял, ударил плечом в стену купола, и та под его нажимом расступилась, как плотная масса киселя. Держась за руки, беглецы вошли в этот кисель, сразу потеряв ориентацию, сделали несколько шагов, наступая на что-то живое и шевелящееся.

Тихо вскрикнула Лилия, выругался Лаврик. Их голоса казались невероятно далекими и тусклыми, словно застревали в молочно-белой субстанции, стягивающей тело, но почему-то дающей возможность дышать. Люди сначала задерживали дыхание, чувствуя лицом давление «киселя», потом начали дышать, как и в обычной атмосфере.

Где-то далеко-далеко глухо бухнуло. Шевелящаяся

поверхность под ногами вздрогнула, вспенилась, исчезла. Беглецы повисли в воздухе без опоры… и выпали на снег с метровой высоты во двор коттеджа, принадлежащего бывшему супругу Лилии.

— Гадство, я ногу подвернул! — сдавленно зашипел Лаврик. — Куда это мы свалились?

— Куда надо, — ответил Кирилл, оглядываясь, помог встать Лилии. — Кажется, нам повезло. Здесь уже никого нет.

— А где капитан?

— Не знаю. Но уверен, что он выберется из любого положения. Оставайтесь-ка во дворе, я проверю, есть ли кто в доме.

Кирилл направился было к двери коттеджа. Тотчас же она распахнулась, вспыхнули фонари, освещая вернувшихся. Кирилл упруго отскочил в сторону, ожидая выстрела, но услышал знакомый раскатистый баритон и расслабился.

— Вы что, с неба свалились? — проговорил полковник Семёнов, подходя к Тихомирову. — Что за фокус, Иваныч? Мы здесь уже полчаса крутимся, все обыскали, нигде никого не нашли, не считая трупа охранника и двух собак. Где вы прятались?

— Пашу убили?! — прошептала Лилия.

Начальник оперативного отдела СВР посмотрел на неё и опустил фонарь.

— Это ваш дом?

— Мой… Джека и Геру тоже убили?

— Если вы имеете в виду собак, то подтверждаю. Иваныч, что здесь произошло?

— Когда вы подъехали?

— Минут пятнадцать назад. — Семёнов посмотрел на засветившийся циферблат часов. — Точнее, шестнадцать.

— И что, здесь уже никого не было?

— Ни одной живой души.

— А машины какие-нибудь стояли?

— И сейчас стоят: зелёная «двадцатка», микроавтобус «УАЗ» аварийной службы газа.

— «Двадцатка» моя.

Кирилл быстро направился в дом, его остановил рослый молодой человек в кожаной куртке, но Семёнов бросил: «Пропусти, Саша», — и парень отступил в сторону. Кирилл пересёк холл коттеджа, выглянул из окна на улицу, но увидел лишь освещённую фонарём на столбе «двадцатку» и «Волгу» прибывшей команды. Микроавтобуса нигде видно не было.

Семёнов тоже выглянул в окно, хмыкнул.

— Ну, уехали аварийщики или вообще водитель домой заскочил, побыл и уехал. Чего мечешься, Иваныч? Давай рассказывай, что случилось? Пора полицию вызывать, мы со жмуриками не работаем и светиться не будем.

Кирилл посмотрел на осунувшуюся, сдерживающую слезы Лилию.

— Останешься? Мы пока съездим на работу…

— Если мы куда и поедем, то только в управление, — покачал головой Семёнов.

— Вызовешь милицию, скажешь, что на дом напали неизвестные…

— Я одна боюсь! — Глаза женщины набухли слезами. — И не смогу ничего объяснить…

Кирилл посмотрел на бывшего сослуживца.

— Владилен, выручай. Надо что-то придумать, я потом всё объясню.

— Давай сейчас. Сам понимаешь, меня по головке не погладят, когда вскроется вся эта история. Получится, что я за здорово живёшь подставил контору, хотя и из лучших побуждений.

— Команду отправь, сам останься. Я отвечу на все вопросы следователя, но твоё присутствие сократит процедуру. А потом я поделюсь с тобой всем, что знаю сам.

Семёнов задумался, поглядывая с сомнением на Лаврика и Лилию, почесал затылок и махнул рукой.

— Чёрт с тобой, поверю по старой дружбе. Человек ты серьезный и не раз выручал меня в своё время, а долг платежом красен.

Полковник отошёл к своим подчинённым, поговорил с ними и вернулся. Парни в кожаных куртках исчезли.

— Звони «02».

— Я позвоню. — Лилия отошла, с отвращением обходя ошмётки грязи и следы ботинок, истоптавшие пол на первом этаже.

— Кто она тебе? — понизил голос Семёнов, кивая на нее.

— Жена, — бесстрастно сказал Кирилл. — Бывшая.

Полковник с интересом посмотрел на него, покачал головой.

— Это ты о ней в Цюрихе рассказывал, когда мы с австрийцами работали? Погоди, сколько же лет прошло?

— Семь.

— А ведь точно — семь, язви тя в душу! Надо же, как время летит. Ну, теперь выкладывай, что тут у вас стряслось? — Семёнов покосился на беспорядок в гостиной. — Такое впечатление, что в доме побывал взвод солдат.

— Не взвод, но отделение точно.

— Наверху вообще что-то рвануло. От компьютера и дорогой аппаратуры остались рожки да ножки, стол в щепы разнесло… Кто с кем здесь воевал, если вас не было? И откуда вы появились на самом деле? Из погреба, что ли? Вас же не было, когда мы вошли в дом.

— Мы путешествовали, — криво улыбнулся Лаврентий, массируя лодыжку.

Семёнов посмотрел на него, как на шутника.

— Путешествовали? Где?

— В параллельном мире.

Семёнов нахмурился, и Кирилл потянул его за рукав, бросив на Лаврика предупреждающий взгляд.

— Пойдём побеседуем, пока приедет милиция.

Они сели на диван, и Кирилл начал сочинять вслух версию происшествия. Версия выглядела так.

Лаврентия нашёл его давний приятель и предложил крупно заработать на создании «универсальной отмычки» компьютерных сетей. Лаврик согласился, соблазнённый размерами гонорара и теми возможностями, которые раскрывались перед ним в случае удачи. Работал он три с лишним месяца (что соответствовало истине), никого не посвящая в свою тайну, и добился кое-каких результатов. Однако несколько дней назад за ним кто-то установил слежку, затем неизвестные лица наехали на него и чуть не убили, требуя выдать им формулу ПН.

— Чего? — переспросил Владилен Артурович.

— Лаврик назвал свою работу алгоритмом Преодоления Невозможного.

Семёнов усмехнулся.

— Не в бровь, а в глаз. Неужели у него получилось? Ты представляешь перспективы?! Особенно для нашей конторы?

— Представляю, потому и позвонил тебе. Лаврику удалось решить проблему универсального подхода к проблеме и даже погулять по некоторым закрытым сетям. А потом на него вышли федералы, пригрозили, начали допрашивать, едва не повесили, пришлось вмешаться… Короче, положение аховое.

— Да уж! — Семёнов поцокал языком. — Только федералов на нашу голову не хватало. А это точно они были?

— В том-то и загвоздка, что нет, — качнул головой Кирилл. — Это какая-то спецгруппа, маскирующаяся под федералов, но точно знающая, над чем работает объект атаки.

— Армия? МВД? Мафия?

— Не знаю. Но федералы так грубо не работают, трупов после себя не оставляют и допросы в доме не устраивают. С ними надо

будет разбираться.

— Разберёмся, — уверенно пообещал Владилен Артурович. — Если твой друг действительно изобрел «универсальную отмычку», за такую информацию наша контора пойдёт на любые издержки, даже на конфликт с ФСБ. Вот почему та банда разломала компьютер — искала записи! Копии у вас остались?

Кирилл посмотрел на Киндинова, нахохлившегося в кресле. Компьютерщик явно устал и хотел спать.

— Лавр, дай дискету.

— У меня же одна осталась, — с трудом поднял брови Лаврентий.

— Тогда мы сделаем так, — поспешил перебить его Кирилл, чтобы компьютерщик не вспомнил о дискете, которую передал ему. — После всех разбирательств заедем ко мне домой, сделаем копию, и ты её заберёшь. Идёт?

— Хорошо, — после некоторого раздумья согласился Семёнов. — Но, боюсь, мое начальство потребует изъять все дискеты, а также… — Он помолчал и понизил голос: — А также захочет изолировать столь ценного работника.

— Я буду только «за», — мрачно кивнул Кирилл. — Ему необходима гарантия защиты и хорошая охрана.

— Обеспечим, — заверил Тихомирова полковник, обрадованный тем, что собеседника не надо уговаривать. — Можешь не сомневаться. Но и тебе придётся дать подписку о неразглашении…

— Я уже давал.

— Да, чёрт, забыл! Все, договорились.

В это время с улицы послышался шум подъехавших автомашин.

— Сыщики приехали, пошли встретим.

Они вышли на крылечко, у которого лежал лицом вниз охранник Паша. У калитки валялся труп собаки. Ещё одна была убита у вольеры.

— Сволочи! — вполголоса заметил Семёнов. — Человека убить — не муху пришлепнуть! На это надо иметь жесткую психическую готовность. Вот же дрянной мир, а?

— Я где-то вычитал изречение: мир, в котором мы живём, можно понять как результат неразберихи и случая, но если он создан с какой-то определённой целью, то эта цель принадлежит врагу рода человеческого.

— Да, — с чувством сказал Семёнов, — согласен!

Послышались голоса, шаги нескольких человек, и сквозь взорванную калитку на территорию коттеджа вошли сотрудники милиции в форме и без нее.

* * *

Беседа следователей и представителей прокуратуры и милиции со свидетелями «разбойного нападения» на частную собственность, как представили Кирилл и Лилия инцидент с командой ПСП, длилась около полутора часов. Возможно, она продолжалась бы и дольше, если бы не присутствие в доме полковника Службы внешней разведки Семёнова, который хоть и не принимал участия в следственных мероприятиях, но подтвердил всё, что сказали хозяйка дома и её гости.

Естественно, о «потусторонних перемещениях» не было сказано ни слова. Кирилл успел предупредить Лилию и Лавра об этом, и они умолчали о своём путешествии в «виртуальный мир параллельного измерения». Правда, их показания разнились в части финала драмы. Лаврик заявил, что их захватили, но потом отпустили, а Лилия сказала, что им удалось освободиться самим. Но эта нестыковка оказалась на руку Кириллу, который как бы нехотя признался, что владеет секретами рукопашного боя. Это же подтвердил и Семёнов. Его же личное участие в происшествии не оговаривалось, так как он приехал «к другу в гости» уже после того, как банда, «испуганная появлением его машины, ударилась в бегство». На вопрос: «Где ваша машина?» — полковник ответил лаконично и веско: «Отпустил». Он знал, что следователь не посмеет вызывать в свидетели шофера службы, а если и посмеет, то получит соответствующий случаю ответ.

В половине третьего ночи нешумная компания наконец покинула коттедж Лилии, забрав с собой тело охранника, и путешественники по буферной зоне непонятного «стыка программ» оказались предоставленными сами себе. Лилия вызвала сменщика Паши, заперла все двери и принялась было за уборку помещений, но не выдержала нервной нагрузки и заперлась в ванной комнате, чтобы поплакать и привести себя в порядок.

Лаврик же, отдав дискету с ПН Кириллу, просто уснул на диване в холле посреди битых стёкол и разбросанных вещей.

— Поехали к тебе, — сказал заждавшийся Владилен Артурович, глянув на часы; процедура расследования его «естественно» утомила. — Или, может быть, лучше сразу к нам в контору?

— Нет, — отрезал Кирилл. — Мы никуда с Лавриком не денемся, а ты сначала проанализируй со специалистами, что за кота в мешке мы тебе даём, а уж потом докладывай начальству.

— Резонно, — согласился Семёнов. — Поехали к тебе.

— Держи. — Кирилл протянул ему ключи от своей

машины. — Заводи, грей, я приведу этого типа в порядок, заберу Лилю и подойду. Не хочу оставлять её одну.

Владилен Артурович кивнул и вышел.

Кирилл растолкал Лаврика:

— Соображать можешь?

— У-у-у… — протянул компьютерщик.

Кирилл огляделся, нашёл на подставке чудом уцелевший графин с цветами, выбросил цветы и плеснул водой в лицо Киндинова.

— А теперь?

— Ты что?! — ошалело затряс головой Лаврентий, вытирая лицо ладонями.

— Слушай меня внимательно. Ты можешь перезаписать на чистую дискету только часть ПН?

— Никаких проблем.

— Тогда так и сделаешь. Перепишешь только фрагмент программы, до того момента, где начинается свистопляска с физикой, и закончи так, чтобы всё выглядело правдоподобно.

— Зачем?

— Делай, как говорю, и не встревай в разговоры. Этот мой приятель не отцепится, а контора, которую он представляет, слишком серьёзная, чтобы её можно было водить за нос.

— Хорошо, сделаю.

— Собирайся, поедем ко мне, спать будешь там.

— Что мне собираться… — буркнул Лаврентий, нехотя поднимаясь. — Сумка с вещами в твоей машине была.

— Значит, она там.

Кирилл обошёл камин, остановился у двери в ванную комнату, тихонько стукнул в дверь.

— Лиля, с тобой всё в порядке?

— Сейчас выйду, — донёсся через минуту тихий голос.

Она вышла действительно через минуту. Глаза у нее были припухшими, но выглядела женщина уверенно и по-деловому.

— Где Лаврик?

Кирилл оглянулся.

— Ждёт нас в машине.

— Нас?

— Да. — Он подошёл к ней вплотную, с ностальгической грустью вдыхая запах её любимых духов «Русская свежесть». — Здесь оставаться опасно. Поедем ко мне, там Лаврик перепишет дискету с ПН и отдаст Владилену. Утром решим, что делать дальше. Знать бы, куда делся наш бравый капитан.

— Игорь не пропадёт, — как само собой разумеющееся заявила Лилия. — Лишь бы тот зверь до него не добрался. — Она

передернула плечами.

— Какой зверь?

— С бешеными глазами, что проломил лед.

— Я видел только глаза. Ничего, капитан — опытный воин, отобьётся, — бодро сказал Кирилл, хотя особой уверенности в душе не испытывал. — Собирайся.

— Я хотела прибраться здесь… — нерешительно проговорила Лилия, оглядывая разгром в гостиной, следы пуль на потолке и на стенах.

— Ну, долго вас ждать? — послышался с улицы голос полковника Семёнова.

Они переглянулись. Кирилл развёл руками. Лилия усмехнулась и начала подниматься наверх.

— Переоденусь и спущусь к вам.

Кирилл погасил свет в холле, вышел на улицу, покосившись на взорванную дверь в заборе. Семёнов и Лаврентий, выглядевший сомнамбулой, ждали его, выдыхая облачка пара: несмотря на приближение весны, морозец по ночам держался приличный. Вскоре вышла Лилия, на этот раз в джинсах и мягкой замшевой курточке, с сумкой в руке. Помахала рукой выглянувшему охраннику, села в машину. Кирилл тронул с места «двадцатку», в которую по счастливой случайности не попало ни одной пули, и повёл её прочь от разгромленного коттеджа.

Семёнов задерживаться в квартире своего бывшего сослуживца не стал. Получил урезанную копию файла ПН, пообещал разобраться и позвонить и ушёл. Машины у него не было, и как полковник собирался добираться до дому, он не сообщил. Впрочем, это никого из троицы связанных общей бедой беглецов не волновало. Они устали и хотели только одного — отдохнуть.

Лаврентий уснул сразу, как только его голова коснулась подушки. Кирилл постелил ему на диване в гостиной. Лилии он предоставил спальню, собираясь устроиться на кухне или в гостиной на ковре.

— Может, попьём чаю? — предложил он, медля выключать свет в гостиной.

Лилия посмотрела на Лаврика, покачала головой, сказала задумчиво:

— Как странно сводит нас судьба!.. Я бы никогда не решилась искать с тобой встречи… но она распорядилась иначе… хотя я в этом и не виновата.

— Я знаю, — кивнул Кирилл. — Я тоже никогда не думал, что мы встретимся при таких обстоятельствах. Но ведь ничего случайного в жизни не бывает? Хотя, может быть, прав капитан и

жизнь наша — лишь иллюзия, управляемая кем-то извне?

— Я слышала чье-то высказывание, что реальность — это иллюзия, вызываемая отсутствием алкоголя.

Кирилл улыбнулся.

— Очень верное замечание. — Он кивнул на Лаврика: — А этот заварил всю кашу и спит как младенец, не думая о завтрашнем дне, о последствиях, о нас, да и о себе тоже. Счастливый человек.

— Не человек, а симбиоз дьявола с ангелом, — поморщилась Лилия. — Такие люди опасны и способны на все, в друзья они не годятся. Вот кого надо контролировать в первую очередь и бить по рукам, если сам не понимает. Ладно, пошли пить чай.

Кирилл выключил свет в гостиной, и они расположились на кухне, где хозяин создал довольно уютный уголок, проводя здесь немалую часть свободного времени. Лилия сама заварила чай, Кирилл достал «дежурную» коробку конфет, сыр и хлеб, сделал по бутерброду, и они принялись прихлебывать ароматный напиток, поглядывая друг на друга сквозь призму воспоминаний.

— Как ты оказалась в контрольно-ревизионном управлении? — спросил он, хотя на самом деле это его не интересовало. Но другие мысли в голову не приходили.

— Связи, — коротко ответила женщина, держа чашку обеими руками. Она так знакомо смешно и трогательно выпячивала губы, прихлебывая чай, что у него сбилось дыхание и он едва не поперхнулся.

— Ты имеешь в виду связи мужа?

— Он был сначала директором Института стратегического планирования при президенте, когда мы познакомились, и у него действительно были широкие связи во всех деловых кругах. Так я стала работать бухгалтером в КРУ, а потом добралась и до главного.

— В рейтинге вредных профессий бухгалтер занимает, по-моему, двадцать второе место.

— Не слышала о таком рейтинге. Тогда на первом месте, наверное, стоит профессия пожарника?

— Летчика-космонавта. Потом, как ни странно, идут банкиры, а уж после них всякий служилый люд: пограничники, военнослужащие, милиционеры. Вслед за ними журналисты, режиссеры театра и кино, артисты, политики и спортсмены.

— Я бы поставила на первые строчки охранников, водителей и спасателей, ну, может быть, ещё инкассаторов, а никак не режиссеров и артистов.

— Видимо, учитывались разные стороны жизнедеятельности этих людей, в том числе уровень смертности, травматизма,

подверженность стрессам и так далее. Хотя я считаю, что все такие подсчёты относительны. Пусть они и делаются учеными.

— Я где-то слышала, что учёный — не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто задает правильные вопросы.

— Наверное, так оно и есть. К сожалению, наш друг Лаврентий не относится к учёным, так как не способен задать самому себе правильный вопрос: зачем он что-то делает? Мы ещё помучаемся с ним.

— Он хороший специалист?

— Классный! За создание ПН ему действительно можно дать Нобелевскую премию. Но каким бы выдающимся специалистом Лаврик ни был, он не в состоянии объективно оценить предложенный информационной суперсистемой проект без помощи самой системы.

— Что ты хочешь сказать? — озадаченно посмотрела Лилия на собеседника.

— Он сам признался, что его ПН сама себя достраивает. Без участия оператора! Откуда Лаврик знает, что именно строит алгоритм ПН? Какую матрицу? Вдруг это супервирус, программа уничтожения жизни? Ведь проверить это никому не удастся, в том числе Лаврику, потому что он тоже зависит от компьютера и от самой формулы ПН.

Лилия задумалась, посасывая дольку лимона, качнула головой.

— К сожалению, я не специалист, чтобы решать такие ребусы. А ты неплохо разбираешься в компьютерных штучках-дрючках.

— Хуже, чем хотелось бы, несмотря на покупку собственного компа. Просто последние два года я служу в аналитическом центре, а его основа — компьютерные системы. Поневоле научишься понимать сленг сотрудников и всё с ним связанное.

— Как ты относишься к тому, что с нами происходит?

Кирилл виновато почесал бровь.

— Верю и не верю. Иногда мне кажется, что всё это происходит не со мной, а я просто наблюдаю за всеми событиями со стороны. Потом я спохватываюсь и… — он помедлил, — и мне становится не по себе. Ведь рушится вся созданная мной логическая схема жизни.

Лилия кивнула.

— Со мной было то же самое. Хотя Георгий приучил меня смотреть на мир шире и глубже, впитывать новое, изучать все обстоятельства и бороться с ними, не теряя достоинства.

На лицо женщины легла тень воспоминания. Потом глаза её прояснились, она смерила взглядом ставшее несчастным лицо Кирилла, отставила чашку и поднялась, протягивая ему руку:

— Кажется, я готова принять жизнь такой, какая она есть.

Кирилл непонимающе поднял голову. Она смотрела на него глубокими потемневшими глазами, и в них сквозь печаль и сомнения проглядывало нечто такое, от чего у него перехватило дыхание и встрепенулось сердце. Он медленно встал из-за стола, погружаясь в её взгляд, как в замораживающий всякую мысль айсберг. Хрипло выговорил:

— Я не умею говорить…

— Тогда молчи! — твёрдо сказала она, беря его за руку и ведя за собой в спальню.

Уснули они под утро, не размыкая объятий…

Глава 11. Два директора

Понимая, что вопрос личной безопасности решить собственными силами невозможно, Кирилл решил заручиться поддержкой начальства и друзей, выработать план защиты от ПСП и СНОС (в их существовании сомневаться не приходилось) и поискать какие-то нетрадиционные методы предупреждения нападений. Но для этого надо было ехать на работу и встречаться со многими людьми, из-за чего он не мог уделять много времени Лаврику и Лилии. Посоветовавшись с ней — несмотря на то что спала она всего около двух часов, выглядела Лилия бодро и уверенно, — Кирилл оставил Лаврика у себя дома, строго-настрого запретив ему выходить за пределы квартиры, а сам, отправив Лилю на работу, поехал в управление.

В десять часов утра директор провёл обычное селекторное совещание и вызвал к себе Тихомирова, предупредив таким образом его желание испросить аудиенцию.

— Садись, рассказывай, — кивнул генерал на стулья, подписывая какие-то бумаги.

Кирилл присел на краешек стула.

— Что рассказывать?

Солтанов поднял на него маленькие светло-серые глазки-буравчики.

— Мне только что звонили из твоей бывшей конторы.

— Что? — удивился Кирилл.

— Что слышал. Они переводят Лаврентия Павловича в свой штат. Вот я и спрашиваю: что происходит? Почему Киндиновым заинтересовалась внешняя разведка? Ты обещал дать разъяснения.

— Я пока не владею всей информацией…

Директор пришлепнул мясистой ладонью стопку листов на столе.

— Довольно, Кирилл Иванович! Докладывай что знаешь, а я буду решать, достаточно информации или нет.

Кирилл помедлил. Он был готов к такому повороту разговора, но всё же душу щемило, так как приходилось изворачиваться и обманывать людей, которых он уважал.

— В общем, насколько я вник в ситуацию… — Кирилл коротко поведал директору историю разработки Лавриком алгоритма «универсальной сетевой отмычки». Только переименовал ПСП в «криминальную группировку» и не стал сообщать об участии в этом деле капитана Утолина и бывшей жены.

— Да-а! — крякнул Михаил Трофимович, выслушав рассказ, ослабил узел галстука, разглядывая спокойное лицо полковника похолодевшими глазами. — Не знай я тебя так хорошо, как знаю, подумал бы, что ты сбрендил. Значит, наш Лавр Павлович создал универсальный инструмент для взлома компьютерных серверов, а мы и не знаем! Хорош сюрприз! И ты после этого идёшь ко мне и просишь дать ему отпуск! Уж не по наущению ли своих бывших коллег?

— Нет, — твердо заявил Кирилл. — Я не знаю, как они вышли на Лаврика, наверное, и в нашей структуре есть их люди, но в сложившейся ситуации это благо. У моей бывшей конторы гораздо больше возможностей защитить Киндинова от любого криминала, а компьютерщика на его место найти не проблема. В связи с чем я тоже хочу взять двухнедельный отпуск.

— Что?! Ты в своём уме?! — откинулся на спинку стула Михаил Трофимович. — После всего, что произошло?! Как ты себе это мыслишь?

— Я не всегда мыслю, — позволил себе пошутить Кирилл. — Изредка я просто существую. Отпуск же мне необходим для того, чтобы закрыть возникшую проблему с Лаврентием Павловичем. Ведь наша организация тоже была бы не против получения формулы «универсальной отмычки»?

Солтанов открыл рот и закрыл. Засопел. Погрозил Кириллу пальцем:

— Опасные идеи высказываешь, полковник. Хотя и правильные. Ладно, бери отпуск. Но смотри — никому ни слова! И как только получишь результат — ко мне!

— Само собой, товарищ генерал. Разрешите идти? — Кирилл встал.

— Иди. — Михаил Трофимович понизил голос: — Может, обыскать квартиру Киндинова? На предмет его стараний? Ведь он вряд ли будет держать данные по «отмычке» в компьютерах отдела.

Кирилл хотел сказать, что Лаврик именно там и держал свои секреты, но передумал. Надо было зайти в отдел и попытаться стереть все файлы, с какими работал Лаврентий в последнее время.

— Хорошо, Михаил Трофимович.

Он вернулся в свою оперативную часть, быстро сдал дела заместителю и направился в отдел Долгова, где работал Лаврик.

Самого начальника отдела на рабочем месте не оказалось. Обрадованный тем, что не придётся объясняться с начальником аналитического центра, Кирилл перебросился парой слов с другими программистами, сел за компьютер Киндинова и

принялся стирать все записи, касающиеся хотя бы косвенно разработки ПН. Через полчаса его память была пуста. Кирилл выключил компьютер и поспешил покинуть управление, чувствуя затылком знакомый холодный ветерок: интуиция подсказывала о появлении на горизонте каких-то неприятностей.

В двенадцать часов дня он открыл дверь квартиры и сразу понял, что она пуста. Пробежался по комнатам, заглянул на кухню, окликая квартиранта, однако Лаврик не отзывался. «Ушел, скотина! — подумал Кирилл с холодной злостью. — Погулять захотелось! Никакой ответственности, ветер в голове!..»

В прихожей раздался телефонный звонок.

Кирилл схватил трубку и услышал рокочущий баритон Семёнова:

— Иваныч, не ищи своего хакера, он у нас.

— Какого хрена?! — возмутился Кирилл. — Вы уже заложников начинаете брать?!

— Успокойся, дружище, — миролюбиво проворчал Владилен Артурович. — С ним все в порядке. Сам понимаешь, он обладает такой информацией, что ждать мы не имели права. Это похлеще атомной бомбы будет!

— Вы не смеете его задерживать, он ещё не в вашем штате…

— Считай, что уже в нашем. Как говорится, что посмеешь, то и пожнешь. Приезжай, побеседуем за чашкой кофе.

Семёнов повесил трубку.

Кирилл молча посмотрел на своё отражение в зеркале и глубокомысленно проговорил:

— Ну, и кто из нас двоих дурак?

Отражение не ответило.

Кирилл набрал номер Лилии.

— Что у тебя?

— Пока все тихо, разбираюсь с обычными делами. Никто же не знает, что произошло у меня дома.

— Ничего подозрительного не замечала?

— Вроде нет, все как обычно. Пытаюсь взять отпуск на неделю, но пока начальство мнется.

— Я взял. Утолин не появлялся?

— Нет. Я начинаю беспокоиться. Игорь не тот человек, который будет держать в неведении своих друзей. Если бы он был здесь, давно объявился бы.

Если он вообще человек, подумал Кирилл, но вслух высказываться на эту тему не стал.

— Всё образуется. Одна никуда не ходи, съезжу в старую контору и заеду за тобой.

— Зачем тебе ехать в свою контору?

— Лаврик у них, — коротко бросил Кирилл.

Лилия не сразу нашлась, что сказать.

— Они его захватили?!

— Ну, не так драматично. Владилен прав, у них он будет в большей безопасности. Поеду, поговорю с ним и с бывшими коллегами, потом обсудим ситуацию.

— Будь осторожен. Целую.

Кирилл помолчал. Не ночь соединила их, но жажда. Жажда быть вместе. Господи, где ты был раньше? Почему не помог забыть старые обиды?..

— Ты тоже будь осторожна.

Он представил, как она произносит слово «целую», и улыбнулся. Потом вспомнил, куда собрался ехать, и заспешил. Через час он был в Ясеневе, где располагалась самая закрытая территория не только Москвы, но и страны в целом, принадлежащая Службе внешней разведки.

Оставив машину перед проходной, выкрашенной в весёлый жёлтый цвет, Кирилл вошел в КПП, как делал это не один раз, и предъявил внимательному офицеру-часовому своё удостоверение полковника финансовой разведки.

— Меня ждут.

Часовой развернул турникет.

— Вас проводят.

— Я знаю, куда идти.

Офицер вернул удостоверение, козырнул.

Кирилл миновал КПП, остановился перед дверью в сплошной бетонной стене. Дверь открылась. Он вошел и оказался перед ещё одной стеной, высокой, сложенной из шлакоблоков, с колючей спиралью поверху. Здесь у гостя ещё раз проверили документы, и он наконец очутился на территории своего бывшего места службы.

Длинное семиэтажное здание, за ним ещё несколько пониже и поменьше. Комплекс антенн самого разного калибра. Аккуратно очищенные от снега асфальтовые дорожки. Спортивный городок. Красивый, ухоженный парк. Бассейн со стеклянными стенами. Тихий, мирный уголок. И лишь одна деталь указывала на принадлежность этого уголка к неким секретным структурам, которой и являлась одна из самых мощных разведок мира, не раз доказавшая свою состоятельность и оперативность, — антенны. Управление СВР было связано со всеми регионами мира через спутниковые системы связи.

И ещё одна деталь поражала тех, кто впервые попадал на эту территорию: отсутствие людей. Хотя Кирилл знал, что охраняется она даже серьёзней, чем резиденция главы страны.

В конце двадцатого — начале двадцать первого столетий роль разведки возросла многократно по сравнению с прошлыми периодами истории, и во всех важных решениях, которые принимались в стране в области внешней политики, экономики, в сфере безопасности, по вопросам развития науки и техники, всегда присутствовала и разведка. Это Кириллу было известно абсолютно точно. Знал он и о масштабах деятельности своих бывших коллег, поэтому почувствовал невольное волнение, переступая порог приёмной директора, где его ждал начальник оперативного отдела Владилен Семёнов.

— Привет, Иваныч, — сказал он озабоченным тоном. — Николай Сергеевич тебя ждёт, а я подойду позже, дела. Дима, — обратился он к секретарю-адьютанту, — доложи шефу, что прибыл полковник Тихомиров.

Могучий молодой человек двухметрового роста в безукоризненном костюме молча нажал клавишу селектора, сказал тихим вежливым голосом:

— К вам Тихомиров, Николай Сергеевич.

— Пусть заходит, — раздался в ответ громыхающий бас.

— Он в курсе, — добавил Семёнов, пожимая локоть Кирилла, и скрылся за входной дверью.

Кирилл проводил его взглядом, секретарь распахнул перед ним дверь в кабинет директора, и он вошёл.

Генерал Николай Сергеевич Гусев ждал его, выйдя из-за стола. Это был спортивного вида и могучего телосложения — под стать секретарю — седовласый старикан с иссечённым морщинами лицом и властным взглядом прозрачно-серых глаз. Он пожал руку гостю, кивнул на стулья у стола совещаний и сел сам.

Кирилл, в бытность свою сотрудником службы, не раз посещал апартаменты директора, осмотрелся, перемен не заметил, кроме портрета нового президента, и сел.

Кабинет шефа СВР был скромен. Ничего лишнего.

Посредине стоял стол для совещаний. У дальней стены — стол директора с телефонами и современной компьютерной аппаратурой связи. Ковёр на полу. Из больших окон открывался великолепный вид на заснеженную березовую рощу. По левую сторону от директорского стола — большой плоский телевизор. За шторками на стене — подсвечиваемая электронная карта. Книжная стенка, полки с сувенирами.

— Все то же, — улыбнулся Николай Сергеевич, наблюдая за гостем. — Мы привычек не меняем.

Кирилл кивнул, в свою очередь, разглядывая лицо директора. Про него шутили сотрудники, что опасно недооценивать

человека, который переоценивает себя. Но этот человек действительно умел руководить своей сложной организацией, что и доказал, пересидев в кресле директора СВР двух президентов.

— Что молчишь? — продолжал Николай Сергеевич хрипловатым басом. — Ждёшь, когда я заговорю? Правильно, это одна из заповедей разведчика: мало говорить и много слушать. Как тебе работается на новом поприще?

— Нормально, — ответил Кирилл лаконично.

— Работка-то попроще, чем у нас?

— Всяко бывает. Но вообще-то поспокойнее.

— Зря я тогда тебя отпустил, Кирилл Иваныч, сейчас ты, наверное, место Владилена Артуровича занимал бы, а то и начальника второго управления. Не жалеешь, что ушел?

— Так получилось, — неопределённо ответил Кирилл.

— Обиделся, значит, что твою структуру упразднили. Что ж, понимаю. А почему ты пошёл именно к Солтанову, в финразведку?

— Уговорили, — усмехнулся Тихомиров. — Им нужны были профессиональные кадры, а у меня опыт работы… Экономика усложнилась, соответственно изменилась преступность, стала более изощрённой… так что я чувствую себя при деле. Теперь вот новая напасть — нанотехнологии. Думали, что, как только люди ими овладеют, жизнь сразу улучшится, а получилось чуть ли не наоборот.

— Значит, волны прогресса докатились и до финансовых сфер, — рокочуще рассмеялся директор. — Добавили забот финразведке. Что ж, этого следовало ожидать. Нанотехнологии, как технологии вообще, не ведут к автоматическому благоденствию, это, как говорится, палка о двух концах. Тому пример и твой бывший сослуживец Киндинов. Ты-то хоть сам представляешь, что он соорудил?

У Кирилла ёкнуло сердце. «Неужели этот лопух скопировал им всю формулу ПН?!» — мелькнула мысль.

— «Универсальную сетевую отмычку», — сказал он, не теряя хладнокровия.

— «Отмычку»! — фыркнул Николай Сергеевич. — Вот именно что «отмычку» — компьютерную! Её доработать — и можно будет взламывать любую защиту любого сервера! Твоему приятелю цены нет! Хотя с другой стороны если взглянуть, его и за решётку упрятать можно лет на пять. А ты, наверное, приехал, чтобы мы его вернули. Так?

— Не совсем, — покачал головой Кирилл. — Мы не сможем обеспечить ему должной защиты, у вас это получится лучше. Но и нам этот человек необходим как воздух. На нем висит куча

нерешённых проблем, которые может завершить только он.

— Понимаю, — хитро прищурился Гусев. — Вы хотите получить полный комплект «отмычек», так как они и вашей фирме пригодятся. Угадал?

— С вами трудно не согласиться, — усмехнулся Кирилл. — Естественно, мы тоже заинтересованы в получении алгоритма ПН. Но если Лаврик… э-э… Лаврентий Павлович — наш работник и мы имеем полное право пользоваться его мозгами, то вы хотите получить все на халяву, да ещё и не платить при этом.

— Почему, своим сотрудникам мы платим. У нас зарплата хорошая, хоть и маленькая. — Николай Сергеевич поднял вверх толстый палец. — А вашему спецу мы будем платить не меньше, чем вы. И с вами обязательно поделимся.

— Кто ничего не имеет, тот всегда готов поделиться с другими, — философски заметил Кирилл.

Директор ухмыльнулся, погрозил пальцем гостю:

— Не груби старшим по званию, полковник. Киндинова мы не отдадим. Если ты только за этим приходил…

— В общем-то не только, — признался Тихомиров. — По поводу Лаврика всё понятно, забирая его к себе, вы снимаете груз ответственности за его жизнь с меня. Единственная просьба — дайте мне с ним поговорить.

— Он не здесь, — махнул рукой Гусев. — На территории одной из наших лабораторий с хорошей компьютерной базой.

— Это не в Чертанове случайно?

— Ещё не забыл? Да, в Чертанове. Можешь съездить туда, если хочешь, я дам разрешение. Чего ты хочешь ещё?

— Мне хотелось бы выяснить, что за банда напала на нас в доме моей… м-м… жены.

— Бывшей жены, — уточнил Николай Сергеевич, давая понять, что знает положение вещей. — Зачем тебе это надо? Пусть расследованием занимаются компетентные органы. Тем более что в нападении участвовали федералы.

— Вот и хотелось бы уточнить, федералы это или нет. Кое-кого из этих людей я запомнил — подполковника Петрова, старшего лейтенанта Абрамяна, однако интуиция мне подсказывает, что в штате ФСБ таких людей не окажется.

— Интуиция хорошее дело, — поморщился Николай Сергеевич, — но в качестве доказательства не годится. Ладно, попробуем выяснить, что за люди. Скажешь Владилену Артуровичу, что я дал «добро». У тебя всё?

— Ещё желательно разузнать, кому принадлежат тёмно-синие минивэны «Шевроле» с номерами А111АА99 и А202АА99.

— По номерам — это служба охраны администрации

президента. Она-то с какого боку тебя заинтересовала?

— Парни из этой службы тоже участвовали в нападении. И я сильно сомневаюсь, что они работают в охране.

Гусев покачал головой, нахмурился.

— Ну, вы со своим хакером, похоже, расшевелили какое-то осиное гнездо. Если только ты ничего не путаешь. Госструктуры редко работают так жёстко, да и то лишь по террористам. Для того чтобы взять одного человека, не бандита, спецгруппа не требуется. Что-то здесь не стыкуется, Кирилл Иваныч.

Кирилл точно знал, что и с чем не стыкуется в его истории, но рассказывать Гусеву все подробности не собирался. Даже его экстремальная организация была не в состоянии отменить программы ПСП и СНОС. А в их существование директор СВР наверняка не поверил бы.

— Так я могу проведать Киндинова?

— Вообще-то не вижу смысла, — встал из-за стола Николай Сергеевич. — Мы уже договорились с твоим начальством. Но если ты настаиваешь, заезжай, допуск мы тебе оформим.

Они пожали друг другу руки, и Кирилл вышел из кабинета директора, унося в душе его полный невысказанных сомнений взгляд.

В приемной он наткнулся на спешащего Семёнова.

— Извини, задержался. Уже уходишь?

— Да, мы все обговорили. — Кирилл рассказал суть беседы с директором. — Он дал «добро» на посещение объекта номер два в Чертанове, куда вы упрятали Лаврика, и пообещал помочь в идентификации тех, кто напал на нас.

— «Добро» дает он, а делать всё мне, — проворчал Семёнов. — Ты сейчас куда? В Чертаново?

Кирилл покачал головой, вспомнив, что его ждёт Лилия.

— К нему я поеду завтра, подготовь пропуск на моё имя. Если понадоблюсь, звони на мобильный. Как скоро ждать результата расследования?

— Сделаем запросы, выясним. Думаю, завтра к обеду я тебе позвоню.

— Спасибо, Владилен.

— Не за что, Иваныч. Ты сделал мне такой подарок, что я ещё долго буду у тебя в долгу. Тебя проводить?

— Сам найду выход.

— Тогда пока. — Семёнов сунул руку Кириллу и скрылся за дверью кабинета директора.

Кирилл в задумчивости вышел из приемной, провожаемый внимательным взглядом адьютанта.

В начале шестого, не заезжая домой, он отправился на

Трубную, где располагался особняк КРУ, и позвонил Лилии, сказав, что ждет её внизу. Через четверть часа она выбежала из подъезда с сумочкой через плечо, вскочила в машину и на мгновение прижалась щекой к его щеке.

— Поехали.

Он не сразу пришёл в себя, оглядел её уставшее лицо с тенями под глазами, покачал головой.

— Кто тебя этому научил?

Она вопросительно приподняла брови. Потом поняла, усмехнулась.

— Тебе не нравится?

— В том-то и дело, что очень нравится. Но если это эпизодическое явление, лучше его не повторять, иначе я привыкну и буду требовать…

— Что?

Он посмотрел в глаза женщины, на дне которых прятались печаль и растерянность, мягко привлёк её к себе и поцеловал.

— Мне не хотелось бы отвыкать.

Она помолчала, глядя на него с каким-то странным сожалением.

— Давай не будем торопиться расставлять точки над «i». Всё теперь будет зависеть от тебя, хотя… ты прости, но мне есть с кем тебя сравнивать. Понимаешь?

— Понимаю, — глухо ответил он, сжимая зубы.

Лилия снова помолчала, прикрыв глаза, вспоминая что-то глубоко личное, потом погладила его по руке на баранке руля и отвернулась.

Пока пересекали Москву по диагонали и въезжали в Крылатское, Кирилл всё время посматривал назад, отмечая все идущие следом автомашины, однако «хвоста» не обнаружил. Если за ними и следили, то очень искусно и осторожно.

В подъезде тоже не оказалось подозрительных субъектов, и, судя по нетронутым «контролькам» — Кирилл оставил незаметные со стороны цветные ниточки на дверях, — в квартиру тоже никто посторонний не вламывался. Испытав облегчение, он открыл дверь, пропуская гостью.

— Что с Лавриком? — спросила она, сбросив сапожки.

— Он у суворикова, — ответил Тихомиров, поднося ей тапочки.

— У кого? — удивилась Лилия.

— Так раньше называли друг друга сотрудники СВР. Да и сейчас, наверное, называют. Я забыл тебя спросить: ты же не ужинала? Есть хочешь? Можем сходить в кафе.

— У тебя в холодильнике, по-моему, есть какие-то продукты.

— Колбаса, яйца, овощи есть, шампиньоны мороженые, картошка…

— Я знаю, что ты запасливый мужик. Ведь по восточному календарю ты Крыса? Давай никуда сегодня не пойдём, побудем дома. Я быстро сварганю яичницу, салат, чай.

— А капитан? Надо бы его всё же поискать.

— Завтра. Не возражаешь?

Он выглянул из гостиной, внимательно посмотрел на неё и подошёл вплотную. Она не отстранилась. Только подняла лицо и закрыла глаза.

Дружба между мужчиной и женщиной очень слабеет при наступлении ночи — вспомнился чей-то афоризм. Потом он поцеловал её и уже ни о чём не думал.

Глава 12. Эх, капитан!

Встав утром раньше Лилии, Кирилл тихонько прокрался на кухню в одних трусах, чтобы приготовить легкий завтрак, и заметил летавшую под потолком муху. Волосы на затылке взъерошил холодный ветерок тревоги. Точно такие же мухи завелись в квартире Лаврика, после чего за ним и началась охота.

— Ах ты дрянь! — прошептал Кирилл, сбивая муху на лету ладонью. Поднял насекомое с пола, вглядываясь в него в поисках чего-либо необычного, однако ничего не нашёл. Муха была как муха, разве что сытая с виду и слишком активная для начала весны. И тем не менее у Кирилла остался неприятный осадок в душе. После всех фантастических приключений в Москве и на территории буферной зоны он готов был поверить во что угодно, в том числе и в «кибермух», используемых в качестве устройств слежения.

Проснулась Лилия, заявилась на кухню в его рубашке, румяная, тёплая, уютная, желанная.

— Ты уже встал?

— Нет, ещё сплю.

Кирилл засмеялся, подхватил её на руки, закружил по кухне и не удержался — унёс обратно в спальню, откуда они вышли не скоро. Затем Лилия забралась в ванну, а он побрился и снова поспешил на кухню, чтобы поджарить гренки и приготовить кофе.

В восемь часов они сидели за столом, полностью собранные, и завтракали, поглядывая на чистое голубое небо и ласковое весеннее солнце. Оно впервые за несколько дней появилось на небосклоне, и, несмотря на лежащий повсюду снег, в воздухе запахло весной.

Что-то зажужжало у окна.

Ещё одна муха!

Кирилл проследил за ней недобрым взглядом, понимая, что начинается новая волна ПСП. За мухами следовало ждать появления команды.

— Нам здесь нельзя оставаться, — сказал он спокойным тоном. — Думаю, мою квартиру они тоже вычислили.

— СНОС? — догадалась Лилия.

— Утолин говорил, что программа ПСП запускается много раз и давит до тех пор, пока не добьётся цели. Оперативники подполковника Петрова вот-вот появятся, а за ними примчится дружина СНОС. Надо уходить.

— Ко мне?

— К тебе тоже нельзя. Я подумаю, куда можно. Давай поищем

капитана, он ещё не всё нам объяснил. Возможно, я тупой, как трамвайный поворот, но кое-чего до сих пор не понимаю.

— Объяснить можно всё. — Лилия слабо улыбнулась. — Даже то, что невозможно понять. Где мы будем искать Игоря?

— Если бы мы знали номер его мобильника, найти его не составило бы труда. Но чего нет, того нет. Он говорил, что служил в подмосковном СОБРе…

— Он и до сих пор там служит — в Сходне. Я дважды была в поселке, хотя и не на территории части.

— Вот туда мы и поедем. Если там его нет, значит, придётся просто ждать, когда он объявится сам. Звони на работу, скажи, что заболела и не приедешь сегодня.

— Я еще вчера отпросилась до понедельника.

Кирилл с некоторым удивлением посмотрел на жену, и та засмеялась.

— У тебя такой вид, будто ты нашёл давно потерянную вещь. Неужели я выгляжу такой дурой?

— Если бы ты была умной, — подхватил он её тон, — я бы не оказался вовлечённым в эту бредовую историю.

— Ах так! — возмутилась она. — Выходит, это я во всем виновата?! А ты палец о палец не ударил? Привык все сваливать на беззащитную женщину! Кто ты после этого? Не полковник, а самый настоящий старшина!

— А ты мегера! — поддразнил он ее.

— Я мегера?! Да я само совершенство! А ты полотенцем бреешься и дети твои телевизора боятся!

— Вот! — поднял он палец. — Это хорошая мысль. Не пора ли подумать о детях?

— Что? — удивилась Лилия, сбиваясь с шутливого тона. — Ты серьёзно?

Он поднялся, обнял её сзади, сказал на ухо:

— Я хочу детей… двоих — мальчика и девочку.

Она замерла.

— А не… поздно?

— Тебе только тридцать три, а некоторые дамы рожают и в шестьдесят. Хотя ждать так долго не следует. Ты согласна?

Лилия повернулась к нему и поцеловала.

— Ясно, — кивнул он. — Значит, этот план мы утвердили. Теперь я соберу вещи, и мы поедем.

Через двадцать минут они выехали на машине Тихомирова со двора его дома, не заметив никого, кто бы интересовался ими. Свернули на Кольцевую автодорогу, затем на Ленинградское шоссе. К Сходне подъехали в половине десятого утра, чувствуя нарастающее напряжение. Лилия выглядела задумчивой, изредка

бросая изучающие взгляды на водителя, и Кирилл не пытался её разговорить, понимая, что сейчас творится на душе бывшей жены. Впрочем, подумал он с некоторой неуверенностью, может быть, хватит употреблять эпитет «бывшая»?

«Ты забываешь, что она жила со вторым мужем много лет, — возразил внутренний голос. — Забыть это просто так невозможно. К тому же она сама сказала, что ей есть с кем тебя сравнивать. И ничего ещё не решено».

«Пусть сравнивает, — ответил сам себе Кирилл. — Я смогу быть выше этого. Но я уже никому её не отдам!»

«Ну-ну, — скептически усмехнулся второй „я“ Кирилла. — Ты сначала её спроси, хочет ли она этого? То, что она спала с тобой, ещё ни о чём не говорит».

«Еще как говорит! Если бы я был ей противен, ничего бы и не было. Мы будем вместе!»

«Дай-то бог! — проворчал второй „я“. — Хотя на твоём месте я бы не переоценивал ситуацию, и вообще…»

— …думаешь? — донёсся голос Лилии.

— Что? — очнулся он. — Извини, задумался.

— О чём ты задумался? — повторила она вопрос.

— О тебе, — признался Кирилл. — Точнее, о нас.

— И что же ты надумал?

Он помолчал, поглядывая в зеркало заднего вида, вздохнул с огорчением:

— Всё так зыбко…

Она засмеялась и снова, как день назад, прижалась на мгновение щекой к его щеке.

— Браво, полковник, ты мне начинаешь нравиться.

И сердце Кирилла отозвалось струнным аккордом её смеху.

Мелькнул указатель: «Сходня. 2 км».

На перекрёстке с мигающим светофором Кирилл свернул налево. Через три километра Лилия показала направо. Свернули и через несколько минут по хорошо укатанной дороге подъехали к шлагбауму с грозной табличкой: «Стой! Запретная зона». У шлагбаума никого видно не было, и открывался он вручную. Дорога дальше уходила в заснеженный сосновый лес, но в просветах между стволами сосен виднелся зелёный деревянный забор. Это начинались владения сводного отряда быстрого реагирования Министерства внутренних дел.

— Дальше я не проезжала, ждала здесь, — сказала Лилия.

— Попробуем добраться до КПП.

Кирилл вылез из машины, поднял шлагбаум и проехал, не закрывая его за собой. Через двести метров дорога, попетляв, упёрлась в проволочный забор с решётчатыми воротами, за

которыми простиралась очищенная от снега площадь перед зелёным забором. В заборе виднелись ворота и дверь для прохода военнослужащих.

Из ворот на площадь выехал серый «рафик» с облупившейся краской по бортам и ржавым бампером. Остановился. Из него выскочил здоровенный амбал в пятнистом костюме, скрылся за дверью КПП, не обращая внимания на подъехавшую «двадцатку» Кирилла. Закрывающий ворота охранник придержал створку, глядя на неё, но так как Кирилл не двигался, охранник закрыл ворота.

Затем дверь проходной распахнулась, и оттуда вышли трое парней в камуфляже. В одном из них, что двигался посредине со сложенными за спиной руками, без головного убора, Кирилл и Лилия с оторопью узнали капитана Утолина. Он покосился на машину Тихомирова, сделал вид, что не узнал её, и полез в салон «рафика», подталкиваемый в спину конвоирами.

— Как мы вовремя… — прокомментировал это событие Кирилл. — Могли ведь разминуться. Интересно, за что его взяли свои же и куда собираются везти?

— Может, это СНОС? — прошептала Лилия.

— Не похоже. Тем ребятам нет надобности перевозить объект устранения, они бы его просто убрали, и всё.

— Что же нам теперь делать?

— Поглядим, куда они его повезут.

Кирилл развернул машину и направился обратно, к шлагбауму. Выехал на дорогу, остановился, поджидая «рафик». Тот вскоре появился, кренясь на ухабах. В кабине, кроме водителя, сидел сопровождающий в пятнистой униформе. Всего же Утолина сопровождали пять человек, считая и водителя.

«Рафик» свернул, но не к Ленинградскому шоссе, а на дорогу, ведущую в Новоподрезково. В связи с потеплением дорогу развезло, и потрепанный жизнью микроавтобус двигался медленно, скрипя всеми деталями подвески.

Миновали железнодорожную станцию. Дорога сначала шла вдоль полотна, потом пересекла пути и свернула в лес. Кирилл понял, что «рафик» направляется к военному аэродрому, принадлежащему внутренним войскам МВД. Капитана явно собирались отправить куда-то воздушным путём.

Кирилл увеличил скорость, догоняя микроавтобус, проговорил сквозь зубы:

— Закон прав…

— Какой закон? — не поняла Лилия. — Ты о чём?

— Закон динамики Джеррольда, один из законов Мэрфи. Он гласит: если объект движется, значит, он движется не в том

направлении.

— Ты хочешь сказать…

— Капитана везут на аэродром. Если мы его не перехватим раньше и не освободим, мы его больше не увидим. Кто тогда будет нас консультировать и помогать отбиваться от всех этих поганых ПСП и СНОС?

— Что ты предлагаешь?

— Из машины не вылезай, что бы ни случилось. Водить сама умеешь?

— Умею, у нас был «Москвич».

— Когда я выйду, пересядь за руль.

Внезапно «рафик» впереди, в полусотне метров, начал замедлять ход. Кирилл рванул машину вперёд, пользуясь случаем. Другого такого случая могло не представиться. В голове уже созрел план действий.

«Двадцатка» догнала «рафик», встала почти вплотную к нему со стороны сопровождающего, который как раз открыл дверцу, чтобы выйти. Возможно, по нужде. Кирилл выскочил из кабины и оказался нос к носу с верзилой в камуфляже, со знаками отличия старшего лейтенанта.

— Простите, лейтенант, — сказал Кирилл, лучезарно улыбаясь, — мне срочно понадобился ваш пистолет.

Верзила вытаращил глаза, не вникнув как следует в смысл сказанного. Он и мысли не допускал, что кто-то осмелится напасть на сотрудника СОБРа при исполнении им служебных обязанностей, поэтому оказался не готов к нападению и своё отношение к наглому требованию выразить не успел.

Кирилл сделал выпад пальцем в яремную ямку, дозируя силу удара, выхватил из кобуры на поясе старлея его пистолет, и тот сполз по дверце «рафика» на дорогу. В то же мгновение Кирилл рванул дверцу микроавтобуса на себя, навёл пистолет на водителя, попытавшегося достать оружие.

— Тише, приятель! Геройствовать будешь при захвате бандитов, здесь это лишнее.

Водитель замер.

Кирилл вскочил в кабину «рафика», отделённую от салона глухой железной стенкой, вытащил у парня пистолет, обнаружил на сиденье наручники и тут же использовал их по назначению, приковав руки водителя к правой дверце машины, так, чтобы он не смог дотянуться до руля. На это потребовалось несколько секунд. А всего с момента выхода Кирилла из кабины «двадцатки» прошло полминуты.

— Малахов! — заорал водитель, опомнившись от неожиданности. — На нас…

Ребро ладони Кирилла опустилось ему на ухо, водитель охнул, ударился затылком о дверцу и умолк.

— Малахов! — крикнул Кирилл, копируя голос водителя, и стукнул кулаком в борт «рафика». — Выйди на минуту.

Со скрежетом распахнулись задние дверцы микроавтобуса. На дорогу выпрыгнул ражий детина с сигаретой в зубах, увидел перед собой незнакомого человека, потянулся к автомату за плечом и отлетел назад от шокоудара, сполз на грязный асфальт.

В салоне «рафика» началась возня. Утолин правильно оценил ситуацию и навалился на одного из конвоиров. Второй попытался сначала помочь напарнику, но получил два удара — ботинком по копчику от капитана и прямой «бух» в лоб от Кирилла — и улёгся на пол машины. Его сослуживец оказался крепким орешком, и его пришлось успокаивать вдвоем. Сопротивлялся он до тех пор, пока не схлопотал по голове прикладом собственного автомата.

— Выходи, — просипел Кирилл, массируя горло: в суматохе схватки он получил удар локтем.

Утолин выпрыгнул из салона со скованными за спиной руками, с любопытством посмотрел на лежащих спецназовцев, с которыми служил вместе не один год, перевёл взгляд на спасителя.

— А ты, однако, мастер, господин полковник финразведки. Лихо работаешь! Не ожидал, что ты пойдёшь на столь решительные меры.

— В машину! — коротко бросил Кирилл.

— Сними браслеты.

Кирилл нашёл в кармане лейтенанта ключи, отомкнул наручники. Потом обнаружил у сотрудников СОБРа две рации и мобильный телефон, захватил с собой. Лилия, бледная от волнения, молча пересела на заднее сиденье «двадцатки». Утолин сел рядом с Кириллом, и тот погнал машину прочь от «рафика», развернулся, направляясь назад к Сходне, чтобы выехать на Ленинградскую трассу.

— За что они тебя столь сурово? И вообще, как ты оказался на территории части?

— Наш способ возвращения из «буферной зоны» несовершенен, — сказал Утолин, растирая запястья рук. — После взрыва гранаты меня вышвырнуло точно в коридор штаба. До сих пор не знаю, почему. А так как я числюсь в бегах…

— Ясно. Хорошо, что мы успели вовремя. Тебя везли на аэродром?

— Хотели переправить в штаб округа в Волоколамске. — Утолин оглянулся. — Спасибо, что вспомнили обо мне. Нам надо держаться вместе, ибо только мы знаем, что происходит, и только

мы сами можем постоять за себя и что-то изменить. Никто иной помочь нам не сумеет.

— Кир… — сказала Лилия.

— Что? — покосился на неё сосредоточенный Кирилл.

Она помолчала, откинулась на сиденье, глубоко вздохнула.

— Нет, ничего…

Утолин усмехнулся, посмотрел на водителя:

— Поздравляю, полковник. Похоже, ты времени даром не терял. А я, наивный, полагал, что у меня были все шансы завоевать сердце этой женщины.

Лилия покраснела, ответила сердитым взглядом на взгляд Кирилла и грозно сдвинула брови.

— Игорь, мне не нравятся твои шутки!

— Понял, — тотчас же откликнулся Утолин, — больше не буду. Прошу не обижаться, это во мне иногда просыпается человек.

Кирилл с интересом глянул на спутника:

— Интригующее заявление, капитан. Кто же ты на самом деле?

Утолин улыбнулся.

— Как поётся в известной песне: «В этом мире я гость непрошеный». А вообще-то я всего лишь телесно проявленный процесс. Подпрограмма более высокого ранга, чем обычный человек. В своем мире я был оператором контроля.

— Что значит — телесно проявленный процесс?

— Это значит, что я, оператор иезода контроля Ювинга, внедрил свою психоматрицу в биопроцессор… э-э… в тело человека по фамилии Утолин. То есть проявил себя в вашей метареальности. Такое объяснение вам доступно?

— Вполне, хотя я не совсем понял, почему ты называешь тело человека биопроцессором.

— Потому что так оно и есть. Ваше тело представляет собой социально ориентированный биологический процессор или самоподстраивающуюся подпрограмму, носитель интеллекта.

— Интересная версия, — хмыкнул Кирилл. — Я такой ещё не слышал. Что же ты в таком случае оплошал, если являешься подпрограммой более высокого ранга? Не смог убедить своих коллег отпустить тебя? Или сбежать?

Утолин не обиделся.

— Я перестал быть «богом сетей», а мой процессор, то бишь тело, требует дополнительной интенсивной настройки — информационной, энергетической и силовой. Когда вы меня освобождали, я как раз этим и занимался. В принципе я бы освободился и сам.

— Вот тебе высшее существо во всей красе, — с нарочитым осуждением проговорил Кирилл, выезжая на шоссе и прибавляя скорость. — Мы его спасли, а он даже спасибо не сказал… Елепроявленный процесс.

— Пардон, — поднял руки Утолин. — Спасибо!

Кирилл и Лилия одновременно засмеялись. Потом Кирилл увидел догонявшую их машину дорожно-патрульной службы и посерьёзнел. Ещё больше увеличил скорость.

— Быстро они нас вычислили! Жаль, что моя «двадцатая» не ездит быстрее ста пятидесяти.

— Ничего, с гибэдэдэшниками мы справимся, — спокойно сказал Утолин. — Вполне может быть, они просто догоняют явного лихача, без всякой связи с моим освобождением. Нам бы только добраться до моей квартиры…

— Где ты живёшь?

— Мой «процессор» живёт недалеко от Речного вокзала. За Кольцевой повернём направо и сразу под мост налево. Останови, поговорим с мусорами.

Кирилл прижал машину к тротуару. Бело-синий «Форд» дорожного патруля с воем обогнал «двадцатку», встал впереди. Из него вышли двое инспекторов, и у Кирилла отлегло от сердца. Двигались инспектора неторопливо и уверенно, не хватаясь за оружие, видя в пассажирах задержанной машины лишь нарушителей правил дорожного движения. Если бы они получили приказ задержать их, они действовали бы гораздо жёстче.

— Мы спешим по делу, — веско сказал Кирилл, предъявляя удостоверение. — Кое-кого надо догнать. Прошу расчистить трассу до Речного вокзала.

Лейтенант-инспектор глянул на фото Тихомирова, козырнул, вернул документ.

— Обеспечим, товарищ полковник.

Инспектора вернулись к своему «Форду», тот включил мигалки и сирену, двинулся вперед. Кирилл последовал за ним.

— Хорошая мысль, — одобрительно проговорил Утолин. — Теперь даже если они получат по рации приказ задержать зелёную «двадцатку», то не сразу сообразят, что это мы.

Лилия с облегчением вздохнула.

— Господи, так не хочется убегать, прятаться и защищаться!

Мужчины оглянулись на неё, посмотрели друг на друга.

— Где-то по большому счёту она права, — сказал Кирилл. — Никогда не думал, что попаду в такую историю! Да ещё при этом буду бегать от киллеров как заяц.

— Может быть, она и права, — меланхолически отозвался Утолин. — Хотя существует пословица, что женщина не права до

тех пор, пока не заплачет.

Кирилл улыбнулся.

— Спелись, шутники! — с высокомерным сарказмом проговорила Лилия. — Вам бы в театре эстрады работать!

— Это мысль, — согласился Утолин. — Вот избавимся от корректирующих программ и пойдём в артисты.

«Форд» свернул под мост, выехал на улицу, ведущую к Речному вокзалу, и Утолин сказал:

— Мигни ему.

Кирилл посигналил фарами. Патрульная машина остановилась. «Двадцатка» поравнялась с ней.

— Благодарим, парни, — сказал Утолин, опустив стекло. — Дальше мы сами.

Инспектора ГИБДД помахали им руками, выключили сирену.

Утолин посмотрел на Тихомирова:

— Самое время менять транспорт. Твоя красавица безнадёжно засвечена. Сворачивай во двор, бросим её там.

— Бросим… Я, между прочим, за неё немалые деньги платил.

— Останемся живы — я тебе иномарку подарю.

— А как же Лаврик? Я собирался ехать к нему…

— Машину найти не проблема, а на твоей нас остановит ближайший же пост. Сворачивай налево, в переулок. До моей квартиры недалеко, пешком дойдем. Триста метров — не деньги.

Кирилл послушно свернул в переулок между домами и загнал машину во двор какого-то пакгауза. Вышел, помог Лилии, с грустью обошёл машину кругом. Женщина понимающе кивнула, оценив его настроение, и слабо погладила пальцами его ладонь.

Глава 13. Очередное освобождение лавра

К себе домой Утолин гостей приглашать не стал. Извинился, сказал, что у него не убрано, и попросил подождать его во дворе несколько минут.

— Ты у него бывала? — спросил Кирилл, когда они с Лилией остались вдвоём.

Она оценивающе взглянула на него, пытаясь понять подтекст вопроса, поняла, что интерес бывшего мужа не опирается на ревность, и ответила:

— Дважды. Игорь живёт один, но иногда встречается с женщиной, которую устраивает такой вариант отношений.

— Почему он не женится на ней?

— Спроси у него сам.

Кирилл смутился.

— Да это я от тоски спросил. Пройдёмся?

Лилия взяла его под руку, и они медленно двинулись в обход двора, окружённого тремя старыми девяти- и двенадцатиэтажными домами.

— Бедная женщина, — пробормотал он, продолжая разговор.

— Почему? — не поняла Лилия. — Мне кажется, её действительно устраивает такой образ жизни. Игорю тридцать шесть лет, и характер у него тяжелый, не всякая выдержит.

— Я о другом. По сути, он уже не человек… ну, или человек с двойной психикой. Едва ли оператору иезода, коим представился капитан, нужна земная женщина. Вот мне нужна, а ему вряд ли.

— А мне и его жаль… того, кем он был до… внедрения. Мир был понятен, быт мало-мальски налажен, цели ясны… А потом появился Ювинга — и всё покатилось под откос. Едва ли всё закончится благополучно для капитана Утолина.

— Мы в таком же положении, — проворчал Кирилл. — Причём помимо своей воли, что самое противное.

— Согласна, но в наши души никто не вселялся и не приказывал действовать тем или иным образом. Мы пока ещё свободны.

— Однако же возможностей у него должно быть больше, чем у обыкновенного человека, если в него вселилась психоматрица оператора более высокого уровня.

— Не намного, — раздался сзади голос.

Кирилл и Лилия оглянулись.

Утолин догонял их с двумя сумками в руках, мрачновато-спокойный и сосредоточенный. Он был переодет в обычный гражданский костюм: полушубок, вязаная шапочка, джинсы,

ботинки.

— Я вынужден подчиняться законам вашей реальности, — продолжал капитан, демонстрируя великолепный слух. — Человек вообще сам является психосоматическим устройством особого рода, способным обнаруживать физические планы, недоступные для приборов, я же могу слегка усиливать эти способности. И вас научу, если захотите. Итак, куда мы направляемся?

— К Лаврику, — сказал Кирилл, скрывая смущение. — Хочу убедиться в надежности его охраны. Но у нас нет транспорта, а на перекладных мотаться по Москве хлопотно.

Он бросил красноречивый взгляд на сумки капитана.

Тот перехватил взгляд, дернул уголком губ.

— Это кое-какое спецснаряжение, которое может пригодиться в любой момент. А машина сейчас будет. Я позвонил приятелю, он одолжит нам свою тачку.

— Приятель так тебе доверяет?

— Он работает в авторемонте и любит реставрировать старьё. Ищет детали на свалках, курочит разбитые машины, потом собирает и продает. На кусок хлеба хватает.

— Понятно. Неплохое хобби, беспроигрышное.

Во дворе появилась малинового цвета «Лада-девятка», выглядевшая абсолютно новой, за рулём которой сидел худенький паренёк в курточке и берете.

— Это он, — сказал Утолин, поднимая руку.

«Девятка» подъехала к ним. Водитель вылез.

— Знакомьтесь — Шурик. — Утолин стал грузить свои сумки в багажник. — Шурик, это Кирилл и Лилия. Садитесь в машину, пора убираться отсюда.

— Не, я не поеду, — отступил стеснительный Шурик. — Мне в сервис на Флотскую надо зайти. Не разгоняйтесь выше ста двадцати, движок старый, цилиндры растачивать надо. А другой у меня пока нет.

— Спасибо и за эту. К вечеру я тебе её доставлю.

Утолин сел за руль «девятки», махнул рукой своему приятелю и вывел машину со двора.

— Куда теперь?

— В Чертаново, — сказал Кирилл, почувствовав спиной мимолетный холодок. — Сумской проезд, четырнадцать, строение один.

— Что там у вас?

— Одна из технических лабораторий с хорошим вычислительным комплексом.

Утолин кивнул, выруливая на Ленинградское шоссе. Мимо с

воем пронеслись четыре спецмашины: две — патрульные «Форды» с мигалками и два серых микроавтобуса с двуглавыми орлами на дверцах.

— Вот и мои коллеги подоспели, — спокойно проговорил капитан. — Наверное, обнаружили твою машину. Да и ко мне заглянут на всякий случай.

Лилия поежилась.

— Ещё чуть-чуть, и они бы застали нас во дворе.

— Пришлось бы объясняться, — кивнул Утолин. — Однако не стоит забивать голову мыслями о том, чего не случилось. Впредь будем оперативнее.

Свернули на МКАД.

Кирилл согласился с таким вариантом движения. Несмотря на то что дорога по кольцу была длиннее в два раза, чем по радиусу, через центр города с его вечными пробками лучше было не ехать.

В половине первого, обогнув пол-Москвы, они въехали в Чертаново и свернули на Сумскую улицу. Кирилл снова почуял «морозную» подсказку интуиции и поделился своим беспокойством с остальными:

— У меня плохое предчувствие…

— Да, здешняя атмосфера и мне не нравится, — отозвался Утолин. — Придётся переходить на третий уровень.

— Это как?

— Существует пять уровней понимания ситуации: научный, интуитивный, магический, ангельский и божественный. К сожалению, ангельским я не владею, а вот магический иногда доступен.

Кирилл с любопытством посмотрел на рассеянно-ждущее лицо капитана, собираясь продолжить эту тему, но в это время машина свернула на Сумской проезд, и впереди слева, за решётчатой оградой, чуть в глубине показался двухэтажный особнячок лаборатории с вывеской «Учебно-методический центр». Площадка перед входом в здание была заставлена автомашинами, и среди них Кирилл увидел два тёмно-синих микроавтобуса «Шевроле» с темными стеклами и номерами серии А.

— Стой!

Утолин послушно прижал «девятку» к тротуару.

— Два утюга за белым «БМВ»…

— Вижу. СНОС!

— Опоздали?

— Не знаю. Но если они доберутся до Лаврика, я обречен! Не хочешь рискнуть?

— Не хочу, но у нас просто нет другого выхода.

— Тогда пошли.

— Что вы задумали? — встревожилась Лилия.

— Здесь команда СНОС. Мы зайдём с тыла. Вряд ли они ждут удара в спину.

— Но вас же могут… — Лилия не договорила, побледнев.

— Не волнуйся, — погладил её по волосам Кирилл. — Мы вернёмся. Сиди и жди.

— Держи, — сунул Утолин ему пистолет и две обоймы. — Ты классный боец, но с этими парнями лучше не церемониться, они чистые ликвидаторы и запрограммированы на результат.

— Пошли! Я беру первый автобус, ты — второй.

Кирилл набрал в грудь воздуха и вылез из машины. Утолин выбрался с другой стороны, и они вразвалочку, однако на самом деле очень быстро направились к зданию «Учебного центра», отмечая движение пешеходов и выходящих из машин людей.

Штурмовые группы СНОС уже вошли в здание лаборатории СВР, прячущейся под вывеской «Учебно-методического центра», и у микроавтобусов никого не было. Лишь у входа в здание прохаживался высокий мужчина в белом полушубке со стоячим воротником, засунув руки в карманы и поглядывая на дверь. На всем его облике лежала печать оперработника спецслужбы, поэтому сомневаться в том, что он из команды СНОС, не приходилось.

Поравнявшись со вторым микроавтобусом, Утолин выстрелил в парня и тут же дважды — в стекло кабины «Шевроле». Первая пуля «зубра» легла точно в висок сносовца — капитан не зря числился снайпером СОБРа, — а вот две другие стекло микроавтобуса не пробили: оно оказалось бронированным. Поэтому Утолину пришлось выстрелить ещё три раза подряд — в одну и ту же точку, пока стекло не треснуло. Лишь после этого четвёртая пуля нашла водителя, едва не успевшего открыть ответный огонь.

Кирилл такой ошибки не допустил. Он сразу рванул дверцу первого микроавтобуса на себя и выстрелил в «своего» водителя одновременно с начавшим стрельбу Утолиным. Водитель успел выхватить оружие, но выронил пистолет-пулемет, отброшенный пулей «зубра».

Кроме водителей, никого из сносовцев в автобусах не оказалось, все они действительно были уже внутри здания лаборатории.

Не останавливаясь, Тихомиров и Утолин ворвались в вестибюль здания. Их встретил зародившийся в недрах особняка шум: треск, частые хлопки, металлические удары и крики. Команда СНОС начала прочёсывать этажи, уничтожая всех, кто

попадался под руку.

Охрана у турникета тоже была ликвидирована: на плиточном полу в разных позах лежали расстрелянные в упор трое парней в голубоватой форме. Было видно, что оружие применить они не успели.

Здесь же дежурил один из боевиков СНОС, прохаживаясь по вестибюлю с пистолетом-пулемётом «кедр» в руке. Он удивлённо оглянулся на входную дверь и получил пулю между глаз. Утолин стрелял навскидку, почти не глядя, и Кирилл ещё раз оценил мастерство снайпера, на мгновение пережив две эмоции: зависти и осуждения, хотя умом понимал, что в данной ситуации иначе действовать нельзя.

— Я наверх! — выдохнул Утолин, буквально растворяясь в воздухе и возникая уже на лестнице, ведущей на второй этаж.

Кирилл без слов метнулся в коридор первого этажа, переходя на темп.

Десять белых дверей слева, десять справа. Ковровая дорожка. Два тела у стены в белых халатах — старика и девушки. Почти все двери распахнуты или прострелены, лишь в конце коридора остались три или четыре, куда ещё не успели зайти убийцы.

Их было трое — в белых полушубках со стоячими воротниками, в тёмно-серых штанах и ботинках на толстой рифленой подошве. У всех троих «кедры», а у идущего последним ещё и «комар» — кассетный гранатомёт новейшего образца. Его Кирилл и снял первым — выстрелом в затылок с двадцати метров, порадовавшись своей меткости. Дважды выстрелил в оглянувшегося напарника, не испытывая ничего, кроме ледяной ненависти. Третий сносовец в этот момент вошел в очередной кабинет, открыл огонь из «кедра» — донеслось частое пух-пух-пух-пух, пистолет-пулемёт имел глушитель — и не слышал, что происходит в коридоре.

Кирилл за доли секунды пролетел расстояние до кабинета и столкнулся с киллером нос к носу.

Это был высокий молодой человек, блондин с редкими бровями и прозрачными, почти бесцветными глазами, полными презрительного равнодушия. Увидев Тихомирова, он начал поднимать ствол «кедра», и Кирилл выстрелил.

Раздался тихий щелчок осечки: в обойме кончились патроны!

Второй щелчок: у противника тоже кончились патроны.

Глаза блондина расширились. Он сунул руку за отворот полушубка, очень быстро, почти на грани восприятия, и так же быстро вытащил пистолет, но выстрелить не успел. Кирилл ударил его в переносицу с таким выплеском энергии, что отбросил убийцу в глубь комнаты метров на пять! Подскочил,

чтобы добить, и выпрямился. Блондин был мертв.

Сверху бухнуло, затрещало, посыпались стекла — это явно взорвалась граната.

Кирилл метнулся к лестнице, на одном дыхании взлетел на второй этаж, натыкаясь на окровавленные тела людей, выглянул в коридор.

— Назад! — долетел из-за распахнутой, разбитой взрывом двери голос Утолина.

Кирилл прыгнул через перила лестницы на нижний пролет, и тотчас же на том месте, где он только что стоял, расцвёл огненный бутон взрыва. Коридор простреливался боевиками СНОС. Добраться до них лобовой атакой было невозможно.

На анализ ситуации понадобилось две секунды. Затем Кирилл начал действовать.

Несмотря на то что он успел бросить в коридор лишь один мгновенный взгляд, картина увиденного чётко отпечаталась в его памяти и позволила оценить обстановку с высокой степенью достоверности.

Коридор второго этажа здания был разделён стеклянной перегородкой, за которой начинался компьютерный зал лаборатории. Перегородка была разбита вдребезги, однако боевики СНОС войти в зал не успели. Их догнал Утолин и успел снять двоих, прежде чем остальные поняли, в чём дело, и открыли ответный огонь. Тела убитых сносовцев можно было легко отличить от тел сотрудников лаборатории, одетых в белые халаты. Их Кирилл насчитал пять — мужчин и женщин. Кроме того, были убиты и те сотрудники, что находились в кабинетах, мимо которых успели пройти убийцы.

Утолин засел в одном из кабинетов слева и вел редкий огонь из пистолета вдоль коридора, не давая боевикам высунуться. Но их было больше, и они вполне могли начать атаку, прикрывая друг друга огнем из пистолетов-пулемётов и гранатомётов.

Времени на раздумья у Кирилла не оставалось. Но он уже посещал этот секретный объект СВР и знал расположение помещений и лестниц, поэтому сразу метнулся к грузовому лифту в конце коридора первого этажа, соединявшему подвал со вторым этажом. Это был единственный путь наверх, не контролируемый киллерами СНОС.

Голова у Кирилла была ясной и холодной. Ненависть ушла. Осталось только видение цели и жажда работы. Состояние боевого транса диктовало способы решения задачи, и Кирилл подчинился этому состоянию всецело, мимолетно подумав, что воюет по-настоящему, до полного поражения противника, впервые в жизни. Обычно он до конфликта ситуацию не доводил,

умея выигрывать схватку до её начала. Сейчас же его заставляли играть по чужим правилам, а он до сих пор не знал — во имя чего, вынужденный принимать правила игры и спасать жизнь собственную и жизнь любимой женщины.

Туго свистнул ветер в ушах. Захрустело стекло под ногами. Тела киллеров. Лифт… Стоп! Назад!

Кирилл скользнул назад, подобрал выпавший из руки убитого им боевика гранатомёт.

Теперь можно!

Лифт сработал почти бесшумно и слишком медленно. Кириллу понадобилось около полуминуты, чтобы доехать на нём до второго этажа. Дверцы раздвинулись, и он стремительно рванулся вперёд, стреляя на бегу в дверь, откуда высунулись головы двух боевиков, из гранатомёта.

Взрыв!

Что-то процарапало щеку — осколок стекла!

Кирилл выстрелил ещё раз и, когда граната улетела в проём двери, нырнул на пол с перекатом, стреляя из пистолета сквозь дым в тёмные фигуры на фоне белой стены помещения.

Движение в коридоре и комнате прекратилось. Из помещения выползли струйки дыма, опали. Кирилл подождал несколько мгновений, прислушиваясь больше к своим ощущениям, чем к наступившей тишине, и встал. Трое боевиков были мертвы.

В этой комнате, очевидно, располагалась звукотехническая студия, судя по аппаратуре на стойках и на специальных столах. Работали здесь по крайней мере четверо человек, но все они были убиты ещё раньше, расстрелянные из пистолетов-пулемётов.

Сзади захрустели под чьими-то ногами осколки пластмассы и стекла. Это шел Утолин. Постоял рядом секунду, похлопал Тихомирова по плечу.

— Идём искать Лаврика, на жалость нет времени. К тому же эта сволочная программа может адаптироваться ещё раз в любой момент, её коэффициент живучести близок к единице.

Кирилл проглотил ком в горле, молча последовал за капитаном.

До компьютерного зала боевики СНОС не дошли.

Всего в вычислительном центре работали девять человек, и все они остались живы, в том числе и Лаврентий Киндинов. Услышав звон разбиваемых стекол и крики, операторы и программисты центра попрятались за шкафами с аппаратурой, за столами и стойками и не хотели вылезать оттуда, пока Утолин не позвал Лаврика.

— Я здесь… — послышался сдавленный голос компьютерщика. — Это ты, капитан?

— Быстрее выходи, пока не вернулись убийцы!

Лаврентий проворно вылез из-под стола в углу зала. Он был в таком же белом халате, как и остальные сотрудники лаборатории.

— Что происходит, Кирилл Иваныч?

— СНОС, — коротко ответил Тихомиров. — Где твои вещи?

— Куртка где-то на вешалке, а сумка с вещами в общежитии.

— Хрен с ними, с вещами, — бросил Утолин, — это дело наживное. Надо раздобыть пару ноутбуков. Где-нибудь здесь есть переносные компы?

— Да в любом кабинете должны стоять.

— Выводи его, — кивнул Утолин на Лаврика. — Я прихвачу ноутбуки и догоню.

Кирилл подтолкнул компьютерщика к выходу, на пороге оглянулся. Потрясённые случившимся, уцелевшие работники центра робко выходили из укрытий, вытягивали шеи, заглядывая в коридор, где лежали убитые боевиками сотрудники. Они ничего не понимали и не догадывались, что выжили лишь благодаря вмешательству двух посторонних людей.

Куртка Лаврика отыскалась в раздевалке у входа, пробитая в двух местах пулями. Он хотел напялить её прямо на халат, и Кириллу пришлось тряхнуть Киндинова, чтобы тот пришёл в себя.

Появился Утолин с двумя тонкими кейсами.

— Быстрее, чего копаетесь!

Внезапно лежащий в вестибюле сносовец с дырой во лбу вздрогнул, открыл глаза. Рана его задымилась, заросла белой плёнкой, порозовела, исчезла. Глаза некоторое время оставались пустыми и прозрачными, затем наполнились жизнью. Боевик повернул голову, глянув на замерших беглецов, рывком сел, потянулся к оружию.

— Читеры![25] — пробормотал Лаврик.

Раздался отчётливый хлопок. Во лбу парня образовалось отверстие, заплыло кровью, он откинулся навзничь, со стуком ударился затылком об пол. Глаза его остекленели.

— Бегом! — приглушенно рявкнул Утолин и сунул Лаврику ноутбуки. — Береги!

Он выскочил на улицу и с ходу открыл огонь по зашевелившимся водителям микроавтобусов, у которых начали собираться люди. Заорал:

— Разойдитесь! Это бандиты! Сейчас здесь начнется стрельба!

Прохожие бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног.

Кирилл и Лаврик нырнули в кабину «девятки», где их ждала изнывающая от тревоги Лилия. Утолин сел за руль и погнал машину прочь от особняка лаборатории, убитые сотрудники

которой, в отличие от боевиков СНОС, вернуться к жизни уже не могли. «Девятка» объехала микроавтобусы, свернула направо, в переулок, и лишь тогда из здания лаборатории на улицу выбежали молодые люди в чёрных куртках (а не в белых полушубках, как раньше!) и с оружием в руках.

— Они нас догонят, — сказал Кирилл мрачно, касаясь рукой щеки и разглядывая окровавленную ладонь.

— У тебя кровь! — испуганно воскликнула Лилия.

— Чепуха, царапина.

— Я вытру. — Она достала носовой платок.

— Не надо, потом смою.

— Вряд ли они нас догонят, — хладнокровно ответил Утолин. — Я прострелил им колеса. Но положение у нас не слишком оптимистичное. СНОС быстро выходит на след тех, кого надо… ограничить.

— У тебя есть план?

— Плана у меня нет. Единственное, что приходит в голову, — бегство в «буферную зону». Но и это не панацея от вируса.

— Какого вируса?

— СНОС в данном случае для вашей метареальности является вирусом, который невозможно нейтрализовать изнутри реальности. Нужна внешняя антивирусная программа. Если бы Лаврик довёл дело до конца и создал действующий А-Закон, я смог бы остановить охотников.

— Что ещё за А-Закон?

— Алгоритм магического оперирования, применимый на уровне универсального надсистемного параметра, то есть по сути — Закона.

— И что тогда?

— Мы бы прорвались на другой слой реальности, в мой мир.

«Девятка» выехала на Чертановскую улицу, потом на Симферопольский бульвар, направляясь к центру столицы.

— Я кое-что успел посчитать, — заговорил вдруг Лаврентий, немного оживляясь. — Отменил автоэксбат и сконфигурировал новый трек бакбон…

— Говори русским языком.

— Ну, в общем, загрузка теперь идёт без потерь реального времени, и мы можем менять инварианты выхода ПН.

— Ещё раз, медленнее и понятнее.

— Я его понял, — вмешался в разговор Утолин. — Это легко проверить. Сейчас приедем в одно тихое место и запустим ПН. Дискету с вариантом расчёта взять не догадался?

— Вот она, — прижал руку к груди Лаврик.

— Молодец. Хотя у меня и сохранилась дискета с первым

вариантом ПН, все же его расширение потребовало бы времени.

Машина пересекла мост, вырвалась на Варшавское шоссе, потом, не доезжая до Садового кольца, повернула направо, в первый Щипковский переулок.

Остановились у старинного трёхэтажного строения с облупившимися кирпичными стенами и решётками на окнах. Окна изнутри были заклеены бумагой и газетами. Входная деревянная дверь рассохлась. Крылечко перед входом было покрыто слоем грязи, на котором отпечатались чьи-то сапожки с пупырчатой подошвой. Было видно, что дверью пользовались редко, а дом скорее всего готовился под снос.

Утолин нагнулся над крылечком, изучая следы, потом стукнул в дверь кулаком несколько раз. Подождал, постучал ещё раз.

Через минуту дверь со скрипом отворилась. На гостей смотрела средних лет женщина в пуховом платке, накинутом на плечи.

— Соня, это я, — сказал Утолин. — Нам надо побыть здесь какое-то время.

Женщина посмотрела на спутников капитана, молча отступила в сторону.

— Заходите, — кивнул Утолин. — Побудем здесь до вечера… Если нас не достанет СНОС.

Лилия зябко вздрогнула, невольно прижимаясь к Кириллу. Тот обнял её за плечи, и они шагнули в тёмный проём двери.

Глава 14. Утрата невосполнима

Этот дом когда-то, более ста тридцати лет назад, принадлежал графу Баканову, страстному любителю охоты и азартных карточных игр. По легенде, которую поведала хранительница дома Софья Алексеевна, граф проиграл своё имение князю Головастову, а тот продал его зятю графа Шереметева, корнету Каширову, большому любителю лошадей и скачек, превратившему особняк в гигантскую конюшню.

В начале двадцатого века в доме поселился барон Ги де Лорм, обрусевший француз, поклонник муз и литературы. Особняк преобразился, к нему были достроены третий этаж и мезонин, а также оранжерея, а весь нижний этаж превратился в зал для балов и музицирования, а также для торжественных и дружеских встреч. Второй этаж барон переоборудовал под библиотеку и бильярдную.

Потом грянула революция, барон Ги де Лорм исчез — то ли погиб, то ли уехал на родину, во Францию, а дом заняли революционные матросы. Естественно, после их недолгого присутствия в «буржуйских» апартаментах от библиотеки, роскошных сервизов и мебели практически ничего не осталось.

За годы советской власти особняк не раз менял хозяев. В нём размещался детский приют, кожевенные и обувные мастерские, всевозможные конторы и жэки, милиция и школа. В конце девяностых годов двадцатого века особняк взяло в аренду издательство «Террикон», однако, разорившись на издании роскошной «Библиотеки приключений», оно вынуждено было свернуть свою деятельность. А так как дом к тому времени находился в аварийном состоянии, решено было его не заселять и не реставрировать. С тех пор уже больше года он стоял в запустении, ветшая и потихоньку разваливаясь. Жила в нём одна только Софья Алексеевна Прямишина, двоюродная сестра Утолина, проработавшая здесь без малого два десятка лет начальником хозяйственной службы.

Она разместила гостей в одной из мало-мальски сохранившихся комнат на втором этаже, обогревающейся с помощью электрокамина, и вскипятила чаю. Побродив по зданию, Кирилл, Лилия и Лаврентий собрались в этой «гостиной», и хозяйка по просьбе Лили рассказала им историю особняка.

Кирилл смыл кровь со щеки, оглядел царапину, придавшую ему воинственный вид, покачал головой. Схватка с боевиками СНОС могла закончиться далеко не так успешно, как закончилась, и это обстоятельство вызывало определённые размышления.

Попили чаю с пряниками, остывая после всех погонь и схваток, вспоминая погибших сотрудников лаборатории и оживших боевиков СНОС. Затем Софья Алексеевна оделась и ушла, Утолин и Лаврик уединились в углу комнаты, включив ноутбук, а Кирилл с Лилией включили телевизор хозяйки, чтобы послушать новости.

Лишь один канал — ТВ-6 передал сообщение о перестрелке в Сумском проезде Чертанова, да и то без подробностей. Остальные вели свои обычные передачи. Очевидно, подразделение информационной безопасности СВР уже сработало и перекрыло каналы утечки информации. О жертвах и принадлежности команд, устроивших «разборки» в Сумском проезде, в сообщении не говорилось.

Кирилл выключил телевизор, подошёл к Лилии, сидевшей на диванчике с отрешенным видом.

— О чём задумалась?

— Ни о чём… — покачала головой женщина. — Такое впечатление, будто мы падаем в какую-то беспросветную бездну… и нет спасения!

Он сел и обнял жену.

— Ты просто устала.

— Да, устала. — Она положила голову ему на плечо, закрыла глаза. — Устала бояться и бегать от убийц, устала сочувствовать тем, кому они причиняют боль… Иногда мне кажется, что я напрасно пытаюсь спасти свою жизнь. Пусть они меня убьют в конце концов, зато не будут больше походя убивать других.

Кирилл погладил её по волосам, помолчал. Он не хотел быть убитым и тем более не желал смерти Лилии и другим людям, но мысли его были созвучны с её переживаниями.

Внезапно Утолин и Лаврик быстро-быстро о чём-то заговорили, отталкивая друг друга от ноутбука, и тотчас же пол и стены комнаты мягко качнулись, как на рессорах. По стенам побежали трещины. Мигнул электрокамин.

Кирилл вскочил, подошёл к спутникам.

— Что тут у вас происходит?

— Я её доделал! — возбуждённо проговорил Лаврик. — Пробил барьер несовместимости уровней! Теперь мы можем открыть любой узел пересечения информпотоков! Хочешь, я перенесу всех в Альпы? Или на остров в Тихом океане?

— Не торопись, Аладдин, — остудил его восторги Утолин. — Это ещё не решение проблемы. Мы дошли только до разрыва программы из-за недостатка данных. Если я сейчас введу ошибочные сведения, начнется свёртка программы по масштабным уровням.

— Не начнётся, я заблокирую Бээс[26] кодированным карьером.

— Ты уверен?

— Давай попробуем. Выключить базу мы всегда успеем. Эх, мне бы интерактивный шлем — я бы такую мультисреду сварганил!

— Ладно, попытайся, но не рискуй. Дам команду — сразу выключай, не то придётся расстреливать ноутбук.

— Не боись, капитан, — оскалился Лаврентий, порхая пальцами по клавишам. — Не первый год замужем. Смотри, какой красивый пароль я нарисовал.

На дисплее ноутбука сквозь частокол световых конструкций проступил сияющий цветок, напоминающий паука, человеческий череп и голову Медузы Горгоны с шевелящимися волосами-змеями.

— Теперь поколдуем над параметрами…

«Голова Медузы» открыла один глаз.

И тотчас же Кирилл почувствовал холодный ветерок, будто в комнате открыли окно и внутрь потёк воздух с улицы.

— Ух ты! — восхитился Лаврик, растопырив пальцы над клавиатурой. — Феноменально!

— Что такое? — подошла к мужчинам Лилия. — Откуда здесь сквозняк?

— Это не сквозняк, — обернулся Утолин. — ПН преобразует пространство в соответствии с изменением заданного параметра. Лавр увеличил вероятность дифференциации броуновского движения, ПН выполнила эту операцию физически, и воздух в комнате начал расслаиваться, группироваться по газам: атомы кислорода — к атомам кислорода, азот — к азоту и так далее.

— Бредятина! — покачал головой Кирилл, чувствуя необычные запахи.

— Не балуйся, а то задохнёмся, — посоветовал Утолин увлечённому компьютерщику. — И так видно, что формула работает.

— Подожди, я ещё не нащупал границы диапазона, — взмолился Лаврик. — Ещё минуту.

«Сквозняк» в комнате прекратился. Зато что-то стало твориться с освещением. Воздух в помещении замерцал миллионами искр, задрожал, как в летний зной, в нём появились крохотные радуги, складываясь в красивый волнистый узор. Затем из угла в угол побежали световые вуали, напоминающие северное сияние, ушли в стену, а свет вдруг облаком собрался в центре комнаты, в то время как в углах сгустилась темнота.

Испуганно вздрогнула Лилия.

— Что это?!

— Прекрати, — недовольно бросил Утолин. — Доиграешься, что нас засекут. Не волнуйся, Лиля, он просто покачал границы интерференции и дифракции света. Поэтому вокруг задатчика-компьютера фотоны света концентрируются, а у стен поглощаются.

— Я даже могу направить все молекулы воздуха в одном направлении, — похвастался Лаврик. — Да и не только воздуха.

— Остановись наконец! — твердо сказал Утолин, встряхнув его за шиворот. — Доэкспериментируешься, что дом рухнет! Выключай машину, будем держать совет… — Он не договорил.

С первого этажа донёсся глухой удар, от которого вздрогнул пол комнаты.

Мужчины переглянулись, вслушиваясь в поток шума, заструившийся по первому этажу здания.

— СНОС! — догадалась Лилия.

— Я же предупреждал! — сквозь зубы проговорил Утолин.

Кирилл дернулся было к двери, доставая из-под ремня пистолет, но капитан остановил его:

— Нет смысла начинать драку. Мы всё равно от них не оторвёмся, даже если всех замочим.

— Но там Софья Алексеевна…

— Она отправилась в церковь. Надо уходить. Лавр, крути свою машину.

— Куда нас отправить?

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Пальцы Лаврентия забегали по клавиатуре компьютера. В тот момент, когда в коридоре второго этажа послышались по-хозяйски уверенные шаги множества людей, свет в комнате померк окончательно, огромная мягкая лапа сграбастала находившихся в ней беглецов и швырнула в глубокую бархатную чёрноту.

Вскрикнула Лилия, вцепившаяся в руку Кирилла. Да и сам он задержал дыхание, как при падении в воду. Однако это ощущение длилось всего одно мгновение.

Тьма вокруг рассеялась, и потрясённые беглецы оказались на вершине гигантского айсберга, торчащего из воды возле необозримой ледяной стены в окружении двух десятков таких же ледяных гор с плоскими вершинами. Кое-где на их крутых боках были видны чёрные точки и закорючки. Приглядевшись, Кирилл понял, что это птицы и пингвины.

— Антарктида! — не веря самой себе, прошептала Лилия. Зажмурилась, потрясла головой.

— Первую попытку следует признать удачной, —

прокомментировал Утолин это открытие. — Я боялся, что нас выбросит куда-нибудь в пустыню. Однако тут холодно, господа ПН-десантники. Не знаю, чем руководствовался наш уважаемый программист, бросая трек к берегам Антарктиды, но я бы предпочёл более теплый и уютный уголок.

— Я тоже, — содрогнулась Лилия.

Кирилл, прислушивающийся к неприятной дрожи в кончиках пальцев, тихо проговорил:

— Может быть, я перестраховываюсь, но у меня такое впечатление, будто за нами кто-то следит. У СНОС нет каких-либо независимых систем наблюдения?

— СНОС сама является системой наблюдения и оперативных действий, подстраивающейся под условия решаемой задачи. Она вполне может подключить любые природные устройства контроля.

Кирилл вспомнил мух в доме Лаврика и в своей квартире.

— Ты имеешь в виду живые существа?

— Устройством контроля может стать любой предмет или живой объект. Надо будет…

Капитан умолк.

Издалека послышался приближающийся тихий стрекот.

Кирилл приставил ко лбу ладонь. Над ледяной стеной берега Антарктиды появилась быстро увеличивающаяся точка.

— Вертолёт!

— Здесь, в Антарктиде?!

— Значит, это СНОС! Лавр, запускай ПН!

— Я её не отключал. Сейчас введу координаты…

Айсберг под ногами людей качнулся. Вокруг них начался бесшумный радужный фейерверк. Лёд под ногами протаял полыньей, которая превратилась в пропасть. Люди провалились в неё, судорожно цепляясь друг за друга. Утолин при этом ухитрился подхватить свои сумки. Свет в глазах померк, наступила невесомость, затем знакомая мягкая лапа сжала тела беглецов и швырнула их в солнечный свет.

На этот раз ПН перенесла их в горы.

Они оказались на узком карнизе над краем ущелья, через которое был переброшен узкий веревочный мостик. Сзади каменная стена с выбоинами и вбитыми в неё металлическими скобами, впереди грандиозная панорама заснеженной горной страны. Голубое небо. Яркое солнце. Тишина. Мороз.

— Пожалуйста, — театральным жестом обвёл горизонт Лаврик. — Перед вами Памир. Здесь нас никто не найдёт. Ну, как вам моя транспортная система?

— Здорово! — сказал Кирилл, вдыхая холодный, кристально

чистый и довольно разреженный горный воздух. — Все отлично. Вот только одеты мы не по сезону. Куртки-то остались там.

— Подумаешь, — небрежно махнул рукой компьютерщик, — обойдёмся. Никаких проблем. Могу в два счета отправить всех в тёплые края, к морю. А могу вообще прыгнуть в космос. — Глаза Лаврика загорелись. — На Луну, к примеру, или на Марс. Хотите?

— Остынь, — буркнул Утолин, роясь в самой большой из своих сумок и доставая пятнистую куртку. Подал её Лилии: — Надень, она тёплая.

После этого он вынул плоскую металлическую флягу, отвинтил колпачок и сделал крупный глоток. Протянул флягу Тихомирову:

— Коньяк. Глотни. Согревает.

Кирилл подумал, взял флягу, отхлебнул и передал Лилии. Та молча отпила обжигающей горло жидкости, предложила разгоряченному успехом Лаврентию.

— Здесь мы замёрзнем, и коньяк не поможет.

— Там, на той стороне, похоже, есть пещера. Видите отверстие в скале, справа от бугра в форме медведя. — Утолин вытянул руку, показывая направление. — Предлагаю перебраться туда и укрыться в пещере. Запалим костерок и посовещаемся.

— Если только этот мостик нас выдержит, — с сомнением сказал Кирилл. — Интересно, кто его подвесил на такой высоте?

— Вы с ума сошли! — ужаснулась Лилия. — А если он оборвётся?! Нет, делайте что хотите, я не пойду!

— Сейчас проверим. — Капитан продел лямки сумки под мышки, чтобы она висела на спине как рюкзак, вторую сумку протянул Кириллу. — Осторожнее, здесь оружие и ноутбук. Вернусь — заберу.

— Я сам донесу.

— Игорь! — Лилия схватила Утолина за руку. — Не ходи!

Капитан улыбнулся.

— Не переживай, всё будет в порядке. Я никогда не рискую зря.

Он подергал растяжки мостика, попробовал его на прочность и стал медленно, шаг за шагом, продвигаться вперёд, стараясь не раскачивать гибкое веревочное сооружение.

Ширина ущелья в этом месте достигала шестидесяти метров, и капитану потребовалось семь минут, чтобы достичь противоположного края. Он обследовал площадку на краю обрыва, сбросил с плеч сумку и махнул рукой:

— Давайте по очереди. Следующим идет Лаврик.

— Я свалюсь… — пробормотал компьютерщик, бледнея и пятясь от края ущелья. — Всю жизнь высоты боялся…

— Не гляди вниз, вот и весь секрет. Тут всего-то полсотни метров.

— Не могу!

Кирилл подошёл к Лаврику вплотную, сказал проникновенным тоном:

— Я понимаю, что тебе страшно. Мне тоже. И ей. — Кивком головы он показал на Лилию. — Все мы в одинаковом положении. Но пока что ты ни разу не постоял за себя сам, все время мы вынуждены спасать твою драгоценную шкуру, рискуя своей. Давай-ка включайся в этот процесс.

— Я же предлагал перебросить нас в более спокойное место…

— А где гарантия, что и там не появится команда СНОС?

— Я… всё равно…

— Иди!

Лаврик бросил на Кирилла ненавидящий взгляд, подошёл к растяжкам мостика и, зажмурившись, вцепился в них обеими руками. Слепо двинулся вперёд, нащупывая ногой нижний верёвочный вант. Прополз таким манером метр, другой, третий, не выдержал, глянул вниз, и нога его сорвалась с верёвки.

Лаврик вскрикнул.

Мостик закачался.

— Не смотри вниз! — рявкнул Кирилл. — Пошёл!

Киндинов снова зажмурился, с трудом нащупал ногой верёвку и снова медленно двинулся вперёд.

Лилия вдруг ахнула, вцепилась в руку Кирилла.

— Господи!..

— Что?! — оглянулся он, хватаясь за пистолет и вертя головой во все стороны.

— Посмотри вниз!

— Голова закружилась? Придётся и тебе перебираться с закрытыми глазами.

— Нет… ущелье…

Кирилл осторожно заглянул через край площадки в глубину ущелья, и у него перехватило дыхание. Несколько секунд он не сводил взгляда с пропасти, отступил назад и проглотил ком в горле.

Ущелье и в самом деле не имело дна! Вместо него открывалась невероятная, захватывающая дух глубина, провал Мироздания с едва заметными искорками звёзд и паутинками галактик.

— Ты понимаешь?..

— Не отвлекайтесь, — донёсся тихий голос Утолина. — Всё правильно, это не Земля.

— То есть как не Земля?! — Лаврик, доползший до середины

моста, открыл глаза и остановился.

— Это снова «буферная зона», интерференция метареальностей. Чего-то мы не учли. Не останавливайся, двигайся быстрее.

Лаврик глянул вниз дикими глазами, помотал головой, потом, проворно перебирая верёвку руками, перебежал мост.

— Теперь ты, — обнял Лилию Кирилл. — Не бойся, все будет хорошо.

— Я не боюсь, — храбро сказала женщина. — Значит, мы не на Земле? То-то мне показалось странным…

— Что?

— В Антарктиде солнце стояло почти в зените!

— А я не обратил внимания, — удивился Кирилл. — Надо же, как Лаврик нас кинул! Хорошо хоть, что не в лапы парней из СНОС.

Лилия взялась за растяжку моста, встала на верёвочные струны «пола» и уверенно двинулась к противоположному краю ущелья, стараясь не смотреть вниз.

— Отлично, продолжай в том же духе, — похвалил её Кирилл.

Женщина не ответила, сосредоточившись на процессе движения.

Она была уже на середине пути, когда издалека прилетело тихое тарахтение. Кирилл замер. Спутать было невозможно — это летел вертолёт.

— Лиля, быстрей! — крикнул он.

— Полковник, в сумке винтарь! — отозвался сориентировавшийся Утолин. — Красный магазин — с разрывными!

Кирилл, облившись холодным потом, раскрыл сумку и вытащил снайперскую винтовку «кабан» калибра шестнадцать миллиметров. Кроме неё, в сумке находились ещё автомат «данилов», два пистолета, гранаты и магазины с патронами.

ЗРК не хватает, мелькнула трезвая мысль.

На приведение винтовки в боевую готовность понадобилось несколько секунд. За это время вертолёт преодолел расстояние, отделяющее его от беглецов, и показался над ущельем. Его хищный силуэт показался Кириллу знакомым: это был франко-немецкий многоцелевой вертолёт «Тигр», по многим параметрам уступающий российским «Чёрной акуле» и «Аллигатору», но тоже весьма мощный и опасный.

Под его пилонами вспыхнули дымки выпущенных ракет. Две из них ударили по краю ущелья, где находились Утолин с Лавриком, две пронзили мостик, не причинив ему вреда, и

взорвались в десятке метров от замершей Лилии. Но расстояние от точки взрыва до моста всё же было очень маленьким, осколки достали женщину, и Кирилл, холодея от ужаса, увидел, как Лилия вздрогнула, зашаталась, выпустила ванты мостика и полетела в чёрную бездну ущелья.

— Не-е-ет! — закричал он, вскидывая винтовку к плечу и целясь в кабину пилота.

Один выстрел, второй, третий…

Пули попадали в бок и кронштейны вертолёта, высекая длинные искры.

— А-а-а-а!.. — кричал Кирилл, опустошая магазин.

Вертолёт дернулся в сторону, завилял, накренился, начал косо падать в ущелье, врезался в его неровную стену.

Раздался взрыв. Во все стороны полетели струи огня и дыма, обломки вертолёта и камни. Ущелье вздрогнуло, исторгнув из своих глубин рокочущее эхо.

Остатки вертолёта провалились в бездну, исчезли.

Наступила тишина.

Окаменев, сгорбившись, Кирилл стоял на краю пропасти и смотрел вниз, туда, где исчезла Лилия. Мыслей не было. Голова была пустая, холодная и звонкая. Лишь сердце представляло собой один сплошной ком боли и горя…

Очнулся он от прикосновения к плечу. Рядом стоял угрюмый, с застывшим серым лицом Утолин.

— Надо уходить, Кирилл Иваныч, её не вернёшь.

— Уходите, — безучастно отозвался Кирилл. Глаза застилали слёзы, он ничего не видел и не хотел, чтобы капитан заметил эту его слабость.

Утолин взял у него из рук разогревшуюся от стрельбы винтовку, потоптался рядом, звеня гильзами.

— Сейчас СНОС вернётся…

— Пусть возвращается… Уходите, я останусь…

— Не глупи. Жизнь не дорога?

— Чем дороже жизнь, тем дешевле человек…

— Ну, вот что, философ, — жёстко сказал Утолин, беря Кирилла под руку, — нечего нюни распускать! Лиля погибла, но это не значит, что всё потеряно. Я не могу обещать, что верну её тебе, но, если нам удастся прорваться в мою реальность, шанс появится.

Кирилл недоверчиво посмотрел на капитана:

— Это невозможно…

— Ты никак не возьмёшь в толк, что ваша метареальность является для операторов более высокого уровня виртуальной. Подпрограммы биосоциальной природы — люди — дети

глобальной Программы Бытия, поэтому в определённых пределах имеют свободу выбора, в основном — духовного, в пределах своего игрового объема. Но в физическом смысле они сильно зависимы от других подпрограмм и программ коррекции, спускаемых сверху операторами иезода, моими коллегами. Я сам неоднократно корректировал вашу реальность, в частности — жизнь России, так как это мой регион ответственности.

— Ну и что?

— А то, что существует крохотная, но все же надежда на исправление ситуации. Можно попробовать рассчитать упреждающую линию развития событий, чтобы не допустить гибели твоей жены. Но для этого необходимо прорваться через границу уровней.

— Я тебе… не верю…

— Тогда флаг тебе в руки, барабан на шею и электричку навстречу, как говаривал один мой знакомый. — Утолин бережно уложил винтовку в сумку, повесил сумку на плечо. — Прощай, полковник. Вряд ли мы встретимся ещё раз в этой жизни.

Он направился к мостику, раскачивающемуся под порывами налетевшего леденящего ветра.

Кирилл посмотрел на его прямую спину, с трудом преодолел приступ отчаяния и тоски, тихо сказал:

— Подожди…

Утолин оглянулся, оценивающе разглядывая измученное внутренней борьбой лицо Тихомирова.

— Ты уверен, что… Лилю можно… спасти?

Капитан качнул головой:

— Не уверен. Но попытаться можно. А для этого…

— Я понял. Хотя с моей точки зрения…

— Много говоришь, Кирилл Иваныч, — перебил Тихомирова Утолин. — Есть две точки зрения на происходящее: неправильная и моя. Так ты идёшь с нами или остаёшься?

— Иду…

Кирилл бросил взгляд в бездну ущелья, и ему показалось, что оттуда долетел слабый крик Лилии: «Найди меня!»

Вспомнилась старая русская сказка: ищи меня в тридевятом царстве…

Кирилл выпрямился, стиснул зубы и уже твёрже направился вслед за Утолиным к мостику через ущелье.

Глава 15. Прорыв границы

Еще один вертолёт СНОС появился через полчаса после гибели первого. Беглецы услышали гул его винтов и, укрывшись за глыбами рухнувшей скалы, могли попытаться сбить и его, однако не стали этого делать. Ненавидеть исполнителей СНОС было всё равно что обижаться на пчелу, укусившую за палец. Они представляли собой не команду живых людей, хотя и были ими, а процесс, программу коррекции, которую нельзя было нейтрализовать с помощью обычного технического приёма или оружейного арсенала.

Лаврик, беспрекословно подчинявшийся своим защитникам после утраты Лилии, запустил алгоритм ПН, и они после падения в глубокую тьму «межпрограммного пространства» оказались на небольшом коралловом острове посреди океана. Островок был покрыт крупным белым песком, на нём росла рощица перистых тенистых пальм и стояло полуразвалившееся бунгало на сваях, построенное неизвестно кем, неведомо когда и неизвестно из чего. Во всяком случае, определить материал, из которого мастерили строение, не смогли ни Кирилл, ни капитан.

Впрочем, этот вопрос их занимал мало. Кирилл никак не мог примириться с потерей жены и не находил себе места. Утолин, искупавшись в прозрачной воде у берега, подсел к Лаврику, и они снова начали возиться с формулой ПН, пытаясь довести её до совершенства.

Кирилла же охватила апатия, и он, окунувшись в воду и обследовав бунгало, прилёг в тени пальмы на песок, раскинув руки и ноги, глядя в небо остановившимися глазами.

Так прошёл час. Потом над островом, на небольшой высоте, совершенно бесшумно пролетел четырёхмоторный самолет с лениво вращающимися винтами, и Кирилл очнулся.

Лаврик и Утолин о чём-то ожесточённо спорили, колдуя над ноутбуком, расположившись под соседней пальмой. На самолёт они не обратили внимания, поэтому Кирилл сделал вывод, что этот летательный аппарат ему пригрезился. Однако на всякий случай он сообщил о своем видении Утолину, и капитан, не отрывая взгляда от экрана компьютера, объяснил:

— Не бери в голову, это эффекты перехода пограничных состояний или джокеры.

Кирилл не понял, что такое джокеры, но переспрашивать не стал.

— А если и здесь появится СНОС?

— Мы это сразу поймём.

Кирилл облизнул пересохшие губы и снова впал в апатию, погрузившись в состояние полусна-полуяви-полуплача. Лилия падала в пропасть, протягивала к нему руки, звала, а он не мог до нее дотянуться и удержать от падения…

Потом он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и встрепенулся.

На берегу океана, в сотне метров от расположившихся в пальмовой роще землян, стоял голый по пояс бритоголовый человек и внимательно разглядывал их, склонив голову к плечу.

Он был одет в блестящее голубое трико и странные сапоги в виде обмоток из серебристого шнура. Из очень широкого ремня фиолетового цвета с массивной золотой пряжкой тянулись вверх две серебристые спирали, сходясь над безволосой головой подобием антенн. Незнакомец имел мощный мускулистый торс, которому позавидовал бы даже чемпион мира по бодибилдингу, лицо у него было правильное, с прямым носом и прямыми губами голубого цвета, а глаза сияли чистейшим льдом, словно подсвеченные изнутри.

Кирилл привстал, потянулся к пистолету.

Незнакомец погладил пряжку ремня, превратился в полупрозрачную световую вуаль и исчез.

— Шиза!.. — хрипло пробормотал Кирилл.

— Ты о чём? — донесся голос Утолина.

Кирилл повертел головой, ища полуобнаженного безволосого атлета, встретил взгляд капитана, облизал губы.

— Померещилось…

Утолин оглянулся, обвёл горизонт оценивающим взглядом, потом порылся в сумке, достал флягу и подошёл к Тихомирову.

— На, глотни.

— Не хочу.

— Это просто вода, захватил на всякий случай.

Кирилл отвинтил колпачок фляги, сделал пару глотков, вернул хозяину.

— Спасибо.

— Что ты видел?

Кирилл помедлил, вспоминая светящиеся глаза незнакомца.

— Спортсмена… похож на гимнаста в гладком трико… абсолютно лысый…

Утолин качнул головой, что-то взвешивая.

— Странно… почему же я его не почувствовал?

Кирилл не ответил, снова расслабляясь.

— Ладно, отдыхай. Потом разберемся с твоим призраком. Мы, кажется, нащупали окончательный вариант ПН. Поколдуем ещё немного с узловым ограничением и попробуем перейти

границу.

Капитан вернулся к Лаврику, с головой окунувшемуся в мир математических формул и вычислений и не замечавшему, что творится вокруг него.

Кирилл задремал. Затем его разбудили возбуждённые голоса спутников, он сел, помял лицо ладонями, огляделся. И не поверил глазам!

Ландшафт острова не изменился. Но он теперь со всех сторон был окружён островами кораблей самого разного размера и назначения. Здесь были и парусники, и закопчённые углевозы, танкеры и военные корабли, яхты и подводные лодки. Роднило же все эти корабли одно обстоятельство: все они находились в плачевном состоянии, полуразрушенные, ржавые, разбитые, с дырами в бортах, с обрушившимися мачтами и надстройками, и представляли собой самое настоящее кладбище кораблей.

— Дурдом! — вслух произнёс Кирилл. — Остров погибших кораблей!

Утолин и Лаврик перестали спорить, оглянулись на него.

— Ваших рук дело? — кивнул Кирилл на молчаливые громады. — Или снова пограничные переходы?

— Мы экспериментируем с интерференцией материальных форм, — важно объяснил Лаврик. — Перебираем варианты пересечений разных программ. Хочешь, я найду такой узел, где есть все для полноценного отдыха: баня, ресторан, казино…

— Я тебе найду! — пообещал Утолин. — Никаких ресторанов и казино! Мы и так слишком долго раскачиваем буферное пространство. Вот-вот появятся охотники.

— Убежим, — беспечно махнул рукой Лаврик. — Раз плюнуть.

— Что ж, мы так и будем бегать по чужим файлам? Надо идти к цели, контролировать ситуацию, а не подчиняться ей. Давай попробуем выйти на склады с оружием, наш арсенал всё же не так убедителен, как хотелось бы.

— У тебя же были умболики и… этот… как его… стоппер, — вспомнил Кирилл.

— Умболики забрали в СОБРе, хотя вряд ли ими можно будет воспользоваться в континууме Земли. А стоппер остался в том городке, где нас застукала ПСП. Кстати, я дал тебе несколько умболиков, где они?

Кирилл похлопал себя по карманам, хмыкнул.

— Кажется, я их потерял.

— Возможно, и потерял, но скорее всего они перешли в другую материальность. Иными словами — стали виртуальными. Законы разных программ конкурируют между собой, и вещи,

материально ощутимые в одном потоке реальности, превращаются в информационные «слепки» в другом потоке. Ты как себя чувствуешь?

— Нормально. — Кирилл отвёл глаза. Чувствовал он себя погано, а перед внутренним взором всё время стояла сцена боя с вертолётом СНОС и падающая в пропасть Лилия. Ни о чём другом думать не хотелось.

— Нам нужно сделать поход за оружием.

Кирилл отрицательно мотнул головой.

— Идите без меня.

Утолин посмотрел на Лаврентия.

— Сможешь сделать петлевой выход? Так, чтобы я вышел в нужном месте и вернулся?

— Если бы я знал точные координаты острова…

— Точных координат в буферной зоне не бывает. — Капитан с сожалением развел руками. — Мы бы тебя оставили, но нет гарантий, что найдём обратный выход. А без нас тебя угрохает первый же патруль СНОС.

Кирилл хотел сказать: пусть грохает, но промолчал.

Утолин подошёл к нему, сказал серьезно и сочувственно:

— Я тебя понимаю, Кирилл Иваныч. Потеря любимой женщины всегда кажется невосполнимой. Я тебя не утешаю. Надо пережить. Время лечит. И помни: у нас есть надежда.

Кирилл задержал дыхание, чтобы не ответить капитану грубостью, пересилил себя, глухо выдохнул:

— Пошли.

Они расположились за спиной Лаврика, державшего на коленях включённый ноутбук. Экран компьютера был тёмно-синим, и по нему летали мыльные пузыри. Внутри одного из них виднелись крохотные человеческие фигурки.

— Шевельни расстоянием, — сказал Утолин. — Дай для начала пару сотен километров.

Лаврик ткнул пальцем в клавиатуру, покачал эргономически зализанной скобочкой мыши.

Мыльные пузыри в глубине экрана остановились. Появилась светящаяся золотая стрелочка курсора, тонкой линией соединила пустой пузырь с пузырём, внутри которого находились люди.

— Клик! — сказал Лаврентий, нажимая клавишу ввода.

На остров обрушилась лавина тьмы.

Кирилл невольно вздрогнул.

Наступила короткая невесомость. Затем свет вспыхнул вновь.

Остров был тот же. И океан. А вот бунгало в центре острова и свалка погибших кораблей вокруг исчезли. Появился низко летящий самолёт с вяло вращающимися под напором встречного

ветра винтами, косо вошёл в воду в километре от берега и пропал. Ни удара о поверхность океана, ни всплеска, ни взрыва! Полная тишина.

— Глюк! — прокомментировал Лаврик.

— В точку, — хмыкнул Утолин, по-видимому, точно знавший, что происходит. — Давай увеличь до тысячи километров. Этот наш островной узел оказался достаточно большим.

Стрелочка курсора на экране соединила ещё один пустой пузырь с пузырём, населенным тремя людьми. Кирилл понял, что этот пузырь символически отражает их положение в буферном пространстве.

Лаврик стукнул пальцем по клавише ввода, и на остров снова опустилась темнота, несущая ощущение падения в бездну. Через несколько мгновений темнота исчезла, а вместе с ней исчез и остров. Земляне оказались на окраине города, среди лачуг и полуразвалившихся зданий, сквозь руины которых пробились гигантские папоротники и лопухи. Улицы этого мёртвого города поросли густой бледной крапивой и стеблями бамбука, больше напоминавшего траву. Было видно, что по улицам давно никто не ходил.

— Это уже лучше, — прокомментировал выход Утолин. — Я помню этот стык. Здесь и склад неподалёку. Найдём какой-нибудь транспорт и доедем.

— Где в этих трущобах можно найти транспорт?

— Здесь есть все, просто надо знать, где искать.

Утолин двинулся вдоль ряда почти полностью разрушенных зданий, внимательно присматриваясь к бамбуковидной траве. Изредка она почти исчезала, уступая место густой рыжей «шерсти», и тогда капитан опускался на корточки и гладил эту шерсть-траву руками. Возле длинного закопчённого барака без окон и дверей, собранного из ржавых мятых листов железа, где «шерсть» росла наиболее густо, Утолин изучил участок рыжей пушистой травы и жестом остановил идущих следом спутников.

— Отойдите подальше.

После этого он достал из сумки с оружием гранату и метнул в стену барака, плашмя рухнув на землю. Раздался взрыв. Во все стороны полетели рваные клочья металла, струи дыма и пыли. Стены барака зашатались и осыпались рыже-чёрной трухой, обнажая тускло отблескивающий металлом помост, на котором стояли новенькие легковые автомобили времен начала автомобилестроения. По сути, это был самый настоящий конвейер, разве что он не двигался и вокруг него не сновали рабочие-сборщики.

— «Даймлер-Бенц», — прочитал Лаврик марку автомобиля. —

Немецкий, что ли? В каком же году делали такие чудовища?

— В тридцатых двадцатого века, — ответил задумчиво Утолин. — К сожалению, эти аппараты не заправлены, будем искать более удачный вариант.

Кирилл заметил, что конец и начало конвейера уходят в никуда, растворяются в воздухе, и обратил на это внимание товарищей.

— Естественно, линия сборки находится в другом пространстве, — пояснил Утолин. — Налицо пересечение файлов, стык программ. Я только вскрыл узел пересечения, проявил его, так сказать.

— Но зачем ты разглядывал и гладил траву?

— Это не трава, — равнодушно сказал капитан, направляясь к следующему бараку. — Это «странный аттрактор», характеризующийся циклически повторяющимся процессом. Иными словами, это реализованные решения дифференциальных уравнений, «информационные шлаки», образованные пересечением программ разной связности и фрактальной размерности.

— Ты что-нибудь понял? — поинтересовался Кирилл у Лаврика.

— Это что-то из области теории русел и джокеров, — буркнул компьютерщик.

— А если попроще?

— Он прав, — не оборачиваясь, проговорил Утолин. — Речь идет о нелинейных системах с хаотическим поведением.

Остановились у рухнувшей башни, почти скрытой от взора зарослями гигантской крапивы и окружённой рыжей «шерстяной» травой. Капитан снова бросил гранату, и произошла очередная метаморфоза: развалины превратились в струи дыма, а на их месте вырос стеклянный купол, под которым стояли десятки сверкающих лимузинов довольно странного вида.

— Вот это другое дело.

Утолин выстрелил в стену купола из пистолета и, когда тот осыпался наземь, подошёл к одному из автомобилей с гигантскими обтекателями колес и похожей на утюг кабиной.

— Ну и монстры! — восхитился Лаврик. — Откуда они, из какого века?

— Похоже, мы наткнулись на выставку экзотической автотехники. — Утолин открыл дверцу «утюга на колесах», заглянул в кабину. — Номер программы, то есть год производства, я точно не помню, но это скорее всего конец двадцать первого века по вашему летосчислению. Все эти монстры, как ты изволил выразиться, работают на термояде и

способны в некоторых пределах трансформировать форму. Садитесь, поедем на этом «утюге». Кстати, сделан он в России фирмой «МАИ». Можно было бы, конечно, поискать и более совершенную технику, например, флайты, когги или вообще капсулы автономной защиты типа «голем», но мы не собираемся долго оставаться в буферной зоне. Доедем до узла устойчивости и вооружимся.

— Какого узла?

— Город, в котором мы оказались в первый свой выход, представляет собой узел устойчивых виртуально-материальных конфигураций. Устойчив он относительно, однако будет существовать, постоянно изменяясь, пока существует Гиперсеть.

Кирилл хотел спросить, что такое Гиперсеть, но в это время в конце поросшей травой улицы показался какой-то бликующий стеклом экипаж, и Утолин нырнул на сиденье «утюга».

— Быстрее, чёрт бы вас побрал!

Лаврентий и Кирилл повиновались. Утолин каким-то чудом — без ключа — завёл автомобиль, вывел его на улицу и погнал прочь от проявившегося павильона выставки, находящегося неизвестно где, но пересекающегося с пространственным объёмом буферной зоны.

Замелькали по сторонам столбы и трубы, горы битого кирпича, брёвен, искорёженных балок и прутьев. Появились прохожие, испуганно жмущиеся к стенам уцелевших лачуг. Утолин свернул налево, на грязную, ухабистую улицу с разбитой колеей, затем в проулок с высокой шипастой травой ядовито-зелёного цвета. Домов здесь вообще не было, только холмы обломков стен и груды земли и песка.

Экипаж, преследующий их, приблизился. Больше всего он походил на танк без пушки, но с клювообразным рылом, отблескивающим живой ртутью.

Окраины города — «узла устойчивых виртуально-материальных конфигураций» — кончились, улица превратилась в мощённую булыжником дорогу, полную ям и выбоин. Утолин что-то переключил на светящейся панели управления, и машина пошла плавнее, перестала скакать и раскачиваться. Скорость движения возросла.

«Танк» с клювом отстал, затем вдруг изменил форму, вытянулся, превращаясь в акулу на высоких колесах, и стал догонять атомоход беглецов.

Утолин снова поколдовал над панелью управления, натянул на голову шлем с фасетчатыми очками. До этого момента «утюг» мчался практически бесшумно, а тут вдруг низко загудел и завибрировал. Откуда-то снизу послышался тугой свист воздуха.

Аппарат поднялся над дорогой на воздушной подушке, ещё больше увеличил скорость.

«Танко-акула» сразу отстала, однако на глазах удивлённых беглецов обрела два винта, превратилась в вертолёт, поднялась в воздух и начала настигать машину землян.

— Приплыли! — сквозь зубы процедил Утолин. — У них программа «хамелеона-универсала»! Лавр, включай комп, будем уходить по каналу ПН! Ничего другого не остаётся.

Дорога вильнула, обходя возникшие из ниоткуда скалы столбовой формы. Вертолёт преследователей вынужден был подняться выше.

— Открой заднее окно! — хладнокровно сказал Кирилл, доставая винтовку капитана.

Утолин открыл окно, Кирилл высунул ствол снайперки, ловя окуляром прицела силуэт вертолёта, однако открыть огонь не успел. Преследователи начали стрелять раньше.

Прямо перед носом мчавшегося с прежней скоростью «утюга» легла цепочка пыльных всплесков. Одна из крупнокалиберных пуль попала в капот машины, и Утолин резко свернул вправо, к скале. «Утюг» врезался в склон глинистого холма, из которого вырастала скала, зачадил.

— Прыгайте! — крикнул капитан, хватая сумку и выскакивая из машины.

Кирилл ударил в дверцу всем телом, нырнул на землю, скатываясь к подножию холма. То же самое сделал Лаврик, проявив недюжинную сноровку. Он хотел жить.

Новая цепочка пыльных всплесков протянулась к чадящему «утюгу», и тот взорвался, разбрызгивая клочья и струи жидкого огня. Хотя было совершенно непонятно, что у него могло гореть. Ни двигателя внутреннего сгорания, ни баков с бензином он не имел.

«Рванёт реактор — от нас и подмёток не останется!» — подумал Кирилл, прячась за камнем и поднимая винтовку. Выстрелил, целясь в бликующее рыло вертолёта. Винтокрылая машина пошла боком, крутанулась вокруг оси и спряталась за скалой.

— Игорь! — крикнул Кирилл. — Прикрой Лавра! Мне долго не продержаться!

Капитан не ответил.

— Лаврик, ты где?

— Здесь… — послышался сдавленный голос компьютерщика.

Показалась его спина. Лаврик на четвереньках спускался с холма, то и дело падая на живот. Ноутбука у него не было.

— Где компьютер?!

— Я его разбил… нечаянно… — Пыхтящий Лаврик пристроился рядом с Кириллом. — Не переживай, у капитана же есть ещё один.

Кирилл выругался.

Появился вертолёт.

Кирилл сделал несколько быстрых выстрелов, и вертолёт снова пошёл по кругу, облетая скалы и сидящих за каменным выступом беглецов.

— Капитан! — крикнул Кирилл. — Давай к нам, я прикрою!

Утолин не отозвался.

— Игорь! Где ты?!

Молчание.

— Неужели его убили?! — прошептал побледневший Лаврик.

Вертолёт зашёл сзади, открыл огонь из пулемёта. Очередь легла точно в камень, за которым прятались Кирилл с Лаврентием. Пули с визгом срикошетировали. Киндинов вскрикнул: отколовшаяся каменная крошка попала ему в лоб. Кирилл выстрелил, пошарил в сумке, доставая последний магазин с патронами.

Вертолёт скрылся, но вместо него показались летящие на небольшой высоте чёрно-зелёные фигуры с ранцами за спиной. Ранцы были реактивными двигателями, испускающими струи бледно-голубого пламени.

Кирилл снял одного летуна, второго, остальные открыли ответный огонь из автоматов, и он вынужден был спрятаться за валун.

— Плохи наши дела, хакер! Если капитан убит, мы тоже обречены.

— Но мы же ничего плохого не сделали! — пискнул Лаврентий. — За что нас убивать? Скажем, что больше не будем использовать ПН…

— Это не поможет.

— Но я не хочу умирать!

— Ничего, привыкнешь, — невольно усмехнулся Кирилл, затем высунулся и расстрелял всю обойму в приближающихся охотников, заставляя их маневрировать и метаться из стороны в сторону.

— Всё, патроны кончились, остались только гранаты и пистолеты. Стрелять умеешь?

Лаврик помотал головой, вжался в землю.

— Не… не буду… давай лучше сдадимся. Может, они не станут нас убивать? Возьмут в плен…

Кирилл бросил одну за другой две гранаты, разрядил в летящих боевиков СНОС пистолет. Но их все ещё оставалось

много, и шансов уничтожить всех не было.

— Не стреляйте! — крикнул он, сложив руки рупором. Подождал пару секунд и встал с поднятыми руками: — Мы сдаёмся!

Рядом опасливо высунул голову из-за валуна Лаврик, резво вскочил, также поднимая трясущиеся руки.

Цепочка чёрно-зелёных фигур остановилась в двух десятках метров от них. Боевики СНОС были одеты в особые комбинезоны со шлемами, скрывающими головы, поэтому их лица были не видны, но Кириллу показалось, что они абсолютно равнодушны. Сносовцы, по сути, людьми не были, представляя собой целевые функции, подчинённые одной программе — ликвидировать возмутителей спокойствия, способных стать Фигурами Влияния.

«Прощай!» — сказал Кирилл мысленно неизвестно кому. Перед глазами вспыхнуло на миг лицо Лилии. Он улыбнулся, вдруг понимая, что жена ждёт его где-то там, в иных царствах…

А мгновение, отделяющее жизнь от смерти, всё тянулось и тянулось, и когда уже должны были раздаться выстрелы, между цепью боевиков и землянами возник полуголый бритоголовый атлет в голубом трико, с двумя серебристыми спиралями-антеннами, начинавшимися от ремня и нависавшими над головой.

— Отбой программе! — сказал он гулким, поколебавшим пространство голосом.

Чёрно-зёленые фигуры охотников вспыхнули, превратились в колеблющиеся языки прозрачного пламени и исчезли.

— Идёмте, — повелительно сказал бритоголовый, поворачиваясь к людям спиной.

Перед ним в воздухе протаяла прямоугольная дыра, превратилась в самую обыкновенную пластиковую дверь, за которой виднелся светящийся коридор.

Кирилл и Лаврик переглянулись.

— Пошли? — неуверенно проговорил компьютерщик.

Кирилл огляделся. Утолина нигде видно не было. Возможно, он действительно был мёртв, но интуиция Кириллу подсказывала, что капитан успел сбежать.

Вздохнув, Кирилл шагнул вслед за Лавриком в открывшийся проход в «иное измерение».

Глава 16. Вид с высоты

Он проснулся как от толчка.

Полежал, не открывая глаз, прислушиваясь к мёртвой тишине вокруг, потом вспомнил, где находится, и приподнялся на локтях, оглядывая помещение.

Это была спальня. Она практически ничем не отличалась от тех спален, в которых побывал за свою жизнь Кирилл, за исключением одного: она имела встроенную систему автоматического обслуживания, которая исполняла любое мысленное желание хозяина. Кроме одного — не выпускала постояльца без сопровождения охранника. Или конвоира, что было точнее.

В комнате посветлело — это засветился потолок. Потом по безмолвной команде Тихомирова в сплошной белой стене спальни протаяло длинное окно с видом на гигантский город со множеством башен разных размеров и форм. Это был город иной реальности, реальности более высокого порядка, о которой в эзотерической литературе человечества говорилось, что она принадлежит «тонким планам» и заполнена «эфирной материей». Однако Кирилл уже знал, что и эта реальность не является абсолютно независимой, представляя собой один из слоев Гиперсети или «слоеного пирога Мироздания». К тому же оказалось, что чем выше уровень самостоятельности слоя, тем плотнее материя, его заполняющая, а никак не наоборот! И эта реальность обладала ещё одним удивительным качеством: время в нём было двумерным!

Сначала Кирилл не понимал, в чём выражается эта двумерность, так как с виду жизнь мира, откуда был родом Ювинга — капитан Утолин, ничем не отличалась от жизни Земли. Затем хозяева иезода контроля, один из которых спас Тихомирова и Киндинова от команды СНОС, показал им кое-какие эффекты, иллюстрирующие нелинейность местного времени, и Кирилл окончательно убедился в «шизанутости» всего Мироздания.

Как ему объяснил бритоголовый Диаблинга, заинтересовавшийся «явлением локальной бифуркации пси-социальных параметров» — то есть деятельностью четверых землян, — весь слой Мироздания, в котором жили люди, родичи Тихомирова, являлся лишь многовариантным возбуждением вакуума. Человек в этой физической системе представлял собой кластерный узел и вакуумный «кристалл», подчиняющийся подпрограмме развития социума. Поэтому время в его мире было статистически направленным процессом, способствующим

внешнему управлению.

В мире Диаблинги время имело «длину» и «ширину», что выражалось в «пакетности» импульсов движения и в большей свободе выбора. В пределах «ширины» каждый житель данной Метавселенной мог выбирать инварианты реальности и при неблагоприятном стечении обстоятельств вернуться назад и начать «новую» жизнь. Поэтому жить здесь было намного сложней и непредсказуемей, чем в реальности Земли.

Так, на глазах потрясенного Кирилла его гид много раз исчезал и появлялся в другом одеянии или ином состоянии, а иногда превращался в невиданное существо, вызывающее содрогание или слабый протест желудка. При этом он не терял нить разговора и успевал контактировать с коллегами по центру управления, или иезоду, как его тут называли. Исчезал же оператор Диаблинга именно на «ширину» временного потока, оставаясь на его «длине» для каждого последующего мгновения.

Все эти моменты интересовали больше Лаврика, чем Кирилла, всё ещё переживавшего гибель жены, но когда Диаблинга предложил своим гостям наглядно продемонстрировать, что такое двумерность времени, Кирилл отказываться не стал.

Демонстрация состоялась в день их прибытия в резиденцию операторов, куда землян перенёс озадаченный их героической эпопеей Диаблинга, и доставила массу впечатлений.

Сначала Кириллу показалось, что ничего не произошло.

Все так же светило с бледно-лиловых небес солнце; в мире Диаблинги источником энергии служила сфера трансформации времени в пространство. Всё так же высились вокруг башни города. Вот только звуки исчезли, а также прекратилось движение воздушного транспорта, давно заменившего здесь наземный. А затем выяснилось, что исчезли и все жители города, словно их мгновенно эвакуировали!

— Куда они подевались? — выразил Лаврик общее недоумение гостей.

— Никуда, — ответил бритоголовый, а точнее, безволосый Диаблинга. — Это мы «подевались» — шагнули во времени не вперёд, а в «сторону».

— Но почему тогда не видно тех, кто тоже, как и мы, «шагнул в сторону»?

— Каждый из нас «шагает» не дискретно, а фрактально, нелинейно, поэтому пересечения редки. Зато это дает нам больше свободы и возможностей достичь поставленной цели.

— Значит, мы можем войти сейчас в любой чужой дом? — продолжал допытываться Лаврик.

— Конечно.

— И взять там всё, что захотим?

Диаблинга внимательно посмотрел на компьютерщика.

— Зачем?

— Ну, не знаю… — смешался Лаврик. — У нас этим сразу бы воспользовались воры и грабители.

— У нас это исключено. У всех всё есть, зачем же брать чужое?

— Так у вас вообще нет преступников?

— Есть, — подумав, ответил оператор, — но они иные, воруют информацию, а не сложделики… э-э… вещи. Количество и качество информации определяет меру власти. Наша жизнь подчиняется более гармоничным законам, чем земная, хотя, в свою очередь, и наша реальность — всего лишь достаточно сложная программа в «сверхкомпьютере» более высокого уровня. Но знаем об этом только мы, операторы иезода. Остальные жители нашего мира считают себя держателями собственных судеб и уж тем более властителями игровых объемов, одним из которых является ваша Метавселенная.

— Вы хотите сказать, что таких Метавселенных много?

— Одна, но с разными вариациями базовых параметров. К примеру, ваша Земля является отличным полигоном для расчёта войн разного масштаба.

Лаврик, восхищённый услышанным, задавал ещё какие-то вопросы, а Кирилл вдруг подумал, что откровения Диаблинги имеют какую-то скрытую причину, как и его внезапное желание спасти беглецов от программы СНОС.

Оператор иезода перевёл взгляд с Лаврика на Кирилла. Он почувствовал изменение настроения Тихомирова, а может, прочитал его мысль.

— Вы чем-то озабочены, сударь?

Кирилл хотел промолчать, но не выдержал:

— Почему вы спасли нас от команды СНОС? Ведь мы с Лавриком являемся «вирусом» для любых программ.

Взгляд Диаблинги остался сосредоточенно-спокойным.

— Вы представляете определённый интерес для кое-кого из моих знакомых. Не каждое столетие появляются существа, реализовавшие канал перехода границы между слоями Гиперсети. Конечно, вам помог Ювинга, однако ваш случай уникален, так как волевым оператором, преодолевшим барьер Гиперсети, оказалась тень, то есть подпрограмма в фазовом пространстве возможных миров низшего уровня.

— Это вы обо мне? — догадался Лаврик.

— Обо всех вас.

— Ещё вопрос, — сказал Кирилл, решив идти до конца. — Судя по вашей деятельности, вы имеете огромные полномочия и могли бы сразу ликвидировать нас на Земле, а не посылать группы ПСП и СНОС.

— Не мог, — качнул круглой блестящей головой Диаблинга. — Это прерогатива Господина Гиперсети. На нашу деятельность наложено ограничение — префактический модуль Закона обратной связи. Он работает на всех уровнях.

— Кем наложен? Творцом Гиперсети?

— Наверное, индивидуальностью ещё более высокого порядка. Мы называем его Изначально Первым.

— В чём же выражается это ограничение?

— Любое наше действие в сфере контроля отражается и на нас. Вот почему отступник Ювинга не перешёл барьер Гиперсети в своей физической оболочке, а опустил в ваш мир проекцию психоматрицы. Только так он мог изменить линии судеб определенных людей и помешать коррекции сверху.

— Вы его не одобряете?

— Мое отношение к нему не имеет значения. Он отступник, и его деятельность подлежит ограничению. С другой стороны, он способствовал созданию Фигуры Влияния… — Диаблинга замолчал и исчез.

Появившись вновь в другом обличье, он больше к этой теме не возвращался, и Кирилл прозорливо решил, что оператор скрывает свои истинные намерения и планы…

Что-то мелькнуло за окном.

Кирилл сел на мягкой безопорной кровати и увидел улетающий вдаль четырёхмоторный самолёт, тот самый, что несколько раз появлялся в буферной зоне. Лаврик назвал явление самолёта глюком, то есть сбоем в компьютерной программе. Однако прав он или нет, оставалось неизвестным, так как Диаблинга на прямой вопрос Кирилла: что это такое? — не ответил.

С момента перехода из буферной зоны в мир Диаблинги прошло уже трое суток. О судьбе Ювинги-Утолина Кирилл ничего не знал. На его вопрос Диаблинга опять-таки не ответил, а спросить больше было не у кого, остальные операторы иезода контроля сторонились землян и смотрели на них как на говорящие игрушки или в лучшем случае как на интересных насекомых.

Здесь было тихо и спокойно. Землянам отвели спальные апартаменты и не тревожили, предоставив их автоматике помещений, выполняющей все требования. Но Кирилл чувствовал себя не в своей тарелке и ждал развития событий с нарастающим

беспокойством. Интуиция подсказывала, что им предстоят суровые испытания. Хотя, с другой стороны, в глубине души зрело странное убеждение, что всё идет не спонтанно, а по чьему-то тщательно разработанному сценарию.

Лаврик же чувствовал себя прекрасно, так как ему дали возможность работать с местным компьютером и снабдили какими-то сногсшибательными игровыми программами, из-за чего он почти не вспоминал, где он и с кем находится. Во всяком случае, чем занимается Кирилл, он не интересовался. Зима или лето за окном, дождь или вёдро, его не волновало. Он оказался в своей стихии и с удовольствием окунулся в компьютерное псевдопространство, черпая оттуда информацию обо всём, что его интересовало. Естественно, отредактированную местным цензором. Но и это его не огорчало. Он жил так, как хотел.

Это от него Кирилл узнал, что местный календарь насчитывает тринадцать месяцев по двадцать восемь дней в каждом плюс один «нулевой» день, что точно соответствовало земному году с его тремястами шестьюдесятью пятью днями. И от него же Кирилл получил данные, подтверждающие, что каждый человек Земли является макроквантовым «пакетом», подчиняющимся волновым законам, и одновременно подпрограммой, зависящей от несомой ею функции, которую люди называют душой.

По мере накопления знаний о вселенной Диаблинги у Кирилла копились и вопросы к нему, однако оператор иезода не торопился на них отвечать и встречался со своими гостями-пленниками редко. Кирилл получал больше информации от Лаврика, чем от него, хотя и Лаврик не горел желанием делиться ею с товарищем.

Компьютер, который выдали Киндинову во временное пользование, компьютером назвать было трудно, хотя функции он выполнял те же, что и земные изделия. По-видимому, Диаблинга просто придал своему вычислителю знакомую людям форму, в то время как сам общался с ним напрямую, без периферийной автоматики, мысленно. Выглядел же этот компьютер необычно: над столом в спальне-кабинете Лаврика висел метровый плоский прямоугольник экрана, при необходимости разворачивающийся в объёмную конструкцию, а клавиатура вырастала прямо из стола, подстраиваясь под руки и пальцы оператора.

Кресло оператора, в данном случае Лаврика, представляло собой нечто вроде интерактивного объема, вводящего оператора в местную «Интернет-сеть». Подключённый к этой сети оператор начинал жить странной виртуальной жизнью, независимой от жизни вокруг. Единственное, чего он не мог сделать

принципиально, — повлиять на естественные физические процессы мира Диаблинги, что Лаврику удавалось делать в реальности Земли. Эту возможность хозяин иезода людям не предоставил.

Зато по части развлечений Лаврик оттягивался по полной программе. Это была его стихия, реализованная мечта, причём по ощущениям намного превосходящая возможности земной техники, поэтому Лаврик сутки напролёт сидел за компьютером (точнее — в компьютере) и жил так, как давно хотел, чувствуя себя повелителем мира. О том, что чувствует его телохранитель, полковник Тихомиров, не раз спасавший ему жизнь, он вопросов не задавал. Да и на вопросы самого Кирилла отвечал неохотно, занятый самим собой и своими переживаниями.

Правда, однажды он сам пригласил Кирилла в свой кабинет и показал ему масштабную панораму Метавселенной Диаблинги.

Этот мир был сложнее Вселенной, в которой существовали галактики, звёзды, Солнце и планета Земля. По сути, реальность Земли представляла собой инвариант Гиперсети с трёхмерным пространством и единым потоком времени. Реальность мира Диаблинги была шестимерной, а так как время в ней было «плоским», имея «длину» и «ширину», это обстоятельство порождало множество удивительных эффектов и более сложную картину материальных образований и структур.

Описать словами то, что увидел-ощутил Кирилл, заняв место Лаврика, он вряд ли смог бы вразумительно. Пожалуй, основным ощущением было безмерное удивление, в то время как глаза видели беспрерывное кипение светящихся, переходящих друг в друга геометрических фигур, конструкций и систем. Ничего похожего на ячеисто-волокнистую структуру Вселенной, какую описывали земные учебники по астрономии.

Следующий уровень, соответствующий скоплениям энергетических источников, также не напоминал галактики, шаровые и рассеянные звёздные скопления. Это был мир лучевых «кристаллических решёток», в узлах которых горели энергосферы — системы из миллионов и миллиардов «капель», в которых время превращалось в пространство и энергию и освещало тем самым вселенную, а также обогревало «планеты» — гигантские, в сотни и тысячи раз больше Земли, плоские материальные «блины» с неким полем, заменяющим здесь гравитацию.

Существовали в этом мире и аналоги чёрных дыр — узлы осцилляций материи, где пространство превращалось в «яму времен» бесконечной глубины.

Сами же звёздные «капли» представляли собой зоны фазового перехода вакуума из «жидкости» в «кристалл», хотя Кирилл так и

не смог представить этот процесс наглядно. «Капля», или узел обращения времени в пространство с излучением энергии, с виду ничем не отличалась от термоядерной «капли» наподобие Солнца.

Другое дело — планеты или то, что их здесь заменяло.

Больше всего они напоминали плоские, толщиной в четыре-пять сотен километров и диаметром в миллион, лепешки, плавающие по поверхности колоссальных газовых пузырей, внутри которых происходил процесс «расширения» времени из «плоского» в «объемное», трёхмерное. Этот процесс и порождал силу, заменяющую здесь тяготение.

Разумные существа Ицаха — мира Диаблинги — оказались такими же людьми, как и его гости с Земли, разве что диапазон их чувствования был пошире, а физические возможности тел чуть побольше. А так как наука и техника здесь приблизились к пределу магического оперирования пространством, любой житель Ицаха мог нарастить себе мышцы и превратиться в античного красавца или красавицу топ-модель. Вот почему операторы иезода контроля, в том числе и Диаблинга, выглядели гимнастами и чемпионами по бодибилдингу.

Кирилл усмехнулся, проводив взглядом стрелу аэролета, в кабине которого веселились юные красотки и аполлоны Ицаха. Им не надо было каждое утро заставлять себя заниматься зарядкой и тренингом. Но Кирилл им не завидовал, пребывая в полной уверенности, что только труд и упорство могут придать жизни смысл и гармоническое развитие и только стремление достичь цель собственным трудом оплачивается Вселенной достойно.

Сделав зарядку, он умылся, надел свой земной костюм — джинсы, рубашку, куртку — и мысленно скомандовал: «Дверь!»

В казавшейся монолитной белой стене послушно проявилась дверь.

Тотчас же в проёме возникло светящееся облачко и превратилось в металлический скелет человека со светящимися глазными яблоками. Это был слуга Кирилла, выполняющий одновременно функции сторожа. Почему автоматика иезода избрала этот образ для обслуживающего персонала, догадаться было трудно. Сам Кирилл предпочёл бы, чтобы его обслуживали живые люди.

«Скелет» весело отщёлкнул металлическую челюсть и произнес на чистом русском языке, без акцента:

— Вас ждут.

Вообще Кирилл сначала удивлялся, слыша везде русскую речь, потом поделился своим недоумением с Лавриком, и тот пояснил:

— Вся Гиперсеть разговаривает именно на русском языке, так как это самый древний, изначально первый язык. На Земле, как в искусственном виртуальном игровом объёме, этот язык тоже был первым и общим, и лишь после известной «Вавилонской коррекции» началась дифференциация и смысловая аберрация языка, приведшая к появлению сотен других…

Кирилл поморщился, глядя на «улыбку» скелета.

— Кто меня ждёт?

— Мастер Диаблинга и землянин Лаврентий.

— Я к ним и собирался, — пожал плечами Кирилл.

В то же мгновение его подхватила невидимая упругая чаша и понесла сквозь сплетение канатов, верёвок и растяжек в белесую бездну. Через несколько мгновений Кирилл оказался перед открытой дверью в кабинет-спальню Лаврика, вошёл.

Лаврентий был один и, как всегда, грезил с открытыми глазами, пребывая в особом пространстве компьютерных технологий, создающих виртуальную реальность, неотличимую от настоящей. Почти неотличимую. Хотя об этом знали только те, кто программировал эту реальность.

Кирилл оглянулся.

Сзади вместо «скелета» охранника выросла фигура оператора.

— Вам предлагается возможность поиграть, — сказал он, дернув уголком губ. Диаблинга никогда не улыбался: то ли сдерживался, то ли вообще не умел. Впрочем, его коллеги по иезоду тоже улыбались редко.

— Не понял, — вопросительно поднял брови Кирилл. — Вы предлагаете мне поиграть? В преферанс, покер, подкидного? Или имеется в виду спортивная игра?

— В какой-то степени. Я предложил вашему другу стать оператором вашей реальности, он согласился. Хотите посмотреть на свой мир сверху и откорректировать его по своему усмотрению?

Кирилл недоверчиво сощурился.

— Вы серьёзно?

— Я никогда не шучу.

— И мне будет дозволено… всё?

— В пределах разумного.

— Но ведь я могу натворить таких дел!..

— В рамках программы, не более того. Вам будет дозволено изменять законы социума, но не физические законы.

Кирилл задумался, покачал головой.

— Нет, я не могу взять на себя такую ответственность. Мне многое не нравится в жизни, многое хотелось бы изменить к лучшему, но это наверняка затронет других людей… Нет, не хочу.

— Эти соображения делают вам честь, но они не остановили вашего друга. Он с удовольствием взялся за переделку программы. Хотите взглянуть?

Кирилл помедлил.

— Посмотреть можно.

В то же мгновение рядом с креслом Лаврика, похожим на перепончатый кокон, возникло второе такое же.

— Устраивайтесь и включайтесь.

Диаблинга исчез.

Кирилл посмотрел на Лаврика, на дверь, снова на Лаврика и, терзаемый любопытством и смутными опасениями, сел в мягкое и очень удобное кресло.

Тотчас же перед глазами высветился плоский зеленоватый экран размером с половину стены, протаял в глубину.

Перед наблюдателем, которым стал Кирилл, распахнулась неизмеримая чёрная глубокая даль, пронизанная паутинками света, которые складывались в красивую объёмную вуаль. Некоторые паутинки светились сильнее, распадаясь на отдельные звёздочки, некоторые казались видимыми сквозь цветное стекло, а самые близкие слагались из звёздных скоплений и квазаров, создавая впечатление невероятной, захватывающей дух гармонии. Это была Вселенная человечества.

Затаив дыхание, Кирилл смотрел и смотрел на неё и мог бы, наверное, любоваться долго, но его проводник переключил диапазон обзора, и сетчато-волокнистая вуаль Вселенной исчезла. Перед глазами человека горела великолепнейшая четырёхветвистая звёздная спираль. Галактика.

— Ваша Система, — прошелестел в ушах вкрадчивый голос. — Программа мультиплетного уровня сложности.

На краю одной лохматой звёздной ветви спирали загорелся огонек. Ветвь стала приближаться, вырастать в размерах, заполнила все пространство обзора. Мимо полетели белые, жёлтые, оранжевые звезды. Огонек увеличился, превратился в пылающий золотистый шарик. Вокруг него высветились огоньки побледнее, образуя веточку планет, бегущих по своим орбитам.

— Солнечная система, — тем же шелестящим голосом проговорил невидимый экскурсовод.

Один из бледных огоньков — двойной, голубоватый и серебристый — ринулся навстречу, превратился в две планеты.

— Система Земля — Луна. Уровень сложности — синглетный. Подстройка вероятностно-статистическая, разброс параметров — не более одной десятой процента.

Земля заняла весь объем передачи, превращаясь в ощутимо массивный гигантский шар — планету. Затем вдруг

удивительным образом развернулась в две выпуклые поверхности, напоминающие по форме крылья бабочки. Одно крыло было преимущественно зелёным и голубым, второе по цвету умещалось в диапазоне от коричневого до ярко-жёлтого.

— Масштабная база поверхности и внутреннего строения планеты Земля. Порядок сложности — сингонический. Коррекция базовых параметров «зашнурована». Инвариантное развитие программы допустимо на уровне социума.

Зелёно-голубое «крыло бабочки» ожило, запульсировало сотнями огоньков, бликов, прозрачных вихриков и белесых спиралек. Стали заметны летящие в атмосфере самолёты, плывущие по морям и океанам корабли, бегущие по дорогам автомобили и поезда.

«Что означает — коррекция „зашнурована“?» — спросил Кирилл мысленно.

— Любое изменение базового параметра согласовано с изменениями остальных и ведёт к свёртке программы, — ответил гид. — Какой уровень социума желаете открыть?

Кирилл помедлил.

— Меня интересует Россия. И чем занимается мой товарищ.

Зелёно-голубое полотно земной поверхности расползлось во все стороны, на ней вспыхнул световой контур России, отделил её переливчатой световой стеной от соседних стран, затем вся эта отгороженная территория превратилась в толстый слой прозрачного стекла. В его толще засветились строки сообщений, колонки цифр, графики, кривые, символы, объединились в единую систему и, слившись в один луч, вонзились в голову Кирилла.

Удар был настолько сильным и физически ощутимым, что он дернулся и едва не потерял сознание. А затем вдруг превратился в странное миллионоглазое и миллионоголовое существо, пронизывающее весь «стеклянный слой» России, соединяющее все её города, поселки, деревни, учреждения и структуры. Понимание происходящего пришло не сразу — на смену эмоциям и переживаниям, охватившим душу Кирилла. Затем он стал видеть, что происходит в стране, во всех её властных, силовых, государственных, финансовых, военных и гражданских структурах. И Кирилл ужаснулся, осознав, что наделал Лаврик своим вмешательством в жизнь огромной страны.

Он играл.

А Россия воевала! Сама с собой! На всем её гигантском пространстве!

Разбившись на лоскутные государства, бывшие республики, губернии, районы и даже отдельные города бились за власть, за

рынки сбыта, за природные богатства, за обладание энергией и просто ради выживания. Победителей в этой жуткой бойне не было и не могло быть, оружие применялось самое разное, в том числе — ядерное, и территория страны постепенно превращалась в радиоактивное зловонное болото и пустынное кладбище.

Лаврик играл, самозабвенно и увлечённо!

Кирилл ощутил всю глубину горя и боли, которые обрушились на весь многострадальный народ России, и дрожащими пальцами расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Стало трудно дышать.

Крикнул во весь голос:

— Хватит!

И тотчас же сознание стремительно сузилось, а объём чувствования резко сократился. Кирилл «вознёсся на небо» и осознал себя сидящим в кресле оператора иезода.

Лаврик все так же грезил с открытыми глазами, пальцы его рук подергивались, по лицу ходили тени, а он улыбался. ИО Творца!..

Кирилл с трудом встал, подошёл к креслу Киндинова и одним движением вышвырнул его оттуда.

Комната содрогнулась. По стенам побежали волны, создавая интерференционную картину. Лаврик помотал головой, начиная приходить в себя, увидел Кирилла и понял, что произошло. В глазах компьютерщика на мгновение протаяла ненависть.

— Ты… зачем? Мне разрешили… ты тоже можешь…

— Нравится быть богом? — хрипло выговорил Кирилл. — Разделять и властвовать? Заставлять людей исполнять твои желания?

— Оставь меня в покое! Я сам буду решать, что мне делать.

Глаза Кирилла похолодели.

— Все, что угодно, только не то, чем ты занимался!

— Отстань! — Лаврик вдруг вскочил и бросился на Кирилла. — Ты дурак! Здесь можно всё! Какое тебе дело до того, что происходит в той псевдореальности? Это всего-навсего инвариант Программы Гиперсети, его всегда можно подкорректировать!

Кирилл отступил в сторону, подставил ногу, и Лаврик, споткнувшись, перекувыркнулся через голову. С трудом сел. Лицо его исказилось.

— Что тебе от меня надо? Я тебе не мешаю…

Кирилл шагнул к нему, намереваясь отрезвить его пощечиной, и в этот момент в спальне появился странно задумчивый Диаблинга.

— Вы действительно являетесь не просто носителями

спонтанного возмущения, но и Фигурами Влияния. А это уже недопустимо.

Кирилл исподлобья глянул на оператора.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, кроме того, что вас необходимо ограничить.

Невидимая упругая плёнка сжала тело Кирилла и вынесла за пределы спальни Лаврика. Очнулся он уже в своей комнате.

Глава 17. Всевидящее око

Гиперсеть требовала внимания.

По мере развития подпрограмм она усложнялась, взаимопересекалась и конфликтовала сама с собой, отрицая базовые законы и установки операторов контроля разных уровней. Потенциально возможные состояния или инварианты Фундаментальной Реальности, созданной ещё Изначально Первым, иногда так сильно отклонялись от единой Программы, что не поддавались никакой коррекции, и тогда в их бытие приходилось вмешиваться самому «Всевидящему Оку» — Выразителю Несогласия, Творцу Гиперсети.

Только ему не нужно было выражать своё знание с помощью формулировок, так как это знание представляло собой непосредственное вхождение в суть всех вещей и состояний. Его взгляд видел одновременно и начало, и конец Гиперсети, ибо он всегда был вне времен и пространств созданных им же миров, находясь над ними и внутри них. Но и он не мог просто так взять и уничтожить какой-нибудь из слоёв-уровней Гиперсети, не получив при этом ответного удара Мироздания. Образно говоря, Гиперсеть являлась воплощением индивидуальности Выразителя, и, уничтожая один из её подпланов, он одновременно отсекал у себя же какой-либо важный орган. Палец, к примеру, или ухо, если применить образное сравнение облика Выразителя с обликом человека. Поэтому для таких деяний требовалась не хирургическая операция с удалением «заболевшего свободолюбием органа», а лечение, использующее определённые программы ограничения деятельности «вирусов». Такие, как ПСП, СНОС или программные охотничьи Псы.

Увлекшись своей идеей создания «абсолютного зонда», Выразитель время от времени следил за развитием событий в нижнем ярусе реальности, не вмешиваясь в них. «Зонд» созревал и двигался в нужном направлении, не догадываясь об этом. Потом операторы нижних иезодов начали ограничение вышедшей из-под контроля подпрограммы, и «зонд» едва не погиб в зародыше. Спасло его только вмешательство одного из операторов, который вдруг воспылал любовью к свободе самовыражения и нарушил закон невмешательства, внедрив свою психоматрицу в сознание одного из элементов подпрограммы — человека по фамилии Утолин.

Это ускорило процесс созревания «зонда», на «вирус» обратили внимание операторы верхних уровней, и за группой взбунтовавшихся людей, образовавших довольно серьёзную

«опухоль независимости», направились ликвидаторы и сглаживатели возмущений.

Выразитель ждал, никак не выявляя своего отношения к «зародышу» бунта. Единственное, что он позволил себе сделать втайне от операторов, которых называл своими тенями, это подсказал «зонду» решение проблемы «универсальной отмычки». Человек был умен и владел нелинейной логикой, однако сам едва ли справился бы с разработкой алгоритма «отмычки», который называл формулой ПН, даже с помощью сбежавшего в нижний уровень оператора.

Получилось очень красиво.

Из любопытства и любви к виртуальным играм, заражённый компьютерным фанатизмом «зонд» рвался стать могучим сетевым взломщиком и сам работал как компьютер.

Его заказчик — оператор Ювинга, обитавший в теле капитана спецназа Утолина, не успел спасти Фигуру Влияния, ради которого пошёл на риск нейтрализации, и стремился вернуться домой. Он подключил все свои информационные каналы и помогал «зонду» не за страх, а за совесть.

Потом к ним присоединился защитник, человек смелый и решительный, достигший некоторых относительно важных высот самореализации, и процесс пошёл быстрее, хотя присутствие женщины ему основательно мешало.

Тогда Выразитель «спустился» на уровень контроля земной реальности и волевым усилием подкорректировал развивающийся сценарий. В результате женщина погибла, а группа «вируса-зонда» вышла в реальность следующего уровня.

Сомнения все ещё одолевали Выразителя, но он всё больше увлекался происходящим и решил ускорить выход «зонда» в высшие слои Гиперсети. Для этого он спустился к операторам иезода-4 и высказал им якобы своё недовольство сбоем Программы. Расчёт был прост: если «зонд» сможет освободиться от зависимости, сохранить работоспособность и поставит перед собой цель добиться справедливости, он преодолеет все препятствия и выйдет на нужную по замыслу Выразителя иерархию. Если же операторам удастся его ограничить, значит, замысел нереализуем.

— Что ж, посмотрим, — сказал сам себе Выразитель Несогласия, устраиваясь в своем Замке поудобней.

Пришло время чувства всемогущества. «Всевидящее Око» поднялся над своим Творением, как дух над телом человека, и окинул его внимательным взглядом, ощущая сладкую дрожь желания повелевать…

Глава 18. Ангел спасения

Он был готов ко всему, кроме неподвижности.

Наказание после конфликта с Лавриком наступило незамедлительно. Кирилла перенесли в его обиталище и поставили у окна, заключив в прозрачную монолитную колонну, которая не мешала ему дышать, но не давала возможности сделать хотя бы одно движение.

Сначала он пытался сдвинуться с места, пошевелить пальцами или сменить позу, а когда все его попытки ни к чему не привели, смирился и ушёл в медитацию, изменившую внутреннее течение времени.

Сколько он так простоял, грезя с открытыми глазами, оценить было трудно. Судя по движению светила в небе Ицаха, прошло не менее десяти часов по местному времени. Затем вдруг сквозь тусклое струение обречённости в сознание пробилась мысль: а что, если попробовать спасти Лилию?..

Кирилл вздрогнул.

Эта мысль не была неожиданной, он всё время проигрывал мысленный сценарий того, как можно было уберечь Лилю от гибели во время боя с вертолётом СНОС. Однако теперь этот сценарий опирался на возможности иезода контроля, и если бы Кириллу, как Лаврику, дали канал влияния на программу реальности Земли, он смог бы что-либо сделать!..

«Кто-нибудь живой, отзовись!» — мысленно позвал Кирилл.

«Слушаю вас», — отозвался автомат обслуживания комнаты.

«Позови хозяина».

«Исполняю».

Снова потянулись секунды, складываясь в минуты и часы.

Диаблинга появился в спальне с заходом светила за горизонт. Посмотрел на пленника внутри столба ограничения.

— Поздравляю, землянин, вы сильная натура. Немногие мои соотечественники способны выдержать несвободу в таком положении. Чего вы хотите?

«Я передумал. Можно и мне поиграть в бога, как это делал мой… э-э… друг?»

Глаза Диаблинги ощупали лицо Тихомирова, налились золотым сиянием. Кирилл почувствовал давление на мозг, невидимые щупальца побежали по извилинам, перебирая их как струны, раздвигая и ощупывая каждое нервное волоконце. Кирилл напрягся, выдергивая щупальца, получил болезненный электрический удар и с трудом удержался на грани беспамятства.

Диаблинга озадаченно обошел его кругом.

— Вы более опасны, чем я думал, полковник. Похоже, вы человек Воли с неким серьезным потенциалом. Не думал, что тени могут выходить на такой уровень пси-манипуляций. Боюсь, я не смогу снять ограничение.

«Я мало кого просил в жизни, не люблю унижаться, но все же прошу дать мне возможность кое-что изменить. Я не сбегу».

— Зачем это вам? Вы же не игрок, как Лаврентий.

«Вы сможете меня проконтролировать».

Диаблинга снова в задумчивости обошёл Кирилла, и тот вдруг почувствовал, что свободен. Он едва не упал от нахлынувшей слабости, присел на корточки, чувствуя приступ головокружения.

Из пола выросло кресло.

— Садитесь, — сказал оператор. — Я подключу вас к системе управления. Но если вы попытаетесь…

— Я человек слова!

Диаблинга вонзил пылающий взгляд в глаза Кирилла, прочитать его мысли не смог и отступил.

— Хотелось бы знать, что вы задумали.

Кирилл сел в кресло, разминая кисти рук. Напротив возник плоский лист экрана компьютера, под рукой повисла в воздухе клавиатура.

— Нажмите ввод.

Кирилл тронул клавишу ввода.

Диаблинга исчез.

Вокруг Кирилла образовался слабый ореол свечения, и он почувствовал себя впаянным, как муравей в янтарь, в сферу некоей силы, способной творить чудеса.

Экран компьютера превратился в стремительно углубляющийся тоннель, как бы вывернулся наизнанку и обнял человека вместе с креслом. На миг всё исчезло, а затем Кирилл стал огромным, как Вселенная, и увидел под собой знакомые «крылья бабочки»: одно крыло, зелёно-голубое, представляло собой поверхность Земли, другое, коричнево-ало-золотое, было развёрткой внутреннего строения планеты.

Кирилл осмотрелся, ощущая себя господином человеческой Вселенной, хотел было дать команду открыть переход между программой Земли и буферной зоной, но вспомнил о нападении СНОС на лабораторию внешней разведки и решил сначала подкорректировать это событие.

«Остановка программы!» — произнёс он мысленно.

Движение на зелёно-голубом «крыле бабочки» остановилось. Застыли в воздухе самолёты, перестали струиться потоки машин по улицам городов, замерли люди и вообще живые существа.

Время замерло! Однако тут же двинулось вперёд в соответствии с законами инерции. Остановить его — и всю программу — оператору этого уровня было не под силу.

«Редукция времени не предусмотрена, — раздался в ушах Кирилла тихий шёпот. — Возможна только локальная трансфузия с минимальными разрывами реальности».

«Мне необходимо кое-что изменить…»

«Что именно?»

«Три дня назад по времени Земли произошло одно событие… Я хотел бы его подправить».

«Точнее».

«Конкретная ситуация — ввод программы СНОС. Точка ввода: Россия, Москва, южный район Чертаново, Сумской проезд, дом номер четырнадцать, строение один, территория в радиусе ста метров от него. Необходим спуск в прошлое на глубину трёх суток».

«Параметры изменения?»

«Я решу сам, что нужно сделать».

«Заказ принят, начинаю расчёт».

Перед глазами возникла панорама Москвы, в ней выделился участок Чертанова с лабораторией в центре, приблизился и замер.

«Оптимизация параметров. Время воздействия — не более десяти минут. Точная подгонка — к моменту включения программы СНОС».

Поле обзора сузилось до размеров квартала. Стали видны пешеходы на тротуарах и стоящие у здания лаборатории автомашины. Два тёмно-синих микроавтобуса «Шевроле» команды СНОС выделялись среди них, как акулы среди более мелких рыб.

«Как долго стоят здесь эти машины?»

«Около десяти минут».

Кирилл представил, что время в этом районе пошло вспять, и не удивился, увидев странную картину: машины начали двигаться задом, а пешеходы — пятиться. В программе, управляющей движением материи в данном районе, образовался временной провал.

Кирилл увеличил скорость ретросдвига. Все движущиеся объекты стали размазываться в стремительные полосы. Появились спешащие спиной назад боевики СНОС, втянулись в кабины микроавтобусов. Ещё мгновение, и микроавтобусы лихо отвалили задом от тротуара, исчезли в белом тумане приграничных эффектов за пределами зоны коррекции.

Стоп!

Движение на улице прекратилось.

Кирилл сосредоточил внимание на молодом человеке, только что вышедшем из особняка лаборатории. Он оказался сотрудником службы безопасности старшим лейтенантом Василием Шлыковым, направившимся в ближайший магазин за пивом. Через несколько мгновений он уже подчинялся «наезднику», которым стал Кирилл, внедрившийся в его сознание.

Шлыков-Кирилл вошёл обратно в здание и рявкнул, доставая пистолет:

— Тревога первой степени! Вторая смена — подъём! Холл перекрыть! Компьютерный зал заблокировать!

— В чём дело, Вася? — удивился один из охранников. — Какая муха тебя укусила?

— Они сейчас будут здесь!

— Кто?!

— Террористы в белых полушубках. Огонь открывать без предупреждения, иначе нам всем хана! Вооружены они серьезно.

Сознание Кирилла раздвоилось. Он видел все, что делается на улице, и одновременно участвовал в организации отпора команде СНОС внутри здания лаборатории.

Подъехали микроавтобусы «Шевроле». Из них спокойно, не торопясь, вышли парни в белых полушубках и направились к особняку. Один из них дернул за ручку двери, но та не поддалась. Тогда он сделал жест рукой, останавливая остальных, достал гранатомет «комар» и выстрелил.

Дверь была металлическая, с пуленепробиваемыми стеклами, но взрыва гранаты не выдержала. Боевик рванул её на себя и первым ворвался в холл, где и получил в грудь несколько пуль. За ним ворвались ещё двое, поливая пространство впереди себя из пистолетов-пулемётов. Однако охрана здания, укрываясь за стойками и колоннами холла, ответила дружным залпом из пистолетов, и первая атакующая группа СНОС прекратила существование.

Около минуты боевики приходили в себя и перегруппировывались, затем снова пошли в атаку, запрограммированные добиваться цели любыми средствами. Трое — через центральный вход, ещё четверо — через окна первого этажа, предварительно расстреляв решётки из гранатомётов. Однако первая дежурная смена уже получила подкрепление, а также более мощное оружие — помповые ружья и автоматы, поэтому и вторая атака СНОС захлебнулась. А затем им в тыл ударила подоспевшая к этому моменту пара Тихомиров — Утолин. И программа СНОС оказалась полностью свёрнутой.

Кириллу было интересно наблюдать за самим собой, но

время торопило, и он поспешил доделать начатое. Нашел в компьютерном зале Лаврика, вывел его за пределы лаборатории и передал в руки опешившим от этого неожиданного подарка напарникам. Кирилл-первый ничего не понял, а вот Утолин посмотрел на старлея Шлыкова внимательно и с сомнением в глазах, догадываясь, очевидно, о сути происшедшего. Но уточнять ничего не стал, только махнул рукой, прощаясь.

Подоспевшая на помощь охране здания пара, Лилия и спасенный Лаврик уехали.

Удовлетворённый тем, что ему удалось чисто, без жертв, спасти сотрудников лаборатории, Кирилл-оператор поднялся над зоной коррекции и вышел из реальности Земли в мир Диаблинги.

«Весьма благородный поступок, — прошелестел в ушах чей-то безликий голос. — Ваш друг начал с другого».

«Он мне не друг, — мрачно отозвался Кирилл. — Вы исправили то, что он… наиграл?»

«Он играл с одним из инвариантов реальности вашего мира, не имеющим целевых установок. Игра закончена, инвариант нейтрализован. Гиперсеть не пострадала».

«Но ведь для жителей инварианта все было реально! И воевали они и гибли по-настоящему!»

«Мы иначе смотрим на эти вещи. Ведь и ваши компьютерные игроки мочат всех подряд, не думая об их судьбе».

Кирилл хотел было возразить, крикнуть: вы сами убийцы! — но сдержал гнев и ярость. Доказывать аморальность действий и этических установок компьютеру иезода было бессмысленно. Не стоило соваться в чужой монастырь со своим уставом, хотя Кирилл и был уверен, что прав.

«У меня ещё есть время… поиграть?»

«О, конечно, никаких проблем. Я не получал на сей счет никаких указаний».

Кирилл почувствовал, как в груди сильнее забилось сердце.

«Обеспечьте мне выход на стык программ. Эпизод с появлением вертолёта СНОС над разрывом реальности, то есть над ущельем с мостиком».

Перед глазами заклубилась серебристая мгла, расступилась в стороны, образуя тёмный углубляющийся провал, и Кирилл оказался над бесконечным полем бликующего стекла. Поле освещалось пульсирующими ручьями белого пламени, текущими по размытой бурой пелене неба. Ничего похожего на горы и ущелье нигде видно не было.

Кирилл собрался позвать проводника, не в силах разобраться, где он оказался, и в это время заметил далеко на горизонте летящую над стеклом букашку. Напряг зрение.

Букашка увеличилась в размерах и превратилась в четырёхмоторный самолёт с медленно вращающимися лопастями винтов.

— Глюк! — вслух проговорил Кирилл.

«Блуждающая надкоординатная помеха, — отозвался гид. — Джокер-фантом. Нейтрализации не поддается».

Самолет взмыл вверх и тут же круто спикировал, пронизывая стеклянное поле и оставляя на его поверхности интерференционный след.

«Вперёд!» — скомандовал Кирилл сам себе, устремляясь вслед за фантомом самолёта.

Он инстинктивно сжался, ожидая удара о стеклянное поле, однако в этом виртуальном пространстве у него не было тела, управляли миром иные законы, и сознание Кирилла свободно пронизало толстый слой стекла, означающего границу между разными слоями-уровнями Гиперсети.

Свет в глазах на мгновение померк, а затем Кирилл оказался парящим над панорамой гор и понял, что попал туда, куда надо. Странным образом самолёт (джокер-фантом, как выразился гид) точно указал место в буферной зоне, где три дня назад погибла Лилия.

Горная страна казалась бесконечной, как Вселенная, но, если приглядеться, можно было понять, что это иллюзия. Один и тот же горный район отражался в невидимых зеркальных пластах множество раз, создавая ландшафт бесконечного нагромождения гор, скал и стен.

Кирилл посмотрел вверх, где должен был располагаться толстый слой стекла, но увидел только глубокое синее небо с неярким оком светила и тающее спиральное помутнение в том месте, где он «пронзил» границу миров-программ. Фантом самолёта, указавший путь, исчез, будто его и не было.

Горная страна «под ногами» Кирилла (здесь летал его дух, а не физическое тело, но привычка ориентироваться по положению тела осталась) поплыла назад, открывая всё новые и новые хребты и каменные складки. Появилось ущелье, разрезавшее горный хаос на две части. Это было то самое бездонное ущелье, в которое упала Лилия, и представляло оно на самом деле разрыв реальности, образовавшийся в результате пересечения программ-слоев Гиперсети разной сложности.

Снова учащённо забилось сердце.

Кирилл повернул к ущелью, полетел вдоль него, вглядываясь в скалы и площадки по краям. Вскоре появился верёвочный мостик, соединивший края ущелья. Выглядел он жалким и ненадежным, и было непонятно, как люди отважились

перебираться по нему на другую сторону пропасти.

«Какое значение имеет этот мост? — спросил Кирилл. — Кем и для чего он построен?»

«Мост — это попытка операторов „сшить“ разрыв программы, — ответил компьютер иезода. — Таких мостов было много, остался один. Данная программа в стадии свёртки».

«Тогда поторопимся».

Кирилл почти без усилий остановил поток времени в районе ущелья и повернул его вспять.

Дальние горы скрылись за взвихрившейся снежной пеленой. Небо потемнело. Реальность буферной зоны заколебалась, как отражение в воде, покрылась рябью локальных напряжений, приводящих кое-где к опасному расползанию материальной ткани пространства. Но Кирилл не думал о последствиях своего вмешательства в жизнь этого мирка. У него было только одно желание — спасти жену!

Трое суток пролетели как несколько мгновений.

На площадке у края ущелья появились беглецы с Земли: Лаврик, Утолин, Лилия и сам Кирилл. Они огляделись и двинулись к мостику. Первым взялся перейти на другую сторону Утолин.

Некоторое время Кирилл-оператор прикидывал, как изменить ситуацию, чтобы Лилия не погибла. Надо было сделать так, чтобы коррекция прошла оптимально, почти без последствий, не меняя дальнейшего развития событий. План действий созрел, когда Утолин и Лаврик перебрались на другую сторону ущелья.

По мостику двинулась Лилия.

Кирилл-оператор сосредоточился.

Появился вертолёт СНОС, открыл ракетный огонь. Две ракеты ударили по скале, за которой укрылись Утолин и Лаврик. Две понеслись к мостику, миновали цеплявшуюся за ванты женщину и взорвались. В то же мгновение Кирилл поставил между точкой взрыва и мостиком силовое зеркало, и осколки до Лилии не долетели. Зато долетела ударная волна, сбрасывая её в пропасть.

«Поймать!» — крикнул Кирилл внутрь себя, в то время как первый Тихомиров с криком стрелял из винтовки по вертолёту.

«Петлевое пересечение приведёт к изменению всей зоны стыка программ».

«Плевать! Я все равно спасу её!»

Кирилл устремился вслед за падающей в бездну Лилией, вырастил невидимую руку и подхватил женщину, потерявшую сознание от удара и шока. Затем сделал усилие и прижал её к себе, преодолевая чьё-то яростное сопротивление.

В глазах потемнело. Небо над головой с грохотом

раскололось, в звёздообразный чёрный пролом высунулась страшная звериная морда со светящимися алыми глазами. Последним усилием воли Кирилл «прыгнул» со своей драгоценной ношей прочь, проломил барьер, отделяющий буферную зону от ближайшего слоя Гиперсети, и только потом потерял сознание.

Очнулся он в кресле, ощутив чье-то присутствие. Открыл глаза, приходя в себя, вспомнил о своём эксперименте, завертел головой и наткнулся на взгляд Диаблинги.

— Я ожидал чего-то подобного, — сказал оператор бесстрастно. — Уж очень вы целеустремленно начали играть, полковник Тихомиров. Как говорится, власть теряет всё своё очарование, если ею не злоупотреблять. А вы не просто злоупотребили, но уничтожили программу!

— Где Лилия?

Диаблинга перевёл взгляд за спину Кирилла, и тот оглянулся.

Лилия сидела в таком же кресле, что и он, потрясённая и испуганная, и смотрела на него затуманенными глазами.

— Что случилось, Кир? — прошептала она.

Кирилл сглотнул горький ком в горле, прохрипел:

— Все в порядке, дорогая. — И посмотрел на Диаблингу. — Я не сделал ничего дурного.

Оператор иезода наморщил лоб.

— Что же мне с вами делать?

— Отпустите, — предложил Кирилл и откашлялся, пытаясь избавиться от хрипоты.

— Рад бы, да не могу.

Диаблинга без следа растворился в стене комнаты.

Кирилл с трудом встал, подошёл к креслу Лилии и опустился у её ног. Улыбнулся, глядя на нее снизу вверх.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально… голова болит… — Она вздрогнула. — Я же сорвалась в пропасть!.. И вдруг очутилась здесь… Кто меня спас?

— Хорошо то, что хорошо кончается, — ответил Кирилл уклончиво.

— А где Игорь с Лавриком?

— Лаврентий недалеко от нас, в другой камере, а капитан куда-то пропал. Хотя я уверен, что он ещё объявится.

Лилия оглядела комнату, кинула взгляд на окно. Глаза её расширились.

— Ты сказал — в камере?! Что это значит? Где мы, Кир?!

— На небесах.

— Я серьёзно.

— И я тоже. Это мир иной реальности, той самой, из которой наш друг Ювинга-Утолин.

— Значит, мы все-таки пробились сюда?! Но почему ты считаешь эту комнату камерой? И кто это был — лысый и накачанный, как Геракл? — Лилия передёрнула плечами. — Он разглядывал меня как… дьявол!

— Может, он дьявол и есть. Или бог. Смотря с какой стороны посмотреть.

— Ты шутишь? Бог не может так выглядеть, а тем более — так бесстыдно глядеть!

— Что поделаешь, он тут хозяин. Как говорил один умный человек: бог — не ангел. — Кирилл протянул Лилии руки. — Я не знаю, сколько у нас времени, но все же мы пока одни. Иди сюда.

Он обнял её, поцеловал, заглянул в глаза.

— Надо жить, пока есть хоть малейшая возможность. Чёрт с ними, с богами!

Лилия слабо улыбнулась и потянулась к нему…

Глава 19. Джокер-фантом

Прошла ночь, наступил день.

Автоматика иезода исправно обслуживала гостей, выполняя все их требования. Они пили хорошее вино, выбирали закуску и еду, соки и фрукты и вели себя так, будто находились на отдыхе где-нибудь на Кипре или на Филиппинах, в пятизвёздочной гостинице.

И Кирилл, и Лилия понимали, что их отдых может закончиться в любой момент, поэтому пользовались «гостеприимством» оператора Диаблинги на полную катушку и не заглядывали в будущее, не рефлексировали по поводу своей зависимости от расчётов «высших» существ.

Кирилл так и не решился рассказать Лилии о том, что произошло на самом деле, поэтому она не узнала, что умерла и воскресла лишь благодаря ему. Впрочем, Кирилла это не волновало. Гораздо важнее было то, что она осталась жива.

Лилия ловила каждое его слово, каждый взгляд, реагировала на каждое движение, и он был счастлив как ребенок, оставив за порогом души все сомнения и тревоги. Они были вместе, и это обстоятельство решало в данный момент всё.

Лилия не поняла, как они попали в гости к оператору иезода, поэтому Кириллу пришлось сочинить правдоподобную историю и быстро перевести разговор на другую тему. Лгать он не любил даже с благими намерениями, во имя спасения.

Они говорили обо всём, что приходило в голову, вспоминали друзей и знакомых, обсуждали своё положение, а потом некоторое время вообще молчали, жадно принимая ласки друг друга и не думая о том, что за ними неусыпно наблюдает компьютер «гостиницы». И снова говорили, счастливые близостью тел и близостью душ.

Однако долго их счастье продолжаться не могло. В тот момент, когда Кирилл пресытился ожиданием беды и собрался вызвать для прямого разговора Диаблингу, за окном спальни появился таинственный четырёхмоторный самолет, названный компьютером иезода джокер-фантомом.

— Что это? — удивилась Лилия, разглядывая парящую в воздухе серого цвета машину с лениво вращающимися винтами.

Кирилл пристально вгляделся в кабину пилотов, за стеклом которой никого не было видно. Показалось, что кто-то зовёт его тоненьким детским голоском.

Лилия посмотрела на мужа, и он прижал палец к губам, призывая её молчать.

Внезапно в борту самолёта беззвучно открылся люк. Проем люка покрылся сеточкой электрических разрядов, и сквозь них проглянуло чье-то лицо. Лицо капитана Утолина!

Лилия открыла рот, но Кирилл быстро прижал к её губам ладонь, покачал головой.

Утолин махнул им рукой, потом жестом показал, что надо открыть окно.

Кирилл кивнул, вызвал обслуживающий комнату автомат и равнодушным тоном попросил отворить окно.

— Не велено, — ответил компьютер не менее равнодушно.

— Мы никуда не убежим, — пожал плечами Кирилл. — Комната находится на самом верху башни иезода, а мы не альпинисты и не самоубийцы. — Он подумал и добавил: — Пожалуюсь хозяину, он тебя живо научит вежливости.

Компьютер промолчал, но через несколько секунд казавшееся стеклянным окно превратилось в дымку и растаяло. В комнату ворвался жаркий, полный незнакомых запахов воздух Ицаха.

Утолин скрылся внутри самолёта, появился вновь с алюминиевой на вид лесенкой в руках. Самолёт бесшумно развернулся, подплыл ближе, боком к окну, управляемый невидимым пилотом. Капитан протянул лесенку. Кирилл принял её, положил краем на подоконник. Утолин ловко перебежал по ней и спрыгнул в комнату, одетый в сеточку электрического сияния. Кирилл и Лилия хотели подойти к нему, поздороваться и обнять, но он отрицательно покачал головой и прижал палец к губам.

«Молчите! — раздался внутри головы Кирилла (и Лилии) его ставший „детским“ голос. — Меня здесь нет, будем разговаривать мысленно. Где Лаврик?»

«В соседней спальне… точнее, где-то рядом. Расположение помещений иезода мне не показали».

«Иезод — многомерная структура. „Соседняя“ комната может располагаться в километре отсюда или вообще в другой планетарной системе. Придётся каким-то образом вызвать Лавра сюда».

«Зачем?»

«Вас всех собираются нейтрализовать. Диаблинга возражает, так как вы для него являетесь благодатным материалом для исследований, но операторы высшего уровня получили приказ ликвидировать опасную „монаду действия“, которую вы образовали».

«Нас все-таки решили убить? — обречённо усмехнулась Лилия. — За что? Разве мы кому-либо угрожаем?»

Утолин задумчиво и оценивающе посмотрел на неё.

«Своим прорывом в реальность более высокого порядка вы создали опасный прецедент. Такое никому не позволительно».

«Что же делать?»

«Бежать. Если, конечно, вы не захотите принять здесь геройскую смерть».

«Но куда?! На Земле за нами гоняется СНОС…»

«Надо выбираться на ещё более высокий уровень, дойти до хозяина Гиперсети. Только так вы получите шанс уцелеть».

«А ты? — поинтересовался Кирилл, раздумывая, что смущает его в сложившейся ситуации. — Ты разве не с нами?»

«Я попытаюсь вернуть свою физическую оболочку. Если не удастся, пойду с вами, терять мне будет нечего. Хотя в принципе я своей цели достиг — вернулся домой».

«Тогда почему ты продолжаешь помогать нам?»

Утолин осклабился, бросил странный взгляд на Лилию.

«А может, я хочу, чтобы меня оценили?.. Да и нравитесь вы мне, если честно. Ну что, принимаете мой план или будете ждать милости оператора Диаблинги? Время уходит».

«Каким образом мы убежим отсюда?»

«Транспортное средство подано, — махнул рукой Утолин на самолёт. — Оно не слишком надёжно, однако способно вынести нас за пределы Ицаха».

«Мне говорили, что это фантом… блуждающая помеха…»

«Совершенно справедливо, это джокер-помеха, образовавшаяся во время одной из не совсем удачных коррекций реальности Земли. Она неуничтожима и нематериальна как любая волна, но иногда „проявляется“ как корпускулярный объект, волевой импульс. Будучи оператором иезода, я научился им управлять. Годится такое объяснение?»

Кирилл посмотрел на Лилию и встретил её ответный взгляд. Она не сомневалась, что Утолин-Ювинга действительно хочет им помочь.

«Хорошо, мы согласны, — сказал Кирилл, пряча поглубже червячок сомнений. — Что нужно делать?»

«Вызови Лаврентия сюда».

«Он играет на местном компьютере и вполне счастлив. Вряд ли он согласится прийти, а тем более бежать».

«Тогда попроси мнемослугу посетить обитель Лаврика. Я прослежу за вами и появлюсь там, как только вы останетесь втроём».

Кирилл вызвал компьютер иезода:

— Нам бы хотелось встретиться со своим приятелем. Он будет очень рад увидеть эту женщину.

— Не велено.

— Ты уже разрешил нам подышать вашим воздухом, так будь последователен. Мы просто пообщаемся.

Утолин, вокруг которого все так же переливалась сеточка электрических змеек, отступил к окну. То ли из-за этого сияния, то ли по другой причине Кириллу иногда казалось, что капитан как бы проваливается сам в себя, на мгновение превращается в чёрную яму. Возможно, это работал некий экран, отгораживавший его от пространства иезода и не позволявший аппаратуре фиксировать «нарушителя границы».

— Хорошо, можете пообщаться со своим приятелем.

Мягкая сила подхватила Лилию и Кирилла и понесла сквозь сплетение конструкций иезода в его неведомые глубины. Длился этот необычный полёт-просачивание несколько секунд. С отчётливым хлопком «пассажиры» невидимого лифта пронзили плотное с виду белое полотнище и оказались у двери в комнату, где жил Лаврентий.

Дверь втянулась в косяк. Кирилл оглянулся, никого в тамбуре выхода не увидел и шагнул в спальню-кабинет Киндинова.

Компьютерщик, как и ожидалось, сидел в коконе-кресле, будто врос в него всем телом, и грезил с открытыми глазами, изредка вздрагивая и шевеля пальцами. Он действительно жил в другом мире, созданном для него компьютером иезода, и вполне довольствовался ролью господина виртуальной Вселенной.

Кирилл и Лилия переглянулись.

— Он… сидит так… все время?

— Скорее всего, — кивнул Кирилл. — Лаврик прекрасный специалист, но между ушами у него ничего нет, кроме двух килограммов фанатизма. Он погружается в компьютерное пространство так глубоко, что сам становится его частью. Если у него отнять эту возможность, мне кажется, он умрет.

— Бедный Лаврик! — пожалела Киндинова Лилия. — Любой фанат, зациклившийся на какой-либо проблеме, в конце концов становится её рабом, а потом идиотом.

Кирилл дотронулся до плеча Лаврентия, но тот никак не отреагировал на прикосновение, продолжая жить в ином мире.

— Эй, сова, открывай, медведь пришёл, — хмыкнул Кирилл, вспомнив добрый старый мультфильм про Винни-Пуха.

— Он сейчас далеко отсюда, — улыбнулась Лилия.

— Это уж точно. Как гласит закон Мэрфи: если объект неподвижен, значит, он находится не в том месте.

Лилия подошла к Лаврику, взяла его за руку.

— Лаврентий Павлович, к вам гости.

Кожистые с виду лепестки кресла расслабились, отогнулись, погасли.

Лаврик замер, выдернул руку, оглянулся. Глаза его «вернулись из дальних далей». Он наконец вышел из транса и узнал спутников.

— Лиля?! Но ведь ты же…

Кирилл сжал плечо компьютерщика, останавливая его.

— Мне удалось подкорректировать тот эпизод в ущелье. У нас проблема, хакер: появилась информация… м-м, скажем, негативного характера. Тебе не кажется, что мы надоели хозяевам?

Лаврик с недоумением перевёл взгляд с лица Кирилла на Лилию и обратно.

— Что вы хотите сказать?

— Я думаю, мы задержались в гостях, — тем же спокойным тоном сказал Кирилл, подмигивая Киндинову. — Пора и честь знать.

— Нельзя злоупотреблять гостеприимством уважаемых хозяев, — многозначительно добавила Лилия. — Они могут потерять терпение. Пора домой.

— Но я не хочу никуда уходить! — простодушно заявил Лаврик. — Да и с чего вы взяли, что мы им надоели?

Кирилл и Лилия снова переглянулись. Прямо объяснять Лаврентию суть проблемы было нельзя, а намеков он не понимал.

— Неужели ты хочешь остаться тут до конца своих дней? — недоверчиво спросила Лилия.

— Почему бы и нет? Я бы не возражал. Здесь столько возможностей… — Лаврик запнулся, исподлобья посмотрел на Кирилла, и в глазах его сверкнула искра неприветливости. — Только дурак может отказаться от участия в конструировании слоёв Гиперсети.

Лилия непонимающе оглянулась на Кирилла.

— Это он кинул камешек в мой огород, — усмехнулся тот. — Мы с ним недавно… э-э… поспорили.

— По какому поводу?

— По поводу вмешательства в земную реальность. Хорошо, что ему подсунули виртуальный инвариант, иначе он наломал бы таких дров!..

— Это мое право! — огрызнулся Лаврик. — Что хочу, то и делаю! И никому не мешаю. Тебе тоже предлагали, да извилин не хватило… — Лаврик отшатнулся, заметив движение Кирилла.

Лилия удержала мужа.

— Ты что, Кир?! Я тебя не узнаю.

— Он реагирует только на пощечины, — усмехнулся Кирилл. — Как говорят: битиё определяет сознание. Итак, любезнейший господин Киндинов, вы решительно настаиваете на

том, чтобы мы оставили вас в покое. Я правильно понял?

Лаврик затравленно огляделся, сказал с вызовом:

— Да, настаиваю! И вообще вы вошли ко мне без разрешения, я сейчас позову охранника или служителя правопорядка.

— А я уже здесь, — раздался знакомый скрипучий голос, и в комнату вошёл подполковник Петров собственной персоной, сопровождаемый двумя рослыми парнями в камуфляжной форме.

— ПСП! — прошептала Лилия.

— Что вы сказали? — благожелательно посмотрел на неё Петров; на этот раз он был одет в полевую форму офицера Российской армии. — Кстати, как вы здесь оказались, мадам? По моим данным, вы умерли.

— У вас устаревшие данные, — сухо сказал Кирилл. — По моим данным, вы тоже умерли… три раза. Что вам угодно, господин подполковник?

— Мне угодно допросить вас и сопроводить к месту ограничения свободы.

— А разве эта камера, — Кирилл сделал широкий жест, — не является местом ограничения свободы? Нас и так никуда не выпускают.

— Ну что вы, полковник, — скривил губы Петров. — Это же почти курорт. У нас имеются настоящие камеры, не чета этим.

— На Земле или здесь? Вы случайно не заблудились, уважаемый? Мы ведь находимся в гостях у оператора иезода Диаблинги.

— Не знаю никакой Диаблинги, — нахмурился Петров. — У меня есть приказ, и я его выполняю. Итак, вы согласны добровольно ответить на наши вопросы?

За спинами солдат Петрова возник Утолин в переливчатой сеточке молний. Лилия невольно округлила глаза, увидев капитана. Подчинённые Петрова оглянулись, отреагировав на её взгляд, и Кирилл бросился в атаку, понимая, что более удобного момента не будет.

Парни в камуфляже открыли огонь из автоматов. Пули без звука входили в тело Утолина, пропадая без следа, а он смотрел на стрелков и улыбался, будто был не живым человеком, а призраком.

Кирилл достал крайнего справа, туго толкнув его в мясистый затылок. Затем ухватил за ствол автомата повернувшегося к нему второго боевика, ввинтился спиралью к нему в объятия и вонзил локоть в живот солдата, направляя автомат на Петрова.

Парень охнул, инстинктивно нажал на гашетку, и подполковник Петров, успевший только-только достать пистолет, получил очередь в грудь и умер. Уже в четвёртый раз!

Продолжая движение, Кирилл ударил кулаком назад, в лицо спецназовца, повернулся к нему боком и ребром ладони завершил движение. Добил вставшего на четвереньки первого боевика ПСП.

«Отлично, полковник, — послышался мысленный „детский“ голосок Утолина. — Кондиций не теряешь. Забирай Лавра — и за мной!»

Кирилл оглянулся на Лаврика, сидевшего в кресле с открытым ртом.

— Надеюсь, ты все понял. Или будешь дожидаться более профессиональной команды?

— Н-но я же… Гадство! Здесь так интересно!

«Быстрее! Сейчас проснётся охрана иезода!»

— Вылезай и пошли.

— Куда?

— У нас есть проводник.

Только теперь до Лаврентия дошло, что в комнате находится Утолин. Брови его прыгнули вверх.

— Капитан?!

Кирилл выдернул его из кресла, подтолкнул к выходу. Все четверо выбрались в тамбур перед спальней, и перед ними развернулся круглый коридор с пульсирующими светящимися стенами.

«Не отставайте!»

Утолин скользнул в коридор, остановился. Остальные догнали его, стали рядом. Тотчас же сзади возникла светящаяся пелена, скрыв тамбур, а коридор помчался вперёд, как эскалатор метро. Во всяком случае, иллюзия движения была полная.

Через несколько секунд впереди показалась ещё одна светящаяся стена, пассажиры необычного объёмного «метро» пронизали её и оказались в самой настоящей пещере с каменными стенами и потолком, усыпанными сверкающими драгоценными камнями. Посреди пещеры располагался знакомый четырёхмоторный самолёт, нос, крылья и хвост которого тонули в стенах. Люк в его фюзеляже был открыт.

«Залезайте!»

Утолин скрылся в самолёте. Лилия смело последовала за ним. Лаврик замешкался. Лицо его побледнело, губы упрямо сжались, глаза отразили внутреннюю борьбу.

— Я с вами не пойду…

Из стены за его спиной вынырнули одна за другой четыре фригуры в чёрных куртках, вскинули пистолеты-пулемёты.

Кирилл одним движением втолкнул Лаврика в салон самолёта и прыгнул сам. Раздались выстрелы. Пули с чавканьем вонзились в фюзеляж, влетели в люк, заскакали по салону, как

огромные жужжащие шмели.

Люк сам собой встал на место, отрезая путь команде СНОС. Самолёт косо пошёл вверх, пронизывая потолок пещеры. В салоне стало темно. Затем джокер-фантом, способный, как оказалось, выполнять вполне реальные действия, вылетел за пределы иезода, и салон заполнился ярким светом.

Люди на полу длинного и совершенно пустого — ни сидений, ни лавок вдоль бортов, ни каких-либо выступов или тюков с грузом — салона зашевелились. Лаврик сел, почесал грудь, выругался. Кирилл помог подняться Лилии, направился к кабине пилотов, где скрылся Утолин. За ним потянулись остальные.

Пилоты в кабине отсутствовали. Утолин сидел в одном из кресел и забавлялся тем, что дергал и крутил штурвал, хотя это никак не сказывалось на бесшумном и ровном полёте. Самолёт взмыл над городом, продолжая подниматься в атмосферу Ицаха, и под ним расстилалась грандиозная панорама чужого мира, мира геометрической гармонии и реализованного математического совершенства.

Каждое его здание представляло собой геометрический шедевр, соединяясь с другими красивейшими арками, мостами и виадуками, и все вместе они создавали сложнейший объёмный узор, приковывающий взгляд и вызывающий восхищение мастерством создателей. Назад медленно уплывал сияющий, ажурный, невесомый, буквально взлетающий как ракета пик — иезод, центр контроля «низших» реальностей Гиперсети.

— Все живы? — обернулся Утолин.

— Хотелось бы кое-что уточнить, — сказал Кирилл, у которого в душе снова зашевелились сомнения.

— Валяй, — осклабился капитан, поворачиваясь к ним вместе с креслом. — Я тебя вполне понимаю.

— Зато я кое-чего не понимаю. Если это джокер-фантом или некая помеха в программе Гиперсети, то почему она материальна? А главное, почему она тебя слушается?

— Отвечаю по порядку. — Утолин кинул взгляд на мрачного Лаврика, появившегося в кабине последним. — Вы забываете о разнице в уровне реализации программ. Как сбои программ в наших земных компьютерах, так называемые баги или глюки, являются для операторов всего лишь виртуальными помехами, от которых трудно отстроиться, так и джокеры-фантомы тоже представляют собой виртуальные блуждающие помехи, но только для операторов более высокого уровня. Для вас же и для меня они вполне материальны, хотя законы их взаимодействия с нашим континуумом выяснены не до конца. Главное, что джокер ведёт себя как макроквантовый объект. То он — частица или кластер

частиц, то он — волна. Когда он волна, зафиксировать его никакими приборами невозможно.

— Но он же виден невооружённым глазом.

— Уточняю: вашим глазом. Странным образом вы его видите, а вот мои коллеги нет.

— А ты?

— Я вижу, но только потому, что готов к этому.

— Значит, когда он частица, он материален.

— Истину глаголешь. А что касается моего управления джокером, то, как уже говорил, я был оператором иезода Ицаха и полжизни отдал изучению поведения фантомов, пока не нашёл способ фазового сдвига джокера из волны в частицу.

— Допустим. Однако твое умение не помешало бы охране иезода задержать нас, как только мы намекнули о бегстве. Нам помогли или всё подстроено?

Утолин рассмеялся, покачал головой.

— Узнаю разведчика. Ты прав, все не так просто, как кажется. Могу признаться в одном: нам помогли.

— Кто?

— Мой друг Диаблинга.

Кирилл покачал головой. Объяснение его устраивало, хотя в душе остался неприятный осадок. Интуиция подсказывала, что Утолин по обыкновению говорил не всё, что знал.

— Ещё вопрос: куда мы направляемся?

— Я высажу вас на одном из искусственных островков с другой стороны Метцаха… — Утолин пожевал губами. — Так тут называется трихроновая сфера. Ицах как бы плавает по поверхности этой сферы, внутри которой трёхмерное время распадается на «плоское» двумерное с излучением полей с положительным пространственным градиентом. Так образуются «ямы» пространства с радиально направленной к центру силой.

— Гравитация. Это нам известно. Что мы будем делать на этом острове? СНОС найдёт нас и там.

— Я опущу остров — по сути, это мой «замок» — в трихроновую «воду», СНОС потеряет нас из виду, эта программа не рассчитана на применение в мирах с объёмным временем. Зато Лаврик будет иметь возможность довести свою ПН до совершенства.

Лаврентий недоверчиво посмотрел на капитана.

— У меня отобрали все компакты…

— Я сохранил один экземпляр. — Утолин полез в карман куртки, достал коробочку с дискетой. Электрические змейки перестали виться по его комбинезону. — Держи.

— А комп?

— Есть и комп.

Утолин ткнул носком ботинка в сумку на полу кабины.

— Здесь и земная машина, и местный аналог, я забрал один у своего родственника. Сможешь разобраться — работай лучше на нём. Он мощнее и не требует источников питания. Ещё вопросы?

Кирилл посмотрел на оживившегося Лаврика, на Лилию. Жена улыбнулась.

— Это называется — без меня меня женили. По-моему, Игорь предлагает неплохой вариант. А ты разве не останешься с нами? — посмотрела она на Утолина.

— Пока нет, у меня есть проблемы. Но я вас навещу.

Гигантская плоская «планета» Ицаха отошла назад и вниз, покрылась сгущающейся белёсой дымкой. Стало видно, что она располагается на колоссальной прозрачно-голубой, вспыхивающей опаловыми искрами сфере. Примерно так выглядел бы земной остров посреди любого земного океана, будь сама Земля сплошным водяным шаром. Кое-где на размытой поверхности сферы виднелись какие-то сооружения и громады неопределённых очертаний. Очевидно, это были местные «космические станции» и «спутники».

— Почему здесь нигде не видно других самолётов? — поинтересовалась Лилия. — Ну, я имею в виду — современных. Вообще нет никаких летательных аппаратов?

— Мы в них не нуждаемся, — ответил Утолин, впервые признав себя аборигеном. — Транспорт в нашем мире отошел в прошлое. Вернее, стал другим — континуальным. Для перемещения в пространстве мы используем фрактально-топологические свойства пространства и спринг-технологии. Но вот наконец и моё обиталище.

На горизонте сферы Метцаха появился ещё один серебристый паучок, превратился в сверкающую многолучевую «морскую звезду».

Джокер-фантом клюнул носом и спикировал вниз, к «замку» Утолина-Ювинги.

Глава 20. Трёхмерное время

«Замок» Ювинги-Утолина особого впечатления на гостей не произвел. После пространственных чудес иезода они уже не удивлялись возникающим ниоткуда вещам, изменяющейся геометрии помещений, появляющимся в сплошных на вид стенах проходам и прочим волшебствам ицахской техники.

Владения бывшего оператора иезода по масштабу были близки к таким земным сооружениям, как танкер водоизмещением в миллион тонн, однако Кирилл так и не понял его внутреннего устройства и порядка, несмотря на то, что извне «замок» смотрелся как огромная шипастая многолучевая морская звезда. Во всяком случае, если бы не автоматика острова, в нём можно было бы заблудиться в два счёта.

Ювинга оставил их в центральном «бункере» сооружения, играющем роль гостиной, коротко объяснил, как пользоваться местной обслуживающей техникой, и исчез. Гости, оставшиеся наедине с собой, так и не поняли, опустил он свой «замок-звезду» под «воду» трихронового океана или нет. Никаких ощущений, которые могли сопровождать этот процесс, они не испытали. Лишь спустя час после ухода Утолина Лаврик догадался включить внешний обзор, и одна из стен гостиной превратилась в объёмный экран, показавший гостям бледную голубовато-лиловую бездну, в глубинах которой ворочались какие-то призрачные тени и вспыхивали осыпающиеся струи голубых и сиреневых искр. Утолин все-таки осуществил свою задумку и погрузил «замок» в верхний слой трихроновой сферы. Хотя что такое трёхмерное время, он не объяснил. В наглядном изображении трихроновый океан здорово напоминал подсвеченную снизу шапку тумана.

Побродив по сложным и разным в сечении коридорам «замка», заглянув в несколько помещений, занятых какими-то живущими своей жизнью конструкциями, гости вернулись в гостиную и с удобством устроились в креслах перед экраном, потягивая через соломинки выданные невидимыми слугами соки — березовый и кленовый.

Лаврик, однако, долго так не высидел, залез в сумку Утолина, достал оба компьютера и стал возиться с ицахским, похожим больше на конгломерат кристаллов и прозрачных шипов. Лилия и Кирилл сначала наблюдали за ним, потом это им надоело, и они заговорили о своих проблемах. Кирилл понимал, что ничем хорошим их беготня по слоям Гиперсети не кончится, и пытался хотя бы теоретически обосновать свои негативные

ощущения и ожидания. Лилия всё ещё верила Утолину, поэтому его действия не обсуждала, но мечтала о скором завершении похода. Счастливом завершении. Кирилл догадывался, что она имела в виду, и разочаровывать жену не хотел. Интуиция, обострившаяся в последнее время до пугающего «гласа божьего», предсказывала совсем не счастливый финал их эпопеи.

— До сих пор не могу поверить, что Земля — только программа среди других программ Гиперсети, — сказала Лилия с виноватой улыбкой. — Виртуальный мир наподобие тех, которые создают наши компьютеры. Не могу поверить, что я тоже не более чем подпрограмма, подчиняющаяся каким-то внешним законам. Ведь я живой человек!

— Я уже смирился с этим, — сказал Кирилл, понимая чувства жены. — Хотя всё ещё надеюсь, что свободен в своём выборе.

— Свободен, но в очень узких рамках. Слишком уж от многого мы зависим. Хотя ты-то как раз имеешь право считать себя человеком воли, а я нет. Я просто женщина, которая хочет жить, любить и иметь детей. Разве это много?

— Это много, — серьёзно ответил Кирилл. — Но это справедливо. Как утверждает реклама: ты этого достойна. Капитан говорил, что он курировал Россию и наблюдал за Фигурами Влияния, одной из которых был твой муж. Почему он решил спасти его, а потом и тебя? Ведь для него мы все всего лишь виртуальные существа, пусть и из плоти и крови.

Лилия покачала головой.

— На эту тему мы не разговаривали. Я спрашивала его, но он отшучивался и уводил разговор в сторону. Единственное, что я поняла из его уклончивых высказываний, что Земля является неким испытательным полигоном, где исследуются варианты взаимодействия волевых операторов.

— Это как?

— Ну, мне кажется, Игорь имел в виду взаимодействие добра и зла. Волевые операторы зла — это бандиты, террористы, убийцы, мафиози, а операторы добра…

— Я понял. Интересно, кто тогда я в этой иерархии?

— Ты оператор справедливости, — улыбнулась Лилия. — Хотя ещё совсем зелёный, способный ошибаться. Но я в тебя верю. Честно могу сказать, что эта вера пришла не сразу. Я ведь помню, каким ты можешь иногда быть несправедливым.

Кирилл порозовел, опуская глаза.

— Это в прошлом.

— Надеюсь, что да. Игорь признавался, что у тебя большой потенциал и что, если бы ты встретился ему раньше, он выбрал бы тебя, а не капитана Утолина.

— Спасибо ему за оценку. Наверное, я теперь должен его за это отблагодарить?

— Не иронизируй, он говорил искренне. Его никто не заставлял спускаться в наш слой реальности и спасать Георгия… и меня. Он сделал это добровольно, осознав пагубность некоторых законов их мира.

— Каких законов?

— Во-первых, Закона Потребности. Каждый человек Ицаха может выбирать свой путь сообразно потребности своего тела и разума, без всяких ограничений. Во-вторых, здесь постулируется запрет на создание обратной связи с «духами» — операторами более высоких уровней.

— Может быть, связь с Создателем важнее?

— Игорь намекал, что Создатель Гиперсети — и нашей земной реальности — не главный Творец, не Первый.

Кирилл озадаченно оттянул нижнюю губу.

— Что значит — не главный? Разве Создателей Вселенной несколько?

— Я сама плохо разобралась в этом вопросе, поняла только, что Творец нашей реальности сам был создан другим Творцом, самым Первым. А уж потом появилась Гиперсеть, другие разумные существа и мы, люди.

Кирилл скептически хмыкнул.

— Впервые слышу подобную ересь. Значит, если верить словам капитана, наш мир и вообще вся Гиперсеть сотворена… м-м… дьяволом?

Лилия улыбнулась.

— Дьявол — это наша земная ипостась, созданная воображением людей. Все намного сложней. Хотя в каком-то смысле Творца Гиперсети можно, наверное, назвать и дьяволом. Появится Игорь, задай ему свои вопросы, он всё объяснит.

В гостиной неожиданно прозвучал музыкальный аккорд и вслед за ним восклицание Лаврика:

— Собака бешеная!

Кирилл и Лилия оглянулись на него.

Перед Лаврентием возникла сложная, переливающаяся огнями, ажурная конструкция в форме пересекающихся интерференционных решёток и фасетчатых глаз.

— Что это? — удивилась женщина.

— Он раскрылся… — пробормотал зачарованный Лаврик.

— Кто?

— Комп…

— Ему удалось включить ицахский компьютер, — догадался Кирилл. — Всё-таки наш хакер действительно талантлив. Кстати,

у меня родилось предложение. Пока Лавр тут колдует с чужой техникой, давай поищем рубку управления хозяина и поговорим с компьютером. Мне хотелось бы понять, что такое трёхмерное время.

— Если тебе это интересно, то я не против.

Кирилл поставил высокий стакан из перламутрового «стекла» на возникший из воздуха прозрачный квадрат и встал. Квадрат и стакан растворились в воздухе. Это работала техника помещения, использующая эффекты силовых и полевых взаимодействий. Для людей Земли подобные явления казались бы чудом, проявлением магических сил, но Кирилл уже привык к демонстрации возможностей высоких технологий, неотличимых от магии, и почти не обращал на них внимания.

Заинтересовавшись сверкающим «букетом» ажурных фигур, в который развернулся ицахский компьютер, он подошёл к Лаврику.

Компьютерщик уже нацепил на запястья рук широкие прозрачные браслеты, от которых в недра «букета» уходили светящиеся жилы, и прилаживал к голове нечто напоминающее плоского стеклянного паука.

— Это не опасно? — подошла к Лаврику Лилия. — Током не ударит?

— Это интерактивные прибамбасы, — рассеянно ответил Лаврентий. — Все под контролем, не волнуйся.

— Что-то эти прибамбасы уж слишком похожи на земные, — хмыкнул Кирилл. — Шлем, браслеты, перчатки…

— Я попросил эту штуковину адаптировать интерактивный объём под меня, вот она и подстроилась. — Лаврик закончил пристраивать на голове «паука», уселся поудобнее. — Всё, не мешайте, попробую подсоединиться и поработать.

«Букет» ицахского компьютера вдруг выстрелил во все стороны светящиеся усы, которые образовали нечто вроде ажурной сферы. Внутри сферы возникла чёрная точка и скачком заполнила всю сферу. Очевидно, это сформировался трёхмерный экран. Внутри него замигали искорки, заворочались светлые тени. Глаза Лаврика стали большими. Вероятно, он видел больше, чем видели со стороны не подключенные к компьютеру зрители.

— Ух ты, мама моя!..

— Что ты там углядел? — полюбопытствовала Лилия.

Лаврик не ответил.

Кирилл и Лилия переглянулись.

— Пошли отсюда, — сказал Кирилл. — Он в своей стихии, пусть забавляется. Надеюсь, капитан все сделал правильно и СНОС здесь не появится.

— Даже если и появится, у нас теперь есть дискета с формулой ПН. Убежим. В крайнем случае Лаврик всегда сможет отправить нас домой, на Землю.

Какая-то смутная тревожная мысль мелькнула в голове Кирилла после слов жены, но она дернула его за руку, и мысль пропала.

Они выбрались из гостиной в коридор «замка», приказали невидимому мажордому доставить их в централь управления (зал задатчика параметров, уточнил мажордом), и сформировавшийся вокруг пузырь лифта перенёс гостей в помещение, форму которого трудно было описать двумя словами. Объём его создавало пересечение множества геометрических фигур, от которого кружилась голова. Мало того, многие поверхности и детали этих фигур светились и шевелились как живые, добавляя экзотики в интерьер центра управления и заставляя гостей вздрагивать и оглядываться.

Посреди зала возвышалась многолепестковая ажурная конструкция, на первый взгляд — из стекла и фарфора. Она тоже шевелилась и дышала, а главное — смотрела на гостей внимательно и оценивающе, хотя глаз не имела. Они поняли, что это и есть задатчик параметров, или главный компьютер всего «замка». Он же — мажордом.

— Привет, — сказал Кирилл, чувствуя поток внимания, исходящий от стеклянно-фарфоровой машины. — Как тебя зовут?

— У меня нет имени, — раздался ниоткуда, вернее, со всех сторон мягкий безликий голос. — Но вы можете называть меня Управляющим. Мой хозяин иногда называет меня так.

— Твой хозяин — Ювинга?

— Мастер Диаблинга.

Кирилл и Лилия обменялись озадаченными взглядами.

— Вот это сюрприз! — вполголоса заметил Кирилл. — Капитан-то соврал, утверждая, что это его владение.

— Может быть, он просто не захотел углубляться в детали, — возразила Лилия. — Кто знает, в каких они отношениях с Диаблингой. А если Игорь и сказал неправду, то наверняка имел на то основания.

— Ну-ну. — Кирилл обошёл задатчик, вызывающий впечатление живого существа. — Мне бы твою уверенность.

Лилия нахмурилась, собираясь продолжить разговор, но Кирилл уже нашёл другого собеседника:

— Уважаемый Управляющий, я не физик и не исследователь, как наш приятель, однако и меня мучает любопытство. Я знаю, что ваш мир базируется на двумерном времени, намного усложняющем физическое взаимодействие систем, хотя вряд ли

когда-нибудь смогу это понять и оценить.

— Сможете, — тем же мягким голосом отозвался компьютер. — Ваш задатчик — мозг — многомерная система и имеет все потенциальные возможности для фиксации дву- и трёхмерных времен. Просто эти возможности скрыты и реализуются в вашей метареальности очень редко. Такие процессы подчиняются только человеку с достаточно сильной волей. Обычные люди принципиально не приспособлены интерпретировать энергоинформационные процессы с размерностью больше трёх на уровне сознания.

— Ага… — Кирилл озабоченно почесал переносицу. — Ты хочешь сказать, что и я мог бы использовать свои скрытые возможности для жизни в двумерном времени?

— Безусловно.

— Это радует. Найти бы ещё инструктора, кто помог бы мне раскрыть мой потенциал… Ну, хорошо, допустим, я понимаю, что такое «плоское» время. Много раз наблюдал, как твой хозяин исчезал… никуда не исчезая, то есть использовал ещё одну временную координату. А что такое трёхмерное время? Объёмное? И что будет, если я, к примеру, выйду сейчас из-под защитного купола в трихроновый океан?

— В принципе ничего особенного не случится. Вы останетесь живы и здоровы. Только неизвестно в какой точке трихронового континуума. Существо одномерного времени не сможет ориентироваться в трёхмерном времени, оно как бы «размазывается» по всему объёму, хотя и остаётся при этом конечным объектом.

— Ясно, лучше наружу не выходить. Ну, а как понять, что такое объёмное время?

— Объёмное — не совсем верный термин. Одно из «измерений» этого времени — синхронизированно-событийное, оно отвечает за согласование в восприятии живых существ процессов и событий физической реальности. Второе «измерение» — причинно-следственное, создающее так называемую «стрелу» времени или направление изменений. А третье является характеристикой интенсивности процессов обмена информацией. Но, фазово связанные, эти «измерения» действительно задают некий трёхмерный временной объем.

— Ты поняла? — оглянулся Кирилл на жену.

— Бухгалтеру это раз плюнуть, — засмеялась Лилия. — Ты хотел получить объяснение — ты его получил. Кстати, не изменяет ли Лаврикова формула ПН этот самый трихроновый континуум? Может быть, наш мир, да и мир тутошний являются лишь проекциями трёхмерного времени? А мы летаем между

ними?

Кирилл с интересом посмотрел на жену, покачал головой.

— А говоришь — бухгалтер… Общение с капитаном не прошло для тебя даром. Я бы так не смог сформулировать. Возможно, ты права и ПН на самом деле переносит нас из реальности в реальность через «кротовые дыры» в трёхмерном времени. Управляющий, ты не смог бы показать нам здешние ландшафты?

— Нет ничего проще.

Углы, ребра и плоскости, составляющие геометрический хаос зала, исчезли. Площадку с «живым» задатчиком в центре окутала прозрачно-голубая мгла, в которой изредка вспыхивали фонтанчики искр и где-то в невероятных далях ворочались почти невидимые смутные тени. Эта бездна притягивала взор, дышала, смотрела на людей, не имея глаз, и звала к себе, звала, звала, обещая раскрыть невиданные тайны и подарить диковинные наслаждения…

Что-то мелькнуло над головой, словно птица махнула крылом. Одна из теней сгустилась, приобретая более чёткие очертания, и ошеломленные зрители увидели проплывающий мимо четырёхмоторный самолёт. Джокер-фантом! Он сделал пируэт, сопровождаемый длинным хвостом искр, и растворился в голубизне без следа.

Кирилл почувствовал укол тревоги, опомнился.

— Достаточно!

Голубая бездна исчезла. Появился знакомый интерьер зала управления.

— Ты видел? — кивнула вверх Лилия. — Джокер. Может быть, это вернулся Игорь?

— Не похоже, — сказал Кирилл, прислушиваясь к своим ощущениям. — У меня нехорошее предчувствие… Пошли-ка назад, к Лаврику, а то… — Он не договорил.

Зал задатчика вздрогнул. По его стенам пробежала волна искривления, стирая на несколько мгновений геометрию стен.

— Что это?! — испуганно прошептала Лилия, цепляясь за рукав мужа.

— Лавр, — сквозь зубы бросил Кирилл. — Включил компьютер и запустил ПН… Эй, Управляющий, отправь нас в гостиную к нашему приятелю.

Вокруг них сформировался прозрачный пузырь внутреннего лифта, понёс людей по изгибающемуся и дергающемуся ребристому тоннелю, лопнул у входа в гостиную. Они вбежали в помещение и увидели странную картину.

Гостиную пронизывала прозрачная и в то же время чёрная

лохматая труба, напоминающая смерч, уходя вверх и вниз в бесконечность. Вокруг трубы бесшумно вились золотисто-зелёные молнии, и в такт с их танцем шатались и искривлялись стены зала.

Лаврентий висел в воздухе в центре трубы, рядом с компьютером, и смотрел куда-то вверх, растопырив руки. У него светились волосы и зубы.

— Лаврик! — рявкнул Кирилл. — Сверни ПН!

Компьютерщик медленно повернул к ним голову, посмотрел как на досадную помеху, затем узнал и растянул рот в язвительной ухмылке. Помахал рукой:

— Привет капитану. Как говорится, не поминайте лихом.

— Куда ты собрался?!

— Я решил подняться в следующий слой Гиперсети. Интересно посмотреть, как там устроена жизнь. Теперь я знаю, как это делается.

— А мы? — воскликнула Лилия.

— Надоели вы мне, — откровенно признался Лаврик. — Хуже горькой редьки. Туда не ходи, сюда не ходи, то не бери, это не смей… тьфу!

Пространство зала содрогнулось.

Лаврик засмеялся, чувствуя себя всесильным и неуязвимым.

— Прощай, полковник. Вряд ли мы ещё увидимся. Лиля, бросай своего недоделанного мужа и пошли со мной. Обещаю массу впечатлений. Многомерные пространства и времена и всё такое прочее…

Кирилл шагнул к нему, нагнув голову.

Лаврик снова ухмыльнулся, покачал пальцем.

— Не надо меня останавливать, Кирилл Иванович, я не мальчишка и кое-чем владею, чего нет у тебя. Едва ли ты устоишь против ПН, это уже уровень МОР-технологий. Прикажу — ПН тебя в порошок сотрёт.

— Не мешай ему, Кир, — быстро проговорила Лилия. — Вспомни правило «трёх Д».

Лаврик посмотрел на неё задумчиво, качнул головой.

— Нехорошо говоришь, сударыня. Правило «трёх Д» — дай дорогу дураку? Так вот я не дурак…

Откуда-то вдруг послышался стеклянный звон, словно на пол упала и разбилась рюмка, и в помещение ворвался капитан Утолин с необычного вида пистолетом в руке.

Лаврик изменился в лице, взмахнул рукой, и прозрачно-чёрный столб «прорехи в реальности» исчез вместе с ним. Стены и пол гостиной перестали дергаться и плыть, успокоились. Трое людей молча смотрели на то место, где только что находился

компьютерщик.

Глава 21. Поиски наугад

— Однако не успел, — хладнокровно сказал Утолин, опуская пистолет. — Не думал, что Лаврик решится бежать один. Между прочим, пора и нам уходить. Похоже, нас вычислили.

— СНОС?

— Программа СНОС дошла до своего предела и ликвидирована. Её теперь заменит охотничий Пёс, программа более высокого уровня, для которого наши защитные гипертексты не помеха.

Утолин спрятал пистолет (стоппер, вспомнил Кирилл) и подошёл к сумке на полу гостиной, на которой сиротливо лежал земной ноутбук. Порылся в сумке, достал белую пластиковую коробку и вынул из неё дискету.

— К счастью, я догадался скопировать файл ПН, это пока единственный гарант нашей свободы. Попробуем отыскать Лаврентия, он мне ещё нужен.

— Зачем?

— Лаврик — единственный, кто может довести ПН до ума.

— Он сказал, что знает, как это сделать.

— Тем более. Если он ушел на Землю, мы его быстро отыщем.

— По-моему, он говорил о «следующем» слое Гиперсети, более «высоком».

— Заглянем и туда, у нас имеются кое-какие тихие методы подглядывания за операторами высших порядков.

Кирилл улыбнулся.

— Где-то я слышал афоризм: не стоит забывать, что и бактерии разглядывают нас с той стороны микроскопа.

— По большому счёту это так и есть.

Из коридора донёсся ещё один звон «разбитого стеклянного бокала», и в гостиную вошёл оператор иезода Диаблинга, одетый в свой обычный костюм-трико, мускулистый, сильный на вид, блестящеголовый. На его красивом мужественном лице с выпуклыми надбровными дугами нельзя было прочитать ничего, кроме флегматичного безразличия.

— Вам надо немедленно уходить! Я не хочу рисковать своим положением и жизнью.

— Без претензий, — кивнул Ювинга-Утолин. — Сейчас мы поищем нашего сбежавшего дружка и уйдём.

Он направился к центру зала, где всё ещё стояли кресла и висел в воздухе прозрачный лист с напитками. Диаблинга догнал его, что-то сказал. Они заспорили, судя по жестикуляции и мимике, но ни одного слова свидетели их разговора не услышали.

Использовалась, очевидно, мыслепередача. Затем Диаблинга оглянулся на гостей и исчез.

Утолин тоже оглянулся, махнул рукой:

— Не отставайте.

Кирилл и Лилия приблизились к нему, и тотчас же вокруг них сгустилась непрозрачная серая дымка, знакомая мягкая сила подхватила всех троих и вынесла в зал управления «замком» прямо к «букету» задатчика.

Утолин подошёл к нему, выдернул из пучка светящихся усов один с шариком на конце, воткнул в рот — впечатление было такое, будто он его проглотил. Тотчас же перед ним сформировался лист зеркальной субстанции шириной в полтора и длиной в два метра. «Зеркало» приобрело синеватый оттенок, отражение Утолина в нём растаяло, и на гладком синем листе проступил сложный рисунок, напоминающий узор из разной формы снежинок. Утолин вынул изо рта шарик на конце усика, воткнул его в висок, постоял так несколько секунд и с треском вонзил шарик в «зеркало».

Рисунок снежинок стал изменяться, многие из них расплылись в туманные облачка, одна из оставшихся увеличилась в размерах, стала приближаться, пока всё поле необычного экрана не заняла сияющая ворсинка, которая распалась сначала на волокна, затем на гроздья искр и светящиеся вихрики и спирали. Это были галактики и их скопления.

Но вот и галактики распались на звёзды. Приблизилась яркая жёлтая звезда, вокруг которой обозначились пятнышки планет.

— Солнечная система? — робко прошептала Лилия.

Утолин оглянулся.

— Да, это ваша планетная система. Я включил поисковую программу иезода, у Диаблинги есть отдельный канал для таких развлечений. Если Лаврик на Земле, программа его обнаружит. А теперь поговорим о главном. — Капитан отошёл от задатчика с «зеркалом» и сел на выскочившее из пола кресло. — Присаживайтесь, в ногах правды нет. У нас есть пара минут.

Напротив Утолина выросли ещё два кожаных с виду кресла.

— Почему всё-таки ты нам помогаешь? — спросил Кирилл, не торопясь садиться. — Ведь ты уже дома.

— К сожалению, я тоже попал в список программы ограничения, — спокойно ответил капитан. — Кому-то сильно не понравилась моя самостоятельность, а более всего инициатива по спасению Фигуры Влияния в вашей реальности. Моя физическая оболочка уничтожена. Теперь я зависим от всех волевых файлов так же, как и вы. Придётся идти с вами дальше.

— Куда дальше?

— Вот об этом я и хотел поговорить. О существовании Гиперсети вы уже знаете, но о том, кто её создал и для каких целей, едва ли догадываетесь. Даже я не знаю точно, а только предполагаю, хотя и обладаю приличным запасом криптоданных.

— Разве Гиперсеть создал не Творец Вселенной? — вяло поинтересовалась Лилия, взглядом предлагая Кириллу сесть.

— Творец, — согласился Утолин. — Но, скажем так, не первый! Изначально Первый создал Великое Сосредоточение… — Капитан пошевелил пальцами, подыскивая слова. — Назовем это Первозамыслом, или Задатчиком Базовой Программы Реализации Первозамысла. Это ещё не Вселенная, а Центр Управления её Реализацией. Понимаете?

— Компьютер, что ли? — хмыкнул Кирилл.

— Называть можно как угодно, суть одна: Создатель запустил свой «компьютер», и тот из немыслимого и необъяснимого состояния сотворил Нулевую, или Фундаментальную Реальность.

— Допустим. Что из этого следует?

— В Базовой Реальности возник первый разум, и не один, а уж потом они создали то, что мы назвали Гиперсетью. Но не это главное. Я получил доказательства, что этот самый гипотетический «Божеский компьютер», он же Базовый Задатчик, на самом деле существует.

Утолин вынул из воздуха стакан с изумрудной жидкостью и одним духом выпил. Швырнул стакан в угол, тот исчез.

Кирилл посмотрел на явно заскучавшую жену, перевёл взгляд на капитана.

— Хорошо, допустим, это правда. Не вижу связи…

— Надо попытаться дойти до этого Задатчика. Обладая файлом ПН, мы имеем шанс добраться живыми. В слоях Гиперсети такого шанса у нас не будет.

Кирилл задумался. Захотелось пить. И тотчас же перед глазами возник стакан, на вид — с прозрачной водой. Кирилл машинально взял его и только тогда понял, что не заказывал питье, а просто подумал об этом.

Утолин с любопытством ощупал лицо Тихомирова цепкими светящимися глазами, но ничего не сказал.

— Ну как идея?

— Ты уверен, что иным способом мы не сможем доказать своё право на жизнь? Даже если мы доберёмся до твоего пресловутого Задатчика, что мы там будем делать?

— Попросим аудиенции у Изначально Первого и объясним нашу проблему.

— Ты серьёзно?

— Более чем. Только пробив пороговую оболочку Гиперсети и

выйдя за её пределы, мы нейтрализуем программу Пса. Эта ликвидационная программа работает только в пределах виртуальных пространств Гиперсети.

— Ты думаешь, Создатель отзовётся?

— Если мы достигнем цели — отзовётся, хотя бы из любопытства: кто это нарушил его покой?

Кирилл исподлобья посмотрел на Утолина, в глазах которого прыгали насмешливые огоньки. Интуиция снова бередила душу, шепча, что капитан Утолин-Ювинга умело прячет свои намерения и не говорит всей правды.

— Я не уверен, что это правильно.

«Зеркало» с развернувшейся в нём поверхностью Земли с тихим звоном потемнело, взорвалось фейерверком искр и погасло, став практически настоящим зеркалом.

Утолин встал, подошёл к нему, вынул из блестящего слоя усик с шариком на конце, вытащил из пучка усов ещё два и снова воткнул в «зеркало». Вернулся в кресло.

— На Земле Лаврика нет. Поищем в других слоях. Но вернёмся к твоей неуверенности. У тебя есть другие варианты?

Кирилл помолчал, взвешивая решение.

— Кто запускает все эти программы? ПСП, СНОС… программных Псов…

— ПСП — прерогатива Диаблинги и операторов нашего иезода. Она практически отработала своё. Программа СНОС тоже запускается отсюда, однако нами не контролируется. Её уровень — уровень спущенного сверху закона. Вероятнее всего, она создана операторами иезода более высокого инварианта. А вот Пёс — это уже МОР-технология, если не выше.

— Что означает МОР-технология?

— МОР — магическое оперирование реальностью.

— Волшебство, что ли? Что может быть выше этого уровня?

— Технология БОГ.

Кирилл и Лилия переглянулись.

— Неужели ты имеешь в виду…

— Не то, что вы оба подумали, хотя суть примерно та же. БОГ — это Беспредельное Оперирование Гармонией. Иногда мои коллеги шутят и называют такие технологии — БОХ. То есть Безграничное Оперирование Хаосом. Что недалеко от истины.

Кирилл усмехнулся.

— В юморе вам не откажешь. Тем не менее я бы поставил задачу поскромнее: добраться до того, кто запускает программы Псов, и поговорить с ним по-мужски.

Теперь усмехнулся Утолин.

— Полковник, это не по силам не только всему нашему

иезоду, но и контролерам высших планов Гиперсети. Я имею в виду «мужской разговор». Операторов МОР или БОГ может усмирить только сам господь бог. — Капитан засмеялся, довольный получившимся каламбуром. — Но в принципе я согласен. Если уж добиваться справедливости, то у лица, ответственного за все творимые в Гиперсети безобразия.

«Зеркало» системы поиска озарилось яркой лиловой вспышкой, раздался тихий хрустальный перезвон.

Утолин встрепенулся.

— Кажется, у нас хорошее известие.

Он подошёл к зеркальному квадрату, на котором проступили контуры какой-то сложной трёхмерной карты. В глубине этой карты загорелся и запульсировал оранжевый огонек.

— Вот он. Лаврик действительно смог обойти систему ограничения доступа и пересёк границу уровня. Теперь он бродит где-то в недрах энергоинформационного объёма с трёхмерным временем. Если мы его не выловим, он пропадет. В слое Гиперсети, иезод которого контролирует нашу реальность, практически невозможно ориентироваться, а тем более существу с трёхмерным восприятием пространства.

— Неужели он не догадается включить ПН и вернуться?

— Может быть, и догадается, если до него раньше не доберется Пёс.

— Тогда чего мы ждем?

— Надо экипироваться. К сожалению, возможности трёхмерного человеческого тела весьма ограниченны. — Утолин со вздохом стукнул себя кулаком в грудь. — Вот если бы мы родились здесь… а ещё лучше — уровнем выше, горя бы не знали.

— Что ты имеешь в виду под экипировкой?

— Спецкостюмы, оружие, защиту от пси-наводок, еду и питье, а главное — микрокомпьютеры для развертки ПН. Я попросил Диаблингу, он достанет.

— С какой стати… — в один голос проговорили Кирилл и Лилия.

Женщина засмеялась.

— Говори ты.

— Почему Диаблинга помогает нам? — спросил Кирилл, оставаясь серьёзным. — Ведь ты сам говорил, что он сильно рискует.

— Думаю, ему тоже надоело подчиняться законам и ограничениям, поступающим сверху. Пусть каждый из нас является подпрограммой Сети, хотя и более сложной, чем вы, земные люди, тем не менее и мы хотим большей свободы и независимости. Противно всё время осознавать, что ты в тюрьме.

Комфортабельной, большой, сложной, полной интересных объектов и явлений, но всё-таки тюрьме.

В центре зала возник Диаблинга в сопровождении двух пульсирующих, металлических на вид полусфер.

— У вас всего несколько минут. Поторопитесь.

Утолин потёр руки, подходя к полусферам. Обе одновременно открылись, являя взору какие-то ртутно отблескивающие свертки, похожие на полиэтиленовые пакеты с молоком. Капитан выхватил один из свертков, и тот вдруг развернулся в нечто напоминающее белую ночную рубашку. Утолин смял эту рубашку в кулаке, и та снова превратилась в блестящий «пакет молока».

— Отлично! То, что нужно. Это уники. Надевайте.

Он начал стаскивать с себя пятнистый комбинезон.

Кирилл с сомнением посмотрел на капитана, перехватил взгляд Лилии, развёл руками:

— Ничего не поделаешь, надо переодеваться.

— Это обязательно?

— Не сомневайтесь, — бросил Утолин, оставаясь в трусах. — Эти костюмчики уберегут нас от многих бед.

Он снова развернул «ночную рубашку» и ловко натянул её на себя. Создавалось впечатление, что она сама налезала на тело и вела себя как живая. Затем Утолин взял ещё один сверток, побольше, прижал к шее, и тот вдруг превратился в слой зеркальной жидкости, в течение нескольких секунд покрывшей всё тело поверх белой «рубашки». Свободными остались только ладони и ноги ниже щиколоток. Утолин похлопал себя по плечам, помахал руками, присел два раза и удовлетворённо кивнул сам себе.

— Вот это другое дело. А вы что стоите?

— Отвернитесь! — сердито проговорила Лилия. — Или мне выйти?

Диаблинга исчез.

Мужчины отвернулись.

— Не пугайся, когда уник начнёт шевелиться, — предупредил женщину Утолин. — Он проверит режимы и адаптируется к твоему телу. Потом ты вообще перестанешь его ощущать.

— Они что же, эти ваши уники, живые? — пробормотал Кирилл, раздеваясь.

— Почти, — развеселился Утолин. — Квазиживые служебно-технические организмы. Принимают практически любую форму в зависимости от желания владельца.

Капитан погладил свой блестящий, как рыбья чешуя, костюм по рукаву, и тот внезапно изменил цвет и форму, превратился в

обычный зеленоватый пятнистый камуфляжный комбинезон.

Кирилл хмыкнул.

— Как ты это сделал?

— Просто представил, что мне нужно.

— Значит, они ещё и мысли читают?

— Конечно. Техника Ицаха давно работает на речевой связи и мыслекомандах.

Кирилл надел внутренний белый слой уника, служащий системой утилизации отходов и контроля метаболизма. Сначала прикосновение холодной и скользкой «рубашки» к телу показалось вкрадчиво-агрессивным и недобрым, потом она потеплела, стала мягкой и ласковой, и неприятные ощущения прошли. Верхний слой уника обтёк тело уже совершенно естественно, не создавая никаких неудобств.

— А если потребуется сходить в туалет?

— Зачем? Представь, что ты в туалете, и делай своё дело, костюм сам за тобой поухаживает.

— Я так не могу…

— Привыкнешь.

Кирилл пошевелил руками, присел пару раз, как давеча Утолин, чувствуя странную уверенность и силу, подумал и превратил свой «рыбий» чехол в спортивный костюм.

Тихо вскрикнула Лилия.

Мужчины оглянулись.

Она стояла красная от смущения, похожая на живую металлическую статую, и рассматривала свои ноги и руки. Уник, обтянувший тело женщины, подчеркнул достоинства её фигуры, и она была так прекрасна, что это подействовало даже на Ювингу-Утолина.

— Везёт же некоторым… — буркнул капитан, покосившись на Кирилла.

— Что дальше? — посмотрела на них Лилия. — Где туфли?

Утолин засмеялся.

— Женщина остаётся женщиной в любой ситуации. Туфель не будет. Вместо них будешь носить мокасины.

Он бросил Лилии ещё один блестящий сверток. Взял из чрева полусферы второй такой же и наступил на него босыми ногами. Сверток вскипел и превратился в подобие жидкометаллических ботинок, обнявших ноги до икр.

— Вот и вся процедура. Обувайтесь, и смываемся.

Кирилл и Лилия «надели» ботинки, потом женщина вспомнила о возможностях уника и превратила его в такой же шерстяной с виду спортивный костюм, что и у Кирилла.

Утолин покопался во внутренностях второй полусферы,

достал три пистолета необычной формы. Протянул один Тихомирову.

— Это стоппер. Заряжен. Цельсяне стволом, а глазами, взглядом, и жми на курок. Он сам попадёт в цель.

— Он без кобуры?

— Ему кобура и ремни не нужны. — Утолин сунул пистолет прямо под мышку, и тот легко проткнул комбинезон капитана, так что рукоять осталась снаружи. — Уник позволяет носить на себе любое оружие с максимальным удобством для хозяина.

Он подал стоппер Лилии, но она с отвращением оттолкнула его рукой.

— Я не люблю оружие! Никогда им не пользовалась.

Утолин задумчиво посмотрел на неё.

— Стоппер не убивает, а останавливает. И без оружия нам не обойтись.

— Всё равно не хочу.

— Возьми, — тихо посоветовал Кирилл, прилаживая свой пистолет под мышкой.

Лилия помедлила и с брезгливой гримаской взяла стоппер.

— А это нейтрик. — Капитан достал ещё один странный пистолет, красиво зализанный, эргономически удобный, с чешуями, облегающими руку, с овальным гофрированным дулом и блестящим наростом сверху. — Топологический нейтрализатор программ почти любого класса сложности. Кстати, создан он не в нашей реальности, а в слоях Гиперсети намного выше нашего. Его я возьму себе. А вот это знакомые тебе умболики.

Капитан протянул Кириллу тяжёлые метательные пластины в форме крыльев бабочки.

Кирилл взял три «крыла» и вдруг почувствовал укол тревоги.

— Что? — быстро спросил Утолин, заметив его остановившийся взгляд.

И тотчас же пол помещения ухнул вниз, подпрыгнул, ещё раз провалился, будто «замок» Диаблинги закачался на волнах океанского цунами. Из сияющей голубой бездны, нависающей куполом над залом управления, вынырнула кошмарная апокалипсическая фигура, напоминавшая первых морских динозавров на Земле — ихтиозавров. Она вперила в замерших людей пылающий взгляд и вытянула вперёд плавник, который вдруг превратился в длинную когтистую лапу с перепонками между пальцами.

«Замок» снова вздрогнул и зашатался, затанцевал на невидимых волнах.

— Пёс! — выдохнул Утолин, бросаясь к ноутбуку. — Нашёл-таки! Уходим!

В зале появился бесстрастный Диаблинга, молча залез руками в «букет» задатчика. «Замок» прыгнул вверх, судя по удару в ноги, и помчался куда-то по замысловатой траектории с нарастающей скоростью. «Ихтиозавр» отстал, уменьшился в размерах, зато засиял ярче, словно оделся в плёнку жидкого огня.

Утолин раскрыл компьютер, включил, вставил в дисковод компакт-диск с файлом ПН.

— Не успеете, — сказал Диаблинга равнодушно.

— Не каркай! — отрезал Утолин-Ювинга.

Огненный «ихтиозавр» внезапно одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от «замка», пробил все защитные экраны и корпус и оказался в зале управления, но теперь в форме уж и вовсе невиданного зверя.

Кирилл метнул в него умболик и выстрелил из стоппера. Однако это не остановило «ихтиозавра». Зверь плюнул в него огнём, отбрасывая к Утолину. Лишь защита уника спасла Кирилла от неминуемой гибели. Огненный язык проделал в полу зала дымящийся шрам и угас.

Вскрикнула Лилия.

Капитан тоже выстрелил — из нейтрика. Поток метаинформации, изменяющей состояние любого Гипертекста — то есть слоя Гиперсети, вонзился в жуткую морду Пса и на несколько мгновений превратил её в облако огня.

— Держитесь! — рявкнул Утолин.

Кирилл схватил Лилию за руку, вцепился в плечо капитана, и в тот момент, когда Пёс преодолел силу нейтрализации и снова приобрёл структуру псевдоживого существа, алгоритм ПН унёс троих беглецов за пределы «замка» и вообще за границу реальности Ицаха.

Глава 22. Ограничение

Мост был сложен из огромных каменных блоков и, судя по их виду, был очень стар. Оба его конца уходили в слоистые зеленовато-серые туманы, поэтому невозможно было выяснить, соединяет он берега широкой реки или пересекает какой-нибудь залив. В том месте, где оказалась тройка беглецов-землян, он нависал над тёмно-фиолетовой водой на высоте не менее полусотни метров, но ни перил, ни опор, ни поддерживающих его вантовых конструкций люди не увидели. Казалось, он уходит в обе стороны в бесконечность, хотя видимая его часть на глаз не превышала одного километра.

Складывалось впечатление, что люди оказались в центре огромного колодца, пронзающего туман и уходящего в светло-салатовое, с лёгкими паутинками светящихся облаков, небо. Солнца видно не было, оно пряталось где-то за стеной тумана, в стороне от моста, однако в мире этом было светло почти как днем на Земле, а главное, в нём можно было дышать. Да и сила тяжести здесь не превышала земную.

— Ну и где здесь искать Лаврика? — осведомился Кирилл, когда они пришли в себя от броска через пространство Гиперсети и осмотрелись.

Вопрос имел другой подтекст: где мы оказались? — и Утолин ответил, понимая чувства своих спутников:

— Если я правильно сориентировал ПН, мы вышли там, где надо. — Он вынул дискету, закрыл ноутбук. — Это реальность уровня экзофизики, как я это понимаю, и не исключено, что мы видим совсем не то, что здесь имеется на самом деле. Лаврик находится где-то неподалёку, я это чувствую.

— Он мог выйти за тысячи километров отсюда.

— Не мог, базовый алгоритм ПН имеет вполне конкретное физическое схождение, разброс не должен превышать долей процента. Нет, Лаврик действительно недалеко от нас, может быть, вообще рядом, в двух шагах, хотя мы этого не видим.

— Как это — рядом? — удивилась Лилия, оглядываясь по сторонам. — Здесь же никого нет.

— Нет — для людей. К сожалению, возможности подпрограмм нашего уровня сложности ограниченны. Мы — существа шестимерного отражения действительности, а вы — вообще четырёхмерного, учитывая стрелу времени как измерение. Но уровень сложности от инварианта к инварианту Гиперсети возрастает неимоверно, и в данной реальности многомерны не только время и пространство, но и сами законы, управляющие

миром. Вот почему я сказал, что Лаврентий может находиться рядом. Наш аппарат восприятия реагирует на этот мир адекватно внутренним установкам и практическому опыту. Мы и видим его, наверное, по-разному, в соответствии с психосоматическими особенностями каждого. Вот ты, например. — Утолин посмотрел на Лилию. — Что ты видишь?

— Как это — что? — фыркнула женщина. — Мост… болото под ним… небо… туман…

— Болото? — оживился Кирилл, подходя к краю моста и заглядывая вниз. — Я лично вижу воду… и водоросли кое-где.

— Вот вам и ответ, — хмыкнул Утолин. — А мост вы видите одинаково?

— Бетонный, очень старый, — сказал Кирилл неуверенно.

— Из больших каменных блоков, — покачала головой Лиля. — Без перил, весь в трещинах…

Утолин улыбнулся.

— Убедились? Это шутки трёхмерного восприятия. У каждого — своё. У меня, кстати, тоже. Я вообще вижу не мост, а металлический короб. Но пора заняться поисками нашего уважаемого хакера, пока он не сбежал в другой инвариант Гиперсети. К сожалению, мы не успели захватить ингравы, придётся топать пешком.

— Ингравы?

— Антигравитационные пояса. Их ресурса хватило бы на пару тысяч километров. Хотя нам не придётся идти долго. Ты ничего не чувствуешь?

Кирилл прислушался к своим ощущениям.

— Кто-то смотрит в спину…

— Это реакция подсознания на многомерье. Давайте пройдёмся немного и посмотрим, что будет.

Утолин закрепил ноутбук на груди и зашагал по мосту к недалекой пелене тумана, скрывающей даль. Его спутники двинулись за ним, переваривая полученную информацию. Кириллу то и дело чудились появляющиеся и исчезающие полупрозрачные фигуры, конструкции, строения, растения, но он не решался заговорить об этом, чтобы не напугать жену. Лишь Утолин понимал его состояние, бросив пару заинтересованных взглядов, но и он не спешил затрагивать тему сенсорной чувствительности Тихомирова. Хотя явно догадывался о его возросших потенциях.

Они прошагали полкилометра, километр, два, но так и не приблизились к пухлой на вид и слоистой стене тумана. Складывалось впечатление, что туман впереди отступает, а позади догоняет, будто колодец видимости двигался вместе с

ними.

Зато изменились мост и океан под ним.

Мост превратился в гладкий ледяной каток, на котором было трудно удержаться, а океан под ним (болото, каким видела его Лилия) вдруг превратился в заросли тёмно-зелёного, фиолетового и чёрного шипастого саксаула. Изредка из этих колючих чащоб вырастали живые бамбуковидные хлысты с ярко-красными канделябрами на вершинах и тут же прятались обратно, словно испуганные появлением людей.

Утолин остановился.

— Нет, так мы границу не перейдём.

— Какую границу? — не понял Кирилл.

— Скорее всего это вторая буферная зона, отделяющая наш Ицах от более высокого слоя Гиперсети. Мы можем пройти мимо Лаврика и не заметить этого.

— Что же делать? — спросила Лилия, стараясь не отходить от Кирилла; «каток» под ногами стал таким скользким, что она не шла, а скользила, то и дело взмахивая руками, чтобы удержать равновесие.

— Не хочется ещё раз разворачивать ПН. Попробуем возбудить ближайший узел перехода.

Утолин достал нейтрик и выстрелил в гладкую поверхность катка-моста.

В ту же секунду вокруг всех троих возникли полупрозрачные плоскости, образовавшие нечто вроде телефонной будки. Гладкий «лёд» под ногами превратился в слой пара, и люди провалились вниз сквозь него, невольно ухватившись друг за друга. И оказались на дне небольшой впадины, окружённой зарослями колючего «саксаула».

Кирилл поднял голову. Вверху над ними светилась серебристая полоса, напоминающая след реактивного самолёта. Очевидно, это был мост буферной зоны, видимый из глубин этого мира как голографическая проекция иных пространств.

— Нас впустили, — нарушил молчание озиравшийся Утолин. — Это обнадеживает. Выход в уровень совсем рядом.

— Лес — это лес? — спросил Кирилл, поймав вдруг мимолетную мысль. Он всё ещё изредка видел проявлявшихся на мгновение призраков и пришёл к выводу, что нервничать из-за этого не стоит. Его подсознание пыталось проанализировать поступающую информацию и отразить её в сознании.

— Ты делаешь успехи, полковник, — оглянулся на него Утолин, смерив Тихомирова оценивающим взглядом. — Кажется, я в тебе не ошибся. Давай-ка обсудим одну проблемку. — Он посмотрел на Лилию. — Мы отойдём на минутку, побудь здесь.

Кирилл хотел было отказаться, вопросительно посмотрел на жену. Лиля поймала его взгляд, попыталась выглядеть уверенной и бодрой.

— Не волнуйся, я никуда не денусь.

— Муж и жена — одна сатана, — прокомментировал их диалог Утолин. — Никак не возьму в толк, почему вы разошлись десять лет назад и жили врозь?

Кирилл и Лилия переглянулись.

— Я тоже этого не понимаю, — улыбнулась женщина. — Наверное, кому-то из нас надо было повзрослеть.

Утолин и Кирилл выбрались по склону впадины наверх и углубились в чащу чёрного, словно недавно сгоревшего «саксаула». Когда Кирилл приглядывался к этому «саксаулу», ему начинало казаться, что колючие ветви растения вдруг вспухают, превращаются в ручьи и струи дыма, изменяющие форму, проваливаются сами в себя и становятся глубокими и объёмными, как длинные темные колодцы.

Утолин остро заглянул ему в глаза.

— Я вижу твою реакцию, Кирилл Иванович. Ты видишь больше, чем Лиля, и, возможно, даже больше, чем я. С чем и поздравляю. Пора бы тебе научиться видеть многомерье. Ты готов?

— К чему?

— Потенциал такой подпрограммы, как человек, гораздо более высок, чем степень её реализации. Это касается как физических, так и умственных и пси-возможностей. Проявляется же этот потенциал лишь в отдельных случаях, когда создаются условия для возникновения сначала человека Воли, а потом Фигуры Влияния.

Кирилл оглянулся на Лилию, задумчиво прохаживающуюся по зеленоватой и ноздреватой почве впадины.

— Её второй муж Георгий тоже был Фигурой Влияния?

— Он достиг очень высокой степени самореализации, но стал слишком самостоятельным, не терпел никакого контроля. Такие программы опасны, поэтому законы Гиперсети предписывают их ограничивать.

— Но ведь ты лично не стал в этом участвовать?

— Мне тоже обрыдло подчиняться спускаемым сверху приказам. — Утолин-Ювинга улыбнулся. — За что и меня ограничили… заперли в этом теле. Но к делу. Если ты мне доверишься, я открою кое-какие мостики между базальными ядрами твоего подсознания и сознанием.

— Зачем?

— Хороший вопрос. Твой мир, в котором ты родился и вырос,

уходит корнями в другую реальность, ту, где родился и вырос я. Мой мир тоже конечен и растёт из реальности более высокого плана. В свою очередь, каждый последующий слой Гиперсети имеет свою базовую реальность…

— И так до бесконечности?

— Нет, Гиперсеть тоже конечна. Но она базируется на некоей «нулевой» реальности, где родился Творец Гиперсети, наш с тобой Создатель, а уж она, в свою очередь, опирается на нечто Абсолютное и Непостижимое. Так вот этот Абсолют нам недоступен, но ты сможешь неплохо ориентироваться в пределах границ и бытия Сети.

— Что для этого необходимо?

— Я попытаюсь проникнуть в твою психику и подкорректировать связи. Не беспокойся, это не болезненная операция.

— Нет, — покачал головой Кирилл.

— Я не собираюсь тебя зомбировать. Ты останешься тем же человеком, но с большим потенциалом видения и воздействия на Гиперсеть.

— Нет! — твердо сказал Кирилл.

— Упрямец! — Утолин вздохнул, слабо улыбнулся. — Ох-ох-ох-ох, что ж я маленьким не сдох? А ведь мог! Я был уверен, что ты откажешься, но не мог не предложить свою помощь. Что ж, на нет и суда нет, может быть, ты и сам когда-нибудь созреешь… Если останешься жив. А без твоего согласия лезть в твою башку я не имею права, даже с самыми благими намерениями.

— Дьявол — джентльмен, — пробормотал Кирилл. — Он всегда предлагает сделку: власть, силу, красоту, бессмертие — в обмен на душу…

— Я не предлагаю тебе никаких сделок, — качнул головой капитан; глаза его сверкнули. — И душа твоя мне не нужна. Я хочу лишь одного: чтобы мы дошли до главного начальника и остановили охоту за нами. К сожалению, истинная нравственность в Гиперсети заменена законами логики и физики, каждый трактует её по-своему, отсюда проистекает и наша зависимость от начальства, от «Божьей Воли», а не от закона.

— Но ведь Божья Воля и есть закон.

— А ты уверен, что наш Творец достоин того, чтобы мы исполняли его волю беспрекословно?

Кирилл задумался, снова отмечая тихое и почти неощутимое движение вокруг.

— Что ты хочешь сказать?

— Что хотел, то и сказал. Думай, полковник. Но помни, что наш всемилостивейший Создатель всегда где-то далеко и

одновременно очень близко отсюда. Он не принадлежит к категории справедливых или любящих суперсуществ, хотя иногда и воплощается в них ради получения знания или удовольствия, поэтому не гневи его… до поры до времени. Это опасно.

Кирилл нахмурился.

— Я не понимаю…

— Поймёшь позже. Если…

— Не повторяйся, я уже понял: если выживу. Постараюсь. Я не понял ещё одну вещь: что такое истинная справедливость?

— Истинная — всеблагая, не зависящая ни от кого, божественная. К сожалению, Гиперсетью реализована «эволюционная» нравственность, без «божьей искры», которая представляет собой набор генетически унаследованных схем поведения, выбранных потому, что они благоприятствовали выживанию определённых программ.

Утолин оглядел сумрачное лицо собеседника умными, проницательными глазами, тонко усмехнулся.

— Но я могу и ошибаться, Кирилл Иванович. В конечном счёте я тоже человек, подпрограмма в «пакете» программ Гиперсети, зависимая от их законов. Теперь зови Лилю, пойдём искать узел входа в тутошнюю реальность.

— Разве это ещё не она?

— Нет, это краевая зона пересечения слоев Гиперсети. Возьми-ка вот это с собой. — Утолин снял с груди ноутбук и передал Кириллу. — А это на всякий случай запасная дискета с ПН. Хотя она уже не нужна, файл ПН разворачивается простым нажатием клавиши «enter».

Кирилл исподлобья глянул на капитана.

— Что ты задумал?

— Ничего, — похлопал его по плечу Утолин-Ювинга. — Просто я, как говорится, отработанный материал, а у тебя всё впереди.

— Не возьму.

— Не вибрируй, полковник, ты же знаешь, я более приспособлен к условиям Сети и всегда могу найти убежище в буферных зонах. ПН мне уже без надобности. А ты будешь иметь возможность маневра.

Кирилл подумал, с сомнением взвесил в руке кейс ноутбука, кивнул.

— Как его закрепить?

— Просто прикажи унику, он сам закрепит его там, где тебе удобно. Лучше всего на груди или на спине.

Самым удобным местом Кириллу показалась спина, и он прилепил ноутбук таким образом, чтобы его ручка торчала над

правым плечом. В случае необходимости снять его можно было в любой момент.

Вдруг тихо вскрикнула Лилия.

Кирилл метнулся назад, в дым разбивая телом ветки и шипы «саксаула», и увидел пересекавшую впадину процессию призраков. Таким было первое впечатление. Потом стало видно, что идёт один человек, точнее, существо, похожее на человека, но идёт странно, как бы исчезая в одном месте и появляясь в другом, чуть впереди, и при этом оставляя за собой хвост из тающих фигур.

Этот призрачный хвост спустился по одному склону впадины вниз, прошествовал мимо замершей Лилии, поднялся по другому склону и растаял в глухой чаще «саксаула».

Кирилл снял ладонь с рукояти стоппера, оглянулся на Утолина.

— По-моему, мы все видели одно и то же. Или ты будешь утверждать, что это галлюцинация?

— Не буду, — мрачно буркнул Утолин. — Это ещё один джокер-фантом, мультиплетный. Но там, где он появляется, обычно происходят неприятные события. Надо успеть найти Лаврентия и смыться отсюда.

— Где ты намерен его искать? Кругом дикие колючие заросли…

— Это не заросли, а свёрнутые по трём измерениям семантические пространства игровых программ. Каждая такая хроноветочка или шип «саксаула» представляет собой процесс взаимопересечения инвариантов Гиперсети. Где-то среди них бродит сейчас и наш приятель.

Лилия скептически оглядела стену зарослей.

— Мы же сквозь них не продерёмся… или заблудимся.

— Если Лавр не выключил комп, его можно запеленговать.

— Каким образом?

— Вот он может. — Утолин кивнул на задумчивого Кирилла. — Давай, полковник, включай свою экстрасенсорику.

Кирилл, прищурясь, посмотрел на него, и капитан добавил:

— Попробуй войти в боевой транс. Ты это умеешь.

— Без противника?

— Твой противник — ты сам. Сила, которую способен накопить человек для магического оперирования реальностью, ограничена его природными данными, выносливостью нервной системы и организма в целом. Но сила эта настолько гибка и точна, насколько желает оператор и насколько ему хватает умения манипулировать собственной волей. Попытайся, у тебя должно получиться. Хотя если бы я тебя включил, ты сделал бы

это без труда.

Кирилл помедлил и начал готовить себя к высокоэнергетической отдаче, по сути — к схватке с самим собой.

Сначала пришло ощущение замедления времени.

Температура тела повысилась.

Кровь закипела и быстрее побежала по жилам.

Пришло ещё одно необычное ощущение — чуть ли не полная потеря веса. Тело стало сухим, лёгким и звонким. Каждое движение изменяло параметры окружающей среды. Сила мышц увеличилась настолько, что он готов был дробить кулаками камни.

Потом пришло ясное и твердое спокойствие.

Кирилл увидел себя со стороны и сам стал пространством, воздухом, лесом, небом и землёй, ощущая их связи, шёпоты и потоки энергии.

Горизонт внезапно раздвинулся.

Чёрные заросли «саксаула» стали почти прозрачными, открывая барханный лик бесконечной пустыни. А небо превратилось в бездну, притягивающую взор, грозящую поглотить всё живое под ним. Внезапно пришло озарение, что эта бездна представляет собой Метавселенную следующего уровня Гиперсети, управляемую операторами, чьи возможности приближаются к возможностям Творца Гиперсети.

Кириллу остро захотелось проникнуть в бездну чужого мира, посмотреть на его физическое воплощение хотя бы одним глазком, но он был человеком слова и мысленным усилием закрыл «форточку» любопытства. И почти тотчас же увидел-ощутил посреди пустыни одинокую фигурку человека в лучистом ореоле эмоций, бредущую с горящей свечой в руке.

Это был Лаврентий Киндинов. Свеча в его руке скорее всего представляла собой работающий ицахский компьютер. Таким его отобразила сфера восприятия Кирилла.

— Кажется, я его вижу…

— Веди!

Кирилл слепо двинулся вперёд, не замечая ни шипов, ни перекрученных ветвей «саксаула». Создавалось впечатление, что они расступаются перед ним и смыкаются за его спиной, не пуская остальных. Поэтому Лилии и даже Утолину приходилось прилагать немало усилий, чтобы обходить особо густые сплетения чёрно-фиолетового «леса» и не отставать.

Шли долго, иногда выписывая петли и дуги: Лаврик явно не ориентировался в «лесу» и двигался куда глаза глядят. Однако поход всё же закончился. Отряд преследователей вышел на край гладкой стеклянистой проплешины и увидел сидевшего в центре

Лаврентия. Компьютерщику, вероятно, надоело бродить по колючим зарослям фрактально пересечённых пространств, и он решил с помощью ПН покинуть очередную буферную зону.

— Лавр! — окликнула его Лилия.

Киндинов вздрогнул, оглянулся. Его заросшее щетиной лицо отразило радостное недоверие.

— Вы?! Как вам удалось найти меня?

— По запаху, — пошутил Утолин. — Что ж ты нас бросил? Решил, что можешь обойтись без охраны?

Радость Лаврика померкла.

— Ничего я вас не бросил… так получилось… да и нет тут никого, одни колючки. От кого прятаться?

Утолин, за ним Кирилл и Лилия подошли к Лаврентию, на коленях которого играл разноцветными огнями «сросток кристаллов» ицахского компьютера.

— И куда же ты собирался попасть? — продолжал капитан доброжелательным тоном.

Лаврик смутился.

— Вообще-то я задал координаты верхних уровней… а оказался здесь.

— В буферной зоне между ицахской реальностью и следующим инвариантом Сети.

— Не понимаю, почему мне не удалось?.. Буду разбираться. И ещё не понимаю, почему здесь сила тяжести равна земной? Да и воздух, как на Земле.

— Во-первых, практически во всех узлах реальности Гиперсети варьируются земные условия. Во-вторых…

— Но почему именно земные?!

— Потому что Творец Сети создавал её по образу и подобию Фундаментальной, или Базовой реальности, характеристики которой близки к земным. Можно сказать, что каждая реальность — это вариант Земли и её космоса, несмотря на все различия. Во-вторых, Творец тоже имеет человеческий облик, хотя он неизмеримо свободней и вольней в самореализации.

— Значит, Библия права? — хмыкнул заинтересованный Лаврентий. — Бог создал нас по своему образу и подобию?

— По большому счёту — да. Однако стоит помнить, что создавал он не конкретно людей, а программу развития Жизни. А уж она запустила подпрограммы разумного осмысления Первозамысла, то есть нас.

— Откуда ты всё знаешь?

Утолин усмехнулся.

— Было время покопаться в секретной информации. Изгоем я стал позднее, когда увлекся земными Фигурами Влияния. Кстати,

не советую бежать в глубины Сети без нас. Пропадешь ни за грош. К примеру, реальность высшего уровня, операторы которой контролируют Метавселенную Ицаха, уже шестимерна, а время в ней, кроме трёх измерений, имеет ещё и разную плотность. Поэтому каждое движение там изменяет форму отношений и связей, эмоции существ становятся видимыми, а идеи — ощутимыми и реальными.

— Ну и что?

— Это я к тому, что ты ещё далеко не оператор МОР-уровня, как тебе кажется, а обычный земной хакер с задатками оператора. Ты просто растворишься в кипящей каше чужих законов бытия.

— Не растворюсь, — буркнул Лаврик, хотя на лице его отразилась тень сомнения. — Никуда я без вас уходить не собирался.

Внезапно Кирилл почувствовал странный внутренний толчок, заставивший его прислушаться к себе и к тишине вокруг. Встрепенулся и Утолин, вытаскивая геометрически совершенное чудо техники — нейтрик.

— Или у меня нервы расшалились, или одно из двух…

С гулким треском бледно-зелёная молния расколола небеса и вонзилась в почву между людьми и опушкой «леса». Лаврик опрокинулся навзничь от воздушной волны, компьютер отлетел в сторону и погас. Не удержались на ногах и Кирилл с женой.

Молния же не исчезла, продолжая пульсировать как живая артерия, заполненная не кровью, а бледным перламутровым пламенем. И вот из этой «артерии» высунулась когтистая лапа с перепонками, вторая, затем показалась жуткая морда динозавра с пылающими щелевидными глазами.

— Бегите! — крикнул Утолин, бросаясь к динозавру.

Кирилл выстрелил из стоппера, метнул оставшиеся у него умболики, втыкая их в пупырчато-чешуйчатую морду зверя. Не зверя — Пса!

Динозавр… улыбнулся! Только так можно было интерпретировать его гримасу. Направил в сторону Кирилла длинный коготь, с которого сорвалась ветвистая фиолетовая молния. Но за мгновение до этого Утолин прыгнул между Псом и Кириллом, и молния вонзилась в него.

Произошло нечто вроде бесшумного взрыва, во все стороны полетели клочья света и дымные кольца. Тело Утолина испарилось, превратилось в шлейф гаснущих искр, но рука продолжала нажимать на гашетку нейтрика, словно жила отдельно от тела, а глаза продолжали смотреть на врага с угрозой, ловя все его движения. Потом и голова, и руки втянулись в облачко искр, и капитан исчез окончательно.

Нейтрик упал на землю.

Однако и Пёс получил приличную дозу деструктивного гипертекста, что отразилось на его облике — он превратился в сплетение полупрозрачных фигур — и заставило «собирать» себя в единое существо.

Кирилл понял, что у них остался только один шанс уцелеть, и гигантским психофизическим усилием — дистанционно! — включил ноутбук у себя на спине.

— Цепляйтесь за меня!

Компьютеру понадобилось несколько секунд, чтобы запустить файл ПН, в течение которых программный Пёс приходил в себя и трансформировался в закованного в латы рыцаря. Голова его при этом так и осталась головой динозавра. Глаза Пса вспыхнули, он снова обнажил клыки, показывая гнусную «улыбочку», вытянул в сторону людей руку в латной перчатке, и в это время ПН развернулась полностью, пробила «дыру» в пространстве и унесла людей в соседний инвариант Гиперсети.

Глава 23. Рай

Больше всех переживала гибель Утолина Лиля.

Он сделал для неё так много, что стал не просто другом и товарищем, но близким человеком. Кириллу капитан не слишком нравился, особенно в последнее время, но и он испытывал чувство потери и неуюта. Без такого опытного проводника, каким был Ювинга-Утолин, путешествовать по Гиперсети было трудно.

Быстрей других пришёл в себя Лаврик. Не в его характере было переживать за товарищей и предаваться скорби. Он был фанатиком-исследователем и думал только о своём интересе, межчеловеческие отношения не казались ему главными. А более всего поразила его последняя демонстрация силы Кирилла, когда тот мысленно включил компьютер и спас всех троих от неминуемой гибели.

— Как ты это сделал? — долго допытывался обалдевший Лаврентий, пока Кириллу не надоела его настырность, и он сочинил байку о постоянно включённом ноутбуке. Признаваться в своих новых способностях не хотелось. Даже с Лилей Кирилл не стал делиться своим умением ориентироваться в пространствах иных измерений и мысленным усилием воздействовать на физический мир.

Впрочем, и для него это умение оказалось неожиданным и экзотическим, с чем ещё предстояло разбираться и экспериментировать, чтобы не навредить ни себе, ни спутникам, ни другим мирам.

Бросок по «кротовой норе» за пределы буферной зоны, где программный Пёс ограничил Ювингу-Утолина, закончился в самом невероятном из миров, который только можно было представить.

Утолин оказался прав: пространства с иным количеством измерений и «объёмно-дышащим» временем сознание человека воспринимать не могло. В силу принципиальных ограничений. И лишь благодаря созревшей способности Кирилла видеть невидимое и ощущать непонятное, после долгих приключений и нервных стрессов они смогли выбраться из «трясины» многомерья и найти уголок для отдыха, которому вполне приличествовало название «райский».

Но до этого момента пришлось попереживать.

Удар «приземления» был настолько силён, что все трое на какое-то время потеряли сознание.

Первым пришёл в себя Кирилл.

Огляделся, ничего не соображая, вспомнил, что он не один, и

тревожно наклонился над скорчившейся рядом женой. Повернул её к себе, отнял судорожно прижатые к лицу руки, погладил по бледным щекам. Ресницы Лилии вздрогнули, она открыла глаза.

— Мы… живы?

— Живы или одно из двух, — ответил Кирилл хрипло. Глянул на приходящего в себя Лаврика и лишь после этого поднялся с колен и начал осматриваться.

Пейзаж немного напоминал горный, разве что горы и удивительной формы серебристо-белые и прозрачные скалы располагались не хаотично, а в геометрически закрученном спиралевидном порядке. И все они плавно изменяли форму, дышали, текли снизу вверх, вибрировали, пульсировали, исчезали и появлялись вновь.

Почва в этом мире представляла собой толстый слой серебристо-перламутрового мха, по которому можно было ходить, как по упругому батуту. Небо как таковое отсутствовало. Вместо него над текучим ландшафтом нависало самое настоящее оловянно-свинцовое море с белыми барашками волн и пены. Море кипело и выстреливало вниз фонтаны, перетекающие в скалы и создающие невиданной красоты конструкции.

А между скалами текли потоки призрачных геометрических фигур, чем-то похожие на толпы пешеходов на улицах земных городов. Фигуры сталкивались, входили друг в друга, изменяли форму, таяли, внезапно вспыхивали, взрывались, а иногда превращались в чёрные сосульки и исчезали.

Этот мир был наполнен удивительной жизнью и сам был живым, непредсказуемо изменчивым, разнообразным, таинственным и… чужим. Непрошеные гости ему были не нужны. Он их просто не замечал. Уже на второй минуте созерцания ландшафта люди почувствовали головокружение и неприятные судороги в желудке: их вестибулярный аппарат не выдерживал качания пространства вокруг и смены цветовых гамм.

Трудно было представить, что этот мир, многократно пересекающийся сам с собой, является всего лишь сложной программой в каком-то вселенском компьютере. Или мыслью Творца.

— Больше не могу, тошнит… — согнулся пополам Лаврентий. — Дай ноутбук, я выберу инвариант попроще…

Кирилл не ответил, отмечая потоки движения вокруг них. Он тоже чувствовал себя нехорошо, но держался.

Они вылупились из «кротовой норы» ПН на вершине одной из гор, стоящей посреди небольшого «лунного цирка», который, в свою очередь, был окружён невысоким частоколом из прозрачно-снежных сосулек. Сосульки пульсировали, то и дело превращаясь

в осмысленные иероглифы, руны и буквы русского языка, словно пытались что-то сообщить людям. Кириллу казалось: ещё одно усилие, и он вот-вот поймёт скрытую суть того, что хотели ему передать живые сосульки. Но смотреть на них долго было нельзя, организм не выдерживал пульсации мерности, и Тихомиров отказался от намерения постичь смысл происходящего вокруг.

А танец фигур на всём видимом «горно-городском» пространстве продолжался, поражая разнообразием форм и богатством цветовых сочетаний. Иногда среди них мелькали до боли знакомые формы: многоэтажные дома, ракеты, машины, арки, башни, колокольни. Однако стоило взгляду остановиться на такой «колокольне», как её форма тут же искажалась и она превращалась в чешуйчатую снежно-белую скалу, в гигантский сталагмит.

Лилия присела на корточки, спрятала лицо в ладонях.

— Хочу домой… — послышался её шёпот.

Кирилл опустился на корточки рядом, прижал её к себе, погладил по волосам.

— Когда-нибудь всё это кончится.

— Побыстрее бы… Знаешь, что я подумала? Сальвадор Дали, наверное, не был шизофреником, он просто видел пересечение пластов Гиперсети.

Кирилл улыбнулся:

— Тогда и многие импрессионисты видели.

— Придумай что-нибудь…

— Я же говорю — дай ноутбук, — проворчал Лаврик, также закрывший глаза ладонью.

Кирилл разогнулся, поймав на грани слуха нечто вроде тонкого колокольного звона.

В «толпе» призраков, обтекающих прозрачно-ледяные скалы, появилась странная фигура, напоминающая человека на ходулях или скорее пугало. Оно шло быстро, почти не меняя очертаний, чёрное внутри, светлеющее к краям «одежды» до изумрудного оттенка, изредка останавливаясь у скал, и тогда те вдруг вспыхивали фонтанами огней, разворачивались в удивительные красочные букеты конструкций или же, наоборот, чёрнели, съеживались, сворачивались, уменьшались в размерах и пропадали.

Кирилл вспомнил слова Ювинги-Утолина, что слой Гиперсети с большим количеством измерений реализует такие семантические объекты, как эмоции и идеи. Беглецы попали именно в такой мир, и скалы вокруг, очевидно, представляли собой идеи разумных существ, живущих здесь, но недоступных зрению землян. А толпы призраков вполне могли быть их

эмоциями.

«Пугало» прошагало мимо, оставляя после себя след в виде затухающих огненных конструкций и не обращая внимания на людей. И тогда Кириллу пришла в голову мысль реализовать свою идею, воплотить в реальность мечту об отдыхе, как это делал чёрно-зелёный урод. Вспомнилось изречение Шиллера: «Вселенная — это мысль бога». В данном случае можно было попытаться повлиять на окружающее пространство таким образом, чтобы мысль превратилась из идеи в реальность. Если только здесь не существовало каких-либо законов ограничения на волеизъявление гостей.

Кирилл сосредоточился, оставаясь спокойным и открытым. Ни при каких обстоятельствах нельзя было делать лицо внимательным, напряжённым, умным или значительным. Напряжение нейтрализовало часть энергопотока и мешало достичь цели в кратчайшие сроки. Хотя самонастройкой Кирилл занимался с детства, научился он этому всего два-три года назад.

Здесь нет власти, кроме моей власти! — сказал он внутрь себя.

Здесь нет силы, кроме моей силы!

Здесь нет мысли, кроме моей мысли!

Здесь нет воли, кроме моей воли!..

Последние слова он произнёс вслух и ясно представил, что он хотел сделать. И не удивился, когда горно-ледяной пейзаж вокруг исчез, а вместо него появились луг, лес невдалеке, река, песчаный пляж и стожок сена. Только небосвод остался тем же — бесконечным свинцовым океаном с бегущими по нему белыми барашками волн, так что смотреть на него было страшновато. Казалось, что ты висишь вниз головой к планете и вот-вот начнёшь падать в океан.

Зашевелилась Лилия, принюхиваясь к появившимся знакомым запахам цветущего луга, скошенного сена и речного берега. Удивленно огляделась, не понимая, что произошло. Лаврик тоже поднял голову и открыл рот, потрясённый изменением ландшафта.

— Елы-палы! Ты включил ПН? Как мы здесь оказались?

— Ничего я не включал, — проворчал Кирилл, помогая жене встать. — Просто подумал, что неплохо бы отдохнуть в привычных условиях, и сразу все изменилось. Наверное, здешняя физика реагирует на мысли.

— Что-то на мои мысли она не реагирует…

Лаврик сорвал травинку, растёр в ладонях, понюхал пальцы и зашагал вниз к реке. Плеснул водой на лицо.

— Настоящая вода! Ни хрена себе! Ну ты даёшь, полковник!

Может, поделишься тайной, как ты это делаешь?

«Если бы я знал сам», — подумал Кирилл. Вслух же сказал:

— Рыбу ловить умеешь? Неплохо бы ушицы сварить…

— Руками ловить, что ли? — хмыкнул Лаврентий. — Да и варить уху не в чем.

Кирилл снова сосредоточился на желании, и на берегу возник горящий костер с котелком над ним и стоящим рядом ведром с живой рыбой. Затем появились деревянно-брезентовые шезлонги, столик с бутылкой шампанского и бокалами, палатка и надувные матрацы.

— Прошу устраиваться, — сделал Кирилл приглашающий жест.

Лилия перевела взгляд с костра на его невозмутимое лицо, чмокнула в щёку и сказала, пряча в глубине глаз тень сомнения:

— Подумаешь — костёр… обыкновенная МОР-технология.

Кирилл улыбнулся:

— Самая обыкновенная. Хотя я совершенно не понимаю, почему и как это происходит.

Лилия не улыбнулась в ответ. Она вспомнила Утолина, тоже демонстрировавшего знание МОР-технологий. Кирилл понял, о чем она подумала, и сам почувствовал сожаление. Ему не хватало надёжной и сильной руки, на которую можно было бы опереться. Утолин же — не оператор Ювинга, а земной человек — при всех его закидонах был надежен.

Они сели в шезлонги, прислушиваясь к тишине и подспудно ожидая какой-нибудь каверзы от местной природы. Но всё было спокойно, тишина нарушалась лишь шелестом ветра в траве и кустах, плеском воды да потрескиванием сгорающих в костре веток. От пейзажа веяло умиротворением, чего и хотел Кирилл, когда представлял себе место, где их никто бы не потревожил. Не хотелось думать о бегстве в неизвестность, о преследователях, о тревогах и страхе. Хотелось просто сидеть у костра, смотреть на пляшущие языки огня и думать о приятном. Хотя при этом Кирилл ни на мгновение не забывал, где они находятся на самом деле.

— Как странно… — проговорила Лилия, расслабляясь в шезлонге. — Все с виду такое настоящее… оторопь берёт! А ведь это всего-навсего виртуальная реальность… программа…

— Скорее локальное нарушение программы, — хмыкнул Лаврик, разглядывая бутылку шампанского. — Надо же, «Бриллиантовая коллекция», Криково. Я такого ещё не пробовал. Лично меня наше положение вполне устраивает.

— И не удивляет?

— Ни капельки. Мы до сих пор находимся в поле действия

алгоритма ПН, раздвигающем любые энергоинформационные континуумы, отсюда и эти чудеса. Единственное, что мне непонятно, так это каким образом Кириллу Иванычу удаётся дистанционно управлять компом. Научил бы, Иваныч?

Кирилл пожал плечами, не желая продолжать эту тему.

Лаврик понял его чувства, неприязненно поджал губы, однако спорить не стал. Разлил шампанское по бокалам, подал спутникам.

— За благополучное завершение похода.

Они сдвинули тонко зазвеневшие бокалы, осторожно отхлебнули пузырящийся напиток, пробуя его на язык.

— Неплохо, — сказал Лаврентий. — Хотя я всё-таки предпочитаю мартини. Кстати, я бы перекусил чего-нибудь. Иваныч, колдани жареного поросёнка или на крайний случай пару гамбургеров.

— Чисти рыбу, — предложил Кирилл. — Сварим уху, поджарим или запечём в золе.

Лаврик поморщился.

— Это не для меня. Давай я повожусь с ПН, доведу её до кондиции, чтобы мы могли переходить из уровня в уровень Гиперсети в любой момент.

— Отдай ему ноутбук, — посмотрела на Кирилла Лилия. — Я сама почищу рыбу.

— Он уже один раз бросил нас, — пробормотал Кирилл. — В результате погиб капитан.

— Он погиб не из-за меня, — окрысился Лаврик. — А ушёл я тогда не для того, чтобы вас кинуть.

— А для чего?

— Я проверял режимы ПН и собирался вернуться. — Он подумал и добавил: — Без вас я пропаду.

— Осознал, — улыбнулась Лилия. — Поверим ему?

Кирилл с сомнением заглянул в ставшие простецкими глаза Киндинова, помедлил и достал из-за спины ноутбук.

— Только будь, пожалуйста, осторожен с экспериментами. Ты видел, как погиб капитан. Пёс не пожалеет ни нас, ни тебя.

— О'кей, — пробормотал рассеянно Лаврик, принимая компьютер.

Он отволок шезлонг подальше от костра, уселся лицом к реке и пристроил на коленях ноутбук.

Кирилл сосредоточился, выключил работающий компьютер и снова включил. Сила, проявившаяся внезапно во время последней встречи с программным Псом, продолжала его слушаться, что успокаивало. В случае, если бы Лаврик захотел снова отправиться по мирам Гиперсети без товарищей, его можно будет остановить.

Лилия поёжилась. Виновато улыбнулась в ответ на взгляд мужа.

— Ты вспомнил Пса, и я представила, что он здесь… Как ты думаешь, почему он принимает облик зверя?

Кирилл поставил бокал на столик, взглядом заставил яблоко взлететь и прыгнуть к нему в руку. Удовлетворенно попробовал сочную плоть фрукта. Он казался настоящим, как шампанское и всё остальное, и тем не менее Кирилла не покидала тень ощущения, что весь возникший ниоткуда уголок земной природы — иллюзия. Изумительная по точности и сенсорной организации, но иллюзия.

— Что молчишь? — прищурилась Лилия.

— Думаю, — с запозданием ответил Кирилл. — Как говорил капитан, Пёс — это целевая программа, нейтрализующая другие программы Сети. Зверем его делает наше воображение. И страх. Когда мы встречались с ним в последний раз, он превратился в рыцаря, закованного в латы.

Лилия покачала головой:

— Я не заметила… Для меня он остался волосатым клыкастым монстром.

Кирилл с интересом посмотрел на жену.

— Волосатым? У нас разное воображение. Я вижу Пса динозавром.

— А я — волком-оборотнем.

Они улыбнулись друг другу, потом Лилия кивнула на увлекшегося работой Лаврика:

— Интересно, каким видит Пса наш хакер?

Ответить Кирилл не успел.

Лаврентий вдруг издал ликующий вопль, и тотчас же между ним и сидящей в шезлонгах парой возникла самая настоящая стеклянная стена.

Кирилл мгновенно понял, что это означает, напрягся, пытаясь мысленным усилием выключить компьютер, и не смог! Его мысль, помноженная на волю, отскочила от стены и едва не оглушила, словно отразившаяся ударная волна. Да и не стена это была, а некий закон, сформированный алгоритмом ПН и не подчинявшийся никому, кроме оператора, которым в данный момент был Киндинов.

Лаврик обернулся, с торжеством посмотрел на привставшего Кирилла. По его губам проскользнула ехидная усмешка.

— Дурак ты все-таки, Кирилл Иваныч! Настоящий полковник. Так и не понял, что нам не по пути. Конечно, спасибо за доверие и за помощь, когда-нибудь я за это поставлю тебе бутылку коньяку, но с этого момента я свободен. Мне и нужно было всего

ничего — проинтегрировать спектральную функцию ПН по принципу отсечения неопределённости, и я это сделал. Понимаешь? Нобелевская премия прямо-таки плачет по мне. Теперь прощайте, господа.

Кирилл ударил в стену кулаком воли, так что она пошла трещинами, и, наверное, следующим ударом смог бы её разбить, однако Лаврик, с изумлением глянувший на стену, переменился в лице, погрозил Кириллу пальцем и исчез вместе с ноутбуком и стеной.

А вместе с ним исчезло всё, что «наколдовал» Кирилл: луг, река, лес, костёр, столик с фруктами и шампанским. Вокруг снова проявился мир чужой реальности с текучими снежно-ледяными скалами и толпами призраков.

Глава 24. Петров и компания

К счастью, Лиля не потеряла присутствия духа, что позволило Кириллу преодолеть растерянность, унять волну гнева на сбежавшего компьютерщика и начать поиски выхода из положения.

Сила, опиравшаяся на энергетику алгоритма ПН, ушла вместе с компьютером и Лавриком, но Кирилл чувствовал некие энергетические потоки, циркулирующие по меридианам тела, и решил попытаться выйти на уровень МОР-технологии, опираясь на собственные психофизические запасы и волю.

Первая попытка оказалась неудачной. Никак не удавалось отстроиться от воздействия пульсирующих форм местной жизни, окончательно успокоиться и расфокусировать внимание и зрение. Как только Кирилл входил в состояние рассредоточенного покоя, его буквально «выбивало» обратно, как вышибает пробку при всплеске электрического тока.

Лиля почувствовала, как вздрагивает муж, и встревожилась, но он её успокоил, прошептав на ухо:

— Что-то я ослабел маленько. Сейчас сосредоточусь, и мы покинем этот нервный мирок.

Вторая попытка ознаменовалась изменением пейзажа.

Вокруг них образовалась стеклянная на вид полусфера, отрезавшая людей от текучего мира многомерья. Призраки превратились в туманно-серебристые струи, снежно-ледяные скалы — в кособокие ажурные конструкции, напоминающие недостроенные небоскребы и башни. Но главное — пейзаж застыл! Движение в странном «городе» замерло, и только туманные струи тихонько колыхались между башнями, оседая на «мостовую» красивым жемчужным налетом.

— Что это?! — прошептала Лилия. — Почему всё так изменилось? Или мы уже вышли в буферную зону?

— Непохоже, — пробормотал Кирилл, продолжая удерживать себя в резонансном состоянии, и тут его осенило: — Время! Здесь время трёхмерно, а то и четырёхмерно, мы просто шагнули «в сторону», не «в длину», а «в ширину», поэтому всё и замерло.

— Странно…

— Согласен. Зато нас теперь может заметить только тот, кто тоже шагнул «в сторону» во времени. Ну-ка я попробую изменить вектор…

Кирилл закрыл глаза, перебирая вибрации энергетических потоков, проходящих сквозь его «жужжащий» мозг, и нащупал «временную ординату», уходящую вверх, в безмерные выси

здешнего космоса. Возникшая прямая связь между подсознанием и сознанием создала необычное состояние души и тела, а мысленная конструкция, видимая не глазами, а интуицией и вообще всей сферой чувств, была удивительно красивой и гармоничной. Вероятно, это состояние соответствовало тому явлению, которое Ювинга-Утолин называл парамостом между глубокой психикой и сознанием, а люди — озарением.

Пейзаж вокруг снова изменился.

«Недостроенные башни» превратились в гейзеры света, «булыжная» мостовая покрылась ажурной вязью оранжевых грибов, туманные струи распались на отдельные облачка, проникающие друг в друга и вспыхивающие сеточками золотистых молний. А ещё в небе проявилась объёмная сеть из светящихся жил, накрывшая весь этот колоссальный, уходящий в бесконечность мир.

— Как красиво! — выдохнула Лилия. — И музыка…

Кирилл тоже услышал лившуюся со всех сторон тихую многотональную мелодию. Это звенела светящаяся объёмная «паутина», представлявшая собой мысли существ, населявших удивительный многомерный слой Гиперсети.

— Мы вышли по «вертикали» времени вверх, — сказал Кирилл, чувствуя упадок сил. — Если бы я мог долго держать энергопотоки…

В глазах потемнело. Наступил короткий обморок.

И тотчас же произошло стремительное выпадение людей из «объемного» времени в линейное, в котором жили их тела.

Очнувшись, Кирилл понял, что лежит навзничь, и почувствовал ладошку жены на лбу. Открыл глаза, виновато улыбнулся.

— Слабый я ещё МОР-оператор…

— Ничего, потренируешься и станешь не хуже Диаблинги. Полежи, отдохни.

— Нельзя мне лежать. — Кирилл приподнялся, поморщился, чувствуя головокружение. — Здешние «слепыши» уже наверняка запеленговали нас, надо ждать хозяев…

— Каких? — не поняла Лилия.

— Вряд ли приятных, — усмехнулся он. — Здесь тоже должен существовать иезод контроля нижних уровней Сети со своими операторами. Мы для них гости непрошеные, вирусы, от которых необходимо избавляться.

— Я думаю, они даже не знают, что мы здесь.

— Почему?

— Потому что они контролируют нижние уровни, а не свой собственный. Нами скорее должны заинтересоваться операторы

следующего, более высокого порядка.

Кирилл озадаченно посмотрел на жену.

— А ведь верно! Я об этом не подумал. Интересно, что же это за существа? Люди или нет? И в какой реальности они живут?

— Если перейдём границу — узнаем, — грустно улыбнулась Лиля. — Хотя, если честно, мне это всё ужасно надоело.

Кирилл сел, притянул её к себе, поцеловал. Так они сидели некоторое время, обнявшись, ни о чём не думая, просто ощущая тепло тел и чувств друг друга. А мир вокруг пульсировал, колыхался, тек, светился, изменялся и совершенно не желал реагировать на присутствие землян, живущих по своим — более простым, линейным, трёхмерным законам.

Внезапно Кирилл почувствовал затылком чей-то взгляд и рывком обернулся, испугав жену.

Сквозь поток призраков двигался знакомый джокер-фантом в виде «спектрального ряда» человекообразных фигур. Впереди почти невидимый, прозрачно-серый силуэт, за ним чуть плотнее, но тоже малозаметный, прозрачно-голубоватый, потом стеклянно-зеленоватый, золотистый, оранжевый — самый плотный и снова золотистый, зеленоватый, голубой, все менее плотные и более прозрачные, всего двенадцать силуэтов, синхронно повторяющих движения оранжевого «хозяина».

Джокер прошествовал мимо замерших людей, глядя на них и сквозь них двенадцатью парами иногда проявлявшихся в прозрачном объёме головы кошачьих глаз, и скрылся внутри одной из ледяных текучих скал.

— Дьявол! — пробормотал Кирилл, вспоминая слова Утолина о способности «спектрального» джокера вызывать неприятности. — Кажется, дождались…

Он глубоко вздохнул, пытаясь взбодриться и преодолеть дикое нежелание напрягать последние силы. И в этот момент с гулким треском в сотне метров от них раскололась «мостовая», из образовавшейся огненной трещины выметнулся фонтан чёрного бурлящего дыма и превратился в знакомого «динозаврорыцаря». Пёс всё-таки нашёл свои жертвы, свободно пересекая границы между инвариантами Гиперсети.

Он не спешил, направляясь к отшатнувшимся землянам и показывая свою специфическую «улыбку» — жуткий оскал острых кинжаловидных клыков длиной с человеческую ладонь. По сути, Пёс не был живым существом, испытывающим какие-либо эмоции, но беглецам казалось, что он злорадствует и наслаждается предвкушением расправы, и от этого ощущения трудно было избавиться.

Кирилл выстрелил с двух рук — из стоппера и нейтрика, хотя

тут же подумал, что напрасно теряет время. Надо было попытаться уйти отсюда через «кротовую нору» МОР-состояния. Но время уже было упущено, оставалось только стрелять и ждать ответного удара с ясным осознанием того, что никто на помощь не придёт.

Никто!..

Перед фигурой Пса внезапно вырос веер огня и дыма.

На мгновение все замерли: Лилия, Кирилл и сам Пёс. Излучение стоппера и нейтрика на него почти не действовало, разве что притормаживало развитие процесса, которым он и являлся. А затем из ближайшей к месту боя скалы один за другим выскочили на мотоциклах семь человек в пятнистых комбинезонах и масках и открыли по псевдорыцарю огонь из автоматов и гранатомётов.

Фигура Пса скрылась в вихрях разрывов.

— Чего ждете? — раздался за спиной Кирилла скрипучий голос.

Он оглянулся, с трудом удержав палец на курке нейтрика.

На него смотрел подполковник Петров с базукой в руках и неприязненно морщился.

— Вы?! — не поверил глазам Кирилл.

— Нет, девушка по вызову, — позволил себе пошутить командир бригады ПСП. — Сматывайтесь отсюда, пока вас не ограничили, мы отвлечём этого зверя.

— Но почему вы?..

— Уходите, я сказал! — рявкнул Петров, разряжая базуку в грудь «динозаврорыцаря».

Огненная стрела вонзилась в морду Пса, лопнула струями жидкого пламени.

Кирилл опомнился, сунул нейтрик Лилии.

— Стреляй, когда зверь попытается подойти к нам. Я все же попробую пересечь границу без помощи ПН…

Он сел на камни «мостовой», поджав ноги, положил ладони на колени и закрыл глаза, вызывая состояние немедитативного — боевого транса. Звуки боя отдалились, перестали восприниматься, отступили тревоги и страхи, сердце забилось ровно и сильно, душа «обняла» тело, защитив его от судорог пси-пространства, вытянулась над местом сражения «во весь рост».

Кирилл ощутил себя горой, массивной, плотной, всесильной, устремил взгляд в бездну неба и встретил чей-то ответный заинтересованный взгляд, но не стал отвлекаться на контакт с неведомым наблюдателем. Задержал дыхание, чтобы произнести формулу Воли…

Между тем бой команды подполковника Петрова с Псом

почти закончился. Огромный «зверь-процесс» быстро разнёс в пыль мотоциклистов, превратил в язык тумана самого подполковника и шагнул к людям, отшатываясь от каждого импульса нейтрика, но не останавливаясь. И в это время с неба свалилась ещё одна команда — на ранцах с реактивными двигателями, в чёрных куртках, с зенитно-ракетными комплексами в руках — и тоже открыла ураганный огонь по псевдорыцарю, так что казалось, будто вокруг разверзлась преисподняя.

Это примчалась команда СНОС, неизвестно по какой причине вставшая на защиту тех, кого ещё совсем недавно преследовала и пыталась ликвидировать.

Но и она не могла долго сдерживать программу, способную нейтрализовать любую другую программу Гиперсети и любой вирус. Боевики СНОС начали гибнуть один за другим, Пёс сбивал их одним движением лапы, не реагируя на попадания ракет, кромсавших его тут же восстанавливающееся тело, и когда он освободился от назойливых атак более слабой программы, Кирилл наконец поймал резонанс.

— Здесь нет власти, кроме моей власти! — вслух произнёс он глубоким «внутренним» голосом.

И мир чужой реальности опустел.

Земляне исчезли.

Пёс опустил закованные в металл руки, оглядел поле боя, усеянное рытвинами и чёрными шрамами, фигура его стала зыбиться, распадаться, трансформироваться, очень быстро сменив множество разнообразных фигур, остановилась на облике капитана Утолина. Затем Утолин-Пёс взвился вверх и растаял на фоне свинцового небесного «океана» с барашками волн.

Грот был великолепен.

Располагался он в теле светящегося изнутри ледника и поражал воображение красотой плавно переходящих друг в друга полостей, переливами световых пластов и радужной игрой драгоценных камней, вкраплённых в стены грота. Впрочем, драгоценные камни вполне могли представлять собой кристаллы льда, так что насчёт их цены Кирилл не обольщался. Да и мысли его были заняты другим.

Посидев рядом с уснувшей прямо в ледяной ложбинке женой — внутри грота была минусовая температура, но костюмы защищали людей от холода, — он тихонько встал и вышел из грота, куда они попали в результате «нештатного» перехода границы между уровнями Гиперсети.

Напряжение перехода сказалось на его инициаторе, и Кирилл

потерял сознание сразу же после того, как они очутились внутри ледяной пещеры. Однако организм вскоре справился с потрясением, и Тихомиров очнулся, почувствовав прикосновение к губам: Лилия поцеловала его, отчаявшись привести в чувство другими средствами.

Они посидели на льду, оглядываясь и приходя в себя, обследовали грот и вышли из него на край колоссального каньона, сложенного из пластов разноцветного прозрачного льда. Лишь потом стало заметно, что каньон «дышит» — то проваливается, углубляется до немыслимых глубин, то сужается и зарастает льдом, и тогда Кирилл понял, что это разлом. Разлом, отделяющий ледник с гротом от остального «материка» и представляющий собой разрыв реальности. Они снова оказались в буферной зоне, где пересекались слои-программы Гиперсети.

Лилия, уставшая от обилия «инвариантных» пейзажей, долго разглядывать новый мир не стала. Вернувшись в грот, она свернулась клубочком в ледяной рытвине (вырастив себе капюшон и перчатки) и уснула. Кирилл тоже вернулся вместе с ней, обошёл просторные залы грота, пытаясь представить причины его появления. Но на ум ничего не шло, кроме таяния льдов от радиоактивного тепла. Потом родилась мысль, что грот на самом деле является пространственно-временным «карманом», образовавшимся при пересечении программ, и он успокоился.

Вид на каньон с высоты двух — по собственной оценке — километров захватывал дух. Если бы не знание того, что это иллюзия, порождённая энергоинформационными процессами буферной зоны, им можно было любоваться бесконечно. И всё же масштабы и фантазия местной природы, каковой бы ни была её причина, поражали воображение. Единственное, о чем жалел Кирилл, разглядывая ледяной ландшафт, так это о несовершенстве трёхмерного человеческого зрения. Наверняка диапазоны цветовых сочетаний ледяных стен и их геометрия намного превосходили возможности сферы человеческого восприятия.

Ладно, когда-нибудь я усовершенствую зрение, пообещал Кирилл сам себе, вдруг замечая некое струение на склоне ближайшей ледяной горы по ту сторону каньона. Впечатление было такое, будто часть ледника растаяла и потекла вниз рекой, которая при движении начала бурно испаряться. В бездну каньона поплыли багровеющие облака пара, превращаясь на лету в сказочных драконов, упырей, вурдалаков, змей и грифонов.

Драконы оживали, начинали махать кожистыми крыльями, направляясь к противоположному краю каньона, где располагался грот с беглецами, однако преодолеть воздушное пространство

каньона не могли, таяли, испарялись и исчезали в его мрачных глубинах.

Кирилл расслабился, снял вспотевшую ладонь с рукояти нейтрика. Проговорил вслух:

— Не каждая птица долетит до середины Днепра…

— Что ты там увидел? — раздался сзади голос проснувшейся жены.

Он оглянулся. Лилия вышла на край грота, потягиваясь и зевая. Виновато улыбнулась.

— Прости, что уснула. Сколько я бессовестно продрыхла?

— Всего два часа. Хорошо, что поспала. Я думал, от переутомления ты долго не уснёшь.

— Трудно заснуть, когда ты очень счастлива или несчастлива. — Лиля улыбнулась. — Или в постели с почти незнакомым мужчиной.

— Хорошая формулировка, — кивнул он в ответ.

— Не моя, где-то слышала и запомнила. Ну что тут у нас плохого?

— Драконы. — Кирилл показал на процесс превращения «реки» в вереницу диковинных существ.

Они полюбовались на драконов, безуспешно пытавшихся пересечь воздушное пространство разрыва реальности. Потом Лилия мечтательно проговорила:

— Оседлать бы такого монстрика — и домой! Представляешь, если бы я заявилась на работу на драконе?

Кирилл фыркнул.

— Фантазерка. Рад, что ты не потеряла присутствия духа.

Она сморщилась, вздохнула.

— Всё равно домой хочется…

— Вернёмся, — твёрдо пообещал он. — Но не сейчас. Слишком далеко зашли, чтобы возвращаться с полпути ни с чем. Мне бы только побриться… — Он провел ладонью по колючему подбородку.

— Мне ты и такой нравишься, импозантный. Как ты думаешь, мы сможем дойти? Без Игоря… без Лаврика…

— Капитана действительно жаль, а Лаврик… сама видела, что он собой представляет.

— Я не поняла, почему нам помогли наши бывшие преследователи?..

— ПСП и СНОС? Я сам не понял. Чувствую, что-то не так, но оценить и понять не могу. Такое ощущение, что все наши приключения — какая-то большая лажа, игра, цель которой не раскрывается.

— Мне тоже иногда так кажется, — призналась Лилия. —

Будто за нами кто-то наблюдает и веселится.

Кирилл нахмурился. Такие мысли навещали и его.

— Все в конце концов выяснится. Мне бы потренироваться с переходом границ Сети, да консультантов нема. Что-то я делаю не так.

— Как тебе вообще удается переходить из слоя в слой без ПН?

— Почему без ПН? Дискета с файлом со мной. — Кирилл похлопал себя по груди. — А компьютера нет. Хотя в последний раз мне показалось, что я запустил ПН без него. Может быть, мне действительно помогает какая-то неведомая нечистая сила?

Лилия покачала головой.

— Лучше бы чистая…

Кирилл засмеялся.

— Не волнуйся, я бы почувствовал внедрение настоящей нечистой силы. Если нам кто и помогает, то очень осторожно, исподтишка. Хотя возможно, что я действительно заражен вирусом ПН. Во всяком случае, дискета с файлом мне кажется живой.

— Давай её выбросим, — вдруг предложила Лиля.

Кирилл вздохнул, опечалился.

— Я бы рад, но без неё мы уж точно не сможем вернуться домой, в свою реальность.

— В свою программу…

Он обнял жену, поцеловал в заполнившиеся слезами глаза.

— Пусть для кого-то она всего лишь программа, а мы — подпрограммы, живущие по разработанным кем-то сценариям, но для себя мы — люди! Вот и давай оставаться ими везде и всегда, что бы ни происходило. Всё будет хорошо. Веришь?

Лилия подняла голову, улыбнулась сквозь слезы.

— Верю…

— Вот и отлично!

Они взялись за руки и подошли к обрыву, глядя на очередного дракона, долетевшего до середины каньона.

Впрочем, это был не дракон.

Пёс!

— Давай, давай, лети сюда, тварь! — медленно процедил сквозь зубы Кирилл, чувствуя пульсацию силы, заполнившей тело.

Глава 25. Рубеж

Пёс не принял вызова.

Так хотелось думать.

Но скорее всего он просто не смог преодолеть разрыв реальности, слишком глубокий и мощный даже для него, требующий долгой структуризации хаоса и наведения энергоинформационного моста. Поэтому следовало ждать появления Пса «с тыла». Где находится этот самый «тыл», в пространстве или во времени, Кирилл не представлял, однако был уверен, что охотник за вирусами не отстанет и найдёт способ ограничить свободу наглых беглецов.

Жене о своих размышлениях и умозаключениях Кирилл ничего говорить не стал. Надо было использовать предоставленное время на полезные занятия, и он решил без посторонней помощи всё же потренировать свою силу, в существовании которой уже не сомневался.

Возможно, Лилия догадывалась об истинном положении дел, но не заговаривала об этом, не жаловалась и не вздыхала украдкой, сетуя на судьбу. Её молчаливая поддержка была не только приятна психологически, она подпитывала Кирилла энергетически, за что он был ей очень благодарен. Впрочем, одним словом его отношение к жене (о том, что она по сути жена бывшая, уже не вспоминалось) передать было нельзя. Определений существовало много, но все они складывались в единственный и неповторимый образ, отвечающий его мнению о совершенстве.

Для начала Кирилл попытался возбудить файл ПН без компьютера, внедрить его в свою психику и память, чтобы алгоритм был при нём — и в нём! — всегда. Удалась эта операция только с пятой попытки, после чего он долго чувствовал себя выжатым лимоном и с час отдыхал, пока Лиля делала ему массаж шеи и головы, что было не только приятно, но и полезно.

Еще с час он разбирался с информацией, забившей подсознание до отказа, и устанавливал внутренние выключатели программы таким образом, чтобы не терять каждый раз сознание после очередного подключения к «базе данных».

Затем он со второй попытки сотворил термос с горячим чаем и сухари с орехами. Почему получились именно сухари, а не бутерброды с икрой, которые он «заказывал», понять не удалось. Видимо, мысли о еде опережали сознательные образы, а ПН реагировала мгновенно и создавала то, что стояло первым в «мысленном меню». В будущем надо научиться тщательнее

формулировать желание, чтобы волевой приказ был направлен точно по назначению. Необходимо было тренироваться дисциплинировать мысли и думать только о деле, а не о доступности вещей. К примеру, Кирилл с трудом задавил в себе желание заставить Лилию раздеться, а так как она почувствовала эхо приказа, с удивлением посмотрев на него, ему пришлось во всем признаваться.

Однако она не рассердилась и не встревожилась, спокойно ответив на его сбивчивые объяснения:

— Если бы я тебе не поверила, я не находилась бы сейчас рядом. И наши желания… — Лиля тонко улыбнулась, — довольно часто совпадают.

Кирилл с облегчением вздохнул.

— Мне почему-то кажется, — продолжала она уже серьёзно, — что на тебе лежит благословение божье.

Он тоже стал серьёзным.

— Я бы не протестовал, если бы так было на самом деле. Я хочу жить вместе с тобой, хочу, чтобы ты была счастлива, и для этого дойду хоть до царя, хоть до бога!

Лилия внимательно заглянула в глаза мужа, обняла и прижалась к нему, не говоря больше ни слова. Все слова были в этот момент лишними.

Они доели сухари, с удовольствием запивая их горячим, ароматным, неотличимым от настоящего чаем, и Кирилл уселся на полу грота в позе лотоса.

— Капитан говорил о каком-то Абсолют-Центре, откуда якобы все началось. Я имею в виду Гиперсеть. Попробую туда постучаться. Можешь пока отдыхать или лучше постереги вход в пещеру, пока я буду экспериментировать.

— Надеюсь, ты от меня не сбежишь, как Лаврик? — пошутила Лиля, направляясь к выходу из грота. — Учти, что ад был результатом первой неудачной попытки сотворения рая. — Она засмеялась. — Это я насчёт твоего экспериментирования.

Кирилл невольно улыбнулся в ответ, покачал головой, провожая жену глазами, и сосредоточился на своих ощущениях. На самом деле он был далеко не так спокоен, как казался, и об экспериментах думал с некоторой опаской. Предсказать их последствия было трудно.

Вдох — медленный выдох… вдох — выдох…

Все хорошо, прекрасная маркиза, будем думать только о хорошем…

Через минуту он был спокоен как гранитный утёс.

Однако и следующие две попытки выйти за пределы пространственно-временного «кармана», который система

человеческого отображения действительности превратила в грот, ничего не дали. Несмотря на подключение ПН, сознание Кирилла раз за разом отбрасывала какая-то сила, преодолеть которую он так и не сумел. Видимо, «карман» был отгорожен от остальных слоев Гиперсети такими глубокими разрывами реальности, что даже программный Пёс не смог пробить их, рискуя потерять структуру. Кирилл же имел ещё меньше возможностей, да и распоряжаться своей психофизической силой он ещё как следует не научился.

Несколько минут он отдыхал, обескураженно размышляя над причинами неудач. Подумал, что хорошо бы подключиться к местному компьютеру и скачать необходимую информацию об устройстве буферных зон. Идея была неплохая, разве что неизвестно, где искать компьютер, управляющий реальностями ближайшего инварианта Гиперсети, но попробовать стоило, и Кирилл сосредоточился на поиске энергоинформационных потоков, соединяющих «карман» с киберпространствами Сети.

Но закончить поиск не успел.

Внезапно раздался взволнованный голос Лилии:

— Кир, сюда!

Он вскочил, в три прыжка преодолел два десятка шагов до выхода и остановился на краю обрыва с нейтриком в руке.

За то время, пока он экспериментировал с магическим оперированием и пытался найти выход за пределы буферной зоны, каньон слегка изменился. Дальняя стена его приблизилась, из неё выросли ледяные бугристые «рога», направленные по дуге в сторону грота. Один из «рогов», самый толстый и длинный, аркой нависал над глубокой пропастью каньона, и его острый конец был уже буквально в двух сотнях метров от площадки на краю обрыва, где стояли Кирилл и Лиля.

— Он скоро нас достанет, — пробормотал Кирилл, имея в виду Пса.

— Смотри! — вытянула вперёд руку Лилия.

Между шишками ледяных скал на противоположном берегу каньона мелькнуло какое-то пятнышко, скрылось в расщелине и появилось уже ближе, направляясь к сверкающей арке «моста».

— Человек!

— Лаврик… — буркнул Кирилл, сфокусировав зрение.

— Лаврик?! Как он тут оказался?!

— Спроси что-нибудь полегче. Не нравится мне его внезапное появление.

— За ним кто-то гонится!

Кирилл пригляделся и увидел гигантскую пятнистую змею с мордой динозавра, выползавшую из расщелины.

— Пёс!

— Он его сожрёт!

— Ну и поделом!

— Не надо так говорить. — Лилия умоляюще посмотрела на мужа. — Будь великодушным, сделай что-нибудь. Как бы он ни был виноват, он наш земляк.

— Он дважды бросал нас на произвол судьбы. Пусть теперь расплачивается.

— Не будь таким же, как он. Он законченный эгоист, это правда, но смерти от Пса не заслужил.

Лаврик тем временем метнулся вдоль края обрыва туда-сюда, затем взобрался на дугу ледяного рога и побежал к его острому концу, нависавшему над дном каньона. Гигантская змея неторопливо поползла за ним, превращаясь на ходу в шестилапое существо, похожее на огромного хамелеона.

— Помоги ему, — тихо проговорила Лиля.

Кирилл больше не колебался. Жена была права: Лаврик заслуживал ограничения, но не такого, какое предлагал охотник на вирусов.

Воздух вокруг загустел и завибрировал. Дискета на груди Кирилла с файлом ПН превратилась в язычок чистой «энергии», струйкой протекла в тело и слилась с сердцем. Кирилл почувствовал прилив энергии, расправил плечи, выпрямился, взлетая в воздух и зависая на высоте двух метров.

Лилия со страхом отшатнулась, но он не заметил этого, продолжая раскручивать спираль силы вокруг себя.

Край обрыва вздрогнул, поплыл, исказил очертания, выстрелил ледяным «пальцем» длиной в десяток метров. Этот «палец» начал толчками двигаться вперёд, покрылся сетью трещин, обрушился вниз дождём ледяных осколков.

Волосы на голове Кирилла встали дыбом, заискрились электрическими молниями, руки и уши засветились изнутри нежным розовым сиянием.

С гулом из стены обрыва снова вылез толстый ледяной «палец», устремился к «рогу», на конце которого приплясывал от нетерпения Лаврик.

Кирилл взмахнул руками.

Ледяной «палец» прыгнул вперёд и с грохотом вонзился в острие «рога», образовав настоящий мост.

Лаврик едва не свалился вниз от толчка, потерял равновесие, но удержался и быстро перебежал на четвереньках на эту сторону каньона, потный, красный, возбуждённый и ни капли не испуганный. Бросился к Лиле, прижавшей кулачки к груди, поднял голову, глядя на Кирилла:

— Чего ждешь? Закрывай скважину!

Кирилл снова взмахнул руками, и созданный им ледяной мост рухнул прямо перед мордой Пса, заставив его остановиться.

Некоторое время гигантский «хамелеон» пытался перепрыгнуть пропасть, но каждый его бросок вперёд заканчивался тем, что голова его или лапы начинали превращаться в струи дыма, и Пёс в конце концов отступил. Сполз с рога на противоположный край каньона и скрылся в расщелине.

Только после этого Кирилл позволил себе расслабиться и загнал силу обратно в сердце.

* * *

Лаврик не оправдывался, только отдувался и сопел, не глядя на своих спасителей. Впрочем, они его не сильно-то и ругали. Кирилл вообще высказал только своё мнение о личности компьютерщика, Лилия же мягко пожурила Киндинова, упирая на такие общечеловеческие ценности, как взаимопомощь и бескорыстие.

— А теперь рассказывай, — угрюмо проворчал Кирилл после недолгого молчания, не поверив в искреннее раскаяние Лаврика.

Тот оживился, хотя головы не поднимал и на товарищей не глядел. Был он теперь бледен, явно нервничал и о чем-то размышлял.

— Собственно, рассказывать особо не о чем… Я хотел просто погулять по Сети и вернуться… честное слово! Податься мне всё равно некуда… В общем, забрёл в какие-то жуткие дебри, нечто вроде гигантского объёмного мха… одни ветки и перепонки вокруг. Оказалось, это переходная зона между Гиперсетью и «нулевой» реальностью. Бродил там долго, встретил нашего общего знакомого… а потом меня догнал Пёс, пришлось бежать. Так я и оказался здесь…

— Какого знакомого ты встретил? — поинтересовалась Лилия.

— Оператора Диаблингу.

Кирилл и Лиля переглянулись.

— Что он делал в приграничном слое? И как он туда попал?

— Не знаю, он со мной не разговаривал. Появился, посмотрел на меня удивленно и пропал.

Кирилл хмыкнул.

— Ты, часом, не путаешь грешное с праведным? Может быть, то был подполковник Петров? Кстати, откуда тебе стало известно, что ты попал именно в переходную зону между Гиперсетью и

«нулевой» реальностью?

Лаврик скривил губы.

— Я нашёл корректную проводку к главному компьютеру Сети. И нечего на меня так смотреть! Можешь не верить, но я беседовал с задатчиком самого первого иезода. Он мне такое поведал, что до сих пор голова кругом идёт.

— И операторы иезода тебя не засекли? — подозрительно прищурился Кирилл.

— Засекли, но уже потом, после контакта, я использовал их же собственные каналы связи. — Лаврик хихикнул. — Если бы я не лажанулся с переброской бакбона, хрен бы они меня засекли!

— Что было потом?

Лаврик поскучнел.

— Потом меня вышвырнули из киберспейса, и появился Пёс.

Кирилл посмотрел на компьютерщика, и ему очень не понравился его косой ускользающий взгляд.

— Договаривай.

— Я всё сказал, — огрызнулся Лаврентий.

— Подожди, Кир, — миролюбиво проговорила Лилия. — Человек ещё не отдышался. Лаврик, о чем ты разговаривал с… э-э… с компьютером иезода?

Лаврентий снова оживился:

— Он мне показал схему рождения нашего Мироздания.

— Ни больше ни меньше, — скептически поджал губы Кирилл.

— Честное слово! — обиделся Лаврик. — Хотите, покажу? Я записал. Обалдеете, когда увидите. Я тоже обалдел, хотя кое-какую информацию скачал ещё у Диаблинги. Вот, смотрите.

Киндинов развернул ноутбук, поколдовал над клавиатурой компьютера, и на экране высветилась необычная схема с надписями на русском языке.

Кирилл и Лиля начали рассматривать схему, не спеша задавать вопросы. Лаврик гордо поглядывал на них, словно это он был разработчиком схемы, ожидая, когда они заговорят, но спутники молчали, и тогда он не выдержал:

— Ну как вам это творение?

Лилия прерывисто вздохнула, не отрывая взгляда от картинки на дисплее.

— Этого не может быть!

— Ещё как может, — засмеялся Лаврентий. — Ну, а ты что скажешь, полковник?

— Значит, компьютер выдал тебе схему прямо с объяснениями на русском языке? — подозрительно спросил Кирилл.

Лаврик стушевался.

— Надписи я делал сам. Ты что, не веришь мне?

— Один умный человек сказал: верить — значит, отказываться понимать. Я хочу понять, зачем этот самый компьютер, с которым ты якобы беседовал, дал тебе этот материал.

— Ну, не знаю… мы разговаривали о причинах всего… — Лаврентий отвернулся. — Я задал вопрос, он ответил…

— А что вот это за треугольник внизу? — указала пальчиком Лилия.

— Сейчас допечатаю. — Лаврик застучал по клавишам. — Это Абсолют-компьютер Изначально Первого, если применять нашу терминологию. Хотя на самом деле это нечто немыслимое и необъяснимое.

— Выходит, мы живём во Вселенной, созданной Дьяволом?

— Я просто использовал наши земные понятия. Гиперсеть рождена Одним из Безусловно Вторых, а так как их было как минимум двое, то пришлось давать им имена. На самом деле всё гораздо сложней и неоднозначней. Ангел — это существо или, точнее, разумная сверхсистема, избравшая путь осмысления Первозамысла и подчинения Базовым Принципам. Дьявол — это разум, избравший другой путь. Его можно назвать Выразителем Несогласия с Первозамыслом.

— Отступником… — пробормотал Кирилл.

— Можно и Отступником, и Бунтовщиком, и Сатаной — суть не изменится. Всё равно он останется Творцом Гиперсети и, соответственно, нашей Метагалактики и нас самих.

В гроте, где расположились все трое, стало тихо.

Потом Кирилл задумчиво признался:

— Да, по-нашему, это шок, как говорится в рекламе шоколадных батончиков. Всё можно было представить, кроме того, что мы созданы Сатаной.

Лаврик ухмыльнулся.

— Ну, он недалеко ушел от своего Отца. Мы, образно говоря, тени его теней, и тем не менее похожи на него, как дети.

— Почему же он тогда так относится к нам? — возмутилась Лилия. — Если мы его дети? Почему притесняет, преследует, ограничивает тех, кто не хочет подчиняться его жестоким законам? Почему уничтожает Фигуры Влияния?

— Может быть, боится, — пожал плечами компьютерщик. — Вдруг кто-то захочет сбросить его с пьедестала власти? Ведь он хоть и велик, но не всемогущ. Хотя возможны и другие причины. Я бы не заострял на этом внимания в нашем положении. Мы никогда не поймём причин того, что им движет, уж слишком

далёк он от нас морально и психически, несмотря на все физическое сходство.

— Бог всегда дальше от людей, чем люди от бога, — проговорила Лилия задумчиво. — Не помню, кто это сказал.

— А хотите, покажу вам фрагмент Гиперсети? — предложил Лаврентий. — В действительности она называется иначе: Глобальная структура творения потоков информации.

Он снова пробежался пальцами по клавиатуре компьютера, и картинка на экране изменилась.

— Численные значения уровней условны. Каждая реальность имеет свой задатчик программ, или Центр управления со своими операторами. Но все они так или иначе пересекаются с другими инвариантами Сети в особых бифуркационных узлах…

— Буферных зонах?

— Хотя пересечения эти происходят в пространствах с огромным количеством измерений с веерно направленными временами.

— Это как?

— Я сам не понял, — признался Лаврик. — Каждый инвариант имеет свой набор констант и хоть чем-нибудь, но отличается от соседних. Поэтому пересечения всегда как бы воюют друг с другом, а эффекты этих информационных «войн» мы, кстати, принимаем за НЛО. Однако все инварианты нанизаны на некую ось единого Замысла, которому подчиняется вся Гиперсеть. Насколько я понял, даже Творец Сети не может простым волевым усилием изменить её законы или уничтожить, не изменив при этом себя.

— Какой же он тогда Творец?

— А он не Первый, — пожал плечами приувядший Лаврик. Компьютерщик устал и готов был закончить ликбез. — Все Ангелы и Дьяволы, какими бы могущественными они ни были, должны подчиняться Базовой Программе своего Отца, встроившего какой-то префактический модуль нравственности в своё Творение. Это Закон. Можно ли его обойти, я не знаю, знаю только, что каждый Безусловно Второй мечтает стать Первым… — Лаврик осекся, бросил на Кирилла косой взгляд и с преувеличенным вниманием заработал на клавиатуре.

Кирилл не обратил внимания на его оговорку. У него уже появились вопросы к компьютерщику касательно обеих схем, но их ещё надо было сформулировать и обдумать.

Пол грота внезапно вздрогнул.

Снаружи донёсся затихающий гул, словно с гор сошла снежная лавина.

Кирилл метнулся к выходу, привычно берясь за рукоять

нейтрика.

Каньон снова изменил очертания. Он ещё больше сузился и обмельчал, а снежно-ледяные «рога», дугами возносившиеся над бездной, вот-вот должны были дотянуться до «берега» с гротом.

— Кто-то сшивает разрыв, — проговорил за спиной Кирилла Лаврик. — Здесь в любой момент может появиться этот проклятый зверь… Давайте найдём другой подобный «карман». А лучше всего пробить тоннель прямо в Абсолют-центр. Там-то уж нас никто не посмеет ограничить.

— Я пробовал… ничего не получается.

— Вместе должно получиться. Произойдёт удвоение усилий, твоя воля промодулирует энергию ПН, и мы наверняка пробьёмся.

Ближайший «рог» скачком приблизился. Стены каньона заколебались и задрожали, из его недр прилетел низкий угрожающий рык. Над ледяными скалами на противоположной стороне каньона поднялась уродливая голова динозавра.

— Пёс! — прошептала Лилия.

— Хорошо, — решил наконец Кирилл. — Запускай файл, я подсоединюсь.

Что-то заставило его оглянуться.

Из грота вышла вереница почти полностью прозрачных призраков, ведомая более плотным «поводырём». Это был джокер-фантом, приносящий несчастья, о чём предупреждал Утолин-Ювинга.

— Чего тебе? — вслух осведомился Кирилл.

Вся дюжина призраков синхронно повернулась к нему спинами и исчезла в гроте. При этом Кириллу показалось, что джокер разочарованно вздохнул.

— Поехали, — поторопил Лаврик Кирилла, не заметив появления фантома.

Снова пришло зыбкое и неуютное ощущение нереальности происходящего. Кирилл даже затаил дыхание, готовый проснуться…

Но Пёс на той стороне каньона выбрался на ослепительно белую поверхность «рога»-моста, направляясь к людям, и анализировать свои ощущения стало некогда.

Кирилл сосредоточил внимание на вхождении в изменённое состояние сознания.

Здесь нет власти, кроме моей власти…

Глава 26. Абсолют-центр

Он плыл сквозь темноту и безмолвие, направляясь к далекой тёплой звезде, лучи которой ласкали взор и согревали душу.

Плыть было приятно. Темнота баюкала, укачивала, гладила, заботливо оберегала от проплывающих мимо шипастых чёрных туш и пронзительных свистов, проносившихся совсем близко и уходивших в глухое недоброжелательное ворчание.

Потом звезда впереди превратилась в вертикальную световую щель, словно где-то далеко-далеко открыли дверь, щель стала расширяться, и в бездну мрака хлынул поток золотого света, рассеявшего темноту. И тогда стало видно, что Кирилл плывёт сквозь густое месиво водорослей, сплетающихся в удивительную объёмную сеть или паутину без конца и края.

«Мох», — подумал Кирилл.

«Граница», — откликнулся кто-то внутри него.

«Какая граница?» — встрепенулся он.

«Между реальностями, — ответил собеседник. — Пороговая оболочка. Закон ограничения доступа».

«Мне надо попасть в самое начало… в Абсолют-центр».

«Туда пропускают не всякого».

«Значит, мне вход воспрещён?»

«У тебя есть то, что называется душой, частицей Божественного Замысла. Ты не потерян, попытайся».

«У меня нет сил…»

«Обопрись на меня и иди вперёд. Видишь дверь?»

«Вижу… Кто ты?»

«Алгоритмы Преодоления Невозможного».

«ПН?! Но ты говоришь со мной как живое существо!..»

«Как человека нельзя свести полностью к его физическому телу, так и меня нельзя свести к информационной матрице воздействия. В каком-то смысле я — живое существо».

Кирилл почувствовал протянутую навстречу руку, хотя на самом деле это было энергоинформационное прикосновение. Протянул в ответ свою. И сразу же ощутил прилив сил.

Щель, сквозь которую лился золотой свет, приблизилась, распахиваясь всё шире.

«Лиля! — мелькнула вдруг тревожная мысль. — Где она?! Я её не вижу! Где Лаврик?!»

«Не беспокойся, они рядом».

Тотчас же возникло ощущение, будто он несёт на спине тяжелый рюкзак. Это был «живой груз» спутников, не способных идти вперёд самостоятельно. Он должен был пронести их на себе,

не получая поддержки. Впрочем, стоило ему подумать об этом, как тоненькая жилочка тепла и веры протекла ему через спину в сердце. Это отозвалась душа Лилии. А вот Лаврентий не отозвался, и его присутствие казалось холодным камнем, лежащим «на дне рюкзака».

Перепонки, растяжки, ветви «мха» пошли гуще, цепляясь за руки и ноги, царапая тело, вынуждая прилагать дополнительные усилия для преодоления преграды. Однако «дверь» в Абсолют-центр была уже рядом, и, сделав последний рывок, Кирилл окунулся в яркий свет, вывалился на твёрдый пол какого-то огромного и сложного — по первому ощущению — сооружения и потерял сознание.

Очнулся от ликующего крика, смысл которого не дошёл до сознания. Открыл глаза, привыкая к полумраку.

Он действительно лежал на гладком холодном полу в центре гигантского зала кубической формы, освещённого тусклыми серо-пепельными письменами, которые усеивали его потолок и стены. Цвет стен, пола и потолка был одинаково грязно-серым, цвет запустения, уныния, угасания и смерти. Кирилл чувствовал, что видит он совсем не то, что ему кажется, и что вокруг — на гигантские расстояния! — полно каких-то сложнейших устройств, машин и конструкций. Но все они были неподвижны, выключены, погашены, бездействовали, причём бездействовали уже миллионы или даже миллиарды лет, а главное — не воспринимались человеческой сферой чувств, хотя находились и за стенами зала, и внутри него. Лишь экстрасенсорное восприятие Кирилла, угнетённое прорывом через «нулевую» реальность, позволяло ему иногда схватывать «тени» предметов, чувствовать их присутствие и терпеливое ожидание.

Затем Кирилл заметил, что углы зала затянуты паутиной, а стены потрескались и выщерблены, но это его не удивило, так как всё, что он видел, являлось отражением в сознании происходящих вокруг процессов сквозь призму человеческого воображения и опыта. На самом деле место, где они оказались, невозможно было адекватно описать человеческим языком, потому что это был тот самый Задатчик Базовой Программы, Центр Управления Абсолютной Реальностью, Пульт Матричной Реализации — все эти слова всё равно не могли выразить всей сути Явления, — откуда Создатель «нулевой» реальности руководил Сотворением Мироздания…

Голова закружилась.

Кирилл закрыл глаза, потом вспомнил о спутниках и резко приподнялся на локтях, озираясь.

Лиля лежала рядом с закрытыми глазами, свернувшись

калачиком, бледная и неподвижная. Лаврика нигде видно не было, лишь на полу неподалёку валялся разбитый вдребезги ноутбук. Преодолевая слабость, Кирилл подполз к жене, приник ухом к груди. Сердце Лили не билось!

— Нет! — прошептал он непослушными губами. И не услышал — почувствовал слабый толчок. Затем через несколько секунд второй. Лиля была жива, но находилась в шоке, на грани небытия, и сердце её могло остановиться в любой момент.

Кирилл глубоко вздохнул, собирая остатки сил, прижал к вискам жены ладони и попытался передать призыв к жизни. Посидел с минуту, чувствуя, как тают силы, перенёс ладони на грудь и отдал последние крохи энергии. И лишь потом позволил себе потерять сознание.

Второй раз он очнулся от влажного прикосновения ко лбу. Открыл глаза и увидел наклонившуюся над ним Лилию с глазами, полными слез. Слезинка скатилась по её щеке и обожгла лоб Кирилла. Он с трудом улыбнулся, прошептал:

— Как в сказке… прекрасная принцесса заплакала и оживила принца…

— Живой! — проговорила Лиля дрожащими губами и заревела в голос. — Я думала… ты уже… не проснёшься…

— И не мечтай, — пошутил он, целуя жену. — Лучше скажи, где Лаврентий. Неужели остался там?

Лиля перестала плакать, оглянулась.

— Компьютер здесь… разбитый… Может быть, он пошёл на разведку?

Знаем мы, как он ходит на разведку, подумал Кирилл, но вслух свои сомнения высказывать не стал.

— Пошли и мы посмотрим, куда нас нелегкая занесла.

Они прошлись по центру зала, оценивая его размеры и запустение. Лиля зябко поёжилась, прижалась к мужу.

— Мне страшно…

— Успокойся, здесь никого нет, — приободрил её Кирилл. — Те, кто создавал этот Задатчик, давно покинули его.

— Задатчик? Ты знаешь, что это такое? Мы… дошли?!

— Мне кажется, дошли. Это тот самый Центр Управления, можно сказать, Самый Первый иезод, о котором говорил капитан.

— Но почему он мёртв?

— Он не мёртв, просто выключен. Его Создатель куда-то ушёл и оставил Центр выключенным.

— Куда ушёл?

— Ну, не знаю, наверное, нашлись дела поважней.

Они помолчали, разглядывая светящиеся символы на стенах зала, складывающиеся в самые настоящие рунические письмена.

Иногда Кириллу казалось, что он понимает их смысл, однако как только он начинал присматриваться к письменам, смысл ускользал, терялся в изгибах рун, оставляя в душе осадок сожаления и досады. Напрягать же сенсорику не хотелось, он ещё не восстановился полностью после встряски перехода из Гиперсети в «бункер Бога» и лечения Лилии.

Кирилл подошел к остаткам ноутбука. Впечатление было такое, будто на него наступил слон. Восстановить компьютер не представлялось возможным.

— Интересно, куда все же делся Лавр? — задумчиво проговорила успокоившаяся Лиля, разглядывая остатки ноутбука. — Не может быть, чтобы он остался там, а комп переместился вместе с нами сюда.

Кирилл думал точно так же, поэтому промолчал.

— Давай ещё немного пройдёмся. Возможно, отыщем выход в соседние помещения.

— Здесь не видно ни одной двери.

— Раз Лаврика с нами нет, значит, он нашел выход.

Кирилл осмотрел пол вокруг в надежде найти следы компьютерщика, однако ничего не обнаружил и двинулся к ближайшей стене зала.

До неё было всего метров пятьдесят, и даже самым медленным шагом преодолеть это расстояние казалось пустяковым занятием. Однако путешественники прошагали двадцать метров, пятьдесят, сто, двести, а стена так и не приблизилась ни на метр, оставаясь обманчиво доступной и недалёкой.

Кирилл остановился, размышляя над непонятным явлением. Перехватил недоумевающий взгляд Лилии, покачал головой.

— Либо мы неправильно оценили размеры этого бункера, либо…

— Все это — иллюзия.

— Верно. Либо местный ландшафт намного сложней, чем нам кажется.

Они снова двинулись вперёд, упорно пытаясь добраться до стены с тускло светящимися рунами, но так и не достигли цели. Пятьдесят метров, отделяющие их от стены, казались непреодолимыми. Тогда Кирилл повернул на девяносто градусов и зашагал к другой стене. Через десять минут сдался, отмахав не менее километра. Запыхавшаяся Лилия вцепилась в его локоть, переводя дыхание.

— Ты меня загнал…

— Прости, — очнулся он, погладив её руку. — Мы снова попали в какое-то многомерное пространство, сбивающее нас с

толку. Надо что-то придумать.

Лилия вдруг сильнее сдавила его локоть и толкнула в бок.

Кирилл оглянулся.

Через зал неспешно двигался знакомый «спектральный» фантом, синхронно перебирая ногами всех двенадцати призраков.

— Джокер?!

В полусотне шагов от застывших людей фантом остановился, каждое из его прозрачных тел по очереди засветилось чуть ярче, словно приветствуя землян, затем джокер развернулся и зашагал дальше, как гигантская многоножка.

— За ним! — вдруг сообразил Кирилл, хватая жену за руку.

Они бросились за джокер-фантомом, догнали, пристроились сзади, стараясь не приближаться и не отставать. Джокер двигался не прямо, а по какой-то замысловатой линии (фрактал, мелькнула мысль), но тем не менее приближался к стене и спустя пару минут вошёл в неё и пропал из виду.

Кирилл остановился в метре от стены, разглядывая узор из разноцветных светящихся колец, оставшийся в том месте, где в неё вошёл джокер.

— Или я принимаю желаемое за действительное, или…

Он сунул руку в стену, не встречая сопротивления. Кисть исчезла, свободно пронзив плотную, каменную на вид преграду. Светящаяся радуга перешла на руку, охватила всё тело Кирилла и цеплявшуюся за него Лилию.

— Ай да джокер! Ай да сукин сын! Проводником подрабатывает. Не оказался бы только Иваном Сусаниным…

— Ты думаешь, он способен завести нас в ловушку?

— Не знаю, что нас ждёт дальше, но рискну проверить. Ты готова?

— Да, — храбро ответила Лилия.

— Тогда вперёд.

Внезапно спортивные костюмы на обоих путешественниках потеряли цвет и форму, превратились в зеркально бликующие комбинезоны с валикообразными воротниками. Кирилл почувствовал дуновение холодного ветерка в затылок — это сработала интуиция.

Лилия растерялась.

— Что это?!

— Ничего особенного, — успокоил он ее. — Наши костюмы реагируют на колебания полей и пытаются нас защитить. Что бы ни случилось, держись рядом.

— Возьми пистолет.

— Нейтрик пусть будет у тебя, у меня есть оружие.

— Какое?

Кирилл улыбнулся, дотронулся пальцем до лба.

— Мозги. Но пора идти дальше.

Он шагнул в стену, увлекая за собой жену. По телу пробежала волна тепла, наступила короткая темнота, и Кириллу показалось, что они вышли в тот же самый огромный зал кубической формы. Однако приглядевшись, он понял, что это другой зал.

Во-первых, с его стен исчезли светящиеся руны. Во-вторых, по тёмно-серому потолку, напоминающему толстый слой грязного стекла, бродили пятна тусклого серебристого свечения, то захватывая весь потолок, то исчезая вовсе. Именно они и освещали зал. В-третьих, хотя помещение и просматривалось из конца в конец, создавалось впечатление, что оно не пустое.

Кирилл напряг внутреннее зрение и на грани восприятия увидел почти невидимые стеклистые громады, окружавшие в центре зала гигантское ветвистое дерево, вырастающее из пола и исчезающее в потолке.

— Кажется, мы пришли туда, откуда вышли, — сказала Лилия со смешком.

— Это другой зал, — возразил он. — Посмотри внимательней. Ничего не видишь?

Она прищурилась, напрягая зрение, неуверенно проговорила:

— Там, в центре… что-то блестит иногда… как хрустальная ваза…

— Молодец, разглядела. Правда, твоя «ваза» мне лично кажется деревом, но смысла это не меняет. Мы находимся внутри невероятно сложного механизма… или организма… природа которого почти недоступна нашим органам чувств. Попытаемся продолжить путешествие.

Он повернулся и снова вошёл в стену, не выпуская руки жены.

Волна тепла, короткая темнота, полотнище прозрачного лунного света.

Ещё один зал, точно такой же по размерам, что и первые два. Но уже не такой серый и тусклый, словно его пропылесосили, почистили, обмели паутину, а стены протерли влажной тряпкой.

Потолок здесь был пепельно-белым, а световые пятна, бродившие по нему, казались ярче. Да и «хрустально-прозрачные» громады, заполнявшие почти весь объём зала, были теперь видны отчетливей. Только дерево оставалось по-прежнему совсем прозрачным, непроявленным, невидимым, изредка бросая стеклянные блики, оконтуривавшие его.

— Как странно, — прошептала Лилия. — Ведь мы никуда не перемещаемся, просто пересекаем стену… а выходим в других помещениях.

— Возможно, они вложены друг в друга как матрёшки, — рассеянно предположил Кирилл. — Вроде бы мы действительно не сдвигаемся в пространстве и в то же время переходим из измерения в измерение. Попробуем-ка ещё разок.

Они вошли в стену и вышли.

Тот же зал, но теперь уже совсем чистый и светлый. Установки, заполнявшие его, так и остались хрустальными, неподвижными и мертвыми. А вот дерево, хотя по-прежнему казалось практически невидимым, распространяло вокруг себя некое поле ожидания, которое Кирилл ощущал как присутствие живого. Не существа, не организма, не машины, но — пространства иного качества и глубины.

— Я устала… — еле слышно произнесла Лилия.

— Потерпи немного, — попросил её Кирилл, целуя в щеку. — На мой взгляд, мы приближаемся к чему-то…

— К чему?

— Я бы сказал — к пульту управления. Ещё пара переходов, и мы выйдем к цели, я это чувствую.

— Хорошо, потерплю.

Они привычно вошли в стену, где погасли последние искры радужных колец, и оказались в зале, пронизанном невесомым солнечным светом, хотя нигде не было видно его источника. Казалось, здесь светился сам воздух.

Увидев те же прозрачные конструкции и туманный контур дерева, Кирилл хотел было двинуться назад, чтобы пройти в «следующий» зал, но едва не разбил лоб о твердую поверхность. Стена не расступилась, как прежде, не желая пропускать путешественников дальше.

— Финита, — прокомментировал он, потирая лоб.

— Что ты сказал? — не поняла Лилия.

— Проход закрылся. Либо мы достигли центра, либо проход в недра Задатчика расположен в другом месте.

— Будем ждать джокера?

Кирилл рассмеялся, оценив шутку.

— Будем осматриваться. Я уже почти восстановился, попытаюсь оживить местный компьютер и выяснить, где мы.

— Ты думаешь, он тут имеется?

— Скоро узнаем.

Они отошли от стены, лавируя между стеклянно-прозрачными, многогранными, кристаллическими, закрученными по ломаной спирали глыбами и арочными конструкциями. Понять их назначение было невозможно, и Кирилла не покидало ощущение, что все они — лишь слабое геометрическое отражение существующих здесь объектов в сознании людей. Возможно даже,

что они располагались сразу во многих временах и пространствах, создавая объёмно-многомерную и многовременную структуру, олицетворяющую Абсолютное Начало Всех причин, Фундаментальный Принцип, не зависящий от предыдущих причин.

Пол, по которому шли Кирилл и Лилия, был белый, как фарфор, но гасил звуки шагов, как слой резины. В зале же царила такая всеобъемлющая глубокая тишина, что путешественники передвигались, затаив дыхание и напрягая слух до шума в ушах.

Приблизившись к центру зала — здесь это удалось сделать без особого труда, будто зал усох, сжался в размерах, — где из пола вырастало мерцающее дерево, они принялись разглядывать его, находя сходство то с друзой кристаллов невероятной красоты, то с лиственницей, то с букетом сложных конструкций. Хотя при этом Кирилл прекрасно отдавал себе отчёт, что их оценки являются лишь «фактами воображения». Что представляет собой дерево на самом деле, человеческое зрение оценить было не в состоянии.

— Почему они, эти машины, прозрачны? — нарушила торжественную тишину зала Лилия.

— Их надо включить, вдохнуть в них жизнь, — уверенно сказал Кирилл. — Тогда они наверняка проявятся физически, полностью.

— Мы не сможем это сделать?

— Не знаю, попытаемся. Во всяком случае, если не всю установку, то хотя бы компьютер, который ею управлял.

— Почему ты так уверен, что здесь должен быть компьютер?

— Не придирайся к словам. Неважно, как называется то, что управляет каким-либо процессом, просто термин «компьютер» наиболее близок по смыслу. Помнишь схему, которую показал нам Лаврик? Он тоже пользовался земными понятиями и терминами. Я очень надеюсь, что мы прорвались за границу «нулевой» реальности в Абсолют-центр. Лаврентий назвал его Задатчиком Базовой Программы. Только отсюда мы и можем установить контакт с тем, кто этот самый Задатчик сотворил.

Лиля зябко вздрогнула, понизила голос:

— А вдруг он всё ещё здесь? Увидит нас и рассердится…

— Не рассердится, — улыбнулся Кирилл. — Во-первых, он должен всё понимать без всяких объяснений. Во-вторых, его здесь нет.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я бы его почувствовал. Здесь кто-то есть, но не он.

Лилия невольно оглянулась.

— Ты имеешь в виду Лаврика?

— Не только. — Кирилл сел напротив мерцающего дерева в позе лотоса, обратив к нему лицо. — Стань сзади и держись за меня. Пора включать эту… гм… машину.

Лиля повиновалась.

Кирилл сосредоточился и нырнул в поток силы как в омут.

Глава 27. Трагизм неразгаданной цели

Какое-то время казалось, что он застрянет между холодными, твёрдыми, чёрными стенами ущелья, в котором очутился после «прыжка в омут». Стены дышали, то сближались, то раздвигались, и тогда удавалось сделать шаг-другой к сияющей впереди щели, которая олицетворяла выход из трансцендентного ущелья, созданного психикой Кирилла. Никакого ущелья, конечно, не существовало, таким казался энергоинформационный вход в «компьютер Творца», отключённый им невероятно давно да ещё к тому же имеющий какую-то изощрённую систему ограничения доступа. По сути, ущелье было тем путём, который избрало подсознание Кирилла для проникновения в «компьютер».

Световая щель приблизилась.

Кирилл сделал ещё несколько шагов, обдирая бока и плечи об острые грани и углы стен ущелья, и наконец вышел из него внутрь пузыря с перламутровыми светящимися стенами. В центре пузыря колыхалось жемчужно-кисейное облачко, изредка принимая очертания туманной, едва заметной человеческой фигуры в белых одеждах. Впрочем, насчёт фигуры Кирилл имел сомнения, понимая, что он просто хочет, чтобы видеопризрак «компьютера» был похож на человека. И ещё он понимал, что «компьютер» этот включить ему не удастся. Не хватит ни знаний, ни понятий, ни энергии, ни воли.

Задатчик был выключен «надежно», и включить его мог, наверное, только сам Создатель, хотя кто-то внутри него всё-таки обитал. Нечто вроде «духа», охраняющего покой колоссальной сложности устройства.

— Простите, что потревожил, — пробормотал Кирилл, кланяясь и прижимая руку к сердцу; при этом он осознавал, что сидит в данный момент на полу зала перед мерцающим «деревом компьютера». — Мы пришли, чтобы…

— Я знаю, — раздался со всех сторон глубокий, мягкий, бархатный, проникающий во все клеточки тела, бесконечно доброжелательный голос. — К сожалению, степень твоей реализации недостаточно высока, чтобы позволить тебе напрямую контактировать с тем, кого вы, люди, называете Создателем Мироздания. Это уровень святых, праведников и героев.

— Я понимаю… — Кирилл покраснел, но не отвёл взгляда. — Пусть я не святой и не праведник, но имею право жить. Или этого мало?

— Не мало, — кивнул «призрак» в белых одеждах. — Ты потенциальный волевой оператор, способный достичь многого. На

Земле таких называют героями. Но не забывай, что герои всегда платят высокую цену за свои победы. Ты готов заплатить?

Кирилл проглотил ком в горле, помедлил.

— Какую цену я должен заплатить?

— Выбор на самом деле невелик. Вспомни русские сказки и былины: налево пойдёшь…

— Коня потеряешь…

— Нечто в этом роде. Встретиться с Создателем Сущего можно, только жертвуя чем-то: счастьем, свободой, любовью, жизнью. Что предпочитаешь ты?

Кирилл почувствовал прикосновение пальчиков Лилии к затылку, но не оглянулся.

— Этот выбор обязателен?

— Это выбор пути. Святые и праведники тоже жертвуют.

— Чем?

— Свободой и правом на грех.

— Тогда я лучше выберу… жизнь.

— Жертва не принимается.

— Почему? — растерялся Кирилл.

— Твой путь не закончен. И ты не один. Погибнешь ты, погибнет и та, которая тебе доверилась и ради которой ты готов принести жертву.

— Тогда… пусть это будет свобода!

— Ты не готов и к этой жертве.

— Мне не нужна свобода, если женщина, которую я люблю, будет жить и будет свободной.

— Она будет несчастливой.

— Что же делать?

— Выход один: чтобы открыть Врата и пройти в Чертог Создателя, надо сжечь всего себя. Без остатка. Только тогда оживёт это устройство, с защитником которого ты сейчас разговариваешь.

Кирилл помолчал, размышляя, что ему не нравится в тоне собеседника.

— Я… готов! Но это неправильно! Настоящему Творцу не нужны жертвы!

Мерцающая белая фигура в центре пузыря на миг приобрела чёткие формы. На Кирилла глянули мудрые и грустные глаза юноши с седыми волосами. Он улыбнулся и тут же расплылся серебристым облачком.

— Ты прошёл тест совести, — сказал тот же мягкий и глубокий голос. — Создателю Сущего действительно не нужны никакие жертвы. Путь открыт. Но будь осторожен, не ошибись в выборе.

С ударом гонга дерево перед сидящим человеком превратилось в колонну прозрачного лунного света, вырастающую из пола и упирающуюся в потолок зала.

Прозрачные громады неведомых установок исчезли. Стены зала стали белыми, чистыми, как только что выпавший снег. Пол и потолок превратились в толстые прозрачные хрустальные плиты, в которых отражались фигуры людей и световой столб. Тишина в зале стала ещё глубже и торжественней, хотя весь он был заполнен пульсацией неведомых и невидимых глазу энергий.

Кирилл встал с колен. Лиля взяла его под руку, вздрагивая в нервном ознобе. Они ждали явления и дождались, но совсем не того, что рассчитывали увидеть.

В стене зала появилась проталина, из нее заструилось облачко разогретого воздуха, искажая очертания самой стены, которое приобрело очертания человеческой фигуры. Раздался тихий довольный смех.

— Здравствуйте, уважаемая Лилия Алексеевна. Привет, полковник. Вынужден признаться, что я не зря поставил на тебя, несмотря на все свои сомнения. Ты не только преодолел все барьеры Сети и прошёл сюда физически, что не удавалось до сих пор никому, но и протащил меня на своих плечах. Очень неплохо для тени. Может быть, даже слишком хорошо.

— Лаврик! — прошептала Лилия с изумлением.

— Нет, — покачал головой Кирилл.

— Но как же… он похож на…

Человек в обычной земной одежде приблизился. Это действительно был Лаврентий Киндинов, и это одновременно был нечеловек. Глаза его пылали внутренним чёрным огнем, а в теле кипела и переливалась колоссальная чёрная сила, сдерживаемая только формой и волей этого существа.

— Кто… ты?

Лаврик растянул губы в снисходительной усмешке.

— Можете называть меня Отступником. Или лучше Выразителем Несогласия. Как понравится.

— Дьявол! — вырвалось у Лилии. Она вздрогнула и спряталась за спину Кирилла.

Выразитель-Лаврик отечески погрозил ей пальцем.

— Люди так привыкли сужать мои возможности одним словом… А ведь я Творец Гиперсети, а значит, и ваш Создатель.

— Я не понял, — глухо сказал Кирилл, вдруг осознавая всю глубину своего неведения.

— Я знаю, — кивнул Выразитель, останавливаясь напротив. — Придётся кое-что объяснить, если ты не против. Ваши земные философы давно постулировали существование

Высшей Личности, создавшей Вселенную по своему выбору, а потом предоставившей её самой себе. Так вот философы не ошиблись, такая Личность существует.

— Ты?

— Нет, не я, — усмехнулся Лаврик. — Создатель вот этого устройства. — Он повёл рукой, показывая на зал. — Я был его потомком, учеником и последователем… до определенного момента, пока не сотворил Сеть. Таким образом, вы, люди, являетесь моими упрощёнными копиями, тенями, плодом реализации искусственной программы, как и те, кто вас контролирует и кто контролирует, в свою очередь, их, и так до самого верха, где я есть Всё Сущее. Я доступно объясняю?

Кирилл кивнул. На слова у него не осталось сил.

— Идём дальше. Итак, вы — всего лишь подпрограммы в гипертексте программы вашей реальности, но не просто вихри электронов в компьютерных супермозгах, а физически проявленные сущности, в психику которых могут заглядывать операторы вышестоящего иезода и наслаждаться чужой жизнью, а также корректировать её, если этого требует сценарий развития социума.

— Но мы же живые… — прошептала Лилия.

Выразитель-Лаврик благожелательно посмотрел на неё.

— Любой объект Сети, в том числе живые существа, является энергоинформационной суперпозицией. И даже я сам. В программу создания вашей реальности включены все возможные варианты развития, все нюансы и возможности, рост и гибель человечества, другие расы и цивилизации и даже существа, которых вы называете богами, прошедшие путь от самореализации до осознания моего Замысла.

— А тех, кто не хочет осознавать, вы ограничиваете? — осведомился Кирилл.

— Естественно. Ради блага остальных.

— Но это несправедливо! — воскликнула Лилия.

— Эк вас заботит справедливость, — покачал головой Лаврик. — Видимо, я где-то ошибся в параметрах, создавая ваш инвариант Сети. Таких «справедливоносцев» на Земле все больше, а порядка все меньше, и если так пойдёт дальше, придётся устроить глобальную коррекцию программы. Хотя, с другой стороны, нельзя не признать, что только такой человек, как ты, полковник, и мог дойти до Задатчика Отца. Во всяком случае, я сам не смог, хотя пытался неоднократно. Пришлось спровоцировать развитие локальной «опухоли свободомыслия», запустить процесс и сопровождать зонд.

— Какой зонд?

— Зонд — это ты, Кирилл Иванович. Неужели до сих пор не понял? Только ты имел шанс, опираясь на помощь сподвижников, пройти на территорию Отца. Точнее, ты — единственный из всех запущенных мною человекозондов, который смог это сделать.

— Были и… другие?

— Естественно. Ты не первый.

— И где они теперь?

— Разумеется, ограничены. Им не хватило силы и воли.

— Сколько же их было?

— Много, — махнул рукой Лаврик. — Я пытался использовать святых и героев всех времён и народов, а прошёл только ты. Так что спасибо и прощай. Больше не увидимся. Теперь я попытаюсь запустить Базу Отца и попрошу старика подвинуться. Его время прошло.

Лаврик повернулся к людям спиной, шагнул прочь и оглянулся.

— Впрочем, сделаем иначе. Я заберу твою женщину, она мне понравилась, а вот хакер мне надоел. Мелкая личность, хотя и отменный специалист.

Из тела Киндинова вылетело искрящееся кисейное облачко и влилось в тело Лилии. Лаврик широко раскрыл погасшие, помутневшие глаза и осел на пол. Лилия похлопала оцепеневшего Кирилла по плечу, засмеялась странным чужим смехом.

— Я любила тебя, полковник. Хотя ты сам виноват в своем одиночестве. Прощай. Есть такая пословица: женщины любят побеждённых, но изменяют им с победителями.

Лилия хохотнула по-мужски и зашагала к столбу света в центре зала. Она не могла сопротивляться внедрившемуся в её психику Выразителю, но каким-то образом смогла передать Кириллу свои чувства: страх и нежность, любовь и боль и надежду на возвращение.

Она вошла в световой столб, одевшись в золотой ореол свечения, исчезла, растворилась в струении прозрачного голубоватого пламени.

Силы оставили Кирилла, и он опустился на пол рядом с Лавриком. В глазах потемнело. Однако обморок длился недолго. Он очнулся от чьего-то испуганного возгласа, открыл глаза.

Рядом стоял на коленях Лаврик и смотрел на него слезящимися глазами, полными тоски и обречённости.

Кирилл резко дернулся, приподнимаясь на локтях, так что в голове взорвалась бомба боли. Лаврик отшатнулся в испуге. И тогда Кирилл понял, что перед ним только «пустой сосуд», тело компьютерщика, которое по ненадобности покинула психоматрица Выразителя.

Лаврик прочитал в глазах товарища всё, что он о нём думает, скривился и заплакал. Называть его предателем не поворачивался язык. Выразитель его просто использовал в своих целях, рассчитав все до мелочей.

— Я не виноват… — прошептал Лаврик, размазывая по лицу грязь и слезы. — Я не мог сопротивляться… он бы меня убил…

— И правильно бы сделал, — пробормотал Кирилл, с трудом поднимаясь на ноги. — Невелика потеря… Тенью ты был, тенью и останешься.

Он направился к стене зала, из которой вышел Выразитель-Лаврик, ещё не зная, что будет делать дальше.

— Ты куда? — дрожащим голосом окликнул его компьютерщик. — Не оставляй меня одного!

Кирилл не ответил, пытаясь найти кратчайший путь к стене. Не смог, остановился и обернулся к растерянному Лаврентию, оставшемуся посреди зала с убитым видом.

— Ты хоть что-нибудь запомнил из того, что дал тебе твой хозяин?

— Конечно, запомнил, — торопливо закивал Киндинов. — У меня отличная память, я в уме могу решать дифференциалы… А что?

— Он говорил о своём Отце…

— О Создателе Мироздания, который был Изначально Первым. Теперь он собирается стать на его место…

— Это его проблемы. Я не понимаю, куда девался Отец, бросив свой Базовый Задатчик.

Лаврик наморщил лоб.

— Насколько я успел уяснить, Создатель Всего есть трансцендентная Сущность, которая постоянно действует внутри Творения, оставаясь при этом в самом глубоком смысле вне Творения.

— Где это — вне?

— Не знаю, — беспомощно пожал плечами Лаврентий.

— Зачем ему понадобилось запускать Программу Мироздания с этого «пульта»? Он что, не мог сотворить его волевым усилием?

— Об этом надо спрашивать его самого, — бледно улыбнулся Лаврик. — Я где-то читал, что причина проявления Божественной Воли кроется в ценности или изначальном совершенстве произведённых состояний. Образно говоря, Создатель запустил Программу «нулевой» реальности с идеальными условиями…

— Программу рая, — задумчиво кивнул Кирилл. — А потом появился Отступник и сотворил Гиперсеть… вместе с нами… Зачем ему понадобилось корректировать Первозамысел?

— Спроси что-нибудь полегче. Едва ли обычные человеческие понятия, которые мы используем для описания деяний Бога и его детей, адекватно отражают их Сущность. Это нечто, лежащее за пределами нашей логики.

— Не уверен, — пробормотал Кирилл. — Может быть, мы просто не знаем нужных слов? Истинных слов, рождающих миры?

Лаврик поскрёб макушку, не зная, что ответить.

Кирилл потрогал щетину на подбородке, смерил его взглядом.

— Если у тебя действительно хорошая память, у нас есть шанс вырваться отсюда и спасти Лилю.

— Я согласен, давай, — торопливо сказал Лаврик. — Ты хочешь, чтобы я рассказал…

— Я хочу запустить ПН, если она хранится в твоей памяти.

В глазах Лаврика всплыли сомнения, недоверие и страх.

— Ты… уверен… что сможешь?

— Нет, не уверен, — мотнул головой Кирилл, — но у нас нет другого выхода. Мне нужна поддержка, энергетическая подпитка, а её может дать только восстановленный файл ПН.

— Хорошо, попробуй, если это необходимо… только ничего тут не трогай. — Лаврик криво улыбнулся, постучал пальцем по темени. — Не улучшай. Кодировать не будешь?

Кирилл бросил на него взгляд исподлобья, и Лаврик, побледнев, выставил вперёд ладони:

— Я пошутил.

— Садись.

— Куда?

— Напротив. — Кирилл уселся на пол, скрестив ноги. — На меня можешь не смотреть, думай о ПН, вспоминай формулу и её компьютерную проводку.

Кирилл закрыл глаза, сосредоточился на своём энергетическом центре и начал искать утраченный душевный резонанс. Поиски ознаменовались успехом: сознание нашло мостик, соединяющий его с подсознанием, и Кирилл заполнил собой весь объем зала.

Здесь нет власти, кроме моей власти…

Голова Лаврика превратилась в «чёрную дыру». Кирилл струей протёк в эту дыру, ощутив бездну чужого знания.

Здесь нет силы, кроме моей силы…

Бездна расцветилась мириадами огоньков, образуя космос внутренних состояний и мыслей Лаврентия.

Здесь нет мысли, кроме моей мысли…

Стаи огоньков закрутились метелью, объединились в струи, образовавшие дивные живые письмена, напоминавшие арабскую

вязь и древнерусские буквы.

Здесь нет воли, кроме моей воли!..

Кирилл слился в одно целое с живыми письменами и ощутил пульсацию силы: «арабско-русская» вязь оказалась базой данных, на которую опирался файл ПН. Перед глазами Кирилла развернулась феерическая светящаяся конструкция из символов, букв, рун и геометрических фигур. Это была формула Преодоления Невозможного, хранящаяся в памяти Лаврентия. Ей не хватало кое-каких элементов — там, где Лаврик не помнил цифр или символов сопряжений, но без них можно было обойтись, зная последовательность ввода данных. И Кирилл усилием воли «оседлал» конструкцию, а затем заставил её подчиниться и выполнять мысленные приказы.

Внезапно Кирилл почувствовал затылком чей-то злобный взгляд. И тотчас же послышался испуганный вскрик Лаврика:

— Полковник, очнись!

Он вскочил, ещё не видя ничего, но уже понимая причину тревоги.

К ним через зал, изредка останавливаясь ненадолго, шествовал знакомый рыцарь в латах, с головой динозавра. Однако шёл он не по прямой, а зигзагами, что указывало и на его зависимость от законов данного объекта.

— Пёс! — выдохнул компьютерщик, прячась за спину Кирилла.

— Странно… — сказал Тихомиров, пытаясь поймать какую-то важную ускользающую мысль. — Он не должен находиться здесь, за границами Сети. Программа Пса создана уровнем ниже «нулевой» реальности, она не должна иметь силу за пределами своего уровня…

— Поменьше рассуждай, он сейчас нас ограничит на хрен!

Кирилл несколько секунд наблюдал за движением «динозаврорыцаря», явно соблюдавшего некий ритуал либо выбиравшего путь. Вспомнился «спектральный» джокер-фантом, также выписывавший по залу определённую траекторию, с виду петлистую и длинную, но позволившую преодолевать многомерное пространство «пустого» зала.

— Чего ждёшь? — дернул его за рукав Лаврик, приплясывая от нетерпения. — Ты же можешь перенести нас отсюда.

Кирилл отбросил попытки проанализировать ситуацию и мысленно-волевым усилием создал «кротовую нору», выходящую в «параллельное измерение».

Они оказались точно в таком же светлом зале с колонной прозрачного зеленоватого пламени в центре. Только пламя это теперь больше напоминало поток летящих прозрачно-радужных

стрел, а вокруг него снова возникли еле видимые, струящиеся, как слои горячего воздуха, прозрачные геометрически совершенные конструкции.

А вот Пёс остался в «нижнем» зале, не успев пересечь его и «депрограммировать» беглецов.

— Уф-ф! — перекрестился Лаврик, ошалело озираясь. — Оторвались!

— Ненадолго, — проворчал Кирилл, вздыхая тем не менее с облегчением. — Что-то мне подсказывает, он идёт за нами по пятам, словно его на нас кто-то наводит.

— Пёс — это Программа ликвидации…

— Я знаю. Но вот почему эта Программа догнала нас за пределами Гиперсети, я не понимаю. Может, ты подскажешь? Пёс должен работать только в пределах киберпространства Сети.

— Значит, мы все ещё находимся в Сети, — простодушно изрек Лаврентий. — А этот твой А-центр — всего лишь очередная буферная зона.

— Не может быть! С этого Задатчика была запущена Первая Фундаментальная Программа создания «нулевой», или Матричной Реальности! Какое-то время она направлялась и корректировалась отсюда, потом «нулевая» реальность зажила своей жизнью как саморазвивающаяся система и была предоставлена сама себе. Мне сообщил эти сведения охранитель Задатчика…

— Ну тогда не знаю, — развёл руками Лаврик. — Возможно, Пёс — тоже Божье Творение, самый первый из операторов. Почему нет?

Кирилл покачал головой, с сожалением проводив ускользнувшую мысль, потом снова уселся на пол лицом к столбу пламени.

— Следи за обстановкой, никуда не отходи. Попробую ещё раз подключиться к местному компьютеру, если таковой тут имеется, и всё выяснить.

Настройка не заняла много времени. Он всё ещё находился в состоянии резонанса с силой и легко вышел на МОР-уровень.

Здесь нет воли, кроме моей воли…

Глава 28. Запрещённая реальность

Впечатление было такое, будто в него всадили по крайней мере бронебойный снаряд — это сработала защита Задатчика, поджидающая взломщиков и хакеров, кем бы они ни были. Сознание Кирилла «отбросило назад» с такой силой, что он задохнулся и некоторое время глотал воздух, пытаясь сообразить, что произошло. Затем всё-таки собрал себя «по кусочкам» и снова пошёл вперёд, не обращая внимания на волны «отдачи», когда включались разные уровни защитного и ограничивающего воздействия.

Систему ограничения доступа к Задатчику он преодолел уже «на автомате», почти не соображая, что делает. В принципе без поддержки файла ПН он бы не справился, даже имея задатки МОР-оператора.

Но битва с защитной системой закончилась, и перед глазами Кирилла развернулась панорама того, что он называл Задатчиком Базовой Программы.

Больше всего это напоминало пчелиный улей, пересекавшийся сам в себе множество раз в разных пространствах и разных временах. Разве что пчёлы в этом колоссальном улье представляли собой сгустки информации, вернее, должны были представлять, ибо для их взаимодействия и создавалась вся эта гигантская многомерная махина.

Однако «пчёл»-то как раз в «улье» и не было. Он был «выключен», а информационные соты-носители были пусты. И тем не менее Кирилл чувствовал, что он в состоянии запустить Задатчик, несмотря на сравнительно малые запасы энергии. Главное было — захотеть!

И всё же вся энергетика Кирилла была по сравнению с требующейся для запуска сверхсистемы что комариный чих. Пометавшись по её загогулинам и пересечениям, он пришёл к единственно возможному варианту: сжечь себя всего, без остатка, чтобы аннигиляционный костер смог стать источником энергии для такого сверхсложного и сверхмощного механизма, как Задатчик.

Не выходя из транса, Кирилл оглянулся «назад», на зал с фонтаном пламени.

Здесь всё было по-прежнему. Виртуальное оборудование так и осталось виртуальным, непроявленным. Столб света пульсировал с той же интенсивностью, что и раньше. Зал казался пустым и тихим. Лаврик, немного освоившийся со своим положением, бродил неподалёку по замысловатым траекториям между

прозрачными громадами, не замечая их. Он искал туалет.

Тогда Кирилл набрал в грудь воздуха и приступил к процессу «самосожжения» на ментальном уровне, аннигилируя свой энергетический каркас, все оболочки тела, все энергоцентры (чакры), все силовые меридианы, удерживая при этом волевым усилием накапливающуюся энергию в форме сгустка, ослепительной шаровой молнии. Затем, превратившись в эту молнию полностью, начал гнать волну энергии по всем мёртвым узлам и системам, прокачивать себя по энерговодам, тестировать системы, искать цепи последовательного включения, прочищать каналы и запускать генераторы Задатчика.

Сколько времени длился процесс «тестирования и включения», оценить он впоследствии был не в состоянии.

Очнулся Кирилл от жуткого холода. Вся его энергия иссякла, оживив этот сложнейший макрочип, которым и был Задатчик Базовой Программы. Оставшихся крох энергии едва хватало на поддержание трансового состояния, но больше ничего Кирилл сделать не мог. Он запустил механизм Задатчика, заставил его функционировать, но макрочип был совершенно пуст! В нём не содержалось никаких записей и данных, ничего похожего на Программу! Ничего! И Кирилл понятия не имел, чем можно было заменить реализовавшуюся Божественную Программу, сделавшую своё дело — запустившую процесс проявления «нулевой», Фундаментальной Реальности.

Мало того, у Кирилла появилось ощущение, что Задатчик на самом деле является частью более крупного объекта или системы, но цели и задачи этого объекта оставались за пределами его понимания.

Сердце сжалось в предсмертной тоске. Кирилл не видел способа оживить Задатчик, то есть заполнить его «кровью» — информацией, и через него связаться с Творцом, а силы таяли, запасы энергии иссякали, и даже каркас воли не мог долго сдерживать напор необъятного механизма Первозамысла, способного поглотить душу и чувственно-эмоциональную сферу любого человека. Возможно, находясь рядом, Лилия и смогла бы ему помочь, но её не было, а Лаврентий в силу своего характера и амбиций мог только навредить.

Сердце! — сверкнула вдруг молния озарения.

Задатчик можно заполнить тем, что собой представляет сердце человека! И пусть сам человек является только подпрограммой, тенью в киберпространстве Гиперсети, но он же есть и сын Божий, частица Его Творения, основанного на высших принципах этики и нравственности. Так, может быть, удастся замкнуть эту разомкнутую цепь собственной жизнью? Ведь Душа

Творца не может не знать истинных устремлений душ своих детей…

«Не делай этого!» — раздался внутри тающей оболочки Кирилла чей-то безликий голос.

Кирилл замер.

«Кто это?»

Голос не ответил.

И в этот момент Кирилл почувствовал, что кто-то ещё возник в пространстве зала. Кто-то смотрел на него сверху, со всех сторон одновременно, и снисходительно улыбался. Молния тревоги пронзила душу. Он совсем забыл о существовании Выразителя! А тот находился рядом и чего-то ждал! Чего?..

В поле зрения на фоне рунических письмен сформировалось светящееся красно-лиловое облачко, превратилось в странное мерцающее существо, соединявшее в себе черты многих людей, в том числе капитана Утолина, подполковника Петрова, Лилии, Лаврика, самого Тихомирова и многих других. Облик существа всё время менялся, плыл, перетекал из одного тела в другое, но одна черта его оставалась неизменной — улыбка.

Это был тот, кого люди называли дьяволом и Отступником, а операторы иезодов и он сам — Выразителем Несогласия.

Последние силы покинули Кирилла, и он потерял сознание. Хотя тут же пришёл в себя, ощущая ставшую непривычно тесной физическую оболочку как смирительную рубашку.

Он находился в том же зале, где пытался оживить механизмы Задатчика, однако теперь было видно, что это ему действительно удалось.

Зал был заполнен прозрачным невесомым светом, которому вполне соответствовало бы название — эфир. Кроме того, во всём его объёме проявились поразительной красоты гармоничные конструкции, перетекающие друг в друга, светящиеся, пульсирующие, живые! А фонтан света в центре зала приобрёл форму сложнейшей ажурной «розы», вызывающей удивительное чувство тепла и покоя.

Ошеломлённый Кирилл поднялся с пола на дрожащих ногах, оглянулся и увидел Лилию. Она смотрела на него с улыбкой, склонив голову к плечу, но в глазах горел чёрный огонь силы, и Кирилл понял, что Выразитель всё ещё пользуется ею как носителем, оставаясь хозяином и оператором.

Кровь быстрее побежала по жилам, волна ненависти ударила в голову. Он с трудом удержал себя от ненужных слов и действий, медленно проговорил:

— Отпусти её!..

— Отпущу, — легко согласился Выразитель-Лилия. — Я не

чужд благодарности, а ты её заслужил в полной мере. Честное слово, я не ожидал, что у тебя получится, полковник. Запустить эту штуку, — он повёл рукой, — даже мне было трудно, а ты это сделал шутя. За что огромное спасибо! Проси чего хочешь — исполню. А за отсутствие программы не переживай, я поставлю свою, и Задатчик заработает. Хотя уже с другими стандартами и законами.

— Значит, ты… всё знала?! То есть знал?! И подстроил наше появление здесь специально?

— Разумеется.

— ПСП, СНОС… программный Пёс… все эти Программы были направлены на то, чтобы заставить нас с Лавриком…

— Не вас, а тебя лично. Лаврентий Киндинов — только затравка, необходимое условие твоего роста, хотя без него обойтись было в принципе невозможно.

— А… капитан Утолин… Ювинга? Он тоже был частью твоего плана?

— Нет, не был, — качнула головой Лилия. — Он действительно бунтовщик, отступник, мелкий пакостник, ну прямо-таки как я в юности, однако его вмешательство пошло на пользу плану, и я его не стал ограничивать. Вообще же ты молодец. Ты догадывался о моей помощи, но не хватило глубины интуиции и сил поверить самому себе. Мне пришлось одной рукой подталкивать тебя в ловушку, а другой спасать. И, как видишь, я добился своего. Ещё раз спасибо.

Лилия улыбнулась, развела руками. Голос её изменился, стал глубоким, бархатным, мужским, голосом непререкаемой власти и фанатизма.

— А вот встречу с Отцом я тебе обеспечить не могу. Ушёл старик, а куда — неизвестно. Даже мне. Нет его здесь. Зато в награду за помощь могу отправить тебя обратно на Землю. Если ты, конечно, не захочешь работать со мной, дашь слово слушаться и не устраивать революций. Хочешь, я сделаю тебя президентом любого государства? Или даже папой римским?

Лилия-Выразитель рассмеялась.

Кирилл молчал.

Сила шевельнулась в нем пушистым — и когтистым — котёнком, поступая откуда-то извне, из невидимых и неощутимых «щелей» в Мироздании.

«Жди!» — прошелестел в костях черепа мистический голос.

— Хорошо, я понимаю твои колебания, — продолжала Лилия. — Тебе действительно надо принять непростое решение. Подумай, не торопись, времени у нас много. Вечность.

Лилия снова рассмеялась чужим неприятным смехом,

исчезла.

Кирилл закрыл глаза, пытаясь успокоиться, почувствовал прикосновение к плечу, но не отреагировал. Это был Лаврик, потрясённый происшедшими в зале изменениями интерьера.

— Ты в порядке?

Кирилл открыл глаза, посмотрел на спутника чёрными страшными глазами, и тот отшатнулся, закрываясь ладонью.

— Ты чего, Иваныч?! Это же я… Лаврик…

Кирилл расслабился, унимая поднявшуюся в душе бурю.

— Извини…

— Ничего, я понимаю… офигеть можно! Что будем делать?

— Не знаю, — буркнул Кирилл, прислушиваясь к себе, ощущая новый ток силы, и, сориентировавшись, подключил к нему «сгоревшую» психику.

В него как в огромную чёрную дыру хлынул поток светлой чистой энергии. Словно прорвало плотину. Причём он совершенно чётко представлял, откуда идёт этот поток — от всей земной реальности, от каждого её атома, от каждого живого существа, от каждого разума. Он очистил энергокаркас Кирилла от «шлаков» сгоревших «тонких» оболочек, от «мусора» негативных эмоций и «паутины» недобрых мыслей, настроил его в резонанс с самим собой, и Кирилл ощутил встречный поток — от ожившего Задатчика — через него — к земной реальности, минуя все остальные слои и защитные барьеры Гиперсети. Затем возник красочный фейерверк пересечения двух энергопотоков, и Кирилл почувствовал такой мощный прилив бодрости, силы, понимания ситуации, что захотелось запеть во все горло или станцевать.

Выразитель Несогласия ничего не мог сделать с Метавселенной, породившей Землю и людей, несмотря на то, что он был её Создателем. Земной универсум стал не просто саморазвивающейся системой, но самоуправляемой, способной изменять законы развития, и она не нуждалась ни в чьей опеке, не требовала никакого контроля и не допускала вмешательства извне в свою программу развития, отмеченную святой печатью Изначально Первого.

«Наконец-то ты созрел, — заговорил в нем знакомый бестелесный голос. — Поздравляю, полковник. Может быть, побеседуем, пока есть время?»

«Ты кто?» — мысленно спросил Кирилл, уже предполагая ответ.

«Снайпер в пальто, — хмыкнул невидимый собеседник, засевший по ощущениям в костях черепа. — Не узнаешь?»

«Капитан?!»

«Скорей оператор Ювинга, хотя кое-что осталось и от моего

носителя капитана Утолина».

«Я думал, ты погиб…»

«Я подстраховался, заняв одну пустующую в твоей голове „клетушку“. К счастью, ты этого не заметил, иначе нас ликвиднули бы одновременно».

«Значит, ты внедрился в мою психику и всё это время сидел внутри?»

«Без твоего разрешения. Увы, каюсь. Так было надо. Меня всё время подмывало вмешаться и помочь, но ты справился сам, и весьма неплохо. Поздравляю. Даже Отступник тебя похвалил, а его похвала дорогого стоит».

Кирилл вспомнил о своём положении.

«Выразитель украл Лилию…»

«Это плохо, но разрешимо. Если он пообещал вернуть её — вернёт, хотя вполне может при этом „заминировать“ — внедрить в её психику какую-нибудь пакостную черту характера».

«Ты… серьёзно?»

«А тебя это пугает? Ты, в свою очередь, тоже способен заглянуть в прелестную головку своей суженой и подкорректировать её личность».

«Никогда! Или… ты меня тестируешь?»

«Я просто шучу. Теперь давай о главном. Дьяволу… э-э… будем всё-таки называть его Выразителем, коль уж начали. Так вот, Выразителю необходим доступ к оперированию бесконечной Изначальной Энергией, что было до сих пор невозможно. Отец наш заблокировал свой Задатчик, очевидно, зная способности детей, то есть Безусловно Вторых».

«Зачем Выразителю нужна такая прорва энергии? Чтобы разрушить всё созданное Отцом?»

«Не разрушить, а захватить и переструктурировать по своему разумению. Заменить Порядок Божественного Первозамысла антиструктурой своего насильственного волеизъявления, которая по большому счёту является структурой Хаоса. Пусть тебя не смущает это антиномическое словосочетание. А насилие — не просто Зло, но Зло Нравственное, противоречащее Первозамыслу, всем Законам бытия, предначертанным Создателем Мироздания. Поэтому Выразитель должен быть ограничен в своих стремлениях стать Первым и Единственным».

«А я так бездарно помог ему войти в Задатчик…»

«Один из Задатчиков. На самом деле им несть числа, и каждый независим и реализует лишь ограниченное количество условий и вариантов бытия».

«Это правда?! — Кирилл был ошеломлён и не скрывал этого. — Неужели Выразитель этого не знает?!»

«Он зациклился на своей исключительности, уверен в безграничности своих творческих потенций и в том, что только он имеет право управлять своим Творением».

«А откуда ты это знаешь? Ведь ты всего лишь оператор иезода контроля достаточно низкого уровня…»

«Уел, — добродушно усмехнулся собеседник, являющийся по сути духом Ювинги-Утолина. — Да, я оператор, но в то же время ещё и исполнитель Предназначения».

«Что это означает?»

«Скажем, нечто вроде сотрудника службы безопасности».

«Не знал, что у Создателя есть такая служба, — хмыкнул Кирилл. — Что же она не вмешивается, когда этого требует ситуация? Или Земля для неё и человеческий социум — только игровое виртуальное киберпространство?»

«Она вмешивается вовремя, только это не всегда понятно твоим соотечественникам. Вот как, например, ты воспринял Чёрнобыльскую катастрофу?»

Кирилл озадаченно помолчал.

«Как настоящую катастрофу, трагедию, унёсшую жизни сотен тысяч людей! Разве это не так?»

«Это лишь вершина айсберга событий или узла бифуркации. Да, Чёрнобыль погубил много подпро… э-э… людей, но в то же время он продемонстрировал, высветил действие новой силы, о существовании которой знают лишь немногие теоретики. Этот тип взаимодействий способен перевернуть науку и технику, изменить потребительскую психологию людей, даст им возможность отказаться от экологически вредных производств, заменит такие опасные и грязные источники энергии, как нефть, газ, бензин, атомное и термоядерное топливо. А кто это увидел? Единицы! Они изучают явление, предлагают свои решения, но их никто не слышит: ни коллеги-учёные, дрожащие за свои кресла и звания, ни промышленники, вложившие огромные деньги в традиционные технологии и зарабатывающие на этом ещё большие деньги. Ну скажи на милость, как же тут обойтись без коррекции?»

«Ты хочешь сказать, что вы спровоцировали Чёрнобыль, чтобы дать людям новые источники энергии?»

«Не совсем так, мы хотели сделать это не так громко, но вмешался иезод высшего уровня, увеличивший масштабы коррекции. Но это к слову. Вернёмся к нашей нестандартной ситуации».

«Да, — очнулся Кирилл. — У тебя есть план?»

«Пока Выразитель будет пытаться синхронизировать системы Задатчика, мы попробуем пробить канал к Чертогам, чтобы

предупредить Создателя. Если же не удастся, развернём программу самоуничтожения».

«Неужели здесь есть и такая?» — удивился Кирилл.

«В принципе это земной термин, однако аналогия прослеживается. Программа просто свернёт объект, сделает его нульмерным».

«А в Гиперсети это не аукнется?»

«Пусть погибнет мир, но восторжествует правосудие!»

«Ты серьёзно?!»

«Шутка. Нульмерное — одно из качеств Абсолюта, отнюдь не означающее уничтожение объекта. Не волнуйся, на Сети эта свёртка не отразится».

«К сожалению, я почти пуст. Сил осталось только на то, чтобы вырыть себе могилу».

«Не прибедняйся, полковник. Ты связан пуповиной энергоинформационного канала со всей нашей реальностью, что не каждому дано. Наш папочка потому и заинтересовался тобой, скрытым МОР-оператором, что увидел в тебе шанс проникнуть в Святая Святых своего родного Отца — Родильный Дом Мироздания».

«Родильный Дом? — фыркнул Кирилл. — Так это не Задатчик Базовой Программы?»

«И Задатчик, и Пульт управления, и Компьютер, и Родильный Дом, и много-много чего ещё, о чём мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Хотя это уже и неважно».

«Слушай, снайпер, последний вопрос, я только что подумал… Ведь если одна из ипостасей Выразителя — земной дьявол, то есть Великий Искуситель, как говорят поэты, то почему он не попытался меня подкупить? Пообещать мне райские наслаждения, бессмертие, власть? Лишь сопровождал, рискуя провалить план…»

«Ты ошибаешься, — ухмыльнулся Ювинга-Утолин. — Он тебя подкупил».

«Чем?! Я же с ним даже не беседовал…»

«Ты беседовал с его проекциями, не догадываясь, что это он. А подкупил он тебя совсем просто: вместо исполнения Предназначения предложил выбор Пути сообразно потребности твоих разума и тела. Сам понимаешь, договор между дьяволом и человеком не всегда требует подписывать какой-либо документ, да ещё кровью. Для этого достаточно сделать выбор».

— Но я же хотел только восстановить справедливость! — вслух воскликнул ошеломлённый Кирилл, испугав наблюдавшего за ним Лаврика. — Хотел защитить людей…

— Ты о чём? — робко поинтересовался компьютерщик. — С

кем ты разговариваешь?

Кирилл опомнился, перешёл на мысленный диалог:

«Разве я принёс кому-то зло своим решением? Просто пытался разобраться в ситуации и остаться в живых…»

«Незнание закона не освобождает индивидуум от ответственности. В Гиперсеть вмонтирован определённый нравственный порядок, с которым долго и безуспешно пытается сладить Выразитель. Он предусматривает степень соответствия между Первозамыслом и его Реализацией. Одним из критериев их рассогласования является накопление Зла за счёт живых существ, выбирающих Путь согласно потребностям своего разума и тела, а не согласно Предназначению».

«Я этого не знал…»

«К сожалению, это не снимает с тебя вины за удачу Выразителя-дьявола. Он дал тебе Путь — ты им воспользовался, не понимая своей ответственности за судьбу Мироздания. Но пусть кинет в тебя камень тот, кто безгрешен. Уж точно это буду не я. И еще один положительный момент: ты не потерян для контакта с Создателем-Отцом. Просто тебе надо научиться ставить перед собой этически корректные цели. Так что не переживай и делай дело до конца. Тебе ещё предстоит ограничить Выразителя и освободить Лилю, да и всю Сеть, пожалуй».

«Всего-то? Раз плюнуть!»

«Рад, что ты не потерял присутствия духа. Включаемся в общий канал, забираем Лавра, и вперёд!»

«Он-то чем нам поможет?»

«У каждого человека есть капля совести, у него тоже, и отказываться от такой помощи грешно».

«Но он же должен добровольно пойти с нами…»

«Вот и спроси».

Кирилл посмотрел на изнывающего от бездеятельности Лаврентия:

— Нам нужна твоя помощь. Но это… опасно.

Лаврик побледнел, нервно облизнул губы, бегло оглядел зал, кивнул на текучую ажурную колонну в центре:

— Надо запустить эту штуковину?

Кирилл кивнул.

— А-а, всё равно терять нечего! — отчаянно махнул рукой Лаврентий.

Глава 29. Душа творца знает

Всё получилось.

И ничего не получилось!

Защитная система Задатчика, с которой уже беседовал Кирилл, благожелательно отнеслась к новому контакту, однако не согласилась включить систему самоликвидации, сославшись на вложенный в неё Закон невмешательства в Первозамысел. Не помог и файл ПН, играющий роль алгоритма магического оперирования, то есть универсального надсистемного параметра и накопителя энергии, способного изменять вторичные законы Гиперсети. Но не Законы Абсолюта! Творец «нулевой» реальности обезопасил своё Творение от всех случайностей, в том числе и от неосторожных действий, любопытства или тяги к власти своих детей.

Эта мысль появилась в голове Кирилла спонтанно, и её тотчас же прокомментировал Лаврик, подключённый к мыслесистеме Кирилла-Ювинги-Утолина:

«Сработала защита от дурака».

«Её можно обойти», — отозвался Утолин.

«Как?»

«Есть такое старое правило: требуй невозможного — получишь максимум. Если мы не можем свернуть Программу Задатчика, значит, надо требовать от его защитных систем невозможного».

«Конкретнее».

«Первый вариант — требование связи с Создателем. Второй — приказ вышвырнуть Выразителя вон, за пределы Родильного Дома».

«А не вышвырнут ли заодно и нас? — поинтересовался Кирилл, стараясь удержать связь с „компьютером“ защиты. — Ведь мы тоже „вирусы“».

«У тебя есть другое решение?»

«Нет».

«Тогда начнём, пока Выразитель не засёк наших попыток воздействия и не ограничил нас».

«Сударь, — обратился Кирилл к „компьютеру“ как к живому разумному существу, — пропустите нас, пожалуйста, к Чертогам Отца. Нам необходимо предупредить Его…»

«Он знает», — раздался в теле Кирилла мягкий, невыразимо глубокий, теплый голос.

«Но если Он знает, почему не вмешается?»

«Ситуация не достигла логической завершённости».

«Когда же она достигнет завершённости?»

«Это зависит от вас».

«Но мы и так делаем всё, что в наших силах!»

«Не всё!»

Кирилл «оглянулся» на своих мысленных спутников.

«Присоединяйтесь к разговору, я не могу его понять».

«Что мы должны сделать, чтобы добиться ограничения существа, называющего себя Выразителем Несогласия?» — спросил Ювинга-Утолин.

«Это не есть Цель».

«А что есть Цель?»

«Восстановление Непреложных Законов и Ограничений на использование энергии для волевой коррекции Творений».

«Будьте добры сформулировать этот постулат попроще».

«Нарушена Базовая Этика Первозамысла. Её надо восстановить».

«Каким образом? Это же не разрушенный физически реальный храм или машина…»

«Вы должны осознать объективный нравственный миропорядок, только тогда раскроются недоступные ранее горизонты».

«Но мы и так понимаем, что такое Добро и Зло…»

«Я знаю. Ваше знание субъективно. Зло в первую очередь — отрицание. В каждом из вас до сих пор живёт частица этого Зла».

«Мы боремся… учимся… и идём… Дайте нам возможность дойти…»

«Компьютер» не отвечал несколько секунд — целую вечность, взвешивая свой ответ.

«Я могу только проявить ситуацию. Вы должны будете сами найти оптимальное этическое решение».

«Спасибо и за это!»

И тотчас же зал с колонной «компьютера» исчез.

Кирилл и Лаврик оказались посреди бесконечной холмистой равнины, поросшей высокой зелёной травой. Небо над равниной светилось чистейшей голубизной. Напротив в десятке шагов врос в землю огромный камень с высеченными на нем письменами. На камне, нахохлившись, сидел ворон и смотрел на людей светящимися алыми глазами.

«Приехали!..» — прокомментировал это событие Утолин-Ювинга.

Кирилл поднял голову: показалось, что с лазурных небес, светящихся без всяких видимых источников света, кто-то посмотрел на них внимательно и строго.

— Ну что? — каркнул ворон угрюмо. — Будете выбирать?

Налево, направо, прямо?

Лаврик подошёл к камню ближе, всматриваясь в письмена.

— Тут написано, куда ни поедешь, всюду кирдык.

— А ты чего ждал? — осведомился ворон неласково.

— Обычно дается право на выбор.

— Нету у вас выбора.

— А что это ты разговорился, оракул? — недобро прищурился Лаврик. — Кто ты такой?

— А у тебя со зрением плохо?

Ворон раскрыл крылья, взлетел и превратился в огромного динозавра. Лаврик отшатнулся, бледнея.

— Пёс!

И в этот момент Кирилл поймал-таки мысль, ускользнувшую от него после встречи с Выразителем.

— Подожди, тварь! — сказал он властно. — Поговорим. Ты знаешь, где находишься?

— Разумеется! — ответил динозавр, показав свою специфичную клыкастую «улыбку».

— Кто тебя наводит на меня?

— Вся Сеть.

— Каким образом?

— В тебя внедрён автоответчик, точнее маяк.

— Теперь я понял, — задумчиво кивнул Кирилл, прислушиваясь к себе и обнаруживая пульсацию скрытого до сих пор источника пси-поля. — Всё правильно, так и должно было быть. Мне следовало догадаться раньше. Что это такое? Где прячется этот маячок?

— В твоём подсознании.

— Понятно. Выразитель подстраховался. — Кирилл мысленным усилием создал пси-фильтр и «прочесал» им лабиринты подсознания в поисках «маяка». И внезапно наткнулся на волевую структуру Ювинги-Утолина.

«Эй, полковник, не щекочись!»

— А теперь я тебя… — Динозавр вытянул вперёд чешуйчатые лапы.

— А теперь ты будешь выполнять мою волю! Я переориентирую твою программу! Найди своего бывшего повелителя и забери его! Но женщину-носителя, в которой он сейчас обитает, не трогай! Понял?!

Динозавр сжался как от удара, уменьшился в размерах, превратился в ворона и растворился в воздухе.

Послышался вздох потрясённого Лаврентия:

— Ну ты даешь, Иваныч! Давно бы так! Я не люблю, когда меня ограничивают. Кстати, я что-то не понял насчёт

автоответчика…

«Выходи, оператор!» — тяжело приказал Кирилл.

«Куда?!» — оторопел Ювинга, сжимаясь в ком энергии и пытаясь отгородиться от волевого воздействия.

Кирилл поискал глазами предмет, куда можно было бы внедрить психоматрицу Ювинги-Утолина — уничтожать его он не хотел, — и наткнулся на взгляд Лаврика.

«Киндинов тебе подойдёт?»

«Что ты задумал?»

«Не знаю, как ты это сделал, но маячок — твоих рук дело. И внедрил ты его мне ещё на Земле. Выходи!»

Кирилл сжал мысленной рукой заметавшийся ком энергии, принадлежащий пси-структуре Ювинги, выдернул его из своего сознания и подсознания и одним тычком вогнал в голову Лаврика.

Компьютерщик пошатнулся, схватился обеими руками за голову, глаза его на несколько мгновений остекленели. Потом в них пробился свет понимания, он погладил лоб, бросил на Кирилла взгляд исподлобья и облегчённо вздохнул. Улыбнулся. Но теперь это была не его улыбка, а скорее капитана Утолина.

— Ох и тяжела твоя десница, полковник! Спасибо, что не засунул меня в этот камень. Была у тебя такая мысль. Но не держи зла, Кирилл Иванович, я ведь тоже ограничен в своих знаниях, поступках, желаниях и выборе. Не я в тебя запихивал маячок, а наш приятель Диаблинга, по заданию Выразителя, когда добывал для нас костюмы. Я узнал об этом уже потом, когда мы вышли в путь.

— Почему же не предупредил?

— Мы с тобой прошли так глубоко к Истокам, что это перестало иметь значение. Однако вынужден признать, что ты сильно вырос, полковник, за время нашего путешествия. Вот так запросто вышвырнуть меня из своего сознания обычному человеку не под силу.

— Спасибо за комплимент, — буркнул, остывая, Кирилл.

— Это констатация факта, — пожал плечами Лаврик-Ювинга-Утолин. — Но мы ещё не довели дело до конца.

— Мы и не сможем довести его до конца.

Лаврик прищурился в сомнении.

— Не понял.

— Объект, который мы запустили, не является Задатчиком Базовой Программы и находится в буферной зоне «нулевой» реальности, на периферии Сети.

— Как тебе удалось это выяснить? И что это за объект?

— Порт связи. Я включил всего лишь порт связи с

Задатчиком, не более того. Он многомерен и каким-то образом составляет часть самого Задатчика, находясь одновременно в «нулевой» реальности, то есть принадлежа Гиперсети, и за её пределами. Но сомнений в том, что этот порт выходит в Сеть, у меня нет.

— Я понял… Пёс!

— Совершенно правильно. Пёс создан в Сети и принципиально не может выйти за её пределы!

— Как же я сразу не дотумкал! Ведь были определенные сомнения… Наверное, при внедрении психоматрица потеряла значительную часть интеллекта, что весьма печально. Однако нам теперь надо подумать о себе, коль всё так закончилось.

— Не всё, — качнул головой Кирилл. — Я не вернусь без жены.

— Не сходи с ума! Даже будучи МОР-оператором, прямой бой с Выразителем ты проиграешь! Он не просто существо, но разумная вселенная! Вдумайся в это слово. Он тебя превратит в пыль, в элементарные частицы, в ничто!

— Авось не превратит. Без Лили я не вернусь.

Я… люблю её!

Лаврик-Ювинга скривил губы.

— Как же вы, люди, зависите от эмоций, чувств, переживаний, желаний… внезапных озарений. Хотя, может быть, без них жизнь вообще не имела бы смысла?

— Можешь уходить, — угрюмо усмехнулся Кирилл. — Опираясь на файл ПН, ты пересечёшь границу и…

— Я остаюсь.

Кирилл поднял бровь.

— Не пожалеешь? Ведь мы скорее всего погибнем.

— Вопросы войны и мира, жизни и смерти надо решать просто. Шашки наголо — и вперёд! — Лаврик засмеялся.

Внедрение психоматрицы Ювинги-Утолина изменило его настолько, что перед Кириллом стоял совсем другой человек.

— Что ж, если мы объединим усилия… — Кирилл не закончил.

Камень с письменами вдруг ожил и, претерпев множественную трансформацию, превратился в Лилию. Женщина глянула на замерших мужчин, прошлась по траве, касаясь её метёлок руками; трава при этом съеживалась и чёрнела. Глаза Лилии казались бездонными, заполненные тьмой.

— Вы всё-таки провели меня, — заключила она басовитым мужским голосом, от которого вибрировал воздух и дрожала земля. — Надеюсь, вы понимаете, что заслуживаете самого сурового наказания. Нельзя обмануть Хозяина и не понести кары!

— Ты сам себя обманул, — хрипло выговорил Кирилл, чувствуя поток силы, соединяющий его с земной реальностью. Хотя, с другой стороны, он понимал, что Создатель Сети действительно намного мощнее, сильнее и объёмнее, чем Метавселенная Земли, и не ограничен оболочкой человеческого тела.

Лилия с задумчивым видом оглядела его, кинула насмешливо-презрительный взгляд на изготовившегося к прыжку Лаврика.

— Вы меня очень разочаровали, джентльмены. Для теней вы зашли слишком далеко, и я даже не знаю, какого наказания вы достойны.

— Мы равны! — с вызовом сказал Лаврик-Ювинга.

— Да? — скептически выгнула бровь Лилия. — Что-то нынче зайцы храбрыми стали. Может быть, поборемся? Или сыграем?

— Можно и сыграть.

— В шахматы, в карты?

В руке Лилии появилась колода карт, сама собой раскрылась, устроила хороводы превращений и переходов фигур друг в друга, пока не остались одни тузы.

— Во что сыграем?

— Не ёрничай, — сказал Кирилл, чувствуя качание пространства вокруг. — Возможно, для тебя мы всего-навсего тени, но мы действительно равны — в выборе.

Карты, струей взмывшие вверх, растворились в воздухе. Лицо Лилии стало твёрдым, тяжёлым и презрительно-высокомерным.

— Это следует понимать как вызов?

Кирилл и Лаврик переглянулись.

— Ты сам — вечный вызов, — проговорил Кирилл. — А мы — твои дети, пусть и виртуальные. Хочешь наказать нас — наказывай, если получится, но не унижай!

Лилия покачала головой.

— Речь не мальчика, но мужа, полковник. Ты хочешь сказать, что у меня может и не получиться? Вы посмеете сопротивляться моей воле?!

— Посмеем!

Внезапно раздалось гулкое карканье, и над головой Лилии возник громадный чёрный ворон.

— Сначала пободайся с ним, — злорадно ухмыльнулся Лаврик. — Со своим собственным наемничком.

Ворон кинулся на Лилию, норовя вцепиться в её волосы длинными лапами с острыми когтями. Она отмахнулась рукой, сбивая птицу на землю. Та с карканьем забарахталась в траве, расплылась облаком дыма и превратилась в гигантского

динозавра. Древний ящер разинул пасть, бросился на Лилию, протягивая к ней лапы.

Женщина вытянула ему навстречу ладонь, пытаясь остановить. И в тот же момент долго готовившийся Кирилл нанёс сильнейший пси-удар, вышибая из сознания жены пси-поле Выразителя.

Равнина вздрогнула, по её мгновенно растрескавшимся холмам покатился низкий подземный гул, поднялись и опали смерчи, вспыхнули и погасли сеточки молний.

— Капитан! — крикнул Кирилл, продолжая гнуть волю Выразителя.

— Понял!

Лаврик метнулся к пошатнувшейся Лилии, перекинул её через плечо и бегом вернулся к Кириллу. На том месте, где она стояла, проявилась переливчатая туманная спираль, обвивающая сгусток тьмы. Кирилл вытащил нейтрик, но выронил — все его силы были сосредоточены на ограничении Выразителя. Лаврик подхватил оружие, разрядил в пульсирующую между лапами застывшего динозавра чёрную дыру. Кирилл гигантским усилием воли толкнул сгусток тьмы от себя, и тот влился в тело динозавра.

Снова содрогнулась равнина, покрываясь пушистым слоем светящейся пыли.

Силы оставили Кирилла, и он опустился на одно колено, отчаянно пытаясь удержать сознание.

Динозавр обернулся к людям, колеблясь в очертаниях как голографический призрак, шагнул к ним, покрываясь дымными фонтанчиками и множеством огоньков, похожих на угли костра. Глаза его вспыхнули яростью и угрозой.

Кирилл с трудом заставил себя встать, закрыл грудью Лилию, начавшую подавать признаки жизни.

И в этот момент из пыльной пелены вынырнула вереница полупрозрачных призраков и направилась к месту драматической схватки. Это был знакомый беглецам «спектральный» джокер-фантом. Он остановился между замершими людьми и динозавром, взиравшим на него в недоумении, и вдруг все его фигуры сложились в одну, ярко просиявшую и ставшую плотной и ощутимо материальной. На Кирилла глянули ясные голубые глаза седого юноши в белых одеждах.

— Отпусти их, брат, — сказал юноша, обращаясь к динозавру.

С треском фигура динозавра уменьшилась в размерах и превратилась в человека в чёрно-алом одеянии. Кирилл видел обоих как бы венчающими гигантские ментальные пирамиды, пирамиды мощи, власти, знания и величия.

— Они же взбарахтают мне всю Сеть, — кивнул на землян чёрно-алый человек с жуткими чёрными глазами без зрачков. — Им ещё рано баловаться такими возможностями. Они и так наломали дров. К тому же обманули.

Человек в белом улыбнулся.

— Ты сам себя обманул. Кстати, я тебя предупреждал.

— Да, для меня это было хорошим щелчком по носу. Я был уверен, что нам удалось пройти в Родильный Дом. А это оказался всего-навсего порт связи. Папочка действительно мудрее нас и дальновиднее. Я не знал, что он следит за мной.

— Он не следит за тобой. Но ты — часть его Первозамысла, имеющая с ним связь помимо твоей воли. Как говорят люди…

— Мои тени!

— Как говорят люди: перебесишься — человеком станешь.

— Это ещё когда будет. А этих я все же ограничу.

Юноша в белом покачал головой:

— Отец ведь не стал тебя ограничивать, хотя ты и отступил от его Замысла. Почему же ты так нетерпим к восставшим против тебя?

Выразитель хмыкнул, окидывая сбившихся плотнее людей отодвигающим взглядом.

— Они посмели мне возражать! Мне!

— Но ведь они просто повторяют то, что делаешь ты. Оставь их в покое. И вообще Гиперсеть. Вмешательство в её жизнь чревато последствиями. Ты прав, Отец мудрее нас и дальновиднее. Ты не можешь вмешиваться в чужие судьбы бесконечно, а тем более уничтожать целые Метавселенные без оснований.

— У меня они всегда есть.

— У тебя их нет! Убери иезоды контроля. Дай детям свободу. Они сами найдут путь к пониманию мира.

Выразитель прищурился.

— Я гляжу, ты на их стороне?

Юноша в белом светло улыбнулся.

— Мне нравится их духовная ориентация. Нравственные Принципы Отца незыблемы, ты должен это признать в конце концов. Даже твои дети всё больше начинают идти по Его стопам, и ты бессилен что-либо изменить.

— Я их уничтожу! Всех! Посмотри, что творится на той же Земле! Бесконечные войны, распри, борьба за власть, терроризм…

— А чем ты лучше их?

Выразитель с изумлением посмотрел на собеседника, задумался, прошёлся по растрескавшейся земле, оставляя чёрные дымящиеся отпечатки. Поднял голову.

— Когда-нибудь я всё-таки докажу Ему…

И он исчез.

Юноша в белом покачал головой.

— Гордыня — грех! Так ты этого и не осознал…

— Кто вы? — пробормотал окончательно пришедший в себя Кирилл. Он уже осмотрел Лилю и с облегчением понял, что временно подчинивший её своей воле дьявол не оставил в сознании жены никаких сюрпризов.

— Я один из Безусловно Вторых, способствующий Воплощению Первозамысла.

— Ангел… — криво улыбнулся Лаврик.

Юноша мягко рассмеялся.

— Скорее Предтеча, но в принципе можете называть меня Ангелом.

— Я слышал ваш разговор… — Кирилл порозовел. — Отец — это Создатель? Я имею в виду не Гиперсеть, а Все Сущее…

— Ты не ошибся.

— Я бы хотел встретиться с ним… поговорить…

Ангел оглянулся.

Далеко-далеко, на краю равнины вдруг воссияли немыслимой красоты дивные храмы. И погасли.

— Туда нам хода нет. — Юноша виновато развёл руками. — Это Чертоги Отца. Они совсем близко и одновременно очень далеко отсюда. Но я могу показать тебе свой мир. Хочешь?

Кирилл посмотрел на Лилию. Та слабо улыбнулась, измученная внутренней борьбой с проекцией Выразителя.

— Я не один…

— Тогда я приглашаю тебя и твоих друзей в гости.

Юноша вытянул вперёд руку, и перед людьми возник невесомый серебристо-прозрачный мост, уходящий в небо.

Мост в мечту о царстве справедливости и любви…

Март 2001

Москва

notes

Примечания

1

СККО — система контроля критических отклонений.

2

ПСП — программа сужения параметра.

3

БАК — большой адронный коллайдер.

4

Н. Заболоцкий.

5

С. Лем (1921–2006) — польский писатель и философ.

6

Планковская длина = 1,6 × 10 в минус тридцать третьей степени сантиметра.

7

В. Распутин. «Пожар».

8

911 м.

9

Маркус Чаун (р. 1959) — английский радиоастроном.

10

Ник Бостром (р. 1973) — шведский философ.

11

Де Ситтер, Джером Фридман, Силус Бин, Зохре Давоуди, Мартин Сэвидж — современные американские и германские физики, специалисты по квантовой физике и физике высоких энергий.

12

Брю-бар — от слова brew (*англ.*) — заваривать.

13

В. Распутин. «Живи и помни».

Оператором Абсолют-уровня в этой иерархии является Творец Вселенной.

15

То, во что одевались операторы этого уровня, лишь условно можно было назвать одеждой, так как это была лучистая материя «тонких планов», сродни плёнке текучего огня или пелене излучения.

16

Имеется в виду антивирусная программа.

17

«Троянский конь» — программа для считывания информации, заложенной в компьютер.

18

Кряк или крякалка — программа для вскрытия других программ.

19

Access — уровень доступа.

20

Примат — прикладной математик.

21

Тестовая программа Checkit.

22

Теодор Страджон — американский писатель.

23

God sim — «симулятор Бога», компьютерная игра типа Black&White, в которой играющему отводится роль Создателя Вселенной.

24

Netgod — «бог Сети сетей», крутой юзер (сленг пользователей).

25

Читер — нечестный игрок, игрок, которого невозможно уничтожить.

26

Bad Sector — испорченный кластер.